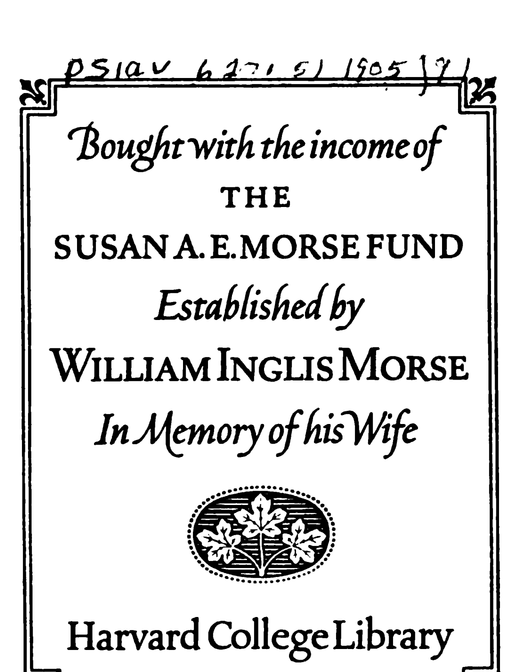

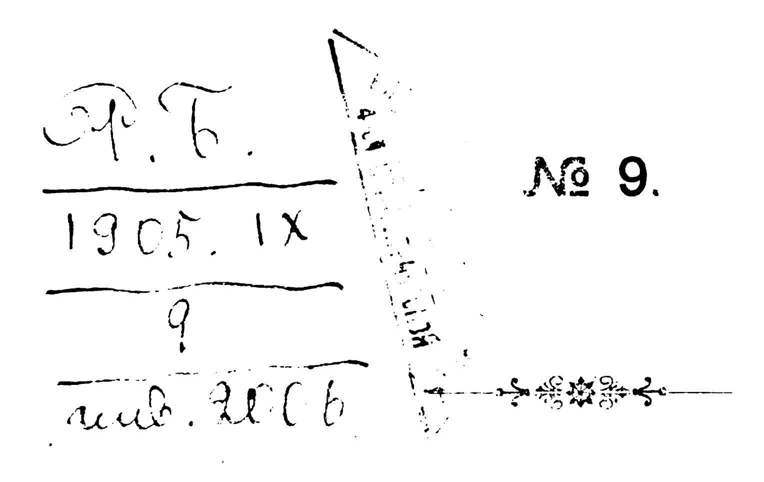

СЕНТЯБРЬ. 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. 34.
1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 сентября 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*)

ОТСТАВНОЙ ПОПЪ.

Воспоминанія безмѣстнаго попа.

(Посвящ. **А. Н. Пр—вой**).

Отецъ мой, дьяконъ, былъ человѣкъ суровый и жестокій, вѣрный себѣ безъ раскаянія и, сверхъ того, пьяница. Когда я былъ въ семинаріи, въ первомъ классѣ, всѣ мы, семинаристы, по приказу ректора, порядочнаго іезуита и ханжи, послѣ каждой службы прикладывались къ иконѣ Андрея Первозваннаго, присланной въ нашу церковь архимандритомъ, не помню, какого-то монастыря. Съ глубокой между густыхъ бровей складкой, апостолъ выглядывалъ угрюмо и чрезвычайно походилъ на моего отца. Касаясь губами ступни апостола, я всегда какъ-то терялся, робѣлъ и замиралъ, а выходя изъ церкви, оглядывался назадъ и долго думалъ объ отцѣ: мнѣ казалось, что это я прикладывался къ отцовскому портрету. Мать свою я очень любилъ. Эта милая и добрая женщина пуще меня боялась отца и, въ угоду ему, била насъ, т. е. меня и мою старшую сестру, Клавдію. На десятомъ году моей жизни, въ то самое лѣто, когда рѣшили меня отдать въ духовное училище, сестру просватали за дьякона. На Казанскую, что бываетъ въ іюлѣ, играли свадьбу.

Клавдія имѣла отцовскій характеръ; она была умна, серьезна, рѣдко смѣялась и никогда не плакала. На свадьбѣ, когда отецъ расходился и избилъ въ кровь молодого зятя, человѣка добраго, но робкаго и „нюню“, сестра вышла изъ передняго угла и сказала:

— Папаша, довольно! Я натерпѣлась. Отнынѣ ноги моей не будетъ здѣсь...

Потомъ она взяла мужа за руку, и оба они уѣхали въ ту же ночь на наемныхъ лошадяхъ въ новый приходъ.

Въ день своей смерти отецъ былъ пьянъ, въ приходѣ подрался съ попомъ и, сидя потомъ за чаемъ на кушеткѣ, сказалъ: „Не будь я дьяконъ Нырковъ, если не прибью попа!“—

сказалъ, свалился на бокъ и кончился. Мать проскрипѣла послѣ него недолго: отецъ померъ въ іюнѣ, а въ августѣ и матери не стало. Пріѣхала Клавдія, продала домъ и весь домашній скарбъ. Повздыхалъ я, погрустилъ, даже поплакалъ на старомъ пепелищѣ, а дѣлать нечего—отправился къ сестрѣ. Было мнѣ тогда семнадцать лѣтъ; жить я сталъ въ бурсѣ, и съ той самой поры ужъ ни разу не былъ на родинѣ, потому что на вакаты ѣздилъ къ зятю, въ село Вязовку.

I.

19-го іюня 1896 года въ нашей семинаріи былъ прощальный актъ. Ректоръ, по прозванію „Кули-Мули", говорилъ намъ рѣчь,—жирную, длинную, крикливую,—въ которой разъ двадцать упомянулъ про религіозность. Мы сидѣли тихо, смотрѣли холодно, какъ индѣйскіе мертвецы въ пещерахъ, и, такъ надо полагать, ничего не слушали. Послѣ ректора говорилъ первый ученикъ, Ацеровъ; онъ говорилъ въ тонъ ректору, и намъ за товарища было совѣстно. Наконецъ, насъ распустили. Наскоро и съ смущеніемъ, пожалъ я нѣкоторымъ товарищамъ руку, съ двумя-тремя неохотно поцѣловался и разстался... почти навсегда.

Въ три съ минутами отходилъ мой поѣздъ. На станцію я пріѣхалъ часа на два раньше срока. Сдавъ вещи въ багажъ, я вышелъ на платформу. На душѣ было свободно и легко: будь крылья, такъ и улетѣлъ бы, кажется, самъ не зная куда!

Мнѣ казалось, что я только что родился, только что замѣтилъ свѣтъ, солнце, небо, зелень, эти страшныя вблизи и красивыя вдали рельсы, ярко-красные съ бѣлой надписью вагоны, дежурный паровозъ, стрѣлки, сторожей, семафоръ и, самое главное, замѣтилъ самого себя. Мнѣ казалось, что я прежде жилъ гдѣ-то въ полумракѣ, жилъ потому, что другіе жили; я же былъ лишь жалкимъ порожденьемъ ихъ суровой воли, глупыхъ ихъ капризовъ и безсовѣстныхъ желаній... И вдругъ ничего этого нѣтъ! Я самъ себѣ хозяинъ: что хочу, то и дѣлаю; хочу—живу, хочу—нѣтъ...

— „Природѣ повинуюсь я, какъ Богу! Лишь ея законы свято чту!"—сказалъ я, припоминая слова Шекспира, перевернулся на одной ногѣ и пошелъ въ залъ перваго класса.

Противъ меня, за мраморнымъ столикомъ, сидѣла пожилая дама, полная, красивая, съ грустными голубыми глазами; лицо хранило слѣды недавняго волненья и было красно.

Помѣстившись противъ нея, я сталъ ломаться: болталъ

ногами, ерзалъ на мѣстѣ, искалъ пристанища для рукъ, опирался на диванъ, жмурилъ глаза, наконецъ, закусивъ губу, чтобы не разсмѣяться, снялъ фуражку, сорвалъ значекъ, переломилъ его на четыре части и бросилъ. Обломки мелькнули въ воздухѣ и звякнули объ полъ.

Я посмотрѣлъ на даму и сконфузился: она улыбалась.

— .Зачѣмъ это вы? — спросила она мягкимъ, тихимъ голосомъ.

Я посмотрѣлъ ей прямо въ глаза.

— Зачѣмъ? А затѣмъ, что я семинарію топчу и презираю, — сказалъ я. — Вотъ что... вотъ зачѣмъ... — И я посмотрѣлъ на даму съ такимъ видомъ, какъ будто сказалъ очень много хорошаго, новаго, удивительнаго и неожиданнаго.

— Я теперь покончилъ съ семинаріей,—продолжалъ я,— я свободенъ, какъ птица. Да это что,—забурлилъ я, приходя въ азартъ,—не то еще будетъ!..

И я заговорилъ о томъ, что мнѣ форма больше не нужна, что мундиръ я свой изрѣжу, повѣшу въ огородѣ птицъ пугать, учителямъ не стану кланяться, а на ректора съ инспекторомъ плюю. Я горячился, фыркалъ, какъ котенокъ, и говорилъ несообразности.

— Семинарія есть кабала! — говорилъ я и былъ въ восторгѣ отъ слова „кабала“.

Когда я успокоился, мы разговорились.

Дама оказалась вдовою недавно умершаго отца Василія, изъ Гусевки; она пріѣзжала просить архіерея зачислить за ея дочерью мѣсто и теперь искала жениха.

О, понимаете ли вы, что значитъ слово „женихъ“ для семинариста? Женихъ!.. Вѣдь это заманчивое, прямо чудодѣйственное слово! Во-первыхъ, нѣчто почтенное: отецъ невѣсты говоритъ съ тобой серьезно, мать заискиваетъ, невѣста глядитъ изподлобья и конфузится; во-вторыхъ, дадутъ тебѣ жену, наградятъ деньгами, сошьютъ енотовую шубу; въ третьихъ, скажутъ: жизнь твоя началась, теперь ты альфа и омега. Чего же болѣе?

Посматривая на Прасковью Өедоровну (такъ звали вдовую матушку), я соображалъ, что дочка ея, должно быть, недурна собой. Передо мной уже выплывала дѣвушка съ неясными очертаніями лица, такая полненькая, пухленькая; сердце во мнѣ прыгало, голова кружилась, туманъ застилалъ глаза.

Между тѣмъ, загудѣлъ полъ, задрожали стекла, зазвенѣли люстры и бронзовыя канделябры на столахъ; въ залѣ зашумѣли, задвигали стульями... Это пришелъ по-

ѣздъ. Я лѣниво поднялся, покачиваясь, какъ будто бы спросонокъ. Прасковья Ѳедоровна встрепенулась и тоже встала.

— Заговорилась и про билетъ забыла, — сказала она съ виноватою улыбкой.

— Позвольте мнѣ вамъ взять билетъ, — предложилъ я свои услуги.

— Пожалуйста.

Я взялъ деньги и пошелъ въ кассу. Послѣ оказалось, что билетъ у Прасковьи Ѳедоровны уже былъ... Но материнская хитрость выше человѣческаго осужденія!

Когда я вернулся съ билетомъ, Прасковья Ѳедоровна, опершись на спинку дивана, смотрѣла въ открытое окно, задумчивая, печальная, и отчетливо дышала.

Я окликнулъ ее; она вздрогнула, поглядѣла на меня и улыбнулась.

— Николай Андреевичъ,—сказала она вдругъ и смутилась, какъ провинившаяся дѣвочка:—Николай Андреевичъ, у меня къ вамъ просьба. Видите-ли... я хотѣла, если можно, попросить васъ... т. е. не можете ли вы... только вы, пожалуйста, извините меня... видите ли: я думала... Ну, не знаю, какъ это вамъ сказать...

Взволнованная и красная отъ стыда, съ тоской и отчаяніемъ въ глазахъ, она замолчала и провела рукой по лбу.

— Однимъ словомъ, — продолжала она съ трудомъ, — я приглашаю васъ въ гости. Ну, какъ бы это выразить? Ну, пусть—невѣсту посмотрѣть... Богъ знаетъ, а можетъ быть—судьба...

— Собственно говоря, я, — заговорилъ я, теряя мысли и слова, — очень благодаренъ вамъ за честь, т. е. мнѣ очень пріятно; тѣмъ болѣе... Но, видите ли, я вещи сдалъ въ багажъ.

Конечно, дѣло было не въ вещахъ: у меня ни копѣйки денегъ не было, а добавочный билетъ до Гусевки стоилъ 38 копѣекъ.

— Вещи можно оставить на станціи; онѣ не пропадутъ, а послѣ какъ-нибудь пришлете за ними. О дорогѣ же, пожалуйста, не безпокойтесь, — словно угадавъ мои мысли, сказала она:—я заплачу.

Я, было, заикнулся о деньгахъ.

— Вотъ есть о чемъ думать, — ласково перебила она: — доѣдемъ.

И мы поѣхали. На станціи наняли за два рубля пару рыжихъ, тощихъ и горбатыхъ клячъ, у которыхъ головы приходились ниже, чѣмъ хвосты, что́, однако, нисколько не смущало ямщика, величавшаго ихъ „разудалыми“.

Ямщикъ словно понималъ, что жениха везетъ, и не жалѣлъ кнута. Было часовъ семь вечера. По пути въ Гусевку шли дѣвушки, должно быть, поденщицы со станціи.

При нашемъ приближеніи онѣ сторонились съ дороги, входили въ рожь и, выставивъ впередъ груди, боязливо таращили на насъ глаза и о чемъ-то говорили. Мнѣ было немножко и совѣстно, и пріятно, — пріятно отъ сознанія, что я—женихъ.

— Видите направо?—спросила Прасковья Өедоровна,—это наша церковь.

Я посмотрѣлъ на церковь, и сердце во мнѣ ёкнуло.

— А это Фокина дубрава,—продолжала она, качнувъ головой на кучу невысокихъ, тощихъ дубковъ, къ которымъ теперь мы подъѣзжали.—Нехорошее мѣсто: два удавленника тутъ было, да купца убитаго нашли... Вонъ, въ томъ ложочкѣ, водой полой принесло.

Проѣхали дубраву, спустились въ низинку, церковь спряталась. Высокая густая рожь, небо да синіе васильки, да еще пара ястребовъ, зорко выглядывающихъ себѣ ужинъ—только и видно было въ низинкѣ. Потомъ опять поднялись.

Около восьми подъѣхали къ маленькому съ облѣзлой штукатуркой домику. „Однако, маленекъ!“—дѣловито подумалъ я, осматривая толстую соломенную крышу, маленькое, кисленькое крылечко на четырехъ худенькихъ столбикахъ и курбатый камень вмѣсто рундука.

— Тпру!.. Разудалыя! — заоралъ вдругъ ямщикъ: — пріѣхали!..

Утомленные дорогой и сѣрые отъ пыли, мы вышли изъ телѣжки: Прасковья Өедоровна на одну сторону, я—на другую,—и стали отряхаться.

— Пожалуйте,—сказала Прасковья Өедоровна.

Я обошелъ телѣжку и ужъ занесъ на камень ногу, какъ вдругъ съ шумомъ растворилась дверь, и на крыльцо выбѣжала сама невѣста, Марья Васильевна.

Представьте себѣ дѣвушку лѣтъ въ семнадцать, средняго роста, съ полными бедрами и большой грудью, съ круглымъ русскимъ лицомъ, голубыми изъ-подъ черныхъ тонкихъ бровей глазами и длинной, тяжелой, темнорусою косой. На ней была старая, черная въ желтыхъ пятнахъ юбка, сѣрая сарпинковая блузка и плотно охватывавшій полную талію широкій кожаный поясъ.

— Маня,—сказала Прасковья Өедоровна, поднявшись на крыльцо,—позволь тебя...

Но Маня ничего не позволила: она охватила мать руками за шею и звонко поцѣловала разъ, другой, потомъ третій...

— Ма-ма... ма-ма... — говорила она, и звукъ, похожій на пискъ тоскующаго щенка, сопровождалъ ея поцѣлуи.

Прасковья Өедоровна, въ свою очередь, выронила изъ рукъ зонтикъ и, обнявъ слегка за талью дочь, казалось, замерла на мѣстѣ. Минутъ пять стояли такъ онѣ и плакали, прижимаясь другъ къ другу и не говоря ни слова. Сперва мнѣ было неловко, словно на сценѣ въ нѣмой роли, а потомъ, сказать по правдѣ, глаза тоже зачесались. Отвернувшись, я подошелъ къ телѣжкѣ и, самъ не зная зачѣмъ, запустилъ руку подъ сидѣнье. Ямщика тоже, кажется, задѣло. „Шалишь, проклятая!"—вдругъ крикнулъ онъ на коренника, поглядѣлъ въ сторону и дернулъ возжи.

— Ну будетъ, Маня, будетъ,—говорила Прасковья Өедоровна, сквозь слезы,—поплакали, и будетъ...

Я повернулся къ нимъ. Прасковья Өедоровна вытирала платкомъ лицо, а дочь все плакала, и у ней вздрагивали и голова, и руки, и плечи.

— Вы насъ извините, Николай Андреевичъ, — сказала Прасковья Өедоровна, — мы женщины. Вѣдь вы знаете, что мы...

Она не договорила и отвернулась, чтобы скрыть слезы. Я, конечно, не зналъ, что сказать, какъ помочь. Да и поможешь ли такому горю?

— Будетъ, Маша! Довольно! — сказала, наконецъ, Прасковья Өедоровна.—Все! — рѣзче проговорила она и отстранила ея руки отъ себя.

„Мать съ характеромъ",—подумалъ я про себя.

Маша подняла мокрое отъ слезъ лицо съ закрытыми глазами, постояла съ минуту на одномъ мѣстѣ, пока мать вытирала ея слезы, и зашагала въ домъ.

— Николай Андреевичъ, пожалуйте въ домъ,—послышалось изъ сѣней.

Я вошелъ въ темныя сѣни, потомъ въ домъ.

Въ домѣ было темно, низко, неуютно, пахло мытыми полами и сырой глиной.

Одну треть дома занималъ коридоръ съ двумя миніатюрными по лѣвую сторону каморками, а прямо была комната, именуемая „заломъ". При входѣ въ залъ помѣщался обѣденный столъ; за нимъ, въ углу, черная этажерка съ посудой; у противоположной стѣны письменный столъ съ четырьмя на немъ банками цвѣтовъ; въ простѣнкѣ межъ оконъ, выходившихъ въ поле, развалился большой диванъ, а противъ него, спрятавшись подъ зеленую скатерть, сидѣлъ на цыпочкахъ круглый столъ и, казалось, лукаво подсмѣивался надъ бариномъ-диваномъ: „Э, что взялъ?" Если сюда

прибавить ровно полдюжины черныхъ вѣнскихъ стульевъ. то больше и указать не на что: даже зеркала не было.

На столѣ лежалъ альбомъ, и я принялся за него.

— Извините, пожалуйста, что мы васъ однихъ оставили,— сказала Прасковья Өедоровна, входя въ залъ.

Она подсѣла къ столу и завела тотъ, немножко ложный, но пріятный разговоръ, который могутъ вести только матери невѣстъ.

Она зорко слѣдила за собесѣдникомъ и по однимъ глазамъ опредѣляла — что слѣдуетъ говорить и чего не слѣдуетъ. Какъ умная женщина, она не жаловалась на судьбу, не искала сочувствія; она понимала, что тѣмъ и другимъ оттолкнетъ отъ себя того, кто ей нуженъ. Рѣчь ея, простая, безъ вздоховъ и ужимокъ, — очень мнѣ нравилась. Сразу было видно, что хозяйка на своемъ мѣстѣ и можетъ занять гостя.

Мы говорили о городской жизни, о семинарскихъ экзаменахъ; потомъ она разсказывала про своего отца, торговца по бакалейной части, самаго, по ея словамъ, добраго человѣка на свѣтѣ; говорила, что, благодаря своей добротѣ, онъ все прожилъ и теперь, на старости лѣтъ, перебивается коекакъ, проживая послѣднее.

— Ваши родители стары? Они гдѣ живутъ?—между прочимъ, спросила она.

— Они давно померли,—сказалъ я:—я сирота.

Она не дала мнѣ кончить и поспѣшила отклонить разговоръ отъ такого печальнаго сюжета, какъ смерть.

— И много было васъ, дѣтей?

— Всѣхъ было много, но въ живыхъ...

— Ну, да-да, живыхъ?—перебила она.

— Живыхъ только—сестра замужемъ, да я.

— Ваша сестра большого роста, — говорила Прасковья Өедоровна, — такая полная, глаза черные, и носъ у ней маленькій. Такъ? Да? И потомъ: нѣтъ ли у ней сѣрой тальмы?

— Все это вѣрно,—улыбаясь, сказалъ я,—и тальма сѣрая у ней есть. Развѣ вы ее знаете?

— Знаю.

Она разсказала, гдѣ встрѣтилась съ моей сестрой и какъ ее узнала.

Изъ разговоровъ съ Прасковьей Өедоровной я замѣтилъ, что она то и дѣло играла словами, лукавила, лгала и понимала, что я чувствую эту ложь, — тогда глаза ея начинали безпокойно бѣгать, и она конфузилась. И не смотря на это. Прасковья Өедоровна мнѣ очень нравилась: въ ней было что-то человѣчное, привлекательное.

Вышла невѣста.

На ней было черное платье, съ такими же кружевами на груди и рукавахъ. Платье скрало ея полноту, рѣзко очертило фигуру, немножко рыхлую, лѣнивую, фигуру съ вялой походкой и неувѣренными жестами, но все же изящную. Грудь и теперь была велика, особенно въ профиль.

— Моя дочь,—сказала Прасковья Ѳедоровна.

Я пожалъ мягкую и горячую руку, не отвѣтившую на мое пожатіе, и отрекомендовался: „Нырковъ!“

Меня всегда смущала церемонія знакомства, и теперь, когда я произнесъ: „Нырковъ“—мнѣ стало страшно неловко. Помолчавъ немножко и, словно желая исправить свою ошибку, я тише произнесъ: „моя фамилія“.

Невѣста ничего не сказала и сѣла за столъ, подлѣ этажерки, противъ матери. Всѣ молчали; было всѣмъ неловко... Даже Прасковья Ѳедоровна, — и та, кажется, немного потерялась.

Я грубо подошелъ къ круглому столу и раскрылъ альбомъ.

— Видите, Николай Андреевичъ, въ какой хибаркѣ мы живемъ,—сказала Прасковья Ѳедоровна: — у иного мужика лучше.

— Да, домикъ неважный,—сказалъ я.

Невѣста посмотрѣла на меня, я сконфузился, вынулъ платокъ и сталъ безъ всякой надобности сморкаться.

Принесли самоваръ, загремѣла посуда, стали пить чай. За чаемъ разговорились. Ласка Прасковьи Ѳедоровны, робкіе взгляды невѣсты, новая для меня обстановка, мое въ нѣкоторомъ родѣ царственное положеніе — все это возвышало меня въ собственныхъ глазахъ Я говорилъ свободнѣе, даже шутилъ. Раза два пытался заговорить съ невѣстой, но она отвѣчала неохотно: она, видимо, вообще не любила говорить.

За какіе-нибудь два—три часа я такъ привыкъ къ этимъ двумъ женщинамъ, что послѣ ужина, за которымъ ѣли окрошку, супъ изъ свѣжей курицы, бараньи котлеты и молоко съ бѣлымъ хлѣбомъ, мнѣ захотѣлось говорить, много—много. И я очень много говорилъ, много лгалъ и всячески старался выставить себя съ одной только хорошей стороны.

Около двухъ часовъ Прасковья Ѳедоровна приготовила мнѣ постель въ залѣ на диванѣ; пожелавъ мнѣ покойной ночи, обѣ вышли изъ зала и затворили за собою дверь. А я, ошеломленный жениховскимъ счастьемъ, долго сидѣлъ на одномъ мѣстѣ и думалъ о невѣстѣ; потомъ прислушивался къ шороху платьевъ.

— Женихъ, невѣста, свадьба...—шепталъ я, и не помню, какъ заснулъ.

На другой день я хотѣлъ уѣхать, но Прасковья Ѳедоровна такъ хорошо посмотрѣла на меня, такъ мягко сказала: „Николай Андреевичъ, побудьте у насъ еще—намъ скучно,“—что я согласился и прожилъ у нихъ послѣ того еще три дня. Когда-же, наконецъ, собрался ѣхать, когда подмазали телѣжку, запрягли лошадь, вошелъ кучеръ и сказалъ: „готово!“—у меня сердце такъ и оторвалось: мнѣ было тяжело разстаться съ этимъ милымъ пріютомъ.

Прасковья Ѳедоровна вышла распорядиться насчетъ провизіи на дорогу, хотя ѣхать было только тридцать верстъ. Я ходилъ молча по комнатѣ; мы были вдвоемъ съ невѣстой.

— До свиданья, Марья Васильевна,—сказалъ я, подходя къ ней,—дай Богъ... до скораго...

— До свиданья,—сказала она холодно и протянула свою руку.

Я крѣпко пожалъ эту руку, потомъ быстро нагнулся и неловко поцѣловалъ въ большой палецъ. Какъ на зло, въ этотъ моментъ отворилась дверь, и вошла Прасковья Ѳедоровна. Не зная, куда дѣться отъ стыда, я подошелъ къ угольнику и взялъ въ руки канонникъ.

— Охъ, устала! — проговорила Прасковья Ѳедоровна и присѣла на стулъ.

Какое-то играющее, тихое довольство послышалось въ ея голосѣ, и я понялъ почему.

Передъ отъѣздомъ мы присѣли, потомъ встали и принялись креститься по русскому обычаю. У Прасковьи Ѳедоровны на глазахъ стояли слезы, и, когда я повернулся къ ней, чтобы проститься, она долго еще крестилась, ничего не замѣчая.

„Немного же ты видѣла счастья на своемъ вѣку“—подумалъ я про себя.

Невѣста стояла, прислонясь къ столу, холодная, равнодушная, точь въ точь кукла съ открытыми глазами. Простились. На глазахъ у Прасковьи Ѳедоровны блестѣли слезы. Когда я вышелъ въ сѣни, она сказала:

— Пойдемъ, Маня, провожать.

Онѣ вышли и, стоя на крыльцѣ, смотрѣли, какъ я усаживался.

— Не забывайте насъ,—говорила на прощанье Прасковья Ѳедоровна,—пріѣзжайте... Будемъ очень рады...

— Благодарю васъ... Очень пріятно... Ваши гости...—говорилъ я и конфузился.

— Съ зятемъ, съ сестрицей пріѣзжайте! — шумѣла она, когда я уже тронулся съ мѣста. — Кланяйтесь имъ! Пріѣзжайте!

II.

Конечно, я женился на Марьѣ Васильевнѣ, а затѣмъ поступилъ въ попы. Скажу теперь нѣсколько словъ о своей особѣ.

Человѣкъ я былъ лѣнивый, нерасторопный, запуганный... Жениться на красивой, богатой невѣстѣ, да поступить попомъ въ хорошее село—вотъ былъ предѣлъ моихъ мечтаній. Впрочемъ, нѣтъ — и я мечталъ... Но странное дѣло!—мои мечты, какъ будто, были не мои: лично я какъ-то отсутствовалъ въ нихъ... Когда, напримѣръ, мечталъ я о губернаторѣ, архіереѣ или генералѣ, то какъ ни усаживалъ себя въ коляску на резиновыхъ шинахъ, какъ ни щурилъ глаза, чтобы увидѣть свою голову въ митрѣ или съ большой лысиной и золотыми эполетами на плечахъ—ничего не выходило: въ коляскѣ сидѣлъ настоящій губернаторъ, а не я, въ митрѣ былъ нашъ архіерей; я же былъ свидѣтелемъ и только удивлялся: неужели можно быть генераломъ, губернаторомъ, архіереемъ или, чего Боже упаси, митрополитомъ? Мысли у меня всегда были маленькія, суетливыя; лишь начинали онѣ приходить въ порядокъ, какъ сейчасъ же разсыпались, какъ сухой песокъ, который падаетъ съ обрывистаго берега рѣки внизъ, въ воду и тамъ погибаетъ навсегда. О, несчастныя, убогія мысли! Онѣ тихонько подтачивали мою жизнь, мучили меня, лишали покоя... „Пропащій, погибшій я человѣкъ!"—шепталъ я про себя. Гдѣ-то внутри, очень далеко, словно на днѣ глубокаго, темнаго колодца, чуть-чуть мерцала живая жизнь, та жизнь, къ которой тянется всякій человѣкъ, словно листъ древесный къ солнцу... Но это мерцанье далеко, не дотянуться до него!.. Тяжелый вздохъ, боль сердца, да изрѣдка выступившая на глазахъ слеза—одни только и говорили о томъ, что жизнь пока есть... Вообще же я былъ похожъ на человѣка, хватившаго яду и отупѣвшаго отъ сознанья: „теперь, молъ, все кончено, не вернешь". Я самъ себѣ поставилъ діагнозъ: ничего не могу, дѣла боюсь и потому его избѣгаю. Діагнозъ былъ вѣренъ; онъ мучилъ меня, давилъ, терзалъ, какъ смертный приговоръ терзаетъ преступника. Ни въ домѣ, ни въ церкви, ни въ приходѣ мнѣ не было покоя; всюду слѣдовала за мной и назойливо шептала мысль: „не можешь... боишься... бѣжишь!.."

Ярче всего это обозначалось за дѣломъ. По цѣлымъ часамъ и днямъ ходилъ я по комнатѣ, какъ непристалый, избѣгая намѣченнаго дѣла; лихорадочно брался за что-нибудь

новое и думалъ про себя: „вотъ это кончу, потомъ примусь за настоящее дѣло; вѣдь дѣлать—такъ дѣлать! Возьмусь и сдѣлаю“... Но дни проходили за днями, за дѣло я не брался, и оно не подвигалось. Въ такихъ случаяхъ я дольше залеживался въ постели, стараясь увѣрить себя, что я обдумываю,—въ сущности же проводилъ лишь время: растягивалъ обѣдъ, чай, короче сказать—привязывался къ малѣйшему пустяку, чтобы какъ-нибудь отсрочить работу. Потомъ я терялся, тупѣлъ, начиналъ хандрить и, дождавшись послѣдняго момента, спѣшилъ свалить дѣло съ рукъ, какъ сочиненіе въ семинаріи; тогда ужъ вздыхалъ свободнѣе.

Ни журнала я не выписывалъ, ни газетъ не получалъ; не по бѣдности, а такъ — возиться не хотѣлось. Изъ книгъ у меня была лишь одна книга, логика Владиславлева, да и ту я укралъ изъ фундаментальной библіотеки, въ семинаріи. О семинарскихъ учебникахъ ужъ и не говорю: они были мнѣ противны. Если случалось прочитать какой-нибудь интересный романъ, то послѣ него я долго не могъ приняться за другую книгу: почему-то мнѣ казалось, что послѣ прочитанной мною книги всѣ остальныя будутъ неинтересны. Логика Владиславлева всегда лежала въ письменномъ столѣ, въ среднемъ ящикѣ; прочиталъ я изъ нея не больше тридцати страницъ.

Я страдалъ спеціально - поповскою болѣзнью... Это не столько лѣнь, сколько отупѣніе всѣхъ способностей, это чахлость, дряблость. Мои предки (отецъ — дьяконъ, дѣдъ, прадѣдъ и прапрадѣдъ—попы) много пили водки, много спали, не работали ни руками, ни головой и передали мнѣ кровь, зараженную алкоголемъ, испорченную и негодную для жизни. Очищающаго ни въ моей, ни въ ихъ жизни ничего не было, и жизнь въ моемъ родѣ, словно свѣча въ спертомъ воздухѣ, медленно погасала; вѣроятно, я былъ однимъ изъ послѣднихъ могиканъ.

Я часто задумывался надъ жизнью поповъ, и мнѣ всегда казалось, что они не понимаютъ ни своего высшаго назначенія, ни своего ничтожества. Я не зналъ ни одного случая зависимости прихода отъ попа. То, что попы крестятъ, вѣнчаютъ, сочиняютъ праздники и потомъ заставляютъ почитать ихъ,—это не независимость. Направленія попъ создать не можетъ; направленіе создается страстнымъ и глубокимъ чувствомъ, но его-то именно и нѣтъ у попа. У поповъ есть лишь шаблонъ жизни, медленной, тупой, шаблонъ, начиненный стереотипными фразами. Дѣйствительность мнѣ показала, что девяносто девять изъ ста поповъ грубы, тупы, жадны, хитры, льстивы, невѣжественны, властолюбивы, трусливы, кляузны, нечестны... Они иногда любятъ погово-

рить о серьезномъ — о Богѣ, религіозности, нравственности (полагая послѣднюю только въ отсутствіи разврата); но всѣ ихъ разговоры почему-то напоминаютъ мнѣ свистъ въ пустую четвертную бутыль. Чѣмъ больше разсуждаетъ попъ о религіи, тѣмъ больше запутывается въ этомъ вопросѣ, какъ рыба въ сѣтяхъ, и тяжело дышетъ отъ тенетъ.

Я и жена—мы оба ничего не дѣлали, ни во что не вступались; по утрамъ долго спали; домомъ же и всѣмъ хозяйствомъ управляла теща. Она была большая хлопотунья, вставала много раньше насъ и все бѣгала, все суетилась...

День нашъ начинался такъ.

Проснувшись, мы долго лежали въ постели, потомъ лѣниво засыпали, просыпались снова и, думая всякъ про свое, безсмысленно глядѣли въ какую-нибудь точку и угрюмо молчали.

— Сколько времени?—спрашивалъ я.

— Не знаю.

И опять молчаніе. По корридору то и дѣло пробѣгала теща—то за перцемъ, то за сахарнымъ пескомъ, то еще за чѣмъ-нибудь; полъ подъ ней вздрагивалъ, а въ этажеркѣ звенѣла посуда.

— Молодые, вставать, вставать пора,—бывало, скажетъ она,—надо и честь знать...

Скажетъ и снова убѣжитъ на кухню, и ужъ слышно, какъ распекаетъ тамъ прислугу:

— Господи—Боже мой!.. Устинья! Ну, что ты за безтолочь... Говорила тебѣ: горшки надо выжаривать... А ты что сдѣлала? Что ты сдѣлала, безпутная?—укоряла она прислугу.—Опять молоко скисло. Я такъ и знала...

Часовъ въ восемь съ половиной, тяжело ступая башмаками, мимо нашей спальни Устинья проносила самоваръ.

Слышно было, какъ она доставала изъ-за сундука подносъ, ставила самоваръ на столъ, отряхала фартукъ и, все такъ же стуча башмаками, неспѣшно уходила въ кухню.

Дѣлать нечего—надо было вставать. Спали мы на одной кровати: я—у стѣнки, а жена—съ краю; жена поднималась всегда раньше меня. Когда, накинувъ полотенце на плечо, она уходила въ кухню умываться, я тоже поднимался. Прикрывъ ноги одѣяломъ, я сидѣлъ на постели и долго о чемъ-нибудь мечталъ, покачиваясь, какъ китайскій болванчикъ. Сидѣть въ постели послѣ сна обратилось для меня въ потребность: я каждый день такъ сидѣлъ по полчаса и больше, и всегда у меня болѣла голова,—должно быть, отъ долгаго сна.

При входѣ моемъ въ кухню, теща ласково улыбалась и говорила:

— Ахъ, вы! Сонуря преподобный...

Чтобы не обидѣть ея, я тоже улыбался, потиралъ рукою лобъ, глаза, все лицо и говорилъ:

— Да, ничего себѣ: поспалось. Дай Богъ всякому... Мамаша, какая-же вы непосѣда!—прибавлялъ я, удивляясь ея хлопотливости.

— Поживите съ мое—и вы будете непосѣда!—убѣжденно говорила она.

Само-собой разумѣется, что я этому не вѣрилъ: я думалъ: проживи я сто лѣтъ, все останусь тѣмъ-же.

День проходилъ скучно.

Послѣ чая, къ которому подавались въ жаровнѣ жирные и вкусные пирожки или пышки, жена ухитрялась до самаго обѣда перетирать посуду, а я ходилъ изъ угла въ уголъ по залу и безтолково напѣвалъ:

„Тебѣ я мѣсто уступаю —
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти"...

Теща возилась въ кухнѣ, и когда передъ обѣдомъ она проходила изъ кухни въ горницу и видѣла, что посуда чайная еще не убрана, говорила женѣ:

— И какъ будешь жить ты, Маня... Наказанье!..

Въ томъ, что жена лѣниво и долго возилась съ посудой, или же, свѣсивъ руки на колѣни и поникнувъ головой, сидѣла, какъ мертвая, а я ходилъ, напѣвая, и, когда уставалъ, ложился на диванъ,—было что-то безжизненное, томительное, даже отчаянное; казалось — вотъ-вотъ, пронесется крикъ о помощи: „караулъ помогите!" Что было намъ дѣлать? Я не зналъ, да и жена, должно быть, тоже не знала.

Приходъ мой былъ небольшой, всего шестьсотъ душъ; требы случались очень рѣдко; школа грамоты, помѣщавшаяся въ сырой, низкой церковной сторожкѣ, скоро мнѣ опостылѣла; хозяйства я не любилъ, книгъ не было... Приходилось одно: терпѣливо ждать обѣда, чая, ужина... Въ домѣ у насъ былъ опредѣленный порядокъ, который установила теща и по которому мы обѣдали въ двѣнадцать часовъ, чай пили въ четыре и ужинали въ восемь.

Наша жизнь была тиха, лѣнива и безмятежна; ничто насъ не волновало, ничто не интересовало: мы спали. Наша любовь (если она была) какъ-то расплылась и была такъ-же лѣнива, какъ и сама жизнь. Казалось, что сонъ, обѣдъ, любовь—все это спуталось, перемѣшалось, и не было ни начала, ни конца...

По праздникамъ поднимался я часовъ въ семь и отправлялся служить заутреню съ обѣдней. Вечерни служилъ я очень рѣдко, а правила—ни вечерняго, ни утренняго—ни дома, ни въ церкви никогда не читалъ: не хотѣлось. Служба про-

ходила безпорядочно: я не успѣлъ еще приноровиться къ уставу, а дьяконъ былъ пьяница и не считалъ нужнымъ слѣдить за уставомъ. „Мое дѣло—эктеньи",—говорилъ онъ. И службой правилъ дьячекъ, по прозвищу „Митричъ", а за глаза „Шикунъ",— человѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти, маленькій, толстенькій, съ необыкновенно длинной сѣдою бородой, и очень плутоватый.

— Митричъ,—говорилъ я ему иногда,—а вѣдь мы нынѣ напутали? Какъ ты думаешь?

— Ничего, милый мой, ничего... Все Богъ,—говорилъ онъ, щурясь и хихикая.—все Богъ! Онъ, кормилецъ, не взыщитъ. Вѣрно говорю: не взыщитъ...

И такъ убѣдительно говорилъ, что я успокоивался и думалъ: „а почему не такъ? Не все ли равно?.."

— Такъ „не взыщитъ"?—переспрашивалъ я, очень довольный.

— Богъ-то?—возражалъ онъ такимъ голосомъ, что всѣ семинарскіе учителя, западные философы и святые отцы передъ Митричемъ казались ничтожествомъ. И служба шла своимъ чередомъ.

Послѣ благовѣста, но до звона (придти послѣ звона значило опоздать) въ церковь приходили жена и теща: онѣ становились впереди всѣхъ, какъ разъ противъ иконы Спасителя. У тещи въ церкви лицо было всегда серьезное, строгое; кресты она дѣлала „крѣпко", въ извѣстные моменты становилась на колѣни, а минутами и плакала. Ничего подобнаго въ женѣ я не замѣчалъ. Въ церкви ей, должно быть, было очень скучно. Изрѣдка царапала она на своей груди маленькіе крестики и конфузилась; вслѣдъ за матерью, не сгибая тѣла, становилась на колѣни, но въ землю никогда не кланялась. Все лицо ея, взглядъ, фигура—казалось, пропитаны были странною задумчивостью и печалью. „Она живетъ,—думалъ я,—гдѣ-то очень далеко, въ другомъ мірѣ, тысячамъ людей недоступномъ". Глаза ея, чаще безъ всякаго выраженія, тусклые и вялые, вдругъ собирались иногда, съ необыкновенной силой свѣтились и горѣли энергіей, страстью и желаніемъ, и вотъ-вотъ, казалось, она встрепенется, заговоритъ и удивитъ насъ всѣхъ, но она лишь громко вздыхала и потухала снова. Что за человѣкъ была моя жена,—я не зналъ она оставалась для меня вѣчно-неразгаданнымъ сфинксомъ. Она подавала, напримѣръ, нищему не меньше десяти копѣекъ и даже рубль; если теща захватывала ее во время, „на мѣстѣ преступленія", то деньги, разумѣется, отбирала, подавала нищему копѣйку или оставшійся отъ обѣда кусокъ хлѣба. Тогда жена

пряталась, словно пристыженная, и, притаясь у окна, долго провожала нищаго своимъ страннымъ взглядомъ. Послѣ каждой обѣдни теща съѣдала просфору, зажавъ ее въ горсть (чтобы не раскрошить), и оставшіяся крошки собирала указательнымъ пальцемъ и тоже съѣдала. А жена сидѣла въ сторонѣ, слѣдила за матерью и странно улыбалась. Почему-то мнѣ казалось, что она посмѣивается надъ наивностью старухи, но, навѣрное, я этого не зналъ. „Чортъ ее разберетъ!"— думалъ я и махалъ рукой.

III.

Въ началѣ декабря, когда установился санный путь, теща поѣхала въ городъ провѣдать старика-отца. Она хотѣла вернуться на другой день съ дневнымъ поѣздомъ; мы выслали лошадь и одежду, но старуха не вернулась. „Знать, въ городѣ что-нибудь задержало"—рѣшили мы и успокоились. Пріѣхала она лишь на другой день, часовъ въ шесть утра, когда было еще темно, холодно и не хотѣлось вставать съ нагрѣтой постели. Оказалось, ямщикъ сбился съ дороги, и всю ночь плуталъ по снѣжнымъ сугробамъ...

На слѣдующій день тещѣ нездоровилось; она, какъ-будто, меньше стала говорить, какъ-будто по чемъ-то тосковала, о чемъ то думала и, наконецъ легла въ постель. Она увѣряла, что все это пустяки, скоро пройдетъ, и на другой день она встанетъ и будетъ варить изъ клюквы свѣжее варенье. Но на другой день она не встала, не встала и на третій... Пріѣхалъ изъ Царевки докторъ и нашелъ воспаленье легкихъ. Когда осмотръ больной кончился, я предложилъ доктору чаю.

— Чаю-ю? — протянулъ онъ. — Пожалуй, можно и чаю. Только нельзя-ли поскорѣе...

Принесли самоваръ.

— Ну, что? Какъ?—спрашивалъ я, рѣшивъ про себя, что говорить въ такихъ условіяхъ о чемъ-либо другомъ нельзя, да и неприлично.

— Да что?—сказалъ докторъ, глубоко запустивъ третій палецъ лѣвой руки за грязный воротъ крахмальной рубашки.—Скверно, конечно. Воспаленіемъ шутить нельзя.

Выпивъ три стакана чаю, онъ посидѣлъ минутъ пять молча и, какъ будто про себя, сказалъ еще разъ:

— Да, воспаленіемъ нельзя шутить. Однако, до свиданія! Меня ждутъ больные.

Онъ прописалъ лѣкарство, получилъ за визитъ и уѣхалъ.

Тещѣ становилось хуже и хуже. Она лежала вся въ жару, порывисто дышала и, казалось, таяла отъ собственнаго

жара. Жена не покидала матери; и днемъ, и ночью она сидѣла въ ея комнатѣ, не раздѣвалась и спала, сидя. А я былъ одинъ и проводилъ время въ залѣ. Если жена и теща о чемъ-нибудь тихо говорили, а потомъ долго молчали, я ощущалъ необыкновенные припадки тоски и одиночества.

„Господи! Да что-же это такое?—думалъ я про себя.—Развѣ я имъ чужой?“ Мнѣ хотѣлось пойти къ нимъ въ комнату, сѣсть на кровать и разсказывать что-нибудь интересное-интересное...

„Но какими глазами онѣ посмотрятъ на меня, если я войду?—продолжалъ я свои думы.—Вѣдь я имъ помѣшаю?“

Я долго прислушивался, качалъ печально головой, и слезы, тяжелыя слезы, застилали мнѣ глаза. Согнувшись, садился я за столъ, бралъ логику Владиславлева, долго осматривалъ ее, перелистывалъ, но читать не могъ; очинивъ карандашъ, безсмысленно рисовалъ какіе-нибудь зигзаги, свою фамилію или еще что-нибудь... Иногда шелъ, наконецъ, въ комнату больной, но сидѣлъ тамъ не долго: меня что-то тамъ давило.

— Мамаша, — заговорилъ я однажды, высоко поднявъ брови,—знаете что? Я сейчасъ поѣду въ городъ, пойду къ Нейфельду (фамилія старшаго врача въ общественной больницѣ), разскажу, въ чемъ дѣло, и привезу сюда. Я упрошу его, умолю... Пообѣщаю ему пятьдесятъ рублей, и онъ согласится. А черезъ недѣлю мы будемъ съ клюквеннымъ вареньемъ чай пить.

Душа во мнѣ трепетала; кровавыя волны заливали сердце; мнѣ хотѣлось жертвовать собой. Быть можетъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда человѣкъ отрѣшается отъ стараго.

— Ну, еще чего?—сказала вдругъ теща недовольнымъ голосомъ.—Пятьдесятъ рублей...

— Нѣтъ, право, мамаша,—опять заговорилъ я, стараясь замять „пятьдесятъ рублей: — вѣдь Нейфельдъ! Онъ замѣчательный докторъ. Я знаю: онъ не откажется, онъ пойметъ меня и пріѣдетъ...

— Не нужно. Чего еще тамъ!.. Маня, достань-ка мнѣ малиноваго вареньица... Фантазія: напиться съ малиновымъ.— Она улыбнулась.

— Оно гдѣ?—спросилъ я. Мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь услужить тещѣ.—Въ подпольѣ? Въ какой банкѣ? Я сейчасъ достану.

Достали малиновое варенье, размѣшали въ стаканѣ отварной воды, и теща, не переводя духа, выпила весь стаканъ.

IV.

Пришло Рождество, а у насъ ни пирога не было, ни закусокъ, ни окорока, даже забыли масла сбить. На второй день вечеромъ, когда я вернулся изъ прихода, въ дверяхъ меня встрѣтила жена: глаза были у ней красны, а щеки грязны отъ слезъ.

— Тебя мамаша зоветъ,—сказала она,—пойди къ ней.

Я повѣсилъ шубу на гвоздь, высморкался и вошелъ въ комнату. Больная лежала подъ шерстянымъ бордовымъ одѣяломъ и тяжело дышала.

— Николай Андреевичъ, — заговорила она, замѣтно вздрогнувъ и тоскливо шевельнувъ головой. — Николай Андреевичъ, вѣдь я умираю. Вы... Садитесь, поговоримъ... Хотя на... на кончикѣ поговоримъ...—Она хотѣла улыбнуться, но ничего не вышло, и на глазахъ блеснули слезы.

— Зачѣмъ вы это говорите, мамаша?—сказалъ я, не въ силахъ ничего другого придумать.—Зачѣмъ такъ говорить? Поправитесь, Богъ дастъ.

— Нѣтъ, Николай Андреевичъ, не поправлюсь... Сама знаю, не поправлюсь, — говорила она медленно и, словно-бы, нараспѣвъ.—Теперь, видно, не долго; пора костямъ и на мѣсто. Думала: поживу, васъ устрою... Да нѣтъ... не пришлось. Хоть бы годочекъ, — съ тоской проговорила она, — только одинъ годочекъ пожить; а тамъ... а потомъ, что Богъ пошлетъ...

Я сѣлъ противъ нея на сундучекъ и не зналъ, что сдѣлать, что сказать... Было ясно: теща умирала. А какъ, должно быть, ей хотѣлось жить!.. Она тосковала, и эта предсмертная тоска выражалась во всемъ: и въ утомленныхъ, свѣтящихся глазахъ, и въ углахъ рта, и въ нервномъ подергиваніи плечъ, и въ скрываемыхъ вздохахъ... Чего бы не сдѣлалъ я для нея? Я отсѣкъ-бы себѣ руку, будь это нужно, пошелъ-бы въ адъ... Но вѣдь ничего этого не надо было. И мнѣ хотѣлось одного: подняться и скорѣе уйти изъ комнаты. Ужасное состояніе души, когда хочешь все отдать за жизнь близкаго и родного человѣка и видишь, что это безполезно, когда хочешь жертвовать собой и не можешь, когда чувствуешь, что твои страданья и не нужны, и безцѣльны.

Сидя противъ умирающей, помню, я безумно повторялъ стихи Пушкина:

„Вздыхать и думать про себя:
Когда же чертъ возьметъ тебя!“

*

Эти слова, какъ неотвязная idée fixe, не выходили изъ моего воспаленнаго мозга. Отъ нихъ мнѣ становилось дурно.

— Николай Андреевичъ,—сказала теща и остановилась; ея голосъ задрожалъ.

— Вы... вы любите ее, любите Машу; вѣдь она ребенокъ... Маша, подойди сюда поближе: я... васъ... я благословлю васъ.

Жена стояла у двери и не шевелилась. Лицо ея конвульсивно подергивалось, челюсти сжимались, подбородокъ вздрагивалъ, и изъ глазъ катились слезы.

— Маша, подойди сюда,—умоляющимъ голосомъ произнесла еще разъ мать.

— Господи! — простоналъ я и, закрывъ лицо руками, ушелъ въ спальню. Легъ ничкомъ въ кровать и страшно, страшно, плакалъ.

— Манюшка,—доносился до меня изъ-за тонкой перегородки голосъ умирающей,—люби его... люби его, моя дочечка родная... Онъ смирный, хорошій, не обидитъ... Покойникъ былъ хуже; тотъ, сама знаешь, бивалъ, жизнь нехорошую велъ, тиранилъ...—Она помолчала, словно-бы что-то вспоминая.—Упокой, Господи, его душу грѣшную,—вздохнула она,—со святыми твоими упокой его, Господи!... Умру,—молитесь обо мнѣ,—прибавила она тихимъ голосомъ,—поминайте.

— Мама! Мамочка!—стонала жена...—Погоди, не умирай! Погоди, мама...

— Ду-роч-ка!..—тихо засмѣялась теща.

И не послушалась мать дочери: вечеромъ подъ новый годъ ея не стало...

Только зажегъ я лампу и придвинулся къ столу, чтобы писать метрики, какъ вошла Фетинья (монашка, которую мы пригласили помогать въ уходѣ за больной) и сказала:

— Матушка кончилась.

— Ты что?—тупо спросилъ я.

— Матушка, говорю, кончилась,—повторила она.

Я ничего не понималъ и чувствовалъ только ужасъ... Словно электрическій токъ пробѣжалъ по моему тѣлу, такъ поразило меня слово „кончилась"...

Я пошелъ.

Въ комнатѣ горѣла небольшая фарфоровая, на высокомъ пьедесталѣ, лампа, отъ которой шелъ грязновато-красный свѣтъ. Какъ и всегда, теща была накрыта бордовымъ теплымъ одѣяломъ; ея полураскрытая правая рука лежала на груди, а лѣвая свѣсилась съ постели. Я стоялъ въ дверяхъ и не понималъ, зачѣмъ я здѣсь стою, на что смотрю? Я замеръ, я застылъ, но не отъ жалости — нѣтъ! Этого чувства не было во мнѣ—я скорѣй застылъ отъ того страха, который замораживаетъ слезы, сковываетъ мускулы, леденитъ кровь...

А съ женой дѣлалось что-то невѣроятное. Она подходила къ матери, становилась предъ ней на колѣни, клала свое лицо на ея тѣло, потомъ съ ужасомъ пятилась назадъ, садилась на сундукъ, качала головой, безумно смотрѣла то на меня, то на мать, поднимала глаза на икону и вдругъ, закинувъ за голову руки, съ страшнымъ напряженьемъ выставляла впередъ грудь, ложилась тѣломъ на сундукъ и, задыхаясь, говорила: „ой... ой... ой!..“

Потомъ она уходила въ спальню, бросалась тамъ въ постель, опять поднималась и шла въ залъ. „Господи! Господи!“—слышался оттуда ея голосъ. Подойдя ко мнѣ, она брала мою руку и заглядывала въ глаза, какъ бы моля помочь ей. Она была горяча; всю ее поводило, какъ желѣзный листикъ на огнѣ.

Я долго смотрѣлъ на покойницу и, подумавъ, рѣшилъ послать въ городъ къ дѣду телеграмму. „Скончалась мамаша. Пріѣзжайте немедленно“,— написалъ я на клочкѣ бумаги и отправилъ съ церковнымъ караульнымъ на станцію.

Въ домъ стали входить чужіе люди; дверь то затворялась, то снова отворялась; одни говорили громко, другіе шепотомъ—и всѣ, посмотрѣвъ покойницу, старались заглянуть и въ залъ. Потомъ принесли лотокъ, желѣзный тазъ, принесли теплой воды; стали омывать трупъ.

Все это было, какъ во снѣ. Какъ во снѣ, на третій день вынесли покойницу въ церковь, отслужили тамъ обѣдню, отпѣли тѣло, вынесли въ ограду, спустили въ могилу, засыпали землей... Помянули... Потомъ всѣ разъѣхались. И остались мы одни: я съ женой и дѣдомъ, тѣмъ самымъ, который, по словамъ тещи, былъ лучше всѣхъ на свѣтѣ.

И вотъ какая-то пустота, огромная, страшная пустота поселилась въ нашемъ домѣ. Маленькій домикъ, казалось, теперь былъ такъ просторенъ и великъ, что и спрятаться въ немъ было негдѣ, и такъ мраченъ, что ему, повидимому, дневного свѣту не хватало.

Жена лежала дни и ночи въ постели,—плакала, стонала и кричала: „ой-ой-ой!..“

Это было выше моихъ силъ. Измученный и своимъ страданьемъ, и страданьемъ жены, я садился на диванъ и, сдерживая рыданья, тихо плакалъ.

Вокругъ насъ суетился дѣдъ; онъ то утѣшалъ жену, то подходилъ ко мнѣ и говорилъ:

— Да будетъ, будетъ-же... Ну что-жъ теперь дѣлать? Господня воля...

— Да подите вы къ чорту... съ вашей волей!—грубо кричалъ я на него и рвалъ на себѣ волосы.

— Господи, Боже мой!—пугался дѣдъ, широко раскрывая руки и глаза:—что вы, что вы?..

— Ой... ой, мама... ой... ой...—кричала жена, и дѣдъ бѣжалъ къ ней.

Свистъ вѣтра въ трубѣ, колокольный звонъ, солнечный лучъ, лунный свѣтъ ночью, сугробы снѣга, поблекшіе безъ поливки цвѣты, нечищенный и забытый самоваръ, грязные въ слѣдахъ полы — все, все говорило намъ о смерти и напоминало потерю. Комнату, въ которой была покойница, затворили, и теперь боялись подойти къ ней. Цѣлую недѣлю жена ничего не пила, не ѣла.

— Маша, поди ты съѣшь чего-нибудь, — говорилъ ей дѣдъ, садясь всякій разъ за столъ, — вѣдь не хорошо такъ: грѣхъ.

Скоро дѣдъ уѣхалъ, и мы остались одни. Мы, вообще, говорили очень мало, а теперь и вовсе замолчали.

По ночамъ я слышалъ, какъ жена плакала и дрожала вся отъ слезъ; мнѣ хотѣлось обнять ее, приласкать, но въ то же время я боялся. Чтобы дать ей время успокоиться, я перешелъ спать въ залъ.

V.

Вотъ въ какую маленькую сказку можно было уложить всю нашу жизнь. „Жилъ-былъ попъ съ попадьей; у нихъ не было дѣтей. Была теща у попа, да и ту Богъ прибралъ. Дѣлать было нечего: стали жить-поживать, да конца поджидать. Вотъ и сказочкѣ конецъ“. Со смертью тещи, наша жизнь страшно перемѣнилась; она какъ-то раздѣлилась, а раздѣлившись, обособилась. Мѣсяцевъ пять-шесть мы спали врозь, подолгу сидѣли въ разныхъ комнатахъ, тяготились взаимнымъ присутствіемъ и обѣдали молча. Часто жена, положивъ въ сторону ложку, со слезами на глазахъ поднималась изъ-за стола и уходила въ спальню плакать, а я обѣдалъ одинъ. Аппетита не было, но я, самъ не зная почему, шелъ къ двери и шумѣлъ черезъ сѣни: „Устинья, неси кашу!“

Когда я бывалъ въ церкви, мнѣ очень хотѣлось знать, чѣмъ занята жена дома. Я посылалъ къ ней церковнаго караульнаго — или за крестомъ, или за скуфьей, или же просто за носовымъ платкомъ — и мучительно ждалъ его возвращенія.

— Кто тебѣ далъ? — спрашивалъ я у караульнаго, волнуясь и принимая вещь. Тайно я надѣялся услышать слово:

„матушка“, но отвѣтъ былъ всегда одинъ и тотъ же: „кухарка“.

Какъ-то лѣтомъ жена нашла въ среднемъ ящикѣ этажерки старыя карты и стала гадать на нихъ; потомъ она къ нимъ пристрастилась и цѣлые дни съ серьезнымъ лицомъ возилась съ картами.

— Сыграемъ? — сказалъ я ей однажды и спуталъ гаданье.

Она посмотрѣла на меня, улыбнулась, отбросила назадъ растрепавшіеся волосы и сказала:

— Сыграемъ.

Мы стали играть и играли очень долго, должно быть, коновъ тридцать подрядъ, а ночью вмѣстѣ спали. Это было въ первый разъ послѣ похоронъ тещи. Потомъ мы всегда стали спать вмѣстѣ. Но въ жизни нашей по-прежнему чего-то не хватало. Я чувствовалъ, что мы другъ другу чужіе.

Любили ли мы другъ друга? Не знаю. Вѣрнѣе всего, что я любилъ въ женѣ только тѣло. Жена же, повидимому, ничего во мнѣ не любила и жила со мной лишь потому, что „отъ судьбы никуда не убѣжишь“, а другого выхода нѣтъ.

Такъ мы прожили зиму, и весну, и лѣто; наступила осень.

8 сентября, на Рождество Богородицы, былъ очень хорошій осенній теплый день. Румянецъ и загаръ знойнаго лѣта сбѣжалъ съ природы, и она прояснилась,—немножко поблѣднѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ и похорошѣла; въ воздухѣ осторожно плавала паутина. Иногда, весело чиликая и волоча за собой длинный изъ паутины хвостъ, пролеталъ въ одиночку воробей. Отъ кольевъ плетней, чуть виляя или вовсе неподвижно, тоже тянулись бѣлыя и неровныя паутинки. Было чуть-чуть холодно, но хорошо и покойно; сердце о чемъ-то тосковало, но это была хорошая, мягкая тоска. О томъ, что вотъ-вотъ небо затянется мглою, солнце закроется безобразными глыбами облаковъ, потомъ польется мелкій дождь, земля покроется липкой грязью,—объ этомъ и думать не хотѣлось. Такъ, вѣрно, чувствуетъ себя человѣкъ, понявшій, наконецъ, что такое жизнь и что такое смерть.

Передъ вечеромъ мы вышли на крыльцо и ѣли недавно срѣзанные въ огородѣ, сырые подсолнухи. Работы полевыя были кончены; неубраннымъ остался лишь картофель. На селѣ теперь отдыхали отъ лѣтней страды, а молодежь веселилась и ходила по улицамъ съ гармониками. Заломивши картузы на самую макушку и лѣниво раскачиваясь, мужицкіе парни шли по-двое и по-трое, за ними слѣдовали шесть-семь взрослыхъ дѣвокъ, потомъ нѣсколько подростковъ, а въ хвостѣ мелюзга. Въ каждой толпѣ былъ одинъ парень-гармонистъ. Цѣлыми часами игралъ онъ одинъ и тотъ же мотивъ, а

дѣвки, наряженныя въ розовыя, желтыя, синія и зеленыя юбки, подпѣвали ему и выкрикивали „прибаски". Порой въ этотъ дикій концертъ врѣзывался безобразный фальцетъ парня, подражавшаго дѣвкамъ. За одной толпой проходила другая, третья, четвертая... Въ каждой толпѣ такъ же пѣли, такъ же играли на гармоникѣ, только въ другомъ тонѣ, и такъ же парень душилъ себя фальцетомъ. Проходя мимо нашего дома, толпа замолкала; парни кланялись, а дѣвки робко продолжали напѣвать тихими голосами — и это было пріятно слушать.

Пройдя нашъ домъ, дѣвки запѣли:

„Пошли дѣвки за орѣхами"...

— Ну вотъ, такъ и зналъ!—сказалъ я вслухъ, почему-то увѣренный, что дѣвки запѣли именно то, о чемъ я только что думалъ, и даже въ тотъ тонъ, который былъ въ моей головѣ.

— Такъ и зналъ, — повторилъ я. А дѣвки продолжали:

„Тамъ ребята забрехали...
„Ай-рай-рай-рай рай-рай-рай-рай...
Тамъ ребята забрехали"...

Уходили люди и уносили съ собою голоса; „прибаски" уже мѣшались съ другой, начатой въ толпѣ, пѣснью. Съ середины села, съ „Мойкина луга", гдѣ поздно вечеромъ и ночью происходили деревенскія оргіи, слышались тѣ же пѣсни, гармоники, визгъ, крики, слитые въ такую оглушающую какофонію, что даже въ аду, казалось, будетъ тише...

— А въ прошломъ году въ этотъ день была наша свадьба,—сказалъ я, поглядывая на синія главки церкви.— Ты, помню какъ сейчасъ, прислала мнѣ крахмальную рубашку. Мучился-мучился я съ ней: верхней запонки застегнуть никакъ не могъ. Потомъ наступилъ на галстухъ: не видалъ... Помню, тогда шелъ сильный дождь, и у рубашки, должно быть, когда ее несли, промокъ и распустился воротъ.

Помолчали.

— Говорятъ, въ дождь свадьба къ счастью, — подумавъ, сказалъ я.—И чего только не выдумаютъ люди? Въ дождь— къ счастью, въ маѣ—маяться... Чортъ знаетъ что!..

Я улыбнулся и принялся за подсолнухи.

— Ну хорошо, въ дождь... — заговорилъ я опять. — Ну, что-жъ, что въ дождь? Счастливы мы? А? Ты какъ думаешь: мы счастливы, или нѣтъ?

Жена, не переставая ѣсть подсолнухи, поправила на себѣ платокъ, подумала и сказала:

— Не знаю.

Тонъ, которымъ отвѣтила она, почему-то сразу напомнилъ мнѣ тещу, ея болѣзнь, смерть, два сомкнутые стола, два подсвѣчника по сторонамъ въ бѣлыхъ чехольчикахъ, потомъ ворохъ свѣжей земли возлѣ могилы, снѣгъ...

Жена перестала ѣсть подсолнухи и вздохнула,—должно быть, тоже вспомнила про мать.

— Маша, — заговорилъ я взволнованнымъ голосомъ: — Маша, давай отслужимъ панихиду. Ей лучше будетъ.

— Кто тебѣ мѣшаетъ?—перебила она.— Ступай и служи.

— Ты знаешь,—продолжалъ я,—вѣдь ты знаешь, что ей лучше будетъ. Пойдемъ—отслужимъ. А? Пойдемъ...

— Ступай и служи!—повторила она съ неудовольствіемъ и повела плечомъ.

Я замолчалъ.

На могилу матери жена ходила очень часто, каждый день ходила, но всегда одна. Разъ,—это было по веснѣ,—возвращаясь съ хлѣбомъ подъ мышкой изъ села, я подошелъ къ боковой двери ограды и протянулъ руку, чтобы отложить щеколду, какъ увидѣлъ тамъ жену. Она сидѣла на землѣ, у самаго основанія могилы, поближе къ кресту. На глазахъ ея не видно было слезъ, но по всей ея фигурѣ, съ согнутыми ногами, руками, брошенными на колѣни, и поникшей головой, можно было догадаться, какъ тяжела для нея потеря матери. Минутъ пять смотрѣлъ я на нее, и она не шелохнулась. Когда черезъ полчаса она вернулась изъ ограды и присѣла на крыльцѣ, мнѣ хотѣлось какъ-нибудь помочь ея горю, облегчить его... При томъ меня мучило любопытство.

— Маша! — сказалъ я коротко, испытывая ея лицо глазами.

— Ну?—мрачно и подозрительно сказала она.—Ты что?— И поднялась съ мѣста.

— Погоди, Маша!

— Ну, что тебѣ? — холодно бросила она, повернулась ко мнѣ спиной и ушла въ горницу.

VI.

Съ двадцатыхъ чиселъ сентября, когда пошли дожди— долгіе и холодные,—а послѣ дождей цѣлыми днями стояли туманы, когда скользкая грязь не просыхала, и вечерами широкія, длинныя полосы свѣта, падавшія изъ оконъ на дорожныя лужи, говорили о настоящей осени и ходить въ ограду уже стало невозможно, жена сидѣла дома. Съ

серьезнымъ и задумчивымъ лицомъ выходила она изъ спальни въ залъ, садилась у обѣденнаго стола и забирала, по привычкѣ, большой палецъвъ ротъ. Потомъ, — не то о чемъ-то думая, не то тоскуя, — поднималась и, словно черная пантера въ клѣткѣ, ходила по комнатѣ, сильно перегибаясь въ таліи и выставляя бедра. На вопросы отвѣчала либо разсѣянно, либо недовольно: зачѣмъ, дескать, мѣшаешь? Утомившись, она снова уходила въ спальню и ложилась тамъ въ постель. Нѣсколько минутъ сидѣлъ я одинъ молча, не двигаясь съ мѣста. Въ комнатѣ было скучно, мрачно, тяжело... Хотѣлось чѣмъ-нибудь развлечься, но чѣмъ? Я шелъ въ спальню поглядѣть на жену. Она лежала навзничь, съ закинутыми за голову руками, и смотрѣла въ потолокъ.

— Поѣдемъ въ гости, — сказалъ я какъ-то за обѣдомъ.

— Куда?

— Да куда хочешь.—Я назвалъ нѣсколькихъ знакомыхъ поповъ и землевладѣльцевъ.

Она разсѣянно посмотрѣла на меня, вздохнула, отрицательно покачала головой и ничего не сказала. Глядя на ея осунувшееся, но красивое лицо, на бѣлый, широкій, полный подбородокъ, на шею и грудь, я очень жалѣлъ о томъ, что у насъ не было дѣтей. Да, будь у насъ дѣти, ей было бы легче забыться; будь у насъ дѣти, съ нами не случилось бы того, что случилось...

Наступалъ вечеръ, зажигали низенькую, съ зеленымъ абажуромъ лампу, и мы пили чай.

Вотъ сидимъ мы въ залѣ; самоваръ давно потухъ и остылъ; наши круглые часы, что висятъ надъ дверью, энергично отбиваютъ свою дробь; стрѣлки вытягиваются,—скоро будетъ шесть...

„Бом-ммм!..—несется съ колокольни звукъ сорока-семипудового колокола, звукъ стонущій, немножко гнусавый и неровный. Это бьютъ часы.

Мы молчимъ. Я сижу на своемъ любимомъ мѣстѣ, — между столомъ и этажеркой,—закинувъ назадъ къ стѣнѣ голову. Жена перетираетъ чайную посуду: прежде погремитъ стаканомъ въ полоскательной чашкѣ, потомъ долго-долго вытираетъ полотенцемъ; иногда подниметъ стаканъ и посмотритъ чрезъ него на лампу: чистъ ли? Лампа освѣщаетъ банки съ цвѣтами, часть пола, ножки у дивана, столовъ, стульевъ; все же остальное—въ зеленоватомъ полумракѣ, словно въ какомъ-то капищѣ. Вотъ скрипнула дверь въ кухнѣ, потомъ въ сѣняхъ: кто-то вышелъ на дворъ. Опять тишина. „Бом-ммм...“—повторяетъ колоколъ. Гдѣ-то тяжело жужжитъ ожившая въ теплѣ муха; она несется на огонь и

назойливо вьется вокругъ лампы. На стеклахъ, освѣщенныхъ лампой, видны капельки дождя; капельки ползутъ внизъ и расплываются; раскачиваемая вѣтромъ акація царапаетъ стѣну; вѣтеръ рвется въ окно, надувается, свиститъ и вдругъ, словно чего-то испугавшись, затихаетъ. Когда прислушаешься, то слышишь только тиканье часовъ, да свое дыханье... „Бом-ммм..."—бьетъ колоколъ въ третій разъ. „Господи! и когда только эта мука кончится!" — думаю я про себя. Душа напряглась, по тѣлу ходитъ дрожь нетерпѣнія, изъ груди вырывается тяжелый вздохъ, становится холодно... Почему-то я хочу предупредить себя предъ слѣдующимъ ударомъ, разсчитываю, когда онъ будетъ, и знаю, что если не приготовлюсь къ нему, непріятно вздрогну, а сердце такъ и покатится. Вотъ я жду--жду, думаю: „еще пять сек..."

„Бом-ммм..."—перебиваетъ меня колоколъ. И такъ это кажется внезапно, что я вздрагиваю, и судорога пробѣгаетъ по всему тѣлу.

— Словно чортъ за душу тянетъ! — не перемѣняя позы, говорю я.

— Что?

— Ничего... Какъ чортъ, говорю, за душу тянетъ... Вотъ что!..

— Про кого ты?

— Про кого? — сержусь я, не зная самъ на что. — Про часы!..

Жена молчитъ, и я не знаю, понимаетъ она, про какіе часы говорю я, или нѣтъ.

„Бом-мъ!.."

Немного погодя опять: „Бом-ммм...".

— О-охъ! Наконецъ-то! — говорю я и поднимаюсь, чтобъ встряхнуться. Я хожу, улыбаюсь про себя, покачиваю головой и думаю: „хорошо призванье, нечего сказать!.."

Потомъ начинаю пѣть:

„Тебѣ я мѣсто уступаю —
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти"...

Полчаса спустя, я лежу на диванѣ и ужъ ни о чемъ не думаю; скоро засыпаю. Просыпаюсь я ночью, часовъ въ двѣнадцать, продрогшій, и прислушиваюсь: въ спальнѣ кто-то сопитъ... Это жена: она тоже спитъ. Поднявшись съ дивана, минуту-другую я стою—думаю, затѣмъ иду на цыпочкахъ, чтобы не разбудить жены, иду въ переднюю, беру тамъ два теплыхъ подрясника: одинъ кладу подъ голову, другимъ укрываюсь,—гашу лампу и опять ложусь...

Три, много четыре дня тянется такая спячка, а потомъ на

постель не хочется смотрѣть, и тоска по чемъ-то разрываетъ грудь.

VII.

Для услугъ мы держали работника Ивана да кухарку Устинью. Иванъ былъ высокаго роста, но гнутый; на спинѣ у него словно какой наростъ былъ. Лицо его, длинное, тощее, обросшее черными рѣдкими волосами, съ горбатымъ носомъ и тонкими губами, выглядывало умно и остро. Глаза, какъ у одного Тургеневскаго героя, были колючіе. Я любилъ и уважалъ Ивана. Я любилъ въ немъ положительный характеръ, рѣдкую дѣловитость, прямоту, честность, порядочность. Иванъ былъ мастеръ на всѣ руки и одной минуты не могъ пробыть безъ дѣла. Лѣтомъ онъ жилъ на дворѣ и всегда что-нибудь мастерилъ; полевыхъ работъ онъ почему-то не любилъ.

Наступала осень; Иванъ изъ-подъ сарая переносилъ свою постель въ кухню, и кухня обращалась въ мастерскую. Здѣсь онъ занимался починкой хомутовъ, шлей, сѣделокъ, дѣлалъ грабли, портняжилъ, а изрѣдка и лапти плелъ. Зимой, поближе къ веснѣ, Иванъ брался за новыя работы: вязалъ бредень, наметку, плелъ верши и норота и въ полую воду заваливалъ насъ рыбой. И всякое дѣло, казалось мнѣ, выходило изъ рукъ Ивана съ какимъ-то особымъ отпечаткомъ, свойственнымъ ему лишь одному. Какъ чисто у насъ было на дворѣ и какъ опрятно! Ни сучка, какъ говорится, ни задоринки. Въ курятникѣ, во всѣхъ углахъ, висѣли восемь соломенныхъ гнѣздъ, сплетенныхъ Иваномъ,—четыре повыше и четыре пониже; въ свиномъ хлѣву всегда было сухо; конюшня, коровникъ, варокъ для овецъ—все это было порядочно и чисто. Иванъ былъ человѣкъ самостоятельный; указокъ да подсказокъ терпѣть не могъ. „Сдѣлаю, самъ знаю!"—огрызаясь, говорилъ онъ, и даже зубами ляскалъ. Водилась за Иваномъ одна слабость: любилъ онъ поговорить о религіозномъ и любилъ поспорить. По его словамъ, въ мужикѣ вѣры въ Бога нѣтъ и быть не можетъ. „Мужикъ боится, а не вѣритъ... Застращали, ну и боится... Трусливъ мужикъ, а пожить тоже хочется"...

— А зачѣмъ же ты молишься Богу?—спрашивалъ я.

— Зачѣмъ молюсь-то? Такъ. Заведеніе такое...—отвѣчалъ Иванъ, нисколько не смущаясь.

Устинья была баба съ придурью. Вскорѣ послѣ свадьбы, ее мужъ бросилъ и жилъ въ Царицинѣ съ любовницей, а Устинья всѣмъ безъ разбора жаловалась на свою горькую долю, очень часто плакала и ругалась нехорошими словами.

Вечерами, когда меня томила скука, готовая превратиться въ злобу, я шелъ въ кухню, садился тамъ на коникъ и на цѣлый вечеръ отдавался кухонной жизни. Иногда мнѣ хотѣлось что-нибудь и сдѣлать. Но что? И я вотъ что дѣлалъ. Ловилъ большую сѣрую кошку и лилъ ей въ носъ нѣсколько капель скипидару. Сначала кошка недовольно встряхивала головой и прыгала съ колѣнъ подъ столъ; чрезъ минуту она бѣжала рысью подъ печку, потомъ скакала на печку, на полати, на полки, металась по всей избѣ, съ пѣною у рта падала на полъ и отвратительно кричала. Устинья наливала въ черепокъ молока, и кошку отпаивали. Скоро кошка „одичала", стала царапаться и кусаться; пришлось забаву бросить и выдумать другую. У насъ въ кухнѣ водилось очень много черныхъ таракановъ. Поймавъ большого, сердитаго таракана, я зажигалъ восковую свѣчку и лилъ горячій расплавленный воскъ на его заднія ноги, потомъ ждалъ, пока воскъ застынетъ. Тараканъ рвался, метался, весь дрожалъ въ моей рукѣ, сердито поводилъ усами и, наконецъ, успокоивался. Тогда я снова лилъ воскъ, тараканъ снова метался, а я лилъ до тѣхъ поръ, пока холмикъ воска совсѣмъ не погребалъ таракана... Но все это, въ концѣ концовъ, надоѣло; я оставилъ въ покоѣ таракановъ и, чтобы развлечь себя, принялся за гимнастику, которую называлъ полезною „въ геморроидальномъ отношеніи". Завязавъ полы подрясника въ большой узелъ на желудкѣ, я закидывалъ ноги на палати, цѣплялся носками за брусъ и отпускалъ руки. Должно быть, хорошъ я былъ въ этомъ видѣ, потому что даже Иванъ хохоталъ до слезъ. По селу быстро разнеслась молва о моихъ гимнастическихъ упражненіяхъ, и меня стали за глаза звать „недоумкомъ".

Мясоѣдомъ у меня въ жизни вышла одна исторія, а именно: къ моей женѣ сталъ ходить писарь. Какъ это случилось? Какъ случилось, что этотъ писарь, — черномазый, корявый и очень глупый человѣкъ, —сдѣлался любовникомъ моей жены, я не знаю. Что могло быть общаго между ними? Я знаю, что жена моя нигдѣ не училась, была мало развита, но все же она была неизмѣримо выше писаря. Впрочемъ, этотъ вопросъ мало занималъ меня; я больше думалъ о томъ, когда это случилось въ первый разъ... Я сталъ слѣдить за женой и два праздника подрядъ видѣлъ изъ оконъ алтаря, какъ писарь во время обѣдни проходилъ въ мой домъ, оставался тамъ минутъ 30—40 и снова выходилъ. Тогда я догадался, что въ первый разъ случилось это, когда я пробылъ у благочиннаго три дня. Что-то большое и тяжелое, словно безобразный камень-голышъ, давило и мучило меня...

VIII.

На первой недѣлѣ великаго поста, въ воскресенье, послѣ обѣда я очень долго отдыхалъ. Когда я открылъ глаза, на дворѣ было уже темно, но огня не зажигали; жена поливала въ залѣ цвѣты и о чемъ-то разговаривала съ Устиньей. Отъ сознанья того, что къ моей женѣ ходитъ писарь, что мы теперь чужіе, и что она ужъ во мнѣ не нуждается, мнѣ было очень не хорошо. Поднявшись съ кровати, я положилъ руки на колѣни, свѣсилъ низко голову и задумался. Чего мнѣ, собственно, хотѣлось? Опредѣленно я и самъ не зналъ. Чтобъ писарь не ходилъ къ женѣ, и она жила со мной? Нѣтъ, для меня этого было недостаточно. Мнѣ хотѣлось чего-нибудь большаго. Но чего? Не знаю.

— Ахъ, какъ на душѣ скверно!—сказалъ я про себя.— Пойти въ кухню.

Маленькая жестяная лампочка чуть-чуть освѣщала кухню. Посреди избы стояла огромная верша. Иванъ ходилъ вокругъ нея съ коснымъ ножемъ, прилаживалъ прутья и подрѣзалъ торчавшія лыки. При моемъ входѣ, онъ посмотрѣлъ на хвостъ верши, упиравшейся въ потолокъ, и сказалъ:

— Такъ, значитъ.

Я промолчалъ и присѣлъ на коникъ. Иванъ былъ, очевидно, въ духѣ. Оглядѣвъ со всѣхъ сторонъ вершу, очень довольный, онъ подсѣлъ къ столу, руками оперся на лавку и подогнулъ подъ себя ноги.

— А что, батюшка, я давно кручусь тебя спросить,—заговорилъ онъ, глядя прямо мнѣ въ лицо и улыбаясь лишь глазами:—Какимъ, значитъ, это манеромъ отъ мощей всякое исцѣленіе происходитъ?.. Давно кручусь спросить. Говорилъ съ дьякономъ; да съ нимъ что? Человѣкъ пьяный... и глупый. Ты, говоритъ, вѣруй, по вѣрѣ, говоритъ, и получишь. Такъ-то это такъ: слыхали... А чтобъ вотъ по совѣсти... Только этого нѣтъ.—Онъ подумалъ, покачалъ головой, какъ-бы чему-то удивляясь, и опять началъ:

— Въ Маньковѣ слѣпой есть, зовутъ Тарасомъ. Малый ничего себѣ, мозговатый малый и умомъ шустрый. Вотъ и пошелъ этотъ слѣпой на открытіе. Авось, думаетъ, и мнѣ Богъ милости пошлетъ. Да куда тамъ? Какой былъ, такой и сталъ: задаромъ только проходилъ... А я ль, говоритъ, не вѣрилъ... Почитай, мѣсяцъ жилъ, разъ сто прикладывался. Теперь, говоритъ, шабашъ: не вѣрю... Потому, говоритъ, вишто... А дьяконъ все свое твердитъ: вѣры заправской не было; гордъ, говоритъ, слѣпой-то... А я такъ понимаю: больше

себя не станешь и глазу во лбу не бывать. Вотъ они какія дѣла-то!.. Калгуево знаешь? Исторія тамъ вышла. Три года не ходила баба и въ постели лежала; параличъ, говорятъ, у ней былъ. Булавку ей по самую маковку впущали, въ ноги то-есть. И ничего себѣ: сидитъ и смѣется, на булавку поглядываетъ. А баба, какъ дыня—хорошая, спѣлая, красивая. Я ее видалъ, знаю. Ну, такъ: хорошо. И поругалась она разъ съ мужемъ. Мужъ-то осерчалъ и, значитъ, прибилъ ее. Баба всю ночь ревѣла, а на утро стала на ноги, и мужа потомъ благодарила. Ну! какъ тутъ быть? Вотъ и пойми.

Иванъ замолчалъ и ждалъ отвѣта, опять улыбаясь одними глазами.

— Не знаю, — сказалъ я. Потомъ мнѣ стало досадно на Ивана, на его болтливость, и я раздражился.—Ничего я не знаю,—повторилъ я со злобой,—что ты ко мнѣ присталъ? Убирайся къ чорту! Болванъ...

Сказалъ и ушелъ.

Когда я вошелъ въ горницу, жена сидѣла за самоваромъ и разбивала въ блюдцѣ чайной ложечкой горчицу, а Устинья, опершись о притолку двери, разсказывала ей про своего мужа. Я присѣлъ и послушалъ; но Устинья скоро удалилась, и мы остались одни. Мнѣ очень хотѣлось поговорить съ женой, объясниться съ ней, но я положительно не зналъ, какъ и съ чего начать, что говорить.

У меня не было ни одной мысли въ головѣ.

Жена кончила чай и, не убирая посуды, принялась за работу. Я долго сидѣлъ противъ нея и молчалъ, потомъ поднялся и сталъ ходить.

IX.

— Ты что дѣлаешь?—спросилъ я.

— Такъ. Кружева. А что?

— Ничего. Скверно что-то.

— Отчего?—спросила жена и ниже нагнулась надъ работой.

— Не знаю. Только нехорошо, — сказалъ я такимъ голосомъ, въ которомъ такъ и свѣтились жалобныя нотки.— Очень нехорошо,—повторилъ я.—Вѣдь мнѣ всегда нехорошо. Я не знаю, я не помню дня въ своей жизни, когда-бъ я могъ сказать: „я доволенъ, я счастливъ". Все какая-то тоска... лѣнь какая-то... тома... Дѣтство тяжелое, ученье тоже тяжелое. Мнѣ все представляется, что какая-то ложь жизни такъ и давитъ, такъ и давитъ меня... Да и не меня одного, а всѣхъ людей, всѣхъ до одного. Ты думаешь, на словахъ ложь?

Нѣтъ. Въ томъ-то и дѣло, что не на словахъ, а въ поступкахъ, въ самой жизни. За ложь на словахъ человѣка хочется прибить и только, а за тѣхъ, кто живетъ во лжи, за тѣхъ какъ-то страшно.

Правду-ль я говорилъ, лгалъ-ли безсознательно, или же просто притворялся, чтобы заинтриговать жену и обратить ея вниманье на себя—я понять этого не могу, но мнѣ очень хотѣлось говорить.

— Мнѣ тяжело,—продолжалъ я,—мнѣ мучительно тяжело смотрѣть на то, какъ ложь вдавливаетъ людей въ трясину, откуда никогда ужъ не выбраться имъ... Тяжело!.. Смотрю на себя, и вижу, что и я попалъ туда же... И вотъ, я обезсилѣлъ, завялъ, будто кактусъ, а теперь, должно быть, и конецъ мой близокъ... Господи, что-же я могу сдѣлать, если ложь сильнѣе меня? Ну, что? Будущее, говорятъ, страшно... Неправда! На будущее страшно, прошедшее. Скажу про себя: мое прошлое ужасно. Однажды, когда мнѣ было не больше шести лѣтъ, отецъ, помню, пришелъ съ поминокъ пьяный; пришелъ и говоритъ: „Баба, гдѣ топоръ? Пойду мерина ссѣку"... Былъ у насъ хорошій чалый меринъ. „Гдѣ говоритъ, топоръ? Пойду—ссѣку!" И вышелъ въ сѣни. Мать стряпала у печки. „Николка, прячься!"—сказала она, а сама взяла со стѣнки ключъ отъ конюшни, да на дворъ. Отецъ что-то зашумѣлъ въ сѣняхъ и тоже бросился на дворъ. А я, въ испугѣ, какъ котъ, спрыгнулъ съ печки, да въ сѣни, да на потолокъ; пробрался тамъ къ слуховому окну и—вотъ что увидалъ. Подъ лапасомъ, подлѣ двухъ телѣгъ, прячется мать, — блѣдная, растрепанная, съ подоткнутымъ платьемъ,—а за ней, съ топоромъ въ рукахъ, бѣгаетъ отецъ. Оба они молчатъ, только слѣдятъ другъ за дружкой да порывисто дышутъ. Вдругъ отецъ положилъ топоръ на землю и, не спуская глазъ съ матери, сталъ выдвигать телѣгу. Мать, должно быть, поняла намѣренье отца, потому что, быстро обѣжавъ телѣгу, прямо бросилась въ избу. „А, вѣдьма!" — зашумѣлъ отецъ, схватилъ топоръ и швырнулъ имъ въ мать, но промахнулся. Мать, подобравъ топоръ, заперла за собою дверь. Ужъ не помню, какъ я слѣзъ съ потолка и попалъ въ избу. Отецъ буянилъ на дворѣ, ругался, кричалъ „караулъ", разбилъ съ надворья окно, потомъ чѣмъ-то сталъ бить въ дверь. Дверь соскочила съ крючковъ, и отецъ, страшный, со злыми красными глазами, всклокоченными волосами, опираясь о дверной косякъ, вошелъ въ избу. Я держался за юбку матери и отчаянно кричалъ. Вѣрно, ему показалось, что я заступаюсь за мать. Пробормотавъ себѣ что то подъ носъ, онъ приблизился ко мнѣ, схватилъ меня за руку и поволокъ на дворъ. Помню, мать, какъ кошка, бросилась на него,

царапала ему руки, била по лицу, ругалась, задыхалась... Помню, какъ во время борьбы, моя нога проѣхала по острому гвоздю, торчавшему изъ двери, какъ изъ ноги струилась кровь, и какъ прилипали къ ногѣ солома и соръ... Все это я отлично помню и не могу забыть. Въ телѣгѣ отецъ взялъ ременныя вожжи съ пряжками изъ мѣди и, зажавъ мою голову между своихъ ногъ, сталъ меня бить. Отъ страха и боли я потерялъ голосъ и не кричалъ, а шипѣлъ, какъ ужъ, всячески стараясь освободиться. Мое горло перекосилось, уши горѣли, было страшно больно, я задыхался... Наконецъ, я повернулся и укусилъ отца за ляшку. Сначала я слышалъ голосъ матери:—„Людюшки! Православные! Помогите Христа ради"!—Потомъ ничего не помню. Пришелъ въ себя я ужъ въ избѣ, на лавкѣ, на отцовскомъ овчинномъ полукафтаньѣ. Мать шептала надо мной: „Да воскреснетъ Богъ"! Руки, ноги, овчина, подушка и, должно быть, лицо— все было въ крови. Боже мой! что это было!.. Уже долго спустя, когда въ избѣ никого не было, я поднималъ, бывало, рубашку, смотрѣлъ на синіе кровавые рубцы и горько плакалъ, и мнѣ хотѣлось умереть. Да, искренно, подѣтски хотѣлось умереть, быть на небѣ подлѣ Бога, водить хороводы съ ангелами, ѣсть золотыя яблоки и пѣть тамъ пѣсни... Это было, конечно, давно, очень давно, но почему это не забывается? Отецъ давно померъ, а я все не могу ни забыть, ни простить... Клянусь, что не могу и не могу...

Я подошелъ къ печкѣ, прислонился къ ней спиной, заложилъ назадъ руки и сталъ смотрѣть вверхъ.

— Да, была жизнь...—сказалъ я, не столько думая о томъ, что было, сколько о томъ, что есть: о томъ, что жена сошлась съ писаремъ, что я ее люблю и ревную, что мнѣ это больно, хочется излить душу и даже поплакать. — Да, была жизнь, была...—повторялъ я.—Не пожелалъ-бы такой жизни и другому. Отецъ влилъ въ меня какую-то каплю яду, и вотъ теперь она постепенно разъѣдаетъ мое тѣло и душу. Время ушло, врача не было, кровь заразилась и началось гніеніе...

Я остановился, потерявъ нить мыслей.

— Когда отецъ повезъ меня учиться,—началъ я снова,— онъ сказалъ мнѣ: „если ты, поганецъ, учиться будешь плохо, то знай—убью"... И я повѣрилъ: онъ сдержалъ бы свое слово, онъ меня убилъ бы... Учился я хорошо, но до отупѣнья; предъ начальствомъ благоговѣлъ, но боялся его до отчаянія—и все время шелъ студентомъ. Зачѣмъ понадобилось мнѣ проклятое студенчество? Вѣдь я убилъ на него всѣ мои слабыя силы, и теперь мнѣ жить нечѣмъ, нечѣмъ зацѣпиться, жизнь вышла вся... Весь я изломанъ, исковерканъ и никуда

теперь не гожусь... Правду говорятъ: „все природа создаетъ прекраснымъ, и все портитъ человѣкъ". Ты только пойми: подъ страхомъ и трепетомъ прожить до двадцати трехъ лѣтъ! Вѣдь и били, и грозили уволить, пожаловаться отцу; учителя бывали въ классѣ пьяны, издѣвались надъ нами, ругались. А? Чего стоила жизнь подъ началомъ пьяныхъ и развратныхъ репетиторовъ? А потомъ: вино, женщины... Вѣдь въ четырнадцать лѣтъ я зналъ ужъ женщину... Понимаешь? Въ четырнадцать лѣтъ! Произошло это въ то время, когда я былъ въ духовномъ училищѣ, въ третьемъ классѣ, какъ разъ послѣ экзамена по катехизису. Впрочемъ, понятіе объ этомъ я ужъ и раньше имѣлъ... Живя въ общежитіи, мы, ученики, часто вели между собой разговоры о женщинѣ: насъ тогда не столько интересовала сама женщина, сколько заманчивая пикантность циническимъ словъ, фразъ и мыслей... У насъ пылали щеки, горѣли глаза, по тѣлу пробѣгали судороги, когда общежитные сторожа, собравъ насъ, человѣкъ десять, избранныхъ, живо и хлестко говорили про женскія прелести, и хотя мы еще не видѣли *женщины*, не знали ея, не понимали, но страстный ядъ уже разливался въ нашемъ тѣлѣ, мѣшался съ кровью, пропитывалъ мозги. Эти лекціи настолько подготовили меня къ паденію, что я не отвѣтилъ отказомъ своему подвыпившему репетитору, когда тотъ однажды, быть можетъ, въ шутку, сказалъ мнѣ: „Николаша, хочешь съ нами?" Я только смутно заволновался, покраснѣлъ, улыбнулся и согласился. Когда мы пришли, репетиторъ подвелъ меня къ одной очень полной брюнеткѣ и, стараясь быть развязнымъ, произнесъ: „Малецъ, вотъ тебѣ: получай!" Черезъ часъ я былъ дома. Не зажигая огня, раздѣлся и легъ постель. Я вздыхалъ, прятался въ подушку, хотѣлъ забыться, но въ концѣ концовъ такъ расплакался, что разбудилъ приготовишку. А потомъ, начиная съ перваго класса семинаріи, я сталъ ходить часто, иногда по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ... Бывало, деньги воровалъ у товарищей, книги продавалъ— когда свои учебники, а когда изъ семинарской библіотеки— и все туда же, все туда же... Не подумай, что все это дѣлалось по страсти, по влеченію: ничего подобнаго. Просто, есть что-то въ человѣкѣ, что толкаетъ его на постоянное нарушеніе порядка, на непредвидѣнныя гадости, и какъ ты съ собою ни борись, все равно не сладишь. Я до сихъ поръ не могу, напримѣръ, понять, зачѣмъ въ тотъ самый день, когда я былъ посвященъ въ попы, я предавался вмѣстѣ съ товарищами глупому разгулу? Зачѣмъ понадобилось это? Мы обошли чуть не всѣ портерныя, трактиры и притоны, и сколько тамъ попили и поѣли, сколько набуянили,—всего не упомнишь... Это мы, какъ выражался одинъ мой товарищъ,

показывали русскую семинарскую натуру. Хороша натура! Нечего сказать. Однажды, для поэзіи, мы ночевали на дворѣ модной мастерской, въ сараѣ, и подняли тамъ дебошъ; явились городовые, и насъ, милыхъ дружковъ, отправили въ часть, гдѣ мы просидѣли до вечера слѣдующаго дня. А я былъ тогда ужъ въ рясѣ! Выручилъ насъ потомъ полиціймейстеръ, покровитель семинаровъ..

Я замолчалъ. Жена сидѣла, не шевелясь, будто статуя; слушала она или нѣтъ — я не зналъ, потому что не видѣлъ ея лица.

— Въ пятомъ классѣ семинаріи я перешелъ изъ бурсы на квартиру,—продолжалъ я разсказъ,—и взялъ къ себѣ трехъ мальчиковъ. Я всѣхъ ихъ вижу, вижу, какъ живыхъ... Вижу квартиру, столъ, кушетки, кровати, цвѣты, вижу висячую полочку для книгъ, крашеный полъ... Слышу, какъ въ день моего посвященія въ стихарь, въ „занятной“ комнатѣ шумѣли пьяные товарищи; кто-то пѣлъ подъ гитару: „Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла“... Вотъ приходитъ, часовъ въ десять вечера, изъ лавочки съ бутылкой водки Антонъ, одинъ изъ моихъ учениковъ. Я очень любилъ Антона. Мнѣ нравились его необыкновенно задумчивые, грустные голубые глаза. Эти глаза очень напоминали мнѣ глаза Гаршина, портретъ котораго я видѣлъ; только лицо у него было тоньше и лобъ выше. Странный это былъ мальчикъ. Какъ-то разъ онъ нашелъ въ саду мертваго галченка и горько, горько плакалъ о немъ... Вотъ этого самаго Антона и встрѣчаю я въ передней: онъ ходилъ за виномъ и принесъ не того, какого надо было. „Я что тебѣ приказывалъ? А?“—заговорилъ я и вдругъ почувствовалъ, какъ все у меня въ груди кипитъ, и дрожатъ руки. „Я кому говорю, балбесъ? Говорено: пшеничнаго... А ты что принесъ? А? Что принесъ? Говори!“ „Николай Андреевичъ, я думалъ“... Я не далъ ему договорить и со всего размаху ударилъ ладонью по лицу. Его щека, холодная отъ мороза, подъ ударомъ быстро поблѣднѣла, покрылась пятнами отъ пальцевъ и потомъ покраснѣла; а по лицу катились слезы. Ахъ, эти слезы!.. Я не могу ихъ забыть... За дверями шумѣли пьяные голоса, вдругъ они затихли: вѣрно, догадались, что я „расправляюсь“... Мнѣ было досадно и на себя, и на Антона, и на товарищей... „Паршивый поросенокъ,— сказалъ я и ударилъ Антона еще разъ,—пошелъ: перемѣни!“ Вдругъ я почувствовалъ, что на рукѣ моей остались слезы, и онѣ зажгли мою душу. „Николай Андреевичъ! Вѣдь я не виноватъ“...—проговорилъ Антонъ, сморкаясь въ ситцевый платокъ, и ушелъ мѣнять вино. На самомъ дѣлѣ: за что я билъ его? Вѣдь я зналъ, что это больно... По щекѣ вѣдь очень больно!..

— А на другой день, помню, Антонъ получилъ двойку; за это я билъ его ремнемъ и не далъ ему ѣсть. Во время обѣда Антонъ сидѣлъ въ смежной комнатѣ и, молча, перевертывалъ листы какой-то книги. Я долго прислушивался къ шелесту листовъ, потомъ схватилъ со стола тарелку, бросилъ ее на полъ и выбѣжалъ въ другую комнату, гдѣ повалился на кушетку и сталъ плакать... Господи! Какъ это было нелегко... О-о!.. Какъ все это нелегко!.. Если бы кто-нибудь зналъ, какъ нелегко... Вѣдь я знаю, что къ тебѣ ходитъ писарь,—сказалъ вдругъ я, не глядя на жену. — Ты думаешь — не знаю? Нѣтъ я знаю... Ты думаешь — это мнѣ легко? Ты думаешь—легко? Думаешь — я дуракъ, и ничего не знаю, не понимаю, не вижу?.. Нѣтъ, я все вижу, все... Я только молчу... А мнѣ больно... мнѣ больно...

Мое нервное напряженіе, кажется, достигло своей высшей точки... Я весь ослабѣлъ; изъ глазъ лились слезы, сквозь которыя предметы и свѣтъ лампы мигали и прыгали. Жена не сказала ни слова и, поднявшись съ мѣста, вышла въ спальню. Оставшись одинъ, я быстро заходилъ по комнатѣ. Я положительно не зналъ, что мнѣ теперь дѣлать; мнѣ хотѣлось забыться, умереть, оцѣпенѣть, чтобы ничего не видѣть, не слышать, провалиться въ какую-нибудь бездну и въ пространствѣ, во время полета, потерять свой духъ... Блесни въ моемъ сознаніи мысль о самоубійствѣ, я убилъ бы себя, не чувствуя ни боли, ни раскаянія...

Я подошелъ вдругъ къ этажеркѣ, досталъ графинъ съ виномъ и, расплескивая дрожащими, слабыми руками жидкость, налилъ рюмку и выпилъ, потомъ другую, третью, четвертую... Внутри все жгло, грудь давило, и мнѣ хотѣлось чего-нибудь страшнаго-страшнаго... Я выпилъ изъ графина все вино, потомъ легъ на диванъ и заснулъ. Ночью что-то холодное, но пріятное коснулось моего лица; я открылъ глаза: передо мной стояла жена и подкладывала мнѣ подъ голову подушку. Въ залѣ чуть горѣла лампа; все было тихо; мнѣ ломило голову и виски, и я закрылъ глаза. Послышался шелестъ удалявшагося платья, и я снова заснулъ пьянымъ, тяжелымъ сномъ.

X.

Съ этого дня наша жизнь, кажется, еще разъ перемѣнилась: мы оба почувствовали приливъ энергіи, и оба принялись за дѣло. Жена привела весь домъ въ порядокъ: перебрала запылившуюся этажерку, обтерла зеркало виномъ, нарядила банки съ цвѣтами въ бумажные чехлы, сшила въ

восьмушку листа книжечку и переписала туда все бѣлье и принялась вязать прошивки для гардинъ. Но во всей ея работѣ, какъ я замѣтилъ, мелькала какая-то торопливость, нервность, безпорядокъ. Отъ одного дѣла она переходила къ другому и, не окончивъ его, бралась за третье; она долго что-то обдумывала и, вдругъ рѣшившись, принималась за дѣло рьяно. Почему-то она стала напоминать мнѣ покойницу-тещу и даже, какъ казалось мнѣ, говорила „опеть", вмѣсто „опять". Я дѣлалъ видъ, что ничего не вижу, не замѣчаю, порой старался быть холоднымъ, равнодушнымъ, но каждый шагъ ея, каждое движеніе, шелестъ ея платья — меня волновали, ея видъ смущалъ меня...

Иногда на лицѣ ея пылалъ румянецъ, изъ головы выпадали шпильки, волосы разбивались, и она, собирая ихъ, съ какимъ-то внутреннимъ томленьемъ говорила:

— Ты бы почиталъ что-нибудь...

— Да что же почитать-то?—спрашивалъ я.

Но жена больше не настаивала и ужъ, вѣрно, думала о чемъ-нибудь другомъ; по лицу ея было видно, что фразу она бросила случайно. У меня на душѣ было хорошо. Я пересталъ пить водку, строилъ планы будущаго и сообщалъ ихъ женѣ. Обыкновенно я садился за столъ, закидывалъ одну ногу на другую и, стараясь быть степеннымъ, говорилъ о приходѣ, о хозяйствѣ, о томъ, что съ нынѣшняго года землю не мѣшало бы прибрать къ рукамъ, при случаѣ десятинъ пять-шесть снять въ аренду, на лѣто нанимать другого работника и присматривать за всѣмъ самому.

— А въ слѣдующемъ году мы домъ свой перестроимъ, — говорилъ я, очень довольный.

Какъ, однако, ни хорошо было мнѣ сидѣть съ женой за однимъ столомъ, какъ ни пріятно было дѣлиться съ нею мечтами, смотрѣть въ ея ожившіе и немножко блеснувшіе глаза,—все же въ ея присутствіи я чувствовалъ какую-то неловкость и смущеніе. Это чувство доходило порой до того, что я, прервавъ начатый разговоръ, не зналъ, что сказать, и лишь водилъ пальцемъ по столу. Мое чувство неловкости передавалось и женѣ: она тоже молчала, смотрѣла прямо передъ собой, а углы ея глазъ скользили по моей фигурѣ. Потомъ, тяжело вздохнувъ, она поднималась съ мѣста и уходила въ спальню, а я, посидѣвъ одинъ, одѣвался и шелъ на дворъ, будто бы присмотрѣть за хозяйствомъ. Запрятавъ руки въ карманы, я стоялъ посреди двора и слѣдилъ за Иваномъ, который готовилъ къ лѣту грабли. Женѣ безъ меня, очевидно, было скучно; лицо ея то и дѣло показывалось въ окнѣ; но я всегда дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю, и только старался

покрасивѣе стать, провести рукою по лицу, потрогать съ важностью усы...

— Иванъ,—говорилъ я,— выпусти свиней, пусть онѣ побѣгаютъ.

Въ воздухѣ носилась уже весна, въ затишьи солнце припекало, капало съ крышъ, на дворѣ стояли грязновато-желтыя лужицы, изъ которыхъ куры пили воду. Иванъ отпиралъ свиной хлѣвъ. Тяжело царапая брюхомъ о порогъ, свиньи выходили медленно наружу и вдругъ, словно угорѣлыя, начинали скакать по двору. Потомъ онѣ останавливались, очень тихо, свинымъ полшагомъ, подходили къ коровѣ, какъ бы желая засвидѣтельствовать ей свое почтеніе, но, встрѣтивъ суровый взглядъ и крѣпкій рогъ, какъ вещественное доказательство непріязни, вдругъ ухали, вскидывались на мѣстѣ и опять скакали, производя неуклюжими тѣлами неуклюжіе зигзаги. Набѣгавшись, онѣ останавливались, какъ вкопанныя, хлопали своими тупыми глазками и, казалось, что-то обдумывали, а обдумавши, покойно рылись въ разбросанной старновкѣ. Тогда я, въ свою очередь, подпрыгивалъ, хлопалъ полой о полу подрясника и ухалъ въ тонъ свиней. Польщенныя моимъ вниманіемъ, онѣ снова ухали и носились вихремъ по двору, снова останавливались и думали, и снова принимались за старновку.

— Иванъ,—говорилъ я, умиляясь,—Иванъ, муки, пожалуйста, свиньямъ побольше сыпь. Не жалѣй. Не достанетъ—купимъ... Главное,—чтобъ были сыты... Ты посмотри, какъ онѣ худы. Словно выдры...

„Хозяйство вещь очень важная,—думалъ я про себя,—его слѣдуетъ въ рукахъ держать. А свинья—подспорье для хозяйства, большое подспорье... Если хорошенько выкормить, да не прозѣвать цѣны, такъ, пожалуй, и домъ можно перестроить“... Больше и больше размышляя о хозяйствѣ, я, наконецъ, возвышался до глубокихъ мыслей и заканчивалъ такъ: „всякое дѣло, которымъ занимаешься съ увлеченіемъ и страстью, есть поэзія. Да, всякое дѣло“. Очень довольный своимъ резюме, я шелъ обѣдать; потомъ отдыхалъ.

XI.

Но бывали минуты, когда я предавался „меланхоліи“, и тогда цѣлыя вереницы вопросовъ, горбатыхъ, безобразныхъ, мучительныхъ вопросовъ путали мое и безъ того разбитое сознаніе. Вопросы были назойливы, рѣзки и давили, какъ кошмаръ.

„Имѣю ли я право жить?—говорилъ я самъ себѣ.—Можно-ли жить, ничего не дѣлая? Разумно-ли это? Я—человѣкъ!..

Во имя законовъ разума человѣкъ долженъ что-нибудь сдѣлать на землѣ, чтобы оправдать свое случайное появленіе на свѣтъ. Иначе лучше ему не родиться, лучше добровольно отказаться отъ постыднаго и бездѣльнаго бытія. Что-нибудь изъ двухъ: или жить и дѣлать, или вовсе не жить... А куда дѣть тѣхъ, кто *не можетъ* дѣлать? Какъ надо поступить съ собой и женой? О, зачѣмъ, зачѣмъ такъ несчастно сложилась жизнь моя? Кто во всемъ виноватъ? Богъ, люди, я самъ? Ахъ, да мнѣ нѣтъ никакого дѣло до вины... Какъ хотѣлось-бы и какъ хочется счастья и радости, какъ хочется дѣтей, своихъ собственныхъ, родныхъ... А можетъ быть и будутъ? И не двое или трое, а быть можетъ, цѣлыхъ шестеро"...

— Шестеро, шестеро,—повторялъ я и улыбался тому, что вспомнилъ слова Гоголя.

Мое сознанье прояснялось, мозгъ искалъ отдыха и успокоенья, и новыя мысли, словно свѣтлые ручейки въ теплый день на солнышкѣ, бѣжали въ мою голову съ радостнымъ журчаніемъ.

И вотъ что рисовало мнѣ воображеніе.

У насъ двое ребятишекъ—мальчикъ и дѣвочка; они играютъ въ прятки. Домъ новый, большой, чистый; въ залѣ много мебели. Я сижу на стулѣ и просматриваю новый, только что полученный журналъ, отъ котораго пахнетъ свѣжею печатью. Дѣвочка Надя (непремѣнно—Надя!) лѣзетъ подъ мой стулъ, закрывается полой подрясника, дергаетъ его, касается колѣнъ, чуть-чуть щекочетъ ихъ, но мнѣ необыкновенно пріятно. „Ку-ку!"—раздается ея звонкій голосокъ. „Ты, папоська, не говоли, сьто я здѣсь!"—сюсюкая, добавляетъ она. Я ничего не говорю и чувствую себя, какъ разнѣжившійся котъ, котораго гладятъ. Едва Надя успѣваетъ окончить фразу, какъ въ комнату входитъ Ваня: онъ босикомъ, серьезенъ и смотритъ по низамъ...

— Господи, зачѣмъ нѣтъ у насъ дѣтей?!—вырывается у меня отчаянный вопль.

Когда наступила суббота, я спрашивалъ себя: неужели уже суббота? Такъ скоро! Мнѣ не хотѣлось вѣрить.

За эту недѣлю мы съ женой такъ сошлись, такъ сжились и породнились, какъ еще никогда за всю нашу жизнь. Мы не говорили о нашей любви, но мы ее чувствовали... Какая-то сила толкала насъ другъ къ другу; мы боялись этой силы, но и стремились къ ней.

Послѣ обѣда жена входила въ спальню и ложилась въ постель, а я, какъ солдатъ на часахъ, стоялъ возлѣ кровати и разсказывалъ ей что-нибудь. Мнѣ очень хотѣлось сѣсть на кровать, прилечь подлѣ жены, но почему-то было неудобно.

VIII.

На первой недѣлѣ великаго поста, въ воскресенье, послѣ обѣда я очень долго отдыхалъ. Когда я открылъ глаза, на дворѣ было уже темно, но огня не зажигали; жена поливала въ залѣ цвѣты и о чемъ-то разговаривала съ Устиньей. Отъ сознанья того, что къ моей женѣ ходитъ писарь, что мы теперь чужіе, и что она ужъ во мнѣ не нуждается, мнѣ было очень не хорошо. Поднявшись съ кровати, я положилъ руки на колѣни, свѣсилъ низко голову и задумался. Чего мнѣ, собственно, хотѣлось? Опредѣленно я и самъ не зналъ. Чтобъ писарь не ходилъ къ женѣ, и она жила со мной? Нѣтъ, для меня этого было недостаточно. Мнѣ хотѣлось чего-нибудь большаго. Но чего? Не знаю.

— Ахъ, какъ на душѣ скверно!—сказалъ я про себя.—Пойти въ кухню.

Маленькая жестяная лампочка чуть-чуть освѣщала кухню. Посреди избы стояла огромная верша. Иванъ ходилъ вокругъ нея съ коснымъ ножемъ, прилаживалъ прутья и подрѣзалъ торчавшія лыки. При моемъ входѣ, онъ посмотрѣлъ на хвостъ верши, упиравшейся въ потолокъ, и сказалъ:

— Такъ, значитъ.

Я промолчалъ и присѣлъ на коникъ. Иванъ былъ, очевидно, въ духѣ. Оглядѣвъ со всѣхъ сторонъ вершу, очень довольный, онъ подсѣлъ къ столу, руками оперся на лавку и подогнулъ подъ себя ноги.

— А что, батюшка, я давно кручусь тебя спросить,—заговорилъ онъ, глядя прямо мнѣ въ лицо и улыбаясь лишь глазами:—Какимъ, значитъ, это манеромъ отъ мощей всякое исцѣленіе происходитъ?.. Давно кручусь спросить. Говорилъ съ дьякономъ; да съ нимъ что? Человѣкъ пьяный... и глупый. Ты, говоритъ, вѣруй, по вѣрѣ, говоритъ, и получишь. Такъ-то это такъ: слыхали... А чтобъ вотъ по совѣсти... Только этого нѣтъ.—Онъ подумалъ, покачалъ головой, какъ-бы чему-то удивляясь, и опять началъ:

— Въ Маньковѣ слѣпой есть, зовутъ Тарасомъ. Малый ничего себѣ, мозговатый малый и умомъ шустрый. Вотъ и пошелъ этотъ слѣпой на открытіе. Авось, думаетъ, и мнѣ Богъ милости пошлетъ. Да куда тамъ? Какой былъ, такой и сталъ: задаромъ только проходилъ... А я-ль, говоритъ, не вѣрилъ... Почитай, мѣсяцъ жилъ, разъ сто прикладывался. Теперь, говоритъ, шабашъ: не вѣрю... Потому, говоритъ, ништо... А дьяконъ все свое твердитъ: вѣры заправской не было; гордъ, говоритъ, слѣпой-то... А я такъ понимаю: бо

[illegible]

И меня не [illegible]

Жена корпѣла [illegible]

[illegible]

IX.

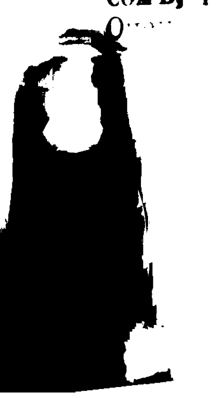
— Ты что [illegible] — [illegible] я.

— Такъ. Кружева. А что?

— Ничего. Скверно что-то.

— Отстань!—[illegible] жена и низко нагнулась надъ работой.

— [illegible] ...лько нехорошо, — сказалъ я [illegible]
сомъ, [illegible] такъ и слышались жалобныя нотки
О[illegible] ...овторилъ я. Вѣдь мнѣ всегда нехорошо
[illegible] ...мню дня въ своей жизни, когда-бъ я могъ
[illegible] ...ъ, я счастливъ". Все какая-то тоска.
[illegible] ...а... Дѣтство тяжелое, ученье тоже тяжко
[illegible] ...ставляется, что [illegible] то ложь жизни такъ
[illegible] ...вить меня... [illegible] меня одного, а
[illegible] до одного." [illegible] ...слонахъ ложь?

— Пойти—отдохнуть, что-ли!—говорилъ я, какъ-бы нехотя, но не уходилъ и все чего-то ждалъ. Какъ-то разъ—я, стоя у туалета жены и переставляя съ одного мѣста на другое разныя бездѣлушки, а она, сидя съ ногами на постели—проговорили мы вплоть до вечерняго чая. Ужъ и ночью мы теперь ложились позже: когда часовъ въ десять, а когда и въ одиннадцать...

Въ субботу вечеромъ я въ первый разъ вспомнилъ писаря, который ходилъ къ женѣ по праздникамъ, и ревность впустила когти въ мое сердце, та ревность, о которой я доселѣ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Я пересталъ вдругъ говорить, на жену смотрѣлъ со злобой, кусалъ до крови губы и ходилъ по комнатамъ часъ-отъ-часу быстрѣе. Жена, должно быть, поняла меня: она тоже заскучала, старалась избѣгать меня и почти не выходила изъ спальни. Вечеромъ, прогуливаясь изъ коридора въ залъ и обратно, я видѣлъ, какъ она стояла въ спальнѣ передъ окномъ, водила пальцемъ по стеклу.

— „Тебѣ я мѣсто уступаю"...—неестественно выкрикивалъ я. Потомъ стискивалъ голову руками и съ такой силой закрывалъ глаза, что въ ушахъ шумѣло, а время отъ времени крутилъ головой, какъ-бы стараясь вытряхнуть ненужныя мысли..,

Утомившись, я садился на диванъ. Мысли, будто страшные убійцы, тихо ползли ко мнѣ со всѣхъ сторонъ; мнѣ казалось, что я слышу ихъ смрадное дыханіе и шепотъ; я чувствовалъ слабость въ рукахъ, въ ногахъ и во всемъ тѣлѣ; мной овладѣвала тупость; сознаніе доходило до minimum'а, и мнѣ начинало казаться, что я—маленькая, ничтожная, едва замѣтная точка...

Изъ кухни кто-то вышелъ и направился на дворъ: должно быть, Устинья. Минутъ черезъ пять она со двора принесла соломы на топку и, сильно шурша, стала протаскивать вязанку въ сѣни. Вышелъ Иванъ и что-то сказалъ о свиньяхъ. Потомъ въ сѣни забралась корова.

— Тпрусь, куда,—шумѣла Устинья,—куда зашла, игрецъ тя изломай, анчутка окаянная!.. Господи, прости мои согрѣшенья... Тпрусь, тпрусь, дьяволъ!..

Корова, тяжело ступая по сѣнямъ, гремѣла половыми досками, а Устинья била ее по спинѣ. Вдругъ что-то загремѣло: это, вѣрно, съ кадушки упала мѣра. Потомъ все замолкло.

Было ужъ темно. Я пересѣлъ къ письменному столу, зажегъ лампу и, закинувъ руки за голову, откинулся на спинку стула. Съ полчаса сидѣлъ я, не мѣняя положенія, и вдругъ, какъ-бы осѣненный геніальной мыслью, крикнулъ:

— Маша!

— Ну?—отозвалась она изъ спальни.

— Знаешь что?

— Что?

Она вышла изъ спальни въ залъ и стала подлѣ печки.

— Завтра хочу проповѣдь сказать!—торжественно проговорилъ я и повернулся къ ней вмѣстѣ со стуломъ.

— Опять объ индюшкахъ?—съ улыбкой спросила она, поправляя растрепавшіеся волосы.—Послушаемъ, послушаемъ...

Я смутился... Дѣйствительно, однажды я имѣлъ уже неосторожность сказать проповѣдь-экспромтъ, за что и до сихъ поръ себя кляну. Случилось это еще при жизни тещи, на первыхъ порахъ службы: мнѣ пришло въ голову блеснуть краснорѣчіемъ. Подумавъ немножко дома, да столько-же въ церкви у заутрени, я про себя рѣшилъ, что пройдетъ и ровно, и гладко. У меня была основная мысль—промыслъ Божій; о деталяхъ я мало заботился. „Онѣ сами собою придутъ,—думалось мнѣ,—вдохновеніе подскажетъ".

— Православные христіане,—началъ я свою проповѣдь, выходя на солею послѣ второго „Буди имя Господне".—Православные христіане! Воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы, и Отецъ небесный питаетъ ихъ; не вы ли паче лучше ихъ есте? Такъ сказалъ Спаситель и Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Воззрите: говорю вамъ и я. Воззрите на птицы небесныя...—повторилъ я и вдругъ понялъ, что больше словъ текста я ничего не могу сказать. Я немножко испугался и остановился; мысль моя порвалась. То, что прежде казалось легкимъ и простымъ, теперь съ языка не шло. „Вотъ тебѣ клюква!"—мелькнуло въ головѣ; я покраснѣлъ и сталъ волноваться. Не зная что сказать, я бросился на хитрость, а именно: объяснить пословно приведенный текстъ. Но какъ объяснять, если я не практиковался? А мучительныя секунды шли.

— Итакъ, православные христіане,—продолжилъ я:—воззрите! Если жъ вы не будете взирать, то изъ этого ничего не выйдетъ. Значитъ, взирать необходимо. То-есть — и я, и вы, и всѣ православные христіане взирать обязаны, ибо само слово Божіе заповѣдуетъ намъ такъ, а слово Божіе, вы сами знаете, непреложно. Да. Такимъ образомъ, выходитъ, что взирать необходимо...

Совершенно растерявшись, я остановился и смотрѣлъ на огромнаго рыжаго мужика, который удивленно хлопалъ глазами. „Чей онъ? Какъ его звать?"—сверкали мысли у меня. Состояніе было мучительное; я ломалъ подъ эпитрахилью

пальцы и молчать. А говорить было надо,—не въ алтарь же уходить...

— А что такое птица? — снова попытался я: — Птица есть двуногое существо и, по своему, значитъ, устройству, ближе всѣхъ земныхъ тварей подходитъ къ человѣку („а обезьяны?"—подумалъ я). Посему апостолъ Павелъ, т. е. Господь нашъ Іисусъ Христосъ... хотя, собственно говоря, это все равно, дѣло не въ томъ... посему Господь нашъ Іисусъ Христосъ и сказалъ: воззрите на птицы небесныя.. Но, православные христіане, Онъ не указалъ намъ извѣстнаго рода птицъ. Изъ этого отчасти можно усматривать то, что Богъ никогда не стѣсняетъ свободной воли человѣка; Онъ даетъ намъ однѣ готовыя истины, развивать же ихъ должны мы сами. Подъ птицей здѣсь можно подразумѣвать всякую птицу, какую угодно. Для сравненія мы теперь возьмемъ... ну... ну, хоть-бы канку или, какъ еще ее зовутъ, индюшку...

Сравненіе было некрасиво—что и говорить!—но дѣлать нечего: слово было сказано.

— А развѣ мужикъ, да и всякій православный христіанинъ не индюшка?—говорилъ я, чувствуя, какъ непріятно звучитъ въ церкви слово „индюшка".—Развѣ онъ не созданъ Богомъ для прославленія Творца? Всякое дыханіе да хвалитъ Господа,—восклицаетъ Давидъ въ благоговѣйномъ порывѣ...

Я потерялъ ужъ мысль и не могъ ее поймать; въ головѣ былъ такой сумбуръ, что я положительно себя не понималъ. Едва-ли Пифія говорила когда-нибудь такъ, какъ я своей паствѣ. Однако, сверхъ всякихъ ожиданій, я говорилъ очень много и, главное, необыкновенно глупо. Поставивъ гдѣ-то, чуть-ли не въ серединѣ предложенія, поповскую точку „аминь," я ушелъ въ алтарь. Мужикамъ проповѣдь не понравилась.

Вотъ эту, именно, проповѣдь объ индюшкахъ и вспомнила теперь жена.

— Нѣтъ, не объ индюшкахъ,—сказалъ я, съ улыбкой,—а по книгѣ. Впрочемъ, что-жъ?—заговорилъ я тономъ ниже, принявъ серьезный видъ и впадая въ обычное свое пустословіе—вѣдь, собственно говоря, я правъ. Въ основѣ моей проповѣди лежала вѣрная мысль. Развѣ та Гусевка, въ которой мы съ тобой живемъ и отъ которой кормимся, развѣ она не стадо большихъ и маленькихъ индюшекъ? Развѣ я для нихъ не паразитъ? Мы оба—паразиты. Нѣтъ, погоди, погоди,—быстро заговорилъ я, замѣтивъ, что жена что-то хочетъ возразить,— погоди: я докажу тебѣ. Скажи ты мнѣ на милость: кормлюсь я отъ мужиковъ? А? Кормлюсь? Кормлюсь. Такъ. А что я сдѣлалъ для нихъ, т. е. для мужиковъ-то? Нѣтъ, ты мнѣ скажи: что я для нихъ сдѣлалъ? А я тебѣ скажу что: ни-

чего. Три года служу въ Гусевкѣ, а на что, сдѣланное мною, могу указать? Вѣдь насъ, поповъ, въ насмѣшку называютъ „столпомъ, утвержденіемъ, надеждой"... Попробуй—заговори съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ о томъ, что онъ столпъ и утвержденіе христіанства, что въ немъ будущность Россіи— онъ сдуру повѣритъ; а скажи, что онъ паразитъ—обидится и больше къ тебѣ не заглянетъ: его, дескать, не цѣнятъ, не понимаютъ народнаго духа, не понимаютъ Россіи... Если ты когда-нибудь укажешь мнѣ на то, что я сдѣлалъ въ жизни, если увѣришь меня въ пригодности къ ней, тогда я, пожалуй, и откажусь отъ титула паразита. Но только быть этого не можетъ!

Жена присѣла у стола, немножко улыбнулась и сказала:

— Все это, можетъ быть, и правда—я не знаю, а ты всетаки чудакъ.

— Чѣмъ чудакъ?—спросилъ я.

— Такъ. Чудакъ, да и все.

XII.

На другой день я служилъ, по обыкновенію, безъ отпуста. Въ концѣ заутрени пришла жена. На ней была бѣлая шапочка и сѣрый, теплый сакъ. Когда я взглянулъ на нее, у меня такъ забилось сердце, что я не могъ читать входныхъ молитвъ, потомъ сталъ искренно молиться, какъ ни разу не молился за всю жизнь. Но порывъ скоро прошелъ, и въ душѣ осталось одно теплое и отрадное чувство. Произнося возгласъ: „Христе, Свѣте истинный", я спутался, остановился и тихо засмѣялся. Мои мысли всѣ теперь сосредоточились на женѣ. Во время проскомидіи я думалъ о ней, только о ней. Мнѣ припомнилось ея мягкое, горячее, розовое тѣло, ея маленькая ручка, нѣжныя, какъ шелковый бархатъ, щечки, полныя плечи... „Какая она красивая!"—шепталъ я въ забвеньи про себя и шелъ отъ жертвенника къ царскимъ вратамъ, чуть-чуть отдергивалъ завѣсу и, задыхаясь, разглядывалъ жену. Я сравнивалъ ее съ сельскими дѣвушками, тѣми самыми, которыя бывали у меня на исповѣди, сравнивалъ ее съ самой лучшей изъ нихъ, Груней,—сочной и румяной, какъ свѣжее анисовое яблоко,—но всѣ онѣ, думалось мнѣ, были дурнѣе жены. Порой эти мысли такъ увлекали меня, что я совершенно забывалъ свое настоящее дѣло и не мало удивлялъ тѣмъ дьякона. „Господу помолимся!"—говорилъ онъ, стоя подлѣ меня съ открытымъ кадиломъ. А я смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, напрягалъ

разбѣжавшіяся мысли, старался понять и говорилъ: „А? Вы что? Ахъ, да... Ну, сейчасъ, сейчасъ...“—Потомъ бралъ звѣздицу, держалъ ее надъ кадильнымъ дымомъ, подносилъ къ губамъ, расправлялъ и ставилъ на дискосъ.

— Такъ-съ, такъ-съ,—говорилъ я и покрывалъ потиръ.— Очень хорошо-съ!

— Отецъ дьяконъ,—сказалъ я предъ началомъ обѣдни,— давайте нынѣ служить какъ слѣдуетъ, по совѣсти. Пожалуйста!

Потомъ я подумалъ и добавилъ:

— Знаете что? Мы сегодня придемъ къ вамъ въ гости.— И мнѣ было совѣстно смотрѣть ему въ глаза.

Дьяконъ ничего не сказалъ и только съ недоумѣніемъ глянулъ на меня.

— Такъ пожалуйста, отецъ дьяконъ!—еще повторилъ я.

У обѣдни я все время суетился, то и дѣло бѣгалъ къ жертвеннику, безъ нужды приказывалъ церковному сторожу глядѣть за свѣчами, наблюдать за порядкомъ, безъ причины улыбался, вдругъ задумывался, терялъ порядокъ службы по служебнику и никакъ не могъ найти потеряннаго мѣста. Когда дьяконъ сказалъ: „Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“, а я вышелъ за нимъ на амвонъ „причащать“ младенцевъ, то у задней стѣны, какъ разъ подъ безобразной картиной „Воскрешенія Лазаря“, увидѣлъ писаря. Этого я не ожидалъ. Прислонясь спиной къ стѣнѣ и низко опустивъ черную кудрявую голову, писарь смотрѣлъ угрюмо. Меня всего перевернуло: мнѣ стало холодно, страшно, подъ ложечкой засосало, какъ у голоднаго, ноги начали дрожать, я весь ослабѣлъ и боялся, какъ бы не упасть. Жена стояла, ничего не подозрѣвая, и нервно перебирала цѣпочку ридикюля. Полная, красивая, съ пылавшими щеками и блестящими глазами, она возбуждала во мнѣ и любовь, и муки ревности, и сладострастное желаніе, и нѣжность... „Моя жена— писарева любовница... Такъ вотъ оно что!..“—говорилъ я про себя, машинально доканчивая службу.

Въ моемъ воображеніи возникали страшныя картины... Вотъ во время обѣдни къ женѣ приходитъ писарь. Жена лежитъ въ постели и ждетъ его. Писарь тихонько отворяетъ дверь и, одѣтый, прямо идетъ въ спальню, сбрасываетъ тамъ на лежанку свой тулупчикъ, подходитъ къ женѣ, цѣлуетъ ее и говоритъ: „лапушка моя!“—О, безобразіе! О, мерзость!..— шепчу я про себя. Вотъ, руки писаря скользятъ по мягкому и горячему тѣлу жены... „На дворѣ страсть какъ холодно, а тутъ благодать“, — говоритъ онъ своимъ телячьимъ голосомъ и мокрыми отъ холода усами прикасается къ ея щекѣ.

„Постой,—шепчетъ жена,—утрись: у тебя усы мокрые“. И она вытираетъ свое лицо байковымъ пестрымъ одѣяломъ.

— Отецъ Николай,—перебилъ меня дьяконъ по окончаніи обѣдни,—тутъ баба молебенъ съ акафистомъ просила... Начинать, что ли?

— Послѣ, послѣ, — сказалъ я, отмахиваясь руками, — ради Бога, отстаньте отъ меня! Отстаньте! Надоѣли!..

Съ церковной паперти чрезъ ограду было видно, какъ жена и писарь подходили къ дому. Жена спѣшила, писарь шелъ за ней, немножко съ боку; они о чемъ-то говорили, и оба скрылись въ темнотѣ раскрытой двери. Никогда промежутокъ отъ церкви до дома не казался мнѣ такимъ длиннымъ, какъ теперь. Я бѣжалъ, спѣшилъ, задыхался.

— Подлецы, сволочи!.. Я вамъ морды расшибу! — шепталъ я, сжимая кулаки и скрежеща зубами.—Я васъ убью, дья-волы!..

Быстрыя, какъ молніи, мысли, трескучія, горячія и безобразныя, мелькали въ моей головѣ, плясали и скакали и съ хохотомъ выбѣгали вонъ.

— А-а!. Цѣловаться?.. Обниматься?.. Я задушу, задушу тебя, стерва... Ты съ писаремъ?.. А-а!.. Ты съ писаремъ?..— шипѣлъ я, захлебываясь отъ ревности.

— Господи!—стоналъ я черезъ минуту:—Ты щедръ, долготерпѣливъ и многомилостивъ... Не дай погибнуть рабу Твоему, Николаю!

— А если дверь заперта?—подумалъ я, входя въ сѣни.

— Уходи ты, уходи, пожалуйста, — услышалъ я голосъ жены,—уходи...

Приложивъ руку къ холодной скобкѣ, я сталъ слушать. Въ темнотѣ постепенно обозначились желтая, рваная клеенка, клочки рыжаго войлока, потомъ оголившаяся дверь съ желѣзной скобкой, прибитой конскими гвоздями.

— Матушка! Я человѣкъ, конечно, который...—робко было заикнулся писарь.

— Я сказала: уходи!—нетерпѣливо перебила его жена.— Ну, и нечего отсвѣчивать: уходи. Ступай и не приходи больше. Тебѣ русскимъ языкомъ говорю: уходи. Сейчасъ отецъ Николай придетъ.

Я отворилъ дверь и вошелъ. Писарь стоялъ ко мнѣ задомъ, одѣтый, въ калошахъ и съ шапкою въ рукахъ, а жена въ красной шерстяной кофточкѣ, оперпшись на притолку зальной двери, смотрѣла на писаря. При моемъ появленіи она вся вдругъ вспыхнула, потомъ поблѣднѣла и скрылась въ залъ. Волненіе мое быстро улеглось, я былъ спокоенъ. Молча, я положилъ шапку на столъ, раздѣлся и повѣсилъ рясу на деревянный гвоздь, съ котораго она сорвалась и

мягко упала на полъ. Писарь оглянулся, повернулся ко мнѣ бокомъ и смѣшался: онъ не ожидалъ меня такъ скоро.

— Ты что?—спросилъ я.

— Я... я вотъ... я насчетъ почитаться,—заговорилъ онъ, путаясь въ словахъ,—то есть, нѣтъ ли книжечки...

— Угу! Это ничего, хорошо,—мрачно сказалъ я и не узналъ своего голоса: такъ онъ былъ глухъ, прерывался и сипѣлъ.

Совершенно неожиданно, я вдругъ схватилъ съ сундука высокую фарфоровую лампу и бросилъ ее въ писаря. Лампа угодила прямо ему въ грудь, потомъ тяжело хлопнулась на полъ и разбилась.

— Убью, сволочь!.. — визгливо закричалъ я и, выругавшись нехорошими словами, побѣжалъ за писаремъ. Должно быть, я былъ страшенъ въ ту минуту, потому что глаза писаря расширились, въ нихъ выразился неподдѣльный ужасъ, и самъ онъ, сломя голову, бросился бѣжать. У меня подъ ногами захрустѣли осколки лампы. Я выбѣжалъ въ сѣни, потомъ вернулся, затворилъ дверь и почувствовалъ страшную слабость въ ногахъ и круженье въ головѣ; хотѣлъ было пройти въ залъ, но остановился, подумалъ, подобралъ съ пола рясу, одѣлся, надѣлъ шапку и калоши и опять вышелъ въ сѣни.

— Иванъ!—крикнулъ я дерзко и смѣло:—запряги „Чернавку“ въ простыя сани и положи соломы. Слышишь? Тебѣ говорю!..

Иванъ ничего не сказалъ и пошелъ.

Я выѣхалъ за село. День былъ свѣтлый, и солнце грѣло землю безъ задержки; дорога отъ обтаявшаго снѣга почернѣла; по ней прыгали овсянки, перелетая при приближеніи дальше и дальше; снѣгъ тоже потемнѣлъ и былъ очень рыхлъ; пахло навозомъ. Въ головѣ у меня возились какія-то мысли, темныя и жгучія, какъ ядовитые пары. Нѣмое и тупое чувство довольства и, рядомъ, чувство ожиданія, горькое и острое, столкнулись вмѣстѣ и, какъ казалось мнѣ, хотѣли разорвать мою грудь.

Чтобъ развлечь себя, я началъ напѣвать:

„Впередъ безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!..“

Лошадь ступала ровнымъ шагомъ, вскидывая головой и бряцая удилами; сани мѣрно выбивали тактъ по дорогѣ, изрытой копытами лошадей. Я сидѣлъ безъ всякаго соображенія, молчаливый, задумчивый, и вдругъ заговорилъ:

— Маня! Маня! Вѣдь я тебя люблю!.. Понимаешь-ли: люблю.

Я прислушался къ своему голосу, чуть улыбнулся, встряхнулъ головой и вздохнулъ.

— Вѣдь люблю,— медленно повторялъ я, чтобы дольше насладиться этимъ словомъ.—Очень лю-блю!..

И вдругъ вспомнилась мнѣ ночь, когда мы съ женою объяснились, когда я исповѣдывался предъ ней, вспомнилась очень хорошенькая на подбородкѣ у нея складочка, которую страстно хотѣлось поцѣловать... Какъ бы хорошо обнять теперь жену, спрятать свое лицо на ея груди, прикоснуться къ волосамъ на ея шеѣ, поцѣловать ее, и не въ губы поцѣловать, а прямо въ подбородокъ, въ эту ямку...

— „Господи! Какъ хороша жизнь!"—шепталъ я и, потягиваясь, какъ въ лихорадкѣ, тихо улыбался.

Встрѣтился гусевскій мужикъ Миронъ; онъ свернулъ съ дороги, и лошадь его провалилась по самое брюхо въ снѣгъ. Миронъ молча снялъ шапку, молча поклонился и встряхнулъ волосами.

— Но, чо-ортъ!..—вдругъ сердито крикнулъ онъ на лошадь и замахалъ кнутомъ.

„Куда и зачѣмъ я ѣду?"—подумалъ я, въѣзжая въ Фокину дубраву. Я повернулъ лошадь назадъ, дернулъ возжи: лошадь побѣжала легкой рысью и, завидѣвъ домъ, весело заржала.

— Ну-же, ну! — говорилъ я лошади, и она бѣжала еще шибче.

„Когда пріѣду домой,—думалось мнѣ,—я найду жену въ постели, всю въ слезахъ; я подойду къ ней и скажу: „Маня! Довольно! Забудемъ... Давай забудемъ все прошлое!.."

Впрочемъ, нѣтъ, не такъ. Лучше вотъ какъ. Она лежитъ въ постели; ея плечи вздрагиваютъ отъ слезъ и мукъ раскаянія... А я просто подойду къ ней, обниму ее за плечи, прильну головой къ груди и ничего не скажу, а пожалуй... пожалуй, и самъ заплачу... Такъ будетъ лучше. Вотъ и все. Потомъ наступитъ миръ, прошлое забудется, жизнь пойдетъ по-новому, пойдетъ такъ, какъ еще никогда не шла...

Вотъ наша рига, вотъ похожій на обрывъ берега рѣки ометъ соломы, вотъ дворикъ дьячка съ притугами изъ соломы, а вотъ его избушка на курьихъ ножкахъ, вотъ огромный бугоръ снѣгу и, наконецъ, мой домъ. Изъ-подъ воротъ выбѣжали сангвиникъ-Шарикъ и флегма-Пильтонъ. Маленькій желтенькій Шарикъ бѣжалъ вприпрыжку, вилялъ хвостомъ и осклаблялся. Брюнетъ-Пильтонъ, — худой и мохна-

тый,—стоялъ на одномъ мѣстѣ и, казалось, добродушнымъ генеральскимъ тономъ хотѣлъ вымолвить: „пожалуйте, пожалуйте! Очень радъ васъ видѣть... Давно—давно пора"...

— Пошелъ прочь,—крикнулъ я на Шарика, который отъ избытка чувствъ успѣлъ ужъ впрыгнуть ко мнѣ въ сани.— А, чтобъ тебя...

Я хотѣлъ его выбросить, но онъ такъ заискивающе смотрѣлъ на меня, съ такимъ стараньемъ ползалъ по соломѣ и ударялъ по ней хвостомъ, такъ жалобно скулилъ, что я смягчился и, только ткнувъ его ногой въ морду, молвилъ:

— Ишь ты, чертенокъ!..

Взглянувъ на тусклыя окна дома, я ощутилъ въ душѣ непріятный и тяжелый осадокъ. Какова-то будетъ встрѣча...

Лошадь сама отворила ворота и вошла на дворъ; Иванъ что-то тесалъ топоромъ у дровосѣка.

— Убери лошадь!—крикнулъ я ему и пошелъ въ домъ.

Въ сѣняхъ было темно. Пошаривъ рукой, я нашелъ дверную скобку и съ волненіемъ потянулъ къ себѣ дверь: дверь немножко подалась и лязгнула крючкомъ.

— Что же это значитъ?—сказалъ я про себя.

Я потянулъ въ другой разъ, опять то же.

— Брысь, брысь, окаянная, — зашумѣла Устинья въ кухнѣ, очевидно, съ рогачемъ бѣгая за кошкой. — Нѣтъ на тебя провала, анчутка!.. Чтобъ ты, холера, сдохла...

Дверь изъ кухни скрипнула, немножко отворилась, и кошка, сильно царапая по стѣнѣ, бросилась на потолокъ.

Немного погодя, она закричала тамъ непріятнымъ рѣзкимъ голосомъ. Вошелъ Иванъ съ хомутомъ и возжами на плечѣ. Мнѣ стало неловко; чтобъ выйти изъ этого положенія, я вошелъ въ чуланъ и безъ всякой надобности сталъ рыться въ горшкѣ съ солью. „Неужели спитъ?"—думалъ я. Когда Иванъ ушелъ на дворъ, я снова началъ дергать дверь, все сильнѣе и сильнѣе. Дверь отворилась, къ ногамъ упалъ сорванный крючекъ, и меня обдало рѣзкимъ запахомъ керосина. Въ домѣ какъ-то все застыло: въ залѣ на столѣ блестѣлъ потухшій самоваръ, на немъ бѣлѣлся остывшій чайникъ, въ жаровнѣ стояли румяные, холодные пирожки, посуда была не тронута...

Сбросивъ съ себя рясу, я прислушался. Все было тихо, только кошка кричала на потолкѣ, да тикали часы, да кровь стучала въ головѣ. Вошелъ въ залъ. На диванѣ лежалъ женинъ сакъ, мѣхомъ кверху, а на кругломъ столикѣ бѣлѣлась шапочка съ булавкой.

— Батюшка, собирать обѣдать, али погодить?—спросила изъ передней Устинья.

— Что? Обѣдать?—переспросилъ я. — О, да, конечно, конечно...

Устинья вышла.

Я подошелъ къ спальнѣ, хотѣлъ стукнуть щелчкомъ по двери, но раздумалъ и тихонько произнесъ:

— Маша!

Мой голосъ замеръ, и въ домѣ, казалось, стало еще тише. Я тихонько толкнулъ дверь; она длинно заскрипѣла и, унося отъ моего лица висѣвшіе на немъ полотенца и платки, потянулась назадъ...

Жена моя повѣсилась въ своей спальнѣ, прикрѣпивъ полотенце за кольцо для люльки. Горе сломило меня: я сошелъ съ ума. Пролежавъ восемь мѣсяцевъ въ желтомъ домѣ, я переѣхалъ жить къ сестрѣ, у которой пробылъ съ годъ. А теперь, съ корзиночкой и посохомъ въ рукахъ, я скитаюсь по селамъ и городамъ. Если мы когда-нибудь встрѣтимся, то, ради Бога, не говорите со мной о прошломъ!..

Семенъ Быстровъ.

---

* * *

На горячей скалѣ, подъ душистой сосной,
Оживалъ я подъ лаской тепла...
Шла на берегъ волна и, играя съ волной,
Серебристый песокъ залила.
И отхлынула въ море она, застыдясь
Напоенныхъ огнемъ береговъ,
И, дрожа, уходила—и съ моремъ слилась
Подъ наметомъ своихъ жемчуговъ.
Брызги яркихъ лучей, сквозь узоръ облаковъ,
Проникали до синяго дна...
Пѣла пѣсню волна, и шептала безъ словъ,
Надо мною склоняясь, сосна...
Но лежалъ недвижимъ я, безъ силъ и безъ слезъ,
Отдыхая, какъ раненый звѣрь:
Здѣсь ни крови, ни вопей, ни пошлыхъ угрозъ,
Ни борьбы, ни безумныхъ потерь,—
Только волны, да небо, да ропотъ сосны,
Да горячій песокъ золотой,
Да какіе-то въ воздухѣ тихіе сны
Нить блестящую вьютъ надъ землей...

Ѳ. Н. Вербицкій.

Борьба за политическое освобожденіе въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ тринадцатаго вѣка.

Историческій очеркъ.

IV.

Мы достаточно познакомились съ характеромъ и съ тенденціями новаго правительства, выдвинутаго революціей 1258 года, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ оно способно было умиротворить страну. Задачи этой оно не способно было выполнить, да и не обнаружило желанія выполнять ее. Пока бароны требовали освобожденія страны отъ позорнаго ига иноземныхъ авантюристовъ и отъ рабскаго подчиненія папѣ и стремились положить конецъ политическому порядку, предоставлявшему королевской власти полную возможность распоряжаться средствами народа для удовлетворенія личныхъ прихотей и фантазій ея носителя и для насыщенія ненасытной алчности цѣлой тучи ея фаворитовъ и отдававшему народъ въ жертву безконтрольной администраціи, они являлись борцами національнаго дѣла, и на ихъ сторонѣ было горячее сочувствіе всѣхъ классовъ англійскаго общества. Но дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ, когда бароны предложили странѣ новую политическую форму. Новая политическая форма оказалась формой ихъ собственнаго господства и настолько узкой и по тенденціямъ своимъ исключительной, что уже не могло быть и рѣчи о народномъ сочувствіи. Даже среди болѣе широкаго бароніальнаго круга новая политическая организація не могла быть популярной. Страна не могла ждать отъ новаго правительства проведенія въ жизнь намѣченныхъ Бѣшеннымъ парламентомъ реформъ. Правительство совершенно недвусмысленно показывало, что добровольно не примется за ихъ проведеніе. Конституція 1258 года объявила тѣсную группу высшаго баронства представителями интересовъ „общины всей земли“, а это равнялось захвату этой группой власти какъ надъ королемъ, такъ и надъ „общиной“. Чисто олигархическая политика новаго правительства, оттолкнувъ

отъ него массу, создавала почву для монархической реакціи. Во сякомъ случаѣ король и его партія постепенно начинали поднимать голову, тѣмъ болѣе, что и среди самихъ захватившихъ власть бароновъ вскорѣ обнаружились рѣзкія несогласія, которыми очень искусно пользовался король и его приверженцы, чтобы вернуть утраченное положеніе.

Уже въ 1261 году ясно обнаружились враждебныя намѣренія ороля по отношенію къ конституціи. Въ слѣдующемъ году папа разрѣшилъ короля отъ торжественно данной имъ въ 1258 году клятвы соблюдать Оксфордскія Провизіи. Политическая атмосфера все болѣе и болѣе сгущалась. Лѣтомъ 1263 года на требованіе, предъявленное Симономъ Монфоромъ, подтвердить Оксфордскія Провизіи король отвѣчалъ отказомъ, и Монфоръ началъ противъ него военныя дѣйствія. Подъ знамена графа Лестерскаго стали всѣ тѣ, для кого интересы „общины“ не являлись лишь громкой фразой, очень удобной для прикрытія узко сословныхъ интересовъ, для кого ограниченіе королевскаго самодержавія означало политическое освобожденіе всей „общины“, предоставленіе ей права самой, черезъ своихъ представителей, рѣшать всѣ свои жизненные вопросы и свободно развивать свои силы, до тѣхъ поръ скованныя гнетомъ правительственнаго механизма, служившаго прежде всего интересамъ правящей группы и ея главы. Если движеніе пятидесятыхъ годовъ носило въ значительной мѣрѣ стихійный характеръ и было сильно больше своей отрицательной стороной, протестомъ противъ господства иноземцевъ и противъ правительственнаго произвола, какъ онъ давалъ себя знать въ своихъ отдѣльныхъ, вполнѣ конкретныхъ проявленіяхъ, то движеніе начала шестидесятыхъ годовъ уже освѣщалось вполнѣ опредѣленными принципами, свидѣтельствующими о томъ, что за сравнительно короткій періодъ интенсивной политической жизни и борьбы политическое сознаніе англійскаго общества сдѣлало очень крупные успѣхи. Къ счастью для насъ, мы имѣемъ возможность составить достаточно опредѣленное понятіе о политической теоріи, популярной среди тѣхъ широкихъ общественныхъ круговъ, представителемъ интересовъ которыхъ выступилъ Симонъ де-Монфоръ (графъ Лестерскій). До насъ дошла латинская поэма, написанная какъ разъ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, вскорѣ послѣ битвы при Льюисѣ, происшедшей между королевскими войсками и войсками Монфора въ 1264 году, и посвященная описанію этой битвы и изложенію взглядовъ неизвѣстнаго автора поэмы. Поэма эта („Битва при Льюисѣ“) была весьма популярна среди тѣхъ самыхъ общественныхъ группъ, героемъ которыхъ былъ Симонъ де-Монфоръ, и, несомнѣнно, выражала ихъ политическіе взгляды. Прежде, чѣмъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ событій вооруженной борьбы, для насъ не лишнимъ будетъ остановиться на политической теоріи автора названной

поэмы. Она дастъ намъ возможность болѣе отчетливо уяснить себѣ смыслъ этой борьбы и то мѣсто, которое послѣдняя занимаетъ въ исторіи политическаго развитія англійскаго общества.

Основную причину борьбы авторъ поэмы видитъ въ томъ, что король желаетъ править совершенно свободно, сообразуясь только съ своей волей. Только такъ царствовать и значитъ царствовать въ истинномъ смыслѣ этого слова, говорятъ друзья короля. Воля короля есть законъ. Король въ данномъ случаѣ поступаетъ лишь такъ, какъ имѣетъ право поступать и всякій крупный баронъ съ своей собственностью. Если баронъ дурно распоряжается своей собственностью, то самъ онъ и терпитъ убытокъ, и никто не вмѣшивается въ его дѣла. Король хочетъ только того, чтобы ему была предоставлена такая же свобода, которой къ тому же пользовались его предшественники. Поэтому бароны не имѣютъ права вмѣшиваться въ назначенія на высшія должности или въ дѣло охраны замковъ и въ иныя дѣла, касающіяся одного лишь короля.

На это бароны отвѣчаютъ, что они въ равной мѣрѣ обязаны защищать королевство какъ отъ внѣшнихъ нападеній, такъ и отъ еще болѣе опасныхъ внутреннихъ враговъ. Изгоняя дурныхъ совѣтниковъ короля, они дѣйствуютъ не противъ короля, а противъ его злѣйшихъ враговъ. Самъ ли король дѣйствуетъ злонамѣренно или же подъ вліяніемъ дурныхъ совѣтовъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ бароны одинаково обязаны выступить на защиту своей страны.

Король не выше закона. Онъ спрашиваетъ: „Почему я долженъ быть ограниченъ въ выборѣ должностныхъ лицъ, съ помощью которыхъ я правлю?“ Авторъ поэмы отвѣчаетъ на это, что истинная свобода не есть совершенно неограниченная свобода. „Не всякое ограниченіе устраняетъ свободу, не всякое принужденіе отнимаетъ власть“. Законъ, ограничивающій королевскую власть, не умаляетъ ея, но возвышаетъ достоинство короля. Не считается въ Богѣ безсиліемъ, что онъ не можетъ грѣшить. Наоборотъ: въ этомъ его высочайшее могущество, великая слава и великая власть. „И король можетъ дѣлать все, что хорошо, но не можетъ дѣлать дурного. И это даръ Божій. Тѣ, кто оберегаетъ короля отъ искушенія грѣшить, сами служатъ королю, и онъ долженъ быть благодаренъ имъ за то, что они освобождаютъ его отъ опасности стать рабомъ. Такъ какъ его народъ есть народъ Божій, ввѣренный ему Богомъ, то онъ долженъ любить его и помогать ему“. „Если король будетъ любить, то и его будутъ любить; если онъ будетъ справедливо править, его будутъ почитать; если онъ свернетъ на ложный путь, его должны вернуть на прежній путь тѣ, кого онъ угнеталъ несправедливо, и лишить его власти, если онъ не пожелаетъ исправиться; если же пожелаетъ, они должны поднять его и помочь ему“. „Между государемъ и

подданными должна быть взаимная зависимость. Пусть государь такъ царствуетъ, чтобы у него никогда не являлось желанія не обращаться къ своимъ подданнымъ. Государь, который захочетъ освободиться отъ зависимости отъ своихъ подданныхъ, увидитъ результатъ этого въ своей погибели".

Король не можетъ самъ выбирать себѣ совѣтниковъ. Если онъ станетъ выбирать ихъ одинъ, онъ легко ошибется. Поэтому ему необходимо посовѣтоваться съ общиной королевства и узнать, какъ думаетъ объ этомъ все общество, которому собственные его законы болѣе всего извѣстны. „Люди, прибывшіе изъ областей, не такіе идіоты, чтобы не знать лучше другихъ нравовъ своей страны, оставляемыхъ предками потомкамъ. Вотъ отъ нихъ-то и можно собрать свѣдѣнія о томъ, что касается всей общины, равно какъ и о томъ, кого по справедливости слѣдуетъ избрать (въ совѣтники) для пользы королевства; и тогда тѣ, кто захочетъ, съумѣетъ и будетъ въ состояніи принести эту пользу, пусть и будутъ сдѣланы совѣтниками и помощниками короля".

Напрасно думаетъ король, что всякій баронъ можетъ совершенно свободно распоряжаться своей собственностью и раззорять ее: вѣдь отъ этого страдаетъ все королевство, и барону не предоставлена такая свобода. Никто не можетъ поступать исключительно такъ, какъ онъ хочетъ: надо всѣми есть власть, и самая высшая власть принадлежитъ всей общинѣ и выражается въ законѣ. „Не приличествуетъ называться свободой той свободѣ, которая позволяетъ глупцамъ властвовать неразумно. Свобода должна быть ограничена предѣлами права, и если предѣлы эти нарушены, она должна быть признана заблужденіемъ". Король не можетъ измѣнить законъ. „Часто говорятъ: „воля короля—законъ". Но истина иное говоритъ, потому что король падаетъ, а законъ остается". Король долженъ помнить, что онъ призванъ править не для собственной выгоды, а для блага другихъ. Если онъ дѣйствительно любитъ свой народъ, онъ будетъ обо всемъ сообщать своимъ совѣтникамъ и будетъ обо всемъ совѣтоваться съ ними, какъ бы мудръ онъ ни былъ, для того, чтобы всѣ были единомышленны, какъ училъ этому своихъ учениковъ Христосъ.

Итакъ, законъ, какъ выраженіе общественнаго сознанія, и король, ограниченный закономъ, правящій для блага общества, окруженный совѣтниками, указанными ему обществомъ, и созывающій представителей общества, этого носителя высшей власти въ государствѣ,—такова въ двухъ словахъ сущность политической теоріи конституціонной партіи, объединившейся подъ знаменами Симона де-Монфора. Теорія эта не такъ ужъ далека отъ взглядовъ творцовъ конституціи 1258 г., которые тоже считали необходимымъ, чтобы королевскіе совѣтники и высшіе сановники въ государствѣ были выборными, а не назначались королевской властью, и которые такъ же ссылались на „общину

всей земли“ и на ея интересы. Но въ то время, какъ для дѣятелей 1258 года политическій горизонтъ съуживался предѣлами сословія, къ которому они сами принадлежали и за которымъ однимъ они признавали право и выбирать для короля совѣтниковъ, и представлять въ парламентѣ интересы „общины“, авторъ поэмы, изображающій взгляды конституціоналистовъ шестидесятыхъ годовъ, считаетъ необходимымъ, чтобы совѣтники короля были дѣйствительно избранниками „общины“, а не узкой группы самаго верхняго слоя общества, и чтобы король совѣтовался также и съ самой „общиной“ въ лицѣ ея представителей изъ разныхъ областей страны.

Къ концу 1263 года борющіяся стороны согласились обратиться къ третейскому суду французскаго короля, знаменитаго Людовика IX Святого. Приговоръ святого короля, произнесенный имъ въ концѣ января слѣдующаго года и извѣстный подъ названіемъ Амьенской Мизы, не удовлетворилъ, однако, Симона де-Монфора и его партію. Да онъ и не могъ удовлетворить ихъ, такъ какъ отмѣнялъ Оксфордскія Провизіи и всѣ основанныя на нихъ распоряженія, статуты и обязательства и возвращалъ королю всю полноту его власти и свободу въ управленіи вплоть до права звать въ свой совѣтъ какъ туземцевъ, такъ и иностранцевъ. Приговоръ, возстановлявшій въ полной силѣ самодержавный произволъ короля и его администраціи и возвращавшій всѣхъ ненавистныхъ народу иноземныхъ фаворитовъ короля, возвращалъ страну къ тѣмъ самымъ политическимъ условіямъ, которыя сдѣлали необходимой революцію 1258 г., и, конечно, не могъ дать ей успокоенія. Большинство бароновъ, почти весь средній классъ Англіи („fere omnis communa mediocris regni Angliae“) и въ особенности жители Лондона и Пяти Портовъ не признали этого приговора, и опять началась война. 17 мая 1264 года между королевскимъ войскомъ и арміей Симона де-Монфора произошла битва при Льюисѣ. Король былъ разбитъ и вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола Эдуардомъ и главными своими приверженцами попалъ въ плѣнъ къ побѣдителямъ. Подъ знаменами Монфора сражались, между прочимъ, и студенты оксфордскаго университета, не за долго предъ тѣмъ закрытаго Генрихомъ III за симпатіи учащихся и учащихъ этого знаменитаго уже тогда разсадника знанія къ развивавшемуся въ обществѣ освободительному движенію. Побѣжденные должны были подписать предложенную имъ капитуляцію, такъ называемую Льюисскую Мизу, передававшую высшую власть въ государствѣ коммиссіи трехъ третейскихъ судей и возлагавшую на нихъ обязанность реформировать управленіе въ духѣ тутъ же намѣченныхъ общихъ принциповъ. Фактическимъ главою государства сталъ Симонъ де-Монфоръ, и уже въ началѣ іюня онъ разослалъ по графствамъ отъ имени короля приказы, которыми въ каждомъ графствѣ назначались особые

охранители мира. Въ свою очередь эти охранители мира должны были распорядиться, чтобы собраніе каждаго графства выбрало по четыре рыцаря и къ 22 числу того же мѣсяца прислало ихъ въ Лондонъ для обсужденія въ парламентѣ вмѣстѣ съ прелатами и магнатами королевства дѣлъ, касающихся короля и королевства. Парламентъ этотъ долженъ былъ составить новую конституцію. До насъ дошелъ текстъ этой конституціи. Вотъ ея основные пункты.

„Для реформированія состоянія королевства Англіи", читаемъ мы въ этой „Формѣ управленія государемъ королемъ и королевствомъ" (Forma regiminis domini regis et regni), „должны быть избраны и назначены трое честныхъ и вѣрныхъ изъ королевства, которые будутъ имѣть отъ государя короля право и власть избрать или назначить, вмѣсто самого государя короля, девять совѣтниковъ; изъ нихъ поочередно, по меньшей мѣрѣ, трое должны находиться при дворѣ; и по совѣту этихъ девяти король будетъ издавать повелѣнія и распоряженія объ охранѣ замковъ и о всѣхъ другихъ дѣлахъ королевства; по совѣту этихъ же девяти будетъ государь король назначать юстиціарія, канцлера, казначея и другихъ должностныхъ лицъ, старшихъ и младшихъ, вѣдающихъ то, что относится до управленія дворцомъ и королевствомъ. Первые избиратели (electores sive nominatores) принесутъ клятву, что согласно своей совѣсти выберутъ или назначатъ совѣтниковъ, въ которыхъ они будутъ увѣрены, какъ въ людяхъ полезныхъ и вѣрныхъ чести Бога и церкви, государю королю и королевству. И совѣтники, а также всѣ должностныя лица, старшія и младшія, при своемъ назначеніи принесутъ клятву, что по мѣрѣ силъ будутъ добросовѣстно исполнять свои обязанности къ чести Божьей и церкви и на пользу государю королю и королевству, безъ всякаго иного вознагражденія, кромѣ съѣстного и питья, какія обыкновенно подаются къ столу". Удалять тѣхъ или иныхъ изъ членовъ совѣта и назначать на ихъ мѣсто другихъ король можетъ лишь по совѣту трехъ избирателей, а удалять и замѣщать должностныхъ лицъ, старшихъ и младшихъ, онъ можетъ лишь по совѣту девяти совѣтниковъ. Какъ въ коллегіи избирателей, такъ и въ совѣтѣ девяти дѣла рѣшаются большинствомъ двухъ третей голосовъ. Назначеніе преемниковъ или замѣстителей избирателей принадлежитъ королю, прелатамъ и баронамъ. И избиратели, и члены совѣта девяти, и охранители замковъ, а также всѣ другія должностныя лица всегда должны быть прирожденные англичане. Но иностранцамъ и, въ частности, купцамъ разрѣшается мирно пріѣзжать въ Англію и жить здѣсь. „Ордонансъ (ordinatio) этотъ составленъ въ Лондонѣ съ согласія, по желанію и по повелѣнію государя короля, а также прелатовъ, бароновъ и общины, здѣсь тогда присутствовавшей".

Въ качествѣ избирателей оказались выбранными графъ Лестер-

скій (Симонъ де-Монфоръ), графъ Глостерскій (сынъ умершаго въ 1262 году главы олигарховъ) и епископъ Чичестерскій Стефанъ Беркстэдъ, при чемъ главная роль естественно перешла къ графу Лестерскому.

Творцы новой конституціи не видѣли въ ней окончательной формы для политической жизни Англіи. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключить изъ того, что эта конституція должна была оставаться въ силѣ лишь до конца царствованія Генриха и нѣкоторое время при его преемникѣ. Повидимому, она была предназначена лишь создать общія условія для свободной отъ всякихъ тормазовъ дѣятельности побѣдившей самодержавіе конституціонной партіи и ея вождей на поприщѣ умиротворенія страны путемъ проведенія давно уже намѣченныхъ жизнью реформъ и утвержденія основъ правового порядка. То новое, что узаконялось въ политической жизни Англіи дѣятельностью ставшихъ во главѣ управленія людей, было привлеченіе „общины всей земли“ къ активному участію въ рѣшеніи судебъ страны черезъ свободно избранныхъ представителей. Какъ мы только что видѣли, самая конституція 1264 года была составлена въ парламентѣ, въ которомъ на равныхъ правахъ со свѣтскими и духовными баронами присутствовали и представители „общины“, пославшей сюда по четыре „самыхъ полноправныхъ и самыхъ уважаемыхъ“ рыцаря, выбранныхъ отъ каждаго графства.

Въ слѣдующемъ 1265 году Симонъ де-Монфоръ опять созвалъ отъ имени короля парламентъ, и въ немъ „община“ была представлена еще полнѣе. Бароновъ свѣтскихъ и духовныхъ на этотъ парламентъ было приглашено сравнительно немного (это были лишь приверженцы графа Лестерскаго и его дѣла, въ лицѣ одного архіепископа, 12 епископовъ, пяти графовъ и 18 бароновъ, къ которымъ было присоединено потомъ еще 10 бароновъ). Но за то сюда получили приглашеніе 105 аббатовъ, пріоровъ и декановъ и магистры двухъ рыцарскихъ орденовъ (тампліеровъ и іоаннитовъ), по два рыцаря отъ каждаго графства (du s milites de legalioribus, probioribus et discretioribus militibus singulorum comitatuum) и по два горожанина (ducs de discretioribus, legalioribus et probioribus tam civibus, quam burgensibus) отъ городовъ Йорка, Линкольна и прочихъ городовъ Англіи, а также отъ „бароновъ и уважаемыхъ людей Пяти Портовъ“ (baronibus et probis hominibus Quinque Portuum).

Безъ преувеличенія можно сказать, что это привлеченіе „общины“ къ активной политической жизни, это введеніе практики призыва въ парламентъ свободно избранныхъ представителей отъ графствъ и городовъ является самымъ крупнымъ фактомъ англійской политической исторіи изучаемой нами эпохи, начинающимъ новую эру въ государственной жизни англійскаго общества. Этотъ крупный шагъ, можно сказать, былъ навязанъ Мон-

фору и его сотрудникамъ самой жизнью. Они прекрасно понимали, что сколько-нибудь прочная политическая форма въ условіяхъ англійскаго развитія должна была опираться на массу и отправляться отъ ея исторически сложившихся организацій. На этой широкой основѣ утвердился въ свое время и вѣка существовалъ деспотическій режимъ Вильгельма Завоевателя. На ней же одной могъ установиться и новый свободный государственный порядокъ, шедшій на смѣну уже отжившему и осужденному общественнымъ сознаніемъ бюрократическому всевластію, когда-то не чуждому культурнымъ задачамъ, теперь же являвшемуся тормазомъ и бичемъ общественнаго прогресса. Теперь уже нельзя было ограничиваться одними болѣе или менѣе эффектными ссылками на „общину всей земли" при проведеніи тѣхъ или иныхъ политическихъ мѣропріятій, нерѣдко ничего общаго съ интересами „общины" не имѣвшихъ. Свободная организованная масса—а только о ней пока и могла быть рѣчь, такъ какъ полусвободное, крѣпостное крестьянство по самому своему соціальному положенію еще въ счетъ не шло—уже давно стучалась въ двери парламента, и открытіе для нея этихъ дверей было лишь вопросомъ времени. Къ половинѣ тринадцатаго вѣка въ процессѣ политическаго роста англійскаго общества наступилъ кризисъ: все развивавшіяся силы общественнаго организма, находившіяся до тѣхъ поръ какъ бы въ связанномъ состояніи, сразу прорвались черезъ сковывавшія ихъ историческія рамки, ища новыхъ, болѣе широкихъ и свободныхъ политическихъ формъ. Удержать ихъ въ ихъ прежнихъ рамкахъ было уже невозможно. Понималъ это не только Симонъ де-Монфоръ и его единомышленники. То же самое ясно стало и королю, и руководителямъ его партіи, и они не замедлили доказать это, какъ только власть опять вернулась въ ихъ руки. Разрѣшать выдвигаемыя жизнью все болѣе и болѣе сложныя государственныя задачи съ помощью одного лишь бюрократическаго механизма правительство уже вовсе не могло, и если до сихъ поръ оно, такъ сказать, неоффиціально обращалось къ общественному содѣйствію, посылая своихъ агентовъ въ графства, чтобы тамъ, на мѣстѣ, съ помощью „народнаго собранія" графства и его выборныхъ дать окончательную, уже вполнѣ конкретную форму рѣшенію, принятому въ центрѣ, то теперь оно принуждено было открыто стать на путь вполнѣ оффиціальнаго привлеченія народныхъ представителей къ участію наравнѣ съ духовными и свѣтскими магнатами королевства въ обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ въ государствѣ. Если путь этотъ впервые былъ открытъ Симономъ де-Монфоромъ, призвавшимъ въ парламентъ выборныхъ представителей отъ графствъ и городовъ, то указанъ онъ былъ всѣмъ ходомъ общественнаго и политическаго развитія Англіи. Симонъ де-Монфоръ, очутившись въ положеніи полновластнаго главы государства и получивъ благо-

даря этому полную возможность проводить въ жизнь исповѣдуемые имъ политическіе принципы, лишь далъ соотвѣтствующее политическое выраженіе окончательно опредѣлившемуся къ его времени взаимоотношенію общественныхъ силъ Англіи. И безъ Симона де-Монфора политическое развитіе Англіи пошло бы по этому же пути, потому что это былъ путь единственно возможный и необходимый.

V.

Графу Лестерскому не долго пришлось держать въ своихъ рукахъ власть. Роялистамъ удалось опять собрать и организовать свои силы. Во главѣ ихъ сталъ наслѣдный принцъ Эдуардъ, удачно бѣжавшій изъ почетнаго плѣна, въ которомъ онъ, какъ и король, содержался со времени пораженія при Льюисѣ. 4 августа 1265 года произошла битва при Ивзэмѣ. Симонъ де-Монфоръ былъ убитъ и войско его было разбито на голову. Борьба, однако, этимъ не кончилась и продолжалась еще болѣе года. Только въ октябрѣ 1266 года былъ заключенъ воюющими сторонами миръ. Условія его дошли до насъ въ изданномъ 31 октября этого же года королевскомъ ордонансѣ (въ такъ называемомъ Dictum de Kenilworth). Конституція 1264 года отмѣнялась; король возстановлялся во всей полнотѣ своей власти, и ему возвращались всѣ принадлежавшія коронѣ владѣнія и всякія иныя права, незаконно перешедшія во время предшествовавшихъ неурядицъ въ другія руки; всѣ грамоты, обязательства и другіе документы, изданные и выданные королемъ и принцемъ Эдуардомъ „и другими вѣрными“ „по поводу Оксфордскихъ Провизій или по поводу бывшаго въ королевствѣ замѣшательства по настоянію Симона де-Монфора, графа Лестерскаго, и его сообщниковъ“, равно какъ и „вредные и предосудительные“ акты и договоры о недвижимости, исходившіе отъ самого графа Симона и отъ его сообщниковъ, объявлялись недѣйствительными. Все это было вполнѣ осуществимо для вернувшагося къ власти правительства Генриха III. Но едва-ли могло быть осуществлено другое его распоряженіе, направленное на такую сферу человѣческихъ проявленій, которая менѣе всего поддается запретительнымъ воздѣйствіямъ предержащей власти и, можетъ быть, именно поэтому такъ подзадориваетъ ея полицейскій пылъ. За короткое время, протекшее со дня смерти Симона де-Монфора, этотъ народный герой и борецъ за свободу (такъ на него смотрѣли въ самыхъ широкихъ кругахъ англійскаго общества, воплощая въ немъ все то, чѣмъ горѣли сердца людей, боровшихся вмѣстѣ съ нимъ противъ королевскаго абсолютизма), уже сталъ національнымъ святымъ, и по всей Англіи успѣла распространиться молва о чудесахъ, которые творились на его могилѣ. Эта народная кано-

низація графа Лестерскаго въ значительной мѣрѣ отравляла торжество его побѣдителей, и среди статей королевскаго ордонанса, устанавливающаго условія мирнаго договора съ побѣжденными, мы читаемъ запрещеніе считать Симона графа Лестерскаго святымъ и праведникомъ и распространять слухи о его чудесахъ. Окончательно борьба прекратилась, однако, лишь къ осени слѣдующаго 1267 года. Характерно, что въ созванномъ въ ноябрѣ того же года въ Марлборо парламентѣ присутствовали и народные представители въ лицѣ рыцарей отъ графствъ. Парламентъ этотъ какъ бы подвелъ итоги всей эпохѣ ожесточенной борьбы и, вновь издавъ съ нѣкоторыми пропусками Уэстминстерскія Провизіи 1259 года, сдѣлалъ закономъ королевства многое изъ того, чего требовали бароны на Бѣшенномъ Парламентѣ 1258 года. Очевидно, жизнь далеко ушла впередъ за эти безъ малаго девять лѣтъ, если то, чего съ оружіемъ въ рукахъ не могли добиться поднявшіе борьбу противъ королевскаго деспотизма бароны, теперь возводилось въ законъ самой королевской властью въ моментъ полнаго ея торжества надъ всѣми ея врагами.

При преемникѣ Генриха III приглашеніе въ парламентъ, на ряду съ духовными и свѣтскими магнатами, и представителей отъ графствъ и отъ городовъ становится все болѣе и болѣе частымъ. Этому въ сильнѣйшей мѣрѣ способствовало то обстоятельство, что Эдуарду I приходилось вести безконечныя войны то съ Уэлзомъ, то съ Франціей, то съ Шотландіей и волей-неволей приходилось обращаться къ націи за помощью и поддержкой и для этого призывать ея представителей, такъ какъ инымъ путемъ добывать необходимыя для покрытія военныхъ расходовъ средства было крайне затруднительно и не всегда возможно. При всей властности своего характера и при всѣхъ своихъ автократическихъ замашкахъ, Эдуардъ I принужденъ былъ признать и торжественно провозгласить великій политическій и конституціонный принципъ, согласно которому *то, что касается всѣхъ, должно быть всѣми одобрено.* Формулу эту мы встрѣчаемъ въ пригласительныхъ письмахъ, отправленныхъ королемъ архіепископамъ — кентерберійскому и йоркскому и всѣмъ епископамъ Англіи и призывавшихъ ихъ въ парламентъ, который долженъ былъ собраться въ Уэстминстерѣ въ воскресенье послѣ зимняго Мартина въ 1295 году. Парламентъ этотъ считается образцовымъ парламентомъ (a model parliament) по полнотѣ, съ какой въ немъ были представлены основные элементы англійскаго общества той поры. Присутствовать на немъ были приглашены оба архіепископа, всѣ епископы, ихъ архидіаконы, пріоры капитуловъ ихъ епархій, по одному представителю отъ каждаго капитула и по два представителя отъ духовенства каждой епархіи, 67 аббатовъ, пріоръ-госпитальеровъ и магистры двухъ другихъ духовно-рыцарскихъ орденовъ, семь графовъ и 41 баронъ, а также по два

рыцаря отъ каждаго графства и по два горожанина отъ каждаго города. Духовные и свѣтскіе лорды получили именныя приглашенія отъ короля, при чемъ въ письмахъ къ архіепископамъ и епископамъ король просилъ ихъ явиться лично и прислать пріоровъ капитуловъ, архидіаконовъ и представителей отъ капитуловъ и отъ духовенства ихъ епархій; что же касается рыцарей отъ графствъ и представителей отъ городовъ, то они были приглашены приказами, отправленными королемъ шериффамъ (губернаторамъ) графствъ; этими приказами предписывалось шериффамъ каждому въ своемъ графствѣ немедленно же распорядиться о томъ, чтобы были избраны отъ каждаго графства по два рыцаря и отъ каждаго города и отъ каждаго бурга по два горожанина изъ болѣе уважаемыхъ и болѣе способныхъ къ труду, и чтобы эти лица явились къ королю къ назначенному дню и въ указанное мѣсто, имѣя полномочіе исполнять здѣсь за себя и за общины своихъ графствъ и городовъ то, что здѣсь будетъ постановлено общимъ совѣтомъ.

Признавъ и торжественно провозгласивъ конституціонный принципъ въ его общей, отвлеченной формѣ („то, что касается всѣхъ, должно быть всѣми одобрено“), Эдуардъ I вскорѣ принужденъ былъ признать его и въ его совершенно реальномъ, вполнѣ конкретномъ примѣненіи. Произошло это всего лишь черезъ два года послѣ созыва „образцоваго“ парламента 1295 года. Провозглашеніе политическаго принципа и облеченіе его въ плоть и кровь реальной дѣйствительности,—это двѣ различныя вещи, вовсе не слѣдующія съ логической необходимостью одна за другой, и событія 1297 года съ полной ясностью показали это, краснорѣчиво свидѣтельствуя о томъ, что только наличность въ обществѣ организованныхъ силъ, готовыхъ и способныхъ отстаивать провозглашенный принципъ со всей энергіей жизненно заинтересованныхъ людей, можетъ превратить чисто теоретическое положеніе, подъ давленіемъ крайне затруднительныхъ обстоятельствъ оффиціально высказанное правительственною властью и даже облеченное въ форму вполнѣ дѣлового документа, въ жизненное начало реальнаго политическаго порядка, болѣе соотвѣтствующаго новому взаимоотношенію общественныхъ силъ, уже не вмѣщающихся въ старыхъ политическихъ рамкахъ. То, что идеологу представляется, какъ борьба принциповъ, ихъ логическая игра, въ дѣйствительности представляетъ собою борьбу реальныхъ интересовъ общественныхъ группъ, въ теоретическихъ положеніяхъ находящихъ лишь свое выясненіе и болѣе или менѣе точную формулировку. Побѣда того или иного принципа, общественнаго или политическаго, означаетъ капитуляцію или просто уступку со стороны господствовавшей раньше группы, вынужденной предоставить другимъ группамъ право на общественное или политическое самоопредѣленіе, котораго до

сихъ поръ онѣ были лишены, и, какъ всякая побѣда, она является лишь завершеніемъ общественной борьбы. И англійскому обществу для того, чтобы окончательно упрочить конституціонный порядокъ, въ формѣ теоретическаго принципа признанный за нимъ главою правящей группы, пришлось опять вступить въ борьбу съ все еще не желавшей оставлять своей самодержавной позиціи королевской властью и, только одержавъ надъ ней на этотъ разъ безкровную, но отъ этого еще болѣе славную, побѣду, ему удалось обезпечить себѣ активное участіе въ рѣшеніи судебъ страны. Этотъ моментъ въ исторіи политическаго освобожденія англійскаго общества вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы остановить на немъ вниманіе читателя.

VI.

Войны съ Уэлзомъ, Шотландіей и Франціей вызвали большое напряженіе платежныхъ силъ страны и создали почву для общественнаго недовольства, тѣмъ болѣе серьезнаго, что Эдуардъ весьма не рѣдко прибѣгалъ къ совершенно произвольнымъ взиманіямъ, не дѣлая при этомъ исключенія ни для одного изъ общественныхъ классовъ, ни для клира, ни для мірянъ, ни для землевладѣльцевъ, ни для городского населенія. Особенно тяжело приходилось купцамъ, вывозившимъ уже знаменитую тогда англійскую шерсть. Король заставлялъ ихъ платить ему огромныя вывозныя пошлины, а нерѣдко и просто приказывалъ брать у нихъ всю наличную шерсть и выдавать имъ росписки изъ государственнаго казначейства, по которымъ они могли бы потомъ получить слѣдуемое за шерсть вознагражденіе (что было для нихъ далеко не легкимъ дѣломъ).

Первымъ возвысило голосъ противъ такого безцеремоннаго хозяйничанья правительства въ общественныхъ карманахъ духовенство. Когда на парламентѣ, засѣдавшемъ въ Эдмондсбери въ ноябрѣ 1296 года, король обратился къ присутствовавшимъ съ требованіемъ денегъ, архіепископъ кентерберійскій и примасъ Англіи Уинчелзи отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на изданную незадолго передъ тѣмъ папою Бонифаціемъ VIII буллу Clericis laicos, грозившую отлученіемъ духовенству, если оно будетъ платить, и свѣтскимъ властямъ, если они будутъ требовать десятую, двадцатую, сотую и пр. деньгу въ видѣ налога съ доходовъ или съ имущества церкви или ея служителей. Когда такой же отвѣтъ дала созванная архіепископомъ въ январѣ 1297 года конвокація изъ духовенства его провинціи, король объявилъ англійское духовенство лишеннымъ его королевскаго покровительства, а затѣмъ и вовсе изъялъ его изъ подъ защиты законовъ. Въ отвѣтъ на это Уинчелзи отлучилъ отъ церкви враговъ ея. Тогда

Эдуардъ приказалъ взять въ королевскую руку свѣтскіе фьефы духовенства кентерберійской провинціи.

Въ концѣ февраля король созвалъ въ Солсбери собраніе изъ однихъ свѣтскихъ бароновъ и предложилъ баронамъ отправляться на войну въ Гасконь въ то время, какъ самъ онъ отправится во Фландрію. Подъ разными предлогами бароны стали отказываться. Тогда Эдуардъ заявилъ имъ, что онъ отниметъ у нихъ ихъ земли и отдастъ тѣмъ, кто пожелаетъ отправиться въ Гасконь. Между нимъ и вождями бароновъ: Рожеромъ Биго графомъ Норфокскимъ, маршаломъ Англіи, и Гэмфри Богэномъ графомъ Герефордскимъ, конетаблемъ Англіи, произошло крупное пререканіе. Собраніе было прервано. Бароны разъѣхались и стали готовиться къ войнѣ съ королемъ. Подъ знамена графовъ Норфокскаго и Герефордскаго собралось болѣе тридцати крупныхъ феодаловъ. Подъ ихъ командой находилась весьма внушительная по тому времени военная сила въ полторы тысячи хорошо вооруженныхъ всадниковъ. Не начиная еще военныхъ дѣйствій, бароны ограничивались пока тѣмъ, что не позволяли королевскимъ чиновникамъ собирать деньги, шерсть, шкуры и другіе предметы въ своихъ помѣстьяхъ. Эдуардъ принялъ тонъ диктатора и издалъ повелѣніе, чтобы вся шерсть въ странѣ была взята въ королевскую руку, а купцамъ были выданы росписки. Столь же самовольно распорядился король, чтобы отъ каждаго графства было доставлено ему по 2000 четвертей пшеницы и столько же овса, а также запасъ говядины и свинины, а затѣмъ разослалъ по странѣ приказъ, чтобы всѣ обладающіе земельнымъ доходомъ въ 20 фунтовъ стерл., чьими бы вассалами они ни были, конны и оружны являлись въ ополченіе, которое должно собраться въ Лондонѣ къ 7 іюля, и затѣмъ отправиться за море вмѣстѣ съ королемъ. Нужно замѣтить, что до сихъ поръ народное ополченіе никогда не созывалось для наступательной войны. Къ назначенному сроку ополченіе собралось. Король созвалъ бароновъ въ соборъ св. Павла и предложилъ графамъ Норфокскому и Герефордскому приступить къ исполненію своихъ обязанностей маршала и конетабля и составить списки ополченцевъ. И Биго, и Богэнъ отказались повиноваться, ссылаясь на то, что они явились на собраніе не въ силу оффиціальнаго приказа, а по особой просьбѣ короля. Это былъ, конечно, лишь предлогъ, предлогъ, заранѣе обдуманный и обсужденный на собраніи, которое графы и бароны тайно устроили въ лѣсу на уэлзской границѣ, чтобы установить опредѣленный планъ дѣйствій. Отвѣтъ маршала и конетабля привелъ короля въ сильнѣйшее раздраженіе, но въ то же время онъ почувствовалъ и понялъ, что имѣетъ дѣло съ организованной общественной силой, въ отношеніи которой полицейскія репрессіи безсильны и безплодны. Эдуардъ рѣшилъ апеллировать къ народу, предварительно помирившись съ архіе-

пископомъ кентерберійскимъ и возвративъ ему конфискованныя владѣнія его каѳедры. Современный хроникеръ оставилъ намъ описаніе чувствительной сцены, происшедшей 14 іюля передъ уэстминстерскимъ дворцомъ. На устроенный передъ дворцомъ деревянный помостъ взошелъ король съ наслѣдникомъ престола въ сопровожденіи примаса и графа Уорика и со слезами на глазахъ обратился къ народу съ рѣчью, въ которой, признавая, что, быть можетъ, онъ не такъ хорошо и мирно управлялъ, какъ бы слѣдовало королю, онъ просилъ народъ помнить, что тѣ частицы изъ народнаго имущества, которыя народъ далъ ему самъ или королевскіе слуги, безъ его, короля, вѣдома, путемъ вымогательствъ взяли у народа, были истрачены имъ на дѣло защиты націи отъ враговъ, жаждущихъ ея погибели. Теперь онъ отправляется сражаться за народъ. Если ему удастся вернуться, пусть народъ приметъ его, какъ теперь принимаетъ, и онъ вернетъ народу все, взятое у него. Если же ему не суждено вернуться, пусть народъ коронуетъ себѣ въ короли его сына. По лицу архіепископа потекли слезы, и онъ обѣщалъ оставаться вѣрнымъ королю и исполнить все, о чемъ говорилъ король. Народъ поднятіемъ рукъ засвидѣтельствовалъ королю свои вѣрноподданническія чувства. Бароны не присутствовали при этомъ. Они продолжали настаивать на безцѣльности и опасности похода во Фландрію, указывая на то, что страна и безъ того раззорена и что королю слѣдуетъ прекратить поборы и болѣе серьезно соблюдать Великую Хартію, и рѣшительно отказывались идти съ королемъ на войну. Король предложилъ имъ подтвердить Великую Хартію, если они дадутъ ему пособіе въ видѣ восьмой деньги за себя и пятой деньги съ городовъ. Не получивъ, повидимому, отъ нихъ удовлетворительнаго отвѣта, Эдуардъ обратился съ тѣмъ же предложеніемъ къ самымъ значительнымъ изъ явившихся въ ополченіе людей, пригласивъ ихъ въ свои аппартаменты, и этотъ импровизированный парламентъ, находясь подъ не остывшимъ еще впечатлѣніемъ отъ сцены королевскаго всенароднаго покаянія—а руководители движенія, между тѣмъ, уже удалились—разрѣшилъ ему просимое пособіе. Чувствуя, однако, всю неконституціонность такого шага, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю шаткость почвы, на которую онъ становился, король поручилъ архіепископу кентерберійскому вступить въ переговоры съ главами оппозиціи и склонить ихъ дать свое согласіе на разрѣшенный при такой крайне сомнительной обстановкѣ налогъ. Переговоры не привели ни къ чему, и король разослалъ приказъ о взиманіи налога, а также о захватѣ у купцовъ 8.000 мѣшковъ шерсти и рѣшилъ немедленно же отправляться за море. Но духъ его не былъ спокоенъ, и прежде, чѣмъ сѣсть на корабль, онъ счелъ необходимымъ еще разъ апеллировать къ народу. Съ этою цѣлью были разосланы по странѣ открытыя письма, въ которыхъ

король напоминалъ о своей ссорѣ съ графами и о своихъ попыткахъ къ примиренію съ ними и опровергалъ слухъ, будто бы ему былъ представлена графами петиція съ жалобой на разнаго рода притѣсненія и будто бы онъ отказался принять ее; если такая петиція и существуетъ, и въ ней содержатся жалобы на его частыя обращенія къ народу за пособіями, то онъ и самъ вполнѣ понимаетъ всю справедливость этихъ жалобъ, но проситъ народъ припомнить, что онъ истратилъ взятыя у него деньги не на пріобрѣтеніе территорій, а на защиту себя и народа; если ему удастся вернуться, онъ съ радостью возмѣститъ все; если же не удастся, это сдѣлаютъ за него его наслѣдники; войны требуютъ интересы всѣхъ, и онъ долженъ исполнять свои обязанности.

Петиція, о которой говорилъ король, дѣйствительно существовала, и онъ не успѣлъ еще покинуть англійскіе берега, какъ она была представлена ему отъ имени всѣхъ сословій королевства. „Вотъ бѣдствія, на которыя указываютъ государю-королю архіепископы, епископы, аббаты и пріоры, графы и бароны и вся община земли и смиренно просятъ его, чтобы онъ къ чести своей и для спасенія народа своего изволилъ ихъ исправить“. Таковы начальныя слова этого документа, за которыми слѣдуетъ обстоятельное изложеніе самыхъ бѣдствій. Указавъ на незаконность предъявленнаго королемъ общинѣ требованія отправляться во Фландрію, куда ни сами они, ни предки ихъ не призывались воевать, авторы петиціи заявляютъ, что, если бы даже они и обязаны были отправляться туда, то не могли бы этого сдѣлать, такъ какъ сильно угнетены разнаго рода налогами, пособіями и захватами (пшеницы, овса, солода, кожъ, быковъ, коровъ, солонины). Они не могутъ дать теперь пособія королю по причинѣ бѣдности, въ какую они впали, благодаря этимъ налогамъ и захватамъ, такъ что имъ еле хватаетъ на житье, а есть многіе, у которыхъ нѣтъ никакихъ средствъ къ существованію, и они не въ состояніи воздѣлывать свои земли. Кромѣ того, вся страна чувствуетъ себя сильно угнетенной, вслѣдствіе того, что съ ними не обращаются согласно законамъ и обычаямъ страны, какъ обращались обыкновенно съ ихъ предками, и вслѣдствіе того, что у нихъ нѣтъ теперь вольностей, которыя они привыкли имѣть... „Ибо многіе чувствуютъ себя угнетенными оттого, что они привыкли, чтобы съ ними обращались согласно статьямъ, содержащимся въ Великой Хартіи, всѣ статьи которой теперь выпущены къ величайшему ущербу для всего народа. Поэтому они просятъ государя нашего короля, чтобы онъ соизволилъ это исправить для своей чести и для спасенія своего народа“. За этимъ слѣдуютъ жалобы на несоблюденіе Лѣсной Ассизы и Лѣсной Хартіи и на налогъ на шерсть, чрезвычайно обременительный, доходящій до 40 шиллинговъ и до 7 марокъ ($=13^1/_3$ шиллинг.$\times 7$) на мѣшокъ. Въ заключеніе община выражала королю

самыя лучшія пожеланія, но не находила полезнымъ походъ во Фландрію.

Пользуясь тѣмъ, что часть его совѣта уже переправилась во Фландрію, король отказался дать отвѣтъ на эту петицію, заявивъ, что онъ не можетъ сдѣлать этого безъ своего совѣта, и, издавъ приказъ собрать съ духовенства третью часть его свѣтскихъ доходовъ (не дожидаясь результата совѣщаній конвокаціи кентерберійской провинціи, рѣшавшей вопросъ о субсидіи королю), 22 августа отправился во Фландрію, оставивъ сына своего Эдуарда регентомъ королевства. Въ тотъ же день графы Норфокскій и Герефордскій въ сопровожденіи двухъ бароновъ явились въ Палату Шахматной Доски (иначе Палата Казначейства) и здѣсь выразили протестъ противъ захвата шерсти, произведеннаго по королевскому повелѣнію, и потребовали отъ бароновъ казначейства (членовъ палаты), чтобы они послали шериффамъ (губернаторамъ графствъ) приказъ пріостановить сборъ съ народа восьмой деньги, какъ незаконный, до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ формальное подтвержденіе Великой Хартіи. Къ нимъ присоединились лондонскіе горожане, которыхъ, по словамъ лѣтописца, они „склонили выступить совмѣстно съ ними за дѣло возстановленія своихъ вольностей". Узнавъ объ этомъ, король прислалъ распоряженіе, чтобы восьмую деньгу продолжали собирать, но издали бы прокламацію о томъ, что этотъ налогъ не будетъ служить прецедентомъ. Прокламація эта успѣха не имѣла. Правительству пришлось созвать парламентъ. Приглашены были въ него лишь духовные и свѣтскіе бароны и рыцари отъ графствъ. Мѣстомъ собранія былъ назначенъ Лондонъ. Графы Норфокскій и Герефордскій привели съ собой полторы тысячи всадниковъ и большой отрядъ отборныхъ пѣхотинцевъ и согласились войти въ городъ лишь послѣ того, какъ получили отъ правительства разрѣшеніе поставить у воротъ столицы свою стражу, „чтобы, вступивъ безъ оружія, они не оказались запертыми, какъ овцы въ овчарнѣ". Въ парламентѣ графы категорически потребовали подтвержденія Великой Хартіи, дополненной новыми статьями, основанными на поданной королю въ августѣ петиціи и тутъ же представленными регенту. Регенту ничего не оставалось, какъ согласиться на требованіе графовъ, такъ внушительно обставленное, и 10 октября онъ подтвердилъ Великую и Лѣсную Хартіи, утвердилъ новыя статьи Великой Хартіи и немедленно же отправилъ ихъ своему отцу для окончательнаго подтвержденія, которое и произошло 5 ноября (1297 года).

Новыя статьи, которыми была дополнена Великая Хартія послѣ этого подтвержденія Хартій (Confirmatio Cartarum), дошли до насъ въ двухъ редакціяхъ, французской и латинской. Латинская редакція, такъ называемый *Статутъ о неразрѣшеніи налога* (Statutum de tallagio non concedendo) отличается болѣе категорич-

скимъ тономъ и, повидимому, представляетъ собою сокращенное и не вполнѣ точное изложеніе французскаго подлинника. Французскій текстъ состоитъ изъ семи статей. Въ первой статьѣ король доводитъ до общаго свѣдѣнія, что онъ подтвердилъ Великую Хартію Вольностей, а также Лѣсную Хартію, и требуетъ ихъ опубликованія и примѣненія ихъ всѣми должностными лицами въ королевствѣ, а во второй статьѣ объявляетъ не имѣющими юридической силы всѣ рѣшенія, постановленныя должностными лицами въ противность этимъ Хартіямъ. Въ третьей статьѣ король предписываетъ разослать эти хартіи съ его королевской печатью во всѣ каѳедральныя церкви, чтобы онѣ хранились тамъ и два раза въ годъ прочитывались передъ народомъ, а въ четвертой требуетъ, чтобы всѣ архіепископы и епископы подвергали великому отлученію всѣхъ, кто дѣломъ, словомъ или совѣтомъ пойдетъ противъ этихъ хартій; отлученія эти должны произноситься дважды въ годъ; а кто не захочетъ этого дѣлать, того должны принудить къ этому архіепископы кентерберійскій и йоркскій. Въ пятой статьѣ король постановляетъ за себя и за своихъ наслѣдниковъ, что пособія деньгами и трудомъ, которыя были разрѣшены ему передъ этимъ для военныхъ и иныхъ надобностей, равно какъ и сдѣланные имъ захваты натурою ни въ какомъ случаѣ не будутъ сдѣланы прецендентомъ. „И пожаловали мы также“, читаемъ мы въ шестой статьѣ, „за себя и за нашихъ наслѣдниковъ архіепископамъ, епископамъ, аббатамъ и пріорамъ и другимъ людямъ святой церкви, а также графамъ и баронамъ и всей общинѣ земли, что *мы ни для какой надобности не будемъ брать такого рода пособій и не будемъ дѣлать подобнаго рода захватовъ въ нашемъ королевствѣ иначе, какъ съ общаго согласія всего королевства и для общей пользы этого же королевства, исключая древнія пособія и захваты, слѣдуемые по закону и по обычаю*“. Седьмою статьей король, удовлетворяя просьбу большей части общины королевства, отмѣняетъ несправедливую пошлину на шерсть, равную сорока шиллингамъ съ мѣшка, и постановляетъ, что впредь онъ не будетъ брать такой или иной какой пошлины безъ ихъ общаго согласія и ихъ доброй воли, оставляя, однако, себѣ и своимъ наслѣдникамъ пошлину на шерсть, шкуры и кожи, раньше разрѣшенную общиной королевства.

Оговорки, которыя мы сейчасъ видѣли въ послѣднихъ трехъ статьяхъ французскаго текста, отсутствуютъ въ соотвѣтствующихъ статьяхъ латинской редакціи этого документа. Тамъ мы читаемъ буквально слѣдующее:

„I. *Никакой налогъ или пособіе не будетъ впредь налагаться или взиматься въ королевствѣ нашемъ нами или наслѣдниками нашими безъ воли и общаго согласія архіепископовъ, епископовъ и другихъ прелатовъ, графовъ, бароновъ, рыцарей, горожанъ и иныхъ свободныхъ людей въ королевствѣ нашемъ.*

„II. Никакой слуга нашъ или наслѣдниковъ нашихъ не будетъ брать хлѣба, шерсти, кожъ или другого чьего бы то ни было имущества безъ воли и согласія того, кому принадлежитъ это имущество.

„III. Впредь ничего не должны брать съ мѣшка шерсти подъ видомъ и названіемъ несправедливой пошлины".

Очевидно, оговорки нужны были лишь королю, чтобы хоть сколько-нибудь замаскировать свое пораженіе, свою капитуляцію передъ обществомъ и его организованными силами. Современникамъ же, равно какъ и послѣдующимъ поколѣніямъ, эта общественная побѣда являлась во всемъ своемъ блескѣ и во всей своей безусловной непререкаемости, и латинская версія „Статей, вставленныхъ въ Великую Хартію", оставленная намъ однимъ хроникеромъ, передаетъ именно такое пониманіе смысла этого крупнаго событія въ исторіи политическаго освобожденія англійскаго народа. Завоевавъ себѣ право вполнѣ самостоятельно распоряжаться своимъ достояніемъ для удовлетворенія государственныхъ надобностей, поставивъ взиманіе налоговъ въ необходимую зависимость отъ опредѣленно выраженнаго согласія самого общества, англійскій народъ пріобрѣлъ прочный базисъ для развитія своего политическаго самоопредѣленія въ тѣхъ формахъ, какія были подготовлены всѣмъ своеобразнымъ ходомъ его исторіи. Съ этихъ поръ парламентскій режимъ сталъ въ Англіи на вполнѣ твердую почву, въ особенности послѣ того, какъ былъ выдвинутъ и вошелъ въ жизнь принципъ, что субсидіи королю должны разрѣшаться парламентомъ лишь послѣ того, какъ правительство удовлетворитъ ходатайства, предъявленныя ему въ парламентѣ народными представителями. Естественнымъ заключеніемъ нашего очерка и будетъ общая характеристика англійскаго парламента въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сложился къ половинѣ слѣдующаго, четырнадцатаго столѣтія.

VII.

На англійскомъ парламентѣ съ рѣдкой отчетливостью запечатлѣлась вся своеобразная исторія англійскаго политическаго и соціальнаго развитія, и въ этомъ отношеніи онъ чрезвычайно интересенъ для всякаго, кто изучаетъ возникновеніе политическихъ и общественныхъ формъ. То своеобразное сочетаніе феодализма и широкой государственности, которое такъ характерно для англійской политической организаціи уже со второй половины одиннадцатаго вѣка, съ момента нормандскаго завоеванія, цѣликомъ отразилось и на организаціи англійскаго парламента съ его верхней палатой, или палатой лордовъ, и его нижней палатой, или палатой общинъ, уже окончательно сложившимися къ половинѣ четырнадцатаго столѣтія.

Самое слово *парламентъ* (parliamentum) вошло въ политическій обиходъ Англіи еще до того, какъ королевская власть стала приглашать для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ въ государствѣ выборныхъ представивителей отъ графствъ и отъ городовъ. Намъ уже не одинъ разъ приходилось отмѣчать этотъ фактъ при изученіи событій, предшествовавшихъ установленію въ Англіи народнаго представительства. Но тогда это слово примѣнялось къ тому учрежденію, которое въ прежнее время обозначалось терминомъ *Великій Совѣтъ* (Magnum Coucilium) и представляло собою собраніе духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ королевства, созывавшихся королемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ нуждался въ ихъ совѣтѣ и содѣйствіи. Все это были прямые вассалы короля. Но тѣмъ не менѣе это не было чисто феодальное учрежденіе, феодальный сеймъ, куда имѣлъ право быть приглашеннымъ каждый прямой вассалъ короля. Благодаря тому, что королевская власть въ Англіи съ Вильгельма Завоевателя, опираясь на народъ и на общенародныя учрежденія, сохранившіяся отъ англо-саксонской эпохи, имѣла возможность удержать за феодализмомъ лишь роль необходимой при господствѣ натуральнаго хозяйства формы организаціи правительственныхъ средствъ *) и поставить феодаловъ въ полное къ себѣ подчиненіе, какъ своихъ служилыхъ людей, эти послѣдніе не могли претендовать на то положеніе, которое занимали феодалы въ государствѣ съ слабой королевской властью, почти превратившейся въ формальный сюзеренитетъ (какъ это было, напримѣръ, во Франціи при первыхъ Капетингахъ); не могли они, въ частности, претендовать и на право присутствовать въ Великомъ Совѣтѣ. Король имѣлъ полную возможность звать въ этотъ совѣтъ лишь тѣхъ изъ своихъ служилыхъ людей, съ мнѣніемъ которыхъ онъ находилъ нужнымъ въ данный моментъ считаться. Вслѣдствіе этого Великій Совѣтъ болѣе напоминаетъ *собраніе мудрыхъ* страны, *уитенагемотъ* англо-саксонской поры, чѣмъ феодальный сеймъ. Да къ тому же онъ и явился прямымъ продолженіемъ уитенагемота, который въ свою очередь сталъ пріобрѣтать къ концу англо-саксонскаго періода феодальный отпечатокъ, отражая на себѣ феодализаціонный процессъ, развивавшійся въ обществѣ. Правда, нельзя отрицать и того, что среди самихъ феодаловъ, вообще, какъ мы знаемъ, далеко не склонныхъ мириться со скромной ролью служилыхъ людей, какую отводила имъ англійская государственность и не разъ дѣлавшихъ попытки завоевать себѣ болѣе самостоятельное политическое положеніе, идея чисто фео-

*) Мы разумѣемъ надѣленіе феодальными помѣстьями, ленами (т. е. въ сущности правомъ на продукты хозяйственной дѣятельности сидящихъ на этихъ помѣстьяхъ крестьянъ) представителей непроизводительныхъ, т. е. не производящихъ матеріальныхъ цѣнностей классовъ, именно рыцарей и служителей алтаря, съ тѣмъ, чтобы они могли нести военную и духовную службу.

дальной постановки Великаго Совѣта была весьма популярна, и въ моменты, благопріятные феодальнымъ теченіямъ въ англійскомъ обществѣ, ей удавалось добиться и юридическаго признанія. Мы уже видѣли это, когда знакомились съ политическими идеями бароновъ, совмѣстно съ другими классами англійскаго общества заставившихъ Іоанна Безземельнаго подписать Великую Хартію вольностей. Бароны, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ § 14 Великой Хартіи, ставили *общій совѣтъ королевства* (commune consilium regni nostri) на чисто феодальную почву, давая право на участіе въ немъ лишь прямымъ вассаламъ короля. Но этимъ феодальнымъ мечтамъ не суждено было осуществиться, и короли продолжали звать въ Великій Совѣтъ лишь тѣхъ, кого имъ было угодно звать изъ среды своихъ вассаловъ, и такой порядокъ удержался въ отношеніи къ баронамъ и тогда, когда вмѣстѣ съ ними стали приглашать для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ въ королевствѣ и выборныхъ представителей отъ графствъ и отъ городовъ, когда Великій Совѣтъ превратился въ верхнюю палату парламента. Чтобы засѣдать въ этой палатѣ лордовъ, недостаточно было, какъ и въ прежнее время, когда существовалъ еще только одинъ Великій Совѣтъ, быть королевскимъ вассаломъ, недостаточно было владѣть бароніей, или такъ называемой „баронской честью“ (равной $13^1/_2$ рыцарскихъ леновъ): для этого нужно было еще получить отъ короля спеціальное именное приглашеніе. Король могъ послать такое приглашеніе человѣку иного круга, а вовсе не непремѣнно своему вассалу, напримѣръ, извѣстному юристу, знанія котораго могли пригодиться собранію, которому не рѣдко приходилось рѣшать сложные юридическіе вопросы. Съ теченіемъ времени установился принципъ, въ силу котораго разъ данное лицо получило отъ короля хотя бы однажды такое приглашеніе, оно этимъ самымъ пріобрѣтало для себя и для своихъ потомковъ право пожизненно засѣдать въ верхней палатѣ, становилось наслѣдственнымъ совѣтникомъ короля, пэромъ королевства. Но и это установленіе принципа наслѣдственности по отношенію къ членамъ палаты лордовъ не ослабляло тѣмъ не менѣе всей реальности того факта, что источникомъ права засѣдать въ верхней палатѣ являлась воля короля, стоявшая выше феодальныхъ правъ и принциповъ. Такимъ образомъ, если, можетъ быть рѣчь о палатѣ лордовъ, какъ о феодальномъ элементѣ англійскаго парламента, то только съ тѣми ограниченіями, какія необходимо дѣлать вообще, когда мы говоримъ объ англійскомъ феодализмѣ. На палатѣ лордовъ этотъ феодализмъ отпечатлѣлся со всѣмъ своеобразіемъ своей общей постановки въ условіяхъ политическаго развитія англійскаго общества, какъ оно опредѣлилось съ момента нормандскаго завоеванія.

Еще болѣе своеобразный продуктъ политическаго развитія средневѣковой Англіи представляетъ собою *нижняя палата*, или

палата общинъ (the House of Commons) въ томъ ея видѣ, въ какомъ она является въ разсматриваемую нами эпоху. Если своей верхней палатой англійскій парламентъ отразилъ на себѣ англійскій феодализмъ во всемъ его своеобразіи, то своей палатой общинъ онъ всецѣло стоитъ на англо-саксонской, до-феодальной и анти-феодальной почвѣ. Если своей верхней палатой онъ примыкаетъ въ извѣстной мѣрѣ къ французскимъ генеральнымъ штатамъ и аналогичнымъ имъ собраніямъ *государственныхъ чиновъ*, характеризующимъ такъ называемую *сословную монархію*, эту своеобразную форму широкой государственности, построенной на феодальныхъ началахъ, то его нижняя палата сильно отклоняетъ его отъ этого политическаго образца. Палата общинъ менѣе всего можетъ быть отожествлена съ „третьимъ чиномъ“ (tiers etat) генеральныхъ штатовъ средневѣковой Франціи, состоявшимъ, какъ извѣстно, изъ представителей отъ городовъ, этихъ коллективныхъ сеньерій феодальной Франціи, изъ представителей интересовъ торговаго и промышленнаго класса. Нижняя палата средневѣковаго англійскаго парламента представляла интересы не какого-либо одного класса, но всей свободной массы населенія Англіи, за исключеніемъ сравнительно небольшой группы свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ, получившихъ отъ короля именныя приглашенія засѣдать въ палатѣ лордовъ. На ряду съ депутатами отъ городовъ, въ нижней палатѣ присутствовали и такъ называемые *рыцари отъ графствъ* (Knights of the shire), представлявшіе интересы всѣхъ свободныхъ землевладѣльцевъ графства ниже ранга личныхъ совѣтниковъ короны, членовъ верхней палаты. Нижняя палата есть собраніе представителей мѣстныхъ корпорацій свободныхъ людей (communitates или universitates по средневѣковой терминологіи), какими являлись графства и города. Она сама есть организованная корпорація выборныхъ представителей этихъ мѣстныхъ корпорацій (communitas communitatum). Намъ уже приходилось говорить о той роли, какую англійское всесословное графство, это главное наслѣдіе англо-саксонской эпохи, играло въ политической жизни страны, въ особенности послѣ реформъ Генриха II, внесшихъ такъ много жизни въ „народныя собранія“ графствъ и такъ тѣсно связавшихъ ихъ дѣятельность съ дѣятельностью центральныхъ органовъ суда и управленія. Приходилось уже намъ указывать и на то, какъ часто „народныя собранія“ графствъ прибѣгали къ выбору коммиссій въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ нужно было сноситься съ присланными въ графство королевскими агентами какъ по финансовымъ, такъ и по всякимъ инымъ вопросамъ. Еще за долго до того, какъ представители отъ графствъ стали призываться въ парламентъ для совмѣстнаго съ духовными и свѣтскими баронами обсужденія съ королемъ дѣлъ королевства, этимъ выбраннымъ отъ „народныхъ собраній“ графствъ „полноправнымъ и честнымъ“ рыцарямъ очень часто приходилось

обсуждать такія дѣла или, по крайней мѣрѣ, договариваться на счетъ приведенія въ исполненіе принятыхъ при ихъ обсужденіи рѣшеній съ командированными въ графство королевскими чиновниками. Эти избранные „народнымъ собраніемъ“ графства „честные и полноправные рыцари“, какъ на мѣстѣ, такъ и въ парламентѣ, представляли интересы всѣхъ свободныхъ землевладѣльцевъ графства безъ различія военныхъ держателей (рыцарей въ собственномъ смыслѣ) и простыхъ свободныхъ держателей (фригольдеровъ), державшихъ свои земли какъ непосредственно отъ короля (прямыхъ королевскихъ вассаловъ), такъ и отъ другихъ лордовъ (сеньеровъ),—словомъ, интересы всѣхъ тѣхъ, кто составлялъ общину, корпорацію графства (communitas) и на собраніяхъ графства отправлялъ всѣ судебныя, полицейскія, административныя и фискальныя обязанности, лежавшія на графствѣ, какъ на исконной организаціи мѣстныхъ силъ для общегосударственныхъ цѣлей. Крупные бароны, свѣтскіе и духовные, не принимали участія въ жизни графства: ихъ держанія (лены) освобождали ихъ отъ лежавшей на всѣхъ другихъ землевладѣльцахъ обязанности являться въ „народныя собранія“ графства, и даже къ пріѣзду въ графство королевскихъ странствующихъ судей, когда необходимо было присутствіе въ собраніи всѣхъ, на комъ только лежала эта повинность, бароны могли ограничиваться присылкой своихъ управляющихъ. Ихъ ареной было не „народное собраніе“ графства, а Великій Совѣтъ. По отношенію къ нимъ всѣ остальные землевладѣльцы графства естественно чувствовали свою особность и сознавали общность своихъ интересовъ въ противоположность интересамъ этихъ магнатовъ, далеко не склонныхъ стоять за нихъ передъ королемъ и его сановниками въ Великомъ Совѣтѣ и въ то же время рѣшавшихъ здѣсь за нихъ вопросы обложенія. Уже съ момента нормандскаго завоеванія средніе и мелкіе землевладѣльцы были главною опорою королевской власти противъ крупныхъ феодаловъ, усиленіе которыхъ было бы равносильнымъ ихъ угнетенію. Только въ рѣдкіе моменты общественнаго возбужденія, вызваннаго обостреніемъ правительственнаго произвола, являлась солидарность между феодалами и свободной массой; но и въ такіе моменты эта послѣдняя имѣла всѣ основанія еще разъ убѣждаться въ томъ, что ея интересы и интересы феодаловъ далеко не совпадаютъ. Достаточно припомнить чисто феодальную постановку общаго совѣта королевства въ Великой Хартіи и чисто олигархическую конституцію 1258 года. Все это должно было сплачивать свободныхъ землевладѣльцевъ графствъ въ солидарныя общественныя группы и развивать въ нихъ сознаніе своихъ отдѣльныхъ интересовъ, которые съ возникновеніемъ парламента и получили своихъ представителей въ лицѣ засѣдавшихъ въ нижней палатѣ рыцарей отъ графствъ.

Но не одними семьюдесятью четырьмя рыцарями графствъ,

сильными своей солидарностью и органической связью съ пославшими ихъ мѣстными организаціями, были представлены въ нижней палатѣ интересы свободной массы. На ряду съ рыцарями, здѣсь засѣдали и представители отъ городовъ, представители интересовъ ремесленниковъ и купцовъ. Если рыцари отъ графствъ представляли интересы средняго и мелкаго землевладѣнія, то депутаты отъ городовъ являлись представителями интересовъ движимаго, денежнаго капитала, который все болѣе и болѣе привлекалъ фискальное вниманіе правительства, по мѣрѣ осложненія государственныхъ задачъ и увеличенія потребностей фиска. Обложеніе движимости становилось на ряду съ поземельнымъ налогомъ въ разныхъ его формахъ однимъ изъ главныхъ источниковъ правительственныхъ средствъ англійскаго королевства, и чѣмъ дальше, тѣмъ значеніе его все болѣе и болѣе увеличивалось. Англія начала вести крупную торговлю шерстью и кожами, и эти продукты становятся главнымъ предметомъ обложенія и всякаго рода фискальныхъ манипуляцій. Естественно, что интересы начавшаго играть такую видную роль денежнаго капитала рано или поздно должны были получить и политическое признаніе, и ихъ представители должны были занять мѣсто въ парламентѣ, въ его нижней палатѣ. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ, какъ мы знаемъ, Симономъ де-Монфоромъ, призвавшимъ въ парламентъ 1265 года, на ряду съ двумя рыцарями отъ каждаго графства, и по двое горожанъ отъ Йорка, Линкольна и „прочихъ бурговъ Англіи“, а также отъ „бароновъ и честныхъ мужей“ Пяти Портовъ, и съ конца столѣтія приглашеніе въ парламентъ по два представителя отъ городовъ становится такимъ же обычнымъ явленіемъ, какъ и призывъ рыцарей отъ графствъ.

Рыцари отъ графствъ, съ одной стороны, и депутаты отъ городовъ, съ другой, были представителями двухъ соціальныхъ слоевъ, въ условіяхъ англійскаго политическаго развитія нашедшихъ почву для взаимнаго сближенія, которое должно было отразиться и на дѣятельности нижней палаты. „Народное собраніе“ графства было той ареной, на которой давно уже сообща дѣйствовали землевладѣльцы и представители города. На обычныхъ ежемѣсячныхъ собраніяхъ графства горожане не присутствовали, освобожденные отъ этой повинности своими городскими привилегіями и, въ частности, правомъ имѣть собственный судъ внутри своихъ стѣнъ (а эти ежемѣсячныя собранія и созывались прежде всего для судебныхъ цѣлей). Но на экстренныя собранія, созывавшіяся въ полномъ составѣ къ пріѣзду странствующихъ судей и въ другихъ важныхъ случаяхъ, всѣ лежавшіе въ предѣлахъ графства города обязаны были высылать по двѣнадцати своихъ представителей, которые и должны были участвовать вмѣстѣ съ остальными членами собранія въ отправленіи всѣхъ обязанностей, лежавшихъ на собраніи, какъ судебныхъ,

такъ и всякихъ иныхъ, и въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ вопросовъ (и прежде всего фискальныхъ), съ какими обращалась къ нимъ центральная власть черезъ своихъ агентовъ. Эта совмѣстная дѣятельность въ собраніяхъ графства, общія мѣстныя связи и общая потребность отстаивать интересы пославшихъ ихъ общественныхъ организацій отъ всякихъ поползновеній со стороны засѣдавшихъ въ верхней палатѣ феодаловъ,—все это должно было постепенно сблизить рыцарей отъ графствъ съ представителями отъ городовъ, сплотить ихъ въ одно организованное цѣлое и тѣмъ сообщить нижней палатѣ авторитетъ и силу, которыхъ не имѣлъ и не могъ имѣть „третій чинъ" французскихъ генеральныхъ штатовъ, состоявшій изъ однихъ горожанъ, предоставленныхъ самимъ себѣ и лишенныхъ той поддержки, какую депутаты англійскихъ городовъ находили у рыцарей графствъ, не менѣе рыцарей, чѣмъ бароны верхней палаты, и далеко не склонныхъ поступаться своимъ достоинствомъ передъ этими послѣдними. Не удивительно, что уже въ четырнадцатомъ вѣкѣ политическій центръ тяжести утвердился въ нижней палатѣ, въ палатѣ общинъ, этой корпораціи выборныхъ представителей организованныхъ корпорацій свободныхъ людей страны, той самой свободной массы, которая еще съ Вильгельма Завоевателя, укрѣпивъ свою связь съ королевской властью, пересиливала феодальные элементы и отводила имъ сравнительно скромное мѣсто въ политической жизни страны.

Въ теченіе нѣкотораго времени въ нижней палатѣ засѣдали и выборные представители отъ низшаго духовенства. Какъ мы видѣли, въ парламентъ 1295 года были приглашены Эдуардомъ I черезъ архіепископовъ и епископовъ пріоры капитуловъ и архидіаконы, а также по одному уполномоченному отъ каждаго капитула и по двое уполномоченныхъ отъ духовенства каждой епархіи. Реальнымъ основаніемъ для этой попытки короля ввести въ парламентъ представителей массы духовенства (духовные бароны вмѣстѣ со свѣтскими засѣдали въ палатѣ лордовъ) была все развивавшаяся практика обложенія церковной движимости, т. е. церковной десятины и другихъ чисто церковныхъ доходовъ. Но духовенство предпочитало обсуждать и рѣшать вопросы церковнаго обложенія на своихъ собственныхъ, чисто сословныхъ собраніяхъ, на такъ называемыхъ *конвокаціяхъ*, организованныхъ на началѣ представительства и обыкновенно собиравшихся (одна въ Кентербери для духовенства кентерберійской провинціи, а другая въ Іоркѣ для духовенства йоркской провинціи) одновременно съ парламентомъ; здѣсь оно чувствовало себя болѣе обезпеченнымъ отъ давленія со стороны свѣтской власти и сравнительно скоро вовсе перестало посылать своихъ депутатовъ въ палату общинъ.

Въ такія формы отлился англійскій парламентъ въ четырнад-

цатомъ вѣкѣ. Но уже къ концу тринадцатаго столѣтія онъ сталъ на вполнѣ твердую почву послѣ того, какъ англійское общество завоевало себѣ драгоцѣнное право давать правительству для удовлетворенія потребностей государства лишь то, что само общество разрѣшало ему черезъ своихъ свободно избранныхъ представителей. „Пусть государь такъ царствуетъ, чтобы у него никогда не являлось надобности не обращаться къ своимъ подданнымъ", мечталъ авторъ поэмы „Битва при Льюисѣ", а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ конституціоналисты, сражавшіеся подъ знаменами Монфора. Прошло всего тридцать лѣтъ, и эта мечта стала суровымъ фактомъ политической дѣйствительности, и тѣмъ, кто не хотѣлъ признавать его, суждено было „увидѣть результатъ этого въ своей погибели". Какія испытанія ни выпадали потомъ на долю англійскаго общества, но они не могли уже отнять у него того, что дали ему побѣды, одержанныя имъ надъ абсолютизмомъ въ тринадцатомъ вѣкѣ.

Дмитрій Петрушевскій.

---

* * *

Я росъ въ потьмахъ, во мракѣ лживыхъ словъ!..
Чужою мыслью жадный умъ сковали,
Живую душу рабствомъ угнетали—
Слѣпыми предразсудками вѣковъ...
Но, увлеченный вихремъ буйныхъ сновъ,
Тоскою страстной,—силою назрѣвшей
Я ощутилъ на мысли пламенѣвшей
Глухую тяжесть гибельныхъ оковъ
И—перервалъ мучительныя звенья...
Меня влекли горящія мгновенья
Свободной жизни, полной красоты...
Въ нихъ призраки минувшаго сгорали...
— Какъ ярко блещутъ радостныя дали,
Какъ сладко дышутъ вольные цвѣты!..

Яковъ Годинъ.

ДВА РАЗСКАЗА.

I.

На чужой сторонѣ

(Изъ недавнихъ воспоминаній).

I.

Съ самаго утра, не усиливаясь и не ослабѣвая, шелъ дождь, мелкій и ровный. Вѣтра не было, и сѣрыя, низкія облака повисли тяжело и неподвижно, точно ждали чего-то, и только медленно-медленно измѣнялись ихъ неясныя очертанія. Они были такъ близко отъ земли, что окутывали собой вершины горъ, и когда нашъ маленькій караванъ поднимался на перевалъ, мы попадали въ густой и холодный туманъ, не позволявшій видѣть ни ѣхавшихъ впереди, ни вершинъ деревьевъ, росшихъ по дорогѣ... А когда спускались съ перевала и ѣхали по долинѣ, казалось, что мы ѣдемъ по узкому корридору съ покатыми темными стѣнами и сѣрымъ потолкомъ.

Лѣсъ кругомъ стоялъ неподвижно, роняя капли воды на мокрую траву. Ровный дождь шумѣлъ слабо и монотонно,— и въ его шумѣ и постоянствѣ, и неподвижныхъ тяжелыхъ тучахъ, и мокромъ лѣсѣ, и темныхъ горахъ было что-то холодное, равнодушное, безнадежное...

Ядромъ нашего каравана были раненые. Ихъ было одиннадцать: четверо, раненые легко, ѣхали на усталыхъ, забрызганныхъ грязью лошадяхъ, а остальныхъ, тяжелыхъ, несли на носилкахъ мокрые, согнувшіеся, хлюпающіе по грязи сапогами казаки. За ранеными ѣхалъ я съ двумя санитарами, а впереди и сзади—отряды казачьей сотни, составлявшей „прикрытіе“ каравана. Наканунѣ была маленькая стычка съ японцами, и генералъ, отступивъ, направился съ отрядомъ посмотрѣть, занята ли непріятелемъ другая дорога, а ране-

ныхъ отправилъ прямымъ путемъ въ опорный пунктъ своихъ развѣдокъ—городокъ С.

Двигались впередъ медленно и молча, и слышенъ былъ лишь слабый шумъ дождя и чмоканье по грязи лошадиныхъ копытъ. Всѣ мы промокли насквозь, и раненые, и здоровые; только два офицера, сопровождавшіе сотню, были въ резиновыхъ плащахъ и не промокли. Время отъ времени у меня по спинѣ пробѣгала струйка воды,—я съеживался и начиналъ дрожать.

Хуже всего было раненымъ,—съ ихъ носилокъ текла вода, и они лежали, не двигаясь, въ мокрой одеждѣ. Они посинѣли, дрожали и молча смотрѣли вверхъ, на нависшія надъ ними облака. И, тоже молча, несли ихъ такъ же промокшіе насквозь товарищи, отъ которыхъ шелъ паръ. А дождь все шелъ, ровный, не усиливавшійся, не ослабѣвавшій...

Среди раненыхъ былъ одинъ, причинявшій мнѣ назойливое, непріятное безпокойство. Онъ былъ раненъ тяжело, въ животъ, потерялъ много крови, и я зналъ, навѣрняка зналъ, что онъ умретъ сегодня или завтра. Какъ и всѣ другіе, онъ лежалъ неподвижно на качающихся носилкахъ и смотрѣлъ въ небо. Лицо у него было мокрое, и по нему сбѣгали струйки воды. Когда я его спрашивалъ о чемъ-нибудь, онъ ничего не отвѣчалъ, и я не могъ рѣшить, слышитъ онъ меня или нѣтъ. Пульсъ у него былъ слабый и прерывистый, и по моимъ соображеніямъ раненый или былъ въ безпамятствѣ, или испытывалъ невыразимыя мученія. И я зналъ, что онъ неизбѣжно умретъ сегодня или завтра, но день проходилъ, а онъ все смотрѣлъ вверхъ, на сѣрыя облака, и на рукѣ у него билась чуть замѣтно артерія. Иногда мнѣ казалось, что я уже не слышу этого біенія, и я съ облегченіемъ думалъ: „Наконецъ!“.. Тогда я просилъ носильщиковъ остановиться, разворачивалъ мокрую одежду на груди раненаго, прикладывалъ къ ней ухо и убѣждался, что не слышу пульса лишь потому, что мои пальцы озябли и не чувствуютъ слабыхъ толчковъ: въ груди, мокрой и холодной, были слышны рѣдкіе и глухіе, безнадежные удары... Одинъ разъ эти удары, дѣйствительно, ослабѣли такъ, что смерть была уже рядомъ, но я, желавшій и ждавшій этой смерти, все-же попытался отогнать ее, досталъ шприцъ и лѣкарство, сдѣлалъ подкожное впрыскиваніе, — и удары усилились, и смерть на нѣсколько минутъ или часовъ была отсрочена. И опять пошли дальше, и опять въ моей душѣ было назойливое безпокойство и ожиданіе, скоро ли онъ умретъ. И мнѣ казалось, что для моего счастья нужно очень немногое: чтобы пересталъ дождь, чтобы я просохъ, и чтобы умеръ безнадежно-больной...

Офицеры оба ѣхали сзади, но къ вечеру одинъ изъ нихъ, старикъ, подъѣхалъ ко мнѣ. Онъ былъ въ плащѣ съ капюшономъ, дождь не мочилъ его, и ему было тепло и хорошо. Онъ курилъ трубку и былъ въ очень хорошемъ настроеніи—оттого, что весь отрядъ поѣхалъ опять на развѣдку, а вотъ онъ ѣдетъ на стоянку и еще не скоро услышитъ свистъ пуль. Онъ ѣхалъ рядомъ со мной и разсказывалъ мнѣ длинную, тягучую сплетню изъ жизни ихъ гарнизона: до войны онъ жилъ въ какомъ-то китайскомъ городкѣ, оккупированномъ русскими. Онъ разсказывалъ, какъ всѣ у нихъ въ гарнизонѣ стосковались по женщинамъ, и въ какомъ щекотливомъ положеніи оказался поэтому единственный женатый офицеръ, жившій вмѣстѣ съ женой.

— И вотъ,—говорилъ старикъ какимъ-то однозвучнымъ и скучнымъ голосомъ,—получается такая, пожалуйте, картина. Постоянно у него толчея, офицерство, пѣніе; за женой, пожалуйте, цѣлый хвостъ. Такъ сказать—хвостъ прохвостовъ. И онъ, горюнъ, все въ сторонѣ, все на побѣгушкахъ. Ну-съ, пожалуйте, наконецъ...

Я слушаю и не слушаю: одноцвѣтный разсказъ, назойливо повторяющій одно и то же слово „пожалуйте", сливается съ шумомъ дождя, съ чмоканьемъ копытъ по грязи, съ непріятнымъ ожиданіемъ, скоро ли умретъ раненый...

— Одинъ изъ этихъ, такъ сказать, соперниковъ получилъ, пожалуйте, преферансъ. Бравый такой, усачъ, понимаете,—картина. Ну, бабенка, пожалуйте, и того... Ходитъ усачъ, чаи распиваетъ и на глазахъ мужа, пожалуйте, куры строитъ. Мужъ глядитъ и, ровно бы, ничего не замѣчаетъ. Только разъ, пожалуйте, зоветъ онъ къ себѣ вечеркомъ усача. „Такъ и такъ, говоритъ, сегодня на ночь я уѣзжаю, такъ займите, дескать, женушку, чтобъ не скучала"... Тотъ, пожалуйте, и глаза выпучилъ: вотъ на дурака, молъ, напалъ!..

Остановились: носильщики устали, и нужно было замѣнить ихъ новыми. Молча, безъ разговоровъ, одни передали носилки другимъ, и только кто-то одинъ сказалъ сердитымъ голосомъ:

— Какая мокреть... Замѣсто табаку—жванина.

— Будетъ жванина,—равнодушно отвѣтилъ другой.

Я подъѣхалъ къ безнадежному и слѣзъ съ лошади. Онъ все такъ же лежалъ на спинѣ, лицомъ вверхъ, и по прежнему безнадежно и прерывисто бился его пульсъ. Струйки воды сбѣгали съ лица, и онъ одинъ изъ всѣхъ не дрожалъ, и это мнѣ казалось непріятнѣй всего. Лицо было мнѣ, какъ будто, знакомо, но какъ ни напрягалъ я память, не могъ вспомнить, гдѣ видѣлъ его раньше.

Носильщики перемѣнились, и носилки съ ранеными опять

медленно потянулись, качаясь, впередъ. Я пропустилъ ихъ мимо себя и опять поѣхалъ рядомъ съ старикомъ-офицеромъ.

— Ну-съ, пожалуйте, выпили чайку, отвелъ мужъ гостя съ женой въ будуарчикъ этакій розовый—и, пожалуйте, до свиданія, не скучайте! Уѣхалъ. А самъ, понимаете, будуарчикъ на ключъ... И надобно вамъ при этомъ сказать, что когда пили чай, онъ, пожалуйте, гостю-то кой-чего подсыпалъ. Ужъ понимаете, чего... Ну-съ, пожалуйте, что въ будуарчикѣ засимъ произошло, о томъ исторія умалчиваетъ, а только съ тѣхъ поръ бабенка усача, пожалуйте, видѣть не можетъ, и надобно заново мебель обивать... Ловко?..

Старикъ засмѣялся и чуть не выронилъ трубку.

— Ловко?.. Но, пожалуйте, этимъ дѣло не окончилось...

Онъ разсказывалъ дальше, и мнѣ казалось, что мы уже ѣдемъ цѣлую вѣчность и никогда не встрѣтимъ по дорогѣ деревни, гдѣ можно было бы остановиться. Шелъ ровный дождь, я дрожалъ отъ холода и тоски, а впереди несли безнадежно-больного.

II.

Мы помѣстились въ вонючей и дымной фанзѣ. Раненыхъ положили на теплыхъ, подогрѣваемыхъ снизу канахъ прямо въ ихъ мокрой одеждѣ, — сухой у насъ не было, такъ какъ промокло даже бѣлье, что было въ вьюкахъ. Теперь его сушили на дворѣ, подъ навѣсомъ, возлѣ большого костра, сложеннаго изъ разобраннаго забора. Раненые дрожали теперь еще сильнѣе, чѣмъ подъ дождемъ на дорогѣ, и одинъ изъ нихъ плакалъ, громко всхлипывая и шмыгая носомъ.

Безнадежнаго положили въ сторонкѣ, отдѣльно отъ прочихъ. Онъ—не дрожалъ и по прежнему смотрѣлъ вверхъ неподвижными прищуренными глазами, и только время отъ времени по всему его тѣлу пробѣгала короткая, похожая на судорогу, дрожь. Онъ не стоналъ, какъ всѣ, когда его перекладывали съ носилокъ на каны, и на мой вопросъ, удобно ли ему лежать, ничего не отвѣтилъ, точно совершенно не слышалъ его. Когда мы мѣняли ему промокшую повязку и поднимали его вялое и тяжелое, казавшееся совершенно безжизненнымъ, тѣло, онъ тоже не издалъ ни одного звука, и равнодушное, спокойное выраженіе его лица не измѣнилось. Онъ былъ такой тяжелый, чужой, безнадежный,—и опять во мнѣ шевельнулась безпокойная и назойливая мысль: „Ахъ, хоть бы поскорѣе"... И опять его лицо мнѣ казалось знакомымъ, и, перевязывая другихъ, я все старался вспомнить, гдѣ я его видѣлъ раньше,—и не могъ.

За тонкой перегородкой, въ другомъ отдѣленіи фанзы, помѣстились офицеры и въ ожиданіи ужина и чая пили китайскую водку. Офицеръ, ѣхавшій въ хвостѣ каравана, теперь уже замѣтно опьянѣвшій, говорилъ грубымъ и спокойнымъ басомъ:

— Я есаулъ, а вы кто? Сотникъ и мой подчиненный. Нынче цѣнятся не сѣдыя бороды, а заслуги, умъ. Да-съ, умъ...

— А вы мальчишка!—сердито отвѣчалъ старикъ.—Я, пожалуйте, тридцать лѣтъ государю служу честно и благородно, и не посмотрю, что вы есаулъ. Вы передо мной выскочка и, пожалуйте, мальчишка, больше ничего.

— Кому мальчишка, а для васъ начальникъ. Я есаулъ и имѣю орденъ, представленъ къ другому, а у васъ мѣдная, изъ самоварной мѣди, медалишка...

Раненый, который только что плакалъ и котораго я теперь перевязывалъ, опять всхлипнулъ и сказалъ плачущимъ голосомъ:

— Бранятся все начальники-то, бранятся... Господи, Господи...

И, казалось, всѣхъ другихъ раненыхъ, молча лежащихъ на канахъ, тоже безпокоила эта ссора за перегородкой: всякій, кто могъ, повернулъ голову по направленію звуковъ и прислушивался.

— Вы сдохнете, до подъ-есаула не дослужитесь, а я есаулъ въ тридцать пять лѣтъ и могу махнуть въ генералы.

Старикъ зло засмѣялся.

— Не угодно ли, пожалуйте, выкусить... Знаемъ мы, какъ вы чины и ордена получаете, ой, знаемъ... Но, что касается генерала, пожалуйте, выкусите.

— Кто первые герои въ отрядѣ?—продолжалъ грубый и спокойный басъ.—Казаки моей сотни. Кому больше всего крестовъ? Моей сотнѣ.

Онъ вошелъ въ наше отдѣленіе и, пошатнувшись, подошелъ ко мнѣ. Отъ него пахло вонючей китайской водкой, и лицо у него было широкое и красное съ маленькими рыжими, растрепанными, какъ у кота, усами.

— Ну, какъ, докторъ, мои герои?

— Ничего, хорошо.

— Всѣхъ представлю къ Георгію!—повернулся онъ къ раненымъ.

Никто ничего не отвѣтилъ.

— А покуда отъ меня лично по трешницѣ каждому. За геройство... Умѣю цѣнить, докторъ... Получай!

Онъ досталъ бумажникъ, вытащилъ оттуда короткими и красными пальцами пачку зеленыхъ бумажекъ и сталъ бро-

сать ихъ на раненыхъ. Тѣ закопошились, чтобы поднять и спрятать. Офицеръ подошелъ къ безнадежному и тоже бросилъ бумажку.

— Впрочемъ, ты, кажется, не моей сотни? Ну, все равно, получай... Твой командиръ—собака, скупой. Чорта отъ него получишь.

Бумажка скользнула по шинели и упала на полъ. Санитаръ поднялъ ее и положилъ на раненаго, и она зеленымъ пятномъ прилипла къ мокрой сѣрой шинели.

Никто не поблагодарилъ офицера, всѣ молчали. Я, тоже молча, возился съ перевязкой. Это, какъ будто, немного смутило его; онъ опять подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Какъ кончите, пожалуйте съ нами закусить... Понимаете-ли, озябъ и на голодный желудокъ. И, кажется, выпилъ-то пустяки, а развезло и шатаетъ. Ха-ха...

III.

На перекладинѣ, посреди фанзы, я повѣсилъ фонарь, и его ровный свѣтъ, съ трудомъ пробираясь сквозь сѣрый, дымный воздухъ, освѣщалъ кучу какого-то хлама въ углу фанзы, пестрыя картины на ея стѣнахъ, каны съ лежащими на нихъ сѣрыми фигурами. Раненые, теперь уже въ сухомъ бѣльѣ, подъ сухими шинелями, повидимому, спали; только двое, раненые легко, сидѣли у бумажнаго окна противъ канъ, курили, выпуская дымъ въ прорванную бумагу, и говорили вполголоса о томъ, отпустять-ли ихъ изъ лазарета домой или опять потребуютъ „на позиціи", и по мнѣнію обоихъ выходило, что имъ теперь предстоитъ полная отставка. Безнадежный лежалъ все такъ же, какъ и раньше,—не двигаясь, не закрывая прищуренныхъ, смотрящихъ вверхъ глазъ. Но пульсъ его мнѣ казался слабѣе, новое вспрыскиваніе не оказало замѣтнаго эффекта, и я надѣялся, что онъ умретъ очень скоро, этой ночью.

Я сидѣлъ на канахъ рядомъ съ нимъ и смотрѣлъ, какъ медленно, чуть замѣтно, поднимается и опускается его грудь. Это была еще жизнь, но уже замирающая, почти мертвая... Его самого ужъ тутъ не было, было только искалѣченное тѣло, по которому изнемогающее сердце гнало остатки крови. Сердце уставало все болѣе и болѣе, на него не дѣйствовали уже мои вспрыскиванія, какъ не дѣйствуютъ на изнемогшую лошадь удары кнута, и этотъ почти механическій процессъ сокращенія и ослабленія его мышцъ всетаки зачѣмъ-то еще продолжался и давалъ непріятную иллюзію жизни... Я взглянулъ на неподвижное сѣрое лицо, и мнѣ стало непріятно,

что онъ смотритъ, и что это лицо мнѣ, какъ будто, знакомо. Я протянулъ руку, чтобы закрыть ему вѣки, и вдругъ вспомнилъ, что на-дняхъ писалъ ему письмо на родину, и что у него курьезная фамилія, которой онъ стыдился: Гусыня. Когда мы съ нимъ кончили письмо, и нужно было подписать фамилію, онъ сказалъ ее съ маленькимъ предисловіемъ:

— Фамилія у меня не превосходная, даже и отъ народу неловко. Дразнятъ которые...

И потомъ, сконфузившись и понизивъ тонъ, прибавилъ:

— Илья Гусыня.

Подошелъ раненый, курившій у окна

— Никакъ помиратъ?

— Да, должно быть, скоро умретъ.

— Чистая отставка, — сказалъ раненый и засмѣялся.— Чище некуда. А грешница-то валяется...

Онъ поднялъ съ полу зеленую бумажку, разгладилъ ее лѣвой рукой на канахъ (правая рука у него была на привязи), аккуратно сложилъ и, подавая мнѣ, сказалъ:

— Ты ее роднымъ пошли: все на поминъ души будетъ... Ну, должно, до вѣтру сбѣгать, да и спать. Хорошо въ сухомъ-то...

Онъ опять засмѣялся и отошелъ. Я пощупалъ пульсъ Ильѣ Гусынѣ. Да, да, конечно, гораздо слабѣе, чѣмъ прежде. Скоро, очень скоро...

...Всѣ кругомъ спали. Изъ-за перегородки доносился звучный храпъ пьянаго офицера. Кто-то изъ больныхъ бредилъ чуть слышно и неразборчиво. На дворѣ громко говорили дежурные казаки... Меня клонило ко сну, но уснуть мѣшало назойливое, непріятное безпокойство, что *онъ* еще живъ, и я сидѣлъ съ нимъ рядомъ на канахъ.

Я не помню, какъ я уснулъ. Мнѣ снилось что-то тяжелое, неясное, какъ тѣ тучи, подъ которыми мы ѣхали днемъ. Какіе-то неясные образы, чуть намѣчавшіеся, исчезавшіе, измѣнчивые... Потомъ они приняли болѣе опредѣленныя формы, и я видѣлъ, что лежу возлѣ костра гдѣ-то въ полѣ. Кто-то говоритъ рядомъ, кто-то уже спитъ и храпитъ, а я не могу уснуть: спину грѣетъ костеръ, но лицомъ я лежу въ холодномъ снѣгу. И это неудобно и страшно, потому что я не могу отодвинуть головы отъ снѣга. Кто-то храпитъ рядомъ, идетъ снѣгъ, и я чувствую, что половина моего лица уже покрыта цѣлымъ его слоемъ, холоднымъ и тяжелымъ...

Я просыпаюсь—и опять, уже на яву, чувствую что-то влажное и холодное, прислонившееся къ моей озябшей щекѣ. Илья Гусыня умеръ и, должно быть, въ послѣдней короткой агоніи перевернулся на бокъ... И былъ онъ холодный, какъ

снѣгъ. Я вздрогнулъ отъ отвращенія и невольно сказалъ вслухъ: „Фу, мерзость!..“

Потомъ разбудилъ санитаровъ, и мы осторожно, чтобы никого не разбудить, сняли трупъ съ канъ, вынесли на дворъ и положили подъ навѣсомъ. Я теръ рукавомъ озябшую щеку и никакъ не могъ согрѣть. Потомъ нашелъ колодецъ, досталъ оттуда воды и хотѣлъ было ее вымыть, но отъ воды исходилъ тотъ же затхлый и влажный запахъ, что и отъ трупа... Я ушелъ въ фанзу, взялъ чайникъ и поставилъ его на костеръ, чтобы прокипятить воду. А щека все была холодная, и при каждомъ воспоминаніи о ней я вздрагивалъ отъ холода и отвращенія... И къ трупу, лежавшему теперь на гаолянѣ подъ навѣсомъ, у меня было враждебное чувство, точно къ чему-то живому.

IV.

Утромъ мертваго завернули въ рогожу, положили поперекъ сѣдла, такъ что голова и руки свѣсились съ одного бока лошади, а ноги съ другого, и связали надъ нимъ веревкой стремена. Когда поѣхали, одна рука выбилась изъ-подъ рогожи и волочилась по грязи, и лошадь пугливо, насторোживъ уши, поглядывала на нее. Нѣсколько разъ мертвый соскальзывалъ съ сѣдла и, какъ мѣшокъ, падалъ въ грязь, и его поднимали и привязывали снова. Сначала казакъ велъ лошадь съ нимъ впереди каравана, передъ ранеными, но мнѣ это показалось неудобнымъ, и я велѣлъ ему ѣхать въ хвостѣ.

Дождь нѣсколько разъ принимался идти, но скоро переставалъ, и мы не промокли. Облака сегодня были выше и бѣлѣе. Но раненые, вчера такіе тихіе, терпѣливые, сегодня стонали и постоянно жаловались, что имъ неудобно и больно, и что носильщики скверно ихъ несутъ. Рядомъ со мной ѣхалъ старикъ-офицеръ и опять разсказывалъ что-то тягучее, безконечное, казавшееся сплошь состоящимъ изъ словъ: пожалуйте, пожалуйте... На щекѣ все еще чувствовался непріятный холодъ, и я поминутно то гладилъ ее, то почесывалъ, то просто трогалъ. И все время помнилъ, что сзади везутъ трупъ, отвратительный, грязный и холодный, какъ ледъ...

Къ вечеру пріѣхали въ С... Покойника, грязнаго, съ распухшимъ багровымъ лицомъ, положили въ пустой фанзѣ, и онъ лежалъ тамъ одинъ, въ темнотѣ. Съ ранеными возились студенты и санитары, а я сидѣлъ въ чистой фанзѣ „у себя дома“, пилъ чай и слушалъ, какъ бородатый и рябой казакъ диктовалъ жившему съ нами корреспонденту письмо. Обык-

новенно днемъ у насъ былъ пріемъ больныхъ, а по вечерамъ писались письма „на родину“.

„Дражайшая супруга наша, Анна Степановна съ дѣтками,—диктовалъ казакъ.—И вотъ пожелалъ я васъ увѣдомить и написать вамъ письмо. Во-первыхъ строкахъ нижайше я вамъ кланяюсь, и съ дѣтками. И еще кланяюсь“.. Шли безконечные поклоны и имена, занявшія цѣлыхъ три страницы, такъ что это надоѣло обоимъ сочинителямъ, и они оборвали, наконецъ, вереницу поклоновъ: „И всѣмъ вообще низко кланяюсь“.

Казакъ задумался и не могъ найти, что написать еще. Тамъ, куда онъ писалъ, были всѣ его мысли и заботы, и всетаки ему нечего было туда написать.

— Много еще пустого мѣста?—спросилъ онъ.

— Да есть,—отвѣтилъ корреспондентъ.—Вишь, сколько.

„А адресъ мой пишите такъ“,—началъ диктовать казакъ послѣ долгаго мучительнаго обдумыванія. Написали адресъ, и все еще оставалось свободное мѣсто.

„А скоро-ли будетъ замиреніе, это намъ ничего не извѣстно. И зачѣмъ японецъ бунтуется, тоже не знаемъ. И очень онъ упрямый и насъ тѣснитъ и все норовитъ сдѣлать намъ какую-ни-есть пакость. И народу нашего, русскаго, перепортилъ онъ много, даже которыхъ и до смерти убилъ!..“

— А знаете, вѣдь всетаки получается извѣстное настроеніе,—сказалъ мнѣ корреспондентъ, не переставая писать. Раньше, до войны, онъ сочинялъ разсказы и, вѣроятно, поэтому всегда и вездѣ искалъ настроенія.

Пришелъ казакъ, дежурившій около фанзы, гдѣ положили мертваго, и попросилъ свѣчку.

— Ужъ очень шебаршитъ что-то въ фанзѣ,—сказалъ онъ.—Не крысы ли? Объѣдятъ, пожалуй,—такъ свѣчечку бы зажечь. На свѣтъ не полѣзутъ.

Мы дали ему свѣчку, и онъ ушелъ.

— Ну, теперь мѣсто на исходѣ, пора кончать,—сказалъ корреспондентъ диктовавшему письмо казаку.

Тотъ вздохнулъ и неожиданно печально и тихо проговорилъ:

„А впрочемъ, остаюсь живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю отъ Бога получить. Доброжелатель вашъ Никита Корягинъ“.

V.

Хоронили Илью Гусыню въ полдень. День былъ веселый, солнечный и яркій, и я вспомнилъ, что сегодня—воскресенье. Тамъ, въ Россіи, въ деревнѣ, гдѣ Илья жилъ до войны, сейчасъ только шесть часовъ утра, и утро тамъ, вѣроятно, тоже веселое и яркое. Зеленыя поля, лѣсокъ вдали, рѣка блеститъ на солнцѣ, и на деревянной колокольнѣ, подпертой двумя бревнами, чтобы не упала, звонятъ къ заутренѣ...

Мѣсто для могилы выбрали на холмикѣ, за вспаханнымъ, но не засѣяннымъ полемъ. Мы шли по нему, и къ нашимъ сапогамъ приставали большіе комья черной сырой земли; сапоги становились тяжелыми, и время отъ времени нужно было ихъ очищать. Гробъ, громадный и неуклюжій, ярко-краснаго цвѣта съ таинственными бѣлыми письменами, несли двѣнадцать казаковъ, на ходу стряхивавшихъ съ ногъ облѣпившую ихъ тяжелую грязь. За гробомъ шли двѣ сотни казаковъ,—оборванные, неуклюжіе, непривычные къ „пѣшему строю“ люди, шагавшіе не въ тактъ, безъ соблюденія порядка. Сбоку, выбирая поудобнѣе тропинку, шли нѣсколько офицеровъ и вернувшійся изъ экспедиціи генералъ. А впереди всѣхъ шли музыканты.

Они играли похоронный маршъ—съ печальной мелодіей, съ низкими аккордами, отъ которыхъ что-то дрожало въ груди. Въ прекрасной мелодіи стонало невыразимое горе, силы котораго нельзя было бы передать словами, ибо всѣ эпитеты поблѣднѣли бы передъ нимъ и показались бы пошлыми, и которое можно было выразить только этими звуками, этими стонами—безъ словъ. Это было и не то горе, что выливается въ слезахъ, въ крикахъ отчаянія,—нѣтъ, это было великое горе мужественной души, не умѣющей ни плакать, ни жаловаться и не потерявшей отъ него своей мужественности...

Я шагалъ въ тактъ маршу и думалъ о томъ, какъ неумѣстна и нелѣпа эта музыка на этихъ похоронахъ... Вотъ тамъ, въ деревушкѣ, гдѣ сейчасъ звонятъ къ заутренѣ,—тамъ баба будетъ выть и плакать, и эти бабьи слезы и вопли, отчаянные, безутѣшные, не облегчающіе горя, шли бы къ этимъ похоронамъ больше, чѣмъ мужественная музыка...

Генералъ громко разговаривалъ съ офицерами, и его скрипучаго голоса не могъ заглушить оркестръ И онъ, и офицеры были довольны результатами экспедиціи и сейчасъ перебирали ея эпизоды.

— Знаете, что напоминаетъ эта музыка?—спросилъ шагав-

шій рядомъ со мной корреспондентъ.—Есть у Метерлинка картина: на сценѣ разыгрывается что-то нѣжное и безконечно-печальное, а за сценой уходитъ корабль въ далекій и неизвѣстный океанъ, и матросы поютъ: „Мы не вернемся... мы не вернемся никогда“...

Но и это вспомогательное средство вызвать подходящее случаю настроеніе, повидимому, не помогло корреспонденту: онъ смотрѣлъ то на синее небо, то на прилипавшую къ ногамъ грязь, то на казаковъ. Настроеніе не приходило.

Подошли къ холмику и опустили гробъ на зеленую траву возлѣ черной большой ямы. Оркестръ сыгралъ „Коль славенъ“—и не знали, что дѣлать дальше.

— Полковникъ Кобылинъ,—сказалъ генералъ.—Изъ вашего полка казакъ, вамъ бы надо произнести что-нибудь этакое...

Полковникъ Кобылинъ, высокій человѣкъ со скобелевскими бакенбардами, подошелъ къ гробу. Я зналъ, что онъ глупъ, и со страхомъ ждалъ, что онъ скажетъ.

— Ребята!—сказалъ полковникъ, немного подумавъ и погладивъ бакенбарды.—Ну, мы сейчасъ что дѣлаемъ? Хоронимъ казака нашего полка, второй сотни, Ивана...

— Илью,—робко поправилъ его кто-то изъ толпы.

— Илью... какъ его?... раба Божія Илью. Онъ палъ, какъ герой, потому что былъ раненъ въ животъ. Раны въ животъ или въ голову хуже всего,—куда угодно, только не въ голову и не въ животъ... Палъ онъ за царя православнаго и Русь святую. Умеръ честно, на посту, и будетъ ему великая слава. Онъ умеръ, ребята, геройской смертью...—Полковникъ замялся, не зная, что сказать дальше и какъ кончить.—Желаю и всѣмъ вамъ такой-же смерти...

— Покорнѣйше благодарю!—фыркнулъ сзади меня корреспондентъ.—Все настроеніе, дубина, испортилъ...

Полковникъ опять погладилъ бакенбарды и отошелъ.

— Опускайте!—скомандовалъ генералъ.

Огромный красный гробъ опустили въ яму. Генералъ осторожно, тремя пальцами, взялъ кусочекъ мокрой земли и швырнулъ въ могилу. Сыграли еще разъ „Коль славенъ.“

Мы съ корреспондентомъ шли домой, и я думалъ о томъ, что когда русскіе очистятъ это мѣстечко и вернутся въ него разбѣжавшіеся жители, они разроютъ могилу и возьмутъ себѣ свой гробъ. Я уже видѣлъ одну такую разрытую могилу...

Сзади раздались звуки веселаго, похожаго на польку, марша,—то казаки съ музыкой же возвращались съ похоронъ. Маршъ былъ трескучій, задорный и пошлый.

Григорій Бѣлорѣцкій.

II.

Трудная ночь.

I.

Инна Ивановна, пожилая сестра милосердія офицерской палаты, тихо ступая войлочными туфлями, еще разъ обошла всѣхъ больныхъ и, оглядывая каждаго мягкимъ взоромъ усталыхъ, обведенныхъ синеватыми кругами глазъ, желала всѣмъ доброй ночи и говорила, что уже поздно, что уже первый часъ ночи. Но Свѣтловъ, какъ и другіе, не тушилъ свѣчи, онъ зналъ, что никто не сможетъ сегодня уснуть, что сможетъ спать только мертвый. И знала про это Инна Ивановна, но желала доброй ночи потому, что сердце билось у нея горячей любовью къ людямъ, и что она привыкла такъ дѣлать каждую ночь.

У выхода, приподнявъ синюю занавѣску, замѣнявшую дверь и падавшую тупыми, холодными складками на блестящія желтыя цыновки, покрывавшія полъ, Инна Ивановна прислушалась и сказала съ болью, вдругъ проступившей на всемъ ея задумчивомъ, блѣдно-розовомъ, какъ весеннія тихія зори, лицѣ:

— Палятъ и палятъ... Что-то будетъ?

— Ерунда будетъ, сестрица! Кромѣ ерунды, что можетъ быть у насъ?—выговорилъ сумрачный артиллерійскій полковникъ, сидѣвшій на крайней койкѣ, у окна.—Слава Богу, насмотрѣлся я за годъ войны.

Инна Ивановна оглянула сутулую высокую фигуру полковника, руку на черной перевязи, худое, обросшее сѣрымъ, колючимъ волосомъ лицо, нервно блестящіе глаза и большую, розовую лысину, и вздохнула.

— Я не про то, полковникъ, говорю, я про людей... Опять будутъ убитые и раненые! А у насъ уже всѣ мѣста заняты.

— Не забудьте, что на дворѣ двадцать три градуса мороза и темная ночь...—добавилъ Свѣтловъ.—Ддвадцать ттри градуса и ночь!

— Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ!—какъ спичка, вспыхнулъ полковникъ и заерзалъ на койкѣ.—Хочется быть патріотами, вотъ и получайте! Что-жъ думали тѣ, кто затѣялъ войну: конфектами будутъ насъ кормить, что ли?

— Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ...—машинально повторила Инна Ивановна.—Спокойной ночи!

Синія тупыя складки упали за ней, сплыли на цыновки. Сестрѣ никто не отвѣтилъ.

Озлобленный полковникъ повернулся спиной и облокотился на подоконникъ. Въ ту же сторону повернулъ голову и Свѣтловъ. Госпиталь выходилъ окнами на одно изъ развѣтвленій большой мандаринской дороги, близъ Мукдена. Холодная темь безлунной зимней ночи стояла недвижной стѣной за стеклами. Въ палатѣ, на столикахъ горѣли свѣчи, и во мракѣ за стеклами тоже горѣли кровавыя свѣчи. То и дѣло мигали короткія зарницы и словно кто съ размаху надавливалъ тяжелой подушкой на стекла, а тѣ чуть дребезжали. И послѣ каждой вспышки, послѣ каждаго удара за окнами становилось еще чернѣй и непрогляднѣй, и слухъ старался уловить зловѣщее буханье. Вѣтеръ такъ и шуршалъ вдоль стѣнъ, такъ и гулялъ тяжелыми стонами гдѣ-то надъ потолкомъ, по желѣзному навѣсу крыши.

Верстъ за пятнадцать отсюда, въ темнотѣ и на стужѣ, шелъ упорный многодневный бой. Но онъ происходилъ за теплыми стѣнами госпиталя, онъ былъ покрытъ пеленой дали и неизвѣстности. А то, что дѣлалось здѣсь, за тонкими перегородками изъ китайскаго дриля, отдѣлявшими офицерскую палату отъ солдатской на двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, то было близко и невыразимо. По корридору, вдоль палаты, все время раздавался спѣшный, гулкій топотъ многихъ ногъ. Визжалъ блокъ, и хлопала обитая войлокомъ дверь. Слышно было, какъ приносятъ и уносятъ кого-то, какъ подгибаются носилки подъ чьими-то тяжелыми тѣлами, какъ вздыхаютъ, шепчутъ молитвы и перекликаются недовольными, сдавленными голосами. Подъ высокими, полутемными сводами палаты, въ хаосѣ скользящихъ и борющихся тѣней, стоялъ неумолчный зовъ, стоялъ острый и длинный, точно жало змѣи, крикъ, тянулся, какъ лента, и рвался стонъ и хрипъ. Словно былъ тамъ, за тонкой матеріей, застѣнокъ пытки, гдѣ кого-то терзали желѣзными когтями, выматывая душу. И всѣ эти звуки и всѣ голоса сливались, какъ ручьи, въ одинъ странный и жуткій хоралъ страданія, лившійся могучимъ потокомъ черезъ весь госпиталь.

Свѣтловъ сначала старался какъ-нибудь такъ повернуть голову, чтобы ничего не слышать, незамѣтно для другихъ прикрывалъ ладонями уши, уходилъ головой въ подушку, но ничто не помогало. Плачъ жизни, неотступный и неумолчный, рвался и плылъ въ воздухѣ, колыхался вмѣстѣ съ пламенемъ свѣчи, звучалъ въ ушахъ, дрожалъ въ груди, въ сердцѣ. И тихо дребезжали стекла, все ухала и ухала канонада, и короткія сіянія вспыхивали за окнами, скользили по стѣнѣ мрака.

Полковникъ оторвался, наконецъ, отъ окна и съ возбужденнымъ видомъ запахнулъ халатъ, словно озябши.

— Я говорилъ, говорилъ, что ничего кромѣ ерунды и выйти не можетъ! Слышите: вѣдь это японцы палятъ... Не палятъ, а огнемъ заливаютъ и втихомолку пакость какую-нибудь готовятъ, чортъ возьми! Вьюношъ... — почти крикнулъ онъ лежавшему противъ него красивому безусому подпоручику.—Вы что же замолкли, а?!

— Слушаю... только слушаю...—вымолвилъ высокимъ чистымъ теноромъ молодой курчавый офицеръ, голова котораго была такъ похожа на голову мраморнаго Вакха.

— Не слушайте, а то съ ума сойдете! Разсказали бы что-нибудь?!. Голубчикъ...

— Не хочется что-то, полковникъ.

— Весь день трещали про свои подвиги, а теперь, когда нужно, нужно говорить, теперь смолкли! Ну, разскажите, какъ вы геройски подскакали къ цѣпи, какъ отдали приказаніе и какъ васъ будто щелкнулъ кто въ большой палецъ правой ноги, и вы геройски слетѣли на землю... Ну же...

— Положимъ, летѣлъ-то я совсѣмъ ужъ не геройски...—сказалъ высокій теноръ.

— Догадываюсь! Но нужно говорить, болтать, чтобы отвлечься отъ этого... ужаса..

— Нѣтъ. Отвле-кать-ся не слѣдуетъ!—раздѣльно и глухо, точно онъ не говорилъ, а вбивалъ гвоздь за гвоздемъ, произнесъ четвертый больной, закрывшійся одѣяломъ до самыхъ губъ.—Не ну-жно. Да.

Это былъ военный врачъ, оправлявшійся отъ тифа, мрачный, какъ туча, брюнетъ съ глазами, горѣвшими по-волчьи.

— А я то же думаю, что не нужно...—поддержалъ доктора его сосѣдъ, рыжій веснушчатый финнъ.

— Почему-съ, господинъ корнетъ? — насторожился полковникъ.

— По-то-му,—словно вбивалъ гвозди докторъ, — что если бы лю-ди меньше расхо-до-ва-ли словъ и мень-ше от-вле-ка-лись бы отъ су-ти и у-жа-са жизни, то, мо-жетъ быть, въ ва-ши благородные уши не лѣзли уже эти зву-ки. Да. Эти проклятые зву-ки...

Свѣтловъ и полковникъ хотѣли, было, возразить, но такой страшный и звонкій, словно изъ металла, крикъ влетѣлъ въ палату, что всѣ замолкли и тревожно подняли головы.

II.

Снова всколыхнулись холодныя складки синей занавѣси, и вошелъ красный, потный и усталый госпитальный врачъ, въ длинномъ бѣломъ халатѣ.

— Не спите, господа? Впрочемъ, это рѣшительно немыслимо.

Онъ развелъ руками, будто гребетъ веслами, и, усмотрѣвъ свободный стулъ, свалился на него всей своей большой, дородной фигурой.

— Прескверная исторія...—началъ онъ послѣ передышки.— По счету поступилъ триста первый, на пятьдесятъ человѣкъ сверхъ комплекта... Вскорѣ негдѣ будетъ яблоку упасть, а ихъ все несутъ да несутъ. Сестры и санитары съ ногъ сбились.

— Почему не несутъ въ другіе госпиталя? Что?— спросилъ финнъ.

— Потому что тамъ тоже полно. Только что прискакалъ верховой изъ Гу-цзя-цзы, спрашиваетъ, есть ли у насъ свободныя мѣста... У нихъ на двѣсти человѣкъ больше... И все скверные случаи: сильно обмороженные, тяжело раненые артиллерійскимъ огнемъ въ голову. Это ужасно.

— Ужасно...—повторилъ подпоручикъ и даже зажмурилъ глаза.

А Свѣтловъ привсталъ съ койки и сталъ шепотомъ говорить:

— Хорошо намъ здѣсь сидѣть въ теплѣ и сочувствовать. А вѣдь тамъ, тамъ, на стужѣ, даже легко раненые должны закоченѣвать, застывать на поляхъ...

— Да. За-сты-ваютъ... у-ми-ра-ютъ на поляхъ чуждой всѣмъ Ман-чжу-ріи...—глухо пробасилъ больной докторъ. — Жизнь цѣнится въ грошъ.

— Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ, чортъ возьми! Что посѣяли, то и пожали. Война — не шутка, да-съ, не шутка, а бойня, вотъ что!

— Когда мы въ юнкерскомъ проходили исторію, намъ все казалось героическимъ и красивымъ... — недоумѣло выговорилъ высокій, чистый теноръ.

— Красивымъ, красивымъ...—передразнилъ полковникъ.— На самомъ дѣлѣ, просто и некрасиво. Дураки пишутъ исторію, вотъ что!

Онъ схватился съ койки, запахнулъ халатъ и возбужденно забѣгалъ по палатѣ.

Рядомъ съ нимъ бѣжала черная, горбатая тѣнь, скользила по цыновкамъ, ломалась у коекъ, взбираясь на стѣны и головой касаясь потолка. Врачъ минутку слѣдилъ за полковникомъ глазами, потомъ раскрылъ, было, ротъ, что-бы сказать нѣчто, какъ внезапно позвали изъ-за занавѣси:

— Иванъ Данилычъ, Иванъ Данилычъ... Умираетъ Ковалевъ... Очень ужъ мучится...

— Ну, что я, голубушка, могу сдѣлать?! Ну, хорошо, ну,

впрысните ему морфія... Впрочемъ, я самъ... погодите... — и на ходу Иванъ Данилычъ прибавилъ:—Потребую сестеръ изъ резерва, наши съ ногъ сбились...

Опять влетѣлъ страшный и звонкій крикъ и пронзилъ воздухъ, какъ мечъ.

— Менингитикъ!—объяснилъ больной докторъ.—Воспаленіе оболочки мозга... Сегодня утромъ про-ти-вно долбили долотомъ че-репъ... про-тив-но, жут-ко... Да.

— Чортъ...—бросилъ полковникъ, блеснувъ злымъ взоромъ на доктора.—Онъ насъ здѣсь доканаетъ...

— Да перестаньте, наконецъ, вы... всѣ!.. — не выдержалъ Свѣтловъ и началъ напяливать халатъ.—Пойдемъ, поможемъ чѣмъ-нибудь!

— Пойдемъ, пойдемъ...

Полковникъ двинулся за Свѣтловымъ.

Солдатское отдѣленіе было биткомъ набито ранеными и больными. Въ спертомъ, душномъ воздухѣ стояла адская толчея ревущихъ, плачущихъ и стонущихъ звуковъ. Въ невѣрномъ полусвѣтѣ, струившемся прозрачными желтоватыми конусами изъ-подъ балокъ, гдѣ тускло горѣли керосиновыя лампы, копошилось множество тѣлъ: лежали на плотно сомкнутыхъ койкахъ, лежали страшными рядами у стѣнъ и въ проходахъ, валялись на цыновкахъ и шинеляхъ. У входа, направо, маленькая сестра милосердія, по прозванію „Жучекъ", смуглая, какъ цыганка, остроносая, съ непокорно выбившейся изъ-подъ бѣлой косынки челкой черныхъ волосъ, обмывала большимъ кускомъ ваты, вымоченной въ сулемовомъ растворѣ, окровавленную спину бѣлокураго солдата. И видно было, какъ онъ вцѣпился зубами въ подушку, чтобы сдержать крикъ боли. А рядомъ кто-то хныкалъ подъ окровавленной шинелью и все высовывалъ худыя, грязныя ноги.

— Сестрица, ой! больно... Больно, сестрица-матушка, ой-ой... больно... ой...

Обыкновенно „Жучекъ" жегъ офицеровъ угольками глазъ и блестѣлъ мелкими зубками, но теперь она даже не взглянула на проходившихъ, продолжая обмывать окровавленную спину бѣлокураго солдата.

Въ дальнемъ углу бѣлѣлись фигуры тучнаго врача, сестры милосердія и двухъ санитаровъ, обступившихъ чью-то койку. Подальше, тамъ, откуда шелъ клокочущій, будто кипящая въ ключѣ вода, предсмертный хрипъ, стоялъ длиннокудрый, въ темной рясѣ, священникъ со свѣчей въ рукѣ и читалъ отходную. Вокругъ пламени трепеталъ золотистый кругъ, и на лицѣ священника, розовомъ отъ свѣчи, трепетали и качались, какъ маятникъ, тѣни.

И всюду виднѣлись то горящія жаромъ, то безъ кровинки лица, искаженныя повязками, болью и мукой, всюду безпокойно ворочались людскія тѣла, сами собой вскидывались кверху руки, блѣдныя, изсохшія губы жадно глотали воздухъ и утомленные взоры свѣтились то мольбой, то огневой пыткой. Санитары то и дѣло сновали съ носилками и тазами въ рукахъ, а въ тазахъ, въ грязной водѣ, плавали куски розовой отъ крови ваты. Переходили отъ одного раненаго къ другому бѣлыя сестры съ пузырьками и бинтами въ рукахъ.

Инна Ивановна держала пузырь со льдомъ на чьей-то косматой, львиной головѣ. Голова недвижно, съ закрытыми глазами, лежала на подушкѣ, и только губы шевелились и внятно кидали въ пространство отрывистыя фразы. И казалось, что не пузырь со льдомъ давитъ голову больного, а огромный сѣрый клещъ впился въ нее.

По ту сторону прохода два санитара еле удерживали за руки бившагося въ безпамятствѣ раненаго солдата, у котораго вся голова и лицо, кромѣ синихъ губъ и выдавшагося, какъ очиненный карандашъ, тонкаго носа, были заключены въ тугой шлемъ изъ бѣлой марли. Раненый рвался изъ рукъ санитаровъ, все норовилъ повыше влѣзть на подушку и по временамъ испускалъ страшный крикъ, стрѣлой мчавшійся по палатѣ.

И замыкалъ эту группу темноликій, съ очень рѣдкой черной бородкой, японецъ.

Въ рукопашномъ бою ему выкололи штыкомъ оба глаза и слѣпымъ взяли въ плѣнъ. И теперь онъ сидѣлъ на койкѣ, какъ-то по собачьи накренивъ свою, словно вылѣпленную изъ темнаго воска, голову и внимательно прислушиваясь къ крикамъ и стонамъ. Онъ сидѣлъ, а губы у него дрожали, и зіяли темнотой огромныя, ужасныя впадины... Неподвижныя, черныя ямы...

III.

Свѣтловъ и полковникъ подошли къ Иннѣ Ивановнѣ.

— Наблюдаете? — тихо спросила сестра. — Лучше бы не смотрѣть... Тяжело очень... Мука одна...

— Наблюдаете, наблюдаете...—сердито повторилъ полковникъ.—Экъ выдумаетъ!

— Пришли хоть чѣмъ-нибудь помочь вамъ...—произнесъ Свѣтловъ.

Инна Ивановна подарила имъ долгій, благодарный взглядъ.

— Спасибо. Пожалуй, Семенъ Павловичъ, подержите пу-

зырь. Кстати, больной—вашъ землякъ, полѣщукъ изъ Минской губерніи... А мы съ полковникомъ пойдемъ раздавать чай новенькимъ: видите, какъ они жалостно глядятъ на насъ! Рука вамъ не будетъ мѣшать, полковникъ?

— Ерунда-съ!

Свѣтловъ заступилъ мѣсто Инны Ивановны и, глядя вслѣдъ темной, сутулой фигурѣ полковника и тонкой, бѣлой сестры, подумалъ, что у этой всегда ровной, всегда задумчивой и грустной женщины есть въ жизни или было какое-то большое горе, и что въ жизни вообще такъ много, много горя.

Потомъ онъ сталъ смотрѣть на полѣщука. Лицо больного было серьезное и важное, въ поту и густыхъ румянцахъ. Чуялось, что мысль этого человѣка напряженно работала въ глубокихъ, туманныхъ тайникахъ, и что духовный взоръ его видитъ то, важное и далекое, чего никто не видитъ. Губы быстро двигались и съ усиліемъ какъ бы выкидывали грустныя, значительныя слова, а межъ этихъ значительныхъ словъ врывался бредъ недавнаго боя.

— Митюкъ... Ванюкъ... Бога не забывайте... Але земя подѣлите... Марья, пуйдемы гэтъ, гэтъ... Марья, дѣти кохайте... Ротный, ваше благородіе, японцы ид.. идутъ... Коли, коли его штыкомъ... Га!

Разговоръ съ дѣтьми на бѣлорусскомъ нарѣчіи, обращеніе къ женщинамъ и ротному, видѣнія боя—все это переплеталось, какъ вѣтка и стебли ползучихъ растеній, сливалось въ одинъ общій странный потокъ.

— Митюкъ... Антонъ... Ванюкъ... Нужно за Богомъ подѣлить земя! Я скажу ротному, онъ зезволитъ... Але, Марья, умерамъ...

Снова повисъ въ воздухѣ мучительный, душу раздирающій крикъ, и японецъ еще больше накренилъ въ ту сторону вылѣпленную изъ темнаго воска голову. Еще разъ и еще крикнулъ больной въ шлемѣ изъ бѣлой марли и рванулся вонъ съ постели, словно ему вонзили въ самый мозгъ острый раскаленный буравъ. Но въ эту минуту полѣщукъ забредилъ на всю палату, и японецъ быстро повернулся и уставился на Свѣтлова страшными пустыми впадинами, откуда глядѣла сама смерть.

— Антонъ... Ванюкъ... Марья... не ссорьтесь, не ссорьтесь. Богъ зъ вами... зъ вами... Гу-рра... японцы... ваше высокоблагородіе, осторожно, закидали насъ... Ваше высо... благородіе, прощайте! Митюкъ... Ванюкъ... Антонъ... прощайте...

Кругомъ былъ тоже стонъ и крикъ. Какой-то солдатъ съ забинтованными щеками наклонился надъ тазомъ и все плевалъ густой, темной кровью. Тяжелыми стонами гулялъ по

желѣзной крышѣ вѣтеръ. Канонада усиливалась, и казалось, что гдѣ-то гремятъ желѣзные листы. За окнами неуклюже загромыхала артиллерія, потомъ промчался съ гулкимъ топотомъ о мерзлую и твердую, какъ камень, землю отрядъ кавалеріи. Санитары пронесли на носилкахъ чье-то подозрительно тихое и неподвижное тѣло, и лица у нихъ были утомленныя, деревянныя, тупыя.

— Марья... Антонъ... Съ Богемъ... Прощайте... Марья... Вицэкъ... Ванюкъ...—бредилъ полѣщукъ:—Марья, дѣти кохайте... Ванюкъ... Ва-а-нюкъ, дѣцко!

— О-о-а-а-й-й!—крикнулъ больной въ шлемѣ, и крикъ этотъ былъ тонокъ и длиненъ, какъ женскій волосъ, остръ, какъ бритва.—О-а-а-й-й-й!!!..

Священникъ читалъ отходную уже въ другомъ углу, и снова по его розовому отъ свѣчи лицу скользили и качались, какъ маятникъ, тѣни. Японецъ продолжалъ смотрѣть своими ужасными черными ямами и беззвучно шевелилъ губами. И все плевалъ солдатъ густой, темной кровью. И Свѣтлову ужъ начало казаться, что изъ впадинъ слѣпого японца глядитъ на него, Степана Свѣтлова, зловѣщее, черное, какъ могила, предсказаніе, и что подойдетъ и къ нему священникъ съ такими странно-блестящими глазами и станетъ читать отходную. Но въ этой борьбѣ жизни и смерти, въ этой судорожной борьбѣ и въ этомъ огромномъ, какъ океанъ, людскомъ страданіи какъ-то затерялась личная судьба, стала такой ничтожной и неважной, и нервы притупились, какъ острія, по которымъ слишкомъ долго водили желѣзнымъ напильникомъ. Внутри у Свѣтлова былъ не страхъ, нѣтъ, а тихая, глубокая боль и безпредѣльная жалость къ этому горю, къ этимъ людямъ-страдальцамъ.

Къ солдату, что плевалъ кровью, подошла Инна Ивановна, погладила его по головѣ, словно малаго ребенка, и дала ему красное полосканіе. Потомъ приблизилась къ Свѣтлову и въ полъ-голоса спросила:

— Все, бѣдняга, прощается съ семьей?

Острый крикъ пролетѣлъ по палатѣ. Сестра растерянно, безпомощно оглянулась на больного въ шлемѣ и начала тереть виски.

— Да, прощается, но никакъ проститься не можетъ.. Слушайте: мнѣ чудится, что я вижу ихъ, и этого Ванюка и Антона, и Марью... Гдѣ-нибудь въ избушкѣ лѣсника они, голодные и забитые, прислушиваются къ громовому говору литовскаго бора... Волосы у нихъ льняные, длинные, лица блѣдныя, одутловатыя... Въ избушкѣ дымно, грязно. И будетъ, сестра, еще грязнѣе и бѣднѣе, когда не станетъ... кормильца...

— Ради Бога, замолчите... Не нужно, милый...—сестра поблѣднѣла и испуганно оглянулась, точно и она увидала вокругъ себя толпу скорбныхъ маленькихъ тѣней, такихъ беззащитныхъ, съ такими длинными, льняными волосами.— Ступайте, на васъ лица нѣтъ... Довольно съ васъ, вы сами больны...

Полѣщукъ открылъ глаза, окинулъ палату широкимъ, ничего не видящимъ взглядомъ и, улыбнувшись, быстро заговорилъ:

— Ну, ну... Але... Антонъ, Ванюкъ, прощайте... Ванюкъ, дѣцко... Але...

Японецъ все сидѣлъ и смотрѣлъ пустыми впадинами, и губы у него беззвучно шевелились, будто шептали неслышную, грустную молитву.

IV.

Свѣтловъ двинулся къ кучкѣ людей у входа въ госпиталь. Иванъ Данилычъ, полковникъ, сестры, санитары окружили тѣснымъ кольцомъ румянаго отъ мороза юношу въ полушубкѣ и бѣлой высокой папахѣ, блестѣвшаго овалами очковъ и взволнованно разсказывавшаго что-то.

Когда Свѣтловъ подошелъ, бѣлая папаха доканчивала начатую фразу.

— ... больше двухъ тысячъ замерзло... Ружейный и артиллерійскій огонь не прекращался ни на одну минуту, невозможно было убирать даже легко раненыхъ...

— Гдѣ же вашъ транспортъ?—отрывисто спросилъ докторъ.

— Прибудетъ минутъ черезъ десять. Я поскакалъ впередъ, чтобы предупредить... Только, кажется, къ вамъ подходитъ и транспортъ на носилкахъ...

— Что-о?!.

— Гдѣ-же главный врачъ?—глухо раздалось на дворѣ.

Иванъ Данилычъ, а за нимъ и остальные вышли въ сѣни и столпились въ раскрытыхъ настежь дверяхъ. Всѣхъ сразу обхватилъ пронзительный вѣтеръ и закололъ щеки тысячью крошечныхъ иглъ. Небо, все въ прозрачныхъ клубкахъ тучъ, чуть сѣрѣло. Насколько хваталъ въ темнотѣ глазъ, маячили солдаты-санитары и длинныя носилки, и краснѣлъ изломанный рядъ фонарей, въ которыхъ пламя содрогалось отъ холода, билось и освѣщало рѣдкую снѣжную крупу, несомую вѣтромъ. Съ переднихъ носилокъ явственно доносился стонъ и судорожный стукъ зубовъ. А оттуда, гдѣ люди были тьмой, а тьма людьми, тянулся глухой, прерывистый

говоръ, оттуда будто подкрадывались, цѣпляясь за толпу тѣней и падая, падая и вставая, тихіе, дрожащіе вздохи, необъяснимые звуки, отъ которыхъ бросало въ дрожь. И чувствовалось, что морозъ сдавилъ горло тѣмъ, кто лежитъ на носилкахъ, сковалъ омертвѣлые члены, влѣзъ, впился въ самый мозгъ костей.

Весь горизонтъ былъ объятъ гуломъ и короткими, зловѣщими зарницами.

Изъ темноты вынырнула неуклюжая фигура въ черной папахѣ и забренчали шпоры. За ней придвинулась морда храпѣвшей лошади.

— Гдѣ главный врачъ? Ахъ, это вы! Пожалуйста, дайте скорѣе мѣсто шестидесяти раненымъ.

— Что вы, что вы, голубчикъ?! Да у насъ яблоку негдѣ упасть!

— Какъ хотите, а я отсюда не двинусь! Люди страшно устали, я получилъ отказъ уже въ трехъ мѣстахъ... Это, господа, не возможно! Докторъ, сжальтесь, вѣдь на дворѣ вѣтеръ и лютый морозъ... Не мертвецовъ же мнѣ дальше нести!

— Родимые... голубчики... скорѣе-бы... ой, помираю...—пронеслось въ темнотѣ, и далекими черноземными полями, зеленокудрыми березками такъ и повѣяло отъ этой наивной, жаркой просьбы.

— О, Боже мой... Ну, хорошо, хорошо, вносите ихъ... Сестра Петрова, кладите ихъ въ главномъ проходѣ, на полъ... Охъ, тяжела ты, ноченька! Вносите же!

Заколыхались фонари, надвинулись носилки и призрачные люди, а съ ними стонъ и щелканье зубовъ. Подъ напоромъ печальнаго шествія, Свѣтловъ и полковникъ вошли въ госпиталь, вновь окунулись въ толчею ужасныхъ звуковъ, въ запахъ карболки, хлороформа и человѣческой крови и стали медленно отступать къ своей палатѣ. У кровати полѣщука ихъ остановила Инна Ивановна и съ отчаяніемъ сказала:

— Умираетъ... Вотъ, такъ всегда: привыкнешь къ больному, полюбишь его, какъ родного, а онъ или умретъ, или возьмутъ его снова въ бой...

— Митюкъ... Ва-а-нюкъ...—хрипѣлъ полѣщукъ и шарилъ вокругъ себя рукой, словно искалъ чью-то плачущую головку.

Японецъ лежалъ на койкѣ, закрывшись одѣяломъ по уши. Больной въ шлемѣ утихъ и только нылъ.

Наконецъ, полковникъ со спутникомъ очутились въ офицерскомъ отдѣленіи, разбитые и потрясенные. Тамъ по прежнему горѣли свѣчи, и такія же свѣчи кроваво горѣли въ сильно дребезжавшихъ стеклахъ. Еще раздѣльнѣе, рѣзче и

ближе гремѣли удары орудій. Финнъ безпокойно ворочался на койкѣ, положивъ себѣ на голову подушку. Безусый подпоручикъ сидѣлъ и, закрывъ лицо руками, тихо рыдалъ. А мрачный больной докторъ нервно кусалъ губы и что-то выводилъ въ воздухѣ длиннымъ указательнымъ пальцемъ.

— Узнали теперь, юноша,—горько заговорилъ полковникъ, послѣ тихой паузы,—что такое война?! Теперь понимаете меня, когда я рекомендую—кричать, а?! Да, да, именно, кричать и кричать!!! О, если бы я могъ и смѣлъ безъ краски стыда вернуться въ Россію и разсказать всѣмъ и все?!

И онъ заходилъ по палатѣ, ежеминутно запахивая халатъ. И вмѣстѣ съ нимъ заходила, забѣгала черная, горбатая тѣнь... Она скользила по желтымъ цыновкамъ, касалась головой стропилъ потолка, ломалась на двое и взбѣгала на койки.

— Будь про-кля-та вой-на!—глухо вымолвилъ докторъ и написалъ въ воздухѣ:—Да!

— Будь проклята!—твердо выговорилъ Свѣтловъ.

А въ ту минуту въ палатѣ сталъ разливаться огромный шумъ... Сразу всколыхнулись тупыя холодныя складки занавѣси, и вбѣжала Инна Ивановна, блѣдная, какъ полотно, съ трясущимися губами, и почти крикнула, съ гнѣвомъ и отчаяніемъ:

— Что же это такое?! Что же будетъ со всѣми этими несчастными?! Мы отступаемъ... Лазаретъ приказано немедленно свернуть... Все, что останется—сжечь... Господа, что-же это такое!

Всѣ онѣмѣли.

Только полковникъ какъ-то всхлипнулъ: „от... отступили!"— поперхнулся и бросился къ окну. Тамъ, за стеклами, свѣтало и свѣтало. Все яснѣе выдѣлялись очертанія полуразрушенной кумирни, похожей на опрокинутый колоколъ. Въ мукахъ и пороховомъ дыму, подъ громъ пальбы, рождался хмурый, безрадостный день. Въ утреннемъ сумракѣ уже двигались неясныя, безпорядочныя массы уходившихъ куда-то войскъ...

. . . .

А шумъ наросталъ, какъ морской валъ, гонимый вихремъ, какъ валъ, смѣло поднявшій къ самому небу бурное чело, готовый все на своемъ пути снести, готовый обрушиться, сокрушить препятствія. Множество глотокъ безумно ревѣло, орало во всю мощь легкихъ, а надъ ихъ ужаснымъ хоромъ, будто чайки надъ бѣлыми волнами, носился острый, какъ бритва, тонкій, словно женскій волосъ, крикъ.

Инна Ивановна исчезла, какъ видѣніе. Свѣтловъ одно короткое мгновеніе слушалъ, объятый леденящимъ предчувствіемъ, а потомъ выскочилъ вслѣдъ за сестрой.

Его глазамъ предстало дикое зрѣлище.

Весь госпиталь былъ полонъ метавшимися въ сумерочномъ, дрожавшемъ свѣтѣ фонарей и занимавшагося утра, изо всей мочи кричавшими, потерявшими голову людьми, въ паникѣ. Здоровые, больные и раненые, всѣ, кто только могъ встать съ койки, подняться съ земли, всѣ были охвачены цѣпкими когтями внезапнаго ужаса и, словно госпиталь былъ готовъ ежесекундно развалиться, или японскіе штыки ужъ блестѣли въ окнахъ, бѣжали къ выходу, перескакивая черезъ лежавшихъ, топча ихъ и сбивая съ ногъ болѣе слабыхъ, бѣжали съ сверкавшими зрачками глазъ, съ искривленными лицами. Тамъ, у дверей, они скучились, столпились, дрались за первенство, взбираясь на спины другихъ, залѣзая въ самую гущу людей и не замѣчая, что они всей массой напираютъ на двери, и что двери упорно не открываются. И всѣ эти люди, кто на костыляхъ, кто хромой и кособокій, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, въ шинеляхъ или желтыхъ больничныхъ халатахъ, исполосованные перевязками—казались толпой безумныхъ, бѣгавшихъ по раскаленнымъ угольямъ. А кто не могъ уже подняться съ жесткаго ложа, тотъ вторилъ ужасному хору хриплымъ, стонущимъ, слабымъ крикомъ отчаянія или просилъ заплетающимся языкомъ проходившихъ мимо взять его съ собой. И тѣ, кто недавно былъ принесенъ въ лазаретъ и заснулъ каменнымъ сномъ огромной усталости, тѣ съ просонокъ голосили невѣдомо зачѣмъ, шарили по сторонамъ руками, отыскивая ружье иль одежду вскакивали, дико озирались и снова падали на цыновки, на носилки, срывая омоченныя кровью повязки. Ужасенъ былъ видъ двухъ раненыхъ въ ноги, которые ползли на животахъ, въ одномъ бѣльѣ, цѣпляясь руками за полъ, ползли къ толпѣ у дверей, ползли страшно-медленно, какъ улитки, впившись зубами въ окровавленныя отъ боли губы... Вотъ, какой-то длинный тощій солдатъ, съ вращающимися бѣлками глазъ, перемахнулъ черезъ ползущихъ, сбилъ съ ногъ кого-то, ковылявшаго на костыляхъ, и врѣзался въ толпу. Послѣдняя все увеличивалась, бѣшено билась у закрытыхъ дверей, бурлила, и казалось, конца не будетъ этому смятенью, этому ужасу и реву. Санитары, державшіе больного въ шлемѣ, куда-то исчезли; онъ стоялъ во весь ростъ на койкѣ, точно ужасное привидѣніе, махалъ руками и кричалъ жуткимъ, острымъ, покрывавшимъ прочіе голоса, крикомъ.

Свѣтловъ почувствовалъ, что кто-то спуталъ у него въ головѣ всѣ мысли, что все внутри у него затуманилось; что его охватываетъ нѣчто необъяснимое, страшно властное; по спинѣ бѣгаютъ острыя мурашки, а ступни ногъ горятъ,—словно онъ стоитъ на краю пропасти, темной и бездонной, неимовѣрно влекущей къ себѣ... Его кто-то толкаетъ къ выходу

за этими бѣгущими людьми... Еще минута, и онъ безумно опрокинетъ голову назадъ, широко широко откроетъ ротъ и станетъ кричать во всю глотку и побѣжитъ!

Какъ въ туманѣ, передъ нимъ мелькнуло лицо Инны Ивановны. Свѣтловъ бросился къ ней, схватилъ ее за мягкія, теплыя руки и, дрожа, сталъ отступать вмѣстѣ съ ней назадъ, чувствуя, что ноги у него будто прилипаютъ къ землѣ и очень тяжелы, и прерывисто повторяя:

— Сестрица... ради Бога, держите меня... держите... вотъ такъ, а то... я... я побѣгу... сестрица... держите меня... держите!.. Дер-жи-и-те!

К. А. Ковальскій.

---

* * *

(Съ французскаго).

Онъ не вашъ, хоть и росъ въ вашей черствой средѣ,
Породнился онъ съ нами въ народной бѣдѣ.
Наше знамя онъ несъ, съ нашимъ возгласомъ палъ,—
Умирая, онъ братьями насъ называлъ.
Много славныхъ разстрѣляно было тогда:
Всѣхъ, кого мы успѣли, сносили сюда...
И его принесли, но въ предсмертный свой часъ
Онъ ни словомъ, ни стономъ не вспомнилъ о васъ!
Сосчитайте кровавыя раны на немъ,
Разсмотрите печаль на лицѣ молодомъ:
Развѣ есть между васъ хоть одинъ, чей вѣнокъ
Оскорбить бы святой его смерти не могъ?..

В. Башкинъ.

Парижскій день.

Шесть часовъ утра. Пора вставать. Соскакиваю съ постели, наскоро одѣваюсь, захватываю въ кухнѣ жестяной ящикъ со вчерашними кухонными остатками и спускаюсь внизъ. На троттуарѣ стоитъ большой цинковый ящикъ. Въ немъ собрано все, что осталось отъ базарной и лавочной провизіи, которую потребили для поддержанія своего существованія обитатели нашего дома, и по этимъ остаткамъ можно судить, какъ обстоятъ ихъ дѣла. Въ нашемъ сорномъ ящикѣ много золы и костей, бѣлѣетъ скорлупа отъ яицъ, краснѣютъ куски брони омаровъ и лангустъ, видны завядшіе цвѣты, старыя газеты, остатки разнообразныхъ овощей,—въ общемъ все это довольно живописно и служитъ доказательствомъ, что въ нашемъ домѣ живутъ недурно.

А вотъ въ ящикѣ сосѣдняго дома что-то плоховато,—видно, что тамъ больше всего прохаживаются насчетъ картофеля и овощей, а настоящей ѣды употребляютъ мало... Много бѣдняковъ въ этомъ домѣ, настоящихъ парижскихъ бѣдняковъ, которые гордо скрываютъ свою нужду, а если ужъ очень плохо придется, такъ закупорятъ щели въ своихъ комнатахъ, разведутъ жаровню и—конецъ всѣмъ житейскимъ страданіямъ; часто это бываетъ въ сосѣднемъ домѣ, и не нравится мнѣ ихъ сорный ящикъ.

Отбросы тщательно ревизуются тряпичниками: они выбираютъ все, изъ чего еще можно извлечь какую-нибудь пользу: бумагу, кости, тряпки, коробки отъ консервовъ; со всѣмъ этимъ добромъ придется намъ не разъ еще встрѣтиться въ домашнемъ обиходѣ, но только въ другомъ видѣ и подъ инымъ соусомъ. Подъѣзжаютъ огромныя телѣги, на нихъ сваливаютъ уже обревизованный тряпичниками ненужный мусоръ, но и этотъ мусоръ подвергается на телѣгѣ вторичной ревизіи, благодаря которой обнаруживается немалое количество полезныхъ вещей.

Пустой ящикъ относитъ къ себѣ консьержъ, обитатели нашего дома опять будутъ заниматься обмѣномъ веществъ, отбрасывая въ ящикъ все, что они не могутъ потребить или что имъ не нужно; иногда случается, что кто-нибудь изъ обитателей ока-

зывается рѣшительно неспособнымъ заниматься обмѣномъ веществъ для наполненія роговъ изобилія различнаго рода отбросовъ, и тогда онъ становится самъ отбросомъ,—подъѣзжаетъ за нимъ телѣга и отвозитъ его на общее мѣсто свалки для такого рода отбросовъ, которые раньше были людьми.

Я не тороплюсь къ себѣ на верхъ. Пріятно подышать свѣжимъ, еще не испорченнымъ за день воздухомъ, пріятно въ эту пору выкурить трубочку капораля, прочитать утреннюю газетку и походить по домашнему, въ туфляхъ, около своего дома. Однако, пріятно, пріятно, но нужно и честь знать: пора за дѣло приниматься. Поднимаюсь къ себѣ на верхъ, снимаю съ ручки двери жестянку съ молокомъ—приношеніе молочника; съ коврика передъ дверью поднимаю большой кусокъ бѣлаго хлѣба, завернутый въ тонкую бумагу,—приношеніе булочника, затѣмъ отворяю дверь и вхожу въ свою святая святыхъ—кухню.

Въ кухнѣ передо мною кафельная плита съ углубленіями для огня, справа водопроводный кранъ и шкафчикъ съ провизіей, вдѣланный въ стѣну; сзади, въ стройномъ порядкѣ, виситъ кухонная посуда; подъ плитой сложенъ самыхъ разнообразныхъ сортовъ уголь. Беру изъ бумажнаго пакета нѣсколько просмоленныхъ палочекъ, „бюшекъ“, зажигаю ихъ и кладу въ маленькій горнъ на плитѣ: въ кухнѣ разносится пріятный смолистый запахъ; горящія палочки заваливаю мелкимъ сухимъ углемъ, накрываю горнъ воронкой съ трубой, дымъ тянетъ въ трубу, угли быстро разгораются. Теперь въ Парижѣ вездѣ заведены газовыя кухни,—проще, чище и скорѣе, но я не люблю, когда въ кухнѣ пахнетъ газомъ, а, главное, не люблю скверной привычки газовыхъ чиновниковъ являться къ вамъ со счетомъ какъ разъ въ то время, когда у васъ нѣтъ ни копѣйки денегъ, поэтому я топлю кухню углемъ: это и пріятнѣе, и ближе къ природѣ. Будемъ приготовлять кофе, прибавимъ твердыхъ углей, разложимъ огонь на два горна, поставимъ на одинъ молоко, на другой — воду. Чтобы имѣть свѣжій хорошій кофе въ Парижѣ, нужно покупать его въ большихъ складахъ,—тамъ его вамъ смелютъ, заплатите вы за него не дороже, чѣмъ въ обыкновенномъ магазинѣ, но за то это будетъ такой кофе, который вы найдете только въ Вѣнѣ и далѣе въ восточныхъ странахъ; французъ—западникъ и къ кофе относится довольно легкомысленно, хотя, конечно, если постарается, то и онъ тоже можетъ найти и сварить отличный кофе, особенно, если за это дѣло возьмется житель Тулузы, перваго по кулинарному искусству города во Франціи.

Послѣ кофе я иду на базаръ. Пожилая старушка, бывшая сидѣлка въ госпиталѣ, отпускаетъ мнѣ луку, порею, сельдерею и моркови для pot au feu, пучекъ крессъ-салата и мелкихъ, некрасивыхъ на видъ, но очень вкусныхъ нормандскихъ яблокъ. Затѣмъ я покупаю кусокъ мяса для супа, перевязанный веревочками, чтобы

мясо не слишкомъ разварится; для навара мнѣ даютъ въ придачу кость. Пока довольно. Возвращаюсь домой, чищу овощи, складываю ихъ въ глиняный горшокъ съ ручкой, кладу туда же мясо съ костью, наливаю воды, прибавляю соли и ставлю свое кушанье на огонь, въ которомъ медленно тлѣютъ палочки парижскаго угля, составленнаго изъ прессованной угольной пыли; огонь этого угля, потихоньку и не торопясь, сваритъ супъ во время моего отсутствія.

Исполнивъ кухонныя обязанности, я снимаю передникъ и остальныя части затрапезнаго костюма, надѣваю сюртучную пару, цилиндръ, беру портфель и, превратившись такимъ образомъ изъ повара въ профессора, сбѣгаю внизъ и спускаюсь по горкѣ до Place St.-Michel. Судьба такъ распорядилась со мною, что я всякое утро ѣзжу съ Place St.-Michel до Gare St.-Lazare въ одномъ и томъ же омнибусѣ, съ однимъ и тѣмъ же кондукторомъ, старичкомъ съ библейской сѣдой бородой, и почти съ одними и тѣми же пассажирами. Измѣнить этотъ порядокъ нѣтъ никакой возможности: такъ рѣшили всемогущіе боги, которые сдѣлали изъ меня крохотную частичку правильно и мѣрно дѣйствующаго огромнаго парижскаго механизма.

По внѣшности нашъ омнибусъ ничего особеннаго не представляетъ: омнибусъ, какъ и всѣ парижскіе омнибусы; единственное его отличіе отъ другихъ, это—расшатанный отъ времени винтъ, соединяющій лѣстницу, которая ведетъ на имперіалъ, съ задними желѣзными перилами: какъ только тронется омнибусъ, сейчасъ и задребезжитъ винтикъ, задребезжитъ съ чувствомъ, съ толкомъ, то замирая и утихая, то приходя въ сердитый паоосъ, то разсказывая однообразнымъ тономъ какую-то безконечную исторію; расшатанный винтикъ нашъ вѣрный и постоянный собесѣдникъ въ дорогѣ, онъ трещитъ уже нѣсколько лѣтъ и если бы его привели въ порядокъ, и онъ замолчалъ, я увѣренъ, и кондуктору, и пассажирамъ было бы очень скучно.

Публика въ нашемъ омнибусѣ состоитъ главнымъ образомъ изъ чиновниковъ разныхъ министерствъ: народъ скучный-прескучный, я принадлежу къ числу ихъ. Всѣ мы одѣты въ однообразные костюмы, у всѣхъ одинаковые цилиндры и портфели, всѣ мы сидимъ молча, знакомиться и сближаться другъ съ другомъ никто изъ насъ не хочетъ,—толкуйте послѣ этого о французской общительности и разговорчивости.

Разъ только я разговорился съ однимъ изъ этихъ чиновниковъ, но и это было не въ омнибусѣ. Дѣло было такъ: шелъ дождь, въ омнибусѣ мѣста были заняты чугаками, которые поспѣли раньше меня, на имперіалѣ тоже было полно, а сверхъ комплекта парижскій кондукторъ никого не пуститъ. Я стоялъ и не зналъ, что дѣлать; въ такомъ же положеніи я замѣтилъ около себя одного изъ своихъ постоянныхъ спутниковъ; извоз-

чиковъ нѣтъ, да они намъ и не по карману, на послѣдующіе омнибусы очередные номера были уже разобраны. Трогается нашъ омнибусъ, задребезжалъ винтикъ, и при первыхъ же его звукахъ всѣ сомнѣнія наши разсѣялись: мы подсучили штаны и побѣжали, отмѣривая гимнастическіе шаги, вслѣдъ за омнибусомъ, не упуская его изъ вида, ясно различая трескотню винтика среди безчисленныхъ звуковъ на парижской мостовой. Сначала мы бѣжали молча, потомъ у моего спутника какъ-то развязался языкъ, и онъ очень интересно, хотя и отрывочными предложеніями, неизбѣжными, когда человѣкъ, разсказывая, дѣлаетъ гимнастическіе шаги, сообщилъ мнѣ, какъ онъ удиралъ въ 70 году отъ пруссаковъ, а также и о томъ, что древніе галлы могли бѣжать наравнѣ съ лошадью, придерживаясь только за ея гриву. На слѣдующій день, когда мы ѣхали въ омнибусѣ, этотъ интересный разговоръ уже не возобновился: мы сидѣли и молчали по прежнему.

Очень я люблю, когда появляются въ нашемъ омнибусѣ раза два въ недѣлю три дѣвицы, мастерицы искусственныхъ цвѣтовъ,— онѣ болтаютъ и смѣются всю дорогу, смѣются тѣмъ здоровымъ и хорошимъ смѣхомъ, отъ котораго расходятся морщины и легко становится на сердцѣ; дѣвицы эти бѣдны, некрасивы, не блещутъ здоровьемъ, но онѣ пользуются радостью жизни и бытія во время переѣзда въ омнибусѣ, не сидятъ такими противными сычами, какъ я и мои сосѣди. Жить приходится только одинъ разъ, и при этомъ жизнь такъ тѣсно забираетъ насъ въ свои лапы, что нужно пользоваться всякой свободной минутой, чтобы вздохнуть по-человѣчески и позабыть однообразную будничную обстановку; каждый изъ насъ въ своемъ родѣ бѣлка въ колесѣ, и мнѣ всегда бываетъ пріятно, когда бѣлка хоть на минуту придумаетъ себѣ свое собственное развлеченіе, благодаря которому она можетъ забыть о скучномъ колесѣ своей жизни.

Мы останавливаемся около Gare St-Lazare; недалеко отъ этого вокзала живетъ со своимъ отцомъ и дѣдомъ мой ученикъ, графъ X.

Дѣдъ моего ученика очень интересный человѣкъ, и я долженъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Графъ-дѣдъ былъ пажемъ при Людовикѣ XVIII, министромъ при Людовикѣ Филиппѣ, дожилъ до 95 лѣтъ и съ самаго дня своего рожденія никуда не выѣзжалъ изъ Парижа, посвятивъ всю свою жизнь культу родного города: Парижъ для него хорошъ во всякое время года, во всякую погоду, при всякомъ образѣ правленія, парижане — самые милые люди на свѣтѣ; графъ-дѣдъ любитъ помогать имъ своими личными средствами и совѣтами, помогаетъ во-время, умѣло и въ то же время изучаетъ окружающую жизнь, цѣнитъ ее во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Во время Коммуны графу-дѣду настойчиво совѣтовали оставить Парижъ:—Я не поѣду!—отвѣтилъ онъ.—Я не могу бѣжать изъ своей семьи, когда въ ней случилась бѣда!

И старикъ остался въ Парижѣ; благодаря своему вліянію среди предводителей коммунаровъ, благодаря связямъ среди правительственной партіи, ему удалось предотвратить много ненужныхъ жестокостей, смягчить кое-гдѣ тотъ семейный разладъ, который такъ долго потомъ отзывался въ общественной жизни Франціи.

Философія графа-дѣда сводится къ слѣдующему: всякій человѣкъ долженъ жить на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ родился, — это полезно и для него самого, и для его родины; нужно постоянно изучать свою родную жизнь, быть какъ можно ближе къ ней, откликаться на всѣ ея запросы и нужды, и, благодаря этому, можно принести больше пользы для окружающихъ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, провести свою жизнь ближе къ основнымъ законамъ правды и справедливости.

Графъ-сынъ, милый, добродушный и привѣтливый старикъ, ничѣмъ особеннымъ, насколько мнѣ извѣстно, не отличается, но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ бы ближе къ основнымъ законамъ правды и справедливости, если бы поменьше баловалъ своего сына, моего ученика: парень ужъ подъ красную шапку готовъ, а капризничаетъ хуже малаго ребенка. Я лично только на эту красную шапку и возлагаю всѣ мои надежды: послужитъ какой-нибудь избалованный барченокъ „подъ знаменами“ годикъ—другой, и возвращается домой совсѣмъ шелковый, о прежней кислой шерсти и помину нѣтъ, и не строгость военной службы, по моему, тутъ дѣйствуетъ, потому что и „подъ знаменами“ для барченка всякаго баловства достаточно, а всеочищающее сближеніе съ простымъ, милымъ, безхитростнымъ французскимъ народомъ; близость къ „простому человѣку“ въ жизни—вещь великая. Подхожу къ воротамъ уединеннаго дома графовъ X и начинаю трезвонить въ набатный колоколъ, звонъ котораго извѣщаетъ о моемъ прибытіи не только консьержку, но и всѣхъ обитателей дома. Консьержка отпираетъ массивную дверь, кланяется и дѣлаетъ постное и жалостное лицо, которое во всѣхъ странахъ означаетъ одно и то же: въ Россіи — неблагополучно у насъ, — Китъ Китычъ дурить началъ; а здѣсь, въ Парижѣ, — monsieur Gaston n'est pas gentil aujourd'hui. Я невольно повторяю, — n'est pas gentil, такъ n'est pas gentil: мое дѣло три четверти часа отбыть, хлѣбъ себѣ заработать, а тамъ пусть себѣ хоть вверхъ ногами ходитъ...

— Monsieur Gaston n'est pas gentil aujourd'hui! — конфиденціально докладываетъ мнѣ лакей внизу лѣстницы.

— Monsieur Gaston... — докладываютъ мнѣ наверху, но я уже не слушаю, потому что открывающаяся передо мною картина достаточно говоритъ сама за себя: по коридору испуганно бѣгаетъ, сверкая пятками, все наличное женское сословіе дома; бѣгаютъ лакеи торопливыми шагами и спѣшатъ ко мнѣ папаша; мы

усердно раскланиваемся съ нимъ и впопыхахъ стукаемся слегка лбами, не лишая себя обоюдныхъ извиненій при этомъ не происходитъ: стоитъ-ли думать о такихъ пустякамъ, когда отечество въ опасности. Направляюсь къ комнатѣ моего ученика: присутствующіе смотрятъ на меня съ такимъ видомъ, какъ будто я иду въ клѣтку къ рыкающему тигру. Вхожу. Маленькая комнатка, изящно отдѣланная безбѣлками и шелковой матеріей; одна стѣна занята коллекціей оружія временъ Людовика XVIII, другая—картинами старинныхъ испанскихъ мастеровъ; посреди комнаты стоитъ разъяренный тигръ—мой ученикъ; физіономія его окрашена въ багровый цвѣтъ, глаза мечутъ молніи, руки дрожатъ. Несмотря на все это, мы очень вѣжливо привѣтствуемъ другъ друга, молодой графъ старается изобразить на своемъ лицѣ пріятную улыбку, но этой улыбкѣ такъ и не удается осуществиться: въ комнату является лакей съ ручками для перьевъ и карандашами, мой ученикъ подскакиваетъ къ нему, схватываетъ карандаши и ручки, ломаетъ ихъ и бросаетъ куски въ каминъ.

— М...е!—кричитъ онъ лакею прямо въ лицо. Тотъ съ легкостью сильфиды моментально поворачивается и исчезаетъ.

— Что это сегодня съ вами?—спрашиваю я ученика.

— Вы только посмотрите, посмотрите,—говоритъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и чуть не плача отъ злобы—какой мнѣ платокъ сегодня подали, какой платокъ!

Платокъ casus belli, изъ очень тонкаго полотна, чисто вымытъ и выглаженъ; единственный его недостатокъ, и при томъ, дѣйствительно, очень существенный, состоитъ въ томъ, что весь онъ покрытъ мелкими дырками: слѣды неумѣреннаго и неразумнаго употребленія прачкой хлорной воды; въ Парижѣ это неизбѣжное зло, съ которымъ въ концѣ концовъ приходится мириться.

Само собою разумѣется, что стоило бы платокъ съ дырками перемѣнить на цѣлый, и дѣло о представленіи его экономкою, а потомъ лакеемъ было бы кончено и сдано въ архивъ; но извольте тутъ кончать его мирнымъ образомъ, когда человѣка балуютъ, какъ малаго ребенка, когда онъ не знаетъ, что ему дѣлать съ избыткомъ силъ и здоровья, когда его окружаетъ рабская тишина громаднаго палаццо,—попробуйте пожить въ такой обстановкѣ, и вы будете учинять разносы на каждомъ шагу.

— Напишите что-нибудь о Волгѣ!—говорю я ученику и даю ему ручку съ перомъ, которая какимъ то чудомъ уцѣлѣла отъ общаго погрома.

— Вчера я проигрался на Волгѣ! — говорилъ обиженно ученикъ.

— Вы проиграли на лошади Волгѣ, а я прошу васъ написать что-нибудь о рѣкѣ Волгѣ, о томъ, что вы видѣли и слышали во время вашей послѣдней поѣздки въ Россію.

— Я не могу писать... Я буду лучше говорить!

— Говорите.

Молодой графъ задумывается, лицо его начинаетъ принимать все болѣе и болѣе спокойное выраженіе, онъ раскидывается на креслѣ, полузакрываетъ глаза и начинаетъ:

— Батюшка, милостыньку ради Христа, подай убогому!

— Проходи, проходи, что сталъ на дорогѣ!

— Булки свѣжія, булки горячи! Бабы, картови, бабы! Рубцовъ горячихъ, рубцовъ!

— Варены ноги, солдатъ! Солдатъ, варены ноги! Луку, луку, луку! Колбасы не угодно ли, почтенный, — первый сортъ: съ чесночкомъ, перчикомъ!

— Христа ради убогому!

— На макарьевской семь цалковыхъ... Цѣна...

— Пожалте-съ! Сію минутою,—сейчасъ изъ осетра! Полбутылочки какой прикажете: очищенной али аглицкой?

— Въ сущности говоря, современное экономическое положеніе...

— Ну что же ваши медицинскіе курсы?

— Осталась при родителяхъ.

— Досадно-съ! Нате же вамъ пятачекъ для развлеченія и услажденія вашей жизни.

— Кипяточку, малый!

— Отдай копеечку!

— Есть!

— Тихій ходъ!

Пять! Четыре съ половиной! Шесть! Пять! Шесть-есть! Семь! Семь! Семь съ половиной! Восемь! Подъ табакъ! Подъ табакъ!

— Слава тебѣ, Господи, Царица небесная.

— Les cris du Volga!—мечтательнымъ голосомъ говоритъ молодой человѣкъ: лицо его совсѣмъ прояснилось, сдѣлалось задумчивымъ, мягкимъ и добрымъ: процессъ художественнаго творчества преображаетъ и возвышаетъ человѣка.

Разсказываютъ, что Горбуновъ замѣчательно вѣрно, со всѣми тонкостями произношенія передавалъ рѣчь англійскаго полисмэна, приводя въ восторгъ правильностью языка самихъ англичанъ и не зная при этомъ ни одного слова по-англійски. Мой ученикъ порядочно знаетъ русскій языкъ, но не настолько хорошо, чтобы всегда сознательно воспроизводить les cris du Volga: его выручаетъ замѣчательная слуховая память, способность сохранять слуховыя фотографіи и необыкновенная гибкость произношенія чуждыхъ ему звуковъ рѣчи; обыкновенно же онъ произноситъ по-русски, какъ старый московскій баринъ; такая способность среди французовъ удивительная рѣдкость и объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что молодой графъ хотя и романскаго происхожденія, но французъ не чистокровный.

Воспоминанія о Волгѣ насъ успокоили и привели въ нѣжное настроеніе: мы посклоняли, поспрягали, и, когда прошли казенныя сорокъ пять минутъ урока, отъ прежней бури осталась только тихая и спокойная гладь.

— Ну, какъ занимался сегодня Гастонъ?—спрашиваетъ меня на обратномъ пути графъ-отецъ.

— Отлично,—у него замѣчательныя способности для изученія русскаго языка!—говорю я, повторяя эту фразу чуть не послѣ каждаго урока; графъ-отецъ приходитъ въ восторгъ и съ чувствомъ пожимаетъ мнѣ руку; на этотъ разъ мы раскланиваемся съ такой предусмотрительной осторожностью, что лбы наши все время находятся другъ отъ друга на почтительной дистанціи.

Отъ графа X я перехожу къ его родственнику, дюку Y. Дюкъ Y принадлежитъ къ древнему итальянскому аристократическому роду, но предки его жили уже нѣсколько сотъ лѣтъ во Франціи и составили себѣ громкое имя въ мірѣ дипломатовъ и ученыхъ; они играли видную роль не только въ судьбахъ Франціи, но даже и нашей матушки Россіи.

Молодой дюкъ до сихъ поръ еще сохраняетъ въ чертахъ своего лица и манерахъ слѣды итальянскаго происхожденія, а такъ какъ итальянцы самый вѣжливый народъ на свѣтѣ, а дюкъ, кромѣ того, получилъ воспитаніе въ дипломатической семьѣ и іезуитской школѣ, то изъ него вышелъ такой мягкій и предупредительно вѣжливый молодой человѣкъ, что заботиться о водвореніи тишины, спокойствія и порядка на урокахъ нѣтъ никакой необходимости. Мнѣ кажется даже, что если бы въ домѣ дюка кто и попробовалъ выйти изъ границъ приличія, то эта попытка не имѣла бы успѣха, потому что всюду чувствуется какая-то мягкая эластичная среда, которая не стѣсняетъ ни движеній, ни мысли, но держитъ ихъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это въ высшей школѣ учтивости допущено. Такая аристократическая атмосфера для благоденственнаго и мирнаго пребыванія, можетъ быть, очень удобна, но человѣческое вольнолюбивое общество врядъ-ли можетъ окончательно примириться съ нею и отказаться навсегда отъ удовольствія выкинуть какой-нибудь артикулъ; на эту тему есть у самого же дюка длинный рядъ картинъ какого-то стариннаго англійскаго художника. Такъ какъ мы только еще начинаемъ съ дюкомъ изученіе русскаго языка и уроки наши ни для кого не занимательны, то я разскажу лучше объ этихъ картинахъ. Съ самаго начала изображается съѣздъ гостей къ англійскому помѣщику: чопорныя встрѣчи, церемонные поклоны; потомъ гости собираются въ гостиную и ведутъ пріятныя салонныя бесѣды; вслѣдъ за этимъ идетъ обѣдъ, безконечный, скучный даже тогда, когда мужчины остаются послѣ обѣда одни и подкрѣпляются производящими увеселеніе напитками. Далѣе изображается, какъ всѣ джентльмэны торжественно крестятся, а по

томъ съ величественнымъ видомъ ложатся спать; вотъ они уже и въ постеляхъ по разнымъ комнатамъ, все спокойно, только луна пропускаетъ свои лучи сквозь щели оконъ и освѣщаетъ джентльмэновъ, не давая имъ спать и приводя ихъ въ игривое расположеніе духа; одинъ за другимъ они вскакиваютъ съ постелей, подбѣгаютъ въ однихъ длинныхъ ночныхъ рубашкахъ и колпакахъ къ окнамъ, любуются роскошной лунной ночью, переглядываются въ окна съ сосѣдями и улыбаются шаловливо другъ другу. Имъ сразу стало весело и привольно на душѣ: они сбѣгаютъ внизъ въ своихъ ночныхъ костюмахъ, отправляются въ конюшни и тамъ сѣдлаютъ лошадей. Послѣ этого новая картина: по долинѣ, залитой луннымъ свѣтомъ, скачутъ во весь опоръ наши джентльмэны въ бѣлыхъ рубашкахъ и ночныхъ колпакахъ; куда они скачутъ—они и сами не знаютъ, но имъ весело, лица ихъ блещутъ неподдѣльнымъ выраженіемъ довольства и счастья,—не то школьники, которые бѣгутъ послѣ скучныхъ уроковъ домой, не то взрослые люди, которые спасаются отъ страшной засасывающей жизненной рутины. Они скачутъ до тѣхъ поръ, пока лошади не начинаютъ выбиваться изъ силъ, обливаясь мыломъ, и тогда—стопъ: всѣ останавливаются у деревенскаго трактира, будятъ трактирщика, тотъ разводитъ въ каминѣ огонь, жаритъ баранью ногу, приноситъ бутылки съ виномъ. Босоногіе гости пляшутъ отъ радости, лица ихъ оживились,—какъ они непохожи на самихъ себя, когда они были во фракахъ и сидѣли чопорно за обѣдомъ, упражняясь въ учтивостяхъ.

Я люблю разсматривать эти картины: онѣ вносятъ смягчающій тонъ въ ту обстановку, гдѣ человѣкъ является взнузданнымъ и затянутымъ животнымъ, гдѣ нѣтъ довѣрія къ личности человѣка и его индивидуальнымъ силамъ, и я думаю, что подъ вліяніемъ этихъ старыхъ картинъ такъ называемые серьезные люди часто выкидывали спасительные мальчишескіе фарсы, которые освѣжали ихъ скучную и однообразную жизнь.

Отъ дюка Y я снова направляюсь къ вокзалу St-Lazare, около котораго живетъ мой ученикъ, горный инженеръ Z. Инженеръ Z попробовалъ было поѣхать въ Россію безъ знанія русскаго языка и безъ рекомендацій и испыталъ, словно по заказу, массу трагикомическихъ непріятностей: путешествуя по глухимъ мѣстамъ, онъ постоянно навлекалъ своею особой подозрѣніе и попадалъ въ кутузку, откуда его обыкновенно извлекало какое-нибудь значительное лицо въ губерніи или вообще какой-нибудь „другъ Франціи", который обрушивался на бѣднаго инженера со всей необузданностью русскаго гостепріимства и такъ „накачивалъ француза" во время безконечныхъ пиршествъ, что тотъ спасалъ свою жизнь и здоровье постыднымъ бѣгствомъ, но за то въ самомъ непродолжительномъ времени снова попадалъ въ кутузку; подъ конецъ мой инженеръ ухитрился попасть въ ку-

тузку даже въ Москвѣ, гдѣ его арестовалъ городовой за то, что онъ слишкомъ усердно срисовывалъ орнаменты кремлевскихъ церквей и не могъ объяснить блюстителю тишины и порядка, для чего эти орнаменты ему нужны; послѣ всѣхъ этихъ приключеній инженеръ палъ духомъ и возвратился въ Парижъ. Россія его все-таки очень заинтересовала; инженеръ рѣшилъ, что ему стоитъ только хорошенько изучить русскій языкъ, и тогда онъ безъ всякихъ препятствій можетъ жить въ странѣ московитовъ.

Я засталъ инженера за разборомъ вещей, привезенныхъ имъ изъ Россіи: передъ нимъ были лапти, деревянныя чашки, ложки, солонки, лукошки, павловскіе замки, ножи, махорка въ бумажныхъ картузахъ, махорка въ пачкахъ, „мерзавчики" съ монопольной водкой и даже обтрепанный пучекъ розогъ съ ярлычкомъ, на которомъ было написано: „высѣканіе недоимокъ" и по-французски объясненіе: „la peine des verges infligée aux paysans pour obtenir le payement des impôts"; около розогъ лежали черные и сѣрые кусочки какой-то безформенной массы.

— Что это такое?—полюбопытствовалъ я.

— Голодный русскій хлѣбъ.

Говоритъ инженеръ теперь по-русски довольно бойко, но не всегда вразумительно. Каждый разъ онъ приготовляетъ мнѣ сочиненіе. Прошлое сочиненіе было: „Путешествіе около реберъ (côtes) Крыма"; на сегодня онъ приготовилъ письменную работу о нашествіи нѣмцевъ на Францію. Послѣ многочисленныхъ поправокъ сочиненіе это принимаетъ слѣдующій видъ: „Ночь на четвертое января 1871 года. Мнѣ восемь лѣтъ. Я сплю неспокойнымъ, тревожнымъ сномъ, мнѣ чудится какой-то гулъ и трескъ, и я часто просыпаюсь, потомъ снова засыпаю. Вдругъ раздается такой ужасный громовой ударъ, что я совсѣмъ просыпаюсь и соскакиваю съ постели; въ головѣ у меня тяжесть, ноги трясутся, и я съ усиліемъ добираюсь до окна. Густой бѣлый туманъ закрываетъ всю долину, которая разстилается передъ окнами нашего дома, и сквозь этотъ туманъ мелькаютъ красныя палочки, похожія на стебельки горящей соломы; слышенъ гулъ тяжелыхъ ударовъ, трескотня; въ сосѣдней комнатѣ стоитъ на колѣняхъ наша служанка и громкимъ голосомъ читаетъ молитву: „Dieu, splendide, eternelle, rendez nous victorieux, confondez les prussiens".

„Я понялъ тогда, что подъ пеленами бѣлаго тумана рѣшается наша судьба, скрывается страшная драма. И вдругъ занавѣсъ подымается: блеснули лучи солнца, разошелся туманъ, и мы видимъ, какъ по долинѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ наши мобили... Ужасная минута! Бѣдные солдаты, какъ перепуганное стадо, бѣгутъ черезъ сады, ломая все, что попадается имъ на пути, и въ это время со звономъ и трескомъ разрывается между ними граната, за нею другая, третья... Туманъ снова закрываетъ страш-

ное зрѣлище, и черезъ полчаса весь нашъ домъ былъ наполненъ пруссаками... Ужасный годъ!"

Занятые исправленіемъ сочиненія, мы не замѣчаемъ, какъ идетъ у насъ время. Инженеръ потираетъ себя ладонью по желудку, потомъ плещетъ по животу:

— Полдень!—провозглашаетъ онъ торжественно.

Открываемъ часы,—дѣйствительно, ровно полдень: французскій желудокъ въ этомъ отношеніи вѣрнѣе всякихъ часовъ: если вы помѣшаете французу завтракать—онъ заболѣетъ; отъ двѣнадцати до часу никому не совѣтую дѣлать визиты французамъ.

А мой завтракъ еще далеко. На обратномъ пути я рѣдко попадаю въ свой омнибусъ и ѣду съ случайными спутниками. Послѣ трехъ уроковъ съ тремя различными учениками, когда приходится достигать хорошихъ результатовъ путемъ усиленной нервной работы, постоянно примѣняясь къ чужому человѣку, чужому языку, чужой обстановкѣ, я чувствую нѣкоторую усталость, взбираюсь на имперіалъ конки и сижу, ничего не думая, не обращая вниманія на тотъ муравейникъ, который кишитъ на улицѣ; мало по малу я погружаюсь въ дремоту, среди которой до меня доносится лишь крикъ кучера омнибуса да щелканье его бича.

На улицѣ Риволи такое стеченіе экипажей, что омнибусъ нашъ остановился, я просыпаюсь; слышу отчаянный крикъ — открываю глаза и вижу передъ собою на стѣнѣ дома доску съ надписью: „Здѣсь былъ убитъ во время Вареоломеевской ночи адмиралъ Колиньи", но вѣдь это было давно,—чего же они кричатъ? Смотрю внизъ и начинаю понимать, въ чемъ дѣло: ломовая лошадь дотянулась мордой къ экипажу изъ цвѣточнаго магазина, поѣла дорогіе букеты и разбросала роскошныя корзинки; развозчикъ цвѣтовъ вопіетъ къ небу объ отмщеніи, городовой заноситъ въ протоколъ весь ходъ этой суетной исторіи.

Мы подвигаемся дальше, но ѣдемъ очень медленно; съ нашимъ омнибусомъ подружился экипажъ изъ центральнаго рынка и ѣдетъ неразлучно рядомъ съ нами; на крышѣ этого экипажа лежатъ огромныя желтыя тыквы и корзина съ картофелемъ, на корзинѣ я вижу желѣзнодорожный ярлыкъ: „Тарасконъ—Парижъ". Тыквы такъ близко ѣдутъ около меня, что я смотрю на нихъ, любуюсь и начинаю мысленно приготовлять изъ нихъ разныя вкусныя вещи: тыкву пареную, тыкву жареную, тыкву съ кашей, тыкву съ молокомъ. Мнѣ уже кажется, что эти тыквы мои, и я везу ихъ къ себѣ на кухню; вдругъ сосѣдній экипажъ неожиданно поворачиваетъ въ сосѣднюю улицу, съ нимъ исчезаютъ мои тыквы, я огорчаюсь до глубины души и ропщу, подобно пророку Іонѣ. Чувство голода дѣлаетъ меня малодушнымъ, но уже близко, терпѣть недолго: вотъ Сена, Palais de Justice и, наконецъ, Place St.-Michel; я у себя въ Латинскомъ кварталѣ, стоитъ только еще подняться вверхъ, и я—дома.

По дорогѣ покупаю для жаркого хорошій кусокъ сырого мяса,—беру по большей части filet или faux filet, но не ромстекъ, потому что изжарить хорошо ромстекъ очень трудно: другіе, можетъ быть, умѣютъ, но я не умѣю.

Неописуемо чувство проголодавшагося человѣка, когда онъ входитъ въ свою милую кухню и слышитъ запахъ роскошнаго pot au feu, который *самъ* все время варился безъ меня на медленно тлѣющихъ палочкахъ парижскаго угля. О, парижскій уголь, какой благодѣтель человѣческаго рода тебя изобрѣлъ! ты сгорѣлъ весь безъ остатка, но за то ты поддерживалъ до послѣдняго издыханія теплоту, передалъ ее супу, и я ѣмъ этотъ супъ, ѣмъ мясо съ горчицей и самъ, въ свою очередь, проникаюсь живительной теплотой; желудочные соки вступаютъ въ свои права,—нужно для нихъ приготовить серьезную работу.

Развожу изъ обыкновенныхъ углей сильный огонь, разогрѣваю насухо сковородку, потомъ пускаю на нее кусокъ масла; масло шипитъ, моментально распускается и подпрыгиваетъ вверхъ; теперь посолимъ немного нашъ бифштексъ и, Господи благослови, шлепъ его на сковородку. Тутъ начинается очень деликатная работа: нужно какъ можно чаще переворачивать мясо, стараясь не проткнуть его вилкой и наблюдая при этомъ, сообразно силѣ огня и качеству мяса, до какой степени оно можетъ вздуться; когда наступаетъ высшая степень пухлости бифштекса, его сейчасъ же нужно снять съ огня и не допускать, чтобы онъ снова сталъ сжиматься; тутъ нужно угадать моментъ, не прозѣвать, а это очень важная вещь не только во время приготовленія бифштекса, но и въ остальныхъ человѣческихъ дѣлахъ.

И вотъ у насъ на тарелкѣ роскошный бифштексъ, стоитъ бутылка хорошаго бордо; можно еще приготовить салатъ, поджарить какіе-нибудь овощи, но овощи вещь не главная,—главное—бифштексъ и вино.

Острый ножикъ свободно входитъ въ мягкое сочное мясо, изъ середины котораго сочится кровь... Ужасайтесь, господа вегетаріанцы, ужасайтесь, но если бы вы хоть разъ въ жизни скушали такой бифштексъ, вы бы навсегда отказались отъ своей вѣры, а вы, господа трезвенники, если бы хоть разъ попробовали это вкусное вино... Впрочемъ, что тутъ разговаривать съ вами!.. Выпьемъ за Францію: да здравствуетъ Франція, моя кормилица и поилица, спасибо тебѣ за хлѣбъ, за соль!

Однако уже половина второго: пора на лекціи въ школу восточныхъ языковъ.

„Ecole des Langues orientales vivantes“!..

Какъ пріятно эти слова звучатъ для моего уха! Въ дѣтствѣ у меня были пріятныя слова, вспоминая которыя, я забывалъ всякое горе: стоило, бывало, мнѣ сказать самому себѣ: конфетка, пряникъ, ярмарка—и всякое горе забыто; теперь, вмѣсто кон-

фетка, пряникъ и ярмарка, я говорю: Ecole des Langues orientales vivantes.

Школа восточныхъ языковъ играетъ въ моей жизни великую роль: она поддержала меня въ самую трудную пору моей жизни, и я вѣчно ей за это благодаренъ. Дѣло было такъ. Я принадлежу къ тѣмъ безвѣстнымъ русскимъ педагогамъ, которые въ самомъ началѣ своей педагогической дѣятельности, когда человѣкъ вкладываетъ всю свою душу въ любимое дѣло, неожиданно и совершенно незаслуженно получаютъ по шапкѣ съ запрещеніемъ всякой педагогической дѣятельности. Положеніе получается при этомъ самое непріятное: чувствуешь себя живымъ человѣкомъ, способнымъ къ любимой работѣ, жаждешь этой работы, стремишься къ ней, и въ то же время знаешь, что надъ тобою существуетъ проклятіе, что ты носишь на себѣ печать Каина. Понимать, что твоя обязанность быть въ рядахъ просвѣтителей русскаго народа, что будущность твоей родной страны зависитъ только отъ образованія и просвѣщенія и сидѣть въ это время въ сторонѣ—невыносимо тяжело, а всего хуже, что и пожаловаться при этомъ не на кого. Чувствуешь хорошо, что не министерства и департаменты виноваты въ твоей гибели, а чудище обло, озорно, стозѣвно и лаяй,—темное, мрачное, грязное и невѣжественное животное, которое счавкало равнодушно бѣднаго учителя при первой его попыткѣ внести хоть немного свѣта въ темный хлѣвъ русской жизни.

А между тѣмъ что-нибудь да надо же дѣлать противъ темной силы, нельзя же пробавляться контрабандными частными уроками, когда видишь, какъ стремится къ свѣту вся живая Россія и какъ душитъ ее темное нѣчто. Кончилось тѣмъ, что я направился на Западъ въ смутной надеждѣ, что, можетъ быть, тамъ есть какое-нибудь средствіе противъ хрюкающей темной массы.

Пріѣхалъ въ Парижъ, началъ ходить по лекціямъ, библіотекамъ, музеямъ, ученымъ обществамъ.—Семирамида, сударь ты мой, да и только,—а между тѣмъ средствія для борьбы съ невѣжествомъ въ предѣлахъ нашего отечества я всетаки не находилъ.

Обивая пороги во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ города Парижа, я забрелъ какъ-то на лекцію русскаго языка восточнаго факультета; какъ разъ въ это время на отдѣленіи русскаго языка молодой профессоръ Paul Boyer начиналъ большія работы въ дѣлѣ изысканія основъ и устоевъ русскаго языка и вводилъ реформы въ дѣло университетскаго преподаванія; работа шла коллективная, въ ней принимали участіе всѣ, кто интересовался русскимъ языкомъ, всякая помощь принималась съ благодарностью, безъ всякаго ложнаго ученаго самолюбія, хотя и съ большой осторожностью; полное отсутствіе ненужной формалистики, оскорбительнаго недовѣрія и полицейскаго надзора въ учебномъ заведе-

нія—все это сразу подѣйствовало на меня чарующимъ образомъ, а когда профессоръ и студенты попросили меня почитать имъ „Ревизора“, то передо мною снова воскресли прежнія времена: я почувствовалъ себя такъ же хорошо, какъ бродячая собака, которую гдѣ-нибудь вкусно покормили на кухнѣ.

Въ концѣ концовъ я сдѣлался репетиторомъ русскаго языка на факультетѣ живыхъ восточныхъ языковъ, пріемнымъ сыномъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія; никакихъ рекомендацій и свидѣтельствъ о благонадежности не потребовалось: я оказался нужнымъ школѣ, школа меня приняла и министръ утвердилъ рѣшеніе школы; я чувствую себя полноправнымъ гражданиномъ, а не безотвѣтнымъ рабомъ, здѣсь я не только могу, но даже долженъ смѣло и открыто говорить, что 2+2=4, не опасаясь навлечь на себя какія-нибудь непріятности.

Самое же интересное, что я нашелъ въ школѣ,—это разборъ и объясненіе могучей силы русскаго языка вообще и языка каждаго изъ нашихъ выдающихся писателей въ отдѣльности; въ школѣ я убѣдился, что русскіе писатели—единственная и вмѣстѣ съ тѣмъ великая наша слава и гордость передъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, что русскій языкъ и литература есть залогъ нашей славной будущности, залогъ побѣды надъ мракомъ, угнетающимъ нашу страну, что это именно и есть то средство, которое я искалъ за границей, тѣ рукавицы, которыя у меня и у всякаго русскаго находятся за поясомъ.

Поговоримъ теперь о нашей школѣ. На русскомъ отдѣленіи факультета живыхъ восточныхъ языковъ оффиціально полагается три курса, но такъ какъ всякій студентъ для практическаго ознакомленія съ русскимъ языкомъ долженъ еще съѣздить въ промежуткахъ занятій въ годъ въ Россію, то трехлѣтній курсъ растягивается въ четырехлѣтній, да и это еще слава Богу, потому что программа отдѣленія очень трудна и серьезна, и ее подъ силу одолѣть только трудолюбивымъ и даровитымъ студентамъ; экзамены очень строги.

Чтобы дать представленіе о занятіяхъ въ нашей школѣ, привожу учебную программу экзаменовъ 1896—97 учебнаго года.

Первый годъ. Письменный экзаменъ: морфологія. Устный экзаменъ: географія и исторія Россіи (источники: Реклю, Всеобщая географія, т. V и VI; Рамбо, Исторія Россіи и Ан. Леруа Болье, L'Empire des Tzars et les russes, I). Переводъ текстовъ на экзаменѣ, приготовленныхъ заранѣе: 1) Статьи №№ 28, 38, 39, 43, 45, 50, 61, 66, 67, 70, 79, 82 и 96 изъ хрестоматіи для начинающихъ Оскара Альбога. 2) А. С. Пушкинъ. Капитанская дочка.

Второй годъ. Письменный экзаменъ: морфологія и синтаксисъ. Диктовка текста изъ сочиненій, прочитанныхъ студентами раньше. Повторительный экзаменъ по исторіи и географіи Россіи (Ан. Леруа Болье, L'Empire des Tzars, II).

Переводы:
1) М. Ю. Лермонтовъ. Герой нашего времени.
2) В. М. Гаршинъ. Изъ воспоминаній рядового Иванова.
3) Л. Н. Толстой. Севастополь.
4) Л. Н. Толстой. Мятель.
5) А. С. Пушкинъ. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.

Третій годъ (дипломъ). Письменный экзаменъ: повтореніе всей грамматики, ударенія, диктовка и переводъ продиктованнаго текста. Сочиненіе. Устный экзаменъ: Современная русская литература (источники: А. В. Арсеньевъ, Словарь писателей; де-Вогюе, Русскій романъ). Россія съ религіозной точки зрѣнія (Ан. Леруа Болье, L'Empire des Tzasr, III).

Чтеніе русскихъ манускриптовъ.

Переводы:
1) М. Ю. Лермонтовъ. Лирическія стихотворенія.
2) И. С. Тургеневъ. Записки охотника.
3) М. Е. Салтыковъ. За рубежемъ.
4) Л. Н. Толстой. Война и миръ.

Во время учебнаго года занятія располагаются такимъ образомъ. Профессоръ читаетъ одну лекцію въ недѣлю по грамматикѣ для перваго курса и двѣ лекціи для старшихъ курсовъ: изъ этихъ лекцій одна посвящена разбору какого-нибудь произведенія древнерусскаго писателя, а другая—современнаго. Студенты старшихъ курсовъ прочитываютъ къ каждой лекціи извѣстное число страницъ или главъ изъ произведенія избраннаго писателя и заблаговременно посылаютъ профессору письма, въ которыхъ отмѣчаютъ всѣ затруднительныя и темныя для нихъ слова и выраженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ свои замѣчанія на счетъ особенностей языка изучаемаго автора и разнаго рода критическія замѣтки.

На основаніи писемъ студентовъ, а, главное, на основаніи собственныхъ изысканій и выводовъ, провѣренныхъ вездѣ, гдѣ только ихъ можно провѣрить на основаніи поговорки „семь разъ примѣряй, а одинъ разъ отрѣжь", профессоръ составляетъ лекцію, на которой студенты присутствуютъ не въ качествѣ безучастныхъ слушателей, которымъ жуютъ и въ ротъ кладутъ, а въ качествѣ лицъ, сознательно участвующихъ въ общемъ трудѣ, для которыхъ на лекціи являются отвѣты на всѣ ихъ вопросы, явившіеся у нихъ во время домашней работы, лицъ, которые своими замѣчаніями способствовали интересу лекціи. Обсужденіе научныхъ вопросовъ на лекціи ведется очень обстоятельно, окончательныя рѣшенія подводятся осторожно, всякое ложное ученое самолюбіе профессора и студентовъ изгнано навсегда изъ аудиторіи, всякому предоставляется право ошибаться и не стыдиться этихъ ошибокъ, памятуя твердо, что errare humanum est.

Свои замѣчанія по поводу предстоящей лекціи студенты не

только письменно сообщають профессору, но могуть сдѣлать то же и устно,—для этого назначено особое время, очень много вопросовъ и замѣчаній дѣлается во время самой лекціи и это оживляетъ ее: профессоръ доволенъ, когда студенты дѣлають интересныя замѣчанія, ставятъ новые вопросы, студенты же никогда не злоупотребляють этимъ правомъ и не тормазять лекціи ненужными разглагольствованіями, какъ это дѣлають ихъ коллеги въ нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ во время практическихъ занятій на филологическомъ и юридическомъ факультетахъ. Иногда студенты и, особенно, студентки (есть у насъ и женскій полъ) не могутъ сразу на хорошій разговоръ попасть и, будучи заднимъ умомъ крѣпки, приготовляють свои замѣчанія и возраженія только къ концу лекціи; для нихъ Boyer остается на каѳедрѣ и бесѣдуетъ уже частнымъ образомъ. Иногда эти бесѣды затягиваются надолго.

Благодаря такому способу веденія лекцій, профессоръ имѣетъ полную возможность слѣдить за тѣмъ, кто и какъ работаетъ во время учебнаго года, и опредѣлить точно успѣшность занятій каждаго студента передъ экзаменами.

Само собою разумѣется, что лекціи Boyer со товарищи не могутъ претендовать на рѣшеніе вопросовъ о русскомъ языкѣ во всемъ ихъ объемѣ, но онѣ даютъ болѣе важное,—онѣ показываютъ юношеству, какъ нужно пролагать дорогу для самостоятельной работы; студенты сами привыкаютъ справляться съ научными матеріалами, находя ихъ не только на библіотечныхъ полкахъ, но и въ самой жизни.

Занятія въ школѣ живыхъ восточныхъ языковъ представляютъ собою полную побѣду университетской системы новаго времени надъ средневѣковою системою, которая практикуется въ Россіи, Германіи и достаточно сильна еще и во Франціи: новая университетская система основана на томъ, что теперь давно уже книги печатаются, а не пишутся, и что не одинъ профессоръ можетъ быть обладателемъ и объяснителемъ того печатнаго матеріала, разборомъ котораго могутъ заняться и студенты; девизомъ новой системы является полная самодѣятельность и самостоятельность ученика, по завѣтамъ же старой школы студентъ на лекціи представляетъ собою пустой сосудъ, который профессоръ наполняетъ кушаньемъ своего приготовленія; профессоръ, это—старая птица, которая кормитъ своихъ птенцовъ, умѣющихъ только раскрывать рты; съ этимъ знаніемъ птенцы отправляются въ жизнь, не получивъ никакой сноровки для самостоятельной творческой дѣятельности.

Русскому университету трудно сбросить съ себя ветхаго человѣка даже тогда, когда онъ достигнетъ того, что составляетъ его pia desideria, и препятствіе мы носимъ въ самихъ себѣ: мы не Сократы, мы не умѣемъ, разговаривая сами, давать возмож-

ность и другимъ говорить; серьезные разговоры мы ведемъ длинными монологами, говорятъ только избранные, остальные должны изображать изъ себя греческій хоръ; если же это правило не соблюдается, мы начинаемъ галдѣть: галдятъ у насъ во время защитъ диссертацій, въ собраніяхъ ученыхъ обществъ, на практическихъ занятіяхъ студентовъ,—однимъ словомъ, вездѣ, если только кто-нибудь одинъ не захватитъ себѣ верховной власти и не начнетъ подавлять своимъ краснорѣчіемъ присутствующихъ. На общихъ русскихъ обѣдахъ за-границей распорядители къ своему приглашенію обыкновенно прибавляютъ: „говорить будетъ такой-то",—хочешь, иди, хочешь, не иди, но во всякомъ случаѣ порядокъ за обѣдомъ обезпеченъ, говорильщика тоже выбираютъ интереснаго, а потому и кушать, и слушать можешь безъ всякаго препятствія.

Даже и я, поклонникъ новой системы университетскаго преподаванія и подражатель Boÿer, начинаю иногда себя чувствовать не въ своей тарелкѣ во время нашихъ разговорныхъ занятій и время отъ времени начинаю бояться, что мы ведемъ хозяйство не такъ, какъ въ хорошихъ домахъ. Порой меня беретъ большая охота прочитать настоящую лекцію, какія читаются въ старинныхъ университетскихъ семействахъ: наберешь массу матеріала, „обработаешь" его, „освѣтишь" и затѣмъ цѣлый часъ плаваешь въ своемъ краснорѣчіи: студенты — ничего себѣ, — слушаютъ: они хорошо понимаютъ, что нужно же русскому человѣку душу отвести, а потому мели, мели, Емеля, пришла твоя недѣля; кромѣ того они знаютъ, что я человѣкъ не безъ совѣсти и послѣ упражненія въ краснорѣчіи назначу дополнительную лекцію, во время которой мы можемъ и побесѣдовать.

Во главѣ нашихъ занятій стоитъ хорошо извѣстный въ русскомъ образованномъ обществѣ профессоръ Paul Boyer. Павелъ Юльевичъ Бойе всю свою жизнь посвятилъ на изученіе русскаго языка; русскій языкъ—его божество, всѣ хорошіе передовые русскіе люди, безъ различія партій, его друзья, защитники мрака—враги; фанатически преданный своему дѣлу, трудолюбивый, какъ средневѣковый ученый, упрямый и настойчивый до послѣдней степени во время научныхъ изысканій, осторожный въ дѣлѣ подведенія научныхъ итоговъ, онъ въ то же время охотно и даже съ большимъ удовольствіемъ признаетъ всѣ свои ошибки, никогда не стѣсняется и не устаетъ совѣтоваться съ массою лицъ по какому-нибудь вопросу, который ему кажется почему-либо темнымъ.

Я никогда не пропускаю лекцій Boyer, не только потому, что я репетиторъ по его предмету, но, главнымъ образомъ, для того, чтобы познакомиться практически съ его педагогическими методами, чтобы видѣть передъ собою примѣръ, какъ профессоръ „и знать, и мыслить позволяетъ" своимъ студентамъ независимо отъ

собственныхъ взглядовъ, какъ онъ привлекаетъ къ совмѣстной работѣ всѣхъ своихъ учениковъ и достигаетъ общими трудами блестящихъ результатовъ, которые получаются только тогда, когда учащіеся дѣлаются людьми самостоятельными въ наукѣ и видятъ въ профессорѣ только своего старшаго товарища.

— Воображаю, какой у нихъ тамъ порядокъ!—скажетъ какой-нибудь почтенный русскій педагогъ, читая эти строки. По поводу предполагаемаго замѣчанія почтеннаго русскаго педагога симъ изъясняю, что порядка у насъ столько, хоть отбавляй: посѣщеніе лекцій обязательное, и студентъ, пропустившій болѣе семи лекцій подъ рядъ, долженъ прислать письмо съ подробнымъ объясненіемъ причины своего отсутствія. Если студентъ начинаетъ плохо заниматься, то профессоръ призываетъ его и обличаетъ тайно; если студентъ по-прежнему продолжаетъ лѣниться, то профессоръ обличаетъ его явно передъ всей церковью, т. е. аудиторіей, и обличаетъ такъ, что хоть стой, хоть падай: русскій студентъ, навѣрно, разобидѣлся бы на профессора за такой разносъ, но французъ переноситъ съ покорностью, потому что его бранятъ только за лѣность, которая во Франціи не считается добродѣтелью среди учащихся. Далѣе, если студентъ даже послѣ разноса продолжаетъ лѣниться, то Boyer прекращаетъ съ нимъ всякіе разговоры, игнорируетъ его существованіе, смотритъ на него, яко на язычника и мытаря. Произвола со стороны профессора въ дѣлѣ зачисленія студента въ рангъ язычника и мытаря быть не можетъ, потому что дѣло ведется на глазахъ всѣхъ товарищей. Кромѣ того, само собою разумѣется, что язычникъ и мытарь снова можетъ попасть въ лоно церкви, если опять примется работать, но это, впрочемъ, бываетъ по большей части уже тогда, когда грѣшникъ остается на второй годъ.

Послѣ лекціи Boyer начинается моя лекція на первомъ курсѣ (на первомъ курсѣ у меня ихъ двѣ, на старшихъ одна). Первокурсниковъ у насъ собирается много, но второкурсниковъ изъ нихъ выходитъ мало. Главная приманка для поступленія въ школу та, что дипломъ ея даетъ высшую льготу при отбываніи воинской повинности, но такъ какъ этотъ дипломъ приходится добывать очень тяжелымъ трудомъ, то обыкновенно въ школѣ остаются только тѣ студенты, которые работаютъ за совѣсть, а не за страхъ передъ солдатской муштровкой. Между первымъ и старшими курсами поэтому огромная разница: на старшихъ курсахъ народъ обстрѣлянный, трудолюбивый, къ дѣлу своему относится съ любовью и сознательно, а на первомъ курсѣ, — хотя и съ грустью, но долженъ признаться, — большинство студентовъ почиваетъ на лаврахъ послѣ окончанія гимназическаго курса, нѣкоторые плетутся рысью какъ-нибудь и только очень небольшая кучка оказываетъ блестящіе успѣхи. Boyer занимается главнымъ образомъ съ блестящими учениками, обращаетъ вни-

маніе на тѣхъ, которые плетутся рысью какъ-нибудь и совершенно не интересуется Камчаткой. Умомъ я вполнѣ понимаю почтеннаго профессора, но сердцемъ... сердцемъ я всетаки скорблю за камчадаловъ, которые подъ моимъ руководствомъ научились читать и писать по-русски, знаютъ кое-что изъ грамматики, и потому я всегда стремлюсь пріобщить своихъ птенцовъ къ общей группѣ занимающихся студентовъ. Къ какимъ результатамъ приводитъ моя просвѣтительная дѣятельность среди камчадаловъ,—мы сейчасъ увидимъ. Смеркается. Является хромой appariteur Жоленъ,—самое важное лицо по внѣшнему виду въ нашей школѣ, потому что онъ носитъ при исполненіи своихъ обязанностей такую цѣпь, какъ у насъ мировые судьи,—кладетъ книгу, въ которую записываютъ свои фамиліи студенты, и начинаетъ зажигать газовыя лампы: лампы у насъ устроены очень интересно,—безъ огня онѣ не отличаются отъ другихъ, но, когда ихъ зажгутъ, онѣ начинаютъ свистѣть и завывать точь въ точь, какъ зимняя вьюга на дворѣ въ Россіи. Пріятно подъ такую музыку почитать какую-нибудь старую русскую сказку:

„Въ нѣкоторомъ цàрствѣ, нѣкоторóмъ государствѣ̀, жиллъ быллъ...“—читаетъ какой-нибудь студентъ, отчеканивая и русскія, и французскія ударенія и ломая свой языкъ о твердый русскій „л“. Начинается переводъ и разборъ, въ которомъ особое участіе принимаетъ Murat, недурно знающій практически русскій языкъ, и очень юный англійскій филологъ Ellis Minns, который началъ въ нашей школѣ съ азовъ, а теперь впитываетъ въ себя знаніе русскаго языка съ такой быстротой, что только руками разводишь отъ удивленія. Каждый въ аудиторіи занятъ своимъ дѣломъ; занимающіеся студенты записываютъ въ свои тетради интересующія ихъ выраженія и грамматическія формы, сосѣдъ Minns'а, Пишонъ де-Шато Форъ, дремлетъ, ритмически кивая головой, и просыпается только тогда, когда у него вываливается изъ глаза монокль; нѣкоторые изъ камчадаловъ читаютъ „Религіозную Недѣлю“ для предстоящихъ благочестивыхъ салонныхъ бесѣдъ, другіе рисуютъ на партахъ. Относительно рисунковъ на партахъ въ нашей аудиторіи я могу сказать совершенно безпристрастно, положа руку на сердце, что они и по исполненію, и по содержанію стоятъ гораздо выше тѣхъ рисунковъ, надъ которыми работаютъ депутаты во время засѣданій въ палатѣ и которые публикуются потомъ въ Illustration,—видно, что господа депутаты прилагаютъ много усердія и старанія, а толку у нихъ выходитъ мало, а въ нашей школѣ вы можете найти великолѣпно исполненный рядъ сценъ изъ жизни осужденнаго къ смертной казни, есть отличныя иллюстраціи къ легендѣ о вѣчномъ жидѣ; есть еще такая занимательная картинка: изображенъ скелетъ, одѣтый по послѣдней модѣ, скелетъ этотъ сидитъ въ гостиной, за нимъ ухаживаютъ папаша и мамаша, а дочка въ это время сидитъ за

рояленъ, отчаянно музицируетъ и бросаетъ обворожительные взгляды на ужаснаго гостя. Есть также много очаровательныхъ женскихъ головокъ, совсѣмъ не похожихъ на тѣ головки, которыя барышни рисуютъ во время уроковъ: барышни обращаютъ вниманіе главнымъ образомъ на прическу и туалетъ головки, а въ нашихъ рисункахъ я вижу... прямое вліяніе Грёза. Увѣряю васъ, клянусь вамъ Богомъ,—если бы эти рисунки отправить на выставку въ Salon, то наша школа, навѣрно, получила бы медаль, можетъ быть и не золотую, но серебряную получила бы навѣрно. Къ сожалѣнію, всегда и вездѣ наукѣ и искусству становится поперекъ дороги невѣжество: Жоленъ очень милый человѣкъ, мы съ нимъ большіе пріятели, но amicus Plato, а всетаки я долженъ сказать, что Жоленъ не только ни уха, ни рыла не понимаетъ въ искусствахъ, а прямо-таки настоящій варваръ: каждую субботу онъ командируетъ въ нашу аудиторію l'homme de peine съ горячей водой и тряпкой, и прекрасныя произведенія искусства смываются безпощадно и... безвозвратно. Грустно! Ну, а какъ же идутъ наши занятія? Занятія идутъ отлично, до конца лекціи остается всего минутъ десять, я въ отличномъ настроеніи и въ избыткѣ душевной радости рѣшаю внести лучъ свѣта въ темную страну Камчатки.—Monsieur N. N.,—говорю я,—разверните „Капитанскую дочку“ и переведите первое попавшееся вамъ мѣсто!

Monsieur N. N. развертываетъ и читаетъ:

„Я скватѝль ея̀ рукỳ и прильнỳль къ ней, обливая̀ слезамѝ умиленія̀, Машà не отривалѝ ее... и вдрукъ ея губкѝ коснулѝсь моéй шекѝ, и я почувствовàль икъ жаркѝ и свѣжѝ поцѣлюѝ“.

— Переведите!

По части перевода ни тпру, ни ну, и мы принуждены обратиться за этимъ къ болѣе знающимъ товарищамъ.

— Это невѣрно,—заявляетъ камчадалъ,—я не о переводѣ говорю, а о томъ, что жаркій поцѣлуй никогда не бываетъ свѣжимъ.

— Не бываетъ, не бываетъ!—подтверждаетъ остальная Камчатка.

— Не стоитъ больше читать Пушкина,—онъ ничего не понимаетъ по части поцѣлуевъ!—заявляетъ мнѣ камчадалъ.

Это Пушкинъ-то ничего не понимаетъ по части поцѣлуевъ! Боже милосердный! Для сохраненія времени и избѣжанія ненужныхъ разговоровъ снимаю вопросъ о поцѣлуяхъ съ очереди.

— Произведите существительное отъ корня „рост-раст“! обращаюсь я къ другому камчадалу.

— Rasta!

— Русское, а не французское.

— Русскаго я не знаю.

— Просклоняйте существительное: мужикъ!

— Мужикъ... это значитъ рабъ?—освѣдомляется камчадалъ.

— Въ Россіи нѣтъ рабовъ,—отвѣчаю я,—рабы освобождены императоромъ Александромъ II по манифесту 19 февраля 1861 г.

— Однако имъ всетаки и теперь даютъ кнутъ?

— Наказаніе кнутомъ у насъ отмѣнено; вмѣсто кнута у насъ мужиковъ иногда сѣкутъ розгами, но и то только по приговорамъ волостныхъ судовъ и земскихъ начальниковъ.

— Всетаки, значитъ, сѣкутъ, хотя и розгами,—какіе же это свободные люди?—пристаетъ ко мнѣ камчадалъ.

— Да,—говорю я, стараясь придать своему голосу равнодушный тонъ,—но, видите ли, такого рода приговоры теперь очень рѣдки, а если они и бываютъ, то земскіе начальники стараются смягчить ихъ, замѣняютъ...

— Пощечинами?—язвительно подсказываютъ камчадалы.

Ну, вотъ извольте тутъ имѣть дѣло съ такими господами: порусски ни бельмеса не знаютъ, а на счетъ Россіи всегда заведутъ такіе разговоры, что и самъ не знаешь, какъ ихъ кончить, какъ изъ нихъ выпутаться. На мое счастье, уже конецъ лекціи. Жоленъ отворяетъ дверь и торжественно подходитъ къ каѳедрѣ, за нимъ идетъ, сверкая кофтой, шурша шелковой юбкой и блистая черной косой, репетиторъ китаецъ. Мы обмѣниваемся съ нимъ церемонными поклонами, и послѣ этого китаецъ занимаетъ мое мѣсто. Завтра у насъ, вмѣсто лекцій, будетъ литературное утро: артистка Щепкина-Куперникъ будетъ читать басни Крылова, младшая Щепкина-Куперникъ прочитаетъ письмо Татьяны, Бальмонтъ—свое стихотвореніе, адвокатъ князь Урусовъ—„Моцартъ и Сальери", а также о значеніи Пушкина въ русской литературѣ. Большое спасибо нашимъ пріѣзжимъ русскимъ гостямъ, особенно за Пушкина: и понятливый, кажется, у насъ народъ, а съ Пушкинымъ все какъ-то не ладится; другихъ писателей у насъ разбираютъ и понимаютъ такъ, что дай Богъ, чтобы и въ Россіи ихъ такъ разбирали и понимали, а съ Пушкинымъ мы что-то хромаемъ. На сегодня я всю свою работу кончилъ, пойду теперь обѣдать къ сотруднику „Revue des deux mondes", ученику Паскаля и де-Виньи, инженеру политехнической школы, профессору военной школы Сенъ-Сиръ и капитану отъ артиллеріи Патрику Магону.

Патрикій Веніаминовичъ Магонъ—лицо, очень извѣстное въ военныхъ кругахъ Россіи, куда его часто командируетъ французское военное министерство, но въ Россіи Магона знаютъ только какъ блестящаго офицера, а я знаю его только въ то время дня, когда онъ, окончивъ служеніе богу Марсу, совершаетъ служеніе музамъ: что-нибудь пишетъ или наслаждается чтеніемъ міровыхъ классиковъ, преимущественно древнихъ Долженъ сказать, что послѣднее обстоятельство всегда приводитъ меня въ нѣкотораго рода смущеніе: капитаны, пишущіе послѣ службы, у

насъ не рѣдкость, но такихъ капитановъ, которые наслаждаются чтеніемъ Горація, Виргилія или Гомера, да еще въ подлинникѣ,— это, ужъ извините, для меня въ Россіи вещь невиданная, да и вообще я никогда не видывалъ, чтобы у насъ кто-нибудь наслаждался чтеніемъ Горація или Гомера въ подлинникѣ; если же и есть любители такого рода чтенія, то они, навѣрно, читають „дверемъ затвореннымъ“,—иначе засмѣютъ: молодая Россія не любитъ никакихъ древностей, это—мальчикъ, который останавливается передъ древнимъ надгробнымъ памятникомъ въ музеѣ только за тѣмъ, чтобы попробовать, нельзя-ли на этотъ памятникъ вскочить верхомъ.

Какъ писатель, Магонъ лишенъ нѣкоторыхъ правъ состоянія, и не за какія-нибудь провинности, а просто потому, что онъ военный человѣкъ: военный человѣкъ во Франціи не имѣетъ права писать о современной жизни Франціи; онъ можетъ писать только о далекомъ прошломъ своей родины, или о томъ, что находится внѣ ея предѣловъ; все, написанное для печати французскимъ офицеромъ, подвергается строгой цензурѣ военнаго министра, офицеръ можетъ подписываться только псевдонимомъ, всякое нарушеніе этихъ правилъ ведетъ за собою ограниченіе правъ по службѣ. Пьеръ Лоти только разъ себѣ позволилъ написать корреспонденцію о текущей жизни Франціи безъ обычнаго разрѣшенія министра и, благодаря этому, навсегда испортилъ свою морскую карьеру.

Не смотря на все это, Магонъ ухитрился блестяще начать свою писательскую карьеру книгою о современномъ французскомъ солдатѣ и офицерѣ (Pingot et moi): тонъ книги самый безобидный, направленіе философское, и министръ разрѣшилъ ее напечатать. Книга имѣла огромный успѣхъ,—философія артиллерійскаго поручика и мастерски нарисованныя картинки изъ военной жизни очень понравились публикѣ. Академія выдала премію молодому автору, но, не смотря на все это, „ворчали старики“, и министръ предложилъ молодому писателю-офицеру подчиниться общимъ правиламъ, а для того, чтобы имѣть возможность почерпать матеріалы для изображенія далекаго прошлаго, ему предложили заниматься въ архивѣ генеральнаго штаба. Историческое прошлое Франціи, разумѣется, имѣетъ большой интересъ, и въ архивѣ Магонъ нашелъ массу неизвѣстныхъ и большой исторической важности документовъ о Директоріи, изъ которыхъ у него выйдетъ прелюбопытная книга; нашелъ интересные документы о Суворовѣ, нашелъ русскіе военные документы, захваченные на Малаховомъ курганѣ и оказавшіеся просто на просто караульной книгой, интересной только потому, что въ ней расписывались наши севастопольскіе герои и при томъ нерѣдко самыми оригинальными каракулями; все это очень интересно, но когда чуткому и отзывчивому писателю приказано мол-

чать о современной дѣйствительности, то положеніе его можно назвать весьма незавиднымъ. Чтобы не терять связи съ современностью и имѣть возможность наблюдать и описывать хотя бы заграничную жизнь, Магонъ изучилъ русскій языкъ и теперь получаетъ командировки въ Россію, которыя даютъ ему матеріалъ для отдѣльныхъ разсказовъ въ „Revue des deux mondes".

Я люблю бывать у Магона: видѣть его мнѣ положительно необходимо, потому что у него только я могу настроить свой нервный инструментъ, необходимый мнѣ для педагогическаго труда. Какъ только я увижу его высокую, прямую фигуру, напоминающую отчасти донъ Кихота, какъ только увижу его добрые и умные глаза, услышу пріятный мягкій тембръ молодого голоса, простую и сжатую рѣчь, я сразу чувствую, что передо мной не сверхъ- и не внизъ-человѣкъ, а какъ разъ настоящій человѣкъ, въ присутствіи котораго чувствуешь себя необыкновенно хорошо и свободно: такое ощущеніе испытываешь во снѣ, когда чувствуешь, что летаешь просто и свободно по воздуху.

У Магона я застаю двухъ литераторовъ: Сызрана и Генри Беранже. Сызранъ пишетъ книгу о Рескинѣ и можетъ говорить только о Рескинѣ, — гораздо было бы пріятнѣе, если бы онъ у себя самъ съ перчаткой разсуждалъ о Рескинѣ, потому что въ большомъ количествѣ не только канчуки, но и Рескинъ—вещь нестерпимая. Нужно всетаки замѣтить, что Сызранъ любитъ своего ближняго, какъ самого себя, а потому не только самъ говоритъ, но и другимъ тоже даетъ возможность воспользоваться употребленіемъ своего языка. О, если бы наши образованные русскіе люди обладали такою любовью къ своему ближнему!

Генри Беранже имѣетъ усталый видъ: утромъ онъ велъ бесѣды на манеръ Сократа съ сантъ-антуанскими рабочими, потомъ онъ былъ занятъ вмѣстѣ съ Морисомъ Бушаромъ и другими народолюбцами организаціей публичнаго чтенія „Horace" въ зданіи народной школы на rue d'Alesia: нужно было пригласить актеровъ и любителей, распредѣлить между ними роли, пригласить учениковъ изъ консерваторіи для пѣнія и игры на музыкальныхъ инструментахъ, нужно было оповѣстить рабочихъ и босяковъ о приготовляющемся даровомъ публичномъ чтеніи. Я бывалъ на этихъ чтеніяхъ. Сначала я не понималъ, какое отношеніе можетъ имѣть Расинъ и Корнель къ массѣ, большая часть которой такъ задавлена нищетой, что давно уже потеряла всякій образъ человѣческій. Но какъ только началось чтеніе, не уступавшее по исполненію Одеону (были артисты и изъ Одеона), сейчасъ же началъ волноваться благородными чувствами загнанный и затертый жизнью людъ, загорѣлись у слушателей глаза, и въ концѣ чтенія толпа прониклась такимъ возвышеннымъ энтузіазмомъ, котораго никогда не встрѣтишь среди обычной театральной публики.

— Не люблю я теперешнихъ театровъ,—говаривалъ мнѣ когда-то древній старичокъ безъ опредѣленныхъ занятій, съ которымъ я удилъ рыбу на Днѣпрѣ.—Нѣтъ теперь прежняго театра: въ прежнемъ театрѣ обыкновенно тебѣ выходитъ царь или князь да какъ гаркнетъ, а другіе какъ подхватятъ — прямо, братецъ мой, за сердце возьметъ и на вершокъ выростешь, а слова-то все не пустыя какія-нибудь, а хорошія, очень даже хорошія:

Погибни память тѣхъ, которыхъ можетъ духъ
Бѣды отечества спокойнымъ видѣть взоромъ,
Иль лучше имя ихъ пускай прейдетъ съ позоромъ
Въ потомство позднее и безконечный стыдъ!

Вотъ какія раньше слова-то были, а нынче на кой лядъ мнѣ ихъ театръ,—я и такъ кругомъ вижу все ихъ представленіе!

Послѣ обѣда у Магона Беранже отправится занимать скучающую публику въ огромный великосвѣтскій салонъ: у него будутъ пособники—заговорщики, роли всѣмъ розданы на извѣстную тему, великосвѣтская публика будетъ охвачена дѣльнымъ разговоромъ: иное слово упадетъ при дорогѣ, иное на камень, иное въ терніе, иное на добрую землю и принесетъ плодъ: одно во сто кратъ, а другое въ шестьдесятъ, иное же въ тридцать. Уходя изъ салона, Беранже получитъ нѣсколько тетрадокъ со стихами для просмотра; на каждой изъ нихъ онъ долженъ надписать: „Милостивая государыня! Ваша муза есть настоящая муза“ или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Такимъ образомъ, весь день у Беранже посвященъ общественной работѣ, а, когда бываетъ перерывъ, онъ пишетъ, не покладая рукъ, пишетъ, какъ каторжникъ, и всетаки едва выколачиваетъ за годъ изъ своего писанія 5000 фр. Зарабатывать деньги перомъ во Франціи очень трудно: французскія книги читаютъ только за границей, а для французовъ придется скоро издавать разсказы въ лицахъ, исторіи въ картинахъ; плата въ журналахъ самая ничтожная; зарабатываютъ хорошія деньги только очень выдающіеся писатели, писатели ужасныхъ фельетонныхъ романовъ да иногда писатели-могильщики, которые присасываются къ какой-нибудь умирающей знаменитости и послѣ ея смерти продаютъ воспоминанія о знаменитомъ покойникѣ за дорогую цѣну. Послѣ смерти Додэ... но тутъ уже пошли свои... перейдемъ къ обѣду, который уже готовъ; madame Магонъ приглашаетъ насъ занять мѣста, денщикъ въ бѣломъ передникѣ, изъ подъ котораго видны синія панталоны съ широкими красными артиллерійскими лампасами, вноситъ миску съ супомъ.

Послѣ обѣда у Магона я отправляюсь для пріятнаго пищеваренія на ученое засѣданіе французскихъ филологовъ.

Французскіе филологи имѣютъ для меня необыкновенную притягательную прелесть: въ минуты жизни трудныя, въ періодъ

глубокаго упадка духа я всегда лѣчился посѣщеніемъ отдѣленія рукописей національной библіотеки. Стоитъ мнѣ только поздороваться съ любезнымъ и обязательнымъ Омономъ, который завѣдуетъ этимъ отдѣленіемъ, посмотрѣть издали на Анатоля Франса, который счастливъ, какъ котъ на теплой лежанкѣ, изучая какую-нибудь роскошно разрисованную средневѣковую рукопись, на всѣхъ сосѣдей, милыхъ старичковъ шартистовъ; стоитъ только потребовать себѣ какой-нибудь старый славянскій пергаментъ съ простодушными замѣтками на поляхъ читателей, тоже очень древнихъ, давнымъ давно ушедшихъ съ нашей земной юдоли, и все дурное настроеніе, какъ рукою, сниметъ: „тогда расходятся морщины на челѣ и въ небесахъ я вижу Бога".

Люблю я также засѣданія филологическихъ обществъ. Большинство докладовъ господъ филологовъ не про меня писаны, есть такіе, которые меня очень интересуютъ, остальные — забавляютъ: въ филологіи, какъ и во всей жизни, отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ.

И вотъ я въ своей милой alma mater Сорбоннѣ. Маленькая комната, кругомъ уставленная шкафами съ средневѣковыми фоліантами, на скамейкахъ сидятъ самаго разнообразнаго вида и возраста ученые мужи, за столомъ предсѣдатель, помощникъ, секретарь, въ углу—библіотекарь; около библіотекаря цѣлая вавилонская башня изъ книгъ на самыхъ разнообразныхъ языкахъ, все это—дары, присланные обществу: всякій чортъ Иванъ Ивановичъ, всякій народишка держится за свой языкъ, за свои каракульки, которыми онъ изображаетъ свои мысли, — все это, разумѣется, очень трогательно, но каково нашему библіотекарю записывать въ каталогъ всю эту тарабарщину, а нужно записать точно, потомъ еще отпечатать заглавія въ ежемѣсячномъ журналѣ. Не досадно было бы еще все это продѣлывать для современныхъ народовъ: живетъ какой-нибудь народецъ у чертей на куличкахъ, печатаетъ на своемъ языкѣ книжку, посылаетъ ее въ Парижъ,— пусть, дескать, знаютъ, какіе чудаки на бѣломъ свѣтѣ живутъ,— потомъ получаетъ изъ Парижа благодарность, всетаки, какъ хотите, а это лестно, но что вы скажете на счетъ такихъ господъ, которые откопаютъ народъ, уже давнымъ давно отжившій, языкъ котораго никому не нуженъ, возстановятъ этотъ языкъ и при этомъ, конечно, наврутъ три короба, напечатаютъ на этомъ языкѣ массу книжекъ и потомъ разсылаютъ всѣмъ библіотекарямъ по всей вселенной: нате, молъ, кушайте и поминайте нашихъ родителей.

Засѣданіе уже началось; около доски молодой профессоръ Мейе, отчаянно жестикулируя пальцами и сверкая своими большими смѣющимися глазами, съ быстростремительной скоростью дѣлаетъ докладъ. Мейе—передовой застрѣльщикъ современной филологіи, намъ за нимъ не угнаться; кромѣ того, онъ такъ быстро

и сжато говоритъ, что приходится отложить всякое попеченіе вынести что-нибудь изъ его доклада: онъ дѣлается для тѣхъ, кто почище, для немногихъ избранныхъ. И всетаки я понимаю, что этотъ тщедушный болѣзненный человѣчекъ — великій человѣкъ: я понялъ его по геніальной диссертаціи о родительномъ—винительномъ въ славянскомъ языкѣ, понялъ, какая могучая наука наша филологія, и самъ Мейе въ своемъ старенькомъ пиджачкѣ и съ бѣлымъ шарфомъ на шеѣ понимаетъ, что онъ—великая сила, что онъ—самый достойный преемникъ Бреаля въ College de France, но это его интересуетъ менѣе всего.

Послѣ Мейе дѣлаетъ докладъ Мишель Бреаль; его небольшой изящный этюдъ изъ области простонароднаго древне-греческаго языка касается не одной только филологіи, — онъ захватываетъ исторію и психологію народовъ; мы видимъ, какъ выраженіе древняго грека переходитъ цѣликомъ въ средніе вѣка, встрѣчается теперь у простонародія Бельвильскаго квартала, гдѣ есть люди, такъ же отдаленные отъ современной цивилизаціи, какъ обитатели средней Африки. Изъ доклада мы ясно видимъ, что первобытная основа человѣчества не только мыслитъ одинаковымъ образомъ, на однихъ и тѣхъ же началахъ, но даже выражаетъ свое мышленіе въ одинаковой фразѣ, хотя и на различныхъ языкахъ.

Varia, маленькіе этюды изъ области филологіи Бреаля, такъ же интересны, какъ этюды хорошаго музыканта или художника,— ими можно наслаждаться безъ конца. Но такъ какъ всего хорошенькаго понемножку и такъ какъ во Франціи люди не только сами говорятъ, но и другимъ даютъ возможность дѣлать то же, то и Мишель Бреаль скоро удаляется со сцены. Послѣ него должны дѣлать доклады еще нѣсколько серьезныхъ филологовъ, но такъ какъ время засѣданія ограничено, а въ программѣ значились имена людей случайныхъ, диллетантовъ филологіи, то постоянные посѣтители общества, чувствующіе себя хозяевами, предоставляютъ любезно свое время и мѣсто гостямъ.

Первымъ изъ этихъ диллетантовъ является отставной артиллерійскій полковникъ.

— „Милостивые государи!—начинаетъ онъ.—Когда мы стремимся изъ мрака къ свѣту, когда мы стараемся обнаружить истину и когда въ это время какое-нибудь досадное препятствіе задерживаетъ насъ, то общество и отдѣльныя лица испытываютъ такое же непріятное чувство, которое бываетъ у солдата, когда онъ, приготовляясь къ завтраку или обѣду, слышитъ сигналъ къ наступленію: котлы выворачиваются, пища летитъ къ чорту, сраженіе начинается на пустой желудокъ.

„Въ такомъ же точно положеніи находилось и находится наше общество, когда въ Италіи были открыты знаменитыя развалины,—я не буду утруждать вашего вниманія повтореніемъ исторіи открытія этихъ развалинъ: она очень хорошо всѣмъ из-

вѣстна, — когда всѣ стали ломать голову надъ смысломъ таинственной надписи, сохранившейся на стѣнахъ этихъ развалинъ, отъ которой, какъ вамъ извѣстно, осталось только нѣсколько буквъ: Er... c... ae... l... o.

„Появилось много ученыхъ, которые пытались возстановить по отдѣльно разбросаннымъ буквамъ всю фразу: нѣкоторые говорили, что здѣсь рѣчь идетъ о тюфякахъ, которые выбрасывали во время пожара и на которые прыгали люди изъ оконъ; другіе утверждали, что здѣсь былъ базаръ; третьи—тюрьма, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Попытокъ для объясненія было много, но всѣ онѣ были неудачны, всѣ онѣ волновали и раздражали общество: передъ нами образовался новый таинственный сѣверный полюсъ, для открытія котораго безуспѣшно отправляются представителями науки цѣлыя экспедиціи. Такъ обстояло это дѣло до тѣхъ поръ, пока меня не осѣнила благодать того, кто произнесъ: fiat lux,— я началъ снова разбирать надпись, и теперь она для меня ясна, какъ дважды два—четыре: таинственный ребусъ, волновавшій все общество, разгаданъ.

— „Милостивые государи! Развалины представляютъ собою остатки римской казармы, надпись на ней гласитъ слѣдующее: „солдаты благодарятъ каптенармуса за хорошую мазь для обуви". Тѣ изъ васъ, господа, которые испытали на себѣ всѣ тягости военной службы, навѣрно, согласятся, что каптенармусъ, доставившій солдатамъ хорошую мазь для обуви, заслуживаетъ благодарности, которая въ данномъ случаѣ остается безсмертной".

Полковникъ воспроизводитъ надпись на латинскомъ языкѣ, одинъ изъ присутствующихъ находитъ, что нѣкоторыя формы въ ней находятся въ противорѣчіи съ основными положеніями латинской грамматики, полковника это замѣчаніе нисколько не смущаетъ.

— Грамматическія неправильности въ надписи именно и показываютъ, что авторомъ ея былъ римскій солдатъ: солдаты всѣхъ временъ и народовъ, не исключая и нашихъ, пишутъ, не сообразуясь съ правилами отечественной грамматики!—заявляетъ съ побѣдоноснымъ видомъ полковникъ.

Раздается громъ рукоплесканій, полковникъ тронутъ до глубины души.

Послѣ полковника выступаетъ на сцену древній старецъ: высохшее лицо, тусклые глаза, на головѣ сѣдой ковыль; старецъ выступилъ къ доскѣ и молчитъ, всѣ присутствующіе съ любопытствомъ смотрятъ на него.

— Co—li—maçon! — говоритъ медленно старикъ, устремивъ куда-то въ пространство свои безцвѣтные глаза и снова молчитъ.

— Co—li-maçon!—опять повторяетъ онъ; присутствующіе начинаютъ переглядываться.

— Co-li-maçon! — повторяетъ старикъ въ третій разъ. Кто-то фыркнулъ и въ это мгновеніе всѣ присутствующіе чувствуютъ, что въ нихъ вселяются микробы того глупаго и неудержимаго смѣха, подавить который въ себѣ можно только съ опасностью для жизни. На лицѣ предсѣдателя я вижу выраженіе ужаса: еще одинъ разъ будетъ произнесено слово „colimaçon", и тогда и онъ, и всѣ присутствующіе разразятся гомерическимъ хохотомъ, репутація знаменитаго ученаго общества будетъ опозорена навсегда; онъ хочетъ что-то сказать докладчику, но не можетъ: заразительный смѣхъ душитъ спазмами ему горло. На выручку является Мишель Бреаль, единственный человѣкъ изъ всѣхъ присутствующихъ, не поддавшійся заразѣ и сохранившій полное присутствіе духа.

— Извините, пожалуйста,—обращается онъ къ докладчику,— времени въ нашемъ распоряженіи остается только десять минутъ— правила нашего общества на этотъ счетъ очень строги,—не могли бы вы перейти теперь къ сущности вашего доклада, который, судя по его заглавію, обѣщаетъ быть очень интереснымъ?

— Десять минутъ, десять минутъ!—восклицаетъ старикъ.—Да знаете ли, что я писалъ свою работу пятьдесятъ лѣтъ, эта работа—вся моя жизнь! Да знаете ли вы, что я вамъ, всей Франціи, всему человѣчеству даю ключъ для объединенія всѣхъ языковъ, всѣхъ народовъ, я вамъ даю талисманъ, благодаря которому не будетъ границъ, не будетъ войнъ, всѣ люди будутъ братья, счастіе и миръ будутъ процвѣтать на землѣ! И вы мнѣ на все это даете только десять минутъ!

— Мы могли бы собрать коммиссію для разбора вашего доклада,—скромно и участливо говоритъ Мишель Бреаль.

— На что мнѣ ваша коммиссія? Мнѣ остается жить на землѣ всего, можетъ быть, нѣсколько дней, и я стану дожидаться рѣшенія вашей коммиссіи... Пока я живъ, я хочу самъ показать вамъ, какъ дѣйствовать моимъ талисманомъ,—все счастье человѣчества зависитъ отъ того, поймете ли вы значеніе и глубокій смыслъ слова: colimaçon... Colimaçon! слышите ли вы великіе звуки этого слова?

Въ комнатѣ, дѣйствительно, раздаются какіе-то задушенные звуки; предсѣдатель склонился надъ столомъ, закрылъ лицо руками и трясется въ мучительныхъ корчахъ. Мишель Бреаль беретъ старика подъ руку, отводитъ его въ сторону и начинаетъ съ нимъ о чемъ-то потихоньку говорить.

— Не могу, не могу!—стонетъ шепотомъ красный отъ натуги предсѣдатель.

— Засѣданіе кончено! — объявляетъ секретарь. Филологи моментально схватываются съ мѣстъ и бѣгутъ внизъ, какъ школьники, размахивая своими портфелями. На старомъ дворѣ слышенъ веселый крикъ и смѣхъ.—Colimaçon!—кричитъ кто-то басомъ на улицѣ.—Colimaçon!—отвѣчаетъ ему издали звонкій теноръ.

Почтенные ученые мужи обратились въ школьныхъ гаменовъ.

Мишель Бреаль раскланивается въ воротахъ Сорбонны со старикомъ, почтительно склоняя свою сѣдую голову, покрытую шапкой густыхъ волосъ; старикъ еле плетется по направленію къ бульвару St.-Michel; на углу St.-Michel онъ совсѣмъ остановился и безпомощно топчется, нисколько не подвигаясь впередъ; я подхожу къ нему.

— Холодно, холодно!—шепчетъ старикъ.—Ноги замерзли!

— Не хотите ли зайти въ кафе и выпить горячаго вина? — предлагаю я старику.

Старикъ шепчетъ что-то такое, чего я никакъ не могу понять. Я беру его подъ руку и ввожу въ ослѣпительно сіяющее огнями студенческое кафе, которое биткомъ набито представителями учащейся молодежи Латинскаго квартала.

Студенты раздѣлились на двѣ партіи: одна изъ нихъ поетъ во все горло Карманьолу, а другая старается перекричать и поетъ разныя глупости. Къ этому надо еще прибавить, что очень многіе въ порывѣ усердія стучатъ о полъ ногами и неистово колотятъ палками по желѣзнымъ столамъ; на нѣкоторыхъ столахъ пляшутъ дѣвицы. Въ общемъ получается очень милая и оригинальная симфонія, которой позавидовалъ бы самъ Вагнеръ и которую можно услышать только на бульварѣ St.-Michel.

Не смотря на кажущійся безпорядокъ, въ ресторанѣ все идетъ, какъ слѣдуетъ, никто другому не мѣшаетъ, всякій сохраняетъ свой habeas corpus, — это основное житейское правило нашего легкомысленнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезнаго Boulmiche.

— Не хотите ли горячаго вина?—снова предлагаю я старику; онъ молчитъ и смотритъ на меня ничего не выражающими глазами.

Намъ подаютъ горячее вино, старикъ выпилъ нѣсколько ложечекъ дрожащими руками, потомъ прихлебнулъ изъ стакана и моментально заснулъ, сидя на стулѣ. Минутъ черезъ пять онъ открылъ глаза, взглянулъ на стаканъ съ горячимъ виномъ и улыбнулся:

— Это вотъ тоже было со мною на балу въ оперѣ... Танцовали мы съ братьями Людовика Филиппа, старшій и говоритъ „поѣдемъ танцовать на Муфтаръ къ тряпичникамъ“. Поѣхали, пріѣхали... Тѣ, какъ узнали, что къ нимъ пріѣхали принцы крови, такъ чуть было не разорвали насъ:—На фонарь принцевъ! Дѣло-то ужъ было, знаете ли, передъ сорокъ восьмымъ годомъ.—Поставить на каждый столъ по салатницѣ съ виномъ! — командуетъ старшій принцъ. Поставили и сейчасъ же всѣ стали друзьями,—до самаго утра плясали. Мы очень любимъ плясать, мы очень веселы, даже черезчуръ веселы, такое веселье бываетъ только передъ большимъ несчастьемъ: послѣ смѣха начинается горе. И я предвижу это несчастье, не только наше несчастье, но и несчастье всей

Европы: я вижу, какъ къ намъ стремятся наши сосѣди нѣмцы, за ними наши друзья русскіе и не въ качествѣ завоевателей они идутъ, а спасаясь отъ грознаго движенія желтой расы. Оно неизбѣжно, но о немъ никто не хочетъ думать, а я думаю и придумалъ для умиротворенія и спасенія человѣчества: Colimaçon — это ключъ для дешифрированія точнаго смысла всѣхъ языковъ, существующихъ на земномъ шарѣ, это единственный способъ, при помощи котораго люди могутъ понять другъ друга и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить уважать другъ друга, ибо человѣкъ созданъ по образу и подобію Бога и онъ достоинъ лучшей участи, чѣмъ та, которая готовится ему только потому, что люди говорятъ и мыслятъ различнымъ образомъ. Я принесъ эту оливковую вѣтвь, этотъ залогъ спасенія человѣчества нашимъ филологамъ, и они оказались глупыми мальчишками, кромѣ, разумѣется, Бреаля, который, по моему, подаетъ большія надежды... изъ него выйдетъ хорошій филологъ. Теперь, передъ смертью, я долженъ сдѣлать еще послѣдній призывъ къ Франціи, ко всему человѣчеству... Я прошу только не забывать слово: colimaçon, — объясненія давать уже поздно.

— Vive le colimaçon!—сказалъ я, чокаясь со старикомъ.

— Vive le colimaçon! — отвѣтилъ восторженно спаситель человѣчества, и глаза его загорѣлись. — Vive le colimaçon! — обратился онъ къ публикѣ, но въ ресторанѣ было такое столпотвореніе вавилонское, что на старика никто не обратилъ вниманія.

— Другъ мой, помогите мнѣ взобраться на табуретку,—я долженъ воспользоваться этимъ случаемъ, собрать свои послѣднія силы и сдѣлать призывъ человѣчеству!

Фигура старика, стоявшаго на табуреткѣ, была очень оригинальна, на него стали обращать вниманіе, шумъ въ ресторанѣ сталъ утихать.

— Vive le colimaçon!—прокричалъ довольно громко старикъ.— Vive le colimaçon!—отвѣтили ему сосѣди.—Vive le colimaçon!— грянули сразу всѣ студенты.

Словцо попало удачно: шумъ снова поднялся ужасный, но выкрикивали только одно слово: colimaçon, скандируя и аккомпанируя каждый слогъ топаньемъ и ударами палокъ о полъ.

— Я такъ и зналъ, мой другъ,—говоритъ мнѣ съ восторгомъ старикъ, спустившись со стула.—Они меня поняли; французское юношество откликнулось на мой призывъ, оно умнѣе своихъ стариковъ, — тѣмъ лучше: молодежь несетъ съ собою счастіе своей родины, они не забудутъ моего слова, поймутъ его, и Европа никогда не будетъ представлять изъ себя желтой тыквенной каши; люди будутъ жить бокъ-о-бокъ спокойно, сохраняя свою индивидуальность, свою національность, человѣчество сговорится, человѣчество объединится...

Человѣчество, дѣйствительно, объединилось: оно выкрикивало

„colimaçon“, не жалѣя легкихъ и горла, оно толпилось около старика и подняло его на руки.

— Благодарю васъ, дѣти!—говорилъ растроганнымъ голосомъ старикъ, — позовите мнѣ теперь извозчика и скажите ему мой адресъ.

Извозчикъ поданъ; старика бережно усаживаютъ въ фіакръ.— Vive le colimaçon! — кричатъ кругомъ; старикъ кланяется на всѣ стороны. Фіакръ трогается, около него въ припрыжку бѣгутъ студенты, изображая изъ себя почетный конвой.—Vive le colimaçon!—раздается по всему St.-Michel,—городовые въ недоумѣніи смотрятъ по сторонамъ.

Возвращаясь домой, я долго раздумываю относительно... colimaçon,—что эта самая colimaçon обозначаетъ?—Не есть ли это та улита, которая ѣдетъ, когда-то будетъ... для объединенія и счастья всего человѣчества на землѣ?

Дома нахожу синенькую городскую телеграмму: „Если вы свободны сегодня вечеромъ, зайдите, пожалуйста, ко мнѣ, и мы просмотримъ вмѣстѣ послѣднія главы первой части „Мертвыхъ Душъ“: есть много интереснаго. У жены вечеромъ гости, но все это люди свои, и мы найдемъ время побесѣдовать съ вами. Крѣпко жму вашу руку. Paul Boyer“.

Собственно говоря, уже довольно поздно, но разсматривать интересныя мѣста сочиненій нашихъ писателей вмѣстѣ съ Boyer такое великое для меня наслажденіе, что я рѣшаюсь ѣхать.

Является вопросъ, какъ ѣхать, — какъ ни крути, какъ ни верти, а придется взять извозчика: гдѣ наша не пропадала — возьмемъ извозчика. Извозчикъ, по обыкновенію всѣхъ парижскихъ извозчиковъ, везетъ меня отвратительно и, если бы даже я ему сообщилъ, что ѣду разсматривать интересныя формы въ послѣднихъ главахъ первой части „Мертвыхъ Душъ“, то, я увѣренъ, онъ не прибавилъ бы скорости. Вообще на улицѣ парижскіе извозчики для меня мало интересны, но я ихъ очень цѣню, когда попадаю въ такъ называемый „рай кучеровъ“, другими словами, въ извозчичій трактиръ: тамъ уже передъ вами не извозчики, а философы, политики, поэты, которые говорятъ настоящимъ хорошимъ народнымъ языкомъ со всѣми драгоцѣнными украшеніями, столь пріятными для филолога, не для одного спеціалиста филолога, а для всякаго, кто любитъ живую, здоровую и могучую человѣческую рѣчь. „Рай кучеровъ“ это такое мѣсто, гдѣ можно столкнуться съ представителями народа, которые, сидя на козлахъ, имѣютъ достаточно времени, чтобы пошевелить головой, а за вкуснымъ обѣдомъ и литромъ вина выкладываютъ все, что у нихъ накопилось на душѣ. Я бывалъ въ такъ называемыхъ литературныхъ кабачкахъ Монмартра: какими жалкими, неинтересными и натянутыми они кажутся послѣ посѣщенія райскихъ обителей кучеровъ! Преисполненный благодарности за удовольствіе, пользу

и духовное оздоровленіе, полученныя мною въ раяхъ кучеровъ, я плачу своему извозчику у подъѣзда № 54, rue de Bourgogne двойной пурбуаръ.

Madame Boyer—докторъ медицины, у нея собрались подруги по образованію и профессіи, всѣ сидятъ около камина и пьютъ чай, я тоже выпиваю чашечку, а послѣ этого мы немедленно скрываемся съ Boyer въ его кабинетъ. Наконецъ, мы одни! На столѣ лежитъ развернутое тихонравовское изданіе Гоголя, мы садимся, наступаетъ сладкая торжественная минута, — по выраженію лица Boyer я сразу вижу, что его находки въ гоголевскомъ языкѣ замѣчательно интересны.

— Я вамъ хочу показать,—начинаетъ Boyer, но въ эту минуту раздается сильный звонокъ въ передней; предчувствіе близкаго несчастія наполняетъ наши души, физіономіи наши вытянулись въ выжидательномъ напряженіи.

— У насъ новая горничная изъ Лимузена, мы ей еще не успѣли дать никакихъ инструкцій, и я боюсь, что она можетъ впустить...—говоритъ со страхомъ Boyer.

И она, дѣйствительно,—впустила; сначала является горничная изъ Лимузена съ рекомендательнымъ письмомъ и визитной карточкой, а вслѣдъ за нею и податель сего, молодой человѣкъ съ русской физіономіей и какимъ-то русскимъ значкомъ; все это произошло быстро, неожиданно, до того неожиданно, что я глазамъ своимъ не вѣрилъ, когда увидѣлъ передъ собою не тихонравовское изданіе Гоголя, а молодого человѣка, усѣвшагося комфортабельно въ креслѣ. Плавно покачивается молодой человѣкъ въ креслѣ и разсказываетъ намъ свое жизнеописаніе: онъ повѣствуетъ намъ, гдѣ онъ родился, гдѣ получилъ среднее образованіе, гдѣ высшее; онъ разсказалъ намъ, какъ онъ писалъ сочиненіе на золотую медаль по поводу одного очень интереснаго вопроса, какъ онъ открыто, смѣло и правдиво заявилъ, что мы ничего не знаемъ по поводу этого интереснаго вопроса, и какъ за это „не знаю" онъ, подобно фонъ-Визину, получилъ золотую медаль.

Послѣ окончанія курса молодого человѣка отправили въ заграничную командировку, дабы онъ за границей постарался разрѣшить тотъ интересный вопросъ, на который онъ такъ открыто, смѣло и правдиво отвѣтилъ: не знаю. Молодой человѣкъ началъ свое путешествіе съ Австріи,—въ Австріи онъ горячо принялся за дѣло, работалъ съ увлеченіемъ.

Boyer предлагаетъ молодому человѣку рюмку ликеру,—была ли это награда за трудолюбіе въ Австріи, просто ли сказался въ Boyer гостепріимный сынъ города Тура, или, можетъ быть, онъ желалъ напоить своего гостя до положенія ризъ, а потомъ заниматься со мною изученіемъ Гоголя—ничего навѣрное сказать я не могу, знаю только, что Boyer пришлось сейчасъ же оказаться

въ непріятномъ положеніи по поводу своего угощенія. Дѣло въ томъ, что молодой человѣкъ пилъ ликеръ не такъ, какъ всѣ люди пьютъ, а съ фокусомъ: при каждомъ покачиваніи впередъ на креслѣ онъ изображалъ изъ кисти своей руки хищную птицу, которая налетала на рюмочку, схватывала ее такъ, что рюмочки совсѣмъ не было видно, и она сверкала только около рта; потомъ при покачиваніи назадъ рюмочка освобождалась и ставилась на столъ. Не нужно было быть пророкомъ, чтобы предсказать, что при подобныхъ упражненіяхъ рюмочка полетитъ на полъ, а если она полетитъ на полъ—она можетъ разбиться, а если разобьется, то ликерный cabaret будетъ съ дефектомъ, хозяину будетъ огорченіе, а хозяйкѣ вдвое. Опасенія мои сбылись скоро: только что молодой человѣкъ кончилъ разсказывать о своихъ занятіяхъ въ Австріи, какъ рюмочка летитъ на полъ; ее начинаетъ искать случайно проходившая горничная изъ Лимузена и самъ виновникъ происшествія; оказалось, что рюмочка упала на коверъ и благодаря этому осталась цѣлой и невредимой. Послѣ этого Boyer наливаетъ ликеру молодому человѣку въ другую чистую рюмочку, но съ такимъ нахмуреннымъ видомъ, который ясно говоритъ: пей и не дѣлай глупостей. Молодой человѣкъ начинаетъ пить осторожно, Boyer имъ доволенъ.

— Потомъ я переѣхалъ въ Швейцарію,—повѣствуетъ гость,—въ Швейцаріи, по правдѣ сказать, я ровно ничего не дѣлалъ: получалъ казенное содержаніе да гулялъ въ свое удовольствіе!..—Физіономія командированнаго озаряется при этомъ характерной улыбкой русскаго человѣка, который хвалится, что ему удалось выгодно устроить свои дѣлишки насчетъ казны; физіономія же Boyer, наоборотъ, приняла такой мрачный и свирѣпый видъ, что молодой человѣкъ струхнулъ не на шутку: широкая улыбка и развязный тонъ сразу смѣнились у него видомъ и голосомъ казанской сироты:

— Переутомленіе... переутомился въ занятіяхъ,—залепеталъ онъ.—Послалъ въ министерство рапортъ со свидѣтельствомъ о болѣзни, отдыхалъ въ Швейцаріи, пользовался горнымъ воздухомъ; потомъ, когда поправился, снова рапортовалъ о своемъ выздоровленіи и теперь жду приказаній изъ министерства: что прикажутъ, то и буду дѣлать, куда отправятъ—туда и поѣду, человѣкъ казенный, отъ службы не отказываюсь: въ Бордо назначатъ—поѣду въ Бордо, въ Нижній-Новгородъ—поѣду въ Нижній-Новгородъ, а теперь вотъ въ ожиданіи новыхъ распоряженій начальства проживаю въ городѣ Парижѣ!—Послѣднія слова командированный съ ученой цѣлью говоритъ твердо, съ увѣренностью и даже вызовомъ, къ которому примѣшивается чувство досады на самого себя за то, что струсилъ передъ Boyer, принявъ его за начальство, тогда какъ за нимъ даже передъ настоящимъ начальствомъ нѣтъ никакой вины,—все обстоитъ по формѣ.

— Только скучно мнѣ, знаете-ли, въ Парижѣ,—продолжаетъ командированный, — ходилъ я по вашимъ увеселительнымъ мѣстамъ,—ничего особеннаго, только юбки немного выше обыкновеннаго при танцахъ поднимаютъ, а говорятъ: Парижъ, Парижъ... Въ театръ Буффъ заходилъ,—тоже нѣтъ ничего, знаете-ли, такого: можетъ быть, впрочемъ, потому, что съ французскимъ языкомъ я мало знакомъ... Я даже учителя себѣ нанялъ, — ей-Богу,—только дорого, знаете ли, деретъ: восемь франковъ за два часа плачу.

Boyer даетъ понять молодому человѣку, что въ Парижѣ урокъ въ 8 франковъ за два часа считается очень дешевымъ.

— Такая скука, такая скука, — продолжаетъ командированный,—рѣшительно дѣлать нечего. Вообразите, здѣсь даже клуба нѣтъ никакого для командированныхъ съ ученой цѣлью. Ходилъ въ наше консульство,—вотъ, говорю, командированъ съ ученой цѣлью, былъ боленъ, выздоровѣлъ, скучаю, не могутъ ли они порекомендовать мнѣ какихъ-нибудь развлеченій. И, представьте себѣ, они какъ-то очень странно отнеслись къ моей просьбѣ: совсѣмъ даже не ожидалъ отъ нихъ этого,—всетаки, какъ ни какъ, а я для нихъ представитель нашего министерства.—За то, знаете-ли, какая потомъ штука вышла,—продолжаетъ, весь оживившись, молодой человѣкъ,—встаю я, знаете-ли, утромъ, смотрю,—приглашеніе на балъ въ Hôtel de Ville... Что за чортъ,—просто, знаете-ли, глазамъ своимъ не вѣрю, потомъ ужъ я догадался, въ чемъ дѣло: вѣроятно, знаете-ли, наше правительство снеслось со здѣшнимъ правительствомъ, а французы, чтобы выразить свое почтеніе и уваженіе къ союзной и дружественной націи, прислали мнѣ этотъ билетъ. Ну, думаю, на балъ такъ на балъ, — посмотримъ, что у нихъ за балъ... Вообразите,—съ величайшимъ удовольствіемъ провелъ время: шапо-клякъ потерялъ, зонтика и калошъ не нашелъ—не жалѣю; за такое удовольствіе не то готовъ отдать... Но вы послушайте, что дальше было; просыпаюсь я вчера утромъ,—вижу пригласительный билетъ на балъ... отъ кого бы вы думали? Отъ самого президента! Ей-Богу, печать даже приложена и на печати: Феликсъ Форъ. Придется представиться самому президенту,—въ своемъ родѣ, знаете-ли, представитель Россіи, истинно русскій человѣкъ.

— Когда я готовился къ профессорскому званію, я отдавалъ пригласительные билеты въ Елисейскій дворецъ своему консьержу!—мрачнымъ наставительнымъ тономъ говоритъ Boyer, посматривая искоса на тихонравовское изданіе Гоголя.

— Да, конечно, вамъ это не въ диковинку, да и не требуется, а на насъ, видите-ли, лежитъ обязанность поддерживать международныя дипломатическія отношенія: у русскаго человѣка, знаете-ли, есть врожденныя дипломатическія способности, у насъ

всякій за границей себѣ на умѣ,—не одни только чиновники дипломаты...

— Не угодно ли вамъ просмотрѣть послѣднія заграничныя русскія изданія?—перебиваетъ гостя Boyer, протягивая ему кипу брошюрокъ и газетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—я ужъ читалъ, я ужъ это все читалъ!—отмахивается обѣими руками гость.

— Но это только что получено.

— Читалъ, читалъ!

Boyer пробуетъ сдать молодого человѣка дамамъ, но это ему удается только наполовину: произошло сліяніе мужского и женскаго общества, начались пріятные разговоры. Дамы всетаки помогли: онѣ вспомнили, что профессоръ съ пяти часовъ утра садится за работу и что ему нужно дать покой; пора домой: началось прощанье, молодой человѣкъ тоже прощается и говоритъ съ чувствомъ: „съ большимъ, большимъ удовольствіемъ провелъ я сегодня у васъ вечеръ“!

— А кто намъ возвратитъ сегодняшній вечеръ? Когда мы еще улучимъ свободное время, Павелъ Юльевичъ, чтобы почитать вмѣстѣ?—спрашиваю я Boyer, уходя послѣднимъ.

— Не знаю, мой другъ! Я, разумѣется, дамъ подробныя инструкціи нашей новой горничной, но вѣдь не могу же я не принимать гостей, когда они являются съ рекомендаціями отъ моихъ русскихъ лучшихъ друзей! Русскій человѣкъ любитъ потчивать своими знакомыми, говоритъ Тургеневъ, и онъ правъ, тысячу разъ правъ! Ну, на что мнѣ этотъ молодой человѣкъ: у него совсѣмъ другая спеціальность, у него отвратительное петербургское произношеніе, которое выработано вашей бюрократіей и котораго я не могу равнодушно слышать...

Возвращаясь домой, я проѣзжаю по ярко освѣщеннымъ улицамъ великаго мірового города и съ гордостью чувствую, что и я—крошечная частичка его могучаго организма, что „здѣсь быть не могутъ манеръ деревенски“, которыя держатъ въ вѣчномъ подозрѣніи нашего брата педагога въ Россіи. Далѣе мнѣ представляется картина, какъ собираются представители русской земли и учатъ русскому языку петербургскаго чиновника. Картина эта такъ занимаетъ мое воображеніе, что я чувствую, что мнѣ придется плохо: буду ворочаться съ боку на бокъ, потеряю сонъ и завтра явлюсь на уроки сонной тетерей. Къ счастію, у меня есть на этотъ случай превосходное противоядіе: русская книжечка подъ заглавіемъ, — „Памятная книжка на 1846 годъ“. Случайно я купилъ у букиниста на Сенѣ за десять сантимовъ эту книжку и не разстаюсь съ нею никогда: она гарантируетъ для меня при всякихъ обстоятельствахъ тихій и спокойный сонъ. Книжечка, величиною въ карманный словарь, отпечатана роскошнымъ шрифтомъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бу-

магъ; сначала идутъ святцы, отпечатанные на пергаментной бумагѣ, потомъ списки военнаго, морского и гражданскаго вѣдомствъ на обыкновенной бумагѣ высшаго сорта: все предусмотрѣно, все приведено въ порядокъ, нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго повода къ какимъ-либо сомнѣніямъ или мечтаніямъ, которыя могутъ нарушить вашъ сонъ.

Раскрываю книжечку наудачу, попадается на стр. 142 й: „Объ улучшеніи штуцеровъ и ружей". Разнаго рода критики говорили, что крымская война застала насъ неподготовленными, а на самомъ-то дѣлѣ мы уже въ 1846 году (а можетъ быть, и раньше) начали о штуцерахъ думать, и комитетъ (по теперешнему коммиссія) такой уже тогда существовалъ. Люди собрались опытные, вопросъ обсуждали, не торопясь, не такъ, какъ въ палатѣ депутатовъ: поболтаютъ, поболтаютъ и сейчасъ же: votez, votez! Укладываюсь въ постель и начинаю читать списокъ членовъ штуцернаго комитета. Членами въ немъ, оказывается, были все люди заслуженные: генералъ-адъютанты, генералъ-лейтенанты, генералъ-маіоры, полковники...

На полковникахъ глаза мои начинаютъ слипаться, душа моя ощущаетъ спокойствіе, я тушу свѣчу и мигомъ погружаюсь въ мирный и пріятный сонъ.

А. Александровскій.

СИЛЬВЕСТРО БОНДУРИ.

Романъ. *Эрколе Ривальта.*

Переводъ съ итальянскаго **М. Т.**

I.

Онъ вдругъ почувствовалъ сильный ударъ.

— Кто тамъ?—вскрикнулъ онъ, приподнявшись и устремивъ глаза въ непроницаемую тьму.

— Здѣсь нельзя спать.

— Какъ нельзя? Я, однако, спалъ хорошо.

— Здѣсь спать воспрещается.

— Ага, вы полицейскій?

— А вы бродяга!

— Можетъ быть. Но вѣдь ночью этотъ садъ также открытъ для публики.

— Здѣсь спать воспрещается,—повторилъ полицейскій.

— Почему?

Полицейскій и самъ не зналъ, почему.

— Гдѣ вы живете?

— У моего отца.

— Его имя?

— Карло Бондури.

— Чѣмъ онъ занимается?

— Онъ могильщикъ.

— Вы, пожалуйста, не шутите, не то я васъ поведу въ участокъ.

— Да я и не шучу. Мой отецъ могильщикъ.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Противъ кладбища.

— Ваше имя?

— Сильвестро.

— Сильвестро Бондури?

— Конечно.

— Почему же вы не пошли домой?

— Дома слишкомъ жарко. Теперь вы все знаете, позвольте же мнѣ спать. Спокойной ночи!

Онъ хотѣлъ уже растянуться, но полицейскій схватилъ его за плечо.

— Я же вамъ сказалъ, что это запрещено.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Уходите.

— Куда?

— Куда угодно. Идите домой.

— Дома жарко.

— Уходите, или мы поведемъ васъ въ участокъ.

— Мы?... А, васъ двое!

Дѣйствительно, въ глубинѣ темной аллеи блестѣла рукоятка шпаги.

— Могу я хоть посидѣть здѣсь?

— Уходите.

— Ладно, иду.

Онъ вздохнулъ и безпечно поднялся.

— Доброй ночи!

Полицейскіе ничего не отвѣтили. Сильвестро сталъ удаляться неровными шагами; ему страшно хотѣлось спать, однако онъ обернулся:

— А если бы я былъ безъ мѣстожительства?

— Мы бы васъ арестовали.

— Вотъ какъ!—и онъ зашагалъ быстрѣе.

Полицейскіе сначала слѣдовали за нимъ, но, убѣдившись, что Сильвестро направляется къ выходу, повернули на другую дорожку.

Сильвестро замѣтилъ это, но не остановился. Онъ продолжалъ идти по инерціи. Онъ, собственно, спалъ на ходу, не будучи въ силахъ преодолѣть усталость. Когда онъ вышелъ на террасу, заря уже занималась. Городъ растилался у его ногъ. Мертвую тишину нарушали мѣрные шаги полицейскихъ, которые спустились уже на нижнюю аллею. Сильвестро почти невольно отступилъ назадъ и спрятался въ тѣни дерева.

— Я же не жуликъ,—подумалъ онъ и, разсердившись, вышелъ изъ тѣни и направился къ периламъ.

Шаги затихли, однако полицейскіе могли его увидѣть. Но онъ не ушелъ, ему даже хотѣлось обратить на себя ихъ вниманіе. Полицейскіе его всетаки не замѣтили, и онъ остался одинъ.

Небо уже алѣло, хотя было еще слишкомъ темно, чтобы можно было различить окрестности. Съ высоты городъ казался огромнымъ бѣлымъ пятномъ, прорѣзаннымъ въ различныхъ

направленіяхъ рядами фонарей. Его окружали темные холмы. Сильвестро различалъ отдѣльные кварталы; надъ каждымъ изъ нихъ возвышался куполъ колокольни, выходя изъ бѣлаго пятна для того, чтобы погрузиться въ темноту.

Робкій свѣтъ понемногу проникалъ въ эту безформенную массу, и очертанія города начали выдѣляться. Аллеи же были объяты тьмой, лишь вблизи виднѣлась скамейка, на которую Сильвестро старался не глядѣть, чтобы не поддаться искушенію сна.

Онъ вспомнилъ про свою постель; она казалась ему живымъ и сознательнымъ другомъ, съ которымъ его разлучили злые люди; у него болѣли кости отъ сна на жесткой скамьѣ, и знакомая теплота уютнаго и мягкаго ложа дразнила воображеніе. Однако вѣдь, и родители также провели безсонную ночь. Они слишкомъ поздно замѣтили, что Сильвестро покинулъ ихъ не на шутку. Когда онъ хлопнулъ дверью, выходя изъ дому, мать, вѣроятно, сказала:

— Вы думаете,—это надолго? Онъ вернется къ обѣду.

Потомъ, во время обѣда:

— Онъ пришелъ?

— Нѣтъ еще. Но будьте увѣрены, онъ придетъ.

И онъ всетаки не пришелъ. Мать въ бѣшенствѣ, ея слова не оправдались. Отецъ безпокоится, онъ знаетъ, что сынъ ушелъ по винѣ матери; Джузеппе молчитъ, какъ всегда: онъ поглощенъ ѣдой; а у Клары такое испуганное и печальное лицо... Ради нея онъ готовъ былъ бы вернуться домой, но ради другихъ—никогда.

Потомъ этотъ длинный тревожный день.

— Что же онъ не приходитъ? Неужели онъ не придетъ?

Но мать отвѣтила:

— Онъ придетъ ночевать. Ему захочется ѣсть, а у него ни сольдо въ карманѣ.

Да, да, нѣтъ сомнѣнія,—мать разсчитывала на это. Но вотъ ужъ сутки, какъ онъ не возвращается. Они думали, что онъ не въ состояніи страдать за свободу, которой онъ жаждалъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Скорѣе нищенская сума, чѣмъ эта домашняя жизнь! Къ счастью, ему не придется бѣдствовать, вѣдь онъ учился четыре года въ гимназіи. Однако, онъ наканунѣ безуспѣшно искалъ должности. Всѣ мѣста были заняты. Сначала онъ мечталъ о пяти лирахъ въ день, потомъ согласился ужъ на четыре съ половиною. Когда одинъ адвокатъ сказалъ ему, что гимназіи не приносятъ никакой пользы, такъ какъ въ нихъ не обучаютъ каллиграфіи, онъ готовъ былъ уже продать себя за три лиры въ день. Одному крупному торговцу онъ разсказалъ, что четыре года изучалъ римскихъ и греческихъ классиковъ, а тотъ предложилъ ему

сложить въ умѣ длинный рядъ чиселъ, и Сильвестро, конечно, сдѣлалъ ошибку. Тогда онъ рѣшилъ, что можно существовать и на двѣ лиры въ день... Потомъ ночь... голодъ... и Сильвестро былъ готовъ на все.

Онъ опять вспомнилъ родныхъ.

— Онъ еще не вернулся?

Комната пуста, постель нетронута.

— Боже мой, гдѣ же онъ? Неужели онъ покончилъ съ собою? А если съ нимъ что нибудь приключится, скажутъ, что это по нашей винѣ!

Такъ и слѣдуетъ. Раньше онъ страдалъ безъ вины; теперь пусть страдаютъ виновные. Пусть они чувствуютъ угрызенія совѣсти, изъ за этого одного стоило провести безсонную ночь. Лишь только разсвѣтетъ, онъ опять начнетъ искать работу, какую бы то ни было и за какую угодно плату, за сорокъ сольди, за тридцать сольди, за ломоть хлѣба и за ночлегъ. Будущее его вознаградитъ. Но вернуться домой—никогда!

— Никогда!—повторялъ онъ нараспѣвъ, и это „никогда“ ложилось пропастью между нимъ и его постелью, и это положеніе не измѣнится, пока у него нѣтъ заработка. Правда, онъ могъ искать ночлега въ кредитъ, но чѣмъ онъ потомъ заплатитъ?

„Бѣднякъ долженъ быть честенъ“ — говорилъ ему учитель во второмъ классѣ гимназіи, и Сильвестро хранилъ его завѣты.

Свѣтлѣло. Красноватый отблескъ ложился на кровли, высокіе дома выходили изъ тѣни. Ритмическій шорохъ нарушалъ молчаніе утра: то подметали улицы, очищая мѣсто для мусора грядущаго дня. Гдѣ то внизу прокатилась съ грохотомъ телѣга. Городъ пробуждался и приводилъ въ порядокъ свой туалетъ.

Сонъ жегъ глаза, и Сильвестро рѣшилъ освѣжить себѣ лицо водою. Въ глубинѣ аллеи свѣжая струя небольшого фонтана нашептывала въ окружающей тишинѣ свою длинную однообразную сказку. Сильвестро опустилъ руки въ бассейнъ и облилъ лицо.

Это его облегчило: онъ замѣтилъ теперь утренюю свѣжесть, но вмѣстѣ съ нею почувствовалъ острѣе ощущенія голода. Вчера онъ почти ничего не ѣлъ. У него было всего 45 сольди. Двадцать сольди онъ истратилъ на галстухъ; двѣнадцать на воротникъ: если ищешь работу, нужно быть хорошо одѣтымъ; затѣмъ, аудіенція у адвоката стоила ему пять сольди, безъ этого привратникъ не пускаетъ наверхъ; пришлось рискнуть: кто не рискуетъ, тотъ ничего не получитъ; на три сольди онъ купилъ хлѣба и на три сыру—этого ему хватило на цѣлый

день. Теперь же у него оставалось два сольди, только два сольди...

А утро было такое прекрасное. Было такъ свѣжо близъ этой журчащей струи! Сильвестро забылъ про свои несчастья и наслаждался сознаніемъ свободы. Этимъ утромъ начинался день свободной и независимой жизни, а за нимъ пойдутъ еще и еще такіе же счастливые дни, и такъ пролетитъ вся жизнь: главное—быть свободнымъ, какъ птицы (сравненіе изъ гимназической хрестоматіи), которыя начали уже пробуждаться, чирикали и свистѣли, гнались другъ за другомъ, сначала въ зелени вѣтвей, а потомъ въ воздухѣ.

Ему не хотѣлось больше спать. Спятъ ли теперь дома?

Можетъ быть, но скоро проснутся. Близокъ часъ, когда всѣ встаютъ.

— Пора вставать!—двери и окна открываются съ такимъ трескомъ, будто всѣ мертвецы встали изъ могилъ и хотятъ отомстить тѣмъ, кто ихъ похоронилъ.

Мать обыкновенно будила такимъ образомъ своихъ дѣтей. Джузеппе посылалъ ей въ отвѣтъ проклятіе, а бѣдная Клара спускалась въ кухню: у нея заспанные глаза, ея тѣло сковано страшною усталостью, на лбу странный вѣнокъ изъ бумажныхъ папильотокъ, которыя придаютъ ея заспанному лицу растрепанный видъ. Она еще ни разу не выспалась вдоволь, и часто говорила, что будетъ спать до десяти часовъ, когда выйдетъ замужъ. Джузеппе и Клара обыкновенно тотчасъ же отправлялись на работу, а отецъ (онъ не былъ могильщикомъ, какъ это сказалъ Сильвестро, но сторожемъ на кладбищѣ) уже съ ранней зари находился среди могилъ. Сильвестро же оставался дома въ распоряженіи матери, и она вертѣла имъ, какъ тряпкою.

— Принеси-ка сюда миску!

Онъ исполнялъ приказаніе.

— Ты будешь сегодня носить свѣчу въ похоронной процессіи, тебѣ дадутъ за это двадцать сольди. Понялъ?..

Это означало: когда ты придешь домой, я заберу у тебя эти деньги.—Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ возвращался домой, мать безмолвно протягивала руку. А онъ, не смотря на свое намѣреніе протестовать, покорно отдавалъ свою лиру.

Когда онъ искалъ мѣста, мать никогда не была довольна выборомъ. Рабочій? Нѣтъ, это ниже его достоинства—онъ четыре года посѣщалъ гимназію. Съ этимъ доводомъ Сильвестро соглашался. Писецъ?—Одна лира въ день и чахотка черезъ нѣсколько лѣтъ! Почтальонъ? Онъ слишкомъ слабъ для этого. Поступить въ университетъ? Онъ уже и такъ много стоилъ семьѣ. Въ концѣ концовъ мать хотѣла пристроить и его при кладбищѣ, она навѣрное найдетъ что нибудь под-

ходящее, пусть только онъ будетъ послушнымъ сыномъ. Онъ будетъ не могильщикомъ, но распорядителемъ въ торжественныхъ похоронныхъ процессіяхъ; онъ будетъ носить черный фракъ, короткіе панталоны и треуголку. Это достойное и легкое ремесло, и вполнѣ подходитъ для него. Но неблагодарный Сильвестро думалъ, что между могильщикомъ и распорядителемъ на похоронныхъ процессіяхъ мало разницы. Годы проходили. а пока что, мать доставала ему случайную работу и присваивала его заработокъ. И что это были за работы! Всѣ такого же рода, какъ и ремесло отца: носить свѣчу въ похоронной процессіи, торжественно шествовать съ жезломъ въ рукахъ впереди кортежа, дежурить ночью при покойникѣ въ богатомъ домѣ. Вся его жизнь до сихъ поръ была пропитана запахомъ трупа и фальсифицированныхъ восковыхъ свѣчъ.

Слава Богу, это кончено—и навсегда. Онъ провелъ четыре года въ гимназіи, и это могло открыть предъ нимъ новую дорогу. Семь лѣтъ провелъ онъ въ рабствѣ, съ пятнадцати лѣтъ до двадцати двухъ. Онъ думалъ вырваться изъ дому, когда отбывалъ воинскую повинность. На военной службѣ можно получить повышеніе. Сержантъ—это ужъ кое-что. Но его признали негоднымъ.

— Забраковали,—съ усмѣшкой сказала мать.

— По твоей винѣ—отвѣтилъ онъ, намекая, что и она отвѣтственна въ этомъ.

— По моей? Это по винѣ твоего отца. Ты весь въ него. Такой же блондинъ и такъ же глупъ, какъ онъ.

Она какъ будто была не при чемъ. Она могла лишь отбирать у него заработокъ.

Теперь онъ понялъ, наконецъ, что его мать, это—живое противорѣчіе; криками и ругательствами она заставляла его себя уважать. Онъ не хотѣлъ больше быть игрушкой въ ея рукахъ. Братъ Джузеппе былъ правъ: упрямый и грубый, онъ всегда поступалъ по своему, не заботясь о крикахъ и ярости матери. Клара также устроилась хорошо.

Въ субботу послѣ получки она тотчасъ же отправлялась въ магазинъ покупать ленты и тряпки и домой приносила лишь остатокъ своего жалованья. Мать ругала ее, а Клара, какъ ни въ чемъ не бывало, уходила изъ дому или ложилась спать. А Сильвестро, мягкій, вѣжливый (его въ школѣ учили, что слѣдуетъ уважать родителей) всегда былъ рабомъ матери, всегда ходилъ безъ сольдо въ карманѣ, какъ и отецъ. Нѣтъ, это кончено! Всякій человѣкъ долженъ беречь свое достоинство и для того прежде всего уважать самого себя.

Было уже свѣтло. Воробьи весело шумѣли.

Сильвестро всегда поднимался очень рано, но никогда еще не наслаждался въ такой степени этимъ веселымъ праздникомъ птицъ и этой свѣжестью утра. Сознаніе свободы пробудило въ немъ радость жизни.

Колокола церквей звонили ужъ къ заутренѣ; уличный шумъ разростался. Пробило пять часовъ; Сильвестро былъ непріятно пораженъ: лишь въ семь часовъ можно начать искать работу. Онъ былъ голоденъ. Онъ вытащилъ изъ кармана окурокъ, послѣдній остатокъ купленной въ воскресенье сигары: мать разрѣшила ему покупать одну сигару въ недѣлю. Въ другомъ карманѣ нашлась спичка, и онъ потеръ ее о брюки. Куреніе развлекаетъ и успокаиваетъ аппетитъ. Однако сигара показалась ему горькой.

Заводской гудокъ раздавался лишь въ семь часовъ утра.

Прежде всего нужно отправиться на мыловаренный заводъ, на которомъ служитъ Готти, его старый школьный товарищъ, двоюродный братъ директора завода. Вчера онъ искалъ работы у адвокатовъ и у купцовъ, забывъ совершенно про своего школьнаго товарища. Но лучше найти скромную службу на заводѣ, чѣмъ тратить жизнь на мараніе бумаги или имѣть непрочную службу у купца, которому каждый день угрожаетъ банкротство. Онъ ужъ давно не видалъ своего гимназическаго друга, но помнилъ, что это былъ хорошій парень, хоть и любилъ колотить товарищей. Онъ не былъ золъ и бралъ подъ свою защиту слабыхъ, но, если подъ рукой не случалось болѣе достойнаго противника, онъ награждалъ тумаками и слабыхъ. Сильвестро не разъ испыталъ на себѣ силу его кулаковъ, но онъ не былъ злопамятенъ. Онъ даже думалъ, что это сдѣлало ихъ дружбу болѣе прочной. Несомнѣнно, этотъ товарищъ окажетъ ему помощь, онъ, навѣрное, остался такимъ же добрякомъ и сохранилъ память о своемъ другѣ.

Сильвестро такъ увлекся своимъ новымъ рѣшеніемъ, что позабылъ всѣ вчерашніе планы. Теперь предъ нимъ былъ лишь одинъ путь, на которомъ цвѣла надежда. Да, ему не придется унижаться и просить хлѣба у незнакомыхъ людей. Мать ему часто говорила, что онъ не умѣетъ пользоваться своими школьными связями. И ему доставляло удовольствіе, что мать оказалась неправой.

Пока что, онъ старался сократить время, обдумывая разговоръ, который онъ будетъ вести съ своимъ другомъ. Это будетъ нѣжный разговоръ старыхъ друзей, въ немъ не будетъ ни лицемѣрія, ни робости. Сильвестро готовъ даже на черную работу, лишь бы быть свободнымъ. Онъ сумѣетъ оправдать довѣріе, которое ему окажутъ. Его другъ пойдетъ

къ директору:—вотъ этотъ молодой человѣкъ ищетъ работы, онъ мой старый пріятель.

— Прекрасно! Онъ можетъ у насъ остаться.

— Въ конторѣ?.. Нѣтъ, это мало вѣроятно, на эти мѣста слишкомъ много охотниковъ. Сильвестро не хотѣлъ создавать себѣ иллюзій; слишкомъ большія надежды мѣшаютъ радоваться результатамъ, даже если они благопріятны. Надзиратель въ магазинѣ? Это недурно. Ученикомъ при экспедиціи? Еще лучше. Всякая работа хороша!

Сигара оказалась слишкомъ горькой: она вызывала тошноту и головокруженіе. Онъ придавилъ ее къ скамьѣ, потушилъ и спряталъ въ карманъ. Пригодится послѣ обѣда. Теперь онъ былъ увѣренъ, что будетъ обѣдать. Еще нѣсколько часовъ терпѣнія, и все устроится къ лучшему. Вчера ночью онъ былъ въ большомъ страхѣ и отчаяніи. Быть можетъ, на него подѣйствовала тьма ночи. Теперь утро вызвало улыбку довѣрія на его лицѣ и хорошія мысли въ головѣ.

Уже можно было отправиться въ городъ. Даже въ саду становилось тепло. Уличный шумъ заглушалъ птичьи голоса въ вѣтвяхъ. Воробьи безмолвно суетились. Городъ готовился къ утомительному дневному труду. Сильвестро поднялся и, проходя мимо перилъ, устремилъ глаза на городъ, сіявшій подъ лучами солнца. Его глаза невольно отыскали далекое кладбище, раскинувшееся у подошвы противоположнаго холма: въ тѣни кипарисовъ бѣлѣлъ домикъ кладбищенскаго сторожа, и онъ вспомнилъ о Кларѣ, которая, вѣроятно, уже встала и готовится отправиться въ мастерскую. Онъ думалъ также о своемъ отцѣ. Бѣдняга! Онъ не умѣлъ бороться, — и Сильвестро, довольный своимъ гордымъ поведеніемъ,сожалѣлъ его. Матери онъ готовъ все простить. На порогѣ новой жизни онъ не хотѣлъ быть злопамятнымъ. Съ этими мыслями онъ спустился по той же тропинкѣ, по которой ушли разбудившіе его полицейскіе; и вскорѣ его охватилъ шумъ пробудившейся улицы.

Здѣсь не было ни одного празднаго человѣка: всѣ торопились. Крестьянки несли на головѣ корзины: въ однѣхъ находились горшки съ молокомъ или плоды, прикрытые отъ солнечныхъ лучей кусками бѣлаго холста, изъ другихъ свѣшивались цвѣты, словно кусты, растущіе въ воздухѣ. Полузакрывъ глаза, женщины быстро шли, держа неподвижно голову и ритмически покачиваясь всѣмъ туловищемъ; ихъ печальная, усталая улыбка приподымала правый уголъ губы, обнажая крѣпко стиснутые зубы. Рабочіе торопливо шагали, держа въ рукѣ завязанный въ узелокъ завтракъ. Сильвестро нашелъ, что эти люди держатся съ большимъ достоинствомъ, и умилился душой. Ихъ одежда была убога, но опрятна: поношен-

ные пиджаки тщательно вычищены, брюки зачинены, всевозможныхъ сортовъ шляпы потеряли уже свою форму отъ долгаго употребленія, но были еще приличны. Теперь Сильвестро оцѣнилъ благоразуміе своего брата. Джузеппе носилъ новое платье лишь въ воскресенье,—потомъ, когда оно начинало портиться, одѣвалъ его и въ будніи дни. Братъ казался ему всегда такимъ далекимъ! Но теперь желаніе и потребность работать пробудили въ немъ чувство близости ко всѣмъ рабочимъ.

Топотъ лошадей, грохотъ телѣгъ, громкіе голоса уличныхъ продавцевъ, шумъ толпы—все это дышало жизнью и радостью. Надежда на заработокъ торопила всѣхъ этихъ людей, и Сильвестро какъ бы самъ переживалъ ихъ настроеніе. Обыкновенно онъ въ этотъ часъ отправлялся на кладбище, теперь онъ чувствовалъ себя свободнымъ.

Въ толпѣ, которая торопилась, онъ одинъ шелъ медленно, наблюдая все и радуясь всему. У дверей и у оконъ домовъ продавщицы громко торговались съ хозяйками. Работницы шли небольшими группами, разговаривая и смѣясь. Сильвестро смотрѣлъ на нихъ съ нѣжностью, вспоминая про Клару. Эти дѣвушки работали на заводахъ и въ торговыхъ складахъ. А модистки, швейки и продавщицы въ магазинахъ появятся лишь черезъ часъ. Тогда отправится на работу и Клара; ея красивое личико робко затеряется въ толпѣ. Сильвестро почувствовалъ угрызенія совѣсти. Онъ ни разу не провожалъ ее, а мало ли что можетъ приключиться; теперь онъ уже будетъ заботиться о своей сестрѣ. Покровительствовать слабымъ, спасать отъ опасностей—было любимой мечтой, было маніей этого слабаго человѣка.

Его окликнула продавщица хлѣба: она сидѣла на порогѣ дома, а передъ нею стояла ея корзина.

— Купите хлѣба, сударь!

Конечно, онъ былъ голоденъ. Онъ вытащилъ изъ кармана послѣдніе два сольди, купилъ хлѣба и стаканъ молока. Превосходный завтракъ; онъ тутъ же, стоя, поглощалъ его съ наслажденіемъ, разговаривая съ торговками.

— Вы издалека?

— Верстъ за двѣнадцать.

— Рано встаете?

— Часа въ два. Въ четыре часа мы отправляемся въ городъ.

— А когда вы возвращаетесь домой?

— Какъ придется. Когда все продано... иногда въ полдень, иногда раньше.

— Непріятно возвращаться-то. Жарко.

— Что же дѣлать,—промолвила печально торговка.

— Мы къ этому привыкли,—прибавила другая.

— А вы много зарабатываете?

— Сольди пятнадцать—двадцать въ день.

Сильвестро ужаснулся. Не спать почти всю ночь, совершать этотъ длинный утомительный путь ежедневно, лѣтомъ и зимою, нести на головѣ эту тяжелую корзину, ждать въ теченіе часовъ покупателей и потомъ опять десять верстъ пути—и за все это двадцать сольди; это ужасно! Бѣдные люди! Они не получили никакого образованія. Несчастныя жертвы своего невѣжества!

— Это очень мало,—сказалъ онъ.

Женщины ничего не отвѣтили. Онѣ это давно знали.

Сильвестро окончилъ свой завтракъ и съ состраданіемъ поклонился торговкамъ; онъ забылъ, что онѣ зарабатываютъ по крайней мѣрѣ двадцать сольди, а у него не осталось ни одного.

Онъ посмотрѣлъ черезъ дверь аптекарскаго магазина на часы. Половина седьмого. Мыловаренный заводъ находился по близости. Сильвестро медленно направлялся къ нему. Слова торговки не испортили его радужнаго настроенія; напротивъ, завтракъ еще болѣе ободрилъ его.

Когда онъ подошелъ къ воротамъ завода, нѣсколько рабочихъ уже ждали гудка, сидя на низкой каменной стѣнѣ.

У воротъ сидѣлъ привратникъ. Сильвестро обратился къ нему съ вопросомъ:

— Синьоръ Готти уже пришелъ?

Привратникъ удивленно посмотрѣлъ на него.

— Синьоръ Готти приходитъ лишь въ 9 часовъ.

— А въ которомъ часу приходитъ директоръ?

Привратникъ пожалъ плечами.

— Какъ и когда.

— Но онъ приходитъ на заводъ каждый день?

— Конечно. Вы ищете работы? Всѣ мѣста заняты.

Грубый тонъ привратника уязвилъ Сильвестро.

— Мнѣ нужно видѣть синьора Готти,—отвѣтилъ онъ.

— Вамъ придется долго ждать.

— Я подожду.—И Сильвестро отошелъ въ сторону.

Рабочіе смотрѣли на него съ любопытствомъ. Сильвестро прислонился плечомъ къ стѣнѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ. Ему было не по себѣ. Онъ посмотрѣлъ черезъ стѣну на пустынный дворъ завода и принялся внимательно разглядывать фасадъ зданія. Затѣмъ онъ усѣлся на выступъ ограды и началъ посвистывать, беззечно болтая ногами.

Однако, не могъ же онъ сидѣть такъ въ продолженіе двухъ слишкомъ часовъ. Сильвестро соскочилъ и началъ прогу-

ливаться вдоль стѣны. Рабочіе продолжали глядѣть на него. Онъ услышалъ, какъ они тихо переговаривались:

— Это безработный.

— Бѣдняга! теперь дѣла плохи.

Онъ не смутился. Они не знаютъ, что Готти его школьный товарищъ. „Чего они каркаютъ",—подумалъ онъ, разсердившись.

Противъ завода находились двѣ лавки: табачная и винная. Два порока пріютились возлѣ дома труда.

На порогѣ трактира стоялъ маленькій, худой кабатчикъ и разговаривалъ съ рабочими. Онъ разспрашивалъ ихъ ходѣ работъ, интересуясь участью своей добычи. Онъ также участвовалъ въ жизни завода, терпѣливо дожидаясь, пока утомившись тамъ внутри, рабочій не придетъ къ нему оставить часть своего заработка. У другой двери стояла продавщица табаку — женщина не первое свѣжести; она жеманилась и кидала умильные взоры на своихъ покупателей; ея внѣшность соотвѣтствовала ея профессіи: она отравляла кровь тружениковъ, и ея товаръ истощалъ ихъ еще больше, чѣмъ утомительная работа на заводѣ.

Сильвестро съ досадою подумалъ, что хорошо было бы купить сигару и усѣсться въ кабачкѣ; это сократило бы время ожиданія, да и рабочіе поняли бы, что человѣкъ, который можетъ себѣ позволить хорошую сигару и рюмку коньяку, не простой безработный, и смотрѣли бы на него съ уваженіемъ. Но въ карманѣ ни сольдо—онъ еще разъ запустилъ руку въ карманъ.

Нѣкоторые рабочіе на скорую руку залпомъ проглатывали рюмку, другіе опускали два пальца въ карманъ жилета и съ грубой усмѣшкой толкали продавщицу, входя вмѣстѣ съ нею въ лавочку и возвращаясь оттуда съ вонючей сигарой, погруженной до половины въ ротъ.

Все это не нравилось Сильвестро. Ему было досадно, что онъ не можетъ ничѣмъ блеснуть передъ рабочими.

Онъ ужъ разъ десять присаживался и столько же разъ вновь принимался шагать. Толпа все болѣе увеличивалась и его перестали замѣчать. Съ одной стороны это ему было пріятно, но вмѣстѣ съ тѣмъ его злило, что онъ такъ незамѣтно теряется въ этой толпѣ. Вдругъ раздался гудокъ, и привратникъ съ достоинствомъ открылъ ворота. Толпа всколыхнулась и молчаливымъ потокомъ устремилась во дворъ. Одинъ за другимъ стали раздаваться гудки на сосѣднихъ заводахъ, и воздухъ сталъ наполняться дымомъ, выходящимъ изъ высокихъ трубъ: заводы начали жить.

На улицѣ осталось лишь четыре человѣка: двое стояли вмѣстѣ у воротъ, а Сильвестро и еще одинъ прохаживались

вдоль стѣны. Его соперники смотрѣли на него съ недовѣріемъ. Онъ былъ хорошо одѣтъ, а ихъ платье было сильно истрепано; очевидно, они долго ходили безъ работы. Посовѣтовавшись межъ собою, они обратились къ привратнику:

— Можно у васъ найти работу?

— Погодите, я спрошу.

Привратникъ вошелъ во дворъ и вышелъ черезъ нѣсколько минутъ черезъ маленькую боковую дверь.

— Нѣтъ.

— Amen.

Они повернулись и медленно удалились. За ними ушелъ и третій конкуррентъ. Проходя мимо Сильвестро, они усмѣхнулись. Чего онъ ждетъ? вѣдь нѣтъ работы. Сильвестро не замѣтилъ этого и, оставшись одинъ, облокотился объ угловой столбикъ. Кабатчикъ вышелъ со стуломъ и усѣлся въ тѣни тополей. Продавщица также вынесла стулъ и присоединилась къ нему. Она протянула своему сосѣду сигару, а онъ угостилъ ее рюмкой лекера, оживленно разсказывая о чемъ-то.

Сильвестро стоялъ на самомъ припекѣ. Было очень жарко, и онъ опять почувствовалъ непреодолимое влеченіе ко сну. Онъ опустилъ голову и началъ дремать. Привратникъ, очевидно, сжалился надъ нимъ и крикнулъ:

— Вы можете войти въ переднюю.

— Спасибо,—сказалъ Сильверсто, посмотрѣвъ на него съ благодарностью.—„Добрый человѣкъ",—подумалъ онъ.

Подъ сводами корридора было прохладно. Его ввели въ полутемную залу, безъ обоевъ. Привратникъ указалъ ему рукою на диванъ:

— Садитесь. Я позову васъ, когда синьоръ Готти придетъ. Рѣшительно, этотъ привратникъ прекрасный человѣкъ, и Сильвестро сожалѣлъ, что былъ о немъ раньше сквернаго мнѣнія.

Онъ съ наслажденіемъ опустился на диванъ. По близости стучали и шумѣли машины. Потомъ стукъ куда то затерялся... раздался грохотъ прокатившейся на улицѣ телѣги... изъ корридора донеся чей то голосъ. Вдругъ съ шумомъ отворилась дверь.

— Синьоръ Готти пришелъ.

— Наконецъ!—сказалъ онъ, желая скрыть, что заснулъ.

— Какъ прикажете доложить?—спросилъ привратникъ.

— Сильвестро Бондури.

Онъ посмотрѣлъ въ зеркало, поправилъ галстухъ, стряхнулъ платкомъ пыль съ башмаковъ.

— Пожалуйте!

Сильверсто послѣдовалъ за привратникомъ въ корридоръ, прошелъ какую то залу и, наконецъ, вошелъ въ кабинетъ.

— Здравствуй, Бондури? какъ поживаешь?

— Благодарю васъ! А вы?

Этотъ элегантный молодой человѣкъ, сидѣвшій за столомъ противъ Сильверстро, былъ такъ мало похожъ на рѣзваго школьника, котораго онъ нѣкогда знавалъ, что Сильвестро смутился и забылъ приготовленную рѣчь.

Готти протянулъ ему руку, которую Сильвестро почтительно и робко пожалъ.

— Какъ, ты мнѣ говоришь „вы"!

— Вы знаете... столько лѣтъ ужъ прошло...

— Вотъ еще! Все осталось по прежнему! Садись.

— Спасибо.

Сильвестро колебался минуту между двумя креслами, стоявшими по обѣимъ сторонамъ стола, и, наконецъ, усѣлся на стулъ, стоявшій подлѣ него.

Онъ никакъ не могъ придумать ни одного слова.

— Какъ поживаютъ твои родные?—началъ Готти, видя, что Сильвестро смущенъ, и не понимая причины его визита.

— Спасибо, ничего себѣ...

— Ты все еще живешь... съ ними?

— Да,—отвѣтилъ Сильвестро.

— Тамъ, вѣрно, скучновато?

— Даже слишкомъ... Вы...

— Ты...—поправилъ его Готти.

Сильвестро улыбнулся.

— Тамъ такъ скучно!.. ты никогда не бываешь въ нашихъ краяхъ?

Готти испытующе посмотрѣлъ на него.

— Никогда.

— Понятно... живымъ людямъ тамъ дѣлать нечего, въ этомъ царствѣ труповъ. Я тоже убѣжалъ оттуда.

— Ты не живешь болѣе у отца?

— Невыносимо стало. Мать третировала меня, какъ прислугу, а отецъ подъ башмакомъ. Я рѣшилъ уйти...

— Давно уже?

— Вчера.

— Ага!—протянулъ Готти. Онъ началъ понимать, въ чемъ дѣло, и хотѣлъ улыбкою вызвать друга на откровенность.

— Не будемъ объ этомъ говорить. Это очень печальная исторія. Одно меня утѣшаетъ,—что я сохранилъ сомообладаніе. Но я чувствовалъ, что больше такъ продолжаться не можетъ, и во избѣжаніе худшаго я ушелъ.

Готти молчалъ. Сильвестро приблизился къ рѣшительному моменту разговора, раньше чѣмъ хотѣлъ, и теперь у него недоставало словъ. Онъ также умолкъ и потомъ, съ свойственною робкимъ людямъ рѣзкостью, сказалъ:

— Могу я здѣсь найти работу?

Готти былъ немного смущенъ. Это было нелегко. Сильвестро учился и неспособенъ къ физическому труду, а интеллигентовъ здѣсь больше, чѣмъ нужно. Конечно, онъ постарается для стараго друга. Онъ надѣется все же его пристроить. Онъ поговоритъ съ директоромъ. Но опредѣленно онъ ничего обѣщать не можетъ.

Сильвестро не рѣшился сказать, что онъ готовъ и на физическій трудъ: Готти сказалъ, что это къ нему не подходитъ, и онъ не хотѣлъ унижать своего достоинства, разговаривая о физическомъ трудѣ.

— Когда я могу получить отвѣтъ?—рискнулъ онъ спросить.

— Дня черезъ три-четыре, не раньше. Нужно будетъ убѣдить директора создать новую должность, а тотъ не сразу рѣшится на это.

— Ну, хорошо,— сказалъ Сильвестро,—я приду черезъ четыре дня.

— Я приложу всѣ старанія, обѣщаю тебѣ.

— Благодарю тебя.

Сердечное отношеніе Готти наполняло его сердце радостью, и онъ не сразу отдалъ себѣ отчетъ, что значитъ для него ждать еще четыре дня. Онъ уже попрощался и направился къ двери. Готти провожалъ его, продолжая разговаривать съ радушіемъ стараго товарища. Они пожали другъ другу руки. Вдругъ Сильвестро охватило сомнѣніе, и это придало ему мужества.

А если Готти не удастся убѣдить директора?

— Слушай!—сказалъ онъ ему,—я готовъ на всякую жертву, лишь бы быть независимымъ человѣкомъ. Если ты не сумѣешь найти для меня подходящаго мѣста, постарайся все же меня пристроить. Я согласенъ на все, я готовъ выполнять и... я готовъ...

Нужное слово жгло ему губы, и онъ не могъ его произнести. Готти понялъ это. Сильвестро былъ взволнованъ и торопливо продолжалъ:

— Пойми, что я теперь не могу долго ждать. Лучше хоть что-нибудь, но сейчасъ...

Готти понялъ, въ чемъ дѣло, и тихо спросилъ его:

— Скажи правду. Ты нуждаешься...—Онъ остановился, боясь задѣть своего друга.

— Спасибо,—отвѣтилъ Сильвестро; его самолюбіе было уязвлено.—Я ни въ чемъ не нуждаюсь, -и онъ отодвинулся въ сторону.

— Но если понадобится, помни: мы старые друзья, — сказалъ дружески Готти.

Сильвестро вышелъ. Онъ не могъ разобраться въ своихъ чувствахъ. Онъ и досадовалъ на Готти за предложенную имъ денежную помощь, и былъ благодаренъ ему за великодушіе. Онъ былъ почти увѣренъ, что у него будетъ служба; но что онъ будетъ дѣлать сейчасъ? Его охватилъ ужасъ. Четыре дня! Можно было бы, пожалуй, наняться въ грузчики, носить мѣшки съ мукой. Но если директоръ узнаетъ, что онъ выполнялъ черную работу? Это испортитъ его репутацію.

И почему онъ отказался отъ поддержки товарища? Тотъ съ такой деликатностью предложилъ ее ему. Нельзя же обижаться по поводу такой мелочи,—ругалъ себя Сильвестро. Но что же теперь дѣлать? Пойти домой?

— Никогда!—произнесъ онъ вслухъ и повторилъ это слово! нѣсколько разъ, поддерживая свое мужество.

Онъ безцѣльно бродилъ по улицѣ, мучимый жаждой, усталый, изнемогая отъ жары.

II.

Сильвестро не ошибся. Его родные сильно безпокоились, его отецъ нѣсколько разъ приходилъ домой справляться, не вернулся ли сынъ? Потомъ онъ печально возвращался на кладбище, усаживался на опрокинутый мраморный столбикъ, разсѣянно наблюдая за работою могильщиковъ.

Всѣ провели безсонную ночь; лишь блаженный храпъ Джузеппе нарушалъ молчаніе; насилу дождались разсвѣта.

На разсвѣтѣ поднялись. Бондури и его жена избѣгали встрѣтиться взорами. Старуха съ преувеличенной заботливостью суетилась, а онъ безцѣльно бродилъ по комнатамъ и по двору. Они какъ то случайно столкнулись и принуждены были посмотрѣть другъ на друга.

— Куда онъ могъ пойти?

— Въ адъ.

— Мама!—съ укоризною прошептала Клара.

Мать съ яростью обернулась къ ней:

— Туда ему и дорога!

— Быть можетъ Джузеппе пошелъ бы его искать?—робко промолвилъ отецъ.

— Джузеппе не такая тряпка, какъ ты! Онъ не будетъ тратить времени на пустяки.

— Я пойду его искать,—сказала Клара.

— Ты останешься дома! Онъ ушелъ, тѣмъ хуже для него

Клара пожала плечами.

Джузеппе всталъ позже всѣхъ. Онъ какъ будто забылъ про брата. Замѣтивъ мрачныя лица родныхъ, онъ проворчалъ:

„Громъ и молнія!“ и обратился къ Кларѣ:

— Онъ не вернулся?

— Нѣтъ еще

Джузеппе больше на разспрашивалъ и ушелъ.

Отцу также надоѣли ворчанье и окрики жены, и онъ отправился на кладбище. Клара начала одѣваться. Не смотря на запрещеніе матери, она рѣшила отправиться на поиски. Онъ, навѣрное, гдѣ-нибудь въ городѣ. Она представляла себѣ Сильвестро блуждающимъ ночью по пустыннымъ улицамъ, и у нея сжималось сердце. Онъ, навѣрное, провелъ ночь подъ открытомъ небомъ. Когда она уже выходила, мать повторила свое приказаніе:

— Нечего терять время. Отправляйся на работу! Онъ еще подумаетъ, что мы здѣсь всѣ въ слезахъ.

Клара ничего не отвѣтила. Она нѣсколько часовъ блуждала по улицамъ; градомъ струившійся потъ испортилъ ей прическу; за опозданіе она будетъ оштрафована. И все напрасно! Сильвестро въ это время спалъ на диванѣ въ прохладной передней заводской конторы.

Мать, оставшись одна, вымещала свою ярость на предметахъ, попадавшихъ ей подъ руку. Въ домѣ стоялъ стукъ и грохотъ. Прибирая комнаты и кухню, она стучала тарелками, съ шумомъ опрокидывала стаканы, выплескивала грязную воду и возбудила цѣлую бурю въ курятникѣ, разомъ выкинувъ оттуда всѣхъ обитателей.

Снаружи можно было подумать, что въ этомъ домѣ испытываютъ прочность всѣхъ предметовъ. Если мужъ имѣлъ неосторожность войти въ домъ, онъ дѣлался жертвой ея бѣшенства, и тотчасъ же спасался, весь потрясенный пережитой сценой и оглушенный шумомъ и трескомъ. Потомъ, по мѣрѣ того, какъ уборка приближалась къ концу, хозяйка становилась спокойнѣе. Возня прекратилась; лишь на плитѣ въ кухнѣ назойливо шипѣлъ котелокъ.

Фелицита усѣлась въ дверяхъ на сквознякѣ съ иголкой въ рукахъ и съ очками на толстомъ носу. Ей хотѣлось освѣжиться и привести въ порядокъ свои мысли. Сознаніе одиночества мучило ее, но она не допускала мысли, что сама виновата во всемъ. Ее опять охватывало то бѣшенство, то острое чувство безпокойства за участь сына и томительное предчувствіе несчастья. Она готова была плакать, но ее останавливала мысль объ этомъ неблагодарномъ бездѣльникѣ, по винѣ котораго она страдала.

Она была одна, и потому ей трудно было сохранить самообладаніе; но въ присутствіи другихъ она никогда не поддавалась слабости. Она инстинктивно чувствовала, что обнаружить свою слабость, значитъ, потерять свою власть, и по-

этому въ присутствіи своего мужа и дѣтей никогда не проявляла своихъ чувствъ, радовались ли вокругъ нея, или плакали. Она, вѣроятно, никогда не любила, хотя и считала себя глубоко чувствующей натурой. Уважала она только своего старшаго сына Джузеппе. Онъ умѣлъ укрощать ее своей грубостью и возбуждалъ въ ней восторгъ своей силой. Между ними было сильное сходство. И въ немъ она уважала себя самое. Будучи дѣвушкой, она отталкивала всѣхъ своихъ ухаживателей, отвѣчая на всякое слово любви ругательствомъ и на всякую ласку пощечиной. Она была тогда работницей и возбуждала всеобщее удивленіе своей мускулатурой. Мужчины плѣнялись ея здоровымъ и мощнымъ тѣломъ, а подруги обожали ее, хотя она и оглушала ихъ своими шумными пѣснями и градомъ проклятій. Потомъ она вышла замужъ за этого скромнаго кладбищенскаго сторожа, у котораго не хватило даже мужества лично объясниться ей въ любви. Онъ сдѣлалъ ей предложеніе черезъ своего пріятеля.

— Вотъ идіотъ!—отвѣтила она.—Онъ, вѣрно, боялся, что я я его съѣмъ.

Они поженились. Она стала хозяйкой небольшого чистенькаго домика; къ ея услугамъ были всѣ рабочіе кладбища, которые сразу поняли, что находятся скорѣе въ ея власти, чѣмъ во власти ея мужа. У мужа оказался маленькій капиталъ, который бывшей работницѣ казался цѣлымъ богатствомъ. Своего мужа она съ перваго же дня сумѣла взять въ руки, и стала царькомъ въ этомъ уединенномъ міркѣ. Роль мужа сводилась къ тому, что онъ давалъ ей возможность имѣть дѣтей, а это входило въ ея программу жизни. Во всемъ остальномъ она была совершенно самостоятельна. Она держала въ своихъ рукахъ кассу, вела всѣ счеты и дѣлала сбереженія, которыя занимали все большую долю бюджета. Она была скупа, потому что хотѣла устроиться хорошо на старости лѣтъ, жить съ достоинствомъ. Она была работницей и стала женою муниципальнаго служащаго; это льстило ея самолюбію. Подняться еще выше по соціальной лѣстницѣ, устроить хорошо своихъ дѣтей было ея идеаломъ. Она надѣялась переѣхать на старости въ городъ, поселиться въ удобной квартирѣ, носить шляпу, украшенную лентами и цвѣтами, и по воскресеньямъ выѣзжать на прогулку въ каретѣ. Такова была цѣль ея жизни, и сообразно съ этимъ она устраивала свою личную жизнь и жизнь своей семьи.

Если у старика Бондури возникали недоразумѣнія съ начальствомъ, она отправлялась въ городскую управу, гдѣ уже привыкли обращаться къ ней по всемъ дѣламъ ея мужа, а онъ считалъ это вполнѣ естественнымъ; этотъ худенькій человѣкъ, съ свѣтлыми волосами былъ какъ будто раздавленъ внуши-

тельной и мощной фигурой своей жены. Случалось, что Бондури начиналъ протестовать и дѣлалъ попытки освободиться изъ подъ опеки своей рѣшительной супруги; тогда она прибѣгала къ крайнему средству и укрощала его вспышки литромъ вина.

Изъ дѣтей лишь Джузеппе былъ въ мать. Клара унаслѣдовала отъ нея силу и здоровье, но по характеру походила скорѣе на отца: она была такъ же добра и безпечна, такъ же, какъ и онъ, любила спокойствіе и благополучіе, избѣгая лишнихъ усилій и приспособлясь легко ко всему. Сильвестро унаслѣдовалъ отъ матери лишь ея тщеславіе и честолюбіе, что составляло странный контрастъ съ его физическою слабостью; во всемъ остальномъ онъ былъ весь въ отца.

Дѣти не оправдали надеждъ матери. Джузеппе воспользовался своей силой лишь для того, чтобы стать рабочимъ. Сильвестро, не смотря на свое честолюбіе, не достигъ никакихъ осязательныхъ результатовъ, а будущее Клары не было обезпечено. Это отравляло жизнь матери; она стала еще скупѣе, отказывая часто себѣ и другимъ въ самомъ необходимомъ, а Бондури все чаще при вспышкахъ протеста получалъ ругательства, вмѣсто литра вина.

Жизнь троихъ молодыхъ людей протекала въ уединеніи кладбища. Но, рожденные и воспитанные въ этой обстановкѣ, они не чувствовали печальнаго ужаса кладбищенской среды; дѣтьми они играли среди могилъ или возлѣ мертвецкой, куда ихъ толкало дѣтское любопытство. Только Сильвестро тяготился этой жизнью и приходилъ въ отчаяніе отъ мысли, что это можетъ длиться безъ конца.

Мать преимущественно заботилась о воспитаніи Клары. Джузеппе быстро ускользнулъ изъ-подъ ея вліянія, а будущее Сильвестро ей одно время казалось обезпеченнымъ, такъ какъ онъ успѣшно занимался въ гимназіи. Она старалась пробудить въ своей дочери сознаніе ея красоты. Хитрая и опытная женщина понимала, что, благодаря своей красотѣ, Клара можетъ прекрасно устроиться, и Клара сначала безсознательно, а потомъ съ благодарностью воспринимала совѣты матери, хорошо одѣвалась и слѣдила за своей наружностью. Но она не умѣла пользоваться своей красотой съ разсчетомъ и съ хитростью, какъ того хотѣла мать, которая вѣчно боялась, какъ бы Клара не сдѣлала глупости и не обезцѣнила сокровища, на которое возлагалось столько надеждъ. Старуха видѣла, что одними сбереженіями она многаго не достигнетъ, и постепенно отказывалась сначала отъ будущихъ воскресныхъ прогулокъ въ каретѣ, а потомъ и отъ нарядныхъ лентъ на будущихъ шляпахъ.

Медленно протекали часы. Было душно.

Фелицита уже нѣсколько разъ мѣняла мѣсто, ища прохладной тѣни. Солнце подымалось къ югу, и тѣнь кипарисовъ все болѣе сокращалась. Сложные звуки жизни пробивались и въ этомъ царствѣ мертвыхъ: кузнечики трещали, жужжали пчелы, и слышался таинственный шепотъ скрывавшихся въ травѣ насѣкомыхъ. Вдругъ раздались голоса. Могильщики несли гробъ въ мертвецкую. Старуха равнодушно подняла голову. Кто-то звалъ Бондури, чтобы сдать ему печальный грузъ.

Бондури былъ заваленъ работой. Его товарищъ по службѣ, старше его чиномъ, былъ ужъ такъ старъ, что переѣхалъ въ городъ, надѣясь тамъ выздоровѣть. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ вернется оттуда на похоронныхъ дрогахъ, однако онъ все еще живъ, къ великому неудовольствію Фелициты, которая съ нетерпѣніемъ ждала повышенія своего мужа.

Услышавъ шаги мужа, она опять нахмурилась. Когда могильщики удалились, Бондури вошелъ въ домъ. Онъ не осмѣлился спросить про сына; царившее въ домѣ молчаніе дало ему понять, что Сильвестро еще не вернулся.

Онъ подошелъ къ ведру, съ жадностью напился воды и усѣлся, снявъ шляпу и вытирая лобъ платкомъ. Жена продолжала шить.

— Что ты это чинишь?—спросилъ Бондури.

— Пиджакъ.

— Я никогда его не видалъ.

— Ты никогда ничего не видишь.

Карло не спрашивалъ, чей этотъ пиджакъ.

— Уфъ, какъ жарко!—онъ опять снялъ шляпу и вытеръ себѣ лобъ.

— Который часъ?—спросила жена.

— Скоро одиннадцать.

Она вздохнула.

— Пора позаботиться о завтракѣ,—сказала она, продолжая быстро работать иголкой.

Вопреки своему обыкновенію, Бондури не спросилъ, что будетъ къ завтраку. Немного спустя, Фелицита медленно поднялась и остановилась на мгновеніе, глядя на улицу. По дорогѣ изъ города ѣхалъ тяжелый фургонъ. Она тревожно подвинулась впередъ.

— Это фургонъ,—сказала она.

Карло Бондури быстро поднялся и безъ шляпы вышелъ на улицу. Утомленныя лошади бѣжали вялой рысью. Карло подбѣжалъ уже къ фургону и бѣжалъ теперь за нимъ. Повозка остановилась передъ мертвецкой; Карло съ трескомъ отворилъ дверцу и заглянулъ въ фургонъ. Жена стояла

возлѣ него. Карло повернулся къ ней и съ прояснившимся лицомъ сказалъ:

— Это какой-то старикъ.

Она пошла въ домъ готовить завтракъ.

Карло остался исполнять свою печальную обязанность.

Онъ велѣлъ положить трупъ старика на бѣлый камень возлѣ раньше принесеннаго гроба. Это былъ утопленникъ, найденный утромъ рыболовами. Теперь онъ долженъ былъ ждать въ мертвецкой, пока не будетъ опознанъ. Тѣло его опухло, глаза на изможденномъ лицѣ широко раскрылись, борода прилипла къ расширившемуся рту. Кто онъ? Откуда онъ родомъ? Погибъ ли онъ случайно, или искалъ смерти? Ждетъ ли его кто нибудь, или его никто не будетъ искать? Какую боль похоронилъ онъ въ молчаніи смерти? Видъ его былъ ужасенъ. Даже Бондури, привыкшій къ такого рода зрѣлищамъ, поблѣднѣлъ и испуганно смотрѣлъ на него. Въ особенности этотъ ротъ! Ротъ, который никогда не разскажетъ того, что произошло; и эти широко раскрытые глаза, которые больше не увидятъ лучей солнца!

Приближалась похоронная процессія. Бондури широко раскрылъ ворота и послѣдовалъ за гробомъ до могилы, которая была уже готова. Вокругъ могилы тѣснилось множество народа: всякій хотѣлъ увидѣть, какъ туда опустятъ гробъ. Никто не плакалъ. Многіе переговаривались вполголоса. Одинъ носильщикъ нечаянно опрокинулъ ногой деревянный крестъ, и Карло заставилъ его поставить крестъ на мѣсто, возбудивъ своею строгостью неудовольствіе толпы. Наконецъ, гробъ былъ опущенъ у подножья мраморнаго памятника.

Всѣ ушли, кромѣ Карло и гробокопателей. Могила была засыпана. Возвращаясь домой, Карло опять заглянулъ въ мертвецкую, посмотрѣлъ на страшнаго утопленника и торопливо ушелъ.

Когда онъ пришелъ домой, завтракъ уже былъ готовъ. Сильвестро еще не было.

Джузеппе и Клара не приходили домой къ завтраку: Джузеппе ѣлъ въ ресторанѣ, а Клара въ мастерской.

Карло и Фелицита сѣли за столъ одни. Фелицита приготовила сегодня любимое блюдо мужа—trippe. Сама же она довольствовалась салатомъ и кускомъ сыра.

— Отчего же ты не ѣшь?—спросила, немного разсердившись, жена.

— Не хочется.

— Что за глупости!—отвѣтила Фелицита.

Она поднесла тарелку къ носу мужа.

Онъ медленно началъ ѣсть.

— Недурно!—хочешь попробовать?

— Мнѣ достаточно и этого,—и она показала кусокъ сыра, который держала въ рукѣ.

— Ѣшь,—сказала она ему.

Бондури повиновался. У него понемногу началъ появляться обычный аппетитъ, и вкусный trippe быстро исчезалъ изъ тарелки.

Когда онъ кончилъ, она налила ему рюмку вина и унесла бутылку. Она всегда такъ поступала, и Бондури привыкъ къ этому. Онъ медленно прихлебывалъ изъ стакана. Завтракъ перемѣнилъ его настроеніе, и онъ немного успокоился.

— Сколько бѣдныхъ людей сегодня ходитъ безъ хлѣба,—сказалъ онъ.

Намекъ былъ ясенъ, и Фелицита поспѣшила ему возразить:

— Думай лучше о томъ, что многіе позавтракали лучше нашего.

— О!—произнесъ Бондури, не зная, что отвѣтить. Потомъ черезъ мгновенье произнесъ:

— Нужно быть довольнымъ тѣмъ, что имѣешь.

— Такъ долженъ былъ думать твой сынъ,—сердито огрызнулась Фелицита.

— Бѣдный Сильвестро!—вздохнулъ отецъ.

Фелицита посмотрѣла на него съ презрѣніемъ.

— Дуракъ!

Карло не осмѣлился возражать и залпомъ проглотилъ остатокъ вина.

Пока его жена съ шумомъ убирала со стола, Карло начало клонить ко сну.

— Ну, ну!..—Фелицита дернула его за рукавъ.

Онъ неохотно поднялся и отправился на кладбище на работу.

Онъ медленно приблизился къ могильщикамъ, работавшимъ подъ палящими лучами солнца. Ровными и сильными движеніями они вгоняли въ землю заступы, ломая гнилые отъ сырости гробы, разбрасывая по сторонамъ болѣе крупныя кости и нагромождая въ одну груду мелкія кости и землю.

Подъ вѣчной улыбкой солнца земля отдавала негодные остатки своей пищи; знойный воздухъ былъ насыщенъ запахомъ миртъ и кипарисовъ, переполненныхъ живительными соками. Думалъ ли кто нибудь изъ могильщиковъ, что когда нибудь заступъ будетъ разбивать ихъ собственныя могилы, что другіе люди, быть можетъ, еще не родившіеся, будутъ когда нибудь выкапывать ихъ кости подъ тѣмъ же солнцемъ, подъ тѣмъ же небомъ?

— Какъ дѣла?—спросилъ Бондури.

— Ничего, кончимъ къ сроку, —отвѣтилъ одинъ изъ могильщиковъ.

Потомъ онъ сдѣлалъ знакъ своему товарищу, и тотъ протянулъ ему бутылку, лежавшую тутъ же на землѣ, у большой могилы. Онъ выпилъ и передалъ бутылку товарищу, занятому собираніемъ костей. Этотъ отхлебнулъ, поднявъ лицо кверху и закрывъ глаза, потомъ положилъ бутылку на землю и вытеръ себѣ ротъ грязной рукой.

Карло Бондури растянулся на травѣ въ тѣни группы кипарисовъ, которые какъ будто сторожили могилу, и невольно заснулъ. Поэтому день и показался Фелицитѣ болѣе долгимъ, чѣмъ ея мужу. Она еле дождалась заката. Наконецъ, солнце сѣло, и подулъ свѣжій вечерній вѣтеръ. Она положила шитье на колѣни и предалась отдыху, какъ она это всегда дѣлала въ это время. Вдругъ Сильвестро появился на порогѣ. Кровь бросилась Фелицитѣ въ лицо. Сильвестро поблѣднѣлъ, остановился на мгновеніе, а потомъ, овладѣвъ собою, безпечно направился впередъ.

— Добрый вечеръ!—произнесъ онъ дѣланно грубымъ тономъ.

Мать посмотрѣла на него. Онъ прошелъ мимо нея и поднялся на лѣстницу, и она, быть можетъ, въ первый разъ въ своей жизни сдержала свой гнѣвъ. Она ему ничего не отвѣтила и принялась глядѣть изъ двери на дворъ, въ то время какъ Сильвестро поднимался вверхъ. Неожиданный приходъ Сильвестро и его дерзость оглушили ее. Она знала, что онъ придетъ, но не предвидѣла, что это произойдетъ именно такимъ образомъ. Волна бѣшенства поднялась къ сердцу, но она сумѣла укротить свой гнѣвъ. Сильвестро долженъ знать, что его бѣгство никого не интересовало, всѣ его считаютъ мальчишкой, который неспособенъ самостоятельно выбиться въ люди.

Сильвестро съ шумомъ возился наверху, и при всякомъ стукѣ кровь Фелициты волновалась съ большей силой. Она стала въ дверяхъ въ позѣ человѣка, готоваго ринуться въ бой, и съ нетерпѣніемъ ожидала прибытія мужа. Онъ вошелъ уже во дворъ и, увидавъ жену, ускорилъ шаги.

Та подскочила къ нему.

— Не дѣлай глупостей!.. Ни слова!..

— Онъ вернулся?—спросилъ онъ, успокоившись.

— Слышишь!.. ни слова!—и она отвернулась.

Карло послѣдовалъ за нею.

— Гдѣ онъ! Гдѣ онъ былъ? Онъ тебѣ ничего не сказалъ?

— Ничего.

— Но...

— Смотри же!.. Ни слова!

— Хорошо,—отвѣтилъ старикъ, хотя его и пожирало любопытство.

Сильвестро уже успокоился: наверху было тихо.

— Онъ голоденъ,—замѣтилъ старикъ.

Фелицита не отвѣчала. Бондури началъ смѣяться.

— Поэтому-то онъ и вернулся.

Опять молчаніе. Жена возилась у плиты. Она спокойно замѣтила ему:

— Лишь бы Клара не стала его утѣшать.

— Я беру это на себя,—рѣшительнымъ тономъ заявилъ Бондури и сталъ въ дверяхъ въ той позѣ, въ которой его дожидалась жена. Но потомъ его охватило сомнѣніе.

— А Джузеппе?

Онъ не чувствовалъ храбрости подступиться къ этому „звѣрю", какъ онъ его называлъ.

— Джузеппе не дѣлаетъ глупостей,—съ гордостью отрѣзала жена.

Въ самомъ дѣлѣ, вернувшись, онъ не справился даже, явился ли Сильвестро. Мать сама разсказала ему, объяснивъ, что объ этомъ незачѣмъ разговаривать: какъ будто ничего и не произошло.

Онъ отвѣтилъ выразительнымъ пожатіемъ плечъ.

Позже всѣхъ пришла Клара. Еще издали она кричала отцу ждавшему ее на порогѣ.

— Папочка!.. Могу тебя обрадовать! Я знаю...

— Тш!.. Не дѣлай глупостей!.. Ни слова!..

— Онъ вернулся?

— Молчи!.. Не нужно объ этомъ говорить!.. Какъ будто ничего и не было!.. Слышишь!..

Клара вошла уже въ комнату, а Бондури слѣдовалъ за нею, повторяя свое приказаніе.

— Твой отецъ правъ!—сказала Фелицита.

— Я поняла, въ чемъ дѣло!—отвѣтила, улыбаясь, молодая дѣвушка и подошла къ зеркалу полюбоваться новымъ поясомъ, котораго, къ ея удовольствію, мать не замѣтила.

Фелицита разливала въ тарелки супъ.

— Нужно его позвать къ ужину?—тихо спросилъ ее мужъ.

Однако Сильвестро самъ уже вошелъ въ кухню.

— Добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ!—отвѣтилъ отецъ.

Джузеппе также спустился.

— А, здравствуй! Ну что, нашелъ службу?

— Конечно,—гордо отвѣтилъ Сильвестро.—Черезъ три дня у меня будетъ мѣсто. Я пришелъ за своими вещами.

Эти слова произвели сильное дѣйствіе. Фелицита отбросила въ сторону стоявшую у ея ногъ скамеечку. Карло поочередно смотрѣлъ то на жену, то на сына. Онъ всетаки получилъ мѣсто! Онъ явился домой за вещами, а не просить прощенія.

— Молодецъ!—хлопнулъ Джузеппе брата по плечу.

— „Молодецъ“,—подумалъ Карло, не осмѣлившись сказать это вслухъ.

Фелицита растерялась. Клара вошла въ кухню и нѣжно кивнула Сильвестро головой:

— Здравствуй, Сильвестро.

Сильвестро почувствовалъ себя побѣдителемъ:

— Здравствуй, милая!

Онъ покровительственно положилъ ей руку на плечо. Мужчины и Клара стояли другъ около друга. Чувствовалось еще нѣкоторое стѣсненіе, но, очевидно, оно скоро должно было пройти.

Супъ дымился на столѣ. Фелицита сѣла:

— Будемъ мы ѣсть или нѣтъ?—проворчала она.

Остальные хотѣли, чтобы Сильвестро разсказалъ имъ свои приключенія, но запахъ супа лишилъ его дара слова. Онъ былъ страшно голоденъ.

— Я вамъ все разскажу послѣ ужина.

Всѣ усѣлись къ столу, и Сильвестро началъ ѣсть съ неменьшею жадностью, чѣмъ это дѣлалъ обыкновенно Джузеппе.

Утоливъ голодъ, онъ разсказалъ имъ все, умолчавъ, однако, о томъ, какъ онъ провелъ послѣдній день, когда голодъ и усталость измучили его и убѣдили, что лучше провести эти три дня у родителей, чѣмъ бродить по улицамъ безъ ночлега и голоднымъ. Онъ повторилъ, что пришелъ взять свои вещи. Онъ самъ опьянялъ себя своей увѣренностью, и ему казалось въ данный моментъ, что Готти, дѣйствительно, уже имѣетъ для него мѣсто.

Клара прервала его:

— Готти, навѣрное, устроитъ тебя; онъ очень добръ.

— Развѣ ты съ нимъ знакома?—спросилъ Сильвестро.

— Это другъ одной моей подруги.

— А!..

— Она сказала мнѣ, что онъ прекрасный человѣкъ.

Сильвестро былъ очень доволенъ, что Клара придала его словамъ большій вѣсъ. Конечно, Готти прекрасный человѣкъ. Онъ принялъ его, какъ брата. Онъ обѣщалъ ему дать черезъ три дня службу, достойную интеллигентнаго человѣка. Въ этотъ моментъ Сильвестро былъ увѣренъ, что Готти именно такъ и сказалъ ему.

Старикъ съ трудомъ сдерживалъ свою радость. Но время отъ времени онъ кидалъ тайкомъ взоры на Фелициту; она продолжала молча ѣсть, ея сумрачное лицо предвѣщало грозу, и это нѣсколько безпокоило мужа. Правду сказать, онъ былъ доволенъ, что жена его хоть разъ оказалась неправой,— но онъ ни за что въ жизни не сказалъ бы ей этого. Онъ чувствовалъ, что на той сторонѣ стола собираются тучи, и старался угадать, чѣмъ это кончится. Сильвестро притворялся, что ничего не замѣчаетъ.

Гордый своей побѣдой, онъ закончилъ свой разсказъ красивой фразой:

— Болѣе всего меня радуетъ, что я самъ достигъ этого: быть самостоятельнымъ, это—самое большое удовольствіе въ жизни.—Это было слишкомъ.

Фелицита медленно подняла свое отуманенное лицо и спокойнымъ голосомъ, въ которомъ уже звучали, однако, раскаты гнѣва, спросила:

— Быть можетъ, ты намъ скажешь, на чьи средства ты посѣщалъ школу?

Сильвестро не обернулся. Онъ предвидѣлъ это сраженіе. Проглотивъ кусокъ мяса, онъ вытеръ себѣ ротъ салфеткой. Мать открыла огонь и поставила пѣшку передъ королемъ. Сильвестро сдѣлалъ тоже самое:

— А благодаря чему я получалъ въ школѣ награды?

Обѣ пѣшки стояли другъ противъ друга. Фелицита бросилась въ аттаку.

— Ты очень благодарный сынъ!

— Всякому слѣдуетъ воздать должное.

— Твой г. Готти познакомился съ тобою въ гимназіи?

— Конечно.

— А кто далъ тебѣ возможность поступить въ гимназію?

— Мои способности.

Фелицита вспыхнула.

— Ты всегда былъ идіотомъ, и идіотомъ остался. Безсердечный ты дуракъ, вотъ и все. Безсердечный!.. Вспомнилъ ты про насъ за это время?.. подумалъ ли ты, что мы, можетъ быть, безпокоимся! Я тебя слишкомъ хорошо знаю!..

Фелицита сама разстроила свой планъ аттаки, и у нея оставалось лишь одно средство побѣдить: крики... Ея голосъ гремѣлъ, она вся дрожала. Сильвестро засмѣялся ей въ лицо. Тогда она совсѣмъ вышла изъ себя.

— Оселъ!.. каналья!... пошелъ вонъ!

— Я скоро уйду.

— Сейчасъ!.. Убирайся!.. Неблагодарное животное!..—Градъ участился.

— Фелицита!—осмѣлился заступиться за сына Карло.

— Молчи, старый кретинъ! Ты съ нимъ за одно... и эта дрянь, твоя дочь, тоже.

Сильвестро поблѣднѣлъ; онъ стремительно вскочилъ и бросился къ матери. Та также поднялась съ сжатыми кулаками.

Но Джузеппе сталъ между ними.

— Вы долго еще будете возиться?—спросилъ онъ.

Сильвестро овладѣлъ собою. Но мать изъ-за широкихъ плечъ Джузеппе кричала еще громче. Она ссыпала своего сына всѣми ругательствами, которыя она только слышала на фабрикахъ и на улицѣ, еще будучи работницей. Всѣ удивленно смотрѣли на нее: она никогда еще настолько не выходила изъ себя. Наконецъ, Джузеппе, которому бурная сцена начинала надоѣдать, схватилъ ее въ охапку и приподнялъ:

— Иди спать!

Фелицита отбивалась, упираясь руками въ грудь сына. Онъ, смѣясь, понесъ ее.

— Оставь меня!

Они вышли изъ кухни; слышно было, какъ онъ толкалъ ее по лѣстницѣ и какъ она отбивалась.

— Я не ожидала этого отъ тебя,—задыхаясь, кричала она ему.

— Ложись спать,—повторилъ Джузеппе,—ты когда нибудь лопнешь.

Потомъ дверь хлопнула на верхнемъ этажѣ, и тяжелые шаги зазвучали надъ головами оставшихся внизу.

Сильвестро, который остался господиномъ на полѣ сраженія, первый прервалъ молчаніе.

— Папа, это произошло не по моей винѣ!

— Да-а,—протянулъ отецъ, — но ты долженъ былъ молчать.

— Я не могъ...

— Ты долженъ былъ молчать.

Старикъ тоже началъ приходить въ неистовство.

Клара мигнула брату, тотъ улыбнулся и ничего не возразилъ.

— Доброй ночи! Я иду спать, — раздался сверху голосъ Джузеппе

— Вѣдь еще рано, — пробормоталъ недовольно Карло; мысль остаться теперь наединѣ съ супругой бросала его въ дрожь.

— Рано еще...—повторилъ за нимъ Сильвестро, понимая состояніе отца. Однако, и его манила постель.

Карло стоялъ на порогѣ и принялся насвистывать ро-

мансъ изъ „Навуходоносора“; это было у него признакомъ сильнаго волненія.

Сильвестро и Клара остались одни.

— Что за адъ!—сказала она:—она—настоящая вѣдьма!

— Что же дѣлать,—великодушно промолвилъ Сильвестро,—она такъ ужъ создана.

— Какъ ты счастливъ, что уходишь отсюда, — сказала Клара.

— Когда я устроюсь, я возьму тебя къ себѣ.

— Правда?! Я разскажу это своей подругѣ.

— Какой подругѣ?

— Знакомой Готти.

— Зачѣмъ же ты ей это скажешь?

— Она его поблагодаритъ за меня.

— Нѣтъ, ему не слѣдуетъ ничего говорить.

— Почему?—смущенно спросила сестра,—вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего плохого.

Она, кажется, уже успокоилась.

— Если бы не Джузеппе, не знаю, какъ бы это кончилось.

— А папа?

— Бѣдняга!

Оба засмѣялись Карло вошелъ еще болѣе мрачный.

— Поздно,—сказалъ онъ,—пора спать.

Клара и Сильвестро переглянулись. Пять минутъ тому назадъ онъ былъ другого мнѣнія. Но старикъ пришелъ къ мысли, что эта буря можетъ повредить здоровью жены, и онъ принялъ героическое рѣшеніе. Онъ пойдетъ къ ней. Онъ ей сдѣлаетъ строгій выговоръ. Нужно быть строгимъ и запретить ей разъ навсегда такія сцены.

Но когда онъ очутился передъ дверью спальни, его рѣшимость опять поколебалась. Прежде, чѣмъ повернуть ручку, онъ прислушался, шумитъ ли она еще, какъ будто онъ готовился войти въ логовище звѣря. Пружины кровати стонали подъ тяжестью двигавшагося тѣла.

„Она уже въ постели“—подумалъ онъ и немного успокоился.

Онъ на цыпочкахъ вошелъ въ спальню, какъ будто боялся разбудить ее. Она лежала спиной къ двери и дрожала еще отъ бѣшенства.

Карло началъ молча раздѣваться, радуясь счастливому исходу. Онъ снималъ ужъ панталоны, какъ вдругъ Фелицита шумно повернулась и посмотрѣла на него. Онъ оцѣпенѣлъ.

— Свинья!..—крикнула она и начала плакать. Карло раздѣлся, храня молчаніе. Онъ даже улыбнулся при мысли, что его Сильвестро довелъ до слезъ этого „звѣря“.

Сильвестро же не тратилъ времени на размышленія, онъ съ наслажденіемъ опустился на кровать. Только утромъ, послѣ долгаго непрерывнаго сна, онъ отдалъ себѣ отчетъ во всемъ происшедшемъ. Онъ вспомнилъ, что долженъ былъ тотчасъ уйти изъ дому.

Но постель манила его остаться еще на три-четыре дня.

Куда ему идти? Опять слоняться безъ отдыха и безъ хлѣба по пыли.

— Я сказалъ, что уйду, и уйду,—хотѣлось сказать Сильвестро.

Но въ постели было такъ хорошо!

Внизу уже двигались и шумѣли.

Сильвестро не принялъ опредѣленнаго рѣшенія и началъ одѣваться. Когда онъ спустился въ кухню, мать протянула ему чашку горячаго кофе съ молокомъ. Онъ украдкой посмотрѣлъ на нее: у нея было совершенно спокойное лицо. Сильвестро разговаривалъ съ отцомъ и съ сестрой и высказалъ желаніе проводить сестру въ городъ. Никто не напомнилъ ему, что онъ собирался уйти съ вещами изъ дому, и онъ рѣшилъ отложить свой уходъ на нѣсколько времени. На улицѣ онъ рѣзвился съ Кларой, какъ школьникъ, возвращающійся изъ школы.

— Я тебя буду всегда провожать,—обѣщалъ Сильвестро, и они оба смѣялись и шутили, вспоминая ярость матери, которая не была вовсе такой злой, какой она хотѣла казаться.

Вдругъ Клара остановилась.

— Теперь ты меня оставишь.

— Почему?—удивился Сильвестро.—Я провожу тебя до мастерской.

— Нѣтъ, вѣдь никто не знаетъ, что ты—мой братъ.

— Но вѣдь это рано или поздно должны знать.

— Меня потомъ будутъ дразнить. До свиданья!

— Ну ладно,—сказалъ немного опечаленный Сильвестро.

Они разстались. Онъ поглядѣлъ ей вслѣдъ. Красивая блондинка спокойно удалялась. Онъ повернулъ на большую улицу, веселый и бодрый. Ему хотѣлось впечатлѣній.

Нервы, напряженные въ теченіе этихъ дней, не хотѣли сразу успокоиться. Онъ замѣтилъ, что слѣдуетъ за какой-то блондинкой. И что за густые волосы! Еще лучше, чѣмъ у Клары.

Онъ ужъ нарочно пошелъ за нею и соразмѣрялъ свои шаги съ ея шагами.

Вдругъ она вошла въ какой-то домъ, и Сильвестро, приблизившись къ тому мѣсту, успѣлъ лишь замѣтить край юбки, мелькнувшей по лѣстницѣ. Онъ показался себѣ неимо-

вѣрно дерзкимъ; вѣдь эта женщина, можетъ быть, даже станетъ его любовницей.

Однако, онъ даже не видѣлъ еще ея лица, и рѣшилъ придти сюда еще разъ. А пока что, отправился домой.

Мать чинила его старый пиджакъ; онъ поблагодарилъ ее. Фелицита лишь отвѣтила:

— Ты потомъ узнаешь, какъ трудно жить одному.

Она не дала ему никакихъ порученій, и Сильвестро могъ безпрепятственно разгуливать по двору и по кладбищу. Она была укрощена; но Сильвестро испытывалъ отъ этого меньше удовольствія, чѣмъ можно было думать. Онъ себя чувствовалъ сегодня у родителей очень недурно. Даже можно жить здѣсь, лишь бы быть господиномъ самому себѣ.

Послѣ завтрака Сильвестро вернулся подъ окна своей красавицы. Онъ замѣтилъ въ третьемъ окнѣ четвертаго этажа заинтересовавшую его головку. Сильвестро медленно прохаживался, поднимая часто голову вверхъ и торопливо опуская глаза, чтобы убѣдиться, не смѣются ли надъ нимъ прохожіе.

Молодая дѣвушка была скорѣе безобразна. Это видно было даже издали; но Сильвестро чувствовалъ себя почти связаннымъ и продолжалъ прохаживаться передъ окномъ.

Удовлетворивъ себя, онъ удалился, кинувъ послѣдній пламенный взоръ на третье окно четвертаго этажа. Теперь онъ имѣлъ и свободу, и обѣдъ, и постель, и возлюбленную, и уже съ меньшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ свиданья съ Готти.

III.

Когда Сильвестро пришелъ въ назначенный день на мыловаренный заводъ, Готти встрѣтилъ его также дружески, какъ и въ первый разъ.

— Дѣло въ шляпѣ,—крикнулъ Готти, увидавъ его, и Сильвестро, не произнося ни слова, съ волненіемъ пожалъ ему руку.

— Мнѣ стоило большого труда устроить это дѣло. Директоръ сначала и слышать не хотѣлъ. Но у меня явилась блестящая идея. У насъ въ администраціи крупный недостатокъ. У выхода никто не контролируетъ грузчиковъ, выносящихъ ящики съ мыломъ изъ завода. „Мой пріятель прекрасно будетъ выполнять роль контролера. Онъ честенъ, человѣкъ съ воспитаніемъ — и это лучшія гарантіи“. Этими доводами я вполнѣ убѣдилъ своего кузена. Доволенъ ли ты, господинъ контролеръ?

Сильвестро терялъ голову. Такое почетное званіе. Signor

controllore! Это недурно звучитъ. Не какой-нибудь чернорабочій, но „господинъ контролеръ“.

Онъ не спросилъ даже, сколько ему будутъ платить. Готти самъ сказалъ ему это:

— На первыхъ порахъ жалованье не очень велико. Но потомъ тебѣ будутъ платить гораздо больше.

— Это не важно. Я ужъ сказалъ тебѣ, что радъ всякому заработку.

— Девяносто лиръ въ мѣсяцъ...

— О, спасибо!—отвѣтилъ Сильвестро.—Это три лиры въ день. Можно прекрасно устроиться.

— Конечно,—улыбнулся Готти. — Но пойдемъ къ директору. Я долженъ тебя представить.

Директоръ былъ худой, опрятный человѣкъ; онъ, не переставая, жевалъ свой правый усъ, былъ близорукъ, нервно перебиралъ пальцами и часто вскидывалъ кверху хитрые мышиные глазки; пиджакъ его былъ всегда наглухо застегнутъ. Съ рабочими онъ былъ строгъ, съ работницами-же ласковъ. Онъ любилъ насмѣхаться надъ своими собесѣдниками, но скрывалъ насмѣшку за благосклонной улыбкой. Онъ былъ вдовъ и часто мѣнялъ любовницъ. Отъ жены у него осталось трое законныхъ дѣтей, а числа незаконныхъ онъ самъ не могъ опредѣлить.

Когда Готти представилъ ему новаго контролера. онъ быстро окинулъ взоромъ Сильвестро и началъ ему давать совѣты.

„Въ особенности не слѣдуетъ слишкомъ сближаться съ рабочими, контролеръ долженъ быть человѣкъ независимый и свободный: ни друзей, ни недруговъ. Въ этомъ дѣлѣ огромное значеніе имѣетъ тактъ. Несомнѣнно, синьоръ Бондури сумѣетъ поставить себя, какъ слѣдуетъ. Директоръ вполнѣ полагается на здравый смыслъ синьора Бондури. Теперь пусть Готти представитъ его рабочимъ“.—Прощайте,— заключилъ онъ свою рѣчь и, улыбнувшись, поправилъ на носу очки и принялся жевать свой усъ.

Аудіенція кончилась. Готти всталъ со стула, и Сильвестро началъ почтительно отступать къ двери.

— Вотъ это типъ!—воскликнулъ Готти, когда они вышли.— Но онъ не золъ, ты увидишь!

— Вѣроятно, прекрасный человѣкъ, — согласился Сильвестро, который сегодня все видѣлъ въ розовомъ свѣтѣ.

Готти обошелъ съ нимъ весь заводъ, далъ ему всѣ нужныя объясненія. Мимоходомъ онъ представлялъ его надзирателямъ и служащимъ.

— Господинъ Сильвестро Бондури! Нашъ новый контролеръ!

Сильвестро съ достоинствомъ кивалъ головою. Рабочіе почтительно снимали шляпы, но на ихъ лицахъ выражалось недовѣрчивое любопытство. Въ двухъ мастерскихъ были только дѣвушки. Онѣ кланялись, смѣясь и переглядываясь между собою.

Этотъ обходъ очень взволновалъ Сильвестро. Онъ чувствовалъ, что всѣ имъ интересуются, что всѣ его изучаютъ. Производитъ ли онъ хорошее впечатлѣніе? Видятъ ли они, съ кѣмъ имѣютъ дѣло? При каждомъ взрывѣ смѣха онъ краснѣлъ, при каждомъ взглядѣ онъ чувствовалъ страшную неловкость. Онъ испытывалъ настоящія муки. Наконецъ, они пришли къ небольшой будкѣ, которая находилась у дверей.

— Изъ этихъ дверей выносятъ ящики съ мыломъ,—сказалъ ему Готти.— Всѣ носильщики должны давать тебѣ отчетъ. Они уже объ этомъ предупреждены. Ты зарегистрируешь количество ящиковъ, тяжесть груза, адресъ заказчика и имя носильщика. Работа не сложная! Но смотри, тебя будутъ обманывать!..

Онъ помѣстилъ Сильвестро въ будкѣ, показалъ ему бланки и книги, обѣщалъ ему прислать форменную фуражку, пожалъ руку и удалился.

Сильвестро опустился на стулъ. Его мечты осуществились. Дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія. Онъ посмотрѣлъ на лежавшую передъ нимъ кипу бумаги. Она внушала ему боязнь и благоговѣніе; съ такимъ же чувствомъ онъ нѣкогда въ школѣ во время экзаменовъ смотрѣлъ на бѣлый листъ бумаги, который нужно было заполнить, чтобы рѣшить свою участь. А если онъ ошибется? А если онъ плохо напишетъ? Это вовсе ужъ не такая легкая работа, какъ это раньше казалось. А вдругъ ему откажутъ!.. Тутъ онъ вспомнилъ свою мать, и его покинули всѣ сомнѣнія. Итакъ, онъ—контролеръ. Могильщикъ, распорядитель на похоронныхъ процессіяхъ — нечего сказать, достойное ремесло! И сказать, что всѣ считаютъ его мать умной женщиной...

Низкій голосъ прервалъ его размышленія:

— Тратить время на такіе пустяки!

Сильвестро понялъ, что это его зовутъ и вышелъ. Возлѣ будки стояла тѣлежка, наполненная ящиками съ мыломъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

— Это вы контролеръ? Вотъ, я отправляю этотъ грузъ.

— Сколько ящиковъ?

— Считайте.

— Считайте сами.

Носильщикъ недружелюбно поглядѣлъ на него, потомъ свистнулъ и принялся считать.

Сильвестро взялъ перо и бланкъ. Тотъ торопливо считалъ.

— Не торопитесь такъ,—замѣтилъ ему Сильвестро.

— У меня мало времени.

Сильвестро повысилъ тонъ.

— Не торопитесь,—сердито повторилъ онъ.

— Нечего орать,—произнесъ носильщикъ.

Сильвестро не зналъ, что отвѣтить, и началъ придираться къ счету. Потомъ онъ спросилъ номеръ и имя носильщика.

— Даже имя?—недовольно сказалъ носильщикъ.—Джузеппе Томболи.

— Можете итти.

Носильщикъ ушелъ, не поклонившись.

Въ самомъ дѣлѣ эта работа не представляла никакихъ трудностей, но Сильвестро не былъ доволенъ первымъ опытомъ. Джузеппе Томболи, навѣрное, мошенникъ. Если всѣ таковы, можно легко стать жертвою обмана. Онъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на первую запись и рѣшилъ, что она производитъ хорошее впечатлѣніе.

Немного спустя, явился еще одинъ носильщикъ, потомъ еще и еще, и такъ продолжалось цѣлый день.

Складывая бланки, Сильвестро былъ увѣренъ, что сегодня не пропалъ ни одинъ кусокъ мыла. Онъ отнесъ бланки въ бюро и спросилъ, гдѣ Готти. Тотъ уже ушелъ. Сильвестро также направился домой. Толпившіеся у выхода рабочіе и работницы разступились передъ нимъ.

Сильная черная дѣвушка устремила на него свои глаза.

— Добрый вечеръ, г-нъ контролеръ!

— Добрый вечеръ,—вѣжливо отвѣтилъ Сильвестро и покраснѣлъ подъ ея смѣлымъ взглядомъ. Ему казалось, что надъ нимъ смѣются.

Но дома онъ себя чувствовалъ героемъ дня. Отецъ непремѣнно хотѣлъ роспить бутылку вина въ честь Сильвестро. Клара взяла съ него обѣщаніе, что онъ поселится вмѣстѣ съ нею. Джузеппе въ знакъ радости хлопалъ его по плечу. А мать нѣжно потянула его за ухо и ласково сказала:

— А ты еще говоришь, что мы для тебя ничего не сдѣлали!—и она обѣщала завтра же поискать въ городѣ для него комнату.

Сильвестро нашелъ, что она очень добра.

— Онъ еще, можетъ быть, останется у насъ,—замѣтилъ отецъ.

— Конечно, это зависитъ отъ него,—одобрила Фелицита.

— Посмотримъ, посмотримъ,— сказалъ Сильвестро, растроганный этимъ вниманіемъ.

— Успѣется, — сказалъ Джузеппе, который сегодня со всѣмъ соглашался, и опять дружески хлопнулъ его по плечу.

Довольный отецъ сталъ напѣвать хоръ изъ „Пуританъ“; это служило признакомъ веселаго настроенія, между тѣмъ какъ въ минуты гнѣва онъ насвистывалъ романсъ изъ „Навуходоноссора“. Однимъ словомъ, въ домѣ царила радость.

Клара больше молчала, но ея ясные глаза выражали нѣжность и удовольствіе.

— Какъ она ко мнѣ привязана,—думалъ Сильвестро, и у него отъ волненія чесался носъ.

Наконецъ, всѣ отправились спать.

Клара и Сильвестро подъ руку, какъ супруги, шли впереди, а Карло и Джузеппе пѣли вдвоемъ маршъ изъ „Пуританъ“.

— Ты не будешь мнѣ дѣлать сценъ изъ за моихъ лентъ?— спросила его сестра.—Ты позволишь мнѣ прогуливаться съ подругами?

— Нѣтъ... да,—обѣщалъ Сильвестро

Фелицита замыкала шествіе.

— Тише! вы разбудите мертвецовъ.

— Всѣ похоронены и спятъ крѣпко,—разсмѣялся Бондури.

Въ самомъ дѣлѣ, даже старый утопленникъ уже былъ погребенъ; его такъ-таки и не опознали, никто не приходилъ о немъ справляться.

На слѣдующій день Сильвестро всталъ очень рано и одѣлся съ особою тщательностью. Мать опять повторила, что пойдетъ искать для него квартиру, и онъ вышелъ изъ дому веселый и бодрый. Онъ пришелъ на заводъ однимъ изъ первыхъ; привратникъ тотчасъ впустилъ его и почтительно поклонился. Рабочіе остались ждать за воротами гудка. Сильвестро почувствовалъ себя выше ихъ. Его почетная служба и знаки вниманія со стороны привратника возбудили въ немъ чувство презрѣнія къ рабочимъ.

Онъ поднялся наверхъ за своими бланками и, когда потокъ рабочихъ устремился въ ворота, стоялъ уже въ своей будкѣ, въ форменной фуражкѣ съ серебрянымъ позументомъ на околышѣ, на которомъ красовалась вышитая серебромъ надпись: контролеръ. Онъ гордо и самоувѣренно смотрѣлъ на проходившую мимо него толпу мужчинъ и женщинъ, кидавшихъ на него недружелюбные взоры. Черные глаза, какъ и вчера, устремились на него, и онъ услышалъ, какъ дѣвушка сказала своей подругѣ:

— Онъ недуренъ.

Обѣ засмѣялись.

Джузеппе Томболи пришелъ пьяный. Онъ благополучно

миновалъ привратника, и теперь, замѣтивъ Сильвестро въ форменной фуражкѣ, подошелъ къ нему и отвѣсилъ низкій поклонъ. Всѣ засмѣялись.

— Здравствуйте, господинъ медленный счетчикъ!

Сильвестро притворился, что ничего не слышетъ.

— Здравствуйте, господинъ „сколько ящиковъ",—сказалъ Томболи, кланяясь еще болѣе почтительно.

— Позовите привратника,—приказалъ Сильвестро одному рабочему.

— Позовите сами,—отвѣтилъ тотъ.

Сильвестро вышелъ изъ себя и схватилъ пьяницу за шиворотъ. Томболи нанесъ ему нѣсколько ударовъ кулакомъ. Привратникъ замѣтилъ эту сцену и быстро подбѣжалъ.

— Какъ это вы позволили войти этой свиньѣ?—спросилъ его Сильвестро, толкнувъ пьяницу въ сторону привратника.

— Выходи,—приказалъ привратникъ.

Это была уже признанная власть, и Томболи съежился и повиновался.

Сильвестро блѣдный, какъ смерть, отвернулся.

Рабочіе издали наблюдали эту отвратительную сцену; и трудно было сказать, какъ они относились къ ней. Но Сильвестро опять встрѣтилъ настойчиво глядѣвшіе на него черные глаза.

— Браво!—произнесла дѣвушка, и Сильвестро покраснѣлъ, какъ будто ему нанесли оскорбленіе.

Онъ усѣлся передъ своими бланками и чувствовалъ на себѣ взоры проходившихъ. Онъ притворился, что внимательно изучаетъ свои бумаги, стараясь скрыть волненіе.

Вскорѣ пришелъ Готти.

— Какъ дѣла?

— Ничего. Спасибо, что навѣстилъ.

Сильвестро былъ очень благодаренъ Готти за визитъ; это поднимало его престижъ въ глазахъ рабочихъ.

— Тебя не утомляетъ эта служба?—спросилъ Готти, притворяясь, что ничего не знаетъ о ссорѣ съ Томболи.

— Нисколько... нужно лишь вниманіе.

— Я уже говорилъ тебѣ... Здѣсь всякій радъ украсть...

— Этого больше не будетъ... Но раньше они, вѣрно, крали!

— У насъ въ бюджетѣ есть опредѣленная рубрика для кражъ. Это считается неизбѣжнымъ.

— Я увѣренъ, что вы сумѣете уничтожить эту рубрику.

Готти улыбнулся: онъ не раздѣлялъ увѣренности своего друга.

— Берегись женщинъ... Это опасный народъ... и здѣсь есть красивыя дѣвушки.

— Да. Я замѣтилъ нѣсколько хорошенькихъ.

— Смотри же!.. Можно, но осторожно, — засмѣялся Готти.

На этихъ словахъ онъ съ нимъ распрощался. Двусмысленныя слова! „Можно, но осторожно!“ Что это значитъ? Сильвестро долго объ этомъ думалъ. Директоръ совѣтовалъ ему не сближаться съ рабочими, Готти совѣтуетъ быть осторожнымъ. Но тогда гдѣ же справедливость и независимость? Нѣтъ, это не по немъ. Онъ не будетъ даже глядѣть на нихъ. Его положеніе требуетъ этого.

Сильвестро вытеръ лобъ. Въ будкѣ было очень жарко. Онъ снялъ фуражку, положилъ ее на столъ и сталъ ее разглядывать. Позументъ блестѣлъ, и буквы вышитыя серебромъ, казались ему прекрасными. *Контролеръ*—это слово наполняло Сильвестро чувствомъ отвѣтственности и гордости, Невольно онъ вспомнилъ утреннюю сцену съ Томболи. Онъ почувствовалъ себя одинокимъ. Его больше никто не навѣститъ. Будетъ ли это всегда такъ? Тѣмъ лучше. Онъ добросовѣстнѣе будетъ выполнять свою службу. Его служба казалась ему почти миссіей. Онъ долженъ исправить бюджетъ, онъ повліяетъ на дѣла завода. Они убѣдятся, что не напрасно создали этотъ постъ. Горе тѣмъ, кто попытается обмануть хозяина, владѣльца! Онъ почувствовалъ въ себѣ душу вѣрнаго сторожевого пса.

— Можно?

— Входите,—отвѣтилъ Сильвестро.

Это былъ старый надзиратель, съ которымъ Сильвестро вчера познакомился.

— Пришелъ провѣдать васъ. Думаю, скучно будетъ ему одному.

— Спасибо. Я провѣрялъ записи, а за работой время протекаетъ незамѣтно.

— Я, быть можетъ, мѣшаю?

— Нисколько.

— Тогда я у васъ посижу.

— Спасибо. Садитесь.

Онъ хотѣлъ усадить старика. Но въ будкѣ былъ всего лишь одинъ стулъ. Сильвестро всталъ, желая уступить свой стулъ надзирателю. Тотъ изъ вѣжливости отказался было, но Сильвестро заставилъ его сѣсть, и самъ прислонился къ стѣнѣ.

— Вы помните, какъ меня звать?

— Нѣтъ. Мнѣ называли вчера столько именъ.

— Меня называютъ—Густавъ Гаронтъ. Странно, не такъ ли?

— Почему? это очень звучное имя.

Что вы? Я знаю самъ, что оно смѣшно.

— Но почему? Вѣдь это одинъ изъ героевъ Дантовскаго ада,—поторопился сказать Сильвестро.

— „Caron dimonio con occhi di bragia“,—медленно произнесъ надзиратель.

— Вы знаете „Божественную комедію“?

— Нѣсколько стиховъ.

— Вы изучали классиковъ?—съ безпокойствомъ спросилъ Сильвестро.

— Я три года провелъ въ начальной школѣ, а затѣмъ самъ пополнялъ свое образованіе.

— Когда же вы успѣвали?

— Каждый день понемногу... Послѣ работы...

— Въ часы отдыха?

— Конечно... Я родился для другой жизни.

Онъ сказалъ это не съ печалью, но совершенно равнодушно, какъ будто говорилъ о другомъ, и затѣмъ улыбнулся.

— Вы знаете, сколько лѣтъ я здѣсь служу? Тридцать четыре года. Тридцать четыре и шестнадцать, итого пятьдесятъ; я родился въ 1853 году.

— Вамъ пятьдесятъ лѣтъ? На видъ вы гораздо моложе!

— Вы шутите?

Сильвестро настаивалъ.

— А вамъ сколько лѣтъ?

— Двадцать два.

— Вы очень молоды. И вы учились, это видно.

Сильвестро въ сердцѣ поклялся ему въ вѣчной дружбѣ.

— Простите,—сказалъ надзиратель, — я говорю съ вами, какъ отецъ: что заставило васъ взять это мѣсто?

— Мой школьный товарищъ Готти предложилъ мнѣ его.

— Вы слишкомъ молоды.

— Почему?

— Я то ужъ знаю, почему,—наставительно сказалъ старикъ.

Сильвестро былъ смущенъ.

— Это плохое ремесло,—прибавилъ вдругъ надзиратель.

— Плохое?

— Плохое и тяжелое. Вы для него слишкомъ молоды.

— Я одолѣю всѣ трудности.

— Богъ на помощь! Я желаю вамъ отъ всей души...—и онъ поднялся, чтобы уйти. Но Сильвестро остановилъ его, упрашивая остаться. Онъ долженъ его распросить кой о чемъ, онъ здѣсь ни съ кѣмъ незнакомъ.

Надзиратель опять усѣлся.

— Я здѣсь всѣхъ знаю. Я самый старый служащій на этомъ заводѣ. При мнѣ отсюда вывезли столько мыла, что можно бы вымыть грѣхи всего человѣчества.

— Скажите, съ кѣмъ я могу здѣсь подружиться?

Надзиратель съ улыбкой поглядѣлъ на него.

— Вашъ вопросъ меня смущаетъ. Вы можете дружить со мною, а я ужъ вамъ понемногу все разскажу.

— Спасибо.

— Будьте спокойны. Я то ужъ не буду красть мыла.

Сильвестро засмѣялся.

— Видите, вы мнѣ тотчасъ и повѣрили. Да!.. вы слишкомъ молоды.

Эти слова не понравились Сильвестро.

Ихъ разговоръ былъ прерванъ. Кто-то позвалъ контролера. У будки стоялъ молодой человѣкъ, лицо котораго показалось Сильвестро знакомымъ. Тотъ также ему улыбнулся.

— Опять встрѣтились—сказалъ онъ,—вы меня не узнаете? дня четыре тому назадъ мы вмѣстѣ ждали у воротъ. Сегодня я также получилъ работу.

Сильвестро вспомнилъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ безработныхъ, которыхъ онъ видѣлъ у воротъ, когда шелъ къ Готти просить заработка.

— Вы получили здѣсь должность?

— Нѣтъ. Я поденщикъ. Вамъ больше повезло.—Въ его голосѣ звучала иронія.

— Сколько ящиковъ въ вашей телѣжкѣ?

Рабочій сосчиталъ.

— Ничего больше?

— Можете посмотрѣть.

Потомъ онъ назвалъ свое имя — Джорджіо Маркини, и свое званіе—носильщикъ.

Онъ произнесъ это послѣднее слово съ гордостью, что очень удивило Сильвестро.

— Носильщикъ,—повторилъ, смѣясь, рабочій.—Вы не хотѣли бы быть носильщикомъ? Что же дѣлать! Лучше быть носильщикомъ, чѣмъ... контролеромъ,—и онъ весело толкнулъ свою телѣжку.

— Мы будемъ друзьями,—добавилъ онъ.

— Охотно,—отвѣтилъ Сильвестро; онъ былъ удивленъ рѣчью Маркини и не чувствовалъ себя оскорбленнымъ.—У всякаго свой вкусъ.

— Странный человѣкъ,—сказалъ онъ старику, складывая свои бумаги.

— Онъ часто мѣняетъ свою службу: сегодня здѣсь, завтра въ другомъ мѣстѣ. Никто не знаетъ, гдѣ онъ живетъ. Веселый парень.

— Честный человѣкъ?

— Не знаю. Сами увидите.

Сильвестро понялъ, что надзиратель не хочетъ отвѣчать

на такіе вопросы, такъ какъ контролеръ могъ воспользоваться этими свѣдѣніями. Это, впрочемъ, совершенно естественно. Здѣсь всѣ были недовольны нововведеніемъ, которое затрудняло кражу. Это было даже пріятно Сильвестро.

— Разные люди бываютъ,—сказалъ Гаронтъ.—Здѣсь есть отцы семействъ, которые не въ состояніи накормить свою семью. Есть пьяницы, которые надрываются на работѣ, чтобы можно было выпить лишній литръ вина. Есть молодежь, которая страдаетъ отъ нищеты, и есть такая, что всегда весела, всегда смѣется. Такъ-то! Здѣсь есть и добрые, и злые, есть честные люди и жулики, но повѣрьте, въ этомъ этажѣ—и онъ указалъ рукой на мастерскія—люди честнѣе, чѣмъ наверху.

— Почему?—спросилъ Сильвестро.—Рѣчь старика его задѣла: онъ считалъ себя другомъ Готти.—Вы вѣдь мало знакомы съ тѣми, которые работаютъ наверху.

— Конечно. Я—рабочій,—онъ произнесъ это безъ всякой горечи.—Но все же это такъ, дитя мое. Я не знаю, почему это такъ? Быть можетъ, потому, что внизу трудятся больше а утомленные люди—честны.

— Но неужели рабочіе меньше воруютъ, чѣмъ служащіе? Я не могу этого допустить.

— Воръ—это еще не такъ плохо.

— Что же они могутъ дѣлать еще?

— Это нечестные люди, — улыбнулся надзиратель. Сильвестро только пожалъ плечами: онъ ничего не понялъ.

— Вотъ вы меня не понимаете, а я-то себя понимаю Тридцать четыре и шестнадцать—сколько это? А вамъ всего двадцать два года. Еще двадцать восемь лѣтъ—и вы меня поймете.

Къ будкѣ приблизилась работница, неся въ передникѣ пакетъ съ душистымъ мыломъ. Сильвестро началъ считать. Передъ нимъ стояла молодая болѣзненная женщина. Отвѣтивъ на всѣ вопросы, она быстро удалилась. Сильвестро слѣдилъ за нею взоромъ.

Онъ замѣтилъ, что у нея подъ юбкою было спрятано что-то. Онъ былъ увѣренъ, что его въ первый разъ обманули, но не посмѣлъ остановить ее: онъ испытывалъ какой-то страхъ передъ этой худой и блѣдной женщиной.

Онъ вошелъ въ будку и сердито прочиталъ еще разъ ея имя: Ида Пискари.

— По прозванію — Дѣва, — прибавилъ, смѣясь, надзиратель.

— Это ея прозвище?

— Здѣсь всѣ работницы имѣютъ прозвища: Сардинка,

Рыжка, Слива, Кривая, Лапка, и потомъ: Дѣва, Барышня, Плевательница, Дьяволина и т. д.

— Откуда берутся эти прозвища?

— Назовутъ разъ кого нибудь такъ, потомъ и остается.

— Ну, плевательница, напримѣръ... что означаетъ?

— Да вотъ подруги ея говорятъ, что она живетъ со всѣми знакомыми мужчинами.

— А кто это Дьяволина?

— Это одна брюнетка... Она задѣваетъ мужчинъ, но честная дѣвушка.

— Я ее, кажется, видѣлъ.

— Это очень честная дѣвушка. Ее всѣ уважаютъ. И она очень красива.

Все это очень интересовало Сильвестро, и надзиратель называлъ ему прозвища всѣхъ женщинъ, которыя проходили мимо будки. Онъ два раза уходилъ на заводъ, но потомъ опять возвращался.

Они уже были друзьями. Сильвестро видѣлъ уже Премьеру, про которую говорили, что она пользуется успѣхомъ у директора; видѣлъ также Сардинку — грубую женщину съ лицомъ зеленоватаго цвѣта, Барышню—франтиху въ лентахъ, и, наконецъ, Гардадритту (смотри прямо), немолодую дѣвушку, про которую говорили, что она проводитъ ночи въ скверахъ. Къ двѣнадцати часамъ Сильвестро зналъ уже всѣ тайны этого гарема, а надзиратель все продолжалъ разсказывать.

— Все это интересно знать,—повторялъ онъ.

Онъ взялъ новичка подъ свое покровительство.

— Рабочіе меня очень любятъ,—сказалъ онъ,—хотя и называютъ меня колдуномъ. Они относятся ко мнѣ съ почтеніемъ, но ихъ общество меня тяготитъ. О чемъ съ ними говорить? О кружкѣ вина, о голодѣ, о несправедливости—вотъ и все, что ихъ интересуетъ. Когда я услышалъ, что у насъ будетъ служить другъ Готти, я обрадовался. Вотъ, думаю, съ этимъ человѣкомъ можно будетъ подружиться. Съ нимъ будетъ о чемъ поговорить. Я, видите ли вы, многое хотѣлъ бы знать и люблю быть въ обществѣ людей, которые знаютъ больше моего.

Во время завтрака рабочіе высыпали на дворъ. Они сидѣли группами и все еще обсуждали утренній инцидентъ съ Томболи. Только нѣсколько человѣкъ защищали контролера. Большинство относилось къ нему крайне враждебно.

— Тоже начальникъ!.. Молокососъ!

— И какой нахалъ!

— Что твой полицейскій!

— У него и служба полицейская.

— Но Томболи былъ мертвецки пьянъ.

— Что же изъ того?

— Онъ оскорбилъ его.

— А, ну его къ чорту!

— Хорошее начало!

— Тѣмъ хуже для него,—плюнулъ энергично одинъ рабочій.

Маркини сидѣлъ верхомъ на старомъ ящикѣ и съ аппетитомъ поглощалъ свой убогій завтракъ. Онъ не принималъ участія въ разговорѣ.

— А ты, что скажешь?—спросили у него.

— Я... ничего.

— Ничего?!

— Ничего не знаю.

— Вотъ погоди... Онъ накроетъ тебя.

— Меня! - онъ тряхнулъ головой. Маркини этого не боялся.

— Какое ему до меня дѣло?

— Замѣтитъ, что крадешь.

— Я не ворую.

Нѣсколько человѣкъ засмѣялось.

— Кто это смѣется?

Никто не отвѣтилъ.

— Эхъ вы! — заключилъ онъ, принявшись опять за свой завтракъ.

Сильвестро въ это время сидѣлъ въ будкѣ. Онъ разложилъ свой платокъ на столѣ и завтракалъ. Гаронтъ уже ушелъ.

Возлѣ будки сидѣли работницы. Онѣ также говорили о контролерѣ.

— Онъ изъ хорошей семьи,—сказала Барышня:—салфетку даже разложилъ для завтрака.

— Съ пьяницей въ драку вступаетъ, вотъ трусъ! — воскликнула Лапка. Это была не молодая уже женщина съ очень длинными руками; говорили, что она любовница Томболи, который часто угощалъ ее въ кабачкѣ.

— У него лицо кретина, — рѣшила красивая дѣвушка, по прозвищу Нога.

— Непрвда,—возразила Рыжка,—онъ очень красивъ.

— Тебѣ предстоитъ немалый трудъ. Побольше смѣлости!—сказала Кривая, смѣясь, Джованнѣ, которую звали Плевательницей.

— У, колдунья!—отвѣтила ей Джованна, — ужъ, конечно, не ты ему понравишься съ твоимъ кривымъ глазомъ.

— Онѣ ужъ ссоряться!—замѣтила Гардадритта.

— А тебѣ что за дѣло?

Гардадритта сохранила олимпійское спокойствіе.

— Онъ такъ бдителенъ, что ничего не замѣтитъ.
Всѣ засмѣялись.
— Гдѣ Дьяволина?
— Ушла куда-то.
— Она изучаетъ поле битвы,—сказала Рыжка.
— Она ужъ устроитъ дѣло.
— Нашъ контролеръ останется съ носомъ.
— Чтобы онъ пропалъ!
— Онъ, кажется, славный парень.

Дѣвушки рѣшили посмотрѣть на него и прошли мимо сторожевой будки. Всѣ съ любопытствомъ глядѣли на контролера, кто съ ненавистью, кто вызывающе. Лапка плюнула у двери; Сильвестро притворился, что ничего не видитъ. Онъ не смотрѣлъ на нихъ, но чувствовалъ, какъ онѣ интересуются имъ. Онъ вспомнилъ все, что ему разсказалъ утромъ Гаронтъ, и ему хотѣлось познакомиться съ этими женщинами, тайны которыхъ онъ уже зналъ. Какъ онѣ ни различались между собою, у всѣхъ было нѣчто общее; все онѣ возбуждали его...

Сильвестро въ первый разъ жилъ среди столькихъ женщинъ. Единственные его друзья, Готти и Гаронтъ, говорили объ этомъ женскомъ мірѣ, какъ о чарующей опасности, и это увеличивало его желаніе войти въ этотъ міръ.

Когда друзья ему говорили о рабочихъ, они отмѣчали лишь ихъ достоинства и недостатки. Говоря о женщинахъ, они касались подробностей, возбуждавшихъ въ немъ половой инстинктъ. У него появлялись тѣ же мысли, что и у другихъ самцовъ, въ обществѣ которыхъ жило это женское стадо, смотрѣвшее на свое тѣло, какъ на источникъ лишняго заработка, какъ на средство забвенія.

Для Сильвестро это былъ вдвойнѣ запретный плодъ, а онѣ скрывали подъ своими насмѣшками желаніе угодить. Кѣмъ изъ нихъ прельстится новый контролеръ? Та, кто его обольститъ, будетъ имѣть большія преимущества надъ другими. Она не будетъ подчиняться контролю, и къ тому же Сильвестро недуренъ, получаетъ хорошее жалованье и человѣкъ съ образованіемъ. Вотъ почему онъ такъ заинтересовалъ этотъ женскій міръ... Равнодушной осталась только Дѣва, а Дьяволина смотрѣла на него съ недовѣріемъ. Если дѣвушка сходилась съ рабочимъ, она теряла уваженіе товарокъ. Сойтись съ рабочимъ значило отречься отъ независимости и потерять всякую надежду на лучшую жизнь. Такъ случилось недавно съ Сливой; ее соблазнилъ какой то гигантъ, лѣтъ сорока, и теперь она, не смотря на свои двадцать лѣтъ, жила со стариками. А Примадонна, цвѣтущая, вѣчно поющая дѣвушка, отдалась молодому рабочему и имѣла

отъ него ребенка. Это былъ бракъ голода съ жаждой -какъ говорили ея друзья. Этотъ бракъ обрекъ ее на вѣчную каторгу.

Возвращаясь на заводъ, онѣ опять прошли мимо контролера. Сильвестро чувствовалъ себя мишенью. Взоры мужчинъ приводили его въ бѣшенство, а женщины волновали его. Онъ понималъ, что онѣ къ услугамъ тѣхъ, кто былъ въ верхнемъ этажѣ, а себя онъ считалъ оффиціальнымъ представителемъ верхняго этажа здѣсь-внизу. Онъ чувствовалъ себя хозяиномъ этихъ женщинъ, и это увеличивало его презрѣніе къ несчастнымъ самцамъ, прозябавшимъ внизу.

Онъ сознавалъ, что занимаетъ отвѣтственный постъ, и это увеличивало его твердость, его рѣшимость не поддаваться искушенію. Но, съ другой стороны, его коллеги хвастались своими побѣдами; какъ они отнесутся къ нему, если онъ не одержитъ ни одной побѣды? Его постоянныя желанія не смѣли предстать предъ совѣстью въ голомъ видѣ и искали себѣ логическаго оправданія. Ему начинало казаться, что онъ не поддержитъ чести знамени, если не овладѣетъ этой добычей.

Хотя Сильвестро получалъ три лиры въ день, но онъ, конечно, не принадлежалъ къ рабочему классу; онъ относилъ себя къ интеллигентамъ,—къ патронамъ, какъ онъ называлъ ихъ въ своемъ невѣжествѣ. Три обстоятельства привязывали его къ этому классу: его четыре года гимназіи, дружба съ Готти и отвѣтственная миссія, которая дѣлала его охранителемъ хозяйскихъ доходовъ отъ жадности рабочихъ. Верхній этажъ выставилъ его, какъ своего часового, и это довѣріе было источникомъ его гордости.

Въ этотъ жаркій полдень, когда кругомъ люди изнывали отъ труда, новый контролеръ мечталъ о томъ, какъ эти люди тщетно будутъ стараться поколебать его честность, какъ онъ будетъ пользоваться ласками женщинъ, и это будетъ не награда за его слабость, но должное воздаяніе его умѣнію владычествовать. Ему казалось, что своимъ тщедушнымъ, хилымъ тѣломъ онъ поддерживаетъ весь міръ. Одиночество, въ которомъ онъ находился, не удручало его больше. Оно ему даже нравилось теперь. Ему хотѣлось теперь лишь удивить всѣхъ какою-нибудь побѣдой, какъ тогда за воротами онъ мечталъ о стаканѣ ликера и о сигарѣ, которые должны были привлечь къ нему вниманіе рабочихъ.

Въ этихъ мечтахъ незамѣтно прошелъ день. При выходѣ, Сильвестро встрѣтился съ Готти, и они пошли вмѣстѣ. Рабочіе, почтительно кланяясь, уступали имъ дорогу.

Продавщица табака стояла по обыкновенію на порогѣ лавочки и улыбалась своимъ кліентамъ.

— Хочешь сигару?—предложилъ Готти.

Они вошли въ лавочку.

— Прекрасна, какъ роза,—привѣтствовалъ онъ продавщицу табаку съ апломбомъ человѣка, который привыкъ нравиться женщинамъ. И, повернувшись къ Сильвестро, онъ спросилъ его:

— Ты незнакомъ съ этой дамой?—Мой другъ Сильвестро Бондури, контролеръ у выхода. Синьора Берта добра, прекрасна, очаровательна!..

— Замолчите, — сказала, смѣясь, продавщица. Потомъ, когда Готти подошелъ къ рожку закурить сигару, синьора Берта вышла изъ-за прилавка и подошла къ Сильвестро. Она очаровала его своими улыбками, комплиментами, возбудила его прикосновеніемъ своихъ рукъ, и Сильвестро вышелъ совсѣмъ смущенный. При прощаньи она ему выразительно пожала руку.

— Нравится она тебѣ?—спросилъ Готти.

— Такъ себѣ,—осторожно отвѣтилъ Сильвестро; онъ чувствовалъ еще пожатіе ея руки.

— Вино чѣмъ старѣе, тѣмъ крѣпче,—сказалъ Готти.

IV.

Странное совпаденіе! Фелицита была вполнѣ согласна съ Сильвестро.

Сильвестро рисовалъ свою службу, какъ безпрерывную борьбу съ рабочими. Эти мошенники постоянно старались его обмануть, а онъ разоблачалъ ихъ коварныя намѣренія. И вечеромъ, во время ужина, Сильвестро разсказывалъ съ воодушевленіемъ, и сильно преувеличивая, свои приключенія на заводѣ. Онъ какъ будто хотѣлъ подчеркнуть этими разсказами всю разницу между его печальнымъ прошлымъ и тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое онъ теперь занимаетъ. Фелицита одобряла его съ энтузіазмомъ:

— Очень хорошо! такъ и слѣдуетъ!

Отецъ иногда осмѣливался ввернуть словечко въ пользу рабочихъ.

— Бѣдные люди!

Фелицита съ негодованіемъ отвѣчала ему:

— Ты никогда ничего не понимаешь.

Она забыла уже, что нѣкогда тоже была работницей, и теперь всецѣло была на сторонѣ обитателей верхняго этажа. Она относилась къ рабочимъ съ тѣмъ презрѣніемъ и ненавистью, которыя свойственны выскочкамъ, желающимъ забыть свое происхожденіе. Сильвестро черпалъ въ одобреніи матери новую силу; не смотря на прежнюю ссору, онъ считалъ свою мать очень умной женщиной, и ея мнѣніе имѣло для

него больше значенія, чѣмъ робкія замѣчанія отца. О переѣздѣ Сильвестро никто больше не говорилъ. Сначала Фелицита искала для него квартиру, потомъ объ этомъ какъ бы забыли. Ни мать, ни Сильвестро не испытывали теперь большого желанія разстаться. Сильвестро чувствовалъ себя теперь дома достаточно свободнымъ, а жизнь въ городѣ грозила ему одиночествомъ. Онъ и такъ чувствовалъ себя одинокимъ на заводѣ, хотя и пытался заглушить это чувство напускнымъ героизмомъ. Лишь Клара была недовольна тѣмъ, что онъ нарушилъ свое обѣщаніе. Она уже надѣялась было вырваться изъ дому и освободиться отъ гнета матери.

Джузеппе сильно удивлялся разсказамъ брата:

— Тебя еще не побили?

За этимъ вопросомъ слѣдовало утвержденіе:

— Тебя, навѣрное, побьютъ.

Джузеппе, какъ добрый братъ, предлагалъ Сильвестро свою помощь на случай столкновенія съ рабочими. „Это неизбѣжно"—увѣрялъ онъ брата—„тебя побьютъ", и Сильвестро, смѣясь, принялъ его предложеніе. Наивность Джузеппе поражала его. Какъ это онъ не понимаетъ, что контролеръ имѣетъ могущественныхъ покровителей и что рабочіе видятъ это. Но Сильвестро не сердился на брата. Онъ прощалъ ему, видя, что Джузеппе не привыкъ еще къ мысли, что его братъ занимаетъ новое положеніе. Сильвестро теперь принадлежалъ къ тому классу, престижъ котораго Джузеппе признавалъ. Сильвестро нечего было бояться. За нимъ стоялъ арьергардъ, классъ хозяевъ. Вся армія собственниковъ готова была придти на помощь вѣрному часовому. Неповоротливый и тупой Джузеппе не замѣчалъ этого, и это внушало Сильвестро ироническое состраданіе. Онъ считалъ лишнимъ объяснять все это своему брату. Джузеппе былъ ниже его, и благородный представитель культурнаго общества не хотѣлъ изъ чувства великодушія обидѣть представителя низшаго класса. Фелицита также не подозрѣвала, какая пропасть раздѣляетъ двухъ братьевъ, и подавала Сильвестро такую же тарелку супа, какъ и его брату. Бѣдные люди! Сильвестро прощалъ имъ, и былъ самъ тронутъ своимъ великодушіемъ.

Когда Сильвестро въ первый разъ получилъ свое жалованье, девяносто лиръ, онъ испыталъ неимовѣрную радость.

„Счастливъ тотъ, кто не напрасно трудился"—такова была тема сочиненія, которое онъ долженъ былъ разъ написать въ лицеѣ. Какъ хорошо написалъ бы онъ теперь на эту тему! Вернувшись домой, онъ далъ Фелицитѣ пятьдесятъ лиръ за квартиру и ужинъ. Потомъ онъ купилъ вѣеръ для продавщицы табаку, за которой онъ ухаживалъ. Сильвестро положительно пользовался ея благосклонностью, и это льстило

его самолюбію. Ему казалось, что всѣ рабочіе ему завидуютъ. Утромъ онъ всегда заходилъ въ лавочку поздороваться съ Бертой, и рабочіе издали смотрѣли на счастливца. Иногда служащій или вадзиратель дѣлали ему робкій намекъ, и Сильвестро многозначительно улыбался. Лишь Гаронтъ какъ будто ничего не замѣчалъ. Готти съ своею обычною беззастѣнчивостью подталкивалъ его:

— Впередъ, впередъ! Это хорошая школа.

Но Сильвестро медленно подвигался впередъ. Онъ, пока что, ограничивался крѣпкими рукопожатіями и краснорѣчивыми взглядами. Большаго онъ не смѣлъ просить. Проклятая робость! Сильвестро начиналъ страдать. Его возбужденіе росло съ каждымъ днемъ, его мечты и проекты становились смѣлѣе. Но надежды не осуществлялись, и Сильвестро не становился рѣшительнѣе. Вѣрный своей любви, онъ не глядѣлъ даже на работницъ. Онъ не обращалъ вниманія на многозначительныя улыбки Дѣвы и не откликнулся на молчаливое приглашеніе Гардадритты, которая однажды нечаянно прижалась къ нему. Но постоянное пребываніе среди женщинъ еще больше возбуждало его и увеличивало его влеченіе къ зрѣлой продавщицѣ табаку.

Онъ много слышалъ объ этой женщинѣ. Ея жизнь была богата приключеніями. Она была изъ хорошей семьи, но связь съ однимъ негодяемъ скомпрометировала ее, и теперь она продавала табакъ. Эти скверные слухи не смущали Сильвестро. Наоборотъ, это его еще больше подзадоривало. Легкое поведеніе Берты, ея любовныя похожденія, ея богатый опытъ увеличивали ея притягательную силу. Онъ былъ дебютантомъ, и женщина легкаго поведенія прельщала его больше, чѣмъ грубыя работницы со своимъ простымъ и неинтереснымъ прошлымъ.

Берта была хорошаго происхожденія, на нее нужно было тратить много денегъ—и это тоже нравилось Сильвестро. Вѣеръ, который онъ ей подарилъ, былъ лишь продолженіемъ въ серіи подарковъ, которые ей дѣлали раньше богатые люди. Раньше ей, вѣроятно, дарили кружева, драгоцѣнности. Близость къ Бертѣ была близостью къ обитателямъ верхняго этажа.

Рабочіе сразу замѣтили эту близость и часто говорили объ этомъ. Въ ихъ рѣчахъ чувствовалась кастовая ненависть къ людямъ изъ другого лагеря.

— Тоже барышня! Одѣла свои бархатныя тряпки, и никто не замѣчаетъ, что она худа, какъ щепка,—сказала Дѣва.

— Ей повезетъ! — замѣтила Лапка, которая отличалась умѣніемъ угадывать будущее влюбленныхъ.

— Мы-то не скрываемъ своихъ недостатковъ подъ тряпками,—продолжала Дѣва.

Всѣ разсмѣялись. Эта сторона дѣла не интересовала мужчинъ. Они скорѣе сердились, что Сильвестро одержалъ такую побѣду, о которой каждый изъ нихъ мечталъ, и выражали свое неудовольствіе въ насмѣшкахъ:

— Ея отецъ продавалъ спички.

— Она раньше продавала воду на площадяхъ.

— Она ходила по рукамъ, когда ей было пятнадцать лѣтъ.

— Три сольди и порція мороженнаго—больше она не требовала.

Рабочіе очень дурно отзывались о ней, но никто не осмѣливался сказать ей въ лицо неприличное слово. Когда Сильвестро входилъ въ лавочку, рабочіе удалялись изъ нея. Сильвестро завоевалъ себѣ право оставаться съ Бертой наединѣ, и очень гордился этимъ. Ему казалось, что Берта составляетъ его собственность, хотя она еще не принадлежала ему.

Но если Сильвестро гордился этой близостью здѣсь, на заводѣ, то дома онъ стыдился ея. Въ особенности ему было стыдно передъ Кларой. А что сказалъ бы Джузеппе? Онъ, навѣрное, будетъ надъ нимъ смѣяться. Сильвестро былъ увѣренъ, что Джузеппе также имѣетъ любовницу; но какъ бы точнѣе узнать объ этомъ? „Джузеппе тоже имѣетъ любовницу"—этимъ онъ заставилъ бы замолчать мать.

Сильвестро привыкъ быть въ подчиненіи и боялся мнѣнія другихъ. Что подумаетъ Клара?—эта мысль его страшно удручала. Она такъ наивна, она не проститъ; и онъ сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, чувствовалъ свою привязанность къ сестрѣ. Клара была его единственнымъ утѣшеніемъ, она никогда не порабощала его, она воодушевляла его въ минуты унынія, и поэтому онъ ее такъ любилъ. Привязанность къ Кларѣ дѣлала его еще болѣе робкимъ по отношенію къ Бертѣ. Мысль о Кларѣ останавливала его въ тѣ минуты, когда онъ уже готовъ былъ рѣшиться на все и осуществить свои мечты.

— „Клара, я не дѣлалъ ничего дурного",—мысленно говорилъ онъ ей, сознавая, что говоритъ неправду. И теперь онъ проводилъ одиноко долгіе дни въ своей сторожевой будкѣ, не зная, на что рѣшиться, и терзаемый постоянными колебаніями.

Добрый Гаронтъ все еще былъ его другомъ. Онъ опекалъ его, какъ отецъ, и Сильвестро часто смѣялся надъ наивными разсужденіями своего стараго пріятеля. Надзиратель понемногу раскрывалъ ему свою душу, хотя не любилъ много говорить о себѣ. Прошлое старика было омрачено двумя несчастіями. Сильвестро скорѣе угадалъ, чѣмъ узналъ эту

исторію. Гаронтъ ему не разсказывалъ, но нѣсколько разъ безсознательно касался ея. Изъ отдѣльныхъ его фразъ Сильвестро понялъ, что родители Гаронта не были рабочими.

— Когда мой отецъ жилъ, все было иначе, — любилъ говорить надзиратель, но въ чемъ заключалось это „иначе", Гаронтъ не говорилъ. Можно было лишь понять, что отецъ его умеръ очень рано. Какъ Гаронтъ жилъ въ дѣтствѣ, оставалось неизвѣстнымъ.

О матери Гаронтъ говорилъ слѣдующее:

— Тогда я ее очень любилъ!

Иногда онъ дѣлалъ намекъ:

— Женщины не знаютъ, что дѣлаютъ. Ихъ нужно прощать.—Или:

— Я вѣрилъ въ нее, какъ въ Бога.

И это все. Можно было догадаться, что у его матери родился ребенокъ:

— Мнѣ уже было лѣтъ тринадцать, когда мать дала мнѣ брата.

Но ясно было, что его мать вторично замужъ не выходила.

— Шестнадцати лѣтъ я остался одинъ съ братомъ.—Мать, очевидно, умерла.

Остальное Гаронтъ не срывалъ. Онъ воспитывалъ и кормилъ своего брата. Они были одни на свѣтѣ. Опекуну было шестнадцать лѣтъ, а брату три года.

— Нужно было найти заработокъ или умереть,—говорилъ Гаронтъ.

Тогда-то онъ и поступилъ на мыловаренный заводъ. Старикъ никогда не говорилъ, что принесъ себя въ жертву, но Сильвестро понималъ это.

Маленькій братъ Гаронта росъ: смѣялся, игралъ, учился. Ахъ, если бы было больше счастья въ жизни!

Однажды вечеромъ Гаронтъ пришелъ домой. Странная тишина. Братъ, вѣроятно, занимается. Нужно его испугать. Гаронтъ на цыпочкахъ вошелъ въ комнату. Въ первой комнатѣ никого не было. Ужасъ охватилъ его. Онъ бѣжитъ въ другую комнату. Шкафъ опрокинутъ... подъ нимъ раздавленный мальчикъ. Гаронтъ не умѣлъ плакать. Онъ занялъ у знакомыхъ денегъ на похороны, и на третій день возвратился на заводъ. Ему было тогда двадцать семь лѣтъ.

— Изъ пятидесяти вычесть двадцать семь,—сказалъ Гаронтъ, который любилъ точность:—двадцать три. Это было двадцать три года тому назадъ. А мнѣ кажется, что это было вчера. Всѣ эти двадцать три года такъ похожи другъ на друга!..—Онъ тряхнулъ головой, пробормоталъ что-то

и, печально улыбнувшись, заключилъ свой безсвязный разсказъ:

— Будемъ говорить о веселыхъ вещахъ. Будемъ говорить о васъ, молодой человѣкъ.

Но у Сильвестро было мало хорошаго. Постоянныя столкновенія съ рабочими ему вовсе не такъ ужъ нравились, какъ онъ это говорилъ. Любовь Берты также его не удовлетворяла. Впрочемъ, онъ не осмѣлился бы сообщить объ этомъ Гаронту: старика такъ облагораживала его печаль, что было бы пошлостью говорить ему объ этой любви. Надзиратель ни словомъ не далъ ему понять, что слышалъ о его любовныхъ похожденіяхъ, и это молчаніе смущало Сильвестро.

Любовь и страданія контролера были слишкомъ убоги по сравненію съ вѣчною и спокойною печалью надзирателя. Къ Гаронту всѣ рабочіе относились съ почтеніемъ, хотя онъ и не ругалъ, и не преслѣдовалъ ихъ. Можетъ быть, они угадывали его скрытое горе? Если Гаронтъ былъ одинокъ, то это не потому, что другіе не любили его. Рабочіе знали, что онъ избѣгаетъ ихъ общества. Если возникала ссора, къ Гаронту обращались, какъ къ судьѣ. Даже директоръ относился къ нему съ уваженіемъ. Когда рабочіе начинали протестовать противъ несправедливости, Гаронтъ часто примирялъ обѣ стороны. Въ немъ была какая то сила, передъ которой всѣ преклонялись. Сильвестро признавалъ его авторитетъ, хотя и считалъ себя нѣсколько выше его: Гаронтъ все же былъ рабочій. Сильвестро было досадно, что Гаронтъ относится съ презрѣніемъ къ службѣ контролера, ему также не нравилось, что Гаронтъ умѣлъ цитировать стихи изъ Данта,—чѣмъ нарушалась привилегія контролера. Какъ онъ ни уважалъ и ни любилъ стараго надзирателя, онъ любилъ бы его еще больше, если бы Гаронтъ стоялъ ниже его. Сильвестро желалъ быть покровителемъ, и былъ недоволенъ, что самъ нуждается въ покровителѣ.

Томболи послѣ трехдневнаго отсутствія опять возвратился на заводъ. Онъ старался не сталкиваться съ контролеромъ и не затѣвать новыхъ исторій. Онъ помогалъ другимъ тайно выносить мыло изъ завода, но самъ ничего не предпринималъ изъ осторожности. Однажды Сильвестро услышалъ, какъ Томболи пустилъ на его счетъ остроту:

— Нашъ контролеръ все еще смотритъ на фасадъ.—Сильвестро зналъ жаргонъ рабочихъ. Это означало, что контролеръ не пользуется рѣшительнымъ успѣхомъ у Берты. Эти слова задѣли самолюбіе Сильвестро, и онъ рѣшился ихъ опровергнуть. Вечеромъ онъ дольше обыкновеннаго сидѣлъ въ табачной лавочкѣ. Онъ все еще не смѣлъ сказать нуж-

ныхъ словъ, а Берта не помогала ему. Рабочіе уже всѣ разошлись. Улица опустѣла.

— Поцѣлуй меня,—сказалъ вдругъ Сильвестро.

Берта удивленно посмотрѣла на него.

— Ты не хочешь?—спросилъ рѣзко Сильвестро.

— Не здѣсь.

— Почему?—разсердился контролеръ.—Ты смѣешься надо мною.

Берта поняла, что ей трудно будетъ отъ него отдѣлаться.

— Не здѣсь,—повторила она, ласково улыбаясь. Вокругъ рта у нея обозначились покрытыя пудрой морщины.

— Гдѣ же?

— Не знаю.

— Но сегодня!.. Гдѣ?

— Сумашедшій!—и она пожала ему руку, чтобы больше возбудить его.

— Я приду къ тебѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Я приду.

Берта промолчала.

— Въ десять часовъ.

Берта не соглашалась. Какъ онъ выйдетъ? Это можетъ ее скомпрометировать. Жильцы замѣтятъ его. Сильвестро повѣрилъ ей. Онъ не думалъ раньше объ этомъ.

— Будь паинькой! Сегодня немыслимо, — сказала женщина.

— А когда же?

— Въ другой разъ. Не сегодня.

Она протянула ему губы для поцѣлуя съ цѣлью лучше убѣдить его. Но поцѣлуй еще болѣе возбудилъ Сильвестро.

— Сегодня вечеромъ,—прошепталъ онъ.

— Ты нехорошій.

— Почему?

— Я же сказала тебѣ, не сегодня.

Онъ взялъ шляпу и сердито повернулся.

— Тогда прощай.—Онъ ушелъ изъ лавочки.

Придя домой, онъ заперся въ своей комнатѣ. Потомъ онъ спустился внизъ, боясь, что родители замѣтятъ его волненіе. Онъ почти не ѣлъ. Поцѣлуй Берты оставилъ на его губахъ странное и пріятное ощущеніе: до сихъ поръ онъ не зналъ такихъ поцѣлуевъ.

Послѣ ужина онъ заявилъ, что у него болитъ голова. Клара хотѣла приложить ему компрессъ, но онъ отказался. Онъ боялся прикосновенія ея руки, онъ все еще чувствовалъ на губахъ поцѣлуй Берты.

— Я пойду освѣжиться. Это хорошо дѣйствуетъ.—Фелицита нахмурилась, но не протестовала. Онъ вышелъ и направился къ дому, гдѣ жила Берта. Онъ увидѣлъ ее въ окнѣ, сдѣлалъ ей знакъ рукой и быстро поднялся по лѣстницѣ.

Дверь была открыта...

— Что же теперь? — спросила Берта, освобождаясь изъ его объятій...

Она, однако, хорошо знала, что произойдетъ теперь. Уже нѣсколько дней, какъ ея швея требовала настойчиво уплаты денегъ. Бертѣ было очень досадно: она уже давно износила эти двѣ юбки. Но дѣлать было нечего! Сильвестро и не догадывался, что обязанъ своимъ успѣхомъ такой случайности. Упорное сопротивленіе Берты было лишь маневромъ, чтобы лучше привязать его къ себѣ.

Ея маневръ удался. Сильвестро думалъ, что одержалъ большую побѣду, и, встрѣтивъ на слѣдующій день Томболи, вызывающе посмотрѣлъ ему въ глаза; онъ хотѣлъ ему дать понять, что уже „не смотритъ больше на фасадъ". Но Томболи ничего не понялъ.

— Нелегкая его побери!—пробурчалъ Томболи и прошелъ мимо. Онъ искалъ Лапку, которая обѣщала ему одолжить двѣнадцать сольдовъ. Въ награду Томболи долженъ былъ угостить ее литромъ вина, который стоилъ около того же: Томболи не платилъ долговъ.

Сильвестро не остановился послѣ перваго шага. Онъ обожалъ Берту, и связь съ нею разсѣяла всѣ его колебанія и угрызенія совѣсти. Онъ съ радостью уплатилъ ея долги съ видомъ человѣка, которому это ничего не стоитъ. Онъ былъ опьяненъ ея ласками и искалъ ихъ ежедневно. Онъ не видѣлъ ея морщинъ и не замѣтилъ, что Берта вдругъ постарѣла на десять лѣтъ. Не замѣчалъ онъ также ея грязнаго бѣлья, ни запаха спирта, которымъ отъ нея постоянно несло. Онъ отдавалъ ей почти весь заработокъ и долженъ былъ отказаться отъ многихъ удовольствій; онъ не покупалъ больше Кларѣ цвѣтовъ. Иногда его охватывало отвращеніе, но онъ подавлялъ въ себѣ это чувство.

На заводѣ всѣ замѣтили новую фазу его любви. Гаронтъ, очевидно, былъ недоволенъ, какъ объ этомъ свидѣтельствовали его глубокомысленные афоризмы:

— Хорошія ноги служатъ часто для того, чтобы разбить шею.

Или:

— Кто быстро ходитъ съ молоду, спотыкается на старости.

Онъ очень часто выражалъ сожалѣніе, что Сильвестро такъ молодъ.

Готти, напротивъ того, смѣялся.

— У тебя носъ сильно выросъ.

Сильвестро похудѣлъ. Его кошелекъ пострадалъ еще больше. Девяносто лиръ, которыя прежде казались ему богатствомъ, теперь были недостаточны. Это было крайне непріятно, тѣмъ болѣе, что родители замѣтили уже, что онъ тратитъ на что-то свой заработокъ. Они подозрѣвали уже его, но не знали, въ чемъ дѣло. На случай упрековъ Сильвестро имѣлъ готовый отвѣтъ: Джузеппе тоже имѣетъ любовницу.

Сильвестро узналъ это случайно. Это была молодая, честная дѣвушка, работница. Ее называли Августой. Ему ее разъ показали. Веселая брюнетка, она была величиною въ руку Джузеппе. Сильвестро завидовалъ своему брату и его чистой любви, онъ почти чувствовалъ всю пошлость своей связи.

— Вотъ кретинъ,—услышалъ онъ однажды слова Дѣвы:— онъ могъ бы найти лучше.

Сильвестро тоже былъ убѣжденъ въ этомъ. Берта же всячески ухаживала за нимъ, не желая выпустить его изъ своихъ рукъ. Но она тяготила Сильвестро. Онъ подозрѣвалъ, что надъ его связью смѣются, и къ тому же чувствовалъ себя въ ея власти. Она угнетала его больше, чѣмъ мать, а у него не было силы сопротивляться. Рабочіе видѣли, что контролеръ сталъ очень разсѣяннымъ, и постоянно обманывали его. Онъ это чувствовалъ и бѣсился на себя самого.

Когда Гаронтъ съ нимъ разсуждалъ и предавался своимъ воспоминаніямъ, Сильвестро хотѣлось сказать ему:

— Вы счастливы!—онъ имѣлъ въ виду его спокойствіе и ясность души—результатъ долгихъ страданій и несчастій.

Сначала каждый рабочій дѣйствовалъ на свой рискъ и страхъ, потомъ они изучили новое поле сраженія и характеръ приставленнаго къ нимъ шпіона, и объединились всѣ противъ Сильвестро. Самые честные изъ нихъ скрывали заговоръ. Война была объявлена, и первыя побѣды были на сторонѣ рабочихъ. Сотрудничество облегчало имъ кражу. Одни занимали контролера разговоромъ, а другіе въ это время быстро выносили не записанные ящики съ мыломъ.

Иногда они, сговорившись, нагромождали у выхода много тѣлежекъ, и, пока Сильвестро записывалъ показанія одного носильщика, другіе выходили за ворота. Сильвестро сталъ бдительнѣе. Его оскорбляло сознаніе, что надъ нимъ смѣются, и онъ сдѣлался безпощаднымъ. До сихъ поръ ему удавалось лишь помѣшать мелкой контрабандѣ, большая не давалась. Онъ рѣшился проучить мошенниковъ разъ на всегда. Нужно было выждать случай и уличить кого-нибудь въ крупной кражѣ. Это подѣйствуетъ на всѣхъ, и онъ дастъ коллегамъ съ

верхняго этажа новое доказательство своей преданности. Тамъ, наверху убѣдятся, что онъ приноситъ пользу, и это будетъ для него достаточная награда за бдительность и самопожертвованіе.

Однажды, когда Гаронтъ сидѣлъ въ будкѣ, три телѣжки подъѣхали къ воротамъ. Сильвесгро записалъ первую телѣжку. Онъ повернулся уже ко второй, какъ рабочій попытался совершить кражу.

Онъ быстро поднялъ ящикъ съ мыломъ и перекинулъ на телѣжку, которая уже выѣзжала за ворота. Сильвестро замѣтилъ... Его охватило бѣшенство и досада. Онъ притворился, что ничего не видитъ, и позволилъ рабочему удалиться, потомъ внезапно побѣжалъ за нимъ и окликнулъ его. Тотъ не обернулся и продолжалъ удаляться.

Сильвестро крикнулъ громче:

— Остановитесь.

Рабочій повернулъ. Всѣ молчали. Гаронтъ вышелъ изъ будки.

— Что вамъ угодно?—спокойно спросилъ рабочій.

— Сюда!

— Зачѣмъ?

— Возвратитесь!—крикнулъ Сильвестро.

Телѣжка опять подъѣхала къ воротамъ. Ее толкалъ старикъ съ тупымъ, безсмысленнымъ лицомъ и усталыми глазами. Его голова была обвязана полотенцемъ.

Онъ не смутился и ждалъ.

— Что вамъ угодно?

Сильвестро указалъ рукой на лежавшій сверху ящикъ.

— Что это?

— Мыло.

— Я его записалъ?

— Не знаю.

— Нѣтъ. Я его не записалъ.

— Кто же его сюда положилъ?

— Это ужъ вамъ лучше знать.

— Ничего не знаю.

— Ладно. Подождите.

Онъ не рѣшился обвинять другихъ въ соучастіи. Въ первый разъ онъ почувствовалъ предъ ними страхъ. Онъ записалъ ящики съ другихъ телѣжекъ и приказалъ рабочимъ выѣхать. Потомъ онъ приказалъ вскрыть ящикъ съ контрабандой. Мыло оказалось дорогого сорта.

— Директоръ въ конторѣ?—спросилъ Сильвестро у привратника.

— Да.

— Оставайтесь здѣсь. Я пойду въ контору.

Рабочій сердито провожалъ его глазами. Привратникъ молчалъ.

Гаронтъ обратился къ уличенному въ кражѣ:

— О чемъ же ты думалъ?

Тотъ пожалъ плечами и выругался:

— Голодъ не тетка!

— А теперь?

Рабочій презрительно махнулъ рукой.

Директоръ самъ спустился внизъ и подошелъ къ мѣсту происшествія.

— Я могъ бы тебя арестовать,—сказалъ онъ рабочему,— но такъ и быть... убирайся по-добру по-здорову.

Тотъ направился къ выходу, а директоръ повернулся къ Сильвестро:

— Вы выполнили свой долгъ, дорогой Бондури, и поступили, какъ честный человѣкъ.

Директоръ ушелъ. Сильвестро и Гаронтъ остались одни. На заводѣ по прежнему кипѣла работа, и никто, казалось, не замѣтилъ бывшей сцены.

Сильвестро началъ говорить:

— Вы видите... что же мнѣ было дѣлать?.. я выполнилъ свой долгъ... они должны знать, что нельзя безнаказанно воровать... не могъ же я молчать?.. развѣ я въ этомъ виноватъ, а? Скажите сами, много ли здѣсь честныхъ людей? Ихъ можно по пальцамъ пересчитать. Они, вѣрно, думаютъ, что я долженъ потакать имъ. А теперь: „этотъ подлецъ, этотъ"... конечно, они это скажутъ. Но я выполнилъ свой долгъ. Скажите, развѣ я могъ поступить иначе?

Гаронтъ потупилъ глаза и молчалъ. Потомъ онъ проговорилъ:

— Конечно. Это не по вашей винѣ. Но кто теперь будетъ кормить его дѣтей?.. у него ихъ семеро, малъ мала меньше.

Сильвестро этимъ не смутился. Тѣмъ болѣе осторожнымъ слѣдовало быть отцу. Тѣмъ большаго осужденія онъ заслуживаетъ. Контролеръ еще въ школѣ заучилъ двѣ истины: „никто не воруетъ съ голоду" и „дѣйствительная бѣдность предпочитаетъ смерть безчестью". Все же мысль о голодающихъ дѣтяхъ причиняла ему угрызенія совѣсти. Онъ объ этомъ долго думалъ. Его воображеніе рисовало ему умилительныя картины. Таинственный незнакомецъ присылаетъ пищу этимъ дѣтямъ, и они благословляютъ своего благодѣтеля, который сжалился надъ ихъ нищетой. Отецъ и его товарищи проклинаютъ контролера, который никому не раскрываетъ этой тайны. А потомъ, въ одно прекрасное утро, всѣ узнаютъ, что..

Но любовь Берты отразилась на карманахъ Сильвестро,

а мѣсяцъ былъ на исходѣ. Приходилось отказаться отъ удовольствія быть благодѣтелемъ. И изъ-за кого? изъ-за Берты.

Сильвестро былъ полонъ негодованія и при выходѣ даже не поклонился продавщицѣ. Она окликнула его, и онъ не отвѣтилъ. Берта улыбнулась.

— Посмотримъ!—какъ будто говорила она. Она была увѣрена, что Сильвестро искупитъ свою вину и дорого заплатитъ за свою невѣжливость.

Сильвестро не пошелъ домой. Онъ бродилъ по улицамъ города, пытаясь развлечься. Всякій крикъ ребенка, — а на улицѣ было какъ разъ много дѣтей, безпечно игравшихъ въ этотъ теплый вечеръ,—заставлялъ его вздрагивать. Что то дѣлаютъ теперь семеро ребятишекъ? Они сегодня, быть можетъ, останутся безъ ужина У Сильвестро было мало денегъ. Но и на это можно было бы купить для нихъ хлѣба, а потомъ занять денегъ у кого нибудь. Но какъ имъ послать все? У него не было друзей, кто бы могъ исполнить такое порученіе. Къ тому же Сильвестро важно было сохранить тайну; онъ все же былъ увѣренъ, что выполнилъ свой долгъ и что ему нечего раскаиваться, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ страдалъ отъ сознанія, что явился причиной такого горя.

Сильвестро увидѣлъ вдали Джузеппе. Но онъ не рѣшился остановить его. Августа шла рядомъ съ его братомъ и почти повисла на рукѣ гиганта; она казалась крошкой. Прохожіе добродушно оглядывались на эту пару; но они не обращали на это вниманія и громко говорили и смѣялись.

Сильвестро вспомнилъ, что Джузеппе предложилъ ему свою помощь на случай опасности. Эта опасность была близка. Онъ гордо выпрямился и повернулъ на другую улицу. Онъ никого не боится! Возлѣ него заплакалъ какой то ребенокъ, и Сильвестро ускорилъ шаги, какъ будто за нимъ кто-нибудь гнался. Онъ искалъ спокойствія и боялся угрызеній совѣсти.

Ночь надвигалась. Улицы пустѣли. Въ окнахъ домовъ появился свѣтъ. Сгущавшійся мракъ нагонялъ на Сильвестро страхъ. Ему нѣсколько разъ казалось, что за нимъ кто то ходитъ, что онъ видитъ лицо носильщика. Сильвестро сжималъ въ карманахъ кулаки и готовился къ защитѣ. Его пугалъ всякій стукъ. Однажды онъ почувствовалъ на шеѣ чье-то горячее дыханіе и нервно обернулся, но прохожій находился на разстояніи трехъ шаговъ и не обращалъ на него никакого вниманія.

Бѣдняга не думалъ больше о своихъ родителяхъ, которые ждали его. Онъ вспомнилъ про Берту. Онъ пошелъ бы къ ней забыться въ ея объятіяхъ, но Берта приходила поздно домой, и онъ ея не застанетъ теперь.

Вдругъ Сильвестро замѣтилъ Маркини, который ужъ нѣсколько дней не приходилъ на заводъ. Онъ сидѣлъ на низкомъ мраморномъ столбикѣ и посвистывалъ.

— Добрый вечеръ, г-нъ контролеръ!

Сильвестро обрадовался. Маркини ему нравился.

Онъ остановился, забывъ, что контролеру не полагается разговаривать на улицѣ съ такимъ подозрительнымъ человѣкомъ, какъ Маркини.

Была уже ночь.

— Добрый вечеръ! Какъ дѣла?

— Ничего себѣ. А у васъ?

— Спасибо!

— Васъ ужъ давно не видать. Вы получили мѣсто?

— Нѣтъ! Но жаловаться не на что: всегда сытъ.

Маркини поднялся и подтянулъ на себѣ поясъ. У Сильвестро появилась блестящая идея.

— Хотите оказать мнѣ услугу?

Черноробочій удивился.

— Конечно.

— Но это секретъ.

— Я не изъ болтливыхъ.

Это была правда. Сельвестро зналъ, что Маркини не большой охотникъ до разговоровъ.

— Вы знаете Мавриціо Веролу?

— Да.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Недалеко отсюда.

— Мнѣ поручили передать его дѣтямъ двѣ лиры. Верола потерялъ работу. — И онъ вытащилъ изъ кармана все свое богатство.

— Я васъ могу проводить.

— Нѣтъ, нѣтъ,—попросилъ Сильвестро,—передайте сами, пожалуйста.

— Охотно. Но почему бы вамъ самимъ этого не сдѣлать?

— Лучше ужъ такъ.

— Ну, давайте.

— Но вы не говорите, что это я васъ послалъ. Обѣщаете?—И онъ протянулъ ему монету.

— Будьте спокойны.

Сильвестро поблагодарилъ его и быстро ушелъ.

Маркини посмотрѣлъ на оставленныя ему двѣ лиры.

— И этотъ человѣкъ сталъ шпіономъ!—прошепталъ онъ и направился къ Веролѣ. Онъ былъ немного удивленъ оказаннымъ ему довѣріемъ. До сихъ поръ этого не случалось.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

„Третье отдѣленіе и цензура“.

(1826 — 1855 гг.).

I.

Въ исторіи каждаго государства есть такія учрежденія, которыя и послѣ своего упраздненія долго остаются въ памяти потомства. Въ русской жизни XIX столѣтія такимъ учрежденіемъ является III Отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи, въ разговорѣ всегда называвшееся кратко: „третье отдѣленіе“.

Въ мою задачу не входитъ полное и всестороннее изслѣдованіе его дѣятельности за всѣ пятьдесятъ четыре года (1826 — 1880). Я попытаюсь освѣтить лишь цензурныя его функціи, и при томъ только за первыя тридцать лѣтъ, совпадающія съ царствованіемъ создателя „третьяго отдѣленія“,—императора Николая I. „Третье отдѣленіе“ проникало во всѣ поры литературнаго организма... Съ 1826 и до 1848 года гегемонія III отдѣленія въ цензурѣ была абсолютна, съ 1848 же по 1855 г. оно имѣло равноправнаго помощника—бутурлинскій комитетъ *) — что, конечно, не умаляло, въ сущности, его прежняго главенства. Вотъ почему слова автора офиціознаго юбилейнаго изданія, — „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія“ (Спб., 1902 г.):—„съ учрежденіемъ III отдѣленія собств. е. и. в. канцеляріи къ нему перешелъ высшій надзоръ по *нѣкоторымъ* цензурнымъ дѣламъ“ **) — представляются безусловной ошибкой. III отдѣленіе было верховнымъ надзирателемъ по *всѣмъ* цензурнымъ дѣламъ, не будучи ограничено никакими рамками и не будучи, съ другой стороны, снабжено какой-нибудь письменной инструкціей, дававшей ему право постояннаго вмѣшательства въ жизнь литературы и печати.

Но прежде, чѣмъ приступить къ обзору цензурной дѣятельности

---

*) См. мою книгу: „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистикѣ XIX столѣтія“. Спб., 1904 г.

**) Стр. 219.

этого учрежденія, я считаю необходимымъ ознакомить читателей съ тѣми условіями, которыя породили его возникновеніе, съ его первыми шагами вообще, и съ тѣмъ личнымъ составомъ, который опредѣлялъ курсъ III отдѣленія съ самаго начала. Только при такомъ порядкѣ изложенія будутъ понятны всѣ мѣры III отдѣленія по отношенію къ литературѣ и литераторамъ.

II.

Особенная канцелярія при министерствѣ полиціи, а затѣмъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ царствованіе Александра I замѣнившая тайную канцелярію Павла I, не открыла тайнаго политическаго общества, о которомъ правительство долгое время имѣло лишь смутныя подозрѣнія. Вступившій на престолъ послѣ ряда кровавыхъ событій императоръ Николай I ясно понялъ, какое отдаленіе правительственныхъ сферъ отъ общества существовало въ тотъ моментъ. „Покончивъ съ мятежемъ и съ тайнымъ обществомъ, правительство—говоритъ Шильдеръ—увидѣло передъ собою важную задачу: устранить на будущее время всякую возможность подобнаго явленія, чтобы всегда быть въ состояніи задушить въ самомъ зародышѣ всякій умыселъ враговъ существующаго порядка. Но для достиженія подобной цѣли нельзя было по прежнему пренебрегать настроеніемъ общественнаго мнѣнія; отнынѣ надо было знать, что затѣвается въ обществѣ, какія мысли его волнуютъ, что въ немъ говорится, о чемъ оно размышляетъ; для успѣшнаго рѣшенія подобной задачи предстояло проникнуть въ сердце и тайные людскіе помыслы“ *). Ни Особенная канцелярія, ни другое, какое-либо изъ бывшихъ на лицо учрежденій, конечно, не годились для этой цѣли. Очевидно, надо было создать что-то новое. „Возникла мысль объ учрежденіи тайнаго надзора, хотя и преслѣдовавшаго, въ сущности, тѣ же цѣли, какъ и родственныя съ нимъ учрежденія XVIII столѣтія, существовавшія въ разное время и подъ разными наименованіями, но обставленнаго въ своемъ новомъ видѣ несравненно мягче и порученнаго людямъ, до нѣкоторой степени образованнымъ, обладающимъ къ тому же свѣтскимъ лоскомъ. По мысли государя, учшія фамиліи и приближенныя къ престолу лица должны были стоять во главѣ этого учрежденія и содѣйствовать искорененію зла. При такой постановкѣ вопроса оставалось надѣяться, что этотъ фениксъ, возродившійся изъ пепла, обладая средствами все узнавать, доставитъ правительству возможность прервать многочисленныя злоупотребленія, которыми страдала Россія, и не по-

---

*) „Императоръ Николай первый, его жизнь и царствованіе“, т. I, Спб., 1903 г. стр. 466.

лучитъ слишкомъ одностороннято направленія при развитіи своей разнообразной дѣятельности" *).

Итакъ, по мнѣнію Шильдера, готовилось учрежденіе, родственное „преображенскому приказу" Петра В., тайной канцеляріи Екатерины I, канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны, наконецъ — тайной экспедиціи Екатерины II и Павла I.

Ставшій во главѣ III Отдѣленія, Бенкендорфъ такъ объясняетъ его возникновеніе: „Императоръ Николай стремился къ искорененію злоупотребленій, вкравшихся во многія части управленія, и убѣдился изъ внезапно открытаго заговора, обагрившаго кровью первыя минуты новаго царствованія, въ необходимости повсемѣстнаго, болѣе бдительнаго надзора, который окончательно стекался бы въ одно средоточіе. Государь избралъ меня для образованія высшей полиціи, которая бы покровительствовала утѣсненнымъ и наблюдала бы за злоумышленіями и людьми, къ нимъ склонными" **).

Таковы были намѣренія. Насколько они представлялись серьезными, можно видѣть изъ общеизвѣстнаго разсказа о носовомъ платкѣ. Когда Бенкендорфъ, вступая въ свою новую должность, просилъ у государя руководящей инструкціи для своей будущей широкой дѣятельности, государь, державшій въ этотъ моментъ въ рукахъ носовой платокъ, протянулъ его удивленному генералу и сказалъ: „Вотъ тебѣ вся инструкція. Чѣмъ больше отрешь слезъ этимъ платкомъ, тѣмъ вѣрнѣе будешь служить моимъ цѣлямъ" ***)...

Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было, но тѣмъ не менѣе разсказъ очень характеренъ: думали отирать, а на дѣлѣ вызывали слезы...

Бенкендорфъ еще въ царствованіе Александра I выступалъ съ проектомъ жандармеріи, какъ результатомъ своихъ заграничныхъ наблюденій и впечатлѣній. Очень цѣнное указаніе находимъ объ этомъ въ „Запискахъ" декабриста кн. С. Г. Волконскаго, товарища Бенкендорфа по флигель-адъютантству:

„Бенкендорфъ тогда воротился изъ Парижа при посольствѣ, и, какъ человѣкъ мыслящій и впечатлительный, увидѣлъ, какую пользу оказывала жандармерія во Франціи. Онъ полагалъ, что на честныхъ началахъ, при избраніи лицъ честныхъ, смышленныхъ,

---

*) Ibidem., 466—467. Замѣтимъ кстати, что почти въ тѣхъ же выраженіяхъ писала и редакція „Рус. Старины" 22 года назадъ (ср. „Рус. Стар.", 1881 г., IX, стр. 164—165).

**) „Министерство внутреннихъ дѣлъ", историческій очеркъ. Спб., 1902 г., стр. 98.

***) По словамъ Е. Дубельта, платокъ этотъ и понынѣ хранится подъ стекляннымъ колпакомъ въ архивѣ бывшаго III отдѣленія („Русск. Стар.", 1888, XI, 495).

введеніе этой отрасли соглядатаевъ можетъ быть полезно и царю, и отечеству, приготовилъ проектъ о составленіи этого управленія и пригласилъ насъ, многихъ своихъ товарищей, вступить въ эту когорту, какъ онъ называлъ, добромыслящихъ, и меня въ ихъ числѣ; проектъ былъ представленъ, но не утвержденъ. Эту мысль Ал. Хр. осуществилъ при восшествіи на престолъ Николая, въ полномъ убѣжденіи, въ томъ я увѣренъ, что дѣйствія оной будутъ для охраненія отъ притѣсненій, для охраненія во время отъ заблужденій" *).

Оставимъ пока въ сторонѣ характеристику самого Бенкендорфа и обратимся къ его проекту. Вскорѣ послѣ декабрьскихъ дней 1825 года Бенкендорфъ немного измѣнилъ его въ деталяхъ и представилъ Николаю I. 12 апрѣля 1826 г. „записка" его, озаглавленная „проектъ объ устройствѣ высшей полиціи", была уже препровождена къ гр. П. А. Толстому съ тѣмъ, чтобы, по разсмотрѣніи, онъ возвратилъ ее въ собственныя руки государя, съ своимъ о ней мнѣніемъ **).

Вотъ нѣсколько основныхъ мыслей „проекта".

Событія, сопровождавшія вступленіе на престолъ Николая I, ясно доказываютъ „ничтожество нашей полиціи и необходимость организовать новую полицейскую власть". „Вскрытіе корреспонденціи составляетъ одно изъ средствъ тайной полиціи и притомъ самое лучшее, такъ какъ оно дѣйствуетъ постоянно и обнимаетъ всѣ пункты имперіи. Для этого нужно лишь имѣть въ нѣкоторыхъ городахъ почтмейстеровъ, извѣстныхъ своею честностію и усердіемъ. Такими пунктами являются Петербургъ, Москва, Кіевъ, Вильна, Рига, Харьковъ, Одесса, Казань и Тобольскъ". Необходимо во главѣ всей полиціи поставить лицо, отличающееся высокою нравственностью. „Онъ долженъ бы носить званіе министра полиціи и инспектора корпуса жандармовъ въ столицѣ и въ провинціи. Одно это званіе дало бы ему возможность пользоваться мнѣніями честныхъ людей, которые пожелали бы предупредить правительство о какомъ-нибудь заговорѣ или сообщить ему какія-нибудь интересныя новости. Злодѣи, интриганы и люди недалекіе, раскаявшись въ своихъ ошибкахъ или стараясь искупить свою вину доносомъ, будутъ, по крайней мѣрѣ, знать, куда имъ обратиться". Министру (высшей) полиціи придется путешествовать ежегодно, бывать время отъ времени на большихъ ярмаркахъ, при заключеніи контрактовъ, гдѣ ему легче пріобрѣ-

*) „Записки С. Г. Волконскаго", изд. 2-е, Спб., 1902 г., стр. 135—136.

**) „Рус. Стар.", 1900 г., XII, 616. Гр. П. А. Толстой, послѣдніе годы царствованія Александра I проведшій въ Москвѣ, въ роли командира пѣхотнаго корпуса, по восшествіи на престолъ Николая I былъ вызванъ въ СПБ. и тамъ, въ роли члена госуд. совѣта, участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ правленія, пользуясь громаднымъ довѣріемъ, уваженіемъ и любовью государя.

сти нужныя связи и склонить на свою сторону людей, стремящихся къ наживѣ *).

Такова сущность краткой записки, послужившей базисомъ для III отдѣленія.

25 іюня 1826 г. послѣдовало основаніе жандармской полиціи, какъ отдѣльнаго и самостоятельнаго установленія, съ назначеніемъ шефомъ жандармовъ ген.-ад. Бенкендорфа, а 3 іюля особая канцелярія министра внутреннихъ дѣлъ была преобразована въ III отдѣленіе собств. е. и. в. канцеляріи, отданное подъ главное начальство того же Бенкендорфа. До 1814 г. были полицейскія драгунскія команды, затѣмъ вмѣсто нихъ явились жандармы внутренней стражи, въ видѣ центральнагс учрежденія — отдѣльнаго корпуса внутренней стражи. Кругъ вѣдѣнія этого новаго учрежденія опредѣлялся такъ: „1) всѣ распоряженія и извѣстія по всѣмъ вообще случаямъ высшей полиціи; 2) свѣдѣнія о числѣ существующихъ въ государствѣ разныхъ сектъ и расколовъ; 3) извѣстія объ открытіяхъ по фальшивымъ ассигнаціямъ, монетамъ, штемпелямъ, документамъ и пр., коихъ разысканіе и дальнѣйшее производство остаются въ зависимости министровъ: финансовъ и внутреннихъ дѣлъ; 4) свѣдѣнія подробныя о всѣхъ людяхъ, подъ надзоромъ полиціи состоящихъ, равно и всѣ по сему предмету распоряженія; 5) высылка и размѣщеніе людей подозрительныхъ и вредныхъ; 6) завѣдываніе наблюдательное и хозяйственное всѣхъ мѣстъ заключенія, въ коихъ заключаются государственные преступники; 7) всѣ постановленія и распоряженія объ иностранцахъ; 8) вѣдомости о всѣхъ безъ исключенія происшествіяхъ; 9) статистическія свѣдѣнія, до полиціи относящіяся“ **).

Какъ немного „пунктовъ“ и какъ велико ихъ содержаніе! Въ кругъ вѣдѣнія III отдѣленія входили дѣла почти всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій, исключая министерства двора и военнаго; впрочемъ, принимая въ соображеніе п. 8, это исключеніе врядъ ли не было фикціей. Особенному контролю подвергалось, какъ видно, министерство внутреннихъ дѣлъ. Обращаю вниманіе читателей на полное отсутствіе указаній о роли III Отдѣленія въ дѣлѣ цензуры: такая роль подразумѣвалась сама собою. Престижъ главнаго начальника III Отдѣленія поддерживалъ очень высоко самъ государь. Такъ, напримѣръ, когда Бенкендорфъ, доведя до высочайшаго свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ по вѣдомству путей сообщенія, прибавилъ, что объ этомъ не сообщено главноначальствующему путями сообщенія, такъ какъ онъ не принимаетъ предупрежденій и замѣчаній съ тою благосклонностью, какъ это дѣлаютъ другіе министры,—Николай I собственноручно написалъ на докладѣ: „всѣ министры *обязаны* принимать

*) Ibidem, 615—616.

**) „Министерство внутр. дѣлъ“, историческій очеркъ, Спб. 1902 г., 97.

свѣдѣнія, отъ васъ сообщаемыя; потому ихъ благосклонности вовсе не нужно" *). По словамъ г. Бартенева, „начальникъ III Отдѣленія былъ своего рода первымъ министромъ и олицетворялъ собою то единство управленія, о которомъ такъ вздыхали потомъ" **). Дѣйствительно, извѣстно, что Бенкендорфъ былъ твердо увѣренъ, что всѣ бѣды 1825 года являлись прямымъ результатомъ умаленія правъ государя, какъ самодержца, и потому принималъ всѣ мѣры къ ихъ увеличенію ***).

„Имѣя основною цѣлью своей дѣятельности—читаемъ въ оффиціальномъ источникѣ — охраненіе устоевъ русской государственной жизни, III отдѣленіе собств. е. и. в. канцеляріи сосредоточивало преимущественное вниманіе въ разныя эпохи на разныхъ вопросахъ, выбирая тѣ стороны жизни, которыя по обстоятельствамъ даннаго времени получали преобладающее значеніе. Политическая часть въ первые годы царствованія императора Николая Павловича не требовала особенныхъ усилій, потому что почти всѣ революціонные элементы, образовавшіеся въ предшествующую эпоху, были захвачены процессомъ декабристовъ; поэтому дѣятельность III отдѣленія по политическому надзору ограничивалась почти исключительно распоряженіями касательно осужденныхъ декабристовъ. Вполнѣ спокойное настроеніе массы общества не подлежало сомнѣнію, но нѣкоторыя отдѣльныя личности и, особенно, кружки молодежи привлекали вниманіе III Отдѣленія, которое стояло на той точкѣ зрѣнія, что со зломъ надо бороться въ его зародышѣ, такъ какъ отвлеченные разговоры въ тѣсномъ кружкѣ легко могутъ получить распространеніе и перейти въ недопустимые поступки, а тогда неизбѣжной карѣ придется подвергать уже значительно большее количество лицъ" ****).

Какъ обширна была компетенція III отдѣленія, можно видѣть, между прочимъ, изъ воспоминаній Н. М. Колмакова. Оказывается, „оно очень часто брало на себя даже судебныя функціи, опредѣляло вины лицъ по дѣламъ не политическаго свойства, брало имущество ихъ подъ свою охрану, принимало по отношенію къ кредиторамъ на себя обязанности администраціи и входило нерѣдко въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, кто и какъ нажилъ себѣ состояніе, и какой, кому и въ какомъ видѣ онъ сдѣлалъ ущербъ. Однимъ словомъ, кругъ дѣятельности III отдѣленія въ области суда—былъ весьма обширенъ" *****). Интересующіеся найдутъ въ воспоминаніяхъ Колмакова не мало фактовъ, иллюстрирующихъ это общее указаніе. „Стремленія сего отдѣленія,—продолжаетъ авторъ—съ перваго взгляда казались по тогдашнему для нѣко-

*) Ibidem., 100.

**) „Рус. Арх.", 1889, VII, 530.

***) „Мин. внутр. дѣлъ", 100.

****) „Рус. Стар.", 1886 г., XII, 530—531.

*****) „Рус. Стар.", 1881 г., IX, 190.

торыхъ ограниченныхъ людей, похвальны, ибо они имѣли цѣлью оградить гражданъ отъ всякаго могущаго и содѣяннаго зла, но способы и порядки сихъ дѣйствій, не сдерживаемые формами установленнаго суда, для коихъ законы были не пустой звукъ, а святое правило, какъ и слѣдовало ожидать,—были отяготительны, дышали иногда личнымъ произволомъ и навлекали на себя справедливый ропотъ" *).

III.

Теперь прежде, чѣмъ идти далѣе, необходимо выяснить личность какъ перваго главнаго начальника III отдѣленія, такъ и его ближайшаго помощника.

Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ родился въ 1783 г. Отецъ его былъ довольно обыкновеннымъ генераломъ временъ Павла I, а мать прибыла въ Россію вмѣстѣ съ императрицею Маріею Өеодоровною и пользовалась всегда полною ея дружбою. Сына своего Александра она воспитывала въ іезуитскомъ пансіонѣ аббата Николая, гдѣ перебывали многіе дѣятели первой половины XIX столѣтія, какъ-то: гр. Орловы, Голицыны, Гагарины, Меньшиковы, Строгановы, Вяземскіе и др. На 15 году (1798 г.) Бенкендорфъ поступилъ унтеръ-офицеромъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ и тогда же былъ произведенъ въ прапорщики и пожалованъ въ флигель-адъютанты императора. Молодого офицера очень часто посылали то за границу съ какимъ-нибудь придворнымъ порученіемъ, то внутрь Россіи, то въ армію.

Въ 1813—1815 гг. боевая дѣятельность замѣтно выдвинула храбраго молодого генерала, и въ 1816 г. онъ командовалъ 2-й драгунской дивизіей, а въ 1819 г. назначенъ былъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса и пожалованъ въ генералъ-адъютанты. 14—16 декабря 1825 г. Бенкендорфъ, приближенный къ себѣ Николаемъ I, командовалъ войсками, расположенными на Васильевскомъ островѣ **). 25 іюня 1826 г. онъ былъ назначенъ шефомъ жандармовъ и командующимъ императорскою главною квартирою, а 3 іюля—начальникомъ III Отдѣленія Соб. Е. И. В. канцеляріи. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что всѣ эти три должности были только что впервые учреждены, а жандармерія

*) Ibidem., 532.

**) 14 декабря онъ присутствовалъ при утреннемъ одѣваніи Николая I. Предчувствуя опасность, государь ему сказалъ: „сегодня вечеромъ, можетъ быть, насъ обоихъ не будетъ болѣе на свѣтѣ, но, по крайней мѣрѣ, мы умремъ, исполнивъ нашъ долгъ" (*Бар. Корфъ*, „Восшествіе на престолъ имп. Николая I", 1857 г., 13). 16 января 1826 г. Бенкердорфъ писалъ кн. М. С. Воронцову про государя: „il daigne me traiter avec une boute toute particulière; ce que je puis lui offrir, c,est un zèle pur et infatigable" („Архивъ кн. Воронцова", XXXV, письмо № 110).

и отдѣленіе—и только что образованы. Это уже доказываетъ вліяніе и силу Бенкендорфа съ самаго начала новаго царствованія. 6 декабря того же года онъ былъ пожалованъ въ сенаторы и щедро одаренъ 25,000 десятинъ земли въ Бессарабской губерніи въ вѣчное и потомственное владѣніе *).

По этому поводу баронъ Корфъ замѣчаетъ, что никакія милости „не могли сдѣлать изъ благороднаго и достойнаго, но обыкновеннаго человѣка—генія".

„Вмѣсто героя прямоты и праводушія, онъ, въ сущности, былъ болѣе отрицательно-добрымъ человѣкомъ, подъ именемъ котораго совершалось, на ряду со многимъ добромъ, и не мало самоуправства и зла. Безъ знанія дѣла, безъ охоты къ занятіямъ, отличавшійся особенно безпамятствомъ и вѣчною разсѣянностью, которыя многократно давали поводъ къ разнымъ анекдотамъ, очень забавнымъ для слушателей или свидѣтелей, но отнюдь не для тѣхъ, кто бывалъ ихъ жертвою, наконецъ, безъ мѣры преданный женщинамъ,—онъ никогда не былъ ни дѣловымъ, ни дѣльнымъ человѣкомъ, и всегда являлся орудіемъ лицъ, его окружавшихъ. Сидѣвъ съ нимъ четыре года въ комитетѣ министровъ и десять лѣтъ въ государственномъ совѣтѣ, я,—говоритъ баронъ Корфъ, — ни единожды не слышалъ его голоса ни по одному дѣлу, хотя многія приходили отъ него самого, а другія должны были интересовать его лично. Часто случалось, что онъ, послѣ засѣданія, въ которомъ присутствовалъ отъ начала до конца, спрашивалъ меня, чѣмъ рѣшено такое-то изъ внесенныхъ имъ представленій, какъ бы его лица совсѣмъ тутъ и не было.

„Однажды въ государственномъ совѣтѣ министръ юстиціи, графъ Панинъ, произносилъ очень длинную рѣчь. Когда она продолжалась уже съ полчаса, Бенкендорфъ обернулся къ сосѣду своему, графу Орлову, съ восклицаніемъ:

— Sacré Dieu, voilà ce que j'appelle parler! **)

— Помилуй, братецъ, да развѣ ты не слышишь, что онъ полчаса говоритъ противъ тебя!

— Въ самомъ дѣлѣ?—отвѣчалъ Бенкендорфъ, который тутъ только понялъ, что рѣчь Панина есть отвѣтъ и возраженіе на его представленіе.

„Черезъ пять минутъ, посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ: „à présent adieu, il est temps que j'aille chez l'Empereur ***) и—

*) Всѣ эти данныя біографіи Бенкендорфа несомнѣнно устанавливаются изъ многихъ, иногда противорѣчивыхъ источниковъ: *К. Б.*, „Опытъ историческаго родословія дворянъ и графовъ Бенкендорфовъ", Спб., 1841 г., *В. Квадри и М. Соколовскій*, „Краткій историч. обзоръ Импер. Глав. Квартиры" II., Спб. 1902 г.; *М. Морошкинъ*, „Іезуиты въ Россіи", II; „Изъ Записокъ бар. М. А. Корфа", „Рус. Стар." 1899 г., XII и др.

**) Чортъ возьми! Вотъ такъ рѣчь!

***) Теперь прощай, мнѣ пора идти къ государю.

оставилъ другимъ членамъ распутывать споръ его съ Панинымъ по ихъ усмотрѣнію.

„Подобные анекдоты бывали съ нимъ безпрестанно, и отъ этого онъ нерѣдко вредилъ тѣмъ, кому имѣлъ намѣреніе помочь, послѣ самъ не понимая, какъ случилось противное его видамъ и желанію. Должно еще прибавить, что при очень пріятныхъ формахъ, при чемъ-то рыцарскомъ въ тонѣ и словахъ, и при довольно живомъ свѣтскомъ разговорѣ, *онъ имѣлъ самое лишь поверхностное образованіе, ничему не учился, ничего не читалъ и даже никакой грамоты не зналъ порядочно*, чему могутъ служить свидѣтельствомъ всѣ сохранившіеся французскіе и нѣмецкіе автографы его, и его подпись на русскихъ бумагахъ, въ которой онъ только въ самые послѣдніе годы своей жизни пересталъ, вѣроятно, по добросовѣстному намеку какого-либо приближеннаго, писаться „покорнѣйшей слуга“ *).

„Вѣрнымъ и преданнымъ слугою своему царю Бенкендорфъ былъ, конечно, въ полномъ и высшемъ смыслѣ слова и преднамѣренно не дѣлалъ никому зла; но полезнымъ онъ могъ быть только въ той степени, въ какой сіе соотвѣтствовало видамъ и внушеніямъ окружавшихъ его: *ибо личной воли имѣлъ онъ не болѣе, чѣмъ дарованія или высшихъ взглядовъ*. Словомъ, какъ онъ былъ человѣкъ болѣе отрицательно-добрый, такъ и польза отъ него была исключительно отрицательная: та, что мѣсто, облеченное такою огромною властью, занималъ онъ съ парализировавшею ее апатіею, а не другой кто, не только менѣе его добрый, но и просто стремившійся дѣйствовать и отличиться...

„Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что лѣтъ двѣнадцать или болѣе графъ Бенкендорфъ былъ однимъ изъ людей, наиболѣе любимыхъ императоромъ Николаемъ, не только по привычкѣ, но и по уваженію въ немъ, при всѣхъ слабостяхъ, чувствъ неограниченно преданнаго, истиннаго джентльмэна, кроткаго и ровнаго характера, всегда искавшаго болѣе умягчать, нежели раздражать пылъ своего монарха. Справедливо и то, что, во время болѣзни его въ 1837 году, императоръ Николай проводилъ у его постели цѣлые часы и плакалъ надъ нимъ, какъ надъ другомъ и братомъ“ **).

---

*) Безграмотность Бенкендорфа на французскомъ языкѣ тоже поистинѣ удивительна. Вотъ, напримѣръ, его помѣта на письмѣ Пушкина, въ которомъ поэтъ проситъ ходатайствовать у государя о ссудѣ ему крупной суммы. Было отпущено 10,000 руб. Помѣта графа: „l'Empereur lui propose 10,000 roubles et 6 moi (!) de congé au bout de quel (!) il voira (!) s'il doit prendre son conge ou non“ („императоръ предлагаетъ ему 10,000 руб., и 6-мѣсячный отпускъ, по прошествіи котораго онъ увидитъ—подать ему въ отставку или нѣтъ“.

**) „Изъ записокъ барона М. А. Корфа“, „Рус. Стар.“, 1899 г., XII, 484—488. Курсивъ мой.

Все только что сказанное пріобрѣтаетъ тѣмъ большую цѣну, что бар. Корфъ прибавляетъ: „считаю долгомъ замѣтить здѣсь, что отношенія ко мнѣ графа были всегда самыя пріязненныя, и между нами не случилось ни одной непріятности: слѣдственно, въ этомъ очеркѣ его портрета я руководствуюсь не какимъ-либо предубѣжденіемъ противъ него, а однимъ голосомъ истины, можетъ быть, даже еще съ нѣкоторымъ послабленіемъ въ его пользу“. Показанію бар. Корфа объ умственной ограниченности Бенкендорфа совершенно не противорѣчитъ то, что въ 1816 — 18 гг. Бенкендорфъ былъ членомъ масонской ложи „Соединенныхъ Друзей“: извѣстно, что въ ложахъ собирались люди самаго различнаго свойства, отъ мистиковъ до шпіоновъ включительно. Любопытно лишь, что одновременно съ нимъ членами ложи состояли Чаадаевъ, Грибоѣдовъ и Пестель *)...

Отношенія Николая I къ Бенкендорфу были настолько близки, что, напримѣръ, во время болѣзни Бенкендорфа, въ 1837 г., когда тотъ находился въ своемъ имѣніи Фаллѣ, государь не называлъ его въ письмахъ иначе, какъ „мой милый другъ“ (mon cher ami), а подписывался неизмѣнно: „на всю жизнь любящій васъ Николай („A vous pour la vie, votre tendrement affectionné Nicolas“ **). Когда больной переѣхалъ въ Петербургъ, Николай I навѣщалъ его по два раза въ день***). Надо ли говорить, что дворцовая аристократія спѣшила быть угодною государю и при малѣйшей болѣзни Бенкендорфа бросалась къ нему опрометью съ своимъ поддѣльнымъ участіемъ ****). Силу Бенкендорфа прекрасно видѣли и потому всегда окружали его полнымъ вниманіемъ, почетомъ и лестью, лестью безъ конца. До чего Бенкендорфъ привыкъ къ окружавшему его низкопоклонничеству, можно судить, напримѣръ, по такому факту. Пріѣхавъ какъ-то въ Вѣну, онъ приказалъ кн. А. М. Горчакову, тогда старшему совѣтнику нашего посольства, заказать хозяину отеля обѣдъ для себя и очень былъ взбѣшенъ отказомъ Горчакова принять роль лакея. За это бывшій впослѣдствіи канцлеръ отмѣчался въ спискахъ III отдѣленія, какъ „нелюбящій Россію“ *****). Только самъ Бенкендорфъ могъ воображать, что все поклоненіе, какимъ его окружали, искренне и относится къ его личнымъ заслугамъ и качествамъ. Очень смѣшно читать въ „Запискахъ“ Бенкендорфа, какъ онъ расхваливаетъ самого себя, растроганный „общимъ вниманіемъ“ къ его болѣзни въ 1837 году. Онъ дѣйствительно, повидимому, былъ

---

*) *А. Пыпинъ*. „Обществ. движеніе въ Россіи при Алекс. I“, изд. 3-е. Спб., 1900, 318.

**) „Рус. Арх.“, 1884 г., I.

***) „Рус. Стар.“, 1883 г., X, 162, 164.

****) Дневникъ П. Г. Дивова“, „Рус. Стар.“, 1900 г. XI, 488.

*****) Указаніе на это, между, прочимъ, находимъ въ „Рус. Стар.“ 1894 г., 43; „Рус Арх.“ 1889, VII, 530 и пр.

увѣренъ, что являлся „едва-ли не первымъ изъ всѣхъ начальниковъ тайной полиціи міра, смерти котораго страшились и котораго не преслѣдовали на краю гроба ни одною жалобою“ *).

Могъ ли такой начальникъ III отдѣленія, какимъ намъ нарисовалъ его бар. Корфъ, пользоваться неподдѣльной популярностью, которую ему старались придать его льстецы? Какъ принималъ онъ ту „толпу“, которая якобы лѣзла въ двери узнать о его здоровьѣ? Какъ относился онъ къ ея бѣдамъ и злоключеніямъ? Кромѣ отвѣтовъ бар. Корфа, приведу еще одинъ, человѣка, близко стоявшаго къ графу по службѣ: „Зная графа, мы хорошо знали всю безполезность пріемовъ его. Онъ слушалъ ласково просителя—*ничего не понимая*; прошенія онъ никогда, конечно, уже не видалъ; но публика была очень довольна его ласковостью, терпѣніемъ и утѣшительнымъ словомъ“ **).

Панегиристъ Бенкендорфа—Н. И. Гречъ называетъ его все-таки—„безтолковымъ царедворцемъ“, „добрымъ, но пустымъ“, „безтактнымъ“ ***). Слѣдовательно, мы не ошибемся, если скажемъ, что сравнивать Бенкендорфа съ неудобозабываемымъ Шешковскимъ нѣтъ достаточныхъ основаній. Это былъ, въ сущности, вовсе не зложелательный человѣкъ и многое содѣянное его именемъ находитъ себѣ объясненіе въ безхарактерности, разсѣянности и непреклонномъ желаніи остаться другомъ императора.

„Наружность шефа жандармовъ,—пишетъ Герценъ—не имѣла въ себѣ ничего дурного; видъ его былъ довольно общій остзейскимъ дворянамъ и вообще нѣмецкой аристократіи. Лицо его было измято, устало, онъ имѣлъ обманчиво добрый взглядъ, который часто принадлежитъ людямъ уклончивымъ и апатическимъ. Можетъ, Бенкендорфъ и не сдѣлалъ всего зла, которое могъ сдѣлать, будучи начальникомъ этой страшной полиціи, стоящей внѣ закона и надъ закономъ, имѣвшей право мѣшаться во все,—я готовъ этому вѣрить, особенно вспоминая прѣсное выраженіе его лица,—*но и добра онъ не сдѣлалъ, на это у него не доставало энергіи, воли, сердца*. Робость сказать слово въ защиту гонимыхъ стоитъ всякаго преступленія на службѣ такому человѣку, какъ Николай. Сколько невинныхъ жертвъ прошли его руками, сколько погибли отъ невниманія, отъ разсѣянія, оттого, что онъ занятъ былъ волокитствомъ,—и сколько, можетъ, мрачныхъ образовъ и тяжелыхъ воспоминаній бродили въ его головѣ и мучили его на томъ пароходѣ, гдѣ, преждевременно опустившійся и одряхлѣвшій, онъ искалъ въ измѣнѣ своей религіи заступничества католической церкви, съ ея всепрощающими индульгенціями“ ****).

---

*) „Истор. Вѣстн.“, 1903 г., II.

**) Записки Э. И. Стогова, „Рус. Стар.“, 1903 г. V, 312.

***) „Записки о моей жизни“, Спб. 1886 г., 327, 331, 381.

****) „Былое и думы“, IV, 1879 г., 178. Намекъ на общеизвѣстный тогда

Какъ же Бенкендорфъ относился къ литературѣ?

Конечно, не иначе, чѣмъ къ просвѣщенію вообще. А послѣднее онъ считалъ вреднымъ для Россіи и находилъ, что намъ „не должно слишкомъ торопиться ея просвѣщеніемъ, чтобы народъ не сталъ по кругу своихъ понятій въ уровень съ монархами и не посягнулъ тогда на ослабленіе ихъ власти“ *). Такимъ образомъ, Бенкендорфъ оказывался вѣрнымъ хранителемъ и защитникомъ той политической системы, которая отмѣчаетъ всю нашу вторую четверть XIX столѣтія.

Пока на этомъ можно бы и остановиться, если бы мы не имѣли одного свидѣтеля, цѣнность и искренность показаній котораго нельзя игнорировать. Я говорю о кн. С. Г. Волконскомъ. Что Бенкендорфа всячески восхваляютъ Гречъ и ему подобные—это понятно; но мнѣніе Волконскаго иного порядка. Какъ мы уже видѣли, князь категорически утверждаетъ, что Бенкендорфъ былъ „мыслящій и впечатлительный человѣкъ“. Далѣе, онъ называетъ его „чистой душой“ и „*свѣтлымъ умомъ*“, говоритъ, что они были въ тѣсной дружбѣ. Какъ примирить все это съ приведеннымъ выше, наконецъ, съ самимъ Волконскимъ? Объясненіе, мнѣ кажется, просто. Прежде всего, князь говоритъ о Бенкендорфѣ до 1825 года, когда, съ одной стороны, онъ самъ былъ еще молодъ и недостаточно опытенъ въ опредѣленіи людей, съ другой—и Бенкендорфъ, можетъ быть, не былъ тѣмъ, чѣмъ сталъ впослѣдствіи, упоенный властью и почетомъ. Во-вторыхъ—и это самое главное—могъ-ли Волконскій не цѣнить человѣка, такъ хорошо себя державшаго, по крайней мѣрѣ наружно,—въ отношеніи декабристовъ—своихъ друзей и пріятелей? Могъ ли онъ, преслѣдуемый жизнью, не оцѣнить выше стоимости тѣ мелкія услуги, которыя оказывалъ ему и другимъ Бенкендорфъ, этотъ всесильный человѣкъ, имѣвшій возможность надѣлать всякихъ непріятностей? Сынъ кн. С. Г. Волконскаго въ своемъ „послѣсловіи“ прямо даетъ ключъ для такой разгадки; онъ говоритъ: „добрую память оставилъ по себѣ и генералъ Бенкендорфъ, всегда прямой и вѣжливый, хотя входящій во всѣ подробности показаній“ **). Вотъ вкратцѣ тѣ главныя соображенія, которыя не даютъ намъ права измѣнить высказанное мнѣніе о Бенкендорфѣ.

Теперь нѣсколько словъ о первомъ непосредственномъ помощникѣ Бенкендорфа—Максимѣ Яковлевичѣ фонъ-Фокѣ, занявшемъ должность директора канцеляріи III отдѣленія, перейдя туда съ директорства въ Особенной канцеляріи. Свѣдѣнія о немъ очень не велики. Однако, общій отзывъ, что это былъ „человѣкъ

разсказъ о переходѣ его въ католичество, благодаря чарамъ одной петербургской львицы.

*) *Н. Шильдеръ*, „Императоръ Николай I“, II. 287.

несомнѣнно умный, образованный и свѣтскій". „Обширное знакомство и связи въ высшемъ обществѣ Петербурга давали ему возможность видѣть и знать, что дѣлалось и говорилось въ средѣ тогдашней аристократіи, въ литературныхъ и прочихъ кружкахъ населенія столицы. Въ помощь ему, для наблюденія за настроеніемъ другихъ классовъ населенія столицы, завербованы были разные агенты, какъ стоявшіе на службѣ „надзора", такъ и дѣйствовавшіе con amore, какъ они увѣряли, подъ вліяніемъ чистой идеи безкорыстнаго служенія интересамъ родины... Въ числѣ этихъ агентовъ попадались иногда и люди большого свѣта; были литераторы, и весьма плодовитые, бывали дамы и дѣвицы, вращавшіяся въ высшихъ слояхъ общества и, по всей вѣроятности, служившія „надзору" изъ побужденій не менѣе благородныхъ..." *)

Послѣ смерти Фока въ 1831 году, Пушкинъ записалъ: „Надняхъ скончался въ Петербургѣ фонъ-Фокъ, начальникъ III отдѣленія государевой канцеляріи (тайной полиціи), человѣкъ добрый, честный и твердый. Смерть его есть бѣдствіе общественное. Государь сказалъ: „J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer" **). Вопросъ, кто будетъ на его мѣстѣ, важнѣе другого вопроса: что сдѣлаемъ съ Польшей?" ***). Именно Фокъ—ученикъ извѣстнаго де-Санглена по многимъ годамъ службы въ секретной полиціи, человѣкъ тонкій и хитрый—и былъ той рукой, которая руководила Бенкендорфомъ. Послѣдній платилъ ему предупредительною дружбою и довѣріемъ.

Что касается другихъ чиновниковъ III отдѣленія, то мы уже знаемъ, что ихъ стремились вербовать изъ среды высшей аристократіи. По этому поводу очень интересенъ разсказъ кн. П.М. Голенищева-Кутузова-Толстого:

„Въ 1825 г. я состоялъ адъютантомъ при ген.-адъют. Бенкендорфѣ, начальникѣ 1-й гвардейской кирасирской дивизіи. Вскорѣ послѣ драмы 14 декабря, прихожу я къ нему съ докладомъ, какъ старшій адъютантъ этой дивизіи. Первыя его слова были: „здравствуйте, господинъ жандармскій офицеръ!"—Я не могъ этого принять иначе, какъ въ шутку, такъ какъ еще не зналъ о назначеніи его шефомъ жандармовъ, и когда я, удивленный, ему сказалъ, что на мнѣ кавалергардскій мундиръ, а не жандармскій, который виденъ всегда при разъѣздахъ публики, онъ мнѣ сказалъ: „я самъ буду носить этотъ мундиръ и хочу, чтобъ и вы

---

*) „Рус. Стар.", 1881, IX, 165—166.

**) Я потерялъ Фока; могу только оплакивать его и жалѣть, что не могъ его любить.

***) „Сочиненія", 1903, V, 577.

****) „Записки кн. С. Г. Волконскаго", 452.

носили его“. Я ему отвѣчалъ: „ваша служба уже извѣстна всей Россіи, и вы можете возстановить и облагородить этотъ мундиръ въ глазахъ націи; мнѣ же, въ моихъ лѣтахъ (мнѣ было 25 лѣтъ), въ моемъ чинѣ невозможно начинать военной карьеры жандармомъ“.—„Итакъ, мы разстаемся“, сказалъ Бенкендорфъ. На другой же день я привезъ ему прошеніе объ увольненіи моемъ отъ должности адъютанта при немъ и о поступленіи въ полкъ. Но Бенкендорфъ сказалъ мнѣ, что я могу оставить это прошеніе при себѣ и что я остаюсь при немъ въ прежней должности. Послѣ я узналъ, что фраза Бенкендорфа: „здравствуйте, господинъ жандармскій офицеръ“, была выраженіемъ желанія самого императора. Изъ разговора съ Бенкендорфомъ мнѣ стала ясна цѣль императора Николая Павловича. Учреждая жандармскую полицію, онъ хотѣлъ прежде всего показать обществу, насколько важна и благородна цѣль этого учрежденія; лучшія фамиліи и приближенныя лица къ государю должны были стоять во главѣ этого учрежденія. Укажу на нѣкоторыхъ, которые были назначены въ помощники къ Бенкендорфу: ген. Балабинъ, ген. графъ Апраксинъ, ген. Волковъ и многіе другіе“ *).

IV.

Теперь, когда мы знаемъ условія, создавшія III отдѣленіе, и людей, стоявшихъ во главѣ его, очень любопытно ознакомиться съ первыми шагами этого новаго учрежденія и съ отношеніемъ къ нему русскаго общества. Въ этомъ смыслѣ имѣется очень цѣнный матеріалъ—донесенія Фока Бенкендорфу, бывшему въ Москвѣ на коронаціи **). Относясь къ періоду съ 17 іюля по 25 сентября 1826 года, эти донесенія, представлявшіяся въ подлинникахъ государю, ярко обрисовываютъ какъ настроеніе различныхъ кружковъ петербургскаго общества, такъ и взглядъ на послѣднее самого III отдѣленія. Характеръ этихъ писемъ, писанныхъ на французскомъ языкѣ, чисто интимный; тонъ ихъ носитъ на себѣ отпечатокъ почтительной дружбы, какая могла существовать между высокопоставленнымъ начальникомъ и талантливымъ подчиненнымъ.

Русское общество состояло, по терминологіи Фока, изъ двухъ неравныхъ группъ: „благонамѣренныхъ“ и „недовольныхъ“. Обѣ онѣ ожидали преобразованій отъ молодого государя. Реформы начала царствованія извѣстны... „Благонамѣренные“ склонялись

---

*) „Рус. Архивъ“, 1883 г. I, 231. Нельзя не напомнить по этому поводу одной остроты А. П. Ермолова: „теперь у каждаго или голубой мундиръ, или голубая подкладка, или хоть голубая заплатка“ (*Н. Барсуковъ*, Жизнь и труды М. П. Погодина“, XVIII, 72).

**) „Рус. Стар.“, 1881 г. IX—XI.

на любой компромиссъ. „Недовольные“, наоборотъ, требовали рѣшительныхъ мѣръ. Во главу угла ставилась отмѣна крѣпостного рабства и бюрократическаго произвола. Образованіе III отдѣленія встрѣчено было тоже, разумѣется, различно. Одни думали, что это контроль всей полиціи, и ожидали распространенія его на всю исполнительную власть; они вѣрили возможности успѣха для учрежденія, во главѣ котораго стоялъ Бенкендорфъ. Не такъ были настроены „недовольные“. „Опытъ доказалъ намъ, говорятъ они,—писалъ Фокъ,—что почти всѣ преобразовательныя мѣры производили до сихъ поръ только впечатлѣніе ракетнаго букета. Хотятъ исправлять! Но подумали-ли о томъ, что это значитъ чистить авгіевы конюшни, что надо начать съ того, чѣмъ кончатъ,—дать обезпеченное положеніе чиновникамъ и упростить судопроизводство. Но такъ какъ правительство не имѣетъ въ своемъ распоряженіи ни денежныхъ, ни моральныхъ средствъ, чтобы достигнуть этого двойного результата, то и всякое исправленіе становится—если не совершенно невозможнымъ, то, по крайней мѣрѣ, весьма труднымъ... Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что вражда установится прежде всего между новыми и старыми блюстителями порядка и затѣмъ между этими послѣдними и лицами, подчиненными ихъ надзору. Какъ же станетъ дѣйствовать правительство, въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ, чтобы предупредить и предотвратить неизбѣжную реакцію? Это вопросъ чрезвычайной важности“ *). „Недовольные“ оказались прозорливцами до мелочей. Дѣйствительно, до 1880 года министерство внутреннихъ дѣлъ находилось въ постоянномъ, очень остромъ антагонизмѣ съ III отдѣленіемъ...

„Какъ образуется общественное мнѣніе?“—спрашиваетъ Фокъ и отвѣчаетъ на этотъ интересный вопросъ въ двухъ письмахъ.

„Существуетъ небольшой кружокъ людей, стоящихъ очень высоко, которые искренно добиваются истины, глубоко все обдумываютъ *и высказываютъ свои мысли на ухо очень немногимъ, способнымъ понимать ихъ*. Нѣкоторые лучи этихъ мыслей спускаются ниже, но они рѣдко сохраняютъ свою чистоту: почти всегда свѣтъ ихъ получаетъ отраженіе, или преломляется. Болѣе многочисленный кружокъ людей подхватываетъ ихъ, но при этомъ извращаетъ, или, пропустивъ ихъ чрезъ свое невѣжество, свои предразсудки и свои страсти, люди эти воображаютъ, что они сами думаютъ, тогда какъ это не болѣе, какъ одинъ заемъ; но то, что у первыхъ выходило хорошо, у вторыхъ выходитъ дурно. Между тѣмъ эти послѣдніе, постоянно повторяя то, чего не понимаютъ,—и составляютъ мнѣніе большинства, которое говоритъ, не думая, и только извращаетъ,—не сознавая и не желая этого,—доходящія до него идеи, и безъ того не отли-

*) „Рус. Стар.“, 1881, IX, 183—184.

чавшіяся особенной чистотой. Не смотря, однако жъ, на все это, Талейранъ выразился очень вѣрно: „Я знаю кого-то, кто умнѣе Наполеона, Вольтера съ компаніей, умнѣе всѣхъ министровъ настоящихъ и будущихъ, и этотъ кто-то—общественное мнѣніе". Общественное мнѣніе не навязывается; за нимъ надо слѣдовать, такъ какъ оно никогда не останавливается. Можно уменьшить, ослабить свѣтъ озаряющаго его пламени, *но погасить это пламя—не во власти правительства.* Наполеонъ самъ сказалъ, что если бы можно было дать сраженіе общественному мнѣнію, онъ не боялся бы его; но, что, не имѣя такихъ артиллерійскихъ снарядовъ, которые могли бы попадать въ него, приходится побѣждать его правосудіемъ и справедливостью, передъ которыми оно не устоитъ; дѣйствовать противъ него другими средствами, говоритъ онъ, значитъ даромъ тратить и деньги, и почести; надо покориться этой необходимости; общественное мнѣніе не засадишь въ тюрьму, а прижимая его—только доведешь до ожесточенія... Сила общественнаго мнѣнія составляетъ не абсолютное, а относительное благо. Оно можетъ назваться благомъ, когда оно просвѣщенно и въ то же время прочно и умѣренно. Но общественное мнѣніе составляетъ зло, когда оно заблуждается въ выборѣ цѣли и средствъ, становясь, такимъ образомъ, силою, которая противится правительству" *).

Вдумавшись въ это опредѣленіе общественнаго мнѣнія, нельзя не увидѣть здѣсь цѣлую программу, ясную теоретизирующему Фоку и совершенно не совпадавшую съ практическими взглядами Бенкендорфа.

„Литераторы, эти провозвѣстники мнѣній, люди, пользующіеся въ настоящее время вліяніемъ больше, чѣмъ когда-либо,—пишетъ дальше Фокъ,—говорятъ, что новый цензурный уставъ (1826 года—*М. Л.*) закрываетъ имъ ротъ; общество вторитъ имъ, замѣчая, что такъ какъ новымъ уставомъ не дается даже авторамъ гарантія, опредѣленная законами, то положеніе ихъ становится подчасъ очень незавиднымъ. Кромѣ того, прибавляютъ нѣкоторые, такъ какъ отвѣтственность продолжаетъ лежать на писателяхъ даже послѣ того, что сочиненіе пройдетъ чрезъ горнило цензуры, то совершенно лишнее имѣть цензоровъ. Далѣе, къ чему было издавать законъ, который всѣми читается и комментируется всюду, даже на рынкахъ?" **).

Выводъ изъ всего этого ясенъ: пока общественное мнѣніе только слышно—на него въ III Отдѣленіи есть достаточно намордниковъ; видно же оно не будетъ, потому что печать въ своей жизни слѣдуетъ точно опредѣленнымъ рамкамъ недозволеннаго... Все общественное мнѣніе выражалось вотъ уже два года „Сѣ-

*) „Рус. Стар.", 1881, XI, 550—551, 558.
**) Ibidem., 538.

верной Пчелой“ Булгарина и Греча,—единственной русской газетой, получавшейся тогда во дворцѣ и потому именовавшейся заграницей „Hof-Zeitung“. III Отдѣленіе вполнѣ основательно было увѣрено въ благонамѣренности этихъ двухъ „литераторовъ“...

V.

III Отдѣленіе уже со дня своего основанія стало въ положеніе цензурнаго учрежденія.

Принявъ 3 іюля главное начальствованіе надъ отдѣленіемъ, Бенкендорфъ, въ срединѣ сентября, получаетъ письмо отъ великаго князя Константина Павловича, изъ Варшавы, съ призывомъ къ воздѣйствію на прессу.

„Въ ту минуту, какъ я оканчивалъ это письмо,—пишетъ великій князь,—мнѣ попалъ въ руки 109 нумеръ политической и литературной газеты „Journal de St. Pétersbourg“. Я замѣтилъ тамъ одну нелѣпость, которую крайне необходимо исправить. Въ той статьѣ, гдѣ идетъ рѣчь о смягченіи наказаній, дарованномъ его императорскимъ и царскимъ величествомъ по случаю его коронованія, передъ словомъ каторжные, которыхъ касается это смягченіе, поставленъ титулъ *господа* (sieurs) *). Но всякому извѣстно, что человѣкъ, осужденный на каторжныя работы, лишается всѣхъ своихъ дворянскихъ титуловъ и нѣкоторымъ образомъ ставится внѣ закона. И кому же даютъ этотъ титулъ? Преступникамъ, приговореннымъ къ смертной казни на эшафотѣ. „Journal de St. Pétersbourg“ — газета политическая, полуофиціальная; все, что въ ней сообщается, служитъ основой для мнѣній всѣхъ иностранныхъ государствъ и даже, можно сказать, цѣлаго міра. Не знаю, произошла-ли указанная мною нелѣпость отъ недосмотра издателя, или же была послѣдствіемъ предумышленнаго коварства; но дѣло въ томъ, что эта нелѣпость очень важна, и какъ я теперь ее осуждаю, такъ будутъ ее осуждать не только за-границей, но и внутри Россіи.

„Я прилагаю при семъ эту газету, съ помѣченной карандашомъ статьей, о которой идетъ рѣчь. Я счелъ долгомъ обратить ваше вниманіе на этотъ важный предметъ, и я не долженъ скрывать отъ васъ, что я уже не разъ замѣчалъ такія несообразности, которыхъ не слѣдовало бы допускать въ газетахъ такого рода. Прошу васъ доложить его императорскому и царскому величеству объ изложенныхъ здѣсь соображеніяхъ для того, чтобы вызвать его высочайшее повелѣніе къ прекращенію указанныхъ мною злоупотребленій“ **).

---

*) Рѣчь идетъ о приговорѣ надъ декабристами, приведенномъ въ исполненіе 13 іюля 1826.

**) „Переписка в. к. Константина Павловича съ гр. А. Х. Бенкендорфомъ“, „Рус. Арх.“, 1884 г., VI, 253—254.

Тонъ этого письма не оставляетъ никакихъ сомнѣній, съ одной стороны, въ томъ, что вмѣшательство Бенкендорфа, помимо министра народнаго просвѣщенія, въ цензуру было уже извѣстно варшавскому намѣстнику, съ другой—что оно съ самаго начала восходило, для резолюціи, къ государю. И дѣйствительно, почти ни одно распоряженіе свое Бенкендорфъ не выпускалъ изъ отдѣленія, не заручившись высочайшимъ согласіемъ.

Въ концѣ сентября 1826 года Бенкендорфъ былъ поставленъ посредствующимъ звеномъ между императоромъ и Пушкинымъ и, благодаря этому, за нимъ была какъ бы закрѣплена должность верховнаго цензора.

Объ отношеніяхъ III отдѣленія къ великому поэту я собираюсь поговорить особо—это тема сама по себѣ довольно обширная, а потому и опускаю ихъ здѣсь совершенно *).

VI.

Въ первый же докладъ свой новому государю министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Шишковъ, получилъ повелѣніе составить новый цензурный уставъ, такъ какъ Николай I совершенно не склоненъ былъ оставаться при старомъ и при томъ самомъ либеральномъ цензурномъ законѣ 1804 года **). Шишковъ, желая угодить государю, торопилъ своего директора департамента, кн. П. А. Ширинскаго - Шихматова, а послѣдній, недолго думая, вытащилъ изъ архива министерства цензурный проектъ Магницкаго 1824 г. и обрадовалъ министра. Уставъ былъ утвержденъ, но не просуществовалъ и года, какъ пришлось заняться его пересмотромъ. Въ особо назначенный для этого комитетъ, въ числѣ немногихъ лицъ, былъ введенъ и Бенкендорфъ, настоявшій, очевидно, на предоставленіи III отдѣленію,

---

*) Интересующихся отсылаю къ „Сочиненіямъ" самого Пушкина въ редакціи П. А. Ефремова; *Н. Лернеръ.* „А. С. Пушкинъ"; „Письма Пушкина и къ Пушкину"; *М. Сухомлиновъ* „Изслѣдованія и статьи" II; *А. Скабичевскій* „Очерки исторіи русской цензуры"; *М. Поповъ* „А. С. Пушкинъ",—„Русск. Стар.", 1874 г. VIII; *А. Ивановскій* „Эпизодъ изъ жизни Пушкина 21-го и 23 апрѣля 1828 г." — „Рус. Стар". 1874 г., V; „А С. Пушкинъ, его дружба, любовь и ненависть". — „Рус. Стар." 1879, IV, VI, VIII, XI; 1880—I, IV, VI. „Записки А. О. Смирновой", ч. 1. 1895 г.; „Къ дѣлу о доносѣ на А. С. Пушкина"—„Рус. Стар"., 1883 г., VI; „Рѣшеніе суда по поводу элегіи А. С. Пушкина „Андрей Шенье" — "Рус. Стар.", 1874 г. XI; „Пушкинъ и Бенкендорфъ",—„Рус. Стар.", 1899 г. V; *В. Шенрокъ* „А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь", — Рус, Стар.", 1880 г., IV; „И. Н. Скобелевъ въ 1793—1849 гг."—„Рус. Стар.", 1886 г., XII.

**) Интересующихся содержаніемъ и исторіей устава 1804 г. отсылаю къ своей статьѣ—„Пропущенный юбилей"—въ XI кн. „Русской Мысли" 1904 г.— Страннымъ кажется замѣчаніе Сухомлинова о большей терпимости Николая I, чѣмъ всего цензурнаго вѣдомства („Изслѣдованія и статьи", II. 211).

кромѣ прежняго негласнаго, еще и вполнѣ офиціальнаго руководительства. Такъ, § 23 утвержденнаго 22 апрѣля 1828 года устава подчинялъ цензуру драматическихъ сочиненій для представленія ихъ на сценѣ всецѣло III отдѣленію (печатаніе же ихъ—общей цензурѣ); согласно п. *a* § 52, содержатели типографій обязаны были доставлять въ III отдѣленіе по одному экземпляру печатаемыхъ у нихъ газетъ, журналовъ и альманаховъ. Кромѣ того, утвержденнымъ 25 апрѣля 1828 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта предписано было включить въ частные наказы цензорамъ *) что, „когда бы представлены были кѣмъ-либо на разсмотрѣніе цензуры книга или художественное произведеніе, клонящіяся къ распространенію безбожія, или обнаруживающія въ сочинителѣ или художникѣ нарушителя обязанностей вѣрноподданнаго, *то о семъ немедленно извѣщать высшее начальство для учрежденія за виновнымъ надзора, или же и преданія его суду по законамъ* **), т. е. рѣчь шла о доносѣ въ III отдѣленіе...

Къ концу 1827 года Бенкендорфъ, повидимому, вполнѣ освоился съ своей цензорской ролью и готовъ былъ забыть, что она не была за нимъ закрѣплена никакимъ законодательнымъ актомъ. Въ этомъ отношеніи очень любопытна переписка его съ Шишковымъ, возникшая благодаря жалобѣ Булгарина 19 ноября 1827 г. На жалобѣ Бенкендорфомъ была положена такая резолюція:

„Мин. просв: что мнѣ высочайше приказано читать всѣ стихи офицерами посылаемыя г. Булгарину, дабы судить могутъ ли быть напечатаны; не находя въ сихъ стихахъ ничево противно закону цензурнаго устава, прошу покорнѣйше меня увѣдомить чемъ руководствовались цензоры запрещая печатаніе сихъ стиховъ и прочихъ не законныхъ придирокъ по крайной мере видивши мое имя, могли бы здѣлать мнѣ честь спросить у меня, и тогда узнали бы что я ничево не дѣлаю безъ воли государя (;) объясненій по сему предмету нужно мнѣ дабы въ предь не могли случиться такія не приличныя поступки“ ***).

Въ виду такой резолюціи, 21 ноября Шишкову было отправлено отъ имени Бенкендорфа слѣдующее отношеніе:

„Милостивый государь Александръ Семеновичъ! государю императору благоугодно было мнѣ высочайше повелѣть перечи-

---

*) „Записка о цензурѣ кол. ас. Фукса“ 1862 г., 27.

**) Уставъ 1828 г. замѣчателенъ именно тѣмъ, что на другой же день его утвержденія стали издаваться въ массѣ всевозможныя распоряженія, имѣвшія цѣлью усиленіе охранительнаго принципа цензуры, очень мягко сравнительно указанныя въ самомъ законѣ; послѣдній въ своемъ чистомъ видѣ не существовалъ на практикѣ ни одного дня; къ такимъ-то прибавкамъ относятся и знаменитые, „частные наказы“ цензорамъ.

***) Архивъ III отд. с. е. и. в. канцеляріи, дѣло № 171, 1-й экспедиціи, 1827 г., бумага № 5.

тывать всѣ стихи, присылаемые нашими офицерами къ г. Булгарину, для помѣщенія въ издаваемыхъ имъ журналахъ. На семъ основаніи просматривалъ я стихи г. Анненкова, подъ заглавіемъ: *„Война въ Персіи“*, и не найдя въ нихъ ничего, противнаго правиламъ цензурнаго устава, возвратилъ оные г. Булгарину для напечатанія.

„Нынѣ освѣдомленъ я, что цензура, не смотря на то, что г. Булгаринъ объявилъ мое одобреніе, не только не пропустила сихъ стиховъ, но позволила себѣ даже не уважить моего имени и отнести разрѣшеніе сего вопроса на уваженіе Азіатскаго департамента.

„Вслѣдствіе сего я покорнѣйше прошу ваше превосходительство почтить меня увѣдомленіемъ, какими правилами руководствовалась цензура въ семъ дѣйствіи, которое, по моему мнѣнію, совершенно противно предначертаніямъ самого цензурнаго устава. Увидя мое имя, г. цензоръ въ случаѣ сомнѣнія, кажется, долженъ бы былъ сдѣлать мнѣ честь со мною объясниться, и узналъ бы тогда, что *я безъ воли его величества не осмѣливаюсь дѣлать ни одного шага.*

„Увѣдомленіе, о которомъ я васъ, м. г., прошу, нужно мнѣ на тотъ конецъ, дабы предотвратить на будущее время подобные неприличные и неделикатные поступки *).

Шишковъ отвѣчалъ 25 ноября, что Булгаринъ не предъявилъ цензурѣ подлиннаго разрѣшенія, а главному цензурному комитету совершенно была не извѣстна воля государя по поводу особаго вида цензуры стиховъ русскихъ офицеровъ ***).

На это Бенкендорфъ отвѣчалъ 28 ноября: „Получивъ отвѣтное отношеніе Вашего Высокопревосходительства по предмету неблаговиднаго дѣйствія цензуры при разсматриваніи одобренныхъ мною стиховъ подъ заглавіемъ: „Война въ Персіи“, я поспѣшаю покорнѣйше Васъ, М. Г., просить дѣло сіе почитать съ моей стороны прекращеннымъ, ибо я полагаю оное незаслуживающимъ того, чтобы быть доведену до свѣдѣнія Государя Императора.

„Впрочемъ, поставляю долгомъ со свойственною мнѣ откровенностью объяснить Вамъ, М. Г., что я нахожу всѣ представленныя цензурою извиненія совершенно неосновательными, равно какъ поступокъ оной весьма неприличнымъ и неделикатнымъ, присовокупляя къ тому, что если бъ кто либо изъ подчиненныхъ мнѣ лицъ осмѣлился сдѣлать подобный поступокъ противъ особы Вашего Высокопревосходительства, то я, конечно, взыскалъ бы съ него самымъ строгимъ образомъ“ ***).

*) Ibidem, бумага № 6. Съ большими неправильностями напечатано въ „Рус. Старинѣ“, 1888 г. VI, 617.

**) Ibidem, бумага № 7.

***) Ibid., бумага № 8.

Шишковъ, повидимому, не особенно былъ доволенъ начатой перестрѣлкой и, сдѣлавъ еще разъ подробное объясненіе всего происшедшаго, такъ заканчивалъ свое отношеніе отъ 30 ноября: „Напослѣдокъ, обращаясь къ самому себѣ и къ Вамъ, я скажу, что мнѣ очень жаль, есть ли Вы думаете, какъ изъ письма Вашего видно, будто я съ нѣкоторою противъ Васъ несправедливостію защищаю цензора. Такое Ваше заключеніе обо мнѣ происходитъ отъ того, что я не имѣю чести быть короче знаемъ Вами и что есть ли бы сіе было, то бы Вы совершенному почтенію и уваженію моему къ Вамъ отдали больше справедливости!“ *).

2 декабря Бенкендорфъ „чувствительнѣйше благодарилъ за изъявленіе благосклоннаго расположенія“ и повторялъ „покорнѣйшую свою просьбу считать дѣло *по цензурнымъ недоразумѣніямъ* съ своей стороны совершенно прекращеннымъ“ **).

Такимъ образомъ министру народнаго просвѣщенія было внушено, съ какимъ уваженіемъ и предупредительностью должна относиться цензура къ начальнику III отдѣленія.

Въ 1827 г. были еще два интересныхъ эпизода.

Къ новому 1826 году Александръ Бестужевъ (Марлинскій) и К. Ѳ. Рылѣевъ приготовили продолженіе альманаха „Полярной Звѣзды“, подъ названіемъ „Звѣздочка“. Нѣсколько листовъ уже было отпечатано въ типографіи главнаго штаба, а на прочія статьи у издателей находились уже пропущенныя цензурою рукописи. Послѣ 14 декабря 1825 г. всѣ отпечатанные листы и оригиналы были конфискованы. Между тѣмъ, книгопродавцы добивались купить у вдовы Рылѣева и матери Бестужева рукописи за 2,500 руб., съ правомъ напечатать ихъ безыменно. Сдѣлка эта не состоялась. Вдругъ въ „Невскомъ Альманахѣ“ на 1827 годъ появились: статья Бестужева „Замокъ Эйзенъ“, Сомова—„Гайдамакъ“, Туманскаго—„Пѣсня“, Хомякова—„Къ зарѣ“—всѣ изъ „Звѣздочки“, съ перемѣною лишь или фамилій авторовъ, или заглавій произведеній. Бенкендорфъ сразу замѣтилъ выходку издателя альманаха, Е. Аладьина, и только заступничество за него генерала Дибича спасло виновнаго отъ готовившихся преслѣдованій ***).

Кому неизвѣстенъ политическій образъ мыслей Погодина? Человѣкъ этотъ, казалось, воплощалъ въ себѣ тогдашній идеалъ „благонамѣренности“. И если его могли осуждать за рѣзкость, то въ концѣ двадцатыхъ годовъ это былъ ужъ несомнѣнный приверженецъ всякой предержащей власти. И вдругъ такой молодой человѣкъ оказывается чуть не карбонаріемъ. По крайней мѣрѣ, былъ такой доносъ на него:

---

*) Ibidem, № 9.

**) Ibidem, № 10. Курсивъ подлинника.

***) *Н. Д.* „Полярная Звѣзда“ и „Невскій Альманахъ“—„Рус. Стар.“ 1901 г. XI; „Звѣздочка“— „Рус. Стар.“ 1883 г., VII.

„Въ С.-Петербургъ прибылъ изъ Москвы издатель „Московскаго Вѣстника“ Погодинъ. Онъ только *по имени* издатель, на что въ доказательство имѣются собственноручныя его письма. Главные начальники сей редакціи суть: Соболевскій, Титовъ, Мальцовъ, Полторацкій, Шевыревъ, Рагозинъ и еще нѣсколько истинно бѣшенныхъ либераловъ (!!). Нѣкоторые изъ нихъ (Мальцовъ и Соболевскій) дали деньги на поддержаніе журнала и платятъ Пушкину за стихи. Главная ихъ цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ ввести политику въ этотъ журналъ. На 1828 годъ они намѣревались издавать политическую газету, но какъ ни одинъ изъ нихъ не могъ представить своихъ сочиненій, какъ повелѣно цензурнымъ уставомъ, то они выписали сюда Погодина, чтобъ онъ снова отъ своего имени просилъ позволенія ввести политику.

„Погодинъ человѣкъ чрезвычайно искательный. Онъ, переводя сочиненія Круга и восхваляя его, попалъ въ корреспонденты академіи наукъ и теперь покровительствомъ Уварова надѣется получить желаемое позволеніе на помѣщеніе политики въ своемъ журналѣ, которую намѣрены редактировать Титовъ и Полторацкій. Погодинъ не имѣетъ вліянія на сихъ молодыхъ людей и состоитъ у нихъ въ зависимости, потому что они богаты и смѣлы, а онъ бѣденъ, безъ имени и робокъ. Сіи юноши не пишутъ ничего литературнаго, почитая сіе недостойнымъ себя, и занимаются однѣми политическими науками. Образъ мыслей ихъ, рѣчи и сужденія отзываются самымъ явнымъ карбонаризмомъ (!!). Соболевскій и Титовъ (служащій въ иностранной коллегіи) суть самые худшіе изъ нихъ. Собираются они у князя Владиміра Одоевскаго, который слыветъ между ними философомъ, и у Мальцова“ *).

Итакъ, люди, давшіе отъ себя одного царскаго воспитателя (Титова), представителей „офиціальной народности“ (Погодинъ и Шевыревъ) и приверженцевъ всего существующаго, зачислены были III отдѣленіемъ въ разрядъ карбонаріевъ и „истинно бѣшеныхъ либераловъ“...

VII.

Въ 1828 г. Бенкендорфъ почти не былъ въ Петербургѣ, принужденный сопровождать государя то на театръ военныхъ дѣйствій, то по Россіи.

Извѣстно за этотъ годъ его распоряженіе о цензурѣ драматическихъ произведеній. Не смотря на § 12 только что опубликованнаго устава, предоставлявшій обыкновенной цензурѣ дозво-

*) „Рус. Стар.“ 1892 г., I. 34.

лять „всякія сужденія“ „о представленіяхъ на публичныхъ театрахъ и о другихъ зрѣлищахъ“,—Бенкендорфъ самолично сдѣлался цензоромъ всѣхъ театральныхъ рецензій, что видно изъ его резолюціи на одной изъ корректуръ „Сѣверной Пчелы“: „позволяется печатать и впредь можно писать о театрахъ, *показывая мнѣ*“ *). Такимъ образомъ, получалась возможность оказывать благоволеніе его всегдашнимъ фавориткамъ-актрисамъ...

Въ свое отсутствіе цензуру пьесъ и рецензій Бенкендорфъ поручалъ подчиненнымъ, изъ которыхъ многіе отличались сказочною придирчивостью. Такъ, напримѣръ, цензоръ III отдѣленія И. Л. Нордстремъ даже не пропустилъ названія пьесы „Изба“, находя его тривіальнымъ, и переименовалъ ее самъ въ „Святки“, тогда какъ дѣйствіе пьесы происходило на масляной... **).

Въ мартовской книжкѣ „Атенея“ за 1829 г., въ статьѣ „Антропологическая прогулка“ были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Возьмемъ, напримѣръ, нашихъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе кажутся для меня неизъяснимыми аномаліями (anomalie—уклоненіе, несходство), разстраивающими всѣ полученныя понятія, заставляющими сомнѣваться въ превосходствѣ правила мудраго надъ силою привычки и полагать, что пребываніе Аннибала въ Капуѣ не имѣло на судьбу его того вліянія, которое оному приписываютъ. Взгляните на ихъ щегольской нарядъ, на ихъ изнѣженность, на принужденность ихъ обращенія. Посмотрите, какъ они убиваютъ цѣлые дни въ самыхъ пустыхъ занятіяхъ; по три, по четыре часа сидятъ за деликатнымъ столомъ; разбираютъ съ утомительною подробностью достоинство какого-нибудь новаго блюда; проводятъ часть вечера съ хорошенькою модисткою или зѣваютъ въ оперѣ. Всѣ ихъ ученыя занятія ограничиваются чтеніемъ новаго романа, и ихъ одностороннее существованіе пробуждается только за карточнымъ столомъ. Вѣроятно, нельзя выдумать образа жизни, болѣе способнаго питать трусость и превратить самого Марса въ Сибарита. Но возгорѣлась война, и сіи раздушенные щеголи летятъ въ армію. Одной минуты довольно превратить ихъ въ героевъ: они не думаютъ объ трудностяхъ похода; стремятся въ опасности; презираютъ смерть; они готовы идти цѣлый день, бодрствовать цѣ-

---

*) „Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, 1862 г., 49. Замѣчу кстати, что писавшій по этому поводу П. Усовъ, повидимому, совершенно не знавшій о § 12 устава 1828 г., приписываетъ заслугу въ разрѣшеніи печати начать разборъ театральныхъ пьесъ Булгарину, якобы исхлопотавшему его у Бенкендорфа. Онъ же видитъ въ приведенной резолюціи начальника III отдѣленія особую *милость* русской литературѣ (см. „Истор. Вѣстн.“ 1883 г., V, 377—379)...

**) *А. Стаховичъ,* „Клочки воспоминаній“, М. 1904. 33.

лую ночь: они спятъ тамъ и тогда, когда можно, ѣдятъ, какъ собаки, и сражаются, какъ львы" *)...

Могла ли такая характеристика особенно обидѣть русскаго офицера? Оказывается, могла. Великій князь Михаилъ Павловичъ, командиръ гвардейскаго корпуса, просилъ Бенкендорфа обратить вниманіе на журналъ профессора М. Г. Павлова. Немедленно послѣдовало такое представленіе на высочайшее имя:

„Его императорское высочество великій князь Михаилъ Паловичъ изволилъ препроводить ко мнѣ книжку русскаго, издающагося въ Москвѣ, журнала „Атеней", въ коемъ помѣщена статья, подъ заглавіемъ „Антропологическая прогулка", переведенная, какъ по всему вѣроятію кажется, изъ англійскаго языка, но заключающая въ себѣ выраженія нелѣпыя и неприличныя на счетъ гвардіи офицеровъ.

„Статья сія произвела непріятное впечатлѣніе на его высочество и можетъ произвести справедливое негодованіе въ молодыхъ офицерахъ. Хотя сія статья, по строгомъ разбирательствѣ, не можетъ быть признана умышленно дерзновенною и преступною, но нельзя не замѣтить, съ одной стороны, неосторожность и *даже глупость цензора*, оную пропустившаго, а съ другой—неосмотрительность и, можно сказать, *невѣжество издателя журнала*, г. Павлова, который занимаетъ мѣсто профессора въ московскомъ университетѣ.

„Случай сей осмѣливаетъ меня всеподданнѣйше испросить высочайшаго вашего императорскаго величества разрѣшенія предписать всѣмъ мѣстнымъ начальствамъ о доставленіи въ III отдѣленіе собственной вашего величества канцеляріи по одному экземпляру всѣхъ выходящихъ въ государствѣ журналовъ и публичныхъ листовъ, дабы имѣть способъ удобнѣе наблюдать за духомъ періодической литературы и предотвращать неблагопріятные впечатлѣнія и толки" **).

Высочайшая резолюція—„согласенъ".

Итакъ, пользовавшійся громкою извѣстностью ученый, натуръфилософъ Павловъ изобличенъ былъ начальникомъ III отдѣленія въ „невѣжествѣ", а цензоръ В. Измайловъ, человѣкъ по своему времени безусловно развитой и тоже небезызвѣстный писатель, признанъ просто „глупымъ"... Это представленіе Бенкендорфа интересно и тѣмъ, что подчеркиваетъ еще разъ, насколько мало онъ зналъ свои оффиціальныя права: полученіе III отдѣленіемъ всѣхъ періодическихъ изданій, какъ мы уже видѣли, было узаконено еще уставомъ 1828 года. Самъ Бенкендорфъ, разумѣется,

*) „Атеней", 1829 г. мартъ, № 5.

**) *Б. Г.* „Невѣжество" издателя и „глупость цензора". „Истор. Вѣстн." 1897 г., VII.

ни газетъ, ни журналовъ, ни альманаховъ не видѣлъ въ глаза, ограничиваясь „Сѣверной Пчелой"...

Въ своемъ мѣстѣ мы остановимся на прекращеніи „Московскаго Телеграфа" Полевого, теперь же, заканчивая обзоръ 1829 года, приведемъ одинъ очень интересный документъ. Вотъ что писалъ Полевой начальнику 2-го (московскаго) округа корпуса жандармовъ, Волкову, послѣ того, какъ получилъ высочайшій выговоръ за статью „Приказные анекдоты", помѣщенную въ № 14 „Телеграфа" за 1829 годъ:

„Чтобы извлечь надлежащую пользу для общества изъ критическихъ статей о нравахъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ дѣйствовать сообразно намѣреніямъ и волѣ правительства, да позволено мнѣ будетъ отнынѣ прежде обыкновенной цензуры подвергать статьи сего рода, кромѣ мелочныхъ и ничтожныхъ по содержанію своему статей, цензурѣ особенной, доставляя ихъ для разсмотрѣнія къ вашему превосходительству. Я осмѣливаюсь думать, что тогда ревность моя дѣйствовать сочиненіями къ исправленію нравовъ и тѣмъ споспѣшествовать благодѣтельнымъ видамъ правительства не вовлечетъ меня въ неумышленную ошибку, которая можетъ дѣлать виновнымъ въ виду онаго.

„Во всемъ этомъ, ваше превосходительство, изволите видѣть искреннее желаніе: согласить пользу посильныхъ трудовъ моихъ съ сохраненіемъ порядка общественнаго. Какъ русскій, пламенно любящій славу монарха, видящій въ немъ не только моего государя, *но и великаго, геніальнаго человѣка нашего времени*, я увѣренъ, что его свѣтлый умъ знаетъ и цѣнитъ всѣ, даже и малѣйшія средства дѣйствовать на подвластный ему народъ, сообразно мудрымъ его предначертаніямъ" *).

Такимъ образомъ, издатель „перваго въ Россіи органа третьяго сословія" самъ просился подъ особую жандармскую цензуру, сверхъ общей, которой былъ подчиненъ. Нѣтъ никакихъ основаній объяснять это любопытное письмо иначе, какъ желаніемъ снять съ себя произволъ лично считавшихся съ Полевымъ московскихъ цензоровъ. Подъ ихъ цензурою ему было очень нелегко.

Доведенное, по просьбѣ Полевого, до государя, письмо это вызвало уже *распоряженіе* представлять критическія статьи „Московскаго Телеграфа", прежде обыкновенной цензуры, на разсмотрѣніе генерала Волкова, который и сталъ въ положеніе какъ бы московскаго Бенкендорфа.

---

*) *Н. Д.* „Н. А. Полевой, его сторонники и противники по „Моск. Телеграфу", „Рус. Стар." 1903 г., II, 264—266.

VIII.

Прежде, чѣмъ продолжать дальнѣйшій строго хронологическій разсказъ, я считаю умѣстнымъ остановить вниманіе читателя на одной сторонѣ дѣятельности III отдѣленія при Бенкендорфѣ. Если министерство народнаго просвѣщенія, бутурлинскій (1848—55 гг.) и адлерберговскій (1859—60 гг.) комитеты, руководя цензурою, пробовали иногда непосредственно и активно влiять на самое содержаніе литературныхъ произведеній и періодическихъ изданій, на помѣщеніе статей опредѣленнаго направленія и на разработку опредѣленныхъ темъ, то въ практикѣ III отдѣленія, считавшаго себя стоящимъ на стражѣ всей русской жизни и за нее отвѣтственнымъ, такой пріемъ былъ принятъ съ самаго начала и не оставлялся до конца взятаго мною періода (1826—55 гг.). Нашлись литераторы, которые не считали предосудительнымъ писать то, о чемъ ихъ „просили", иногда же прямо приказывали сильные міра сего. Съ основанія III отдѣленія эта „литература" получаетъ положительно права гражданства, а начальникъ III отдѣленія становится руководителемъ не только цензуры, но и извѣстной части литературы, точнѣе—прессы.

Первое такое указаніе встрѣчаемъ въ цитированныхъ уже нами донесеніяхъ Фока. Такъ, въ донесеніи отъ 28 іюля 1826 онъ пишетъ:

„Г. Эртель, переведшій на нѣмецкій языкъ, по высочайшему повелѣнію, докладъ слѣдственной коммиссіи, желалъ бы приложить къ своей книжкѣ переводъ высочайшаго манифеста и докладъ верховнаго суда *). Такъ какъ переводъ этотъ появился уже въ нѣмецкихъ газетахъ, издаваемыхъ С.-Петербургской Академіей, то по этому поводу не можетъ быть, повидимому, никакихъ затрудненій. Наши подлежащія власти раздѣляютъ это мнѣніе, но, не смотря на это, отказываются дать оффиціальное разрѣшеніе перепечатать эти документы и отсылаютъ другъ къ дружкѣ прошеніе г. Эртеля. Такъ какъ г. Эртель предполагаетъ послать нѣсколько сотъ экземпляровъ своего перевода за-границу, то было бы, я думаю, желательно, чтобы онъ присоединилъ къ нимъ переводъ послѣднихъ правительственныхъ актовъ, какъ для того, чтобы дополнить разсказъ объ этомъ событіи, такъ и съ тѣмъ, *чтобы предупредить ошибочное толкованіе ихъ*. Не найдете ли, в. пр., возможнымъ доложить объ этомъ его величеству и сообщить мнѣ мнѣніе государя по этому поводу" **).

*) Рѣчь идетъ о декабристахъ.

**) „Рус. Стар.", 1881 г., IX, 181. Въ результатѣ была книга Эртеля: „Der Bericht zur Ausmittelung übelgesinnter Gesellschaften in Russland niedergesetzten Untersuchungs-commission", St.-Petersbourg, 1826 г., 8°.

Вмѣсто ненужныхъ комментарій, замѣчу только, что въ извѣстной части заграничной прессы „ошибочное толкованіе“ дѣйствительно отсутствовало...

Изъ русскихъ органовъ прежде другихъ была приближена „Сѣверная Пчела“. По словамъ самого Бенкендорфа, тамъ, напримѣръ, по его распоряженію, помѣщались статьи, имѣющія цѣлью „успокаивать публику насчетъ иностранныхъ дѣлъ и событій“ *). Критиковать, оспаривать, а особенно опровергать подобныя статьи строго запрещалось, но всегда post factum, потому что онѣ снаружи не носили вида инспирированныхъ и принадлежали якобы редакціи. Когда, напримѣръ, въ „Литературной Газетѣ“ появилась довольно рѣзкая отповѣдь по адресу „Пчелки“ за ложность печатаемыхъ ею извѣстій, Бенкендорфъ немедленно просилъ министра просвѣщенія Ливена дать по этому поводу соотвѣтствующія объясненія **).

Изъ довольно обширнаго „дѣла“ о „Сѣверной Пчелѣ“ видно, что Бенкендорфъ уже съ конца 1826 года оказывалъ ей особое покровительство, выражавшееся, между прочимъ, въ томъ, что нѣкоторыя статьи, которыя, по его предположенію, могли бы понравиться государю, онъ представлялъ ему въ рукописи. Такъ, на рукописи булгаринскаго фельетона: „*Нравы. Слухи*“ (Письмо ученаго часового мастера къ издателямъ „Сѣверной Пчелы“) имѣется высочайшая резолюція: „permis de passer“ ***).

На рукописи статьи „*О мирѣ съ Оттоманскою портою*“ рукою Бенкендорфа написано: „безподобно, слова государя. Можно печатать, исключая что вычеркнуто“ ****).

Въ 1830 г., спѣша выпустить номеръ отъ 2 января, редакторы „Пчелы“ не дождались цензурнаго разрѣшенія министерства двора на театральную рецензію и поставили ее цѣликомъ, зная, что „благодѣтель“, если надо, заступится. Такъ и вышло: кн. П. М. Волконскій обратился къ Бенкендорфу за разъясненіемъ. Бенкендорфъ отвѣчалъ 5 января: „Вслѣдствіе записки ко мнѣ вашего сіятельства о напечатаніи въ „Сѣверной Пчелѣ“ статьи объ Итальянскомъ театрѣ, безъ исключенія тѣхъ мѣстъ, которыя были отмѣчены вами въ рукописи, сносился я съ издателями сей газеты и получилъ отъ нихъ объясненіе въ отвѣтъ, что сіе произошло, въ сей разъ, отъ того единственно, что они принуждены были, по причинѣ наступленія праздниковъ, въ кои прекращается работа въ типографіяхъ, напечатать 1-й нумеръ „Пчелы“ днемъ ранѣе, и посему не могли дождаться доставленія отъ меня руко-

*) „Рус. Стар.“, 1901 г., IX, 662.

**) Ibidem.

***) Архивъ III отд. С. Е. И. В. канцеляріи, дѣло № 171, 1 экспедиція, 1827 г., бумага № 4.

****) Ibidem, № 13

писи сей статьи, а должны были напечатать нумеръ съ одобреніемъ одной только гражданской цензуры. При семъ случаѣ повторили они мнѣ искреннее увѣреніе, что всегда готовы исполнять всѣ замѣчанія и поправки вашего сіятельства, и не только отъ чего не уклоняться, но и просятъ о неоставленіи ихъ вашимъ руководствомъ и указаніями.—Я, съ своей стороны, также покорнѣйше прошу ваше сіятельство о невмѣненіи имъ въ вину сей неумышленной ошибки, и объ обращеніи на ихъ статьи и въ будущее время вашего благосклоннаго вниманія" *).

III отдѣленіе участвовало и въ расходахъ „Сѣверной Пчелы", что видно, напримѣръ, изъ нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ въ 1855 г. самимъ Булгаринымъ: „Даже за границею завербовалъ онъ (Гречъ) какого-то сорванца, который присылаетъ вырѣзки изъ газетъ и разныя писанныя сплетни, которыхъ я не вижу и не знаю. *Прежде* за это платило III отдѣленіе С. Е. В. канцеляріи, куда и поступаютъ заугольныя извѣстія, а теперь „Сѣверная Пчела" должна платить этому сорванцу 1.000 руб. серебромъ!" **)

Довольно сложныя отношенія „Пчелы" связывали ее съ небезызвѣстнымъ „другомъ солдата", Луи Шнейдеромъ. Въ 1848 г. Гречъ предложилъ ему поставлять въ свою газету еженедѣльныя корреспонденціи о ходѣ политическихъ дѣлъ въ Пруссіи, по разсчету 1.200 руб. въ годъ. Письма Шнейдера печатались не всѣ, потому что проходили предварительно черезъ руки государя, но 1.200 рублей Шнейдеръ получалъ аккуратно и не отъ „Пчелы", а отъ государя" ***).

Вторымъ оффиціознымъ органомъ была основанная въ 1829 году въ Петербургѣ, газета на польскомъ языкѣ „Tygodnik" („Еженедѣльникъ"). Съ самаго начала она состояла подъ непосредственнымъ наблюденіемъ III отдѣленія, а въ 1832 г. приняла названіе: „Оффиціальной газеты Царства Польскаго", которое и сохранила до самаго конца (1858 г.) ****).

23 января 1832 г. Бенкендорфъ писалъ кн. Ливену: „Его Императорское Величество по всеподданнѣйшему моему докладу высочайше повелѣть соизволилъ, дабы издаваемый здѣсь на польскомъ языкѣ журналъ Tygodnik былъ отнынѣ впредь оффиціальною газетою и чтобъ вслѣдствіе того помѣщаемы были въ оной всѣ акты и высочайшія повелѣнія, относящіеся къ Царству Польскому, опредѣленные ко всеобщему свѣдѣнію, съ тѣмъ, чтобы журналъ сей оставался впрочемъ (въ прочемъ?) на прежнемъ основаніи и чтобы оный не минуя однакоже установлен-

*) Ibidem., № 14.
**) „Рус. Архивъ", 1869 г., IX, 1557.
***) *С. Татищевъ*, „Императоръ Николай и иностранные дворы", Спб., 1889 г., 319—320.
****) „Рус. Арх.", 1872, V, 1032—1033.

ной цензуры, состоялъ, равно какъ и издатель, въ непосред ственномъ моемъ вѣдѣніи“ *).

Заграничная печать не упускалась изъ вида еще Петромъ Великимъ, платившимъ, какъ извѣстно, тамошнимъ литераторамъ за собственное прославленіе. Такой государственно образованный и умный человѣкъ, какъ гр. П. Д. Киселевъ, и онъ даже былъ за ласкательство иностранной прессы. „Однажды,—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ,—за семейнымъ обѣдомъ у императора Николая, я поддерживалъ, противъ канцлера гр. Нессельрода, необходимость повліять на иностранную печать, составляющую нынѣ силу, съ которою надо бороться, если не хотятъ пріобрѣсти ее, чтобъ управлять ею, или, по крайней мѣрѣ, надо имѣть органъ для опроверженія безобразной лжи, которую она позволяетъ себѣ въ отношеніи насъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Гр. Нессельродъ утверждалъ, что неприлично достоинству великаго государства входить въ борьбу съ прессой. Я отвѣчалъ, что, конечно, это спокойнѣе, но не полезнѣе; что время оправдаетъ меня, а пока мнѣ жаль видѣть, что рутина сильнѣе очевидности“ **).

Очевидно, дѣло это было направлено мимо министра иностранныхъ дѣлъ, черезъ Бенкендорфа. И, дѣйствительно, мы знаемъ, что въ интересующую насъ эпоху въ Европѣ содержались Бенкендорфомъ особые агенты-писатели. Вотъ его личное объ этомъ свидѣтельство:

„Во время нашего пребыванія въ Теплицѣ ***), кн. Меттернихъ старался еще болѣе со мною сблизиться и показывалъ мнѣ всевозможные знаки довѣрія. Съ годъ передъ тѣмъ я послалъ въ Германію одного изъ моихъ чиновниковъ, съ цѣлью опровергать посредствомъ дѣльныхъ и умныхъ газетныхъ статей грубыя нелѣпости, печатаемыя за границею о Россіи и ея монархѣ, и вообще стараться противодѣйствовать революціонному духу, обладавшему журналистикою. Послѣднее обстоятельство очень интересовало и князя Меттерниха. Увѣряя, что у него нѣтъ чиновника способнѣе къ этому моего, который имѣлъ случай сдѣлаться ему лично извѣстнымъ, онъ просилъ прислать его на жительство въ Вѣну, чтобы имъ работать тамъ соединенными силами на пользу Россіи и Австріи и на распространеніе добрыхъ монархическихъ началъ. Я тѣмъ охотнѣе на это согласился, что мнѣ не хотѣлось возбуждать подозрѣнія объ участіи въ семъ дѣлѣ нашего правительства, слишкомъ высоко стоявшаго для борьбы

---

*) Цензурныя дѣла, переданныя въ 1892 г. изъ министерства народнаго просвѣщенія въ импер. пуб. библіотеку и хранящіяся тамъ въ рукописномъ отдѣленіи подъ № 158, № 1, т. IV, стр. 2527—2528. Странно послѣ этого читать въ воспоминаніяхъ Пржецлавскаго, редактора „Tygodnik'а, что органъ его былъ совершенно самостоятеленъ.

**) *А. Заблоцкій-Десятовскій*, „Гр. П. Д. Киселевъ и его время“, III, 392.

***) Рѣчь идетъ о пребываніи тамъ Николая I въ 1835 году.

съ журналами. Вслѣдствіе того, мой чиновникъ, разъѣзжавшій по Германіи, какъ совершенно частное лицо, поселился въ Вѣнѣ въ такой же роли. Сверхъ того, князь Меттернихъ, постоянно обращавшій особенное вниманіе на дѣла высшей или тайной полиціи, предложилъ мнѣ прислать въ Вѣну одного изъ нашихъ жандармскихъ офицеровъ, чтобы ознакомить его со всѣмъ движеніемъ этой части въ Австріи и, введя его во всѣ подробности ея механизма, черезъ то самое согласить наши обоюдныя мѣры противъ поляковъ. И на это предложеніе я также съ удовольствіемъ согласился и, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, тотчасъ же командировалъ въ Вѣну подполковника Озерецковскаго, который былъ принятъ тамъ со всею ласкою и предупредительностью" *).

Смѣшнѣе всего, что Бенкендорфъ воображалъ себя учителемъ Меттерниха...

Изъ сношеній Бенкендорфа съ отдѣльными писателями приведу прежде всего очень характерный разсказъ сына извѣстнаго въ свое время водевилиста и актера Каратыгина, у котораго Бенкендорфъ бывалъ на дому, „какъ добрый и любезный знакомый".

„Когда, въ 1830 году, отецъ мой отдалъ на сцену первый свой водевиль — „Знакомые незнакомцы", имѣвшій блестящій успѣхъ и особенно понравившійся императору Николаю Павловичу, Бенкендорфъ, встрѣтивъ моего отца у графа В. В. Мусина-Пушкина, сказалъ ему *глазъ-на-глазъ*:

— Государю очень понравился вашъ водевиль, и вы, если хотите, можете много выиграть и въ мнѣніи его величества, и въ вашей авторской карьерѣ. Вставьте въ вашъ водевиль куплетъ патріотическаго содержанія по поводу нынѣшнихъ событій (польскаго мятежа и недавней холеры въ Москвѣ) **). Если сердце подскажетъ слово въ похвалу государю, — это не повредитъ эффекту на публику. Подумайте о моемъ предложеніи и дня черезъ два дайте отвѣтъ...

„Молодой, только что начинавшій водевилистъ, при всей своей любви къ государю,—можетъ быть, именно вслѣдствіе этой любви,— не рѣшился профанировать своихъ патріотическихъ чувствъ, выставляя ихъ на показъ передъ театральною публикою и превращая ихъ въ орудіе собственныхъ выгодъ и неизвѣстныхъ ему видовъ графа Бенкендорфа. Отправясь къ нему, отецъ мой смѣло и рѣшительно отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія, говоря, что водевиль свой считаетъ слишкомъ ничтожнымъ, чтобы вставлять въ него куплетъ съ напоминаніями о царѣ и отечествѣ.

---

*) „Записки" гр. А. Х. Бенкендорфа", „Истор. Вѣстн.", 1903 г., I, 53 — 54.

**) Авторъ, очевидно, говоритъ о 1831, а не 1830 годѣ.

„Графъ Бенкендорфъ пристально посмотрѣлъ на отца, потомъ, протянувъ ему руку, сказалъ:

— До сихъ поръ я васъ любилъ, какъ человѣка талантливаго, а теперь уважаю, какъ человѣка честнаго“ *).

Каратыгинъ оцѣниваетъ этотъ фактъ по его заключительному моменту, полагая, что Бенкендорфъ хотѣлъ лишь испытать его отца. Я думаю, что, наоборотъ, все, начиная съ предложенія, сдѣланнаго съ глазу-на-глазъ, говоритъ за необходимость иного толкованія...

Справедливость этого доказывается совершенно аналогичнымъ предложеніемъ, сдѣланнымъ бар. Розену, автору драмы „Россія и Баторій“. Ему было просто приказано передѣлать ее для сцены въ видахъ производства „хорошаго впечатлѣнія на духъ народный“. Приказаніе было покорно исполнено **).

Авторъ „Юрія Милославскаго“, пользовавшійся, казалось бы, довольно независимымъ положеніемъ, какъ директоръ московскихъ императорскихъ театровъ и оружейной палаты, окруженный почетомъ, лично извѣстный императору—очень покорно выполнялъ литературные заказы Бенкендорфа.

Такъ, 11 августа 1836 г. начальникъ III отдѣленія писалъ ему: „Шефъ жандармовъ, командующій императорскою главною квартирою, ген.-адъютантъ, графъ Бенкендорфъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе его высокородію Михаилу Николаевичу, покорнѣйше проситъ его, какъ очевидца сегодняшняго шествія его величества государя императора въ Успенскій соборъ, потрудиться написать о семъ статью, которую и доставить къ нему, генералъ-адъютанту Бенкендорфу, завтрашняго числа, къ 12 часамъ утра, для помѣщенія оной въ газету „Сѣверная Пчела“ ***).

Такое категорическое приказаніе Загоскинъ выполнилъ буквально, и въ № 192, отъ 24 августа, статья была напечатана ****).

Другое приказаніе было не менѣе характерно.

„С.-Петербургъ, 24 января 1839 г.

„Милостивый государь Михаилъ Николаевичъ!

„Издатель альманаха „Утренняя Заря“ В. А. Владиславлевъ, котораго изданіе, ежегодно улучшаясь, пріобрѣло общее расположеніе отечественной публики и выгодные отзывы иностранныхъ журналовъ, какъ по литературному достоинству помѣщенныхъ въ немъ статей, такъ и по изяществу гравюръ и по типографской роскоши, возобновляетъ альманахъ свой на будущій 1840 годъ,

*) *П. Каратыгинъ.* „Бенкендорфъ и Дубельтъ“, „Истор. Вѣстн.“, 1887 г. X, 165—166.

**) *А. В. Никитенко.* „Записки и дневникъ“, изд. 2-е, Спб. 1905 г. I. 234.

***) „Изъ переписки М. Н. Загоскина“, „Рус. Стар.“, 1902 г., VII, 86—87.

****) Въ названной выше книжкѣ „Рус. Стар.“ ошибочно сказано: „№ 191 отъ 21 августа“.

въ роскошнѣйшемъ видѣ, въ пользу с.-петербургской дѣтской больницы.

„По званію предсѣдателя означенной больницы, принимая съ признательностью столь благотворительное приношеніе г. Владиславлева и желая съ своей стороны по возможности содѣйствовать его предпріятію, я пріемлю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, не угодно ли будетъ вамъ удостоить участіемъ вашимъ изданіе его на будущій 1840 годъ, присовокупляя при томъ, что всякое приношеніе ваше въ сей альманахъ принято будетъ *мною* съ искреннею благодарностью“ *).

Загоскинъ помѣстилъ въ альманахѣ свой разсказъ „Нескучное“... Недаромъ въ это же время Бенкендорфъ предлагалъ ему перейти на службу въ III отдѣленіе **)...

Упомянутый Бенкендорфомъ Владиславлевъ состоялъ въ корпусѣ жандармовъ и былъ одно время личнымъ адъютантомъ начальника III отдѣленія. Извѣстенъ онъ былъ своими альманахами ***), о которыхъ и Бѣлинскій отзывался очень сочувственно, что, впрочемъ, понятно: въ концѣ 30-хъ годовъ неистовый Виссаріонъ еще не оцѣнивалъ какъ нужно мѣста службы альманашника. По словамъ современниковъ, III отдѣленіе способствовало распространенію альманаховъ Владиславлева, сдѣлавъ ихъ для многихъ учрежденій обязательными...

Отношенія Бенкендорфа къ писателямъ варьировались очень разнообразно. Въ 1831 г., въ самый разгаръ польскихъ событій, Погодинъ послалъ ему статью о правахъ Россіи на Литву, напечатанную потомъ въ „Телескопѣ“. Очень скоро былъ полученъ запросъ отъ начальника III отдѣленія: „чего желаетъ авторъ за статью, которая читана и понравилась?“ По этому поводу Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „предложеніе Бенкендорфа не такъ щекотливо, какъ кажется“ ****). Что именно онъ получилъ—неизвѣстно...

Теперь обратимся къ прерванному хронологическому изложенію, начиная съ 1830 года.

М. Лемке.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) „Рус. Стар.“ 1902 г. VII, 87.

**) *А. Ө. Кони.* „М. Н. Загоскинъ и цензура“, „Подъ знаменемъ науки“, сборникъ, 1901 г.

***) „Альманахъ на 1838 годъ, составленный изъ литературныхъ трудовъ 24 литераторовъ“, Спб., 1838 г.; „Утренняя Заря“, альманахи на 1839—43 гг. Въ „Зарѣ“ на 1842 годъ въ числѣ иллюстрацій былъ портретъ дочери Бенкендорфа—С. А., а на 1843 г. была дана гравюра съ видомъ имѣнія Бенкендорфа,—Фалль.

****) *Н. Барсуковъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина“, III; 271—273.

КОМАНДИРОВКА.

Очеркъ.

I.

— Скоро ли станція, ямщикъ?

— Не скоро еще—до мятели врядъ ли доѣхать.. Вишь, заку́ржавѣло какъ, сивера̀ идетъ.

Да, видно, до мятели не доѣхать. Къ вечеру становится все холоднѣе. Слышно, какъ снѣгъ подъ полозьями поскрипываетъ, зимній вѣтеръ,—сиверá,—гудитъ въ темномъ бору, вѣтви елей протягиваются къ узкой лѣсной дорогѣ и угрюмо качаются въ опускающемся сумракѣ ранняго вечера.

Холодно и неудобно. Кибитка узка, подъ бока давитъ, да еще некстати тутъ шашки да револьверы провожатыхъ болтаются. Колокольчикъ выводитъ какую-то длинную, однообразную пѣсню, въ тонъ запѣвающей мятели.

Къ счастію,—вотъ и одинокій огонекъ станціи на опушкѣ гудящаго бора.

Мои провожатые, бряцая цѣлымъ арсеналомъ вооруженія, стряхиваютъ снѣгъ въ жарко натопленной, темной, закопченой избѣ. Бѣдно и непривѣтно. Хозяйка укрѣпляетъ въ свѣтильнѣ дымящую лучину.

— Нѣтъ ли чего поѣсть у тебя, хозяйка?

— Ничего нѣтъ-то у насъ...

— А рыбы? Рѣка тутъ у васъ недалече?

— Была рыба, да выдра всю позо́бала.

— Ну, картошки...

— Померзла картошка-то у насъ нонѣ...

Дѣлать нечего,—хлѣба дала хозяйка, самоваръ, къ удивленію, нашелся, и то слава Богу! Погрѣлись чайкомъ, хлѣбца поѣли, луковицъ принесла хозяйка въ лукошкѣ. А вьюга на дворѣ разыгрывалась, мелкимъ снѣгомъ въ окна сыпало, и по временамъ даже свѣтъ лучины вздрагивалъ и колебался.—„Нельзя вамъ ѣхать-то будетъ,—ночуйте!“

— Что-жъ,—ночуемъ. Вамъ вѣдь, господинъ, торопиться-то некуда тоже. Видите,—тутъ сторона-то какая, ну, а тамъ еще хуже,—вѣрьте слову!—говоритъ одинъ изъ провожатыхъ.

Въ избѣ все смолкло. Даже хозяйка сложила свою прясницу съ пряжей и улеглась, переставъ свѣтить лучину. Водворился мракъ и молчаніе, нарушаемое только порывистыми ударами налетавшаго вѣтра.

Я не спалъ. Въ головѣ, подъ шумъ бури, поднимались и летѣли одна за другой тяжелыя мысли.

— Не спится, видно, господинъ,—произноситъ тотъ же провожатый,—„старшой",—человѣкъ довольно симпатичный, съ пріятнымъ, даже какъ будто интеллигентнымъ лицомъ, расторопный, знающій свое дѣло и, поэтому, не педантъ. Въ пути онъ не прибѣгаетъ къ ненужнымъ стѣсненіямъ и формальностямъ.

— Да, не спится.

Нѣкоторое время проходитъ въ молчаніи, но я слышу, что и мой сосѣдъ не спитъ; чуется, что и ему не до сна, что и въ его головѣ бродятъ какія-то мысли. Другой провожатый,—молодой „подручный", спитъ сномъ здороваго, но крѣпко утомленнаго человѣка. Временами онъ что-то невнятно бормочетъ.

— Удивляюсь я вамъ,—слышится опять ровный, грудной голосъ унтера:—народъ молодой, люди благородные, образованные, можно сказать,—а какъ свою жизнь проводите...

— Какъ?

— Эхъ, господинъ! Неужто мы не можемъ понимать!.. Довольно понимаемъ, что вы не въ эдакой, можетъ, жизни были и не къ этому съ измалѣтства-то привыкли...

— Ну, это вы пустое говорите: дѣло не въ томъ, къ чему съ измалѣтства привыкали,—было время и отвыкнуть...

— Неужто весело вамъ?—произноситъ онъ тономъ сомнѣнія.

— Не весело, что и говорить... А вамъ весело?..

Молчаніе. Гавриловъ (будемъ такъ звать моего собесѣдника), повидимому, о чемъ-то думаетъ.

— Нѣтъ, господинъ, что я вамъ скажу... Вѣрьте слову: иной разъ бываетъ, просто, кажется, на свѣтъ не глядѣлъ бы... Съ чего ужъ это такъ бываетъ,—не знаю; только иной разъ такъ подступитъ, такъ подступитъ,—ножъ острый, да и только.

— Служба, что ли, тяжелая?...

— Служба службой... Конечно, не прогулка, да и начальство, надо сказать, строгое, а только все же не съ этого... не отъ службы.

— Такъ отчего же?

— Кто знаетъ!..

Опять молчаніе.

...— Еще теперь обтерпѣлся немного,—привыкъ... Ну, и начальство не оставляетъ,—въ унтеръ-офицеры произведенъ, штрафовъ никакихъ не бывало, да и домой скоро,—въ отставку...

— Такъ что же?

...— А вотъ я вамъ, господинъ, разскажу—случай какой со мной былъ...

II.

Поступилъ я на службу въ 1874 году, въ эскадронъ, прямо изъ сдаточныхъ. Служилъ хорошо, можно сказать— съ полнымъ усердіемъ, все больше по нарядамъ: въ парадъ куда, къ театру,—сами знаете. Грамотѣ хорошо былъ обученъ, ну, и начальство не оставляло. Маіоръ у насъ землякъ мнѣ былъ и, какъ видя мое стараніе,—призываетъ разъ меня къ себѣ и говоритъ: „Я тебя, Гавриловъ, въ унтеръ-офицеры представлю,—ты въ командировкахъ бывалъ ли"?—Никакъ нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе.—„Ну, говоритъ, въ слѣдующій разъ назначу тебя въ подручные,— присмотришься, дѣло не хитрое".—Слушаю, говорю, ваше высокоблагородіе, радъ стараться.

А въ командировкахъ я точно-что не бывалъ ни разу,— вотъ съ вашимъ братомъ, значитъ. Оно хоть, скажемъ, дѣло-то не хитрое, а все же, знаете, инструкціи надо усвоить, да и расторопность нужна Ну, хорошо...

Черезъ недѣлю этакъ мѣста, зоветъ меня дневальный къ начальнику и унтеръ-офицера одного вызываетъ. Пришли. „Вамъ, говоритъ, въ командировку ѣхать. Вотъ тебѣ—говоритъ унтеръ-офицеру — подручный. Онъ еще не бывалъ. Смотрите, не зѣвать, справьтесь, говоритъ, ребята, молодцами,—барышню вамъ везти изъ замка Вотъ вамъ инструкція, завтра деньги получай, и съ Богомъ"!..

Ивановъ, унтеръ-офицеръ, въ старшихъ со мной ѣхалъ, а я въ подручныхъ,—вотъ какъ у меня теперь другой-то жандармъ. Старшему сумка казенная дается, деньги онъ на руки получаетъ, бумаги тоже, онъ расписывается, счеты эти ведетъ, ну, а рядовой въ помощь ему дается: послать куда, за вещами присмотрѣть, то, другое...

Ну, хорошо. Утромъ, чуть свѣтъ еще,—отъ начальника вышли,—гляжу: Ивановъ мой ужъ выпить гдѣ-то успѣлъ. А человѣкъ онъ былъ,—надо прямо говорить—не подходящій,—разжалованъ теперь. На глазахъ у начальства—какъ слѣдуетъ быть унтеръ-офицеру, и даже такъ, что на дру-

гихъ кляузы наводилъ, выслуживался. А чуть съ глазъ долой, сейчасъ и завертится, и первымъ дѣломъ выпить любилъ.

Пришли мы въ замокъ; какъ слѣдуетъ, бумагу вручили, — ждемъ, стоимъ. Любопытно мнѣ, какую барышню везти-то придется, а везти назначено намъ по маршруту далеко. По самой этой дорогѣ ѣхали, только въ городъ она назначена была, не въ волость. Вотъ, мнѣ и любопытно въ первый-то разъ,—жду, стою.

Только прождали мы этакъ съ часъ мѣста, пока ея вещи собирали,--а и вещей-то съ ней узелокъ маленькій,—юбка тамъ, ну, то, другое,—сами знаете. Книжки тоже были, а больше ничего съ ней не было; небогатыхъ видно, родителей, думаю. Только выводятъ ее,—смотрю, молодая еще, какъ есть ребенкомъ мнѣ показалась. Волосы русые, въ одну косу собраны, на щекахъ румянецъ у нея въ ту пору такъ и горѣлъ, а потомъ увидѣлъ я—блѣдная она совсѣмъ, бѣлая во всю дорогу была. Такъ мнѣ ее жалко стало, то есть такъ жалко,—просто, ну!..

Стала она пальто надѣвать, калоши... Вещи намъ ея показали,—правило, значитъ: по инструкціи мы вещи смотрѣть обязаны. „Деньги, спрашиваемъ, съ вами какія будутъ?“ Рубль двадцать копѣекъ денегъ оказалось,—старшо́й къ себѣ взялъ.—„Васъ, барышня, говоритъ ей, я обыскать долженъ“.

Какъ она тутъ вспыхнетъ. Глаза это у нея загорѣлись, румянецъ еще гуще выступилъ. Губы тонкія, сердитыя... Какъ посмотрѣла на насъ,—вѣрите, я и подступиться не посмѣлъ. Ну, а старшо́й, извѣстно, выпивши былъ—лѣзетъ къ ней прямо. „Я, говоритъ, обязанъ; у меня, говоритъ, инструкція!..“

Какъ крикнетъ она тутъ, даже Ивановъ — и тотъ попятился. Гляжу на нее: лицо поблѣднѣло, ни кровинки, а глаза ровно вотъ почернѣли, и злая, презлая... Ногой топаетъ, говоритъ шибко,—только я, признаться, хорошо и не слушалъ, что она говорила... Смотритель тоже испугался, воды ей принесъ въ стаканѣ.—„Успокойтесь, проситъ ее, пожалуйста, говоритъ, сами себя пожалѣйте!“ А она и на него тутъ напала.—„Варвары, говоритъ, вы, холопы!“—Ну, и много еще дерзкихъ словъ ему выражала. Какъ хотите,—супротивъ начальства это вѣдь нехорошо...

Такъ мы ея и не обыскивали. Увелъ ее смотритель въ другую комнату, да съ надзирательницей тотчасъ же и вышли они,—ничего, говоритъ, при нихъ нѣтъ.—А она на него глядитъ и, точно вотъ, смѣется въ лицо ему, и глаза злые все. А Ивановъ,—извѣстно, пьяному море по колѣна,—смотритъ

да все свое бормочетъ:—„Не по закону,—у меня, говоритъ, инструкція!..“ Только смотритель вниманія не взялъ.

Поѣхали. По городу проѣзжали,—все она въ окна кареты глядитъ, точно прощается, либо знакомыхъ увидѣть хочетъ. А Ивановъ взялъ, да занавѣски-то опустилъ,—окна и закрылъ. Забилась она въ уголъ, прижалась и глядитъ на насъ. А я, признаться сказать, не утерпѣлъ-таки: взялъ это одну занавѣску, будто самъ поглядѣть хочу, открылъ такъ, чтобы ей видно было... Только она и не посмотрѣла въ окно, и все такая сердитая,—въ уголку сидитъ, губы закусила... Въ кровь, такъ я себѣ думалъ, искусаетъ.

Поѣхали по желѣзной дорогѣ. Погода ясная этотъ день стояла,—осенью дѣло это было, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Солнце-то свѣтитъ, да вѣтеръ свѣжій, осенній, а она въ вагонѣ окно отворитъ, сама высунется на вѣтеръ, такъ и сидитъ. По инструкціи-то оно не полагается, знаете, окна открывать, да Ивановъ мой, какъ въ вагонъ ввалился, такъ и захрапѣлъ; а я не смѣлъ ей сказать. Потомъ осмѣлился, подошелъ это къ ней и говорю:—Барышня, говорю, закройте окно.—Молчитъ, и вниманія не взяла, будто не ей я говорю, а сама-то, я знаю, слышитъ. Постоялъ я тутъ, постоялъ, а потомъ опять говорю: — Простудитесь, барышня, холодно вѣдь. — Обернула она ко мнѣ лицо-то свое и точно, вотъ, удивилась чему. Поглядѣла да и говоритъ, тихо таково: — Оставьте!—говоритъ,—и опять въ окно высунулась, а я махнулъ рукой и отошелъ въ сторону.

Стала она спокойнѣе. Закроетъ окно, въ пальтишко закутается вся, грѣется, видно. Вѣтеръ, говорю, свѣжій былъ, студено! А потомъ опять къ окну сядетъ и опять на вѣтру вся,—послѣ тюрьмы-то, видно, не наглядится. Повеселѣла даже, глядитъ себѣ и даже улыбаться стала, и такъ на нее хорошо въ тѣ поры смотрѣть было,—вѣрите совѣсти: если бы начальство отдало, такъ бы, кажется, сейчасъ ее женой къ себѣ взялъ, вмѣсто ссылки...

Отъ *** города на тройкѣ ѣхать пришлось. Ивановъ-то у меня пьянъ-пьянешенекъ; проспится и опять заливаетъ. Вышелъ изъ вагона, шатается. Ну, думаю, плохо, какъ бы денегъ казенныхъ не растерялъ. Ввалился въ почтовую телѣгу, легъ и захрапѣлъ тотчасъ. Сѣла она рядомъ,—неловко. Посмотрѣла на него, ну, точно вотъ на гадину на какую. Подобралась такъ, чтобы не тронуть его какъ-нибудь,—вся въ уголку и прижалась, а я-то ужъ на облучкѣ усѣлся. Какъ поѣхали,—вѣтеръ холодный,—я и попродрогъ, и ей, гляжу, холодно. Закашляла крѣпко и платокъ къ губамъ поднесла, а на платкѣ, гляжу, кровь. Такъ меня будто кто въ сердце кольнулъ булавкой.—Эхъ, говорю, барышня,

какъ можно! Больны вы, а въ такую дорогу поѣхали,—осень, холодно!.. Нешто, говорю, можно этакъ!

Вскинула она на меня глазами, посмотрѣла, и точно опять внутри у нея закипать стало.

— Что вы, говоритъ, глупы, что ли? Не понимаете, что я не по своей волѣ ѣду. Хорошъ,—говоритъ:—самъ везетъ, да туда же еще съ сожалѣньями суется!

— Вы бы, говорю, начальству заявили,—въ больницу хоть слегли бы, чѣмъ въ этакой холодъ ѣхать. Дорога-то вѣдь не близкая!

— А куда?—спрашиваетъ.

А намъ, знаете, строго запрещено объяснять преступникамъ, куда ихъ везти приказано. Видитъ она, что я позамялся, и отвернулась.—Не надо,—говоритъ,—это я такъ... Не говорите, да ужъ и сами не лѣзьте!

Не утерпѣлъ я.—Вотъ, говорю, куда вамъ ѣхать. Не близко!—Сжала она губы свои, брови сдвинула, да ничего и не сказала. Покачалъ я головой:—Вотъ, то-то, говорю, барышня. Молоды вы, не знаете еще, что это значитъ!—Крѣпко мнѣ досадно было, а она опять посмотрѣла, посмотрѣла на меня и говоритъ:—Напрасно, говоритъ, вы такъ думаете. Знаю я хорошо, что это значитъ, а въ больницу всетаки не слегла. Спасибо! Лучше ужъ, коли помирать, такъ на волѣ, у своихъ. А то, можетъ, еще и поправлюсь, такъ опять же на волѣ, а не въ больницѣ вашей тюремной. Вы думаете,—говоритъ,—отъ вѣтру я, что ли, заболѣла, отъ простуды, какъ бы не такъ!..—„Тамъ у васъ, спрашиваю, сродственники, что ли, находятся?"—Это я потому, какъ она мнѣ выразила, что у *своихъ* поправляться хочетъ.—Нѣтъ, говоритъ, у меня тамъ ни родни, ни знакомыхъ. Городъ-то мнѣ чужой, да, вѣрно, такіе же, какъ и я, ссыльные есть, товарищи.—Подивился я,—какъ это она чужихъ людей своими называетъ: неужто, думаю, кто ее безъ денегъ тамъ поить-кормить станетъ, да еще незнакомую? Только не сталъ ее разспрашивать, потому вижу: брови она поднимаетъ, недовольна, зачѣмъ я разспрашиваю.

Только къ вечеру гляжу: тучи надвинулись, вѣтеръ подулъ холодный,—а тамъ и дождь пошелъ. Грязь и прежде была не высохши, а тутъ до того грязно стало,—просто, кисель на дорогѣ, да и только. Спину-то мнѣ какъ есть грязью всю забрызгало, да и ей порядочно попадать стало. Однимъ словомъ сказать, что погода, на ея несчастіе, пошла самая скверная: дождикомъ прямо въ лицо сѣчетъ; оно хоть, положимъ, кибитка-то крытая, и рогожей я ее закрылъ, да куда тутъ! Течетъ всюду, продрогла, гляжу: вся дрожитъ и глаза закрыла. По лицу капли дождевыя потекли, а щеки

блѣдныя, и не движется она, точно въ безчувствіи. Испугался я даже. Вижу: дѣло-то выходитъ неподходящее, плохое дѣло...

Въ Ярославль городъ самымъ вечеромъ пріѣхали. Разбудилъ я Иванова, на станцію вышли,—велѣлъ я самоваръ согрѣть. А изъ городу изъ этого пароходы ходятъ, только по инструкціи намъ на пароходахъ возить строго воспрещается. Оно хоть нашему брату выгоднѣе,—экономію загнать можно, да боязно. На пристани, знаете, полицейскіе стоятъ, а то и нашъ же братъ, жандармъ мѣстный, кляузу подвести завсегда можетъ. Вотъ, барышня-то и говоритъ намъ: — Я, говоритъ, далѣе на почтовыхъ не поѣду,—какъ знаете, говоритъ, пароходомъ везите.—А Ивановъ еле глаза продралъ съ похмелья, сердитый. „Вамъ объ этомъ, говоритъ, разсуждать не полагается. Куда повезутъ, туда и поѣдете!“ Ничего она ему не сказала, а мнѣ говоритъ:—Слышали, говоритъ, что я сказала: не ѣду.—Отозвалъ я тутъ Иванова въ сторону. „Надо, говорю, на пароходѣ везти. Вамъ же лучше: экономія останется“. Онъ на это пошелъ, только трруситъ. „Здѣсь, говоритъ, полковникъ, такъ какъ бы чего не вышло. Ступай, говоритъ, спросись,—мнѣ, говоритъ, нездоровится что-то“. А полковникъ неподалеку жилъ. „Пойдемъ, говорю, вмѣстѣ и барышню съ собой возьмемъ“. Боялся я: Ивановъ-то, думаю, спать завалится спьяну, такъ какъ бы чего не вышло. Чего добраго—уйдетъ она, или надъ собой что сдѣлаетъ,—въ отвѣтъ попадешь. Ну, пошли мы къ полковнику. Вышелъ онъ къ намъ. „Что надо?“—спрашиваетъ. Вотъ она ему и объясняетъ, да тоже и съ нимъ неладно говоритъ. Ей бы попросить хорошенько: такъ и такъ, молъ, сдѣлайте милость,— а она тутъ по своему заговорила. „По какому праву?“— говоритъ, ну, и прочее, все, знаете, дерзкія слова выражаетъ. Выслушалъ онъ ее и ничего,—смирно таково отвѣчаетъ: „Не могу-съ, говоритъ, ничего я тутъ не могу. По закону-съ... нельзя!“ Гляжу, барышня-то моя опять раскраснѣлась вся, глаза точно вотъ угли. — Законъ! — говоритъ, и засмѣялась по своему, сердито да громко. — „Такъ точно, — полковникъ ей:—законъ-съ!“ Признаться, я тутъ позабылся немного, да и говорю: „Точно-что, вашескородіе, законъ, да онѣ, ваше высокоблагородіе, больны“. Посмотрѣлъ онъ на меня строго.—„Какъ твоя фамилія?“ спрашиваетъ.—„А вамъ, барышня,—говоритъ,—если больны вы, въ больницу тюремную не угодно ли-съ?“ Отвернулась она и пошла вонъ, слова не сказала. Мы за ней. Не захотѣла въ больницу, да и то надо сказать: ужъ если на мѣстѣ не осталась, а тутъ безъ денегъ, да на чужой сторонѣ, точно что не приходится. Ну, дѣлать нечего. Ивановъ на меня же

накинулся:—„Что, молъ, теперь будетъ? Непремѣнно изъ-за тебя, дурака, оба въ отвѣтѣ будемъ". Велѣлъ лошадей запрягать и ночь переждать не согласился, такъ къ ночи и выѣзжать пришлось. Подошли мы къ ней: „пожалуйте, говоримъ, барышня,—лошади поданы". А она на диванъ прилегла,—только согрѣваться стала. Вспрыгнула она на ноги, встала передъ нами,—выпрямилась вся,—прямо на насъ смотритъ,—даже, скажу вамъ, страшно мнѣ на нее глядѣть стало.—Прокляты вы, говоритъ!—и опять по своему что-то заговорила, непонятно. Ровно бы и по-русски говоритъ, да ничего понять невозможно. Только сердито очень да жалко говорила: — Ну, говоритъ, теперь ваша воля, вы меня замучить можете,—что хотите, дѣлаете. Ѣду!—А самоваръ-то все на столѣ стоитъ, она еще и не пила. Мы съ Ивановымъ свой чай заварили, и ей я налилъ. Хлѣбъ съ нами бѣлый былъ, я тоже ей отрѣзалъ.—„Выкушайте, говорю, на дорогу-то. Ничего, хоть согрѣетесь немного". Она калоши надѣвала,—бросила надѣвать, повернулась ко мнѣ, смотрѣла, смотрѣла, потомъ плечами повела и говоритъ: — Что это за человѣкъ такой! Совсѣмъ вы, кажется, сумасшедшій. Стану я, говоритъ, вашъ чай пить!—Повѣрите ли, до чего мнѣ обидно стало. И по сейчасъ, такъ и то сердце бьется. Вотъ вы не брезгаете же съ нами хлѣбъ-соль ѣсть. Рубанова господина везли, тотъ тоже не брезгалъ. А она побрезгала. Велѣла потомъ на другомъ столѣ себѣ самоваръ особо согрѣть и ужъ извѣстно: за чай, за сахаръ втрое заплатила. Чуднàя!..

III.

Разсказчикъ смолкъ, и на нѣкоторое время въ избѣ водворилась тишина, нарушаемая только ровнымъ дыханіемъ младшаго жандарма.

— Вы не спите?—спросилъ у меня Гавриловъ.

— Нѣтъ, продолжайте, пожалуйста; я слушаю.

— Много я отъ нея,—продолжалъ разсказчикъ, помолчавъ,—много муки тогда принялъ. Дорогой-то, знаете, ночью, все дождикъ, погода злая... Лѣсомъ поѣдешь, лѣсъ стономъ стонетъ. Ея-то мнѣ и не видно, потому ночь темная, ненастная, зги не видать, а повѣрите,—такъ она у меня передъ глазами стоитъ, то есть даже до того, что вотъ точно днемъ ее вижу: и глаза ея, и лицо сердитое, блѣдное, и какъ она иззябла вся, а сама все глядитъ куда-то, точно все мысли свои про себя въ головѣ ворочаетъ. Какъ со станціи поѣхали, сталъ я ее тулупомъ одѣвать.—„Надѣньте, говорю, тулупъ-то,—все, знаете, теплѣе." Кинула тулупъ съ себя. — Вашъ,

говоритъ, тулупъ,—вы и надѣвайте.—Тулупъ точно, что мой былъ, да догадался я и говорю ей: „Не мой, говорю, по закону, говорю, полагается". Ну, одѣлась...

Только и тулупъ не помогъ: какъ разсвѣло,—глянулъ я на нее, а на ней лица нѣтъ. Какъ со станціи опять поѣхали, приказала она Иванову на облучокъ сѣсть. Поворчалъ онъ, да не посмѣлъ ослушаться, тѣмъ болѣе,—хмель-то у него прошелъ немного. Я съ ней рядомъ сѣлъ.

Трои сутки мы ѣхали и нигдѣ не ночевали. Первое дѣло: по инструкціи сказано—не останавливаться на ночлегъ, а „въ случаѣ сильной усталости"—не иначе, какъ въ городахъ, гдѣ есть караулы. Ну, а тутъ, сами знаете, какіе города! Да и сама-то все торопитъ,—скорѣе ей все хотѣлось на мѣсто.

Пріѣхали-таки на мѣсто, точно гора у меня съ плечъ долой, какъ городъ завидѣли. И надо вамъ сказать: въ концѣ она, почитай что, на рукахъ у меня и доѣхала. Вижу—лежитъ въ повозкѣ безъ чувствъ; тряхнетъ на ухабѣ телѣгу, такъ она головой о переплетъ и ударится. Поднялъ я ее на руку на правую, такъ и везъ; все легче. Сначала оттолкнула было меня: — прочь!—говоритъ,—не прикасайтесь!—А потомъ ничего. Можетъ, оттого, что въ безпамятствѣ была... Глаза-то закрыты, вѣки совсѣмъ потемнѣли, и лицо лучше стало не такое сердитое. И даже такъ было, что засмѣется сквозь сонъ и просвѣтлѣетъ будто. Вѣрно ей, бѣдной, хорошее во снѣ грезилось. Какъ къ городу подъѣзжать стали, очнулась, поднялась... Погода-то прошла, солнце выглянуло—вотъ и она повеселѣла.

... Изъ губерніи-то ее далѣе отправили, въ городѣ въ губернскомъ не оставили, и намъ же дальше везти привелось,—тамошніе жандармы въ разъѣздахъ были. Крѣпко измучилась она, да все же веселая уѣзжала. Какъ уѣзжать намъ,—гляжу, въ полицію народу набирается: барышни молодыя да господа, студенты, видно, изъ ссыльныхъ... И всѣ, точно знакомые, съ ней говорятъ, за руку здороваются, разспрашиваютъ. Денегъ ей сколько-то принесли, платокъ на дорогу. Проводили...

Ѣхала веселая, только кашляла часто и на насъ не смотрѣла даже, точно насъ и не было.

Пріѣхали въ уѣздный городъ, гдѣ жить назначено; сдали ее подъ росписку. Сейчасъ она фамилію какую-то называетъ.—Здѣсь, говоритъ, такой-то?—Здѣсь, отвѣчаютъ. Исправникъ пріѣхалъ.—„Гдѣ, говоритъ, жить станете?" — Не знаю, говоритъ, а пока къ Рязанову пойду.—Покачалъ онъ головой, а она собралась и ушла. Съ нами и не попрощалась...

VI.

— Что-жъ, такъ вы ее больше и не видѣли?

— Видалъ, да лучше бы ужъ не видать было...

... И скоро даже я опять ее увидѣлъ. Какъ пріѣхали мы изъ командировки,—сейчасъ насъ опять нарядили и опять въ ту же сторону. Студента одного возили. Веселый такой, пѣсни хорошо пѣлъ и выпить былъ не дуракъ. Его еще дальше послали. Вотъ поѣхали мы черезъ городъ тотъ самый, гдѣ ее оставили, и стало мнѣ любопытно про житье-то ея узнать. Тутъ, спрашиваю, барышня-то наша?—Тутъ, говорятъ, только чудная она какая-то: какъ пріѣхала, такъ прямо къ ссыльному пошла, и никто ее послѣ не видалъ,—у него и живетъ. Кто говоритъ: больна, а то баютъ: въ родѣ она у него за любовницу живетъ. Извѣстно, народъ болтаетъ,—не видали! А я-то знаю, какъ она живетъ-то съ нимъ. Вспомнилось мнѣ, что она говорила: „Помереть у *своихъ* хочется". И такъ мнѣ любопытно стало, и не то что любопытно, а попросту сказать, такъ меня и потянуло. Схожу, думаю, повидаю...

Пошелъ,—добрые люди дорогу показали; а жила она въ концѣ города. Домикъ маленькій, дверца низенькая. Вошелъ я къ ссыльному-то къ этому, гляжу: чисто у него, комната свѣтлая, въ углу кровать стоитъ и занавѣской уголъ отгороженъ. А рядомъ мастерская у него маховькая,—тамъ на скамейкѣ другая постель положена.

Какъ вошелъ я,—она-то на постелѣ сидѣла, шалью обернута и ноги подъ себя подобрала,—шьетъ что-то. А ссыльный рядомъ на скамейкѣ сидитъ, въ книжкѣ ей что-то вычитываетъ. Шьетъ она, а сама слушаетъ. Стукнулъ я дверью, она какъ увидала, приподнялась, за руку его схватила, да такъ и замерла. Глаза большіе стали, темные, да страшные... ну, все, какъ и прежде бывало, только еще блѣднѣе сама мнѣ показалась. За руку-то его крѣпко стиснула,—онъ испугался, къ ней кинулся.—„Что, говоритъ, съ вами? Успокойтесь!" А самъ меня не видитъ. Потомъ отпустила она руку-то его,—съ постели встать хочетъ. — Прощайте, говоритъ ему:—видно, имъ для меня и смерти хорошей жалко. Прощайте!—Тутъ и онъ обернулся, меня увидалъ,—какъ вскочитъ на ноги. Думалъ я—тутъ онъ меня и убьетъ,—право!

Они, знаете, подумали, что опять ее брать пріѣхали. Только видитъ онъ,—стою я ни живъ, ни мертвъ, самъ испугался, да и одинъ. Повернулся къ ней, за руку взялъ,

засмѣялся.—„Да успокойтесь, вы, говоритъ.—А вамъ, спрашиваетъ меня,—что здѣсь понадобилось?..“

Очень мнѣ совѣстно стало, что испугалъ я ее... Сказалъ, что повидать пришелъ, да и она меня узнала. Вижу я,—сердится все, какъ и прежде. Ну, вотъ сердится, да и только,—такъ и закипаетъ; кажется, ужъ я всей душой радъ былъ услужить, а она какъ глянетъ, точно ты ей змѣей лютой кажешься.

Разобралъ онъ, въ чемъ дѣло, засмѣялся къ ней. Не все я понять-то могъ,—вы вѣдь, господа, чудно промежъ себя говорите. Онъ-то спокойно говоритъ, тихо, а она сердито да дерзко. Ссыльный-то ей: „вы, говоритъ, разберите: вѣдь человѣкъ къ вамъ пришелъ, а не жандармъ...“ А она ему: „а зачѣмъ онъ служитъ?“

„Господи!—думаю:—неужто я и не человѣкъ для нея? Нешто по своей волѣ я ей худое что сдѣлалъ!“ Такъ мнѣ горько стало.—„Извините, говорю, что испугалъ васъ!“—Это, говоритъ, ничего, что испугали. Не въ томъ дѣло.

Неловко мнѣ стало.—„Прощайте!“ говорю. Она ничего не сказала, а онъ повернулся, руку мнѣ подалъ, спросилъ, далеко ли ѣдемъ.—„Поѣдете назадъ,—заходите, говоритъ, пожалуй!“ А она смотритъ на насъ, да усмѣхается по-своему. — Не понимаю,—говоритъ. А онъ ей: „Поймете, говоритъ, когда-нибудь, сердце у васъ незлое“.

Когда назадъ мы ѣхали, призываетъ исправникъ старшого и говоритъ: „Вамъ тутъ оставаться впередъ до распоряженія; телеграмму получилъ. Бумагъ вамъ ждать по почтѣ“. Остались мы.

Вотъ я опять къ нимъ пошелъ: дай, думаю, зайду, хоть у хозяевъ про нее спрошу. Зашелъ. Говоритъ хозяинъ домовый: „Плохо, говоритъ, какъ бы не померла. Боюсь, въ отвѣтъ не попасть бы, — потому, собственно, что попа звать не хотятъ“. Только стоимъ мы, разговариваемъ, а въ это самое время ссыльный вышелъ. Увидѣлъ меня, поздоровался, да и говоритъ:—„Опять пришелъ? Что-жъ, войди, пожалуй“. Я и вошелъ тихонько, а ссыльный за мной вошелъ. Поглядѣла она, да и спрашиваетъ:—Опять этотъ странный человѣкъ!.. Вы, что ли, его позвали? — „Нѣтъ, говоритъ, не звалъ я,—самъ пришелъ“. Я не утерпѣлъ и говорю ей: „Что, говорю, барышня,—за что вы сердце противъ меня имѣете, точно я врагъ вамъ какой?“—Врагъ, говоритъ,—а вы развѣ не знаете? Конечно, врагъ!—Голосъ у нея слабый сталъ, тихій, на щекахъ румянецъ такъ и горитъ, и столь лицо у нея пріятное,—кажется, не наглядѣлся бы. Вижу: не жилица она на свѣтѣ,—сталъ прощенія просить,—какъ бы, думаю, безъ прощенія не померла.—„Простите меня, говорю,—

коли вамъ зло какое сдѣлалъ“. Опять, гляжу, закипаетъ:— Простить! Вотъ еще! Никогда не прощу, и не думайте... Ни-ко-гда!

Разсказчикъ опять смолкъ и задумался. Потомъ продолжалъ тише и, какъ будто, сосредоточеннѣе:

— Опять у нихъ промежду себя разговоръ пошелъ. Вы, вотъ, человѣкъ образованный, по ихнему понимать должны, такъ я вамъ скажу, какія слова упомнилъ. Слова-то запали, и посейчасъ помню, а смыслу не знаю. Онъ говоритъ: „Поймите, не прощеніе важно,—человѣка признайте. Простить другое дѣло,—онъ самъ бы, говоритъ, можетъ, не простилъ бы!“ А потомъ совсѣмъ ужъ чудно заговорили; другъ на друга смотрятъ безъ сердца, а по словамъ-то будто ругаются. Онъ ей: „вы, говоритъ, сектантка!“ — А вы,—она ему,—холодный, равнодушный человѣкъ!—Какъ она это слово сказала, онъ даже вскочилъ.—„Равнодушный!—говоритъ,— ну, сами знаете, что неправду сказали!“ — Пожалуй,—она говоритъ, и засмѣялась ему,—а вы-то развѣ правду?—„А я, говоритъ,—правду“! Задумалась она, руку ему протянула; онъ руку-то взялъ, а она въ лицо ему посмотрѣла, да и говоритъ:—Да, вы, пожалуй, и правы!—А я стою, какъ дуракъ, смотрю, а у самого такъ и сосетъ что-то у сердца, такъ и подступаетъ. Потомъ обернулась она ко мнѣ, посмотрѣла и на меня безъ гнѣва и руку подала. — Вотъ, говоритъ, что я вамъ скажу: никогда я васъ не прощу, слышите! Враги мы. Ну, а руку вамъ даю,—желаю вамъ когда-нибудь человѣкомъ стать... Устала я! — говоритъ. Я и ушелъ...

V.

...Померла она скоро. Какъ хоронили, я и не видалъ,— у исправника былъ. Только на другой день ссыльнаго этого встрѣтилъ; подошелъ къ нему,—гляжу: на немъ лица нѣтъ...

Росту былъ онъ высокаго, съ лица сурьезный, да ранѣе привѣтливо смотрѣлъ, а тутъ звѣремъ на меня, какъ есть, глянулъ. Подалъ было руку, а потомъ вдругъ руку мою бросилъ и самъ отвернулся. —„Не могу, говоритъ, я тебя видѣть теперь. Уйди, братецъ, Бога ради уйди!.. Потомъ, коли еще въ городѣ останешься, заходи, пожалуй!“—Опустилъ голову, да и пошелъ, а я на фатеру пришелъ, и такъ меня засосало,—просто, два дня пищи не принималъ. Тоска!

На третій день исправникъ призвалъ насъ и говоритъ: „Можете, говоритъ, теперь отправляться; пришла бумага, да поздно“. Видно, опять намъ ее везти пришлось бы, да ужъ Богъ ее пожалѣлъ: самъ убралъ.

... Только что еще со мной послѣ случилось,—не конецъ вѣдь еще. Назадъ ѣдучи, пріѣхали мы на станцію одну... Входимъ въ комнату, а тамъ на столѣ самоваръ стоитъ, закуска всякая, и старушка какая-то сидитъ, хозяйку чаемъ угощаетъ. Чистенькая старушка, маленькая, да веселая такая и говорливая. Все хозяйкѣ про свои дѣла разсказываетъ. „Вотъ, говоритъ, собрала я пожитки, домъ-то, по наслѣдству который достался,—продала и поѣхала къ моей голубкѣ. То-то обрадуется! Ужъ и побранитъ, разсердится, знаю, что разсердится,—а все же рада будетъ... Писала мнѣ, не велѣла пріѣзжать. Чтобы даже ни въ какомъ случаѣ не смѣла я къ ней ѣхать. Ну, да ничего это!" Такъ тутъ меня ровно кто подъ лѣвый бокъ толкнулъ. Вышелъ я въ кухню. „Что за старушка?"—спрашиваю у дѣвки-прислуги.—А это, говоритъ, самой той барышни, что вы тотъ разъ везли,—матушка родная будетъ.—Вѣрите, тутъ меня шатнуло даже. Видитъ дѣвка, какъ я въ лицѣ разстроился,—спрашиваетъ:—Что, говоритъ, служивый, съ тобой?—„Тише, говорю,—барышня-то померла".—Тутъ дѣвка эта,—и дѣвка-то, надо сказать, гулящая была, съ проѣзжающими баловала,—а тутъ какъ всплеснетъ руками, да какъ заплачетъ, и изъ избы вонъ. Взялъ и я шапку, да и самъ вышелъ,—слышалъ только, какъ старуха въ залѣ съ хозяйкой все болтаютъ, и такъ мнѣ этой старухи страшно стало, такъ страшно, что и выразить невозможно. Побрелъ я прямо по дорогѣ,—послѣ ужъ Ивановъ меня догналъ съ телѣгой, я и сѣлъ.

VI.

...Вотъ какое дѣло!.. А исправникъ донесъ, видно, начальству, что я къ ссыльнымъ ходилъ, да и полковникъ ***скій тоже донесъ, какъ я за нее заступался,—одно къ одному и подошло. Не хотѣлъ меня начальникъ и въ унтеръ-офицеры представлять. „Какой ты, говоритъ, унтеръ-офицеръ,—баба ты! Въ карцеръ бы тебя, дурака!" Только я въ это время въ равнодушіи находился и даже нисколько не жалѣлъ ничего!

И все я эту барышню сердитую забыть не могъ, да и теперь то же самое: такъ и стоитъ, бываетъ, передъ глазами.

Что бы это значило?! Кто бы мнѣ объяснилъ! Да вы, господинъ, не спите?

Я не спалъ... Глубокій мракъ закинутой въ лѣсу избушки томилъ мою душу, и скорбный образъ погибшей дѣвушки вставалъ въ ней подъ глухія рыданія бури...

Вл. Короленко.

1880 г.
Вышній Волочокъ.

МАЛЕНЬКІЕ ЛЮДИ

(Изъ дневника народной учительницы).

I.

Въ тотъ годъ, когда я кончила гимназію, широкая полоса угрюмыхъ лѣсовъ, живописныхъ холмовъ съ горными рѣчушками, убогими деревушками совсѣмъ отрѣзала меня отъ всего Божьяго міра. Я поступила въ горское народное училище N—скаго земства. Училище, это—маленькій, сѣренькій домикъ съ посѣдѣвшею крышей, съ тусклыми окнами. Горки—совсѣмъ небольшая деревушка, всего дворовъ въ сорокъ. Глухою стѣною окружаетъ ее сосновый лѣсъ. У самой опушки стоитъ горская школа. Два оконца моей квартирки сиротливо смотрятъ на длинную просѣку, на бѣлоснѣжномъ коврѣ которой иногда въ зимнія ночи воютъ голодные волки. За то высокія сосны и ели привѣтливо протягиваютъ въ окна школы свои мохнатыя лапы...

Не могу забыть того дня, какъ однажды на святкахъ я уступила настойчивымъ просьбамъ моей маленькой арміи и устроила имъ хорошенькую, кудрявую елочку. Мы обвѣшали ее игрушками, тѣми самыми игрушками, которыя забавляли меня въ дѣтствѣ и которыя у меня сохранились, благодаря заботамъ любимой матери. Зажглись свѣчи, заблестѣли золотые орѣхи, и неудержимый восторгъ засіялъ въ глазенкахъ дѣтворы! То-то было веселье, радость у моей лапотной семьи! Кто-то билъ въ маленькій барабанъ, кто-то трубилъ въ картонную трубу... Школа моя пѣла, плясала и сіяла небывалымъ свѣтомъ... Я заразилась безпечнымъ торжествомъ дѣтворы и вмѣстѣ съ ней, казалось, пережила въ эту ночь свое милое, безвозвратное, счастливое дѣтство! Я вмѣстѣ съ ними кружилась, заплетала плетень, а старая бобылка, бабушка Ѳекла, школьная сторожиха, стоя у порога, глядя на меня, добродушно покатываясь со смѣху, то и дѣло съ удивленіемъ ударяла себя по бедрамъ. Сѣдой, горбатенькій деревенскій караульщикъ, точно старый годъ, какимъ его рисуютъ на картинкахъ журналовъ, охалъ отъ изумленія у печки, и въ его вы-

цвѣтшихъ, холодныхъ глазахъ искрились слезы умиленія. Помню какъ онъ вымолвилъ отъ чистаго сердца, схвативъ мою руку въ свои жесткія, костлявыя руки:

— Оживила ты меня... стараго. Совсѣмъ оживила! Дай тебѣ Богъ добраго здоровья, барышня... Богъ-то... Богъ-то гдѣ привелъ моихъ внучатъ видѣть!

Да, никогда не забуду этой елки! Дѣтвора тоже долго ее помнила и жалѣла, когда ее сожгли въ печкѣ, потому что ужъ очень холодно было въ моей квартиркѣ. Кругомъ весь лѣсъ былъ барскій, крестьяне покупали каждый прутикъ, такъ что всегда урѣзывали отопленіе школы. А въ ней было такъ холодно, что Анюта Воронцова, моя ученица, придя разъ вечеромъ играть въ мои старыя куклы, схватила ихъ и потащила на печку.

— Замерзли, поди, сердечныя... барыни-то. Погрѣйтесь на печкѣ!

Не выходитъ у меня также изъ головы одна зимняя вьюжная ночь, когда за окнами особенно сердито шумѣли старыя сосны, одѣтыя въ бѣлоснѣжную парчу, въ изумрудныя, жемчужныя короны, а у меня собралась дѣтвора, и мы читали какую-то сказку про лѣсныхъ богатырей, рыцарей и лукавыхъ вѣдьмъ... Лѣсъ шумѣлъ, лѣсъ стоналъ и проносился по нему точно гулъ орудій или звонъ мечей, точно бились въ немъ сказочные богатыри и рыцари, а отъ страха выли и визжали старыя вѣдьмы. Дѣтишки ночевали у меня въ эту ночь.

— А то одной-то тебѣ скучно... страшно... — мурлыкали они возлѣ меня.

И ночь прошла въ волшебной сказкѣ, гдѣ тонуло мое одиночество, гдѣ жизнь казалась такой чистой и жизнерадостной. Тепло и уютно было въ обществѣ этихъ маленькихъ людей, которыхъ нашъ попечитель, земскій начальникъ Завадинъ, почему-то прозвалъ „маленькими скиѳами“.

Когда я объяснила дѣтямъ значеніе слова „скиѳъ“, они обидѣлись, а одинъ мальчуганъ даже сердито выкрикнулъ:

— Самъ-то онъ скиѳъ!

Этотъ попечитель былъ для нашей школы совершенно лишнимъ балластомъ. Я всегда удивлялась, читая доклады училищнаго совѣта очередному уѣздному земскому собранію, за что собраніе благодаритъ его, какъ попечителя школы? Почему онъ можетъ безнаказанно глумиться также и надъ правами и честью учителей?.. По его одному заявленію ихъ могутъ мѣнять, какъ перчатки. Вздумай кто изъ насъ не поклониться ему, когда онъ торгуетъ свѣчами въ церкви!.. Твердо должны мы памятовать правило: „прежде всего поклонись въ церкви г. Завадину, а потомъ ужъ Господу Богу и всѣмъ святымъЕго“... До меня въ горской школѣ три года учила другая учительница, моя хорошая знакомая, для которой школа была то же, что и для меня,—осо-

бый мірокъ, куда она вложила свою душу. И вотъ,—разсказывала она мнѣ,—когда тощая кляча потащила ее изъ Горки, вся дѣтвора высыпала на улицу, хлопала въ ладоши, плясала и кричала:

— Слава Богу! Слава Богу... Больше учиться не будемъ!

Она остановилась, подозвала одного паренька и спросила:

— Чему же вы радуетесь?

— Мужики на сходѣ баяли, что ты дровъ много жгла... что съ бариномъ... съ земскимъ... не дружно жила... а онъ обчество прижималъ... чтобы тебя выжило...

— Я не обидѣлась ни на ребятъ, ни на горскихъ мужиковъ,— говорила мнѣ подруга,—я только жалѣла ихъ, зная, что всесильный „прижимъ“ гнететъ не одну деревню Горки, а добрую половину убогой деревенской Руси.

И, утѣшая меня, она, говорила:

— Не унывайте, вѣрьте, что настанетъ часъ, когда этотъ „прижимъ“ сойдетъ со сцены, когда восторжествуютъ справедливость и свѣтъ.

И я не унывала: я полюбила дѣтвору, вѣря, что въ сердцѣ этихъ маленькихъ людей есть искры, которыя разожгутъ въ будущемъ благородное пламя чистыхъ порывовъ...

Съ земскимъ я зажила „дружно“, т. е. совсѣмъ не обращалась къ нему, какъ къ попечителю, покупая на свои средства всякую школьную мелочь...

Въ видѣ вступленія къ дневнику учительницы, попытаюсь обрисовать нѣсколько типовъ учениковъ.

II.

Северіонъ Крыльцовъ—сынъ волостного судьи, бойкій, живой, любознательный мальчикъ изъ старшаго отдѣленія. Когда онъ разсказываетъ что-нибудь, его черные до того, какъ угли, вдумчивые глазенки разгораются огонькомъ, голова поднимается кверху, и весь онъ превращается въ порывъ и движеніе, точно у него вдругъ выросли крылья, и онъ вотъ-вотъ полетитъ въ заоблачную высь, гдѣ такъ часто блуждаетъ его мысль, иногда возбужденная прочитанной сказкой. А до сказокъ онъ большой охотникъ. Когда читаю ему сказки, онъ прижмется ко мнѣ и слушаетъ, облокотившись на парту, глядитъ на меня своими „огоньками“... Необыкновенно впечатлительный мальчикъ. Иногда разсказываетъ свои сны, умѣетъ наблюдать. Никогда не обижается на товарищей, если тѣ трунятъ надъ нимъ, а это иногда бываетъ. У него часто выпадаетъ изъ-за рубахи мѣдный крестъ. Ребятишки иронически замѣтятъ ему:

— Г. волостной судья, уберите свой крестъ, а то очень ужъ сіяетъ, какъ на Суворовѣ...

Другіе добавятъ съ хитрой улыбкой:

— Не троньте его... обидится, да и припомнитъ... засудитъ въ рестанскую... Начальство тоже!..

Северіонъ добродушно ухмыльнется, вспыхнутъ его глазенки, и онъ отвѣтитъ бойко:

— Только дурачковъ засуживаютъ, а умные-то сами не промахнутся!

Моя маленькая аудиторія дружно захохочетъ, точно прозвенитъ колокольчиками.

А вотъ Сосѣдкинъ... Это плотный, рослый паренекъ изъ старшаго отдѣленія, съ всклоченной русой шевелюрой и высоко выбритымъ затылкомъ... Я не могу безъ улыбки смотрѣть на него, когда онъ разсуждаетъ... Вотъ онъ молчитъ, каріе глазенки блуждаютъ гдѣ-то далеко, но вдругъ онъ вскакиваетъ, разводитъ рученками и выпаливаетъ съ улыбкой:

— А скажите-ка мнѣ, почему это на лунѣ въ родѣ рожи... вонъ... какъ у Николки Храмова?

Классъ фыркаетъ... Даже безобидно хихикаетъ и Николка Храмовъ, пузанъ изъ младшаго отдѣленія.

Я улыбаюсь, объясняю, и духу не хватаетъ упрекнуть за остроту... Онъ—сынъ раскольника. Кромѣ него въ семьѣ—пятеро ребятишекъ. Въ школу пускаютъ его охотно, кормятъ хорошо, только одѣваютъ плохо,—ну, да онъ никогда не унываетъ!

Однажды во время чтенія Сосѣдкинъ ни съ того, ни съ сего дернулъ меня за рукавъ и сказалъ:

— Приглядитесь-ка хорошенько къ головѣ Храмова...

— Ну, пригляделась, и что же?

— Онъ походитъ на хлѣбное дерево... Помните... читали намъ о тропическихъ растеніяхъ...

И немножко скучное, утомительное чтеніе оживилось вдругъ веселымъ, ободряющимъ смѣхомъ маленькихъ людей...

Началось чтеніе. Сосѣдкинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ и ловилъ каждое мое слово.

Ваня Коньковъ... Милое, талантливое созданіе! Бѣлокурый малышъ съ широкою грудью, бѣлымъ, полнымъ, пухленькимъ, какъ булка, личикомъ, съ розовыми щечками и умными, голубыми, какъ васильки, чистыми, какъ ясное небо, добрыми глазками... Сынъ плотника, мѣстнаго крестьянина, — единственный сынъ и лучшій ученикъ въ моей школѣ.

Дома никто не мѣшаетъ ему учить уроки; питаніе хорошее, одѣваютъ чисто и тепло. Отецъ иногда приноситъ ему изъ города книжекъ „лубочнаго“ изданія. Онъ всегда внимательно слушаетъ уроки и, что не пойметъ, сейчасъ же спроситъ и до тѣхъ поръ не успокоится, пока не усвоитъ непонятнаго. Онъ страстно любитъ животныхъ, такъ что прочиталъ всѣ книжки Лункевича и Брэма, имѣющіяся въ школьной библіотекѣ...

Однажды онъ приходитъ ко мнѣ въ самомъ воинственномъ настроеніи и говоритъ:

— Я про Суворова читалъ...

— Гдѣ досталъ книгу?

— Отецъ изъ города принесъ...

— Ну, что же? Понравился тебѣ Суворовъ?

— Онъ на орла похожъ!

— Да вѣдь орелъ-то выклевываетъ глаза у маленькихъ дѣтей...

— Выклевываетъ...

— И онъ тебѣ нравится?

Коньковъ умолкъ, опустилъ глаза и черезъ нѣкоторое время воскликнулъ:

— А вѣдь и вѣрно... Онъ хищникъ...

Съ тѣхъ поръ онъ никогда не заикался о Суворовѣ. А разъ принесъ мнѣ такое стихотвореніе:

ВЪ ПОЛНОЧЬ.

Идемъ мы. Все тихо, все тихо,
Деревья склонились лѣниво, лѣниво,
И снѣгъ подъ ногами скрипитъ,
Вдругъ сзади кибитка летитъ.
Колокольчикъ звенитъ заунывно,
И кони храпятъ чуточку слышно.
Идемъ мы все дальше, все дальше,
Больница попалась тутъ намъ,
Въ больницѣ свѣтилъ огонекъ,
И сторожъ стоялъ у воротъ,
У ногъ его лаетъ собака.
И, лапы засунувъ въ сугробъ,
Безумная лаетъ, да лаетъ,
А полночь все бьетъ
Да все бьетъ...

— Нельзя ли напечатать въ газетѣ?—спросилъ онъ, когда я прочитала стихотвореніе... Я объяснила, какъ умѣла, что нужно знать для того, чтобы писать стихи, и что такое талантъ...

— Постараемся! — пророчески выговорилъ онъ, уходя отъ меня немножко, повидимому, разочарованнымъ...

Васька Зміевъ... Это плутишка изъ старшаго отдѣленія, способный, но лѣнивый мальчикъ. Очень худъ, съ узкою грудью, съ высокимъ затылкомъ, блондинъ. Тонкія, блѣдныя губы постоянно сложены въ насмѣшливую улыбку. Онъ сынъ бѣдняка-бобыля. Часто не доѣдаетъ, зимой плохо одѣтъ и пропускаетъ уроки, особенно, когда отецъ уходитъ „сбирать по міру". Зимой въ лаптишкахъ, весной и осенью—босикомъ.

Иногда за дверью своей квартиры, когда ребята приходятъ мѣнять книжки, я слышу его голосъ...

Одинъ мальчуганъ говоритъ:

— Дала мнѣ книгу, да не нравится...

Тутъ Васька поучаетъ его шепотомъ:

— А ты скажи ей, что... молъ, читалъ я эту книгу... другую дастъ...

— А не заругаетъ?

— У-у... дуракъ... проси... чего тутъ...—и Васька просовываетъ за дверь голову и говоритъ мнѣ съ улыбкой:

— Да онъ читалъ эту книгу-то!..

— Чита-алъ... — робко лепечетъ за нимъ тотъ мальчуганъ.

Васька проталкиваетъ его ко мнѣ, а самъ стоитъ въ дверяхъ въ бѣлой рубахѣ, синихъ портахъ, лаптишкахъ, съ сумкой черезъ плечо и чертитъ пальцемъ по ладони, глядя на меня, съ насмѣшливой улыбкой, говоря:

— Все пишетъ... пишетъ...

Это онъ подражаетъ мнѣ... и смѣется.

Если я улыбаюсь, то мое настроеніе передается и Васькѣ...

Долго онъ сидитъ смирно, но лишь я улыбнулась,—онъ хватается за мою улыбку и передаетъ ее всѣмъ маленькимъ людямъ.

Если я серьезна, и Васька серьезенъ. Онъ иногда преслѣдуетъ меня своей ироніей... Часто ходитъ ко мнѣ въ комнату.

Придетъ, встанетъ у порога и осклабится, но не глупо, а иронически.

— Ты... что, Вася?

— У тебя больно хорошо здѣсь...

Я дамъ ему булку, книжку, и онъ уходитъ, непремѣнно что-нибудь подтрунивъ надъ мной. Онъ изучилъ мою походку и уходитъ, немножечко переваливаясь съ боку на бокъ...

Самый отчаянный, тупой и лѣнивый ученикъ—Зоринъ. Отецъ у него сильно пьетъ водку, сквернословитъ, бьетъ жену и сына. Семья бѣдная, разворенная. Зоринъ высокій, черноволосый мальчуганъ, съ маленькимъ носомъ, узкими, глуповатыми карими глазенками. Онъ злой, самолюбивый, задирчивый, неряшливый. Лѣтомъ тупымъ перочиннымъ ножомъ отрѣзываетъ головы у стрижей, когда тѣ забираются въ скворешни, гдѣ давятъ скворчатъ... Учится въ старшемъ отдѣленіи.

Однажды я оставила его безъ обѣда. Отецъ разсердился и запретилъ ему ходить въ школу...

Ребята встрѣтили его на улицѣ...

— Что, экзаменъ сдалъ?

— Студентъ прогорѣлый!—задразнили они его...

Онъ не то отъ стыда, не то отъ скуки опять пожаловалъ въ школу.

Никто такъ не озорничаетъ, какъ Зоринъ... Ни на кого нѣтъ столько жалобъ, какъ на него. Однажды онъ ударилъ одного мальчугана по головѣ желѣзной палкой... Это было на улицѣ, а

не въ классѣ, такъ что я не вмѣшивалась, предоставивъ разобраться родителямъ обоихъ мальчиковъ.

III.

6 марта.

Сегодня я прочитала моей маленькой аудиторіи „Побѣдители бури". Послѣ уроковъ я вынесла модель маяка, поставивъ ее передъ дѣтворой на скамью, чтобы ее было хорошенько видно. Мнѣ хотѣлось узнать, у кого больше развита любознательность. Я замѣтила, что Северіонъ молча устремилъ на маякъ любопытные глазенки. Я вышла на нѣкоторое время, разсчитывая, что онъ, по примѣру прочихъ, долго не заглядится на модель, и когда вернулась, чтобы взять маякъ, Северіонъ держалъ его въ ручонкахъ, внимательно оглядывая со всѣхъ сторонъ, и засыпалъ меня вопросами:

— Изъ чего дѣлаются настоящіе маяки? На чемъ они укрѣпляются? Какъ подъѣзжаютъ къ нему, чтобы зажечь фонарь, если вы говорите, тутъ опасно плавать кораблямъ?

— Долго ли строютъ его? Почему онъ окрашенъ въ красную и желтую краску полосами?

— Какъ онъ можетъ спасать людей, если умретъ сторожъ, и какъ узнаютъ о томъ съ берега?

— Вотъ ужъ совсѣмъ не знаю, какъ это люди строятъ маякъ, когда кругомъ вода? Съ лодокъ, что ли? А вдругъ лодку-то отнесетъ водой?

Дѣти слѣдили за его вопросами и за моими отвѣтами... Находятся и другіе любопытные... Даже Зоринъ, протискавшись впередъ, моргая глазенками, что-то бормочетъ... Сосѣдкинъ паясничаетъ:

— И въ водѣ... и подъ водою... и на землѣ... и подъ землею.

Но никто не смѣется, всѣ внимательно слушаютъ и разглядываютъ маякъ.

Северіонъ силится, чтобы я поняла то, о чемъ онъ хочетъ знать.

На нѣкоторые вопросы я, къ стыду своему, не могла отвѣтить. Тутъ я мысленно упрекала и земство, не устраивающее намъ курсовъ, и гимназію, гдѣ знакомятъ насъ только съ верхушками знаній, гдѣ не даютъ намъ почти никакого понятія объ окружающей обширной и глубокой дѣйствительности...

Северіонъ не выпускалъ изъ рукъ модели, вертѣлъ ее, и если ничего не спрашивалъ, то приговаривалъ:

— Вотъ лѣсенка... ступеньки... по нимъ ходятъ такъ... такъ... такъ... потомъ въ двери... а тутъ сюда... сюда... вверхъ... Разъ... два... три... четыре... пять... шесть... ступенекъ.

— А чѣмъ модель склеена?—допрашивалъ онъ настойчиво и требовалъ объясненія каждой части. Я отвѣчала, а онъ соображалъ вслухъ:

— Сперва нарисуютъ... потомъ склеятъ...

Послѣ уроковъ онъ остался съ Коньковымъ въ классѣ: я дала имъ пересматривать морскіе раковины и камешки, имѣющіеся у меня въ школьномъ музеѣ.

— Какъ образуются раковины?—спрашивалъ Северіонъ...

А я не знала, что отвѣтить...

— Почему онѣ такъ окрашены?—допытывался онъ.

Опять молчаніе съ моей стороны и горькій упрекъ по адресу гимназіи, моей alma mater...

— Почему тутъ рубчикъ, тутъ дырочка? — не унимался онъ, растягивая вопросы спокойнымъ, сосредоточеннымъ тономъ.

Въ сравненіяхъ его я замѣтила наблюдательность. Напримѣръ, извѣстный видъ камешковъ онъ сравнивалъ съ муравьиными яицами.

Теперь я понимаю, почему онъ подолгу держитъ въ рукахъ янтари и другія вещи, которыя я показываю во время бесѣдъ. Раньше онъ молчалъ, и я мало обращала на него вниманія. Товарищи нерѣдко жалуются на него:

— Северіонъ все одинъ глядитъ, а намъ не даетъ.

Если бы были всѣ такіе ученики, какъ Северіонъ, то мы, учащіе, лучше бы сознали свое невѣжество, свою неподготовленность къ великому дѣлу народнаго просвѣщенія. Намъ самимъ надо учиться... Но гдѣ взять средствъ? Все это безплодная мечта!

17 марта.

Ваня Коньковъ съ самаго начала учебнаго года обнаруживаетъ любознательность къ животному царству. Онъ охотно разсказываетъ про птицъ и звѣрей и страстно любитъ слушать разсказы про животныхъ. Часто спрашиваетъ: „какъ они живутъ, и какой у нихъ характеръ?“

Всегда проситъ прочитать что-нибудь про животныхъ.

25 сентября.

Совсѣмъ было забросила дневникъ. Опять пишу.

Вчера пѣли хоромъ „Вдоль по улицѣ молодчикъ идетъ“...

Ванѣ Конькову не понравился припѣвъ „ой жги“.

— Какое глупое слово—„жги!“ Что это за жги! Стыдно пѣть-то его!—говорилъ онъ...

Вчера вечеромъ играли въ лото, и Коньковъ въ шутку назвалъ казначея—членомъ управы. Коньковъ часто противорѣчитъ мнѣ. Онъ ко всему относится критически. Только совсѣмъ недавно сталъ при выборѣ книгъ изъ библіотеки руководствоваться моими совѣтами.

На дняхъ я для младшаго отдѣленія рисовала на доскѣ топоръ. Коньковъ подошелъ, посмотрѣлъ на рисунокъ и, улыбаясь,

замѣтилъ мнѣ, что я неправильно нарисовала топорище. По моей просьбѣ, онъ переправилъ его по своему. Сосѣдкинъ въ это время хохоталъ въ кулакъ, а Васька Змѣевъ иронически мнѣ подмигивалъ...

29 сентября.

Дѣвочка изъ средняго отдѣленія, Анюта Воронцова, не могла сообразить, кто собирается стаями, кромѣ обезьянъ.

Сосѣдкинъ замѣтилъ ей:

— Ахъ ты, Пиѳагорова таблица! Всѣ скоты собираются стаями, и ты въ числѣ ихъ...

Общій хохотъ.

Вотъ ужъ третій мѣсяцъ стоитъ у меня въ школѣ шкафъ съ вещами педагогическаго музея, и только сегодня одинъ изъ ребятъ рѣшился или, скорѣе, догадался спросить, что это за шкафъ и что означаетъ надпись на немъ: „музей"...

Я спросила Петю Костина, малыша изъ старшаго отдѣленія, почему никто не поинтересовался спросить о музеѣ.

Онъ, не долго думая, отвѣтилъ:

— А я думалъ... это такъ!..

Онъ же сегодня прислалъ мнѣ письмо послѣ уроковъ съ своей сестренкой. Тамъ было четко написано (соблюдаю орѳографію):

„Ольга Ивановна! Бралъ я у васъ книги Суворова и Шинель, Суворовъ мнѣ очень понравился, Шинель тоже хороша. Но пришли мнѣ *Апанчу* да еще какую-нибуть. Да еще непришлете ли бумажки листочка три, да перышковъ троичку, да конвертъ мнѣ нужно. Петръ Костинъ".

Я послала все, что онъ просилъ, за исключеніемъ „Апанчи"...

Не слѣдуетъ показывать интересныя картины младшему отдѣленію въ самые первые дни. Я показывала ихъ новичкамъ, и тѣ не могли сосредоточиться, особенно пузанъ Николка, котораго Сосѣдкинъ сравнилъ съ хлѣбнымъ деревомъ.

Старшему отдѣленію показывала таблицу „Косуля".

Только одинъ Коньковъ обратилъ вниманіе на ея черепъ, помѣщенный внизу таблицы.

Въ младшемъ отдѣленіи оживленно проходитъ ариѳметика, а отъ оживленія происходитъ успѣшность занятій.

Но оживлять дѣтей можно только тогда, когда душа у учащаго спокойна, а это бываетъ не постоянно... Я спросила пузана Николку:

— Сколько ушей у березы?

— Семь!

Другой мальчуганъ:

— Восемь!

А Сосѣдкинъ слушалъ, слушалъ и воскликнулъ по адресу всего младшаго отдѣленія:

— Ахъ вы, ослиныя уши!

6 октября.

Вполнѣ добросовѣстно мои маленькіе люди могутъ работать три часа въ сутки, не больше. Конечно, они будутъ дѣлать, что угодно учащему, и читать, и писать, и заучивать, но это уже будетъ насиліе. Такимъ образомъ, занятія должны производиться съ 8 ч. утра до 11 ч. дня, т. е. до обѣда.

Сегодня младшее отдѣленіе читало по букварю. Нѣкоторыя дѣти забывались и читали слова съ конца, потому что до этого было три праздника, и ребята не читали ничего за это время. Ужъ очень много праздниковъ...

7 октября.

Младшимъ показывала игру въ домино. Думаю, что она развиваетъ глазомѣръ и механическое умѣнье считать.

Объясняла устройство ртутнаго термометра старшему отдѣленію. Дѣти были оживлены и много разспрашивали.

Когда я кончила объясненіе, Сосѣдкинъ воскликнулъ:

— Теперь я буду знать, какъ смотрятъ градусы! Теперь я каждый день буду смотрѣть ихъ на школѣ!

Егоръ Золотовъ, болѣзненный, малокровный, бѣлокурый мальчикъ, ученикъ старшаго отдѣленія, оглядывая термометръ, сознательно отвѣчалъ на мои вопросы. Когда я говорила въ обще-доступной формѣ о давленіи воздуха на человѣческое тѣло, то онъ первый объяснилъ, почему мы выдерживаемъ это давленіе. Онъ замѣтно развивается. Только Ося Шишкинъ, кудрявый мальчуганъ, подъ конецъ бесѣды не выдержалъ и сѣлъ въ сторонкѣ. У него была оспа, и послѣ болѣзни онъ началъ скоро утомляться. Остальные всѣ принимали дѣятельное участіе; даже всегда дикій, совсѣмъ глупенькій Крошкинъ, ученикъ средняго отдѣленія, и тотъ что-то говорилъ о термометрѣ.

Нужно хотя бы за свой счетъ (гдѣ ужъ на земскій!) запасти ртути, чтобы знакомить дѣтей съ ея свойствами. Сегодня получила письмо черезъ Крошкина отъ Сосѣдкина, который пишетъ мнѣ: „Ольга Ивановна! Пришлите, сколько можите, мрамурной и черной бѣлыми пятными бумаги. А если Вамъ не нужна, то присылайте всѣ, я вамъ сколько стоитъ заплачу, 5 что ли копѣекъ, это все равно хоть и больше. Сосѣдкинъ“.

Зачѣмъ ему она понадобилась, такъ и забыла спросить.

8 октября.

Читала библейскій разсказъ „Истинная мать“.

— Что значитъ „библейскій?“—спрашиваю весь классъ.

Молчаніе...

— Откуда взятъ этотъ разсказъ?

— Изъ библіотеки... — робко отвѣчаетъ кто-то изъ старшаго отдѣленія.

— А вы не слыхали ли отъ батюшки, что есть книга библія?

— Слыхали...

— О чемъ же въ ней написано?

— Это библіотека!—проговорилъ Зоринъ...

Другіе молчатъ, не поднимая рукъ... Пришлось объяснить за батюшку...

Они закидали меня вопросами: „какъ и гдѣ добываютъ ртуть, желѣзо...“

Не зная ни минералогіи, ни химіи, я не могла имъ отвѣтить.

Сегодня дѣвочка изъ средняго отдѣленія оставила на партѣ записку такого содержанія: „Ольга Ивановна! Пришлите мнѣ книжку, какую знаете, хоть большую или маленькую (это подчеркнуто). Если нальете мнѣ густыхъ чернилъ, то я возьму и книгу, и рисунки, а если не нальете, то не возьму. Анна Кроткова“. Я сохраняю эти записочки, какъ интересную коллекцію свободныхъ отношеній между мною и дѣтворой.

Сегодня стригла волоса шестерымъ ученикамъ... Насѣкомыхъ масса...

13 октября.

Все старшее отдѣленіе начинаетъ принимать дѣятельное участіе въ бесѣдахъ. Сосѣдкинъ часто острить. Северіонъ философствуетъ о „началѣ всѣхъ началъ“, Коньковъ критикуетъ. Даже Зоринъ и совсѣмъ не развитый Крошкинъ даютъ разумные отвѣты, что меня радуетъ, пріободряетъ и поддерживаетъ во мнѣ ту вѣру, съ которой я начала работу въ школѣ. Сегодня прочитала „Тѣлесныя и духовныя потребности“. Петя Костинъ въ одномъ мѣстѣ чтенія, когда нужно было догадаться, откуда взято выраженіе „не хлѣбомъ однимъ живъ человѣкъ“, закричалъ въ увлеченіи:

— Э-те-те-те!..—Это онъ вспомнилъ, что изъ Евангелія.

Коньковъ передразнилъ его.

Я люблю, когда дѣти чувствуютъ себя свободно. Они тогда лучше соображаютъ и не утомляются. Всѣ начали интересоваться книгами. Только Крошкинъ что-то помалкиваетъ.

Сегодня получила курьезное извиненіе отъ Северіона.

„Записка. Прошу я васъ О. И., что я не отпросился уѣхалъ на базаръ, вы ужъ не безсути. Ежели рано пріѣду, то приду. А если къ вечеру, то я не приду. Вы не думайте, что я уроки не выучилъ. И затѣмъ кланіюсь. Еще товарищу моему Конькову по прозванью Ломоносову ему ни-иска кланіюсь. Северіонъ Крыльцовъ“.

30 октября.

Вчера и сегодня читала брошюру о томъ, „какъ люди научились писать“.

Северіонъ меланхолически замѣтилъ:

— Я каждый день думаю объ этомъ, какъ ложусь спать такъ и думаю, какъ это они додумались?

Вчера онъ хотѣлъ узнать, какъ поднимаютъ парусъ. Я не могла удовлетворить его желаніе... Сегодня онъ допытывался у меня, какъ велики окна у корабля. Я этого тоже не знала... Подъ руками нѣтъ энциклопедическаго словаря, а слѣдовало бы имѣть его для каждой школы, чтобы не быть невѣждой передъ маленькими людьми.

1 ноября.

Когда прочитала среднему отдѣленію „Дѣдушка Мазай“, всѣ разомъ воскликнули:

— Очень хорошо! Ухъ, какъ хорошо!

Золотовъ прислалъ мнѣ письмо такого содержанія:

„Прошу я васъ, Ольга Ивановна, пришли мнѣ книжечку хорошеньку Святую. Благодарю васъ на чернилахъ, больно хороши. Покорнѣйше прошу я васъ пришли мнѣ рисуночекъ хорошенькій да еще толстой бумажки для рисованія. Я за это за все поблагодарю васъ. Да еще пришлите вешнія Всходы для списованія стиховъ. Писалъ Золотовъ“.

Меня развлекаетъ такая почта, и я забываю, что живу въ угрюмыхъ лѣсахъ, куда настоящая почта ходитъ три раза въ мѣсяцъ... Письма дѣтей замѣняютъ мнѣ письма подругъ, знакомыхъ и родныхъ, пишущихъ о сплетняхъ да о томъ, какъ трудно живется на свѣтѣ Божьемъ...

2 ноября.

Вчера окончила читать „Антонъ Горемыка“. Послѣ экзекуціи надъ женой Антона, дѣти только въ первый разъ, повидимому, поняли смыслъ крѣпостного положенія. Ихъ поразило то обстоятельство, что „отойти отъ помѣщика нельзя“. Они долго сидѣли, задумавшись. Когда читала о „потравахъ“, они заговорили почему то о своемъ помѣщикѣ и раскраснѣлись отъ волненія, а Зоринъ показалъ даже кулакъ по адресу помѣщика...

5 ноября.

Сегодня въ первый разъ разсказала старшему отдѣленію о солнечной системѣ. Хотѣла въ этотъ же разъ объяснить о затмѣніи, но оказалось невозможнымъ, потому что разсказъ, по обыкновенію, перешелъ въ бесѣду, затянувшуюся до сумерекъ. Дѣти засыпали меня вопросами. Мои объясненія они иногда иллюстрировали народными суевѣріями. Разсказъ мой былъ плохо связанъ, но они поглощали каждое слово съ жадностью. Нѣкоторые вопросы дѣтей меня смущали, потому что я не могла дать на нихъ отвѣта. Вотъ болѣе или менѣе характерные изъ вопросовъ:

— Какъ люди могли жить, ежели земля была расплавлена?

— Куда вознесся Христосъ?—спросилъ Васька Зміевъ, смотря на меня съ какимъ-то озадаченнымъ выраженіемъ и безъ иронической улыбки, почти никогда не сходившей съ его тонкихъ губъ.

А Зоринъ вопросительно выкрикнулъ, оглядывая всѣхъ безпокойнымъ взглядомъ, впервые свѣтившимся мыслью:

— А какъ же люди-то на землѣ появились?..

Такъ и не успокоился онъ за весь урокъ... Сильно мучилъ его этотъ вопросъ. Говорятъ, онъ сегодня спрашивалъ о томъ батюшку за урокомъ Закона Божія... Батюшка, вмѣсто отвѣта, нарвалъ ему уши и поставилъ на колѣни, заставивъ прочитать двадцать разъ „Отче нашъ“... Хотѣлось бы мнѣ заглянуть въ это время въ дѣтскую душу! Что было въ ней? Упрекъ по моему адресу за то, что я навела его на „вредную“ мысль, или горькая обида на батюшку? Можетъ быть, и то, и другое... Вечеромъ онъ боялся меня спрашивать и все молчалъ, когда я на классной доскѣ чертила солнечную систему...

6 ноября.

Спрашиваю старшихъ:

— Изъ чего состоитъ солнце?

— Изъ пара и керосина!—разомъ отвѣчаютъ они.

Это они газъ смѣшиваютъ съ керосиномъ...

Предлагаю Золотову вопросъ:

— Ты чѣмъ просвѣщаешься?

— Керосиномъ.

Всѣ молчатъ. Ни улыбочки. Васька Зміевъ ерзаетъ на своемъ мѣстѣ, думаетъ что-то.

Пришлось объяснять. Послѣ этого общій смѣхъ по поводу керосина.

Вечеромъ прочитала „Ванька Жуковъ“ (разсказъ Чехова).

— Что ты скажешь о Ванькѣ? — интересуюсь мнѣніемъ Конькова.

— Онъ былъ безумный... — вымолвилъ Коньковъ съ сожалѣніемъ въ голосѣ.

Среднему отдѣленію читала разсказъ Тургенева „Старикъ“. Присутствовали и старшіе. Когда дошли до того, какъ старикъ каталъ въ беззубомъ рту горошину, многіе засмѣялись. Северіонъ укоризненно покачалъ головой и сказалъ:

— Ну, и чего смѣетесь? Совсѣмъ не смѣшно, а жалко даже.. беззубый дѣдушка-то... и мы такими будемъ!..

Въ среднемъ отдѣленіи при чтеніи попалось слово „правда“. Разговорились. Я поучительно замѣтила:

— Хорошо тому, кто говоритъ всегда правду.

— Не всегда...—бунчитъ Северіонъ.

— Почему?

— За правду-то наказываютъ...—продолжаетъ онъ.

— Вонъ меня батюшка за уши отодралъ... коли о правдѣ-то я спросилъ...—плаксиво проговорилъ Зоринъ.

Васька Зміевъ фыркнулъ, и всѣ захохотали.

Коньковъ послѣ этого сказалъ съ оживленіемъ:

— Нѣтъ, правда всетаки лучше. Вѣдь душа-то не умретъ. За правду-то и Богъ страдалъ!

При чтеніи встрѣтилось выраженіе: „ты человѣкъ".

Васька Зміевъ ударилъ себя кулаченкомъ въ грудь и выговорилъ:

— Я че-ло-вѣкъ... потому что во мнѣ душа!

— Да по-олно, человѣкъ ли ты?!—протянулъ по его адресу Сосѣдкинъ.

Всѣ хохочутъ.

Я спрашиваю маленькаго пузана Николку:

— А ты человѣкъ?

— Нѣтъ.

— Кто же ты?

— Я медвѣдь...—остритъ онъ при общемъ смѣхѣ. Мы недавно читали что-то про медвѣдя: это онъ даетъ мнѣ понять, что не забылъ прочитаннаго..

Съ захватывающимъ вниманіемъ слушали сегодня вечеромъ Тургеневскій „Бѣжинъ лугъ"...

Крошкинъ, совсѣмъ дикій Крошкинъ, подалъ мнѣ сегодня свое сочиненіе. Вотъ оно: „Одинъ разъ я ходилъ за зайцами: увидалъ два зайца, погнался за ними и ни одного не поймалъ, а только измаился и усталъ. Пришелъ домой; меня мать ругаетъ, и говоритъ: ахъ ты дуракъ, пошелъ за зайцами, а нисколько не поймалъ. И заставляетъ урокъ. Я сѣлъ за урокъ, а когда я выучилъ урокъ опять пошелъ за зайцами и не одного не поймалъ, пошелъ домой, дальше-то ужъ и не знаю какъ. Крошкинъ".

Я долго смѣялась, читая это сочиненіе, въ которомъ видна вся натура Крошкина. Онъ часто говоритъ, говоритъ и вдругъ оборветъ рѣчь, разведетъ руками и спрашиваетъ вопросительнымъ взглядомъ: „что, молъ, дальше-то говорить?"

8 ноября.

— Наше село тоже оазисъ!—сказалъ сегодня Сосѣдкинъ.

— Почему?

— Есть рѣчка... лѣсъ... и люди... какъ въ Сахарѣ... помните, вы читали намъ... давно... совсѣмъ давно...

Иногда бываетъ у насъ странное затишье: мало рисуютъ, не поютъ, не спрашиваютъ, флегматически слушаютъ, разсѣянны, задирчивы и ничѣмъ не интересуются. Пріятно, когда кто-нибудь окликнетъ меня:

— Посмотрите-ка, Ольга Ивановна, что это у меня въ книжкѣ написано, я не пойму!

Я замѣтила, что старшіе, въ разговорѣ со мной, чуть не къ каждому слову прибавляютъ мое имя.

13 ноября.

Сегодня ребятишки переписали мнѣ ту молитву „на сонъ грядущій", которую ихъ заставляютъ заучивать родители. Если дѣти не знаютъ ея, родители ихъ бьютъ.

„Ложусь я раба (имя)
Богу помоляся, перекрестяся
Отъ Духа Святаго, отъ печати Христовой
На мнѣ есть крестъ Господень...
На крестѣ написано
Лука и Маркъ
Якимъ и Анна
Никита мученикъ
За насъ грѣшныхъ Богу молился...
Спать ложуся
Крестомъ гражуся,
Ангела призываю
Лукаваго отгоняю. Аминь".

15 ноября.

Читала среднему отдѣленію сказку Гримма „Храбрый портняжка". Слушали и старшіе. Всѣ смѣялись, а Золотовъ такъ и захлебывался своимъ болѣзненнымъ смѣхомъ. Его смѣшило то обстоятельство, что сказочные великаны не могли понять, откуда летѣли камни.

Коньковъ настаиваетъ на томъ, что онъ выучился рисовать безъ подготовительныхъ занятій по сѣткѣ, безъ моего руководства.

Старшее отдѣленіе стало обращать вниманіе при чтеніи на названіе мѣръ вѣса, пространства. Это началось съ того времени, когда дѣти стали читать о животныхъ. Пришлось показать имъ метръ, и съ помощью его они опредѣляли величину животныхъ и удивлялись. Даже Зоринъ началъ интересоваться животнымъ царствомъ, тотъ самый Зоринъ, который такъ любилъ раззорять гнѣзда!

Читала о гадахъ и показывала гадюку, хранившуюся въ музеѣ въ склянкѣ съ формалиномъ. Изумленію, вопросамъ, разсказамъ не было конца!

16 ноября.

Северіонъ знаетъ портреты многихъ писателей. Славянскій языкъ—самый трудный урокъ въ старшемъ отдѣленіи.

Сегодня Коньковъ критически замѣтилъ:

— Зачѣмъ это въ церкви по-славянски служатъ? Вѣдь не каждая баба понимаетъ, что значитъ „яко", „иже"... Надо бы по-русски... а то другая баба придетъ въ церковь и ничего не понимаетъ... Какое тутъ моленье!

Сосѣдкинъ добавилъ:

— У татаръ—и то лучше. Они понимаютъ по своему-то...

Сегодня дѣти въ сотый уже разъ спрашивали меня: „отправлена ли экспедиція на сѣверный полюсъ?" Чаще всѣхъ этотъ вопросъ затрагивается Северіономъ.

Сегодня получила странное письмо изъ города отъ матери. Она пишетъ: „На дняхъ у меня была попадья изъ вашего прихода и говорила, что все интеллигентное общество окружающихъ

тебя деревень порицаетъ тебя за то, что къ тебѣ часто ходитъ, у тебя пьетъ чай и ужинаетъ мальчикъ Зміевъ... Васькой его зовутъ... Смотри... попадья говоритъ, *что мальчикъ на возрастѣ*... Смотри, такую сочинятъ сплетню, что не приведи Господи, обвинятъ еще въ безнравственности... Затѣмъ попадья же говорила, что къ тебѣ часто ѣздитъ какой-то учитель изъ села Солодка и засиживается у тебя до ночи... Смотри, всѣ смѣются, что-то подразумѣваютъ... Попадья, писариха и жена фельдшера ужъ не смѣютъ къ тебѣ ѣздить въ гости, считая тебя не совсѣмъ-то скромной дѣвушкой..."

Такъ меня растревожило это письмо, что я не устроила вечернихъ бесѣдъ. Я забилась въ свою комнатку, упала на кровать и задала ревку... Въ первый разъ за всю мою любовь къ маленькимъ людямъ я получила такой горькій упрекъ отъ здѣшняго общества, называющаго себя интеллигентнымъ... Господи, какъ тяжело! Они успѣли уже оклеветать меня этакою гнусною ложью! Сначала, по прочтеніи письма, я почувствовала разочарованіе въ своемъ дѣлѣ: вотъ, молъ, моя работа, вотъ любовь къ дѣтямъ, вотъ и отдавай имъ свою душу — вотъ награда тебѣ отъ людей, отъ общества! Но потомъ я взвѣсила все и рѣшила, что не стоитъ такъ убиваться и отчаяваться. Во-первыхъ, потому, что я не ищу никакой награды, а во вторыхъ—какое, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, въ медвѣжьемъ углу, общество? Стоитъ ли обращать на него вниманіе? Они всѣ такъ ограничены, что положительно недалеко ушли отъ того стола, за которымъ играютъ по вечерамъ въ „дураки" и „свои козыри", или отъ пузатаго графина съ водкой, къ которому такъ усердно прикладываются!..

17 ноября.

Во время перемѣны кто-то изъ средняго отдѣленія спорилъ:

— Пушкинъ лучше всѣхъ писателей...

— Нѣтъ, Крыловъ лучше...

— Да что твой Крыловъ, онъ всего-то написалъ три басни.

Всѣ смѣются...

— А всетаки Крыловъ лучше, хоть и немного написалъ...

Вечеромъ читала стихи Никитина и обратила вниманіе на слова: „убыль его никому не больна, память о немъ никому не нужна".

— Вѣдь правда?—спросила я...

— Правда!—отвѣтили нѣкоторые.

— А мнѣ—нужна...—возразила я...

Северіонъ поглядѣлъ на меня, сообразилъ что-то и горячо воскликнулъ:

— Только *тогда* онъ не нуженъ былъ никому!

На глазенкахъ его блестѣли слезы, а губы дрожали...

18 ноября.

Сегодня Северіонъ въ классѣ заявилъ мнѣ:

— Я знаю, почему дни такъ называются: понедѣльникъ, вторникъ...

— Почему?

— Понедѣльникъ — первый день... вторникъ — второй... четвергъ—четвертый...

— Откуда ты это узналъ?

— Я самъ додумался...

Онъ же высказалъ мнѣніе, что надо „жалѣть“ иностранцевъ:

— Всѣ, какъ и мы, произошли отъ Адама и Евы...

19 ноября.

Вечеромъ показывала портреты нѣкоторыхъ писателей и, между прочимъ, сообщила, что Достоевскій былъ въ каторгѣ.

Дѣти жалѣли его...

— Сердешный...—проговорила какая-то изъ дѣвочекъ.

— А за что онъ туда попалъ?—спросилъ Зоринъ...

— За что?.. знамо, за правду!—совершенно серьезно вымолвилъ Северіонъ...

Ребятишки переглянулись и вопросительно уставились на меня своими глазенками...

20 ноября.

Въ классѣ повѣсила портретъ Жуковскаго.

Северіонъ много разъ повторялъ:

— Люблю я Жуковскаго! Онъ мнѣ больше всѣхъ нравится!

Читала басню Крылова „Мартышка“. Дѣти думали, что это птица...

Сосѣдкинъ выпросилъ у меня популярную „Астрономію“, увидѣвъ, что я часто читаю эту книгу и по вечерамъ смотрю на небо. Книга громадная, недоступная, а потому я отмѣтила ему прочитать только нѣкоторыя части. Онъ пришелъ сегодня сіяющій и сталъ разсказывать о прочитанномъ. Особенно на его воображеніе повліяло повѣствованіе о смерти Дж. Бруно.

— За правду его сожгли! За то, что онъ сказалъ, что земля вертится вокругъ солнца, за это его сожгли! — говорилъ онъ и качалъ головой не то съ изумленіемъ, не то съ искренней дѣтской горестью...

21 ноября.

У насъ въ школѣ батюшка дерется. Этакій-то большущій! Съ такими громадными руками и высокимъ лбомъ... Бьетъ маленькихъ людей! Даетъ имъ щелчки, подзатыльники, дергаетъ за уши и ставитъ на колѣни! Страшно подумать...

22 ноября.

Сегодня одинъ ученикъ младшаго отдѣленія такъ прочелъ Богородицу:

— Боголодица дѣва ладуйся... сплава... налѣво... дусь намъ... помилуй насъ грѣшныхъ!..

Вся аудиторія захохотала, а мальчикъ испугался...

Оказывается: слова „справа“ и „налѣво“ онъ включилъ въ текстъ молитвы, когда отецъ училъ его креститься...

23 ноября.

Вчера прочитала книжку о холерѣ. Сосѣдкинъ, узнавъ, какъ обеззараживаютъ вещи, заявилъ:

— Какъ явится у насъ холера, такъ сбѣгаю къ фершалу, возьму у него карбовки и всю деревню опрыскаю! Вотъ старухи-то загнутъ носы... скажутъ: „благой запахъ!..“

Сегодня Северіонъ поддѣлъ меня...

Я говорю: „земляками называются тѣ люди, которые живутъ на одной землѣ“... А онъ—иронически:

— Земля-то вѣдь одна...

24 ноября.

Вечеромъ читала „Неразлучники“,—разсказъ Засодимскаго. На чтеніи были старшіе и средніе, даже приходили двое изъ окончившихъ школу два года тому назадъ. Впечатлѣніе отъ разсказа получилось сильное, нѣкоторые плакали... Золотовъ послѣ чтенія лепеталъ:

— Какъ дошли до этого... какъ... какъ дошли... такъ у меня слезы-то...

Одинъ мальчуганъ пожелалъ взять эту книжку домой, чтобы прочитать ее своему отцу и бабушкѣ.

Дѣти допрашивали меня:

— Правда ли то, что тутъ написано?

Я увѣрила ихъ, что это быль, чтобы не посѣять въ чистой нѣжной душѣ зерна разочарованія въ художественномъ вымыслѣ и въ поэтическихъ образахъ, благотворно дѣйствующихъ на воспитаніе каждаго человѣка.

При частомъ чтеніи о жизни животныхъ у дѣтей появляются въ обиходѣ и слова изъ этого міра. Сегодня Коньковъ замѣтилъ Васькѣ Зміеву:

— Ты... какъ кэнгуру, вертишься!

Этотъ же Коньковъ, начитавшись Пушкинской „Полтавы“, принесъ сегодня второе стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Война“. Я его прочитала вслухъ всему классу; Коньковъ при этомъ конфузливо закрывалъ лицо руками.

Вотъ стихотвореніе:

Гремятъ, гремятъ раскаты грома,
Изъ нашихъ пушекъ дымъ клубится,
И врагъ бѣжитъ.
Насъ врагъ боится.
    Ура! ура! Насъ врагъ боится...
И славный часъ,
О, славный часъ!
Еще напоръ —
И врагъ сдается.
    Ура! ура! и врагъ сдается.

А вотъ и кончилось сраженье:
У нашихъ ушки на макушкѣ,
А турецкій генералъ идетъ
Отъ усталости ноги не идутъ...
Ура! Ура! и ноги не идутъ...
Коньковъ.

25 ноября.

Старшее отдѣленіе съ большимъ трудомъ заучиваетъ, что слово „ѣмъ" пишется черезъ „ѣ", а шелкъ черезъ „е", а не черезъ „о".

Послѣ уроковъ мы убили муху, чтобы изслѣдовать ее подъ микроскопомъ, взятымъ изъ педагогическаго музея.

Северіонъ морщился, когда я умерщвляла муху эфиромъ... Я успокоила его тѣмъ, что эфиръ убиваетъ мгновенно...

— И человѣка онъ можетъ убить? — любопытствовалъ Северіонъ.

26 ноября.

Вчера со старшимъ отдѣленіемъ бесѣдовала объ электричествѣ и производила нѣкоторые опыты. Восторгу, удивленію—не было конца,—спрашивали, разсказывали, постукивая около меня маленькими лапотками...

Крошкинъ торопился что-то высказать, стараясь завоевать мое вниманіе, но Сосѣдкинъ, гримасничая, перебивая его, кричалъ что-то...

Дѣти ничего не хотѣли принять на вѣру, на все требовали доказательствъ...

— Электричество уходитъ въ землю,—говорила я.

Золотовъ допытывался:

— А потомъ-то куда? Дальше-то что съ нимъ?

Объясняю, что знаю изъ физики Малинина-Буренина...

Черезъ нѣсколько минутъ, во время перерыва, онъ повторяетъ мое объясненіе нѣсколько своеобразно, но вѣрно, съ вдохновеніемъ и жестикуляціей.

— Въ каждую кро-о-ше-чку электричество-то расходится! — восклицаетъ онъ нѣсколько разъ.

— Электричество развивается отъ тренія, — продолжаю я, предварительно объяснивъ имъ, что названіе „электричество" произошло отъ греческаго слова „электронъ", — янтарь.

Золотовъ не довольствуется моими обьясненіями:

— А въ облакахъ-то отчего происходитъ электричество? — спрашиваетъ онъ и совершенно успокоивается послѣ моего отвѣта.

Чтобы объяснить имъ, что громъ слышится не одновременно съ молніей, говорю о томъ, какъ доходитъ звукъ до нашего слуха, между прочимъ—стукъ топора дровосѣка изъ лѣсу.

Сосѣдкинъ выскакиваетъ изъ-за парты и божится, что онъ наблюдалъ это явленіе, хотя никто ему не противорѣчитъ.

— Я это всегда замѣчалъ, только не понималъ! Думалъ все... что, молъ, это за штука...—наивно повѣствуетъ онъ...

Когда заговорили про тучи, Крошкинъ вымолвилъ:

— Говорятъ, какъ двѣ тучи встрѣтятся, такъ и стукнутся...

Сосѣдкинъ, въ отвѣтъ, захохоталъ, всплеснулъ рученками, засверкалъ глазами и, захлебываясь отъ сознанія, что знаетъ больше Крошкина, заговорилъ:

— А я самъ видѣлъ: какъ онѣ встрѣтятся, такъ одна пойдетъ низомъ, а другая верхомъ... Вотъ такъ... — и онъ показываетъ, какъ онѣ пойдутъ послѣ встрѣчи.

— Я самъ видѣлъ, просто много разъ видѣлъ! — твердилъ Сосѣдкинъ. Золотовъ интересовался электрической искрой:

— А если она въ глазъ попадетъ, тогда что будетъ? А какъ она проходитъ внутрь человѣка: видно, черезъ сердце?

Когда я разсказывала о громоотводѣ, онъ сталъ высчитывать, сколько будетъ стоить устройство его надъ д. Горки:

— Шесть—пять рублей... рабочимъ за ямы... 7 рублей... провозъ... мастеръ... ну... да не дороже 100 рублей!..

Дѣти, между прочимъ, сказали мнѣ:

— Мы знаемъ, почему у каждаго двора вѣшаютъ ковыль!

— Почему?

— Въ него во время грозы прячется дьяволъ...

Я пыталась разсѣять это суевѣріе, но религіозный Северіонъ категорически замѣтилъ мнѣ:

— Ты, вонъ, и въ постъ-то ѣшь скоромное... А про дьявола батюшка говорилъ, что дьяволъ есть... безъ дьявола ни одно дѣло не обходится.

28 ноября.

На дняхъ между дѣтьми старшаго отдѣленія возникъ вопросъ о томъ, какая торговля удобнѣе: мѣновая или денежная. Во время горячаго спора по этому вопросу они раздѣлилась на двѣ партіи Коньковъ стоялъ во главѣ одной, Сосѣдкинъ во главѣ другой.

— Тебѣ, къ примѣру, надо книгъ,—кричалъ Коньковъ, дергая за рубашку Сосѣдкина,—а у тебя есть лапти... Вотъ ты и пойдешь мѣнять эти лапти на книгу, а чья книга, тотъ поглядитъ на твои лапти и скажетъ: „не нравятся они мнѣ, убирайся!“ Вотъ ты и поди! Да-а! А съ деньгами-то любо... что хошь!

Сегодня утромъ я еще не успѣла войти въ классъ, какъ ко мнѣ подскочилъ Сосѣдкинъ и доложилъ:

— Кабанъ не уступитъ въ борьбѣ льву... Кабанъ та же свинья, а ея всѣ не любятъ... не знаю за что...

Среди моихъ писемъ, бумагъ я разыскала стихотвореніе Барыковой „Пѣснь торжествующей свиньи“ и, при дружномъ хохотѣ дѣтворы, прочитала вслухъ:

— „Да, я—свинья!
И пѣснь моя въ хлѣву слышна

Всегда одна, звучна, ясна
И откровенности полна.
Я гордо, смѣло говорю: хрю-хрю!
Луны и солнца свѣтъ,
Цвѣтовъ благоуханье...
Пусть воспѣваетъ ихъ поэтъ,
Худое, жалкое, голодное созданье,
А я свинья! Хрю-хрю, до нихъ мнѣ дѣла нѣтъ.
Пусть брешутъ, будто есть какой-то воздухъ чистый,
Лѣсовъ зеленый шумъ, фіалокъ цвѣтъ и ландышъ серебристый,
Просторъ родныхъ полей,
Свобода, родина! Хрю-хрю... мнѣ хлѣвъ милѣй.
Къ чему намъ солнца свѣтъ?
Къ чему намъ запахъ розы?
Какъ будто бы нельзя отлично въ темнотѣ,
Впивая ароматъ питательный навоза,
Налопаться... хрю-хрю... и спать на животѣ...
— Что значитъ—родина? По моему—корыто,
Гдѣ пойло вкусное такъ щедро, черезъ край,
Для поросятъ моихъ и для меня налито —
Хрю-хрю! Вотъ родина! Хрю-хрю,— вотъ свѣтлый рай.
Есть много, говорятъ, другихъ свиней голодныхъ...
Такъ мнѣ-то что-жъ? Хрю-хрю... Была бы я сыта...
Какое дѣло мнѣ до бѣдъ и нуждъ народныхъ,
До поросятъ чужихъ? Все вздоръ, все суета!
Пусть гибнутъ дураки за бредни, „идеалы",
За стадо глупое обиженныхъ свиней...
И вовсе нѣтъ его. Насъ кормятъ до отвала,
Хрю-хрю! Все выдумки крамольниковъ-людей!
Пускай колбасники торгуютъ колбасою,
Изъ братцевъ и сестрицъ готовятъ ветчину.
Мнѣ что? Вѣдь я жива... Я жру свои помои
И слышу ревъ и визгъ и глазомъ не моргну...
Да, я—свинья!
И пѣснь моя въ хлѣву слышна
Всегда одна, звучна, ясна
И откровенности полна.
Я гордо, смѣло говорю: хрю-хрю!.."

Неудержимый хохотъ моей аудиторіи долго не давалъ Сосѣдкину что-то высказать. Наконецъ, онъ, не то извиняясь, не то соглашаясь со мною, сказалъ:

— Да, свинья... вѣрно... скверное животное! А вѣдь и люди въ родѣ свиньи бываютъ!

29 ноября.

Сосѣдкинъ, разглядывая дѣтскія книжки, говоритъ:

— Вѣдь это пудель... вотъ... на картинкѣ-то? Я узналъ, что это пудель... Я читалъ... А это вотъ буйволъ... Вотъ, если бы я не читалъ... ничего бы не зналъ!

Сегодня читали басню „Собака и Лошадь".

— Ну, кого разумѣть подъ собакой и подъ лошадью?—спрашиваю послѣ чтенія басни.

Молчаніе. Что-то соображаютъ.

— Собака что дѣлаетъ?
— Лаетъ...
— А главное-то?
— Сторожитъ наше добро...
— А лошадь?
— Возитъ... пашетъ...
— Такъ кто-же лошадь-то?
— Мы... крестьяне...
— А собака?

Ребята мнутся...

— Учительша! — шепчетъ Золотовъ, но Васька Зміевъ суетъ ему кулакомъ въ бокъ и ругаетъ шепотомъ:

— Што ты... дуракъ... ошалѣлъ!

Я молчу, даю волю догадкамъ.

— Дохтура... — сыплются отвѣты, — фершала, урядникъ, становой, земскій, попъ...

Пришлось сдержать дѣтскую „сообразительность“ и, какъ слѣдуетъ, объяснить басню...

30 ноября.

При чтеніи разговорились о заграничной торговлѣ.

Коньковъ сказалъ, узнавъ, что такое пошлина:

— У русской страны нѣтъ денегъ, такъ вотъ она и придумала пошлины.

Затѣмъ встрѣтилось слово „студентъ“.

— Что такое—студентъ?—задаю я вопросъ моей аудиторіи.

Сосѣдкинъ ерзаетъ, смѣется, гримасничаетъ.

— Ну, ты... что?

— У насъ студентами-то зовутъ самыхъ никчемныхъ людей... бѣглыхъ... воришекъ...—отвѣчаетъ онъ.

А Золотовъ вставляетъ увѣреннымъ тономъ:

— Я знаю, кого зовутъ студентами.
— Кого?
— Того, кто учится!
— Такъ... вы... студенты?
— Да, студенты!

Взрывъ дѣтскаго смѣха нарушаетъ напряженное вниманіе къ этому вопросу моей лапотной публики...

22 декабря.

Распустила учениковъ на каникулы.

Сегодня получила отъ инспектора выговоръ за то, что читала ученикамъ „Пѣснь торжествующей свиньи“.

„Вы должны читать только басню Крылова: „Свинья подъ дубомъ вѣковымъ“, а кромѣ этой басни—никакихъ“.

Догадываюсь, что это батюшка донесъ...

Вотъ и работай, разматывай свою душу!

Тяжело, больно и стыдно за людей, вѣрнѣе—за мѣстную человѣческую породу.

27 декабря.

Святки. Сегодня раздумалась про школу. За все время не было въ ней воровства и другихъ пороковъ. Дѣти искренни, правдивы, не прячутъ отъ меня своихъ недостатковъ. Это меня радуетъ. Вѣроятно, изъ моихъ маленькихъ людей выйдутъ честные, умные пахари. Северіонъ, Коньковъ, Золотовъ, Сосѣдкинъ, Зміевъ... ну, да развѣ могутъ выйти изъ нихъ плохіе граждане русской земли? Северіонъ морщился, напримѣръ, когда я муху убивала. А слезы-то, слезы при чтеніи разсказовъ? Ну, развѣ это не вѣрная гарантія хорошаго будущаго? Развѣ могутъ такія сердца измѣниться.. забыть все... и меня... мою ласку... тихіе вечера скромныхъ бесѣдъ?.. Не можетъ быть!

7 мая.

Давно не вела дневника... Вотъ и экзамены. Всѣ сдали прекрасно, даже Зоринъ выдержалъ.

Какъ я рада, безконечно рада за своихъ питомцевъ! Передъ ними открылась дорога жизни... Куда-то они придутъ? Положимъ, изъ школы они вынесли мало: букварь... умѣнье писать съ грѣхомъ пополамъ. И то скоро забудутъ... Но пусть! Съ этимъ я готова помириться, только бы осталась въ нихъ хоть искорка моей „размотанной“ души, моей искренности, правдивости, любви, того, что я вкладывала въ ихъ нѣжныя, чистыя души. Добрый часъ вамъ, мои друзья. Добрый часъ!

10 сентября.

Сегодня выдала похвальные листы Конькову, Северіону, Сосѣдкину, Золотову и Васькѣ Зміеву...

Ребята хотѣли заказать рамки, чтобы повѣсить свои награды на стѣнку. Они съ жизнерадостнымъ смѣхомъ понесли свои награды домой, сопровождаемые цѣлой арміей своихъ маленькихъ, любопытныхъ братишекъ и сестренокъ...

. . . .

IV.

Девять лѣтъ уже, какъ я не заглядывала въ этотъ старый дневникъ. Я его вытащила изъ своего „архива“, который заброшенъ на пыльный чердакъ моей школы, гдѣ лежатъ кипы старыхъ тетрадокъ, классныхъ журналовъ и разбитыхъ грифельныхъ досокъ... Перечитываю, и былые дни встаютъ передо мной... Такъ и кажется, что я въ толпѣ дѣтворы, меня снова толкаютъ, спрашиваютъ, разсказываютъ, спорятъ, протестуютъ... Вотъ, читаю замѣтку за 7 мая: „они вышли изъ школы... Что то они изъ нея вынесли?“ Да, въ самомъ дѣлѣ, что вынесли?

Осталась ли въ нихъ та „искорка моей размотанной души, которую я вкладывала въ каждаго изъ нихъ?“

Я горько задумалась.

За это время всѣ мои маленькіе люди выросли, возмужали, одни женились, другія—вышли замужъ, третьи—служатъ „въ солдатахъ“, четвертые умерли... У многихъ есть уже свои „маленькіе люди“.

Вотъ Северіонъ Крыльцовъ... Ему теперь 23 года... Онъ женатъ уже пятый годъ, у него двое дѣтей. Онъ служитъ въ селѣ Выползовѣ помощникомъ волостного писаря. Недавно былъ въ Горкахъ, и я видѣла его, высокаго, красиваго парня въ поддѣвкѣ, проходившаго мимо школы съ другими парнями. Онъ былъ пьянъ и, заломивъ шапку, играя на гармоникѣ, басилъ хриплымъ голосомъ на всю деревню:

Я вечеръ ворота мазалъ
И пришелъ домой чумазый...
Меня тятька спросилъ:
Д'куда тебя чо-о ртъ носилъ?..

Частушка закончилась сквернословіемъ. У меня точно морозъ пробѣжалъ по кожѣ, точно холодная змѣя перевернулась въ душѣ, и тяжелая мысль о судьбѣ моихъ учениковъ ледянымъ покровомъ легла на душу...

Что-то чистое, казалось мнѣ, вдругъ стало грязнымъ, воздухъ—мутнымъ, зловоннымъ, свѣтъ яркаго дня затмился...

Какъ-то разъ я позвала къ себѣ въ школу Крыльцова, усадила за столъ, гдѣ бурлилъ самоваръ, гдѣ было такъ тепло и уютно. Крыльцовъ пытливо слѣдилъ за мной своими черными, жгучими, красивыми глазами, сверкавшими еще тѣмъ огонькомъ, что освѣщалъ ихъ въ дни дѣтства. Я сняла со шкафа старый, запыленный, годами вытертый маякъ, тотъ самый маякъ, который былъ въ дѣтскихъ рукахъ Северіона.

— Помните ли вы... съ какимъ восторгомъ, съ какимъ оживленіемъ разсматривали эту модель девять лѣтъ тому назадъ... когда вы были совсѣмъ еще маленькимъ человѣкомъ? — спросила я, и сердце забилось во мнѣ, точно предчувствуя что-то страшное.

— О!—протянулъ онъ растроганнымъ тономъ.—Забавная была штука... Теперь не до этого... Забота обо всемъ... ребята пошли... хозяйство... служба... начальство строгое... кланяйся всѣмъ... ври тамъ, гдѣ бы правду сказать... Эхъ... жизнь-то не забава... она все вымететъ изъ души-то... все... и дѣтство... и совѣсть... и правду...— говорилъ онъ, точно на исповѣди, и эти признанія, не смотря на ихъ страшный, ужасный смыслъ, смягчали мое пораненное сердце, какъ истинная искренность погибшаго человѣка, одна только и уцѣлѣвшая отъ золотого дѣтства!

Онъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ безнадежнымъ и, въ то же время, злымъ голосомъ:

— Чортъ бы взялъ эту жизнь...

— Зачѣмъ вы бросили учиться, Северіонъ? Вы были такой умный... талантливый... рѣдкій мальчикъ... у васъ была такая нѣжная душа... зачѣмъ?—тихо, ласково спросила я его, схвативъ за кончики пальцевъ, какъ бывало въ дѣтствѣ...

— Зачѣмъ! — захохоталъ онъ, и мнѣ стало больно, тоскливо, страшно отъ этого короткаго, дикаго смѣха.

— Зачѣмъ!? — повторилъ онъ уже безъ смѣха, совсѣмъ спокойно, грустно, мечтательно, какъ въ дѣтствѣ...—Да затѣмъ, что такъ надо было... такая наша жизнь... крестьянская... забытые мы люди... Вонъ... дѣти дворянъ на стипендіи учатся... а мы... глядите: весь я тутъ... совсѣмъ испохабился жизнью... А былъ... хорошимъ... и, можетъ быть, изъ меня вышелъ бы человѣкъ прочный, полезный... Эхъ, дорогая Ольга Ивановна... славная вы... не забылъ я васъ... нѣтъ, не забылъ...—говорилъ онъ съ дрожью въ голосѣ...

Потомъ всталъ и, не допивая чай, направился къ двери...

— Постойте... Северіонъ... постойте! — какъ-то властно, по-матерински, остановила его я.

— Ну... что еще? — сказалъ онъ, полуоборачиваясь. На глазахъ его блестѣли слезы, и онъ стыдился показать ихъ мнѣ: вѣдь онъ теперь мужчина, а для мужчины слезы — стыдъ, безсиліе, какъ для женщины—нагота ея...

Онъ заговорилъ вдругъ страннымъ, немного рѣзкимъ и грубымъ голосомъ:

— Зачѣмъ вы напомнили мнѣ о дѣтствѣ? Жалко мнѣ его... Теперь я нечистый человѣкъ... Я много уже сдѣлалъ зла... Я беру взятки... я развратилъ не одну дѣвушку въ нашемъ селѣ... нѣмую Дуньку... знаете... ту самую Дуньку... помните... которая маленькой дѣвчуркой заходила къ намъ въ школу, въ надеждѣ, что вы и ее можете выучить... Вотъ... вамъ говорю... не боюсь васъ... Вы—святая... не такая, какіе всѣ здѣсь кругомъ... Будь они всѣ прокляты!.. Я жилъ съ ними, и они научили меня быть такимъ же злымъ, развратнымъ, негоднымъ человѣкомъ... Эхъ, Ольга Ивановна... пропащій я человѣкъ... Такъ, что ли?..

. . . .

Перелистываю дневникъ, точно разрывая могилу въ своей душѣ, гдѣ было зарыто все прошлое, надъ которымъ, словно памятникъ, стоитъ моя глубокая вѣра въ человѣка...

Дѣвочки... Однѣ вышли замужъ за богатыхъ, другія—за бѣдныхъ... однѣ—за пьяницъ, другія—за трезвыхъ, но всѣ за темныхъ, невѣжественныхъ людей. А одна... Анюта Воронцова... Та самая Анюта, которая играла моими куклами послѣ елки,—сдѣлалась проституткой и теперь сидитъ дома на печкѣ, боясь показаться

на улицу: у ней провалился носъ... Ея никуда не пускаютъ, она не знаетъ, что дѣлается на улицѣ, ей нѣтъ отъ родныхъ другого имени, кромѣ „стервы“, „сволочи“ и еще хуже... Кормятъ ее отдѣльно, какъ собаченку у порога, одѣваютъ въ лохмотья... Всѣ ждутъ ея смерти... Она два раза вѣшалась, но ее снимали съ петли... Мои посѣщенія для нея — праздникъ. Однажды она выложила передо мною всю свою душу.

— Хотѣла учиться дальше,—говорила она гнусавымъ, нехорошимъ, жалкимъ голосомъ,—но гдѣ учиться... на что? Лошадь у насъ въ ту пору пала... и послалъ меня тятенька въ городъ... во служенье... къ архитектору нанялась за дѣтьми ухаживать... шестнадцатый годъ мнѣ былъ... У архитектора сынъ былъ гимназистъ... сильный такой... высокій... поймалъ разъ меня въ спальнѣ своей... схватилъ, и я не смѣла крикнуть: выгонятъ вѣдь... и на лошадь тятенькѣ не заработаю... Насилу опомнилась послѣ... иду внизъ... а ноженьки дрожатъ... и слезы градомъ... градомъ... хвать—самъ баринъ... увидалъ меня... платье разорвано... волоса растрепаны.. и началъ ругать, топать ногами... и выгналъ... Тутъ и попала я на ярмарку... въ заведеніе.. и совсѣмъ пропала.. и вотъ что нажила.. Вотъ она жизнь-то!..

— Совсѣмъ я пропащая на бѣломъ свѣтѣ... будто листочекъ отсохшій... — говорила эта несчастнѣйшая въ мірѣ женщина...

. . . .

... Сосѣдкинъ? Это совсѣмъ забитый парень.. Онъ ужъ успѣлъ посидѣть въ острогѣ за то, что въ городѣ на пристани обругалъ пристава „удавомъ...“ Сосѣдкинъ теперь работаетъ на Волгѣ. Онъ крючникъ, носитъ тюки на своей спинѣ... Онъ отдѣлился отъ отца, и его жена страшно бѣдствуетъ съ груднымъ ребенкомъ...

Золотовъ служитъ въ „солдатахъ“ и совсѣмъ испортился...

Казарменный духъ и дисциплина сдѣлали его грубымъ, дерзкимъ, подобострастнымъ. Онъ приходилъ на „побывку“ и не посѣтилъ меня.

... Васька Змѣевъ, тотъ самый Васька, который часто ходилъ ко мнѣ и послужилъ темой для сплетни у мѣстныхъ „кумушекъ“, умный, рѣзвый, хитрый мальчуганъ...

Теперь онъ одинъ кормитъ всю семью... У него умеръ отецъ, и вотъ на плечи Васьки съ 15-ти лѣтъ легла семья въ семь чечеловѣкъ.

— Я самъ—семой! — говорилъ онъ не разъ, когда я встрѣчала его на пашнѣ, идущаго за сохой по тяжелой, глинистой почвѣ узкой полосы, изрытой вымоинами, гдѣ спотыкалась лошадь, гдѣ особенно кричали полевыя чайки, выклевывающія червей изъ разрыхленной почвы.

Теперь ему 22-й годъ; у него 160 рублей недоимки, накопленной его отцомъ, дѣдомъ и прадѣдомъ..

Теперь три раза въ годъ аккуратно „выколачиваютъ“ изъ него эту недоимку, сажая иногда въ самый сѣнокосъ въ арестантскую за неуплату выкупныхъ платежей, нажитыхъ не имъ, а неизвѣстными ему его прадѣдами. Теперь онъ исправляетъ должность сельскаго десятскаго, возложенную на него изъ мести кулакомъ-старостой, къ которому Васька не пошелъ въ работники за 12 руб. въ зиму... Теперь Васька, — какъ онъ говоритъ, — „впрягся въ соху“ и безропотно несетъ тяжелый крестъ, завѣщанный предками... Ему, бѣднягѣ, не до чтенія. Онъ совсѣмъ разучился читать, а писать и подавно... чуть-чуть наводитъ каракули въ общественныхъ приговорахъ... Но онъ по прежнему честный, живой, не испортившійся подъ вліяніемъ тяжелаго крестьянскаго быта...

... Зоринъ... отчаянный Зоринъ... Отецъ у него убилъ въ запальчивости жену и, отсидѣвъ въ острогѣ, живетъ въ городѣ, пьянствуетъ, а Зоринъ „управляетъ“ безъ того ужъ раззореннымъ хозяйствомъ... Все, что зарабатываетъ, отдаетъ отцу, а тотъ пропиваетъ и подъ пьяную руку бьетъ сына... Забитый, жалкій парень. Его женили на нелюбимой дѣвушкѣ, только потому, что за нее „немного отдалъ его отецъ денегъ на столъ..“ Зоринъ иногда ходитъ ко мнѣ за книгами, но проситъ все „святыхъ“.

— Возьми такихъ вотъ... Григоровича?

Зоринъ машетъ рукой и отрывисто говоритъ:

— Не надо... Святые-то смягчаютъ душу...

И видно, что она болитъ у него по потерянной удали, живучести... Болитъ и требуетъ „смягченія...“

... Крошкинъ, „дикій“ Крошкинъ, служитъ половымъ въ трактирѣ... Онъ теперь умѣетъ говорить: „сію минутъ-съ“, „извольте-съ...“ У него есть и книги: „Черная магія“, „Русскій пѣсенникъ“, „1000 фокусовъ“ и „Разбойникъ Картушъ...“ Особенно онъ рекомендуетъ всѣмъ послѣднюю книгу:

— Такихъ на свѣтѣ мало... зачитаешься... Вотъ былъ человѣкъ... этотъ Картушъ!

Когда онъ приходитъ въ деревню, то цѣлыми вечерами повѣствуетъ съ особой удалью о томъ, какъ онъ жилъ въ городѣ при „баняхъ“, при „нумерахъ“, гдѣ для „господъ“ доставлялъ и вдовъ, и замужнихъ женъ, и совсѣмъ еще дѣвочекъ... Разсказы, конечно, всѣ циничны, пошлы, а публика ихъ слушаетъ, и никому въ голову не придетъ сказать:

— Какъ все это гадко, скверно...

Ходилъ слухъ, что Крошкинъ умѣетъ дѣлать „фальшивыя монеты“.

Онъ „замѣчательный“ игрокъ въ карты на всю нашу округу.

Кромѣ того, выучилъ мѣстныхъ дѣвокъ пѣть такую частушку:

„Ставь-ка, мамка, самоваръ,
Золотыя чашки...
Приведу я гостя къ вамъ
Въ вышитой рубашкѣ...“

Отца у него нѣтъ, а сѣдой, горбатенькій дѣдушка собираетъ милостыню... Домъ обваливается, земля сдается за безцѣнокъ въ аренду кулаку-старостѣ... Крошкинъ не женатъ... Въ деревнѣ его не любятъ и прозвали „стрекулистомъ...“ Въ школу не заглядываетъ; впрочемъ, однажды въ пьяномъ, возбужденномъ видѣ онъ явился ко мнѣ со странною просьбой:

— Нѣтъ ли у васъ хлороформу... али тамъ... хлоралъ-гидрату?

— Нѣтъ... Зачѣмъ это?.. — удивилась я, пятясь отъ него къ двери...

— Старостину дочь... Машку... усыпить бы мнѣ надо... усыпить ее, подлую! Люблю ее, подлую, а она...—тутъ слѣдовало ругательство:—Усыпить ее надо!

... Петя Костинъ... тотъ самый, что написалъ мнѣ однажды „записку“ съ просьбой дать ему для чтенія какого-то „Апанчу“.

Онъ живетъ на фабрикѣ за городомъ, въ стале-литейномъ цехѣ... У него оторвало два пальца, и онъ даже не взыскивалъ за увѣчье, подкупленный хитрымъ, ласковымъ обхожденіемъ фабричнаго управляющаго, который „подарилъ“ ему 25 рублей... Отдѣлился отъ отца и совсѣмъ почти не заглядываетъ въ деревню. На Пасхѣ я встрѣтила его въ городѣ: онъ узналъ меня, поздоровался и съ дѣловымъ видомъ пошелъ дальше...

... Коньковъ... самый мой любимый, лучшій ученикъ и... поэтъ! Что съ нимъ сталось? — Онъ сильно пилъ водку, часто ходилъ ко мнѣ за книгами и приносилъ собственныя стихотворенія. Мы иногда бесѣдовали до полуночи.

Онъ чувствовалъ себя одинокимъ въ деревнѣ.

— Никто не хочетъ понять меня... Смѣются, называютъ „скубентомъ...“ Ну, вотъ и пьешь... заливаешь тоску!..

Онъ написалъ мнѣ много „посвященій“; вотъ нѣкоторые отрывки:

Отрадно съ вами говорить,
У васъ привѣтъ всегда встрѣчая.
Готовъ вамъ душу всю излить
Я, самъ того не замѣчая.
Одинъ я. Думы одолѣли...
И не съ кѣмъ слово мнѣ сказать...
Но вы меня хоть пожалѣли!

. . . .

Зажглась мнѣ звѣздочка въ туманѣ,
Заря мнѣ новая взошла,
И въ неотесанномъ болванѣ
Нашлась, какъ видится, душа...
Я жажду новыхъ мнѣ познаній,

И сердце такъ во мнѣ горитъ,
Скажу я вамъ безъ заклинаній,
Что нечѣмъ жажду утолить.

Однажды Коньковъ пришелъ ко мнѣ вечеромъ и, сбросивъ полушубокъ, началъ:

— Знаете что, Ольга Ивановна...

— Что такое?—спросила я, замѣтивъ что-то необычайное на его лицѣ, въ его глазахъ и во всей фигурѣ, точно выросшей на вершокъ.

— Я хочу попробовать...—продолжалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Что?

— Послать въ редакцію одно стихотвореніе... Вижу я, что во мнѣ *что-то* есть... не хочется мнѣ пропадать тутъ... заживо умирать... Можетъ, отпечатаютъ... пришлютъ гонораръ... а тамъ другой... третій... найму работника пахать землю, а самъ займусь литературой... А тамъ въ Москву съѣзжу... Эхъ, Ольга Ивановна, душа-то моя, душа-то рвется куда то... крылья бы ей... улетѣла бы... Вотъ посмотрите... Я прочитаю...

И онъ прочиталъ стихотвореніе „Сельскій храмъ“.

Незатѣйливый, убогій
На селѣ построенъ храмъ,
Пролегли къ нему дороги
По равнинамъ и лугамъ.
Онъ стоитъ надъ грудью пашенъ,
Дышетъ свѣжею землей,
Чистымъ небомъ онъ украшенъ
И облитъ его росой...

За оградой на покоѣ
Отъ житейской суеты
И зимой, и въ лѣтнемъ зноѣ
Дремлютъ бѣдные кресты.
Храмъ одинъ могилы знаетъ
И ведетъ печальный счетъ:
Кто надъ пашней вѣкъ свой маетъ,
Подъ крестомъ его уснетъ.

Если вянетъ всходъ зеленый,
Если рожь легка зерномъ,
Онъ поблекшія иконы
Высылаетъ за дождемъ.
И когда съ дождемъ тяжелымъ
Туча темная пройдетъ,
Онъ крестомъ сосѣднимъ селамъ
Вдаль привѣтливо блеснетъ...

Коньковъ.

Я посовѣтовала послать это стихотвореніе въ „Ниву“.

„Нива“ ничего не отвѣтила... Онъ не унимался, не терялъ вѣры въ свой талантъ и продолжалъ писать все новые стихи.

Одно стихотвореніе я попробовала послать въ другой еженедѣльный журналъ, и черезъ мѣсяцъ въ отдѣлѣ „отвѣтовъ“ нашла тамъ пародію... Она страшно поразила бѣднаго Конькова...

— Надсмѣялись, — шепталъ онъ побѣлѣвшими губами, — а я имъ отъ чистаго сердца... думалъ, помогутъ добрымъ совѣтомъ... Ученые люди... литераторы... Эхъ... пропадай моя жизнь... Никто не вытащитъ меня изъ этой ямы... Эхъ!—онъ заплакалъ и ушелъ.

Вскорѣ послѣ этого онъ жестоко запилъ и однажды былъ

найденъ мертвымъ въ банѣ. Рядомъ валялись огарокъ свѣчки, разбитая бутылка и клочокъ бумаги, гдѣ было нацарапано:

„Одинокій я человѣчишка... жизнь наша—помойная яма...“

Василій Девятковъ.

---

* * *

Отчизна хризантемъ, любимый солнцемъ край!
Волна морей гремитъ твоей расцвѣтшей славой,
Твой лучезарный флагъ, при возгласахъ „банзай“,
Побѣдно осѣнилъ Артура рейдъ кровавый.
Но слава хищная—коварный даръ боговъ,—
Нипо́нъ, инымъ гордись!..
Актеры грозной драмы,
Бойцы усталые,—подъ мирный отчій кровъ
Вернутся воины счастливые Ойямы.
Свобода и любовь въ объятья примутъ ихъ!
На кличъ земли родной они, какъ барсы, встали,
За право ра́венства въ семьѣ племенъ людскихъ
Безтрепетно въ поляхъ чужбины умирали.
И яркій вспыхнулъ день,—награда всѣхъ трудовъ,—
Ликуйте, мертвецы Мукдѐна и Телйна:
Отнынѣ желтый цвѣтъ не подлый цвѣтъ рабовъ,
Отнынѣ Азія не знаетъ господина!

А мы?.. Ущелья горъ, долины рѣкъ чужихъ
Дождемъ кровавымъ мы бе́зплодно оросили;
Съ покорностью воловъ безгласныхъ и тупыхъ,
Какъ снѣгомъ, нашими костями убѣлили!
Надъ мирнымъ краемъ манзъ прошли мы бурей злой,—
Потомокъ дальній ихъ проклятьемъ насъ помянетъ...
...Вернемся въ край родной,—
И рабство прежнее намъ тупо въ очи глянетъ?!
. . . .
Проснулась родина... увы, для новыхъ бѣдъ!
Изранена, въ крови, отягчена цѣпями,
Все ждетъ зари она—зари желанной нѣтъ...
— На помощь къ ней, впередъ! И Богъ свободы съ нами!

20 августа.

П. Я.

ности съ Англіей, высокій посѣтитель несомнѣнно обратитъ вниманіе на виллинговскія предпріятія, и въ ближайшемъ будущемъ дастъ ему большіе заказы, стоящіе на очереди. Этимъ сразу рѣшилась бы въ благопріятномъ смыслѣ судьба заводовъ, вынужденныхъ теперь вести борьбу, чтобы завоевать себѣ положеніе, соотвѣтствующее желаніямъ и честолюбію коммерціи совѣтника. На искреннее сочувствіе главы государства можно разсчитывать вѣрнѣе, если закончить постройку лютеранской церкви и показать еще образцовыя благотворительныя учрежденія для вѣрноподданныхъ рабочихъ, далекихъ отъ всякихъ революціонныхъ стремленій и плановъ. Кромѣ того, коммерціи совѣтникъ—лицо, отчасти извѣстное императору. Разъ онъ былъ ему представленъ на охотѣ однимъ своимъ пріятелемъ и политическимъ единомышленникомъ, совѣтникомъ фонъ-Диббернъ, и монархъ уже тогда, въ благосклонномъ разговорѣ, выразилъ свои симпатіи соціальнымъ стремленіямъ коммерціи совѣтника, отмѣченнымъ ему фонъ-Дибберномъ. Онъ буквально сказалъ, что если бы всѣ крупные фабриканты были такихъ же убѣжденій, то едва ли народилась бы соціалъ-демократическая партія, страшная своимъ ядовитымъ оружіемъ. Почва была, такимъ образомъ, подготовлена, и свиданіе въ Герстѣ должно было имѣть огромное значеніе.

Дядя часто бесѣдовалъ теперь съ Готхольдомъ. Мысль воспользоваться торговлей и театральнымъ представленіемъ для церкви была ему сначала противна. Если есть люди, готовые помочь, зачѣмъ же хитрить и уговаривать ихъ, привлекать блескомъ мишуры, а, пожалуй, чѣмъ либо еще худшимъ? И если пожертвованія приходится выманивать противъ воли дающихъ, то какую цѣну могутъ имѣть они? Въ храмѣ Господнемъ не мѣсто мѣняламъ и торгашамъ. Благочестіе и благотворительность, служащія прикрытіемъ для свѣтскихъ развлеченій, фальшивы. Готхольдъ дѣлалъ все, чтобы разстроить затѣю, и нѣсколько разъ очень серьезно бесѣдовалъ съ дядей. Виллингъ упрекалъ его въ упрямствѣ, въ недостаточномъ пониманіи самыхъ обыкновенныхъ вещей, въ преувеличенной и бездушной строгости въ вѣрѣ. Одинъ разъ съ устъ его сорвалось даже „поповскіе взгляды“. Только настоятель, приглашенный на помощь Виллингомъ, разрѣшилъ дѣло. Въ наказаніе за упрямое противодѣйствіе, Готхольдъ долженъ былъ оказывать ему самую широкую помощь: настоятеля избрали въ комитетъ по устройству живыхъ картинъ, и онъ долженъ былъ найдти подходящихъ для этого лицъ. Ему пришлось познакомиться съ различными кругами городского общества и взять на себя цѣлую массу подневольныхъ обязанностей.

Отношенія его съ дядей за послѣднее время, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, стали менѣе сердечны. Готхольдъ удивлялся его упорной энергіи и желѣзной рѣшимости; но ему было досадно, что этотъ сильный человѣкъ, проникнутый властью до мозга костей, пробовалъ школить и его; критиковалъ его проповѣди и требовалъ точныхъ свѣдѣній о его дѣлахъ и намѣреніяхъ, чтобы выразить ему свое порицаніе .По его мнѣнію, онъ недостаточно прославлялъ угодный ему строй и мало упоминалъ о гнѣвѣ Божіемъ: воскресная служба должна служить однимъ изъ звеньевъ строго опредѣленной системы, охраняющей рабочее населеніе отъ яда соціализма.

— Я не слуга твой, дядя,—долженъ былъ сказать ему однажды Готхольдъ,—и, вообще, служу не людямъ, а церкви.

Въ немъ проснулся аристократъ.

По мнѣнію коммерціи совѣтника, онъ слишкомъ много терялъ времени у людей, не имѣвшихъ никакой связи съ заводской жизнью: съ бывшими рабочими, уволенными по болѣзни или неисправности, съ мелкими ремесленниками и поденщиками. Пастору, по словамъ Виллинга, нечего дѣлать со всѣми этими людьми: онъ долженъ быть исключительно„заводскимъ священникомъ", какъ существуютъ „заводскіе врачи".

Особенно сердило дядю изученіе Готхольдомъ соціалистической литературы. Но это не смущало Готхольда.

— Я дѣлаю, что считаю своею обязанностью,—было его припѣвомъ:—я не могу осуждать и бороться противъ того, чего не знаю.

— По твоему и врачъ обязанъ на себѣ пробовать всякій ядъ?—ехидно спрашивалъ Виллингъ.

Но Готхольдъ не находилъ правильнымъ это сравненіе. Въ довершеніе всего,—упрекалъ его дядя,—онъ взялъ въ свой домъ дѣвку, „чтобы, видите-ли, спасти ее отъ окружающей обстановки и порочной жизни"... Да,—возражалъ племянникъ,—подъ его наблюденіемъ она должна сдѣлаться хорошей и чистой. Нѣкоторыхъ усилій стоило добиться на это согласія Ирмы. Но такъ какъ она охотнѣе всего отдается своимъ молитвамъ, а количество бѣдныхъ, получающихъ у нихъ пищу, все увеличивается и осложняется хозяйство, то она согласилась, что помощь будетъ очень кстати. Къ тому же Мици не производитъ на нее отталкивающаго впечатлѣнія. Во всемъ ея существѣ что то привлекательное, покорное и ничто не указываетъ на „дѣвку", какой она должна бы быть. Напротивъ, она скромна и не поднимаетъ глазъ, когда съ ней говорятъ. Очевидно, она стыдится своего прошлаго.

Коммерціи совѣтникъ увѣрялъ, что это глупѣйшій шагъ, какой могъ только сдѣлать Готхольдъ.

— Самъ Христосъ не взялъ къ себѣ Магдалины,—говорилъ онъ съ ехиднымъ смѣхомъ и предсказывалъ безконечныя непріятности. Вольнодумцы поднимутъ на смѣхъ и будутъ острить надъ пасторомъ, взявшимъ къ себѣ для исправленія красивую дѣвушку, и даже „благомыслящихъ" это наведетъ на подозрѣніе. Готхольдъ слишкомъ молодъ и слишкомъ красивъ для такихъ экспериментовъ, и могъ бы оставить ихъ до болѣе поздняго возраста. Теперь это значитъ давать матеріалъ клеветѣ и сплетнямъ. Да и дѣвушка, сама по себѣ, далеко не производитъ впечатлѣнія готовой каяться и поститься во вретищѣ и прахѣ.

Но на этотъ разъ Готхольдъ остался глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ. Ни насмѣшки, ни намеки не могли измѣнить его намѣренія. Даже настоятель, вновь призванный на помощь коммерціи совѣтникомъ, ничего не могъ сдѣлать. Готхольдъ ссылался на многочисленныя мѣста изъ Евангелія и такъ ревностно отстаивалъ свои пасторскія обязанности, что, послѣ нѣкоторыхъ отеческихъ совѣтовъ, его начальникъ долженъ былъ отступить. Онъ не любилъ споровъ и по возможности предоставлялъ каждому держаться своей точки зрѣнія, лишь бы она вела къ миру и не портила ему пищеваренія. Иначе этотъ маленькій, мягкій старикъ, напоминавшій бѣлую мышку и всю недѣлю говорившій шепотомъ, чтобы сохранить свой голосъ для воскресной проповѣди, превращался въ фанатика. Это было всѣмъ извѣстно, и всѣ остерегались раздражать его. Впрочемъ, онъ самъ прежде всего избѣгалъ всякаго повода къ раздраженію.

Готхольдъ былъ доволенъ своимъ образомъ дѣйствій. Насколько это дѣлалось изъ-за противорѣчія Гельгѣ Леръ, онъ не старался себѣ выяснить. Ему пришлось преодолѣть самыя разнообразныя препятствія, прежде чѣмъ Мици Теденъ переселилась въ его домъ; это-то именно и укрѣпило его рѣшеніе и увѣренность, что онъ правъ. Сама Мице тотчасъ собралась идти къ нему, какъ будто она только и ждала предложенія, но больная вдругъ запротестовала. Мице необходима въ домѣ, Люде убьетъ всѣхъ, если не найдетъ ея дома, а у пастора она ни въ какомъ случаѣ жить не должна; ей тамъ не мѣсто, и брать къ себѣ такую погибшую, лукавую дѣвушку, какъ она, сущее несчастье. Нужно ее отослать въ другое мѣсто! У Готхольда мелькнула мучительная мысль, что эта женщина, истощенная лихорадочнымъ жаромъ и судорожнымъ кашлемъ, завидуетъ сестрѣ. Пришлось очень строго поговорить съ ней, прежде чѣмъ она согласилась.

Вскорѣ послѣ этого Готхольдъ подвергся грубому напа-

денію со стороны Люде, остановившаго его на улицѣ. Пьяница осыпалъ его гнусными намеками и угрожалъ переломать кости, если онъ дѣйствительно рискнетъ отнять у него дѣвушку: „для „поповской кухарки“ она не годится, пусть поищетъ себѣ другую“. Мици также растерялась отъ страха передъ Люде, по крайней мѣрѣ, она серьезно боялась, что онъ можетъ придти и увести ее. Она выговорила себѣ право ходить къ сестрѣ и дѣтямъ ежедневно на одинъ часъ; въ остальное же время о нихъ будетъ заботиться Притцке въ разсчетѣ получить „награду на томъ свѣтѣ“.

Мици очень скоро и легко приспособилась къ новой жизни. Ирма была ею очень довольна, потому что мало по малу дѣвушка забрала въ свои руки все хозяйство, и Ирма весь свой досугъ могла отдавать молитвѣ. Готхольдъ также находилъ ее услужливой и послушной; она принимала участіе въ чтеніяхъ библіи, и ни одно рѣзкое слово никогда не срывалось съ ея устъ. Но иногда ему не нравилось, какъ она смотритъ на него. Въ ея глазахъ было вызывающее выраженіе, а на губахъ блуждала кокетливая улыбка. Онъ чувствовалъ себя тогда очень скверно; казалось, она чего-то ждетъ отъ него или поощряетъ къ чему-то. Очевидно, это были еще старыя, отвратительныя замашки, и она еще не могла отдѣлаться отъ нихъ.

Впрочемъ, у него не было теперь времени заниматься ею. Ко всему, что онъ взялъ на себя—по обязанности и добровольно,—присоединились еще засѣданія комитета по устройству базара и бѣготня отъ одного къ другому, для привлеченія къ общему дѣлу постановки живыхъ картинъ.

Ирма держалась вдали отъ свѣтскихъ удовольствій и отрицала всякія благотворительныя затѣи; поэтому Готхольду приходилось пользоваться необходимой помощью чужихъ женщинъ. Сначала онъ подумалъ о своей кузинѣ Валескѣ фонъ-Виллингъ. Но этотъ легкомысленный свѣтскій ребенокъ казался ему непригоднымъ для серьезныхъ совѣтовъ. Она видѣла въ устройствѣ праздника только случай поразвлечься и занята была туалетами и личными интригами. Самъ Виллингъ поглощенъ былъ мыслью обставить все съ большой пышностью и возбудить общее вниманія. Настоящая цѣль совершенно отступила у него на задній планъ.

Въ концѣ концовъ Готхольдъ рѣшилъ пригласить на помощь Магдалину Мейнертъ. Со времени перваго посѣщенія дома ея родителей онъ ея не видѣлъ. Въ тѣ рѣдкіе случаи, когда онъ бывалъ въ пастырскомъ домѣ на площади св. Іакова, онъ не выходилъ изъ кабинета Мейнерта, а въ первый разъ не обмѣнялся съ нею ни единымъ словомъ. Онъ припоминалъ только, что когда онъ развивалъ тогда планъ

своихъ будущихъ дѣйствій, то Мейнертъ и его жена подозрительно молчали, а Магдалина взглянула на него и глубоко вздохнула. Ея тонкія ноздри слегка дрожали, и она напоминала благороднаго коня, внезапно почуявшаго рѣзкій запахъ моря. Готхольдъ много разъ, помимо своей воли, вспоминалъ объ этой мелочи. И теперь, когда въ этотъ тихій весенній день онъ пересѣкалъ обсаженную липами церковную площадь, ему снова вспомнилось, что говорилъ пасторъ Гадебушъ о любви дѣвушки къ молодому натуралисту, и что отецъ, „по долгу службы", не хочетъ отдать ее за него, пока не кончитъ своего большого сочиненія и не докажетъ всему міру, что наука и религія не исключаютъ другъ друга.

„Странно, — думалъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ и невольно ступая осторожнѣе, чтобы не нарушить покоя этого дома,— какъ могутъ два человѣка любить другъ друга, когда ихъ мысли и чувства такъ расходятся! Или эта дѣвушка тоже не вѣрующая?"

На мгновеніе передъ его глазами неожиданно пронесся образъ Гельги Леръ. Ахъ, если бы она любила его Спасителя! Если бы онъ могъ насадить въ ея сердцѣ свою горячую любовь къ Нему! Его охватило страстное желаніе достигнуть этой цѣли.

У Мейнерта все было такъ же, какъ и въ первый разъ. Все было тихо и уютно, въ корридорѣ пахло вкусными печеніями пасторши, а въ комнатахъ—курительными свѣчками, заглушавшими запахъ сигаръ. И опять Готхольду пришло въ голову, что въ эти комнаты не проникаетъ ни одинъ солнечный лучъ, потому что всѣ они перехватываются высокой церковной стѣной.

„Изъ-за этой церкви въ домѣ не видно ни свѣта, ни неба"— невольно подумалъ онъ.

Въ кабинетѣ у Мейнерта Готхольдъ засталъ пастора Гадебуша. Онъ принесъ для Мейнерта такой ворохъ книгъ, что можно было удивляться, какъ онъ дотащилъ ихъ. Книги были, впрочемъ, не его: у него не было библіотеки, да и на чтеніе у него не находилось времени. Книги прислалъ патеръ Гегелеръ. Библіотека вообще установила связь между нимъ и Мейнертомъ. Послѣдній нуждался въ глубоко образованномъ, неказистомъ на видъ патерѣ для многочисленныхъ справокъ относительно философскихъ, филологическихъ и натуралистическихъ доктринъ, гдѣ не хватало собственныхъ знаній Мейнерта. Не будь Гегелера, онъ давно долженъ бы былъ бросить свой большой трудъ. Никогда эти два разныхъ по религіи священника не пускались въ какой-либо теологическій диспутъ, и не спорили о томъ или другомъ мѣстѣ писаній старыхъ отцовъ церкви или философовъ.

Гегелеръ всегда со скромностью больше объяснялъ написанное, не дѣлая своихъ заключеній, а Мейнертъ принималъ все къ свѣдѣнію, также безъ критики. Такъ жили они цѣлыми годами, не зная свойственныхъ людямъ несогласій и споровъ.

Сегодня Гегелеръ въ первый разъ не захотѣлъ придти самъ и попросилъ снести книги Мейнерту Гадебуша. Гадебушъ разсказывалъ, что, со смерти швеи Матильды Лоозе въ проходномъ домѣ „за башней", маленькій патеръ сталъ нелюдимымъ и страннымъ. Точно разбитый, сидитъ онъ дома со своими книгами, или слоняется, какъ тѣнь. Терзается ли онъ позднимъ сожалѣніемъ, что во-время не вернулъ заблудшую душу въ лоно едино спасительной церкви,—неизвѣстно. Мейнертъ слушалъ съ доброй, тихой улыбкой и, казалось, только въ эту минуту вспомнилъ, какая бездна лежитъ между нимъ и патеромъ. Подъ вліяніемъ непріятнаго чувства онъ задвигался на своемъ стулѣ.

„Ну, да онъ опять придетъ!"—подумалъ онъ. И, перелистывая книги и бумаги на своемъ письменномъ столѣ, прибавилъ, какъ бы для утѣшенія:

— Сегодня у одного голландскаго ученаго я нашелъ слѣдующее выраженіе: „законы природы не цѣпи, наложенныя на самого себя божественнымъ законодателемъ, а нити, которыя онъ держитъ въ своихъ рукахъ". Прекрасно, не правда ли? И когда современные натуралисты спрашиваютъ, почему теперь не происходитъ чудесъ, какъ въ библейскія времена, то слѣдуетъ отвѣтить, что то, что въ настоящее время объясняется естественнымъ путемъ, долго еще не перестанетъ быть чудомъ. И можно смѣло допустить, что какой-нибудь Самсонъ могъ бы и нынѣ унести Газскія ворота на гору, если бы этого захотѣлъ Богъ. Недаромъ Іисусъ у Іоанна порицаетъ людей, требующихъ новыхъ знаменій и чудесъ, и говоритъ о вѣрѣ безъ нихъ. Въ нравственномъ смыслѣ мы должны бы уйти далеко впередъ и не нуждаться болѣе въ видимыхъ знаменіяхъ для укрѣпленія вѣры. Какъ ты думаешь, милый другъ?

— Я не ломалъ еще головы надъ этимъ вопросомъ, Михаэль,—сказалъ Гадебушъ, выпуская дымъ,—и никогда не мечтаю о чудѣ.

— Гораздо труднѣе,—продолжалъ Мейнертъ,—согласить библейскую исторію сотворенія человѣка съ нахожденіемъ стрѣлъ и другихъ слѣдовъ искусства и умственнаго развитія человѣка въ періодъ ледниковъ и свайныхъ построекъ. Напримѣръ: не упоминается о мамонтѣ между животными Ноева ковчега, тѣмъ не менѣе въ сибирскихъ льдахъ его находятъ съ кожей и шерстью.

— Дорогой Михаэль,— прервалъ его Гадебушъ, вставая, и кладя свою сильную руку на его плечо,—все это очень интересно и поучительно. Но, во первыхъ, у меня нѣтъ времени выслушивать тебя, а во вторыхъ, товарищъ Венденъ желаетъ поговорить съ тобой. Попробуй-ка вернуться къ дѣйствительности и не волнуйся изъ-за мамонта!.. А вы, товарищъ, выкладывайте! Гдѣ горитъ? Вы точно несетесь на оторванной льдинѣ. Пусть она плыветъ спокойно! Иначе можно толкнуться о берегъ.

Готхольдъ коротко изложилъ, что ему нужно. Мейнертъ выслушалъ его съ разсѣянной улыбкой. Гадебушъ свистнулъ сквозь зубы.

— Значитъ карнавалъ дѣйствительно состоится?—вскричалъ онъ и, покачиваясь на стулѣ, хлопнулъ себя по колѣнамъ обѣими руками.—Во славу Божiю будемъ кокетничать, любезничать и флиртовать; проказничать и выставлять на показъ свое тѣло; обвѣсимъ себя пестрой мишурой и будемъ дѣлать влюбленные глаза; торговать и барышничать, спекулировать на общiя плотскiя страсти? Ну, хотя я и не совсѣмъ то, что называютъ попомъ, г. confrater, но въ этомъ пунктѣ... знаете, деньги, собранныя такимъ путемъ,—грѣшныя деньги и на нихъ нельзя строить храмъ Божiй! Пусть онъ лучше останется неоконченнымъ, чѣмъ развратной болтовней выманиманивать изъ кармановъ то, что никогда не было бы дано добровольно на постройку церкви и въ тысячу разъ охотнѣе было бы истрачено на кафе-шантаны и карты.

— Ну, ну, милый другъ!—сказалъ Мейнертъ.

— Вы вдругъ захотѣли быть больше папой, чѣмъ самъ папа, многоуважаемый товарищъ,—сказалъ Готхольдъ, нахмуривъ брови.—У меня тоже были сомнѣнiя. Но вѣдь нужно же, наконецъ, достроить церковь.

— Для кого?—вскричалъ Гадебушъ.—Для рабочихъ, которымъ вмѣстѣ со словомъ Божiимъ преподносятся узда и кнутъ? Отлично. Но тогда пусть также добровольно участвуютъ въ расходахъ и тѣ, для блага которыхъ это дѣлается. Пусть и господа раскроютъ свои карманы! Помните, какъ говорится въ книгѣ Iакова стихъ пятый: „Вынимайте богатые, плачте и рыдайте о бѣдствiяхъ вашихъ!“ Или притча о богатомъ человѣкѣ у Луки, стихъ шестнадцатый. „Пышно и радостно жилъ онъ, а когда попалъ въ адъ и претерпѣвалъ тамъ уготованныя ему муки“... Да и куда же онъ могъ попасть, если сказано у Матѳея, стихъ 19-ый: „какъ трудно богатому войти въ царствiе небесное“?

— Чудачина ты!—вмѣшался Мейнертъ съ своей добродушной улыбкой. — Знаешь ли ты, что говорятъ про тебя люди? Они увѣряютъ, что всѣ твои проповѣди состоятъ изъ

однихъ текстовъ. Потому-то извѣстныя мѣста Евангелія ты и помнишь такъ хорошо.

Гадебушъ смутился на одно мгновеніе и затѣмъ громко расхохотался.

— Очень можетъ быть, Михаэль, можетъ быть... Когда я затрудняюсь отдѣлать этихъ господъ какъ слѣдуетъ, я чувствую себя очень плохо на каѳедрѣ... Относительно соціальнаго вопроса каждый долженъ теперь держаться того или другого направленія, пройти мимо его уже нельзя. Лично я считаю всѣхъ богачей анархистами и нигилистами. Они гребутъ деньги и проматываютъ ихъ на свои удовольствія, а это противно божескимъ законамъ. Въ нихъ корень революцій, повѣрь мнѣ! По естественному ходу вещей и по волѣ Божіей, каждый долженъ имѣть достаточно средствъ къ жизни: не слишкомъ много и не слишкомъ мало. Только богатые виноваты въ неправильномъ распредѣленіи средствъ, а слѣдовательно, они и порождаютъ недовольство, волненія, безвѣріе и нищету. Quod erat demonstrandum!.. Ну, а теперь я долженъ идти.

Онъ чуть не вывихнулъ руки Мейнерта, прощаясь съ нимъ.

— Кстати, Михаэль,—спросилъ онъ:—не можешь ли дать мнѣ денегъ? Хоть десять марокъ?

Просьба эта поставила Мейнерта въ большое затрудненіе. Онъ обшарилъ всѣ карманы, хотя зналъ, что въ нихъ никогда нѣтъ ни гроша, и выдвинулъ нѣсколько ящиковъ, гдѣ, также былъ увѣренъ, не найдетъ ничего.

— Анна, навѣрное, все забрала! — пролепеталъ онъ. — Я сейчасъ спрошу у нея.

Гадебушъ съ улыбкой остановилъ его:

— Оставь, Михаэль! Анна, по моему, поступаетъ совершенно правильно. Такой ребенокъ, какъ ты, совсѣмъ не можетъ обращаться съ деньгами. Она не раскошелится, я знаю, да и никто другой не сдѣлалъ бы этого на ея мѣстѣ. Такому легкомысленному дурню, какъ я, не можетъ довѣрять твоя bona mater familiaris... Однако, деньги необходимы... У васъ, товарищъ,—обратился онъ къ Готхольду,—не найдется для меня еще лепты? Я, кажется, что-то долженъ вамъ... Но все, знаете ли, идетъ въ хорошія руки!

Пока Готхольдъ доставалъ свое портмонэ, почувствовавшій облегченіе Мейнертъ все время грозилъ Гадебушу пальцемъ.

— Ахъ ты, чучело! Если бы знала твоя Регина?

— Тс... съ!—произнесъ Гадебушъ и приложилъ указательный палецъ къ губамъ, зажмуривъ глаза.—Если бы отъ меня зависѣло, я давно спровадилъ бы всѣ твои старыя,

грязныя книги къ антикварію. Берегись, какъ бы я ни привелъ этой угрозы въ исполненіе!

Онъ небрежно сунулъ въ жилетный карманъ полученныя деньги.

— Благодарю васъ. До свиданья.

— До свиданья, старый товарищъ по оружію! — весело вскричалъ совершенно оправившійся Мейнертъ и, когда дверь за Гадебушемъ закрылась, прибавилъ: — Я думаю, у этого стараго чудака осталась одна единственная рубашка, да и той давно бы не было, если бы Регина тщательно не запирала ея: онъ съ радостью стащилъ бы ее своимъ бѣднымъ. Они выпрашиваютъ у него все и, навѣрное, часто злоупотребляютъ его добротой... Ахъ, какой это добрый человѣкъ, дорогой товарищъ!—Онъ глубоко вздохнулъ.—Однако, пойдемте же къ нашимъ дамамъ. Мы сейчасъ услышимъ, какъ онѣ отнесутся къ вашему предложенію. Лично у меня совсѣмъ нѣтъ времени заниматься этими дѣлами. Но моя Анна устроитъ все отлично.

Готхольдъ снова сидѣлъ въ опрятной, привѣтливой комнатѣ, съ многочисленными горшками цвѣтовъ на окнахъ, съ многочисленными вышитыми подушками на диванѣ и вязанными салфеточками на всѣхъ спинкахъ стульевъ. Опять фрау Анна, держа чернаго кота, налила ему душистаго кофе и предложила своего печенья, и опять ея „больница“ сдѣлалась предметомъ подтруниванія со стороны ея мужа. Все было неизмѣнно по прежнему, точно время въ этомъ домѣ остановилось разъ навсегда. Готхольдъ въ первый разъ подумалъ: „Добрые, довольные собою люди, а какіе въ сущности эгоисты! Совершенно лишніе люди въ наше время“.

Магдалина опять запоздала и, какъ въ первый разъ, намѣревалась было молчать, но когда Готхольдъ обратился къ ней съ своей просьбой, она совершенно неожиданно отнеслась къ его предложенію съ живымъ участіемъ.

Фрау Анна высказывала, какъ казалось ей, вѣскія соображенія своимъ жалобнымъ тономъ:

— Моя изолированная отъ свѣта дочь совсѣмъ не привыкла къ обществу, г. пасторъ. Ужъ не знаю, право... Мы живемъ внѣ всякихъ свѣтскихъ удовольствій и затѣй... Магдалина— еще сущее дитя и не будетъ знать, какъ вести себя съ молодыми людьми. Она привыкла исключительно къ женскому обществу. У нея есть свой кружокъ подругъ для чтенія, съ ними она посѣщаетъ молитвенныя собранія... Впрочемъ...

— Ну, ну!—сказалъ Мейнертъ своимъ успокоительнымъ тономъ.—Какъ вести себя съ мужчинами, она найдется, милая Анна. Магдалинѣ вѣдь за двадцать, кажется.

Готхольдъ видѣлъ, что Магдалина Мейнертъ ухватилась

обѣими руками за его предложеніе. Такъ же, какъ и въ первый разъ ихъ встрѣчи, вздрагивали ея тонкія ноздри и глаза необыкновенно сверкали. Очевидно, она была рада случаю хоть разъ выйти изъ неподвижной и душной атмосферы родительскаго дома. Точно опять пахнуло на нее укрѣпляющимъ дыханіемъ соленаго моря, и она слегка открыла губы и прищурила глаза, чтобы вдохнуть его. Знала ли фрау Анна о томъ, что происходило съ ея дочерью? Неужели онѣ—совершенно чужія другъ другу въ своемъ монастырскомъ уединеніи? И мать даже не знаетъ, что Магдалина любитъ и терзается, что не можетъ стать женою любимаго человѣка? Можно ли съ такой дѣвушкой обращаться, какъ съ ребенкомъ? У Готхольда мелькнула мысль: не есть ли этотъ безмятежный миръ только личина вольной или невольной тираніи? Встрѣтивъ нѣсколько робкій, но благодарный взглядъ Магдалины, онъ энергичнѣе сталъ отстаивать свое предложеніе.

Наконецъ, фрау Анна дала согласіе, но такимъ жалобнымъ тономъ, точно согласіе нужно было для посѣщенія тифознаго лазарета. Самъ Мейнертъ давно погрузился въ свои думы и не замѣчалъ, что происходитъ вокругъ. Онъ лишь кротко и покорно ухмылялся про себя. Готхольдъ проектировалъ живыя картины изъ исторіи провинціи по плану, составленному хорошимъ художникомъ, учителемъ гимназіи. Пришлось много говорить о костюмахъ и намѣчать подходящихъ исполнителей для различныхъ ролей. Магдалина бесѣдовала живо, съ большимъ знаніемъ дѣла и была даже готова немедленно идти въ дамскій комитетъ, гдѣ нужно было обо всемъ сговориться.

— Но мы заранѣе должны, по возможности, устранить отъ себя отвѣтственность, — смѣясь, замѣтила она: — тутъ благодарная почва для разныхъ неудовольствій, зависти и интригъ.

Готхольдъ все больше и больше удивлялся той свѣтской опытности, какая сквозила въ разговорѣ этого „ребенка". „Гдѣ она научилась всему этому?"—думалъ онъ. Минутами Магдалина сверкала такими искрами страстнаго темперамента, что онъ съ невольной робостью взглядывалъ на ея мать. Но та, повидимому, ничего не замѣчала и только иногда своимъ ноющимъ тономъ вставляла отдѣльныя замѣчанія, не имѣвшія никакой связи съ предметомъ разговора. Магдалина мгновенно умолкала, какъ бы чувствуя, что зашла слишкомъ далеко; опускала вѣки и сжатіемъ губъ придавала жесткое выраженіе своему красивому лицу, бросившемуся въ глаза Готхольду уже въ первое его посѣщеніе.

Они ушли, и Мейнертъ, точно освободившись онъ непріят-

ной обязанности, скрылся въ свою комнату. Фрау Анна, на прощанье, обратилась къ своей дочери съ такими грустными словами, будто Магдалина въ первый разъ уходила изъ дому. Готхольдъ почувствовалъ, что принялъ на себя тяжелую отвѣтственность, и, хотя самъ смѣялся надъ своими мыслями, тѣмъ не менѣе ощущалъ нѣкоторую неловкость. Этотъ мирный пасторскій домъ, съ красивыми цвѣтами, вкуснымъ печеніемъ и съ ароматомъ курительныхъ свѣчекъ, вдругъ представился ему тюрьмой для живого, дѣятельнаго ума, и онъ подумалъ: не входитъ ли въ его пасторскія обязанности освободить Магдалину изъ этой темницы?

Онъ предполагалъ, что, освободившись отъ постояннаго наблюденія матери, она будетъ разговаривать съ нимъ болѣе непринужденно и оживленно, но ошибся: идя рядомъ съ нимъ, она хранила глубокое молчаніе, и лицо ея приняло болѣе строгое выраженіе. Хотѣла-ли она ввести его въ заблужденіе, или сожалѣла, что позволила ему заглянуть въ свою таинственную внутреннюю жизнь?

— Вы рѣдко бываете въ свѣтѣ, фрейлейнъ Мейнертъ?— спросилъ онъ.

— Совсѣмъ не бываю, г. пасторъ.—Тонъ ея былъ равнодушный и холодный. Ея тонкія ноздри больше не вздрагивали. Спокойно и прямо шагала она рядомъ съ нимъ, дѣлая почти такіе же большіе шаги, какъ онъ.

— А чѣмъ вы наполняете свой день?

— Помогаю матери поливать цвѣты и ухаживать за больными кошками.

Въ ея тонѣ не слышалось даже затаенной горечи, скорѣе звучало что-то вызывающее, точно она хотѣла спросить, какъ онъ осмѣливается заглядывать въ ея внутренній, сокровеннѣйшій міръ?

„Нѣтъ, въ этомъ домѣ не бываетъ солнца!"—снова подумалъ Готхольдъ и спросилъ громко:

— А больнымъ людямъ вы не удѣляете своего вниманія, фрейлейнъ Мейнертъ? Теперь такъ много больныхъ и тѣломъ, и душой. Развѣ для нихъ у васъ не найдется лишняго часа? Я думаю, вы могли бы и ихъ включить въ число заслуживающихъ вашихъ заботъ?

Послѣ нѣкотораго молчанія она съ упрямымъ движеніемъ головы возразила:

— Я—дочь своихъ родителей, г. пасторъ.

— Надѣюсь, вы не хотите этимъ сказать, что ваши родители стали бы поперекъ дороги, если бы вы вздумали заняться дѣлами милосердія?

— О, конечно, нѣтъ!—бросила она небрежно.—Въ нашемъ домѣ ничего подобнаго не можетъ придти въ голову... Да

и бѣдныхъ не забываютъ. Моя мать—хорошій бухгалтеръ. Она ассигновала опредѣленный фондъ для благотворительныхъ цѣлей, никогда не позволитъ себѣ выйти изъ установленныхъ границъ, но и не будутъ экономить... Вообще, у насъ все точно разсчитано и распредѣлено.

Готхольду показалось, что она прибавитъ: „даже мысли и чувства“, но онъ ошибся. Было неловко продолжать разговоръ на ту же тему, и они продолжали путь молча.

Имъ пришлось пересѣчь Широкую улицу, гдѣ въ послѣобѣденное время гуляла публика, какъ на Корсо. Магдалина раскланялась съ какимъ-то высокимъ мужчиной, съ черной бородой, бросившимъ одновременно проницательный взглядъ и на Готхольда. Пасторъ почувствовалъ, что незнакомецъ остановился и смотритъ имъ вслѣдъ.

— Кто это?—спросилъ Готхольдъ.

Магдалина поблѣднѣла.

— Докторъ Эккертъ,—съ усиліемъ произнесла она.

Онъ не задавалъ ей больше вопросовъ, и они всю дорогу шли молча.

XII.

Готхольду давно хотѣлось побывать на собраніи соціалъ-демократовъ. То, что онъ вычиталъ въ книжкахъ и летучихъ листкахъ, онъ хотѣлъ послушать въ живой рѣчи и видѣть, какое дѣйствіе производитъ новое евангеліе на умы тѣхъ, кто считаетъ себя несправедливо лишенными земныхъ благъ. Но всѣ отговаривали его. Одни говорили, что онъ можетъ подвергнуться непріятностямъ, если его узнаютъ или примутъ за шпіона; другіе предсказывали, что собраніе можетъ принять такой грубый тонъ, что онъ будетъ испытывать только отвращеніе, а если, по своему темпераменту, не стерпитъ провокаторскихъ рѣчей разныхъ хвастуновъ, возразитъ, тогда возникнетъ цѣлый рядъ недоразумѣній.

— Пасторъ не долженъ заниматься политикой!—сказалъ ему коммерціи совѣтникъ. — Очень непріятно, что теперь встрѣчаются люди въ рясахъ, спускающіеся до народныхъ собраній. Пасторъ—слуга правительства и не долженъ уклоняться въ другую сторону.

Инженеры и мастера на заводѣ Виллинга тоже предостерегали его насчетъ посѣщенія собранія рабочихъ. Настроеніе массъ теперь ухудшилось: всѣ узнали не только о предстоящемъ расширеніи предпріятія, но и о намѣреніи привлечь рабочихъ со стороны. Въ новыхъ условіяхъ весь неблагонадежный элементъ, уволенный съ завода, совершенно лишится какого-нибудь заработка. Рабочіе ждутъ изъ

Берлина извѣстнаго агитатора, чтобы возбудить протестъ въ цѣломъ округѣ. Теперь въ каждомъ собраніи рабочихъ, при враждебномъ отношеніи къ нимъ противоположнаго лагеря, легко могутъ дойти до насилія. Достаточно искры, чтобы взорвать эту бочку съ порохомъ.

Всѣ эти свѣдѣнія мало удовлетворили Готхольда. Что на заводахъ Виллинга соціалъ-демократовъ считали стаей дикихъ звѣрей, было для него не ново. Для коммерціи совѣтника и его сподручныхъ вообще не существовало ни соціальнаго вопроса, ни права четвертаго сословія защищать свои интересы. Въ сущности, всѣмъ этимъ бунтовщикамъ живется настолько хорошо, что и желать лучшаго невозможно, а если они бунтуютъ, произносятъ громовыя рѣчи и хотятъ сразу перевернуть весь міръ, то имъ слѣдовало бы отвѣтить простой мѣрой: нагрузить этой лѣнивой, пропащей сволочью нѣсколько военныхъ кораблей и выселить ее вонъ... Каторжныя колоніи для соціалъ-демократовъ въ африканскихъ владѣніяхъ были излюбленной программой Виллинга, и съ нею онъ мечталъ выступить въ рейхстагѣ, если когда-нибудь попадетъ въ него. До тѣхъ поръ не будетъ спокойствія въ странѣ и не помогутъ никакія радикальныя средства!.. На этомъ пунктѣ взгляды Готхольда и его дяди расходились. Виллингъ презиралъ всѣхъ знаменитостей соціалистическаго направленія съ ихъ требованіями и существующій строй считалъ единственно возможнымъ и справедливымъ. Онъ признавалъ насиліе противъ насилія и даже на религію смотрѣлъ, какъ на одно изъ припудительныхъ средствъ. О снисходительности, мягкихъ мѣрахъ и о воздѣйствіи словомъ, чему симпатизировалъ Готхольдъ, онъ не хотѣлъ и слышать: дикіе звѣри не поддаются поученіямъ и, если не убивать ихъ, самъ рискуешь погибнуть отъ нихъ!

Среди инженеровъ виллингскихъ заводовъ былъ одинъ, особенно интересовавшій Готхольда. Онъ слылъ за не совсѣмъ „надежнаго“. Если бъ онъ не былъ способнымъ спеціалистомъ и крайне необходимымъ для дѣла, Виллингъ, вѣроятно, уволилъ бы его давно изъ-за одного подозрѣнія въ симпатіяхъ къ соціалистическимъ планамъ. Въ такихъ случаяхъ онъ не любилъ шутить и вести долгіе разговоры. По его убѣжденію, лучше безъ вины уволить сто подозрительныхъ, чѣмъ оставить на заводѣ одного неблагонадежнаго.

Константинъ Майвальдъ былъ очень молчаливый, серьезный и скрытный человѣкъ. Свои обязанности онъ исполнялъ неукоснительно, хотя и не отличался прочнымъ здоровьемъ. Но кромѣ своихъ рабочихъ часовъ, онъ не считалъ нужнымъ бывать на заводѣ и ни съ кѣмъ изъ служащихъ не былъ въ товарищескихъ отношеніяхъ. Никто не зналъ, чему

посвящаетъ свой досугъ этотъ худой, болѣзненный человѣкъ, съ высоко приподнятыми плечами и съ глубоко сидящими глазами на блѣдномъ, обрамленномъ черною бородою лицѣ, производившемъ непріятное впечатлѣніе. Ничего опредѣленнаго нельзя было сказать о немъ: онъ никогда не пускался въ разговоры по поводу техническихъ вопросовъ, но его рабочіе всегда отличались образцовой исполнительностью. Ходили слухи, что онъ еврейскаго происхожденія, потому что никогда не бываетъ въ церкви; другіе, судя по его выговору, предполагали, что онъ родомъ изъ Россіи. Въ дѣйствительности, онъ работалъ въ разныхъ странахъ, хотя ему еще не было и тридцати лѣтъ, и отовсюду имѣлъ блестящіе аттестаты. Готхольдъ былъ удивленъ пунктуальностью, съ какой онъ отвѣчалъ на всѣ его вопросы, и сдержаннымъ видомъ, внушавшимъ скорѣе мысль объ осторожности и сомнѣніи, чѣмъ о скрытности. Готхольдъ спросилъ его о настроеніи въ соціалистическомъ лагерѣ и можетъ ли онъ, какъ племянникъ коммерціи совѣтника и духовное лицо, ничѣмъ не рискуя, быть на собраніи рабочихъ. Майвальдъ отвѣтилъ, подумавши, и, по обыкновенію, смотря въ землю:

— Я не вижу никакихъ препятствій. Пока эти собранія не только для единомышленниковъ, доступъ туда открытъ всѣмъ: участіе людей разныхъ убѣжденій тѣмъ болѣе желательно, что этимъ путемъ возможно болѣе широкое распространеніе соціалистическихъ идей. Кромѣ того, принципъ гостепріимства эти собранія практикуютъ очень широко. Впрочемъ, вамъ лучше подождать, пока пріѣдетъ соціалистическій депутатъ рейхстага.

— Вы посѣщаете эти собранія?—спросилъ Готхольдъ.

— Да,—прозвучалъ спокойный и холодный отвѣтъ.

— Слышали вы Курта Вельманна?

— Я слушаю его почти каждое воскресенье.

— Развѣ эти собранія происходятъ такъ правильно?

— Собранія свободомыслящихъ—да, но не соціалъ-демократовъ.

— Свободомыслящихъ?—съ удивленіемъ спросилъ Готхольдъ.—Развѣ здѣсь есть такое общество?

— Оно находится въ тѣсной связи съ соціалъ-демократами, но въ составъ его входятъ элементы, сохранившіе еще религіозныя потребности и не вполнѣ отрицающіе значеніе религіи. Выдающимся представителемъ этого направленія является Куртъ Вельманнъ и, благодаря ему, нашлось много послѣдователей. Во всемъ остальномъ это общество раздѣляетъ политическія и соціальныя воззрѣнія соціалъ-демократовъ, но атеисты-политики смотрятъ на него косо.

— Какъ вы прекрасно освѣдомлены обо всемъ, г. инженеръ!—невольно воскликнулъ Готхольдъ.

Майвальдъ бросилъ на него быстрый, сверкнувшій взглядъ и продолжалъ прежнимъ, холоднымъ и однозвучнымъ тономъ:

— Вездѣ, гдѣ я бываю, я стараюсь основательно познакомиться съ положеніемъ дѣлъ, г. пасторъ, и изучать жизнь рабочихъ внѣ ихъ обязательныхъ отношеній.

— Вы, такъ сказать, изучаете *народъ*?

— Едва ли есть что-нибудь болѣе интересное.

— И какое же впечатлѣніе вынесли вы изъ знакомства съ здѣшнимъ рабочимъ населеніемъ?

Онъ опять бросилъ на Готхольда тотъ же быстрый и сверкнувшій взглядъ и спокойно отвѣтилъ, слегка поклонившись:

— Я служащій этого завода, г. пасторъ, и сейчасъ стою передъ племянникомъ моего принципала.

Готхольдъ закусилъ губы. Онъ чувствовалъ, что отъ этого умнаго и проницательнаго человѣка онъ могъ бы получить болѣе цѣнныя свѣдѣнія о положеніи здѣшнихъ рабочихъ, чѣмъ изъ всѣхъ „оффиціальныхъ“ сообщеній и собственныхъ наблюденій, приводившихъ часто къ противорѣчивымъ выводамъ. Опять пришлось столкнуться съ „системой“ его дяди, исключавшей возможность услышать откровенное слово и честное мнѣніе. Эта „система“, составлявшая его гордость, среди другихъ его дѣлъ являлась, дѣйствительно, совершеннымъ механизмомъ, гдѣ никто не осмѣливался ослабить ни одного винтика. Этотъ „служащій“ не хочетъ высказать своего мнѣнія о людяхъ, получающихъ жалованье отъ его дяди, и потому лишенныхъ права быть недовольными. Да и самъ онъ развѣ не могъ бы быть шпіономъ: они имѣлись на заводахъ Виллинга!

— По крайней мѣрѣ, вы должны сказать мнѣ, гдѣ и когда бываютъ собранія свободомыслящихъ, г. инженеръ?—произнесъ Готхольдъ съ замѣтной горечью.

— Начальство ставитъ обществу различныя препятствія. Въ результатѣ, Курту Вельманну запрещено обученіе юношества, и за нарушеніе этого запрещенія онъ даже подвергся тюремному заключенію; за собраніями слѣдятъ и часто закрываютъ ихъ, а ораторовъ привлекаютъ къ отвѣтственности за богохульство, посрамленіе религіи и т. п. Въ теплое время года собранія происходятъ подъ открытымъ небомъ, каждую субботу, въ 8 ч. вечера, на Артурсбергѣ.

— Благодарю васъ... Всякому доступенъ туда входъ?

— Насколько мнѣ извѣстно,—да. Я не членъ общества (Майвальдъ произнесъ эти слова съ удареніемъ и горечью),

но я бываю на собраніяхъ очень часто. Тамъ можно встрѣтить сочувствующихъ цѣлямъ общества изъ разныхъ слоевъ населенія. Большинство, конечно, рабочіе.

Готхольдъ узналъ все, что нужно было, пожалъ руку инженеру и ушелъ.

Завтра—суббота! Онъ едва могъ дождаться времени, когда услышитъ проповѣдь Курта Вельманна. *Проповѣдь* безсознательно мелькнуло въ его головѣ, и онъ насмѣшливо улыбнулся. Конечно, то, что скажетъ другъ его юности, не будетъ проповѣдью для жаждущихъ слова рабочихъ, а лишь отравой для ихъ сердецъ... Когда-то онъ умѣлъ говорить съ такимъ пламеннымъ одушевленіемъ! Будетъ ли онъ говорить также и теперь, когда Христосъ уже не воспламеняетъ его, а внушаетъ ему мысли Антихристъ? Ибо какъ же назвать Христа, исправленнаго имъ по собственному усмотрѣнію? Какую пользу онъ можетъ принести труждающимся и обремененнымъ, какихъ собираетъ вокругъ себя?

Наступила суббота. Было жарко, какъ лѣтомъ. Съ ранняго утра Готхольдъ былъ въ лихорадочно-возбужденномъ состояніи, хотя и не хотѣлъ въ этомъ сознаться. Онъ долженъ былъ еще приготовить собственную проповѣдь, но не чувствовалъ для этого нужнаго спокойствія. Нѣсколько разъ, думая о 9 гл. Евангелія отъ Іоанна, гдѣ исцѣленный Іисусомъ слѣпорожденный, на слова фарисеевъ: „мы не знаемъ, откуда этотъ Христосъ", отвѣчаетъ: „это и удивительно, что вы не знаете, откуда Онъ, когда Онъ отверзъ мнѣ очи; если бы Онъ не былъ отъ Бога, не могъ бы творить ничего",—онъ ловилъ себя на вопросѣ: придетъ-ли Гельга Леръ слушать Курта Вельманна?.. Что ему до нея?.. Она вѣдь тоже изъ тѣхъ, кто не знаетъ и не хочетъ знать, откуда этотъ Іисусъ, и его обязанность только молиться, чтобы Господь отверзъ ей очи, и она прозрѣла. Теперь, какъ и всѣ другіе, она бродитъ ощупью въ темнотѣ. И завтра съ церковной каѳедры онъ будетъ говорить объ этихъ слѣпцахъ, не желающихъ признать единороднаго Сына Божія, хотя и открывшагося имъ во всемъ своемъ величіи!..

Мице уже два раза тихо отворяла дверь въ его рабочую комнату и просовывала въ узкую щель свою рыжую голову. Очевидно, ей что-то нужно было, но она боялась помѣшать ему. Онъ умышленно не отрывался отъ своихъ книгъ. Ему было непріятно и досадно, что она постоянно приходитъ къ нему съ разными пустяками, какіе съ успѣхомъ могла бы разрѣшить ей и Ирма.

Во всемъ существѣ ея было что-то кошачье, что ему особенно не нравилось; иногда онъ совсѣмъ не могъ смо-

трѣть ей въ глаза, а улыбка заставляла его краснѣть и вспоминать первыя встрѣчи.

— Что вамъ нужно, Мари (въ его домѣ она носила такое имя)? Зачѣмъ вы третій разъ подходите къ моей двери?—спросилъ онъ. Голосъ его дрожалъ непріязненно, лобъ былъ нахмуренъ.

— Прошу извинить, г. пасторъ, но у меня есть къ вамъ просьба. Я хотѣла бы уйти сегодня.

— Почему вы не обращаетесь къ моей сестрѣ?

— Фрейлейнъ такая странная, г. пасторъ! Я боюсь ея. Иногда стоишь передъ ней, а она точно и не замѣчаетъ... А потомъ эти глаза!.. Простите меня, но мнѣ кажется, что она не въ своемъ умѣ.

— Ну, хорошо, ступайте! Сестра довольна вами, и у меня нѣтъ основаній отказывать въ вашей просьбѣ. Мы вѣримъ вамъ и надѣемся, что вы не станете злоупотреблять нашимъ позволеніемъ выходить изъ дому.

Онъ сдѣлалъ знакъ рукой, чтобы она ушла, но она приблизилась къ нему съ той же выжидательной улыбкой и кошачьими манерами и быстро схватила его руку, лежавшую на раскрытомъ Евангеліи.

— Въ чемъ дѣло? Чего вы еще хотите?—спросилъ онъ съ безпокойствомъ, охваченный нервной дрожью. Концы его пальцевъ были холодны, какъ ледъ.

— Просто поцѣловать вашу руку. Вы такъ добры ко мнѣ, я такъ благодарна вамъ, г. пасторъ.

— Оставьте! оставьте!—Онъ принужденъ былъ вырвать у нея свою руку.—Мнѣ некогда. Идите съ Богомъ! Кланяйтесь отъ меня своей сестрѣ и скажите, что я приду къ ней завтра. До свиданья!

Онъ отвернулся и склонился надъ книгой, охвативъ голову руками, точно хотѣлъ спрятаться. Онъ не слыхалъ, какъ она скрылась. Сердце его стало спокойнѣе. Странно: эта дѣвушка приводить его въ смущеніе и тревогу! Вѣроятно, тутъ сказывается дыханіе грѣха, пропитавшаго все существо ея...

Готхольдъ всталъ и прошелся по комнатѣ, заложивъ назадъ руки. Онъ попробовалъ было опять сѣсть и продолжать свою работу, но нужное настроеніе не приходило. Онъ высунулся въ окошко и сталъ смотрѣть на строющуюся церковь. Скоро ли онъ взойдетъ на новую церковную каѳедру?.. И какъ разъ вблизи новаго храма, гдѣ будутъ служить истинному Богу, устраиваютъ свои собранія невѣрующіе и революціонеры и въ своихъ проповѣдяхъ, упоминая о вселенной, не отводятъ больше мѣста Творцу неба и земли!

Солнце уже склонялось къ западу. Послѣдніе теплые

лучи озаряли еще волнистые холмы и лѣсъ. Яркое пламя его отражалось на церковной постройкѣ, и казалось, точно внутри ея былъ зажженъ священный огонь. Затѣмъ солнце скрылось, и раньше всего потухъ этотъ огонь. Голая, пустая постройка безъ крыши осталась торчать одиноко среди лѣсовъ въ сѣромъ, холодномъ туманѣ. Эта быстрая перемѣна картины, говорившая, будто все погасло и умерло, привела Готхольда въ трепетъ, и онъ невольно подумалъ: „Буду ли я еще возвѣщать тамъ слово Божіе? Удастся ли кончить этотъ Господень храмъ?"

Онъ съ негодованіемъ провелъ рукою по лбу: что за глупыя и трусливыя мысли! „Іисусъ Христосъ всегда, вчера и сегодня и во вѣки вѣковъ",—произнесъ онъ громко слова изъ посланія къ евреямъ.

Дома онъ сталъ собираться на собраніе еще задолго до назначеннаго времени и чуть не ушелъ, не простившись съ сестрой. Онъ вернулся и пошелъ къ ней. Ирма тупо отнеслась къ тому, что онъ уходитъ изъ дому въ субботу вечеромъ, и Готхольдъ невольно вспомнилъ слова Мице, что она не замѣчаетъ иногда, кто передъ нею, и похожа на безумную.

— Останься!—вдругъ сказала она, схвативъ его за руки.—Я боюсь.

— Боишься? Чего?

— Не знаю.—Она быстро провела руками по своему лицу.—Иногда это бываетъ. И сегодня опять.—Она пристально посмотрѣла на Распятіе.—Я боюсь Его,—прошептала она.

— Ирма!

— Не правда ли, это ужасно?—Она вздрогнула.—Да, Готхольдъ, я боюсь... и всетаки люблю Его.

Она прижалась къ брату, стараясь спрятать голову на его груди. Онъ гладилъ ея волосы и произносилъ успокоительныя слова.

— Куда ты идешь?—спросила она, наконецъ, спокойно.

Онъ сообщилъ все и прибавилъ:

— Знаешь, кто будетъ говорить на собраніи? Твой хорошій знакомый: Куртъ Вельманнъ!

Она вскрикнула, взмахнула руками и грохнулась бы на полъ, если бы онъ не поддержалъ ея.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ, усаживая сестру.—Развѣ ты не знала, что онъ здѣсь и сталъ соціалъ-демократомъ?

Она покачала головой, пристально глядя въ пространство.

— Ты мнѣ не говорилъ ничего.

— Я не зналъ, что это можетъ интересовать тебя. Тебя

такъ мало занимаетъ все, что творится внѣ дома. Ты никогда не спрашиваешь ни о чемъ и все отталкиваешь отъ себя, увѣряя, что у тебя слишкомъ достаточно дѣла съ самой собой. Я не сказалъ бы этого и теперь, просто сорвалось съ языка. Съ Куртомъ Вельманномъ я говорилъ всего одинъ разъ. Ты понимаешь, какъ разошлись наши дороги... Кстати, онъ спрашивалъ о тебѣ...

Ирма долго сидѣла неподвижно, задумавшись. Но вдругъ вздрогнула и, испуганно повернувъ голову,. посмотрѣла на Распятіе. Казалось, она старалась уловить выраженіе лица и глазъ Спасителя. Ее охватила нервная дрожь.

— Я хотѣла было идти съ тобою,—сказала она,—но Христосъ не хочетъ этого сегодня.

Она все больше и больше съеживалась на своемъ стулѣ и не поднимала уже глазъ. Готхольдъ смотрѣлъ на нее нѣсколько секундъ съ глубокимъ сожалѣніемъ.

— Ну, въ другой разъ мы пойдемъ вмѣстѣ, Ирма. А теперь... будь здорова!—сказалъ онъ.

Она ничего не отвѣтила. Готхольдъ оставилъ домъ съ тяжелыми мыслями. Когда онъ былъ уже на улицѣ, ему показалось, что его зовутъ. Онъ остановился, прислушался: все было тихо.

Когда онъ свернулъ съ улицы предмѣстья, чтобы выйти на дорогу, ведущую къ мѣсту собранія, онъ встрѣтилъ небольшую группу рабочихъ, шедшихъ въ томъ же направленіи. Готхольду бросилось въ глаза, что они идутъ безъ обычнаго шума и пѣнія, какъ въ воскресеніе, а тихо и серьезно, точно на богослуженіе. Они разговаривали мало, и это были не скорбные разговоры, какъ всегда, а краткій и спокойный обмѣнъ мыслей. Многіе были одѣты по праздничному, и ни на комъ не видно было грязной рабочей блузы. То и дѣло попадались Готхольду знакомыя лица мужчинъ и женщинъ изъ прирѣчнаго квартала. Когда онъ взошелъ на гору, онъ увидѣлъ, какъ двѣ молодыя женщины толкали впередъ тележку съ сидѣвшимъ въ ней больнымъ человѣкомъ. Одна изъ нихъ вела за руку мальчика. Сзади нихъ, прихрамывая, еле тащилась старуха. Человѣкъ въ тележкѣ былъ прикрытъ широкимъ чернымъ платкомъ, закрывавшимъ всю лѣвую половину его туловища; правая рука оставалась свободной. Лицо его съ свѣтлой бородой и съ серьезными, печальными глазами было красиво. Онъ повернулся къ старухѣ и спросилъ:

— Плетешься, мама? Мнѣ въ моемъ экипажѣ спокойнѣе.

— Ничего, ничего,—отвѣтила старуха,—ступайте впередъ. Я не отстану.

Готхольдъ узналъ зеленщицу Эмилію Заутеръ изъ того

дома, гдѣ жилъ Куртъ Вельманнъ. Впереди, значитъ, шли ея дочери и везли своего брата, чтобы и онъ могъ послушать оратора. Все это тронуло Готхольда, помимо его желанія. Младшая изъ женщинъ, здоровая, цвѣтущая блондинка, повидимому, особенно торопилась. Послѣ словъ матери она устремилась впередъ, таща мальчика за руку. При видѣ Готхольда, старуха обнаружила смущеніе. Онъ подошелъ къ ней и поклонился.

— Вы тоже хотите быть на собраніи?—спросилъ онъ тономъ упрека.

— Боже мой, г. пасторъ!—отвѣтила она, остановившись.—Дѣти тащутъ. По вечерамъ я могу уходить: Элерманнъ присматриваетъ за дѣтьми Труды... Я никогда не бывала тамъ, и сегодня не хотѣла, но дѣти соблазнили: говорятъ, что въ послѣдній разъ этотъ „красный“ Вельманнъ такъ говорилъ, что многіе плакали горючими слезами: можетъ быть, и сегодня будетъ говорить также. Дѣти настаиваютъ, что должна же я, наконецъ, убѣдиться, что на этихъ собраніяхъ нѣтъ ничего похожаго на язычество, нѣтъ богохульства, все хорошо и исходитъ изъ чистаго сердца и идетъ къ сердцу — настоящая проповѣдь въ духѣ новаго ученія, предоставляющаго каждому вѣрить по своему разумѣнію, свободно, безъ всякихъ принужденій. Я думаю, г. пасторъ, что послушать, какъ говоритъ Вельманнъ—еще не грѣхъ?

Она бросила на Готхольда застѣнчивый взглядъ.

— Конечно, нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, идя рядомъ съ нею.—Какъ видите, я самъ иду туда.

Старуха глубоко вздохнула и опустила голову.

— А всетаки жаль,—пробормотала она.—Есть чистая, истинная христіанская вѣра. Я всегда была довольна и счастлива и ничего другого не желала. Не понимаю, зачѣмъ понадобилась другая вѣра. Дѣти говорятъ: нужно. Конечно, хорошо бы идти рядомъ съ ними...

Она сама испугалась собственныхъ словъ и робко взглянула на Готхольда. Но онъ промолчалъ, какъ будто не разслышалъ, что она сказала.

— Будемъ держаться нашего стараго Бога, Фрау Заутеръ,—сказалъ онъ послѣ длинной паузы.—Онъ еще живъ.

Они догнали телѣжку и обѣихъ женщинъ съ мальчикомъ, подходившихъ уже къ мѣсту собранія. Когда сидѣвшій въ телѣжкѣ увидѣлъ старуху въ сопровожденіи Готхольда, онъ насмѣшливо улыбнулся. Движеніемъ руки старуха указала на группу.

— Это—мои дѣти, г. пасторъ,—сказала она,—и маленькій Лассъ.

а дружеское привѣтствіе пастора калѣка отвѣтилъ почтительнымъ поклономъ.

— Я уже слышалъ о васъ,—сказалъ Готхольдъ.—Вамъ пришлось очень тяжело.

— Другимъ бываетъ *еще* хуже,—отвѣтилъ спокойно калѣка.—Хотя я—только полъ-человѣка (другую половину сожрала машина), но у меня есть на что жить, у другихъ и этого нѣтъ.

Глаза его горѣли гнѣвомъ и злобой.

— Оставь, Вилемъ!—вмѣшалась старшая изъ сестеръ, полная и живая женщина, при чемъ на открытомъ красивомъ лицѣ второй мелькнуло выраженіе горечи.—Г. пасторъ знаетъ, что мы—соціалъ-демократы.

— Конечно,—отвѣтилъ Вильгельмъ съ оттѣнкомъ гордости:—Съ нашимъ Вельманномъ мы пройдемъ сквозь огонь и воду!

— Вилемъ!—испуганно воскликнула старуха.

— Оставьте его!—произнесъ спокойно Готхольдъ:—Къ сожалѣнію, я эти рѣчи слышу уже не въ первый разъ.

— Мы должны подойти поближе,—требовала младшая сестра, выражавшая признаки нетерпѣнія,—онъ долженъ сейчасъ придти. Оставь этотъ разговоръ!

— Да, да, впередъ!—прибавила вторая сестра, и онѣ повезли телѣжку дальше.

Вильгельмъ Заутеръ холодно приподнялъ свою шляпу.

Готхольдъ шелъ рядомъ со старухой.

— Для нихъ встрѣтить пастора все равно, что быку увидѣть красный платокъ, — жаловалась она.—Это ужасно! Нынѣшніе молодые люди совсѣмъ не имѣютъ почтенія къ духовному лицу и очень нетерпимы Все, къ чему они стремятся, правильно и хорошо... Но остальное никуда не годится... Точно свѣтъ совсѣмъ перемѣнился. Иногда не знаешь, какъ и справиться: ложись да помирай...

Они дошли до мѣста собранія, и она прекратила разговоръ.

Вся возвышенность была запружена народомъ. Большинство стояло безмолвно, нѣкоторые сидѣли на землѣ, а другіе ходили взадъ и впередъ, тихо разговаривая. Всюду господствовало торжественное, полное ожиданія, настроеніе. Готхольдъ помѣстился на заднемъ планѣ, чтобы не быть замѣченнымъ. Не смотря на сумерки, онъ разсмотрѣлъ большинство присутствовавшихъ. Большею частью здѣсь были рабочіе, мужчины и женщины, но тамъ и сямъ мелькали лица и другихъ профессій. Съ нѣкоторыми изъ нихъ ему приходилось встрѣчаться въ разныхъ мѣстахъ. Кое-кто старался, какъ и онъ, остаться незамѣченнымъ. Тутъ было смѣшанное общество, привлеченное сюда разными мотивами: лю-

бопытствомъ, благоговѣніемъ и надеждой. Готхольдомъ овладѣло уныніе, и напрасно онъ боролся съ нимъ. „Почему они не стремятся такъ въ церковь?—думалъ онъ. Почему церковь потеряла власть надъ ними?“

На двухъ деревьяхъ, у опушки лѣса, на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, вспыхнули огни двухъ фонарей, повѣшанныхъ цирюльникомъ Бедова. Наступила полная тишина. Люди подвинулись другъ къ другу и вытянули шеи. Готхольдъ видѣлъ, какъ Вильгельма Заутера провезли ближе впередъ, и какъ охотно всѣ уступали ему дорогу. Елена взяла на руки маленькаго Ласа и посадила его верхомъ къ себѣ на плечи, чтобы и онъ могъ слышать и видѣть. Старуха-мать безпомощно пробиралась сзади, съ опущенной головой, повидимому, съ большой робостью и смущеніемъ.

Наконецъ, на большой камень, покрытый мхомъ, между деревьями съ фонарями, взошелъ человѣкъ. Стало такъ тихо, что Готхольдъ могъ слышать прерывистое дыханіе стоявшихъ вблизи его. И его сердце вдругъ забилось: онъ увидѣлъ передъ собою Курта Вельманна! Выпрямившись во весь ростъ, съ кроткими, мечтательными глазами, стоялъ онъ на возвышеніи, какъ въ то время, когда еще молодымъ студентомъ, одушевленнымъ пылкими стремленіями, близкими и Готхольду, излагалъ ему одну изъ своихъ будущихъ проповѣдей. Послышался тотъ же голосъ, дрожавшій отъ сильнаго внутренняго возбужденія, когда онъ, устремивъ взоръ въ свѣтлую даль, обратился съ своей рѣчью къ внимательно слушавшей его толпѣ.

— Дорогіе друзья, братья и сестры! Мы живемъ въ знаменательное время. Это не время апатіи и упадка, въ чемъ насъ стараются увѣрить преждевременно отжившіе, истощенные сластолюбцы; это время броженія, порыва и переворота; оно родитъ новое, чего ждетъ все человѣчество. Конецъ девятнадцаго столѣтія не представляется старческимъ: онъ юношески свѣжъ и полонъ бурныхъ созидательныхъ стремленій. Мы живемъ въ періодъ величайшихъ открытій и великихъ людей. Наше время въ своей неутомимой дѣятельности быстро растрачиваетъ силы и безсердечно распоряжается человѣческой жизнью. Въ своемъ поступательномъ движеніи оно разрушаетъ то, что тысячи людей считаютъ священнымъ, и не справляется, страдаютъ ли они, платятся ли единицы, губитъ ли это ихъ, или вознаграждаетъ. Желѣзное время требуетъ сильныхъ духомъ и независимыхъ умомъ мужей.

Въ наши дни замѣчается пламенное стремленіе къ Христу. Чѣмъ обусловливается оно, друзья мои? Тѣмъ, что человѣчество нуждается въ Христѣ, а ему не хотятъ дать

и не даютъ Его... Если бы Христосъ снова вошелъ въ жизнь и увидѣлъ, что творится въ государствахъ, именующихъ себя „христіанскими", и гдѣ христіанство признается оффиціальной религіей, Онъ, возвѣстившій царство равенства и братства, опустилъ бы свою голову и возрыдалъ, какъ при разрушеніи Іерусалима.

Очень многіе произносятъ имя Христа, но ученія Его не знаютъ. Если бы они знали его, не стали бы жить, какъ живутъ. Гдѣ тѣ, кому христіанство проникло въ душу и сердце, кѣмъ оно овладѣло вполнѣ? Я ихъ не вижу. Кто теперь дѣйствительно живетъ согласно ученію Христа? Кто не на словахъ только, а на дѣлѣ хочетъ слѣдовать Ему, тотъ дѣлается или посмѣшищемъ для всего свѣта, или мученикомъ. Нельзя придумать для человѣка болѣе трагическаго положенія... Вотъ почему такъ сильно влеченіе къ Христу въ наше безбожное время. Мы не хотимъ, чтобы Онъ внушалъ намъ страхъ и приниженность, потому что тогда Его ученіе и дѣла были бы людямъ не подъ силу, и для него не было бы ни въ чемъ заслуги. Всякая попытка подражать Ему была бы съ нашей стороны напраснымъ трудомъ. Не того хотѣлъ и требовалъ Христосъ. Мы должны дѣйствовать, жить во Христѣ и работать съ Нимъ. Слѣдуя чистѣйшему и благороднѣйшему ученію Христа, столько разъ подвергавшемуся искаженію, мы должны въ корнѣ измѣнить свой образъ жизни и сдѣлать себя достойными того царства братства, какое хотѣлъ видѣть Сынъ плотника изъ Назарета.

Братья! Намъ говорятъ, что мы не вѣримъ въ Бога, и потому мы злые и безнравственные люди. Отождествлять вѣру въ Бога съ нравственностью, ставить мораль въ зависимость отъ вѣры въ Бога—какая громадная ошибка мысли, какое смѣшеніе понятій, какая наглая дерзость! Только властолюбивое духовенство можетъ проводить такую идею и поддерживать церковную мораль угрозами и обѣщаніями наградъ. Сомнѣніе въ ихъ правотѣ и безнравственность—для нихъ одно и то же. Товарищи и братья! Никакой вѣры нельзя доказать и никакая вѣра не нуждается въ доказательствахъ: вѣра, сама по себѣ, благодать. По существу она не нуждается въ защитѣ отъ возраженій и сомнѣній. Оставимъ имъ ихъ вѣру, если она у нихъ есть, и пусть они оставятъ намъ нашу вѣру. Всякая вѣра имѣетъ право на существованіе, потому что всякая—благодать, сокровеннѣйшее дѣло сердца, ее нельзя ни насадить, ни навязать. Она живетъ въ насъ, составляетъ часть насъ самихъ, и мы обречены жить и умереть съ нею.

Братья! Тѣ, кто утверждаетъ, что у насъ нѣтъ вѣры,—

лгутъ У насъ есть своя прекрасная, свѣтлая вѣра въ будущее, въ братство людей и въ миръ на землѣ. У насъ есть истинное, страстное влеченіе къ Христу, пробивающееся чрезъ этотъ міръ постыднаго произвола и продажнаго рабства, черезъ вооруженное и окостенѣвшее въ корыстолюбіи человѣчество. Пасторы до пресыщенія и отвращенія повторяютъ слова Евангелія, грозятъ и хвастаютъ имъ, сопровождая свои поученія закатываніемъ глазъ и колѣнопреклоненіемъ; но смыслъ произносимыхъ ими словъ и послѣдующіе ихъ поступки такъ же далеки другъ отъ друга, какъ были далеки отъ Христа книжники и фарисеи, пригвоздившіе Его къ кресту изъ страха, что Его ученіе восторжествуетъ въ мірѣ... Во что превратилось ученіе Христа въ этомъ мірѣ, гдѣ лицемѣріе облекается въ мантію вѣры и добродѣтели и властолюбіе осмѣливается искать опоры для своего дерзновеннаго права въ словахъ скромнѣйшаго и смиреннѣйшаго изъ людей, — показываетъ жажда слѣдовать Христу, вспыхнувшая съ новой силой среди людей. Вѣдь что сталось съ Его ученіемъ? Какъ исказили и изуродовали его! Христосъ основалъ братскую общину, слово Его обращалось къ обездоленнымъ и бѣднымъ; трудящихся и обремененныхъ призывалъ Онъ къ себѣ; больныхъ и несчастныхъ утѣшалъ Онъ. Наша „христіанская" церковь обратилась въ *классовую церковь*... Истинно, истинно говорю вамъ: ни одной искры христіанства нѣтъ у всѣхъ этихъ лицемѣровъ и грѣшниковъ!

Много столѣтій тому назадъ въ отдаленной Индіи, на берегахъ Ганга, жилъ сынъ царя, по имени Сиддерта, изъ рода Касіа. При обходѣ обширнаго царства своихъ будущихъ владѣній, онъ былъ пораженъ массой бѣдныхъ и несчастныхъ, населявшихъ это царство, и устыдился окружавшей его пышности, блеска и своего могущества. Сиддерта добровольно отказался отъ своего суетнаго положенія наслѣдника престола, роздалъ всѣ свои богатства бѣднымъ и обошелъ всю страну, съ цѣлью научить людей состраданію ко всѣмъ живымъ существамъ и вывести ихъ изъ тьмы язычества. Этотъ скромный сынъ царя, подъ именемъ Будды, основалъ новую религію, имѣющую теперь много милліоновъ послѣдователей и въ другихъ странахъ. Съ какой насмѣшкой и съ какимъ негодованіемъ смотрятъ на послѣдователей Будды эти, такъ называемые, христіане съ воображаемой высоты своихъ убѣжденій и вѣры! По ихъ мнѣнію, все это—азіатскіе варвары, язычники, занимающіе самую низкую и жалкую ступень человѣчества, и имъ не можетъ быть спасенія. Но я спрашиваю васъ: можно ли ждать теперь, что найдется наслѣдникъ престола или просто богатый и сильный міра сего, кто захотѣлъ бы послѣдо-

вать примѣру Сиддерты? Я не вижу такихъ... И всетаки они хвастаются своимъ христіанствомъ, хотя ни у кого изъ нихъ нѣтъ и тѣни того, чѣмъ обладалъ отпрыскъ индійскихъ властелиновъ: нѣтъ состраданія къ людямъ. Христіанство ихъ стало властолюбивой и своекорыстной религіей, порождающей разныя нелѣпости... Отсюда-то, друзья мои, и то пламенное желаніе нашего времени возстановить истинное ученіе Христа.

Друзья мои и братья! Чего же хотимъ мы, слабые и гонимые? Мы хотимъ воодушевить и поднять человѣчество, хотимъ нравственнаго возрожденія отдѣльныхъ единицъ, хотимъ мирнаго преобразованія разлагающагося порядка. Наше рѣшеніе можетъ быть тяжелымъ для этихъ единицъ. Но если оно будетъ принято сразу многими, то они станутъ поддерживать и защищать другъ друга, находить утѣшеніе и надежду. Одинокого захлестываетъ волна жизни, и онъ рискуетъ погубить свой челнъ въ бурномъ морѣ, но когда всѣ соединяются для общаго дѣла, созидается нѣчто великое. Поэтому мы и говоримъ: прислушайтесь къ словамъ Христа изъ Назарета: „что вы сдѣлали одному изъ малыхъ сихъ, братьевъ моихъ, то сдѣлали Мнѣ“, чтобы мы не могли сказать о васъ: „ибо алкалъ Я и вы не накормили Меня“. Въ четвертой главѣ Дѣянія апостоловъ сказано, что никто изъ нихъ ничего не называлъ своимъ, и все было у нихъ общее. Такъ жили первые христіане, принявшіе Евангеліе еще не въ искаженномъ видѣ. А насъ, желающихъ того же, современные христіане, тратящіе свои деньги только на самихъ себя и на постройку церквей и казармъ, называютъ невѣрующими и отступниками!..

Но не унывайте, братья мои, близокъ день, когда на землѣ настанетъ царство Христа. Нашихъ послѣдователей все прибываетъ. Бѣдствія нашего времени взываютъ къ небесамъ. Такъ дальше идти не можетъ, это теперь видитъ всякій... Итакъ, идите, утѣшенные, и ждите, друзья мои! Будьте спокойны и надѣйтесь: нашъ часъ пробьетъ!

XIII.

Ораторъ кончилъ. Нѣкоторое время царила глубокая тишина. Казалось, каждый изъ этихъ, исполненныхъ благоговѣнія, слушателей желалъ, чтобы въ душѣ его продолжали звучать полныя надеждъ слова утѣшенія мечтательнаго пророка, прежде чѣмъ они, ободренные, вернутся къ ничтожной дѣйствительности. Куртъ Вельманнъ сошелъ съ камня и смѣшался съ толпой, чтобы пожать протянувшіяся къ нему мозолистыя руки. Онъ не говорилъ ни слова; лобъ

его былъ покрытъ каплями пота, онъ тяжело дышалъ; устало, съ блуждающей улыбкой, пожималъ онъ всѣ эти руки. Лицо его поблекло и только не потухалъ мечтательный блескъ его глазъ. Женщины въ особенности тѣснились вокругъ него. Нѣкоторыя, постарше, плакали отъ волненія. Многія хотѣли поцѣловать руку, но онъ не допускалъ этого. Сотни блестящихъ глазъ были устремлены на него. Готхольдъ смотрѣлъ на все издали, не трогаясь съ мѣста. Онъ давно хотѣлъ уйти, еще во время рѣчи, возмущавшей каждый фибръ его существа, но не могъ. Какъ прикованный, стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ. Ему казалось, что передъ нимъ сорвали завѣсу съ новаго, невѣдомаго ему міра, хотя то, что рисовалъ этотъ мечтатель передъ своими внимательными слушателями, было то же, что онъ читалъ уже во многихъ сочиненіяхъ, цѣлой грудой лежавшихъ на его письменномъ столѣ. Было ново и достойно вниманія только, *какъ* онъ говоритъ, и *какъ* его слова дѣйствуютъ на тѣхъ, для кого они предназначаются. Готхольдъ могъ убѣдиться воочію, что одного знака этого человѣка достаточно, чтобы вся эта толпа пала передъ нимъ ницъ и съ рыданіемъ и восторгомъ признала въ немъ своего вождя. Люди подняли бы его на своихъ рукахъ, какъ новаго Христа, усыпали бы его путь зелеными вѣтвями и кричали „осанна". Да, говорившій съ ними былъ правъ: горячее, пламенное стремленіе къ Христу живетъ въ нихъ!.. Что-то похожее на зависть вспыхнуло въ душѣ Готхольда. Какой силой пользуется этотъ „красный" Вельманнъ! Почему не приходятъ къ нему, на *его* проповѣди, въ *его* церковь всѣ эти алчущіе и жаждущіе манны небесной? Онъ вспомнилъ, какъ тупо ежатся они на деревянныхъ скамейкахъ въ церкви, какъ безучастно повторяютъ за нимъ слова молитвы и какъ безсмысленно таращатъ глаза, когда онъ, *онъ* возвѣщаетъ имъ слово Божіе! Значитъ, и тутъ дѣятельность его не достигаетъ цѣли, какъ и въ дѣлахъ милосердія. Значитъ, и здѣсь предупредили его другіе, и его честныя и благія намѣренія ни къ чему не приведутъ, и только потому, что онъ—священникъ. Они ищутъ и признаютъ только братьевъ, всегда готовыхъ помочь. Они хотятъ возстановить на землѣ царство Божіе, царство любви, слиться въ одну большую общину, какъ первые христіане. Развѣ есть въ ихъ намѣреніяхъ и дѣлахъ что-нибудь враждебное Богу? И что враждебнаго государственному порядку въ томъ, что они отвергаютъ, какъ несогласное съ ученіемъ Христа, всякое примѣненіе насилія?..

Готхольдъ услышалъ вблизи себя рыданія. Старая зеленщица, Эмилія Заутеръ, плакала, закрывши передникомъ лицо. Эту тоже можетъ легко обратить Куртъ Вельманнъ, и тогда

ничто не будетъ раздѣлять ее съ дѣтьми. Они не посягаютъ на ея Христа, чего она всегда боялась. Значитъ, вотъ какъ слѣдуетъ говорить съ этими людьми: надо утѣшать ихъ и возбуждать въ нихъ надежду, а не принуждать и пугать, вселять и возбуждать къ себѣ довѣріе, указывая на печальную дѣйствительность.

Взоръ его продолжалъ блуждать по всѣмъ этимъ морщинистымъ лицамъ, ожесточеннымъ работой и тяжелой жизнью. Многихъ ему приходилось видѣть въ ихъ повседневной жизни, и они казались тупыми и упорными, желчными и насмѣшливыми, а сегодня—какимъ искреннимъ сочувствіемъ дышатъ ихъ лица! Даже цирюльникъ Бёдовъ оставилъ свою язвительную улыбку, а грустное лицо калѣки въ телѣжкѣ прямо сіяло свѣтомъ блаженства. Лена, стоявшая возлѣ него, высоко держала на рукахъ маленькаго Ласа и своими блестящими глазами указывала этому представителю новаго поколѣнія человѣка, возвѣщавшаго миръ и счастье. Горькое чувство все расло въ душѣ Готхольда... Глаза его стали искать Гельгу. Нѣтъ ли и ея среди этихъ благоговѣйныхъ слушателей? Не устремлены ли также и ея взоры на новаго пророка, ея единомышленника? Ему казалось, что онъ чувствуетъ ея близость, но ея нигдѣ не было. Онъ замѣтилъ только инженера Константина Майвальда. Онъ стоялъ какъ разъ противъ него, со скрещенными на груди руками, прислонившись къ дереву, и взглядъ его глубокосидящихъ, печальныхъ глазъ спокойно скользилъ по толпѣ. Какъ будто онъ одинъ изъ всѣхъ оставался холоднымъ, равнодушнымъ наблюдателемъ, и Готхольду показалось даже, что губы его подергивались иронической улыбкой. Въ эту минуту этотъ странный человѣкъ, раньше интересовавшій его, показался ему непріятнымъ. Готхольдъ повернулся и пошелъ внизъ, направляясь къ дому.

При первомъ поворотѣ дороги, онъ замѣтилъ старую зеленщицу, сидѣвшую на камнѣ. Она поджидала своихъ, все еще не рѣшавшихся уйти, какъ и большинство другихъ слушателей. Они толпились вокругъ Курта Вельманна, въ надеждѣ уловить еще хоть одно его слово или взглядъ. Узнавъ Готхольда, торговка очень смутилась.

— Ну, теперь вамъ легко будетъ обойтись безъ церкви и даже безъ Бога, фрау Заутеръ,—сказалъ онъ съ большой жестокостью.

Старуха покачала головой съ легкимъ всхлипываніемъ.

— Ахъ, нѣтъ, г. пасторъ, повѣрьте, нѣтъ... развѣ это возможно? Никогда, никогда, пока жива буду. Но какъ хорошо, г. пасторъ; ничего подобнаго я не слыхала во всю свою жизнь. Я ужъ и сама не знаю, какъ мнѣ быть. Прямо гово-

рить не по-человѣчески. Ахъ, Господи Боже мой, кто бы могъ подумать...

Готхольдъ пошелъ дальше, ничего не отвѣтивъ. Ему было пріятно, когда онъ очутился среди сумерекъ и тишины. Все происшедшее могло бы показаться ему сномъ, если бы не это страшное сердцебіеніе! Если бы не чувствовать съ завистью, что то, чему прежній товарищъ его плановъ и стремленій посвятилъ сегодня свое слово, было страстнымъ желаніемъ и его собственной юности... Какъ лунатикъ, дошелъ онъ до своего дома. Отворивъ дверь въ корридоръ, онъ удивился, что въ сѣняхъ не горитъ лампа: развѣ уже такъ поздно, или забыли, что онъ еще не вернулся? Онъ ощупью дошелъ до своей комнаты и въ это мгновеніе вдругъ услышалъ скрипъ двери справа, какой-то шелесть и чье-то тихое, быстрое дыханіе.

— Кто здѣсь?—спросилъ онъ.

Въ отвѣтъ послышался сдержанный смѣхъ.

Что-то горячее поднялось въ груди Готхольда... Сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ наткнулся на что-то мягкое и теплое, и отскочилъ назадъ. Тутъ онъ замѣтилъ, что дверь комнаты Мице была отворена; въ глубинѣ стояла наполовину закрытая свѣча и освѣщала часть постели. Въ то же мгновеніе у самаго своего уха онъ услышалъ страстный шепотъ:

— Идемъ! Мина ушла, а фрейлейнъ крѣпко спитъ.. Ни одинъ человѣкъ насъ не услышитъ...

Готходьдъ все понялъ; сердце его сильно колотилось въ груди. Было ясно, что Мице втайнѣ продолжала заниматься своимъ прежнимъ ремесломъ. Въ поздній часъ, когда вездѣ уже было темно, и она могла не бояться никакихъ неожиданностей, она поджидала одного изъ своихъ любовниковъ, вручивъ ему предварительно ключъ отъ двери. Готхольдомъ овладѣло глубокое возмущеніе и гнѣвъ. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ вымолвить слово, вокругъ его шеи обвилась мягкая рука, и голосъ Мице прозвучалъ надъ самымъ ухомъ:

— Идемъ же! Нечего бояться. Я такъ долго ждала тебя... каждый вечеръ...

Онъ вырвался изъ ея рукъ, съ отвращеніемъ оттолкнулъ ее и, опрометью вбѣжавъ въ ея комнату, схватилъ свѣчу и освѣтилъ ей лицо. Онъ ждалъ, что у нея вырвется крикъ ужаса, какъ только она узнаетъ его. Но она только улыбалась тою же улыбкой, какую онъ видѣлъ на ея губахъ въ первый разъ, въ подвалѣ, когда навѣстилъ ея больную сестру. Онъ замѣтилъ также, что она была въ одной юбкѣ и въ разстегнутой на груди рубашкѣ. Онъ испытывалъ

отвращеніе къ ней, быть можетъ, именно потому, что чувствовалъ горячее волненіе крови и стыдился своего возбужденія. Ему пришла въ голову полная муки и отвращенія мысль: что, если она ждала именно его? Если она поселилась въ его домѣ и приняла на себя роль раскаявшейся грѣшницы, чтобы стать близкой къ нему и увлечь его?.. Онъ съ ужасомъ и пристально смотрѣлъ на нее. Она все продолжала по прежнему улыбаться, съ оттѣнкомъ любовной игры.

— Мари!—вскричалъ онъ съ отчаяніемъ.

— Гм?—отвѣтила она, хихикая, еще не понимая, что происходитъ съ нимъ.

Она хотѣла усадить его на стулъ. Онъ вскочилъ, вскрикнулъ, схватилъ ее обѣими руками за голыя плечи и съ бѣшенствомъ сталъ трясти...

— Негодная!. Развратница!

Ногти его впились въ ея тѣло, и она съежилась отъ боли.

— Мнѣ больно,—произнесла она сердито и сдѣлала попытку освободиться.—Да и не кричите такъ: фрейлейнъ можетъ проснуться.

— Такъ это все, что ты можешь сказать мнѣ, негодница?—злобно спросилъ онъ. У него невольно сорвалось это *ты*. Онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и чувствовалъ страшную слабость. Онъ естественно вспомнилъ Гельгу и то, что она сказала ему, когда онъ сообщилъ ей о своемъ намѣреніи спасти эту дѣвушку. Стыдъ и гнѣвъ боролись въ немъ... Между тѣмъ, высвободившись изъ его рукъ, Мице сердито присѣла на край кровати и, болѣзненно сжимая губы, растирала себѣ плечи.

— Что же мнѣ сказать?—проворчала она.—И между вами бываютъ умные! Зачѣмъ же вы взяли меня къ себѣ, зачѣмъ я очутилась здѣсь? Я отлично поняла, что все это вы устроили, чтобы отвести глаза другимъ... Наконецъ, сегодня вся эта канитель мнѣ надоѣла... Вы мнѣ очень нравитесь, и въ особенности потому, что, кромѣ доброты, въ васъ есть что-то невинное... Такихъ мужчинъ въ нынѣшнее время не скоро найдешь... Да и сидѣть здѣсь взаперти, если ничего не получаешь за это, удовольствія мало.

Готхольдъ старался успокоиться. Онъ всталъ и близко подошелъ къ ней. Глаза его горѣли.

— И только для этого ты пришла сюда? Хотѣла для разнообразія стать моей любовницей, а не быть къ услугамъ всего свѣта? Ты думала, что и я преслѣдую ту же цѣль?—Отвращеніе овладѣвало имъ все больше и больше.—Ты несомнѣнно продолжала заниматься своимъ позорнымъ ремесломъ: иначе зачѣмъ такъ часто уходить изъ дому?..

А сегодня... такъ какъ дѣло слишкомъ затянулось, по твоему... У! Негодница! Я долженъ сдерживаться, чтобы не ударить тебя... Все твое благочестіе и скромность, значитъ, были только притворствомъ, постыднымъ лицемѣріемъ... Ты просто хотѣла ввести меня въ заблужденіе...

Мало по малу сердитое упрямство сходило съ лица Мице, и она принялась безпомощно плакать.

— Господи, Царь небесный, да чего собственно вы хотите отъ меня? Вы такъ мнѣ нравитесь и если хотите меня, то я, конечно, не стану больше таскаться съ Люде или съ кѣмъ-нибудь другимъ. Но молиться только и стряпать... ну, нѣтъ... я лучше сейчасъ же пойду своей дорогой... Я не предполагала...

Она встала, рыдая, и хотѣла пройти мимо него. Но онъ силой удержалъ ее.

— Не смѣй уходить! Встань на колѣни, негодная, и молись! Молись, чтобы Богъ простилъ тебѣ твои многочисленныя прегрѣшенія... А потомъ увидимъ, что дѣлать съ тобою.

Онъ снова схватилъ ее за плечи, чтобы повалить на землю, но она стала сопротивляться.

— Нѣтъ, будетъ съ меня... сыта! Если такъ... я не хочу, говорю вамъ, не хочу...

Она продолжала вырываться изъ его рукъ.

Оба не слыхали, какъ отворилась дверь въ корридоръ, и вернулась кухарка Мина. Она остановилась у открытой двери, парализованная страхомъ, и съ ужасомъ пристально смотрѣла на нихъ. Въ слѣдующую секунду она громко и пронзительно закричала:

— Фрейлейнъ! Ради Бога, фрейлейнъ! Идите скорѣе! Пасторъ насилуетъ Мари... флейлейнъ, фрейлейнъ!

Готхольдъ отпустилъ Мице и повернулъ свое мертвенноблѣдное лицо къ кричавшей женщинѣ. Мице почувствовала себя свободной и мгновенно сообразила, какъ выгоднѣе воспользоваться своей свободой: закрывъ лицо обѣими руками, она бросилась на кровать. Прежде, чѣмъ сконфуженный и возмущенный Готхольдъ успѣлъ выговорить слово, разбуженная шумомъ Ирма, въ капотѣ и со свѣчой въ рукахъ, показалась въ дверяхъ своей комнаты. Широко раскрытыми глазами смотрѣла она на что-то необычайное, что происходило здѣсь. Она не нашлась сразу, что сказать, и дрожала всѣмъ тѣломъ. Мина, вся въ слезахъ, не зная, что предпринять, собралась было уйти. Но грозный окрикъ Готхольда: „Не смѣть уходить!“ остановилъ ее.

— Я хотѣлъ заставить эту тварь встать на колѣни и молить Бога о прощеніи,—проговорилъ онъ:—Но сердце ея окаменѣло, и она воспротивилась... На сегодняшнюю ночь я запру

ее въ комнатѣ, и завтра мы рѣшимъ, что дѣлать. Вы, Мина, должны молчать о происшедшемъ. Завтра мы поговоримъ подробнѣе.

Голосъ его звучалъ твердо. Всѣ молчали. Онъ съ ужасомъ чувствовалъ, что ему не вѣрятъ...

Когда Готхольдъ намѣревался запереть снаружи дверь комнаты Мице, она, со слезами на глазахъ отъ злости, соскочила съ кровати и бросилась къ двери.

— О-о! этого не будетъ! — кричала она.—Сначала г. пасторъ хотѣлъ меня изнасиловать, а теперь всю вину валить на меня, да еще хочетъ держать взаперти, чтобы я не выбѣжала на улицу и не разсказала всѣмъ, что мнѣ пришлось вынести въ этомъ благочестивомъ домѣ... Ну, нѣтъ, этого не будетъ! Сейчасъ же отпустите меня, иначе я убѣгу, какъ есть, раздѣтая, или выскочу въ окошко... и свищите тогда въ слѣдъ. Молчать я ужъ не стану, всему свѣту разскажу, что вы за человѣкъ. Пощады отъ меня не ждите!.. Пустите, говорю вамъ!

Она съ бѣшенствомъ колотила кулаками въ дверь. Готхольдъ безпомощно озирался вокругъ, ища поддержки. Онъ чувствовалъ себя совершенно безсильнымъ передъ такимъ нахальствомъ и не могъ произнести ни слова.

— Ради Бога, г. пасторъ, пустите ее!—простонала Мина.— Богъ знаетъ, что еще натворитъ эта сумасшедшая. Если вы запрете ее, вамъ, пожалуй, придется возиться съ полиціей. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, нельзя же *такъ* поступать!..

— Правда, Готхольдъ, ты долженъ отпустить ее,—прибавила все время молчавшая Ирма,—чѣмъ скорѣе эта особа исчезнетъ изъ глазъ, тѣмъ лучше.

Съ этими словами Ирма повернулась и ушла въ свою комнату, какъ будто не хотѣла больше возиться ни съ какими непріятностями. „Можетъ быть, сестра и права,—думалъ Готхольдъ, неувѣренный, что она приняла его слова за чистую монету,—безполезно осквернять свой домъ присутствіемъ такого погибшаго существа“. Ему опять вспомнилась Гельга.

— Хорошо,—произнесъ онъ, обращаясь къ Мице, которая спокойно одѣвалась,— идите, если хотите! Удерживать васъ я не стану. Но послѣдняго слова я еще не сказалъ...

Онъ вошелъ въ свою спальню и въ смертельной усталости опустился на стулъ. Нѣкоторое время за стѣной слышенъ былъ шепотъ и хныканье Мице. Чего она только не навретъ теперь! И нѣтъ вѣдь возможности заткнуть ротъ! Если она раструбитъ по всему околодку, что онъ хотѣлъ совершить надъ ней безнравственное насиліе, то сколько найдется такихъ, что повѣрятъ ей! Скажутъ: священникъ,

зная развратную жизнь красивой дѣвушки, взялъ ее къ себѣ для своего собственнаго удовольствія,—и людямъ это покажется гораздо болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ то, что онъ пріютилъ ее у себя ради спасенія ея же души. Къ его дѣйствительному намѣренію тѣ самые люди, у которыхъ всегда на языкѣ слово Божіе и притворная готовность исполнять Его заповѣди и почитать духовенство, отнесутся съ циничной улыбкой... Его охватило невыразимое отвращеніе. „И они-то хотятъ основать на землѣ царство Божіе, царство братства и любви!—думалъ онъ. Развѣ они пригодны для этого? Имъ слѣдуетъ сначала передѣлать себя, чтобы стать достойными такого дѣла“.

За стѣной наступила тишина, и Готхольдъ подумалъ о снѣ. Лечь спать? Ахъ, если бы онъ могъ только уснуть и забыться! Но волненіе едва ли дастъ ему погрузиться въ сонъ...

Едва онъ успѣлъ снять сюртукъ, какъ рѣзкій звонокъ заставилъ его вздрогнуть. Кто бы это могъ быть въ полночь? Онъ снова одѣлся и со свѣчею въ рукѣ пошелъ отпереть дверь. Можетъ быть, умирающій хочетъ помолиться вмѣстѣ съ нимъ?

На улицѣ стояла Притцка съ привратникомъ и, страшно разстроенная, долго не могла ничего произнести, кромѣ:

— Ахъ, ради Бога, г. пасторъ, г. пасторъ...

— Что случилось?—спросилъ поблѣднѣвшій Готхольдъ.— У Мютцель? Больной стало хуже? Зоветъ меня?

Притцка опустила голову и все еще не могла говорить. Отъ волненія, приложивъ руку къ сердцу, она старалась вдохнуть въ себя воздухъ. Привратникъ, стоявшій возлѣ нея, съ заспанными глазами и растрепанными волосами, толкалъ ее въ бокъ:

— Да ну-же, ну, раскройте ротъ!—ворчалъ онъ.—Должно быть, случилось что-нибудь страшное, г. пасторъ: она кричала мнѣ: „убійство“, „смертоубійство“. Я ничего не понялъ, а она, какъ видите, не можетъ и духъ перевести.

— Сейчасъ иду,—сказалъ Готхольдъ и пошелъ за шляпой. Сердце его судорожно сжималось, но онъ гналъ отъ себя мрачныя предчувствія.—Идемте!

Они спустились съ лѣстницы; Притцка продолжала стонать и плакать, глотая воздухъ.

— Ахъ, Боже мой! Нѣтъ, это что-то... что-то... силы небесныя!..

Готхольдъ положилъ руку на ея плечо.

— Успокойтесь, наконецъ, и разскажите мнѣ, что случилось! У Мютцель что-нибудь? Она еще жива?

— Ахъ, Царь Небесный... Ее, навѣрно, приговорятъ къ

Максимъ Горькій и его послѣдніе разсказы.

(Сборникъ „Знанія“, кн. 4—6).

I.

„Букоемовъ, Карпъ Ивановичъ“ оживляетъ въ памяти читателя, нѣсколько затѣненнаго авторомъ драматическихъ произведеній, прежняго „Максима Горькаго“. Горячее чувство протеста противъ несправедливости и моральнаго уродства окружающей жизни, сознаніе, что выпрямить эти уродства, конечно, не въ состояніи тѣ, что идутъ за жизнью, куда бы она ихъ ни повела, и собственный душевный складъ художника-автора дѣлаютъ его, естественно, пѣвцомъ людей, которые смѣютъ жить наперекоръ. Онъ вѣритъ, что только эти люди сильной воли, не поддающіеся насильственной формовкѣ со стороны жизни, сумѣютъ передѣлать ее и освободить отъ уродующихъ нелѣпостей и несправедливости... А это, въ свою очередь, переходитъ уже въ культъ душевной силы, просто какъ силы, въ чемъ бы она ни выражалась. Пусть это будетъ ложно и даже опасно—съ точки зрѣнія самого художника—направленная сила. Всетаки это—сила, а не безнадежное безсиліе. И если творчески-тусклая жизнь, окружающая автора „Букоемова“, не въ силахъ использовать эту силу, а, наоборотъ, принуждена защищаться отъ нея, какъ отъ враждебнаго элемента, прибѣгая къ кандаламъ, каторгѣ и плетямъ, тѣмъ трагичнѣе это заурядное уничтоженіе силы, въ которой жизнь больше всего нуждается. „Букоемовъ“, осужденный за побѣги, грабежи и убійство на безсрочную каторгу,—представитель какъ-разъ такой не только не использованной, но извращенной и безповоротно загубленной силы.

Онъ—жестокій убійца, но онъ не чувствуетъ себя похожимъ на своихъ товарищей по камерѣ, тоже убійцъ. О немъ нельзя сказать подобно тому, какъ онъ выражается объ однокамерникѣ Махинѣ, нелѣпо совершившемъ какое-то нелѣпое убійство, что онъ не знаетъ: „зачѣмъ онъ вообще“, и о немъ нельзя сказать, что въ своихъ преступленіяхъ онъ—„лавошникъ“ и „поганый“,

какъ онъ аттестуетъ своего другого однокамерника-убійцу Шишова. Онъ—озвѣрившійся человѣкъ, и у него есть свое „оправданіе“. Единственнаго человѣка, котораго Букоемовъ цѣнитъ, это — его неизмѣнный оппонентъ въ тюремныхъ спорахъ (разсказъ имѣетъ темой одинъ изъ такихъ споровъ), неизмѣнно возражающій „по Евангелію“, Богъ вѣсть какъ попавшій въ тюрьму и ссылку за поджогъ и трижды бѣжавшій съ поселенія. У Хромого (оппонентъ Букоемова—калѣка) есть свое пониманіе жизни, хотя и ложное съ точки зрѣнія Букоемова: Хромой знаетъ, „зачѣмъ онъ вообще“, и, кромѣ того, въ немъ есть самое цѣнное, что можетъ быть—въ глазахъ Букоемова—у человѣка: „есть сопротивленіе“... „Вотъ, Хромой,—начинаетъ старый споръ Букоемовъ... ты все говоришь: всѣ люди одинаковы по Евангелію... А ты по правдѣ скажи, — развѣ они двое (Махинъ и Шишовъ) — люди, однако?“ Другое дѣло, по его оцѣнкѣ, онъ—Букоемовъ или самъ спорщикъ: „...ты хоть безъ ноги, а... въ тебѣ *сопротивленіе есть*... Тебѣ приказываютъ — живи въ Сибири!.. а ты — не хочешь, ты, вотъ, уходишь... это хорошо! Даже на одной ногѣ ушелъ... очень хорошо, да! А вотъ Махинъ, — что онъ такое? Зачѣмъ онъ вообще?..“ Самъ Букоемовъ представитель крайняго—озвѣреннаго—„сопротивленія“ жизни, который отвѣчаетъ, по его мнѣнію, ударомъ на ударъ. Онъ не находитъ никакого противорѣчія между своимъ ремесломъ убійцы и жизнью, въ которой онъ былъ участникомъ—до тюрьмы и каторги. Когда Хромой, по поводу чьего-то жестокаго обращенія съ животными, цитируетъ:

— А... сказано: всякое дыханіе да хвалитъ Господа...

Старикъ косится на него исподлобья и сердито возражаетъ:

— *Мало ли что сказано... ты гляди, что сдѣлано.*

Букоемовъ это и дѣлаетъ,—въ изображеніи художника. Онъ смотритъ только на то, что „сдѣлано“ съ нимъ самимъ, что сдѣлано и дѣлается съ другими и другими, и потому *почти* свободенъ отъ чувства, что на немъ тяготѣетъ какая-нибудь „неправильность...“ „Люблю я тебѣ говорить, Хромой... — говоритъ Букоемовъ своему спорщику „по Евангелію“,—умѣешь ты слушать... А когда ты самъ говоришь — не люблю я этого... Сѣрый ты человѣкъ, трусливый... и напрасно ты себѣ глаза замазываешь. Гляди на все прямо—вотъ тебѣ законъ! Тутъ вся премудрость... Гляди на все прямо — только и всего... А ты говоришь—люди... и то, и се... надо жалѣть!“ Самъ Букоемовъ себѣ глазъ „не замазываетъ“—твердо знаетъ, что „жалости“ на свѣтѣ нѣтъ, и она никому не нужна. „Зачѣмъ я буду жалѣть, ежели ни въ комъ нѣтъ жалости. И не нужно мнѣ это и невыгодно“. Еще ребенкомъ онъ помнитъ, какъ отецъ мучительно билъ его мать и на мольбы той: „убей, Христа ради, сразу, не мучь“ отвѣчалъ: „нѣтъ, ты погоди, зачѣмъ сразу?..“ Въ разсказѣ остается

невыясненнымъ въ подробностяхъ — какъ именно собственная жизнь Букоемова придала его дѣтскимъ воспоминаніямъ характеръ универсальности. „Коли я тебѣ только про себя разскажу,— говоритъ онъ спорщику Хромому,—сколько разъ и какъ меня били... и то ты сытъ будешь... Про жалость—врешь ты! Я почти на двадцать годовъ старше тебя, я всю Россію обошелъ, объѣздилъ, оглядѣлъ—врешь ты! ." „Люди другъ друга не жалѣютъ, и мнѣ жалѣть ихъ не за что",—резюмируетъ онъ свой жизненный опытъ и въ этомъ находитъ себѣ оправданіе, какъ убійца. ...„И—опять же, что такое люди? ежели ихъ можно мучить, какъ базарныхъ крысъ... а они только бѣгутъ да прячутся",—прибавляетъ Букоемовъ.

Но профессіональный, по его статейному списку, убійца ошибается или, если говорить языкомъ его упорнаго оппонента, „вретъ" о себѣ, что онъ не знаетъ, — не понимаетъ, что такое „жалость". Въ немъ самомъ „жалость" все еще живетъ, не смотря на десятки лѣтъ тюрьмы и каторги. Она сказывается въ ласковой памяти о привязавшейся къ нему собаченкѣ, которая жила у него гдѣ-то на поселкѣ; она сказывается въ нѣсколькихъ добрыхъ словахъ объ арестантѣ - „политикѣ", „жиденкѣ Венькѣ", который тоже былъ „ласковъ со всѣми". Она же сказывается, наконецъ, въ томъ страстномъ отпорѣ, который вызываетъ у него разговоры Хромого о томъ, что человѣческая „жалость"—не трусливая выдумка: не только то, что „сказано". Онъ не хочетъ этихъ разговоровъ и горячо реагируетъ на нихъ, чтобы не потерять въ нихъ чувства своего самооправданія и вмѣстѣ съ нимъ чувства душевнаго равновѣсія,—мертваго равновѣсія, но всетаки равновѣсія, которымъ онъ живетъ: „...когда ты про жалость говоришь—безпокойно мнѣ, — неужели я ошибся? Хорошее то проглядѣлъ? Ну, только врешь ты, Хромой... зря меня мутишь. Люди другъ друга не жалѣютъ, и мнѣ жалѣть ихъ не за что.. Добраго отъ нихъ не видалъ я... одни развѣ калачи, да баранки... ну, калачемъ меня въ обманъ не выманишь..."

Разсказъ кончается вмѣстѣ со споромъ о „жалости". Букоемовъ пока торжествуетъ: какъ онъ выражается, его оппоненту не удалось „поймать ежа зубами". Міроотношеніе стараго каторжника оказалось достаточно согласованнымъ съ жизнью, гдѣ „человѣкъ дешевле скота цѣнится", и спор не обнаруживаетъ въ этомъ міроотношеніи никакихъ изъяновъ и противорѣчій...

Въ „Букоемовѣ" авторъ — въ своей художественной стихіи. Его изуродованный жизнью человѣкъ понятенъ ему, близокъ его настроенію; онъ почти любитъ человѣка—„Карпа Ивановича Букоемова", котораго онъ такъ явно открылъ въ ожесточенной душѣ полу-звѣря и жалѣетъ въ немъ пропавшую силу, въ которой было много желаннаго художнику и читателю „сопротивленія". И это отражается на настроеніи читателя: нѣсколько

протестуя въ своемъ сознанiи противъ художника, который волнуетъ тѣмъ, „чего не было“, нужно думать, ни въ одной изъ тюремъ всея великiя и малыя Россiи, онъ, однако, подчиняется его художественному замыслу, вѣритъ въ возможность „Букоемова“, какъ психологическаго факта, и допускаетъ, что передъ нимъ не профессiональный убiйца, а только озлобленный „мститель за поруганнаго въ немъ самомъ человѣка“.

Съ художественной точки зрѣнiя читателю приходится пожалѣть лишь о чрезмѣрной тщательности, съ которою авторъ старается выдвинуть своего Букоемова, „изъ ряду-вонъ“ среди нормальнаго населенiя тюрьмы. Меньшая рѣзкость въ этомъ отношенiи дала бы больше простоты и легче подчиняла бы настроенiе читателя.

Закончимъ указанiемъ на одну интересную деталь въ „Букоемовѣ“ чисто-техническаго характера. Художнику удалось ясно передать читателю чувство длительности: въ томъ, что происходитъ въ камерѣ Букоемова опредѣленно *чувствуется* движенiе времени. Авторъ достигъ этого посредствомъ указанiй, перiодически вклинивающихся въ детали разсказа, о томъ—какое положенiе, въ извѣстные моменты, занимаетъ лучъ солнца, проникшiй „сквозь мутныя стекла“ единственнаго окна къ людямъ, занятымъ вопросомъ о существованiи у людей жалости. Солнечный лучъ сперва играетъ на полу камеры, потомъ движется къ внутренней двери, ползетъ по ней кверху, постепенно краснѣетъ и, наконецъ, замираетъ и таетъ передъ самымъ концомъ разсказа. Эти детали, разбросанныя по разсказу, служатъ чѣмъ-то въ родѣ вѣхъ во времени, которыя не бросаются въ глаза, но тѣмъ не менѣе отмѣчаются вниманiемъ читателя, заставляя его оцѣнивать чувствомъ, какъ много времени—отъ одного момента до другого (съ паузами)—занялъ тюремный споръ „отверженныхъ“ о возможности предположить у людей „жалость“.

II.

Тема о жестокости такъ называемый нормальной жизни, въ которой люди, выпускающiе кишки, не чувствуютъ себя дикимъ противорѣчiемъ „нормальному“ укладу жизни, повторяется и въ другомъ—реальномъ по содержанiю—разсказѣ М. Горькаго: „Тюрьма“.

Люди, въ которыхъ вѣритъ авторъ „Тюрьмы“, отъ которыхъ ждетъ выпрямленiя жизни, въ разсказѣ появляются только мелькомъ и поодаль. На первомъ планѣ—юный студентъ, котораго точитъ стыдъ человѣческаго безсилiя передъ этой „нормальной“ жизнью.

Чувство этого стыда только что зародилось въ душѣ „Миши

Малинина"—„веселаго и добродушнаго здоровяка", который до поступленія въ университетъ „мало читалъ и мало видѣлъ". Стряхнуть это чувство стыда, по крайней мѣрѣ, съ самаго себя показалось ему на первыхъ порахъ дѣломъ очень не сложнымъ... Когда его, вмѣстѣ съ другими участниками какого-то „безпорядка", „загнали" на дровяной дворъ, онъ очень тяжело чувствовалъ этотъ стыдъ, добиваясь только одного: „скорѣе пройти во дворъ, чтобы спрятаться тамъ, отдѣлить себя отъ всѣхъ, остаться одному", чтобы не видѣть, какъ „кое-кто растерянно улыбается и развязно шутитъ", стараясь отъ самого себя „скрыть обидное, тяжелое сознаніе безсилія". Но затѣмъ нѣсколько словъ обиженной дѣвушки, взволнованно обратившейся къ нему за защитой (это очень интересно передано въ разсказѣ), какъ-то неожиданно „выжгли" у него этотъ стыдъ и внезапно сдѣлали изъ него не единицу толпы, а единицу среди толпы—героя той красивой рѣчи, которую онъ произнесъ. „Всѣ красивыя, сильныя слова, какія онъ слышалъ о свободѣ, о человѣческомъ достоинствѣ, хлынули изъ его груди горячимъ ручьемъ... зажигая у однихъ гнѣвъ, у другихъ—злобу". Эта-то красивая рѣчь, приведшая Мишу Малинина въ тюрьму, на первыхъ порахъ и успокоила въ немъ тревожное чувство стыда. „Если бъ всѣ люди, общими силами, такъ же смѣло, какъ вотъ я, бросились на все, что стѣсняетъ ихъ жизнь...—горячо подумалъ юноша, и ему казалось, что сейчасъ же послѣ этого натиска жизнь стала бы веселой, красивой, пріятно спокойной".

Но юношескій экстазъ скоро проходитъ, наступаетъ реакція, и чувство стыда пріобрѣтаетъ особо-тягостныя формы, благодаря тюремнему рефлексу и тюремнымъ впечатлѣніемъ.

Тюрьма оказывается для Миши Малинина чѣмъ-то въ родѣ музея рѣзкихъ образчиковъ творчества „нормальной" жизни. Въ безсонныя тюремныя ночи онъ пытается разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, хочетъ „сжать ихъ въ одинъ цѣльный, круглый комъ" и—„не можетъ"... Только что попавъ въ тюрьму, онъ наталкивается на тщательно вырѣзанную на нарахъ надпись, что до него въ камерѣ сидѣлъ „Яковъ Игнативъ Усофъ", который „за подлость" выпустилъ двумъ людямъ „кишки". Миша пробуетъ представить себѣ этого Усова и не находитъ для него, въ своемъ сознаніи, никакого человѣческаго образа: спокойный убійца рисовался въ его воображеніи только „безформеннымъ, грязнымъ пятномъ, и въ центрѣ этого пятна ровнымъ свѣтомъ горѣлъ тусклый, кроваво-красный огонь". Тѣмъ не менѣе этотъ Усовъ—живой человѣкъ, такой же „фактъ жизни", какъ и онъ—„Миша Малининъ, студентъ перваго курса", препровожденный въ ту же камеру за „безпорядокъ" политическаго характера.

Такой же фактъ и „милый, добрый" затравленный человѣкъ—Офицеровъ, тюремный надзиратель, котораго пугаетъ, что „вездѣ

дерутся“; въ своей жизни онъ знаетъ только два исключенія—свою мать... „да въ монастыряхъ, можетъ быть, нѣтъ этого“... И онъ ушелъ бы въ монастырь самъ, если бы не сомнѣнія—вѣритъ ли онъ, по настоящему, въ Бога, какъ онъ полушепотомъ признается Мишѣ: „Я очень думаю объ Немъ... вѣдь если Онъ, дѣйствительно... зачѣмъ же такой ужасъ вездѣ?.. И жестокость? Вы—человѣкъ ученый... зачѣмъ же ужасъ и жестокость?“

Этой трагической фразой, сказанной дрожащимъ голосомъ, съ „крупными, тусклыми слезами“ на глазахъ у человѣка, котораго судьба сдѣлала сторожемъ Букоемовыхъ,—ограничивается все его „сопротивленіе“, если принять этотъ Букоемовскій терминъ для оцѣнки людей...

Когда онъ разсказываетъ о смѣломъ поступкѣ арестанта-рабочаго, въ глазахъ Офицерова Миша „впервые увидѣлъ какой-то новый блескъ, похожій на радость“. Но эта радость, если такъ можно выразиться, чисто художественнаго свойства: она никогда не захватитъ его всего, никогда не „выжжетъ“ въ его душѣ испуга; для него всегда будетъ страшною самая мысль о возможности такого же поступка со стороны его, Офицерова, и высшая степень активности, съ которой онъ способенъ вмѣшаться въ дѣйствительность и которую онъ сполна отрицаетъ своимъ яснымъ нравственнымъ чувствомъ, выражается въ той „длинной“ молитвѣ, которую онъ составилъ, „когда еще въ солдатахъ былъ“, и изъ которой теперь дрогнувшій въ своей вѣрѣ человѣкъ помнитъ только первыя трогающія Мишу слова: „Господи, Боже мой! Почему такъ много въ людяхъ и жестокости, и злобы? Господи—почему“?.—Такой же неопровержимый „фактъ жизни“ и другой тюремный надзиратель, Корнѣй, который, „безропотно подчиняясь чужой волѣ, восемнадцать лѣтъ твердитъ людямъ все одно и то же тупое слово: „нельзя“!—и никогда не спросилъ себя—почему же нельзя, и у котораго, на самомъ дѣлѣ, несчастная жизнь сбила человѣческую душу въ какую то своеобразную груду мусора, гдѣ—по своему—сострадательнаго человѣка никакими средствами не отдѣлишь отъ „бездушнаго“ исполнителя того, что приказано: онъ можетъ не помѣшать арестанту—изъ жалости—перепиливать тюремную рѣшетку, но онъ „донесетъ“ по начальству, какъ только рѣшетка будетъ перепилена. И не пойметъ въ этомъ никакого противорѣчія... Жизнь оказывается не только жестокою но и способной прочно приспособлять людей къ своей жестокости. Юношѣ уже не кажется подвигомъ его красивая рѣчь. Вспоминая о ней въ тюрьмѣ, онъ видитъ себя только „смѣшнымъ студентомъ, безалаберно размахивающимъ руками среди толпы людей, сконфуженныхъ своимъ безсиліемъ, устыженныхъ той легкостью, съ которой ихъ побѣдила тупая, механическая, но организованная сила“...

Жизнь, которая ему казалась такою простою, когда онъ ее

не зналъ и не видѣлъ, кажется теперь, въ силу реакціи, мучительно сложною, не сжимающеюся въ одинъ теоретическій „цѣльный и круглый комъ“: „Людей—нѣтъ, нѣтъ людей!—тоскливо думалъ Миша.—По землѣ ходятъ какіе-то странные, жалкіе исполнители чужой воли—то робкіе, то злые и жестокіе и почти всегда—безличныя существа. Они едва ли понимаютъ то, что равнодушно дѣлаютъ, и *никто изъ нихъ не смѣетъ, не въ силахъ сказать гордое человѣческое слово—не хочу!*“ „Тюрьма—внутри людей, и вся жизнь вокругъ нихъ тоже тюрьма“, приходитъ къ выводу юноша, ошеломленный образчиками творчества и нормальной жизни, скопившимися въ его тюрьмѣ. „Мишѣ казалось,—продолжаетъ авторъ „Тюрьмы“,—что вся жизнь людей окутана густой, мутно-желтой тучей болѣзненно напряженной жестокости. Всѣ поступки людей точно пропитаны непонятнымъ, безмысленнымъ чувствомъ озлобленія другъ противъ друга и противнымъ желаніемъ истязать, издѣваться, мучить“. Вся жизнь — „дикая свалка озлобленныхъ людей“, и въ этой свалкѣ долженъ будетъ—съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ — принять участіе и онъ, Миша... Въ качествѣ кого же?

Интеллигентный юноша, нарисованный М. Горькимъ, добросовѣстенъ... Онъ, конечно, не будетъ въ состояніи принять жизнь, какъ она есть, но онъ не можетъ скрыть отъ себя, что въ немъ нѣтъ того цѣлостнаго „сопротивленія“, котораго требуетъ отъ него фактъ „дикой свалки“ вмѣсто жизни. Для него чужая бѣда—только *чужая* бѣда. Онъ ловитъ себя на томъ, что *и сейчасъ* онъ чувствуетъ „отвращеніе къ мучителю“—несомнѣнному мучителю—только тогда, когда слушаетъ разсказъ объ его отвратительныхъ подвигахъ: при встрѣчѣ же съ нимъ — „въ тотъ же день“ — онъ уже не находитъ въ своей душѣ ничего, „кромѣ остраго любопытства и легкой брезгливости“. Это-то мучитъ его, лишая покоя и сна въ длинныя тюремныя ночи.

Слишкомъ многаго требуетъ отъ него жизнь, создающая Корнѣевъ и Офицеровыхъ, съ одной стороны, и если не Букоемовыхъ, то Усовыхъ, спокойно „выпускающихъ кишки“,—съ другой стороны,—и онъ не можетъ и не хочетъ обмануть себя, что *столько* онъ не въ состояніи дать. На минуту у него — „гдѣ-то глубоко внутри“—„разгорѣлась теплая, согрѣвающая мысль“, что онъ можетъ занять въ жизни положеніе непричастнаго человѣка—человѣка, который не принадлежитъ ни къ тѣмъ, кого бьютъ, ни къ тѣмъ, кто бьетъ... Онъ самъ отвергъ эту „согрѣвающую“ и „хитрую“ мысль и заставилъ себя довести рѣшеніе до конца. „Мелькнувъ въ его душѣ, какъ искра... маленькая, хитрая мысль тотчасъ же уступила мѣсто большимъ, суровымъ твердымъ мыслямъ. Онѣ ставили предъ юношей желѣзное требованіе—работы долгой, трудной, незамѣтной—великой работы, полной непоколебимаго мужества“... Исполнитъ ли онъ это „желѣзное требованіе“?

Юноша—въ „Тюрьмѣ“—еще разъ дѣлаетъ короткую попытку избѣгнуть мучительнаго вопроса, который самъ себѣ ставитъ. Онъ пытается спросить себя не такъ, какъ должно, — пытается перенести рѣшеніе вопроса на почву фактической возможности.

— „*Могу* ли я дѣлать это?—внутренно вздрогнувъ, спросилъ себя Миша.

И тотчасъ же со стыдомъ понялъ, что онъ, изъ страха предъ чѣмъ-то, нарочно спросилъ себя не такъ, какъ было нужно.

Тогда онъ поставилъ вопросъ правдивѣе:

— *Хочу* ли я этого?“

И на этотъ болѣе правдивый вопросъ интеллигентный юноша—въ изображеніи М. Горькаго—не нашелъ удовлетворяющаго его моральнаго чувства отвѣта. Въ немъ побѣдилъ личный человѣкъ, живущій своей собственной, индивидуальной жизнью, своими личными радостями бытія, хотя и перемѣшанными съ чувствомъ стыда за жизнь и за свое участіе въ ней... Разсказъ заканчивается словами: „Миша смотрѣлъ въ окно и искалъ въ своей душѣ отвѣта“.

Такого отвѣта не ищутъ—въ изображеніи автора „Тюрьмы“—только тѣ люди, которые, какъ мы уже упоминали, проходятъ поодаль отъ перваго плана въ разсказѣ. Это — арестованные рабочіе. „Очевидно, это были рабочіе—*коренастые, крѣпкіе,* плохо одѣтые,—они смотрѣли на все сурово, исподлобья... На *худыхъ,* голодныхъ лицахъ этихъ людей точно вырѣзано было выраженіе *твердой непреклонности* и что-то напоминавшее о затравленныхъ волкахъ“. Нѣкоторые изъ нихъ порою улыбались своему случайному товарищу по заключенію, изображенному М. Горькимъ, и дѣлали ему какіе-то знаки, Тѣмъ не менѣе онъ самъ чувствовалъ какую-то разницу—разницу въ чемъ-то основномъ—между собой и этими людьми, съ которыми судьба столкнула его впервые. „Когда ихъ глаза,—говоритъ авторъ „Тюрьмы“,—останавливались на лицѣ Миши, онъ почему-то чувствовалъ себя неловко подъ этимъ взглядомъ, и ему хотѣлось спрыгнуть съ подоконника“. Чувствовали въ „Тюрьмѣ“ эту разницу и другіе: Офицеровъ на вопросъ Миши, какъ онъ объясняетъ появленіе этихъ людей въ тюрьмѣ, отвѣчаетъ, что это—люди, которые „*вообще* не согласны... со всѣмъ“, т. е. по самой природѣ вещей осуждены на роль „несогласныхъ—со *всѣмъ*“. И этимъ людямъ, появляющимся въ „Тюрьмѣ“ только мимоходомъ, принадлежатъ въ разсказѣ самыя поэтичныя и самыя приподнятыя (къ сожалѣнію, также и слегка риторичныя—въ стилѣ В. Гюго) страницы разсказа... Съ однимъ изъ этихъ „суровыхъ“ и „крѣпкихъ“ людей герой „Тюрьмы“ входитъ въ болѣе близкія отношенія, и тотъ „выстукиваетъ“ ему черезъ стѣну свой непреложный символъ вѣры: „Жизнь—борьба рабовъ за свободу и господъ—за власть, и она не можетъ быть мягкой и спокойной, она не будетъ доброй и красивой, пока есть господа и

рабы"!.. Случайный человѣкъ въ тюрьмѣ, изображенный М. Горькимъ, слушая это выстукиваніе черезъ стѣну, чувствуетъ, что непреложно исповѣдуемый символъ вѣры особенно настойчиво предъявилъ къ нему самому какое-то *требованіе*.

Интеллигентъ и случайный человѣкъ въ тюрьмѣ, изображенный М. Горькимъ, вспоминая выстуканное сосѣдомъ, чувствуетъ, что къ его собственнымъ моральнымъ требованіямъ присоединилось настойчивое требованіе еще и со стороны, и реагируетъ на него чувствомъ вражды къ виновнику обостренія въ немъ душевной муки. „Часто, мигая красными отъ безсонной ночи глазами, Миша разсматривалъ рисунки мороза и порою оглядывался на стѣну съ недобрымъ чувствомъ, которое онъ не желалъ бы замѣчать въ себѣ, но невольно замѣчалъ"... Это, такъ сказать, послѣдній „мазокъ" въ портретѣ „Миши Малинина", нарисованнаго авторомъ „Тюрьмы".

Читатель, быть можетъ, уже обратилъ вниманіе на два слова, которыми характеризуетъ художникъ людей, помѣщенныхъ имъ ради контраста на третьемъ планѣ разсказа. Онъ говоритъ: „очевидно, это были рабочіе—*коренастые, крѣпкіе*"... Эти два слова очень интересны для характеристики М. Горькаго, какъ художника.

Если отсутствіе реальности въ такомъ разсказѣ, какъ „Букоемовъ" *), можетъ объясняться на разные лады и можетъ, напр., найти себѣ легкое объясненіе въ недостаточномъ знаніи художникомъ той среды (убійцъ), изъ которой онъ взялъ центральное лицо для своей художественной проблемы, то относительно „Тюрьмы", очевидно, не можетъ быть сдѣлано никакихъ подобныхъ предположеній и догадокъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ „Тюрьмы" хорошо знаетъ ту среду, изъ которой вышли стойкіе люди его „Тюрьмы", въ реформаторскую роль которыхъ онъ такъ горячо вѣритъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ хорошо знаетъ, что фабрика, повинная—тамъ, гдѣ она опредѣляетъ жизнь—въ повальномъ вырожденіи населенія, не создаетъ въ качествѣ правила „коренастыхъ, крѣпкихъ" людей, и, слѣдовательно, характеризуя такимъ образомъ шесть случайно собранныхъ въ тюрьмѣ представителей этого міра, онъ, очевидно, или сознательно отклоняется отъ типичныхъ чертъ среды и отъ правды въ изображеніи, или не замѣчаетъ этого. Мы не сомнѣваемся, конечно, что вѣрно второе предположеніе. Шесть человѣкъ, которые откуда-то появляются, „какъ огни во мракѣ ночи", „думаютъ какую-то большую, всю жизнь обнимающую думу", и несутъ съ собой освобожденіе жизни отъ „тюрьмы въ людяхъ"

*) Люди, знающіе каторгу, отмѣчаютъ значительныя отклоненія отъ характерныхъ признаковъ въ психологической обрисовкѣ М. Горькимъ своего „убивца" (такова, напр., его словоохотливость о себѣ, какъ убійцѣ).

и „тюрьмы въ жизни“; этихъ шесть человѣкъ онъ не былъ въ состояніи представить себѣ сутуловатыми, со впалыми грудями,—такими, какими онъ ихъ встрѣчалъ и видѣлъ. Это не гармонируетъ съ ихъ огромнымъ значеніемъ въ собственномъ міропониманіи художника, и онъ рисуетъ ихъ такими, какими они представляются ему въ данный моментъ. Нѣтъ нужды, что онъ черезъ нѣсколько строкъ будетъ самъ говорить о „худыхъ“ лицахъ у этихъ „коренастыхъ, крѣпкихъ“ людей, о „маленькомъ тѣлѣ у новаго пришельца въ тюрьму—„Василія Никитича“—тоже рабочаго“... Все равно художникъ снова, когда будетъ представлять ихъ *въ массѣ*, будетъ видѣть ихъ „суровыми, крѣпкими людьми“...

Отсюда то любовное сгущеніе красокъ, которое такъ характерно въ „Тюрьмѣ“.—Естественно, что среди людей, которымъ вѣритъ авторъ, *не можетъ быть* случайныхъ людей въ родѣ Миши Малинина; естественно, что они всѣ шестеро, случайно связанные тюрьмой, должны быть такъ *одинаково* скалисты (если такъ можно выразиться) въ занятомъ имъ положеніи относительно жизни, какими они—*всѣ*—являются по контрасту съ центральнымъ лицомъ въ разсказѣ... Пусть для читателя „Тюрьмы“ эта *массовая* наличность—по самымъ условіямъ жизни—ясно сознающихъ (думающихъ „всю жизнь обнимающую думу“) и фатально непреклонныхъ въ борьбѣ съ нею людей—является недостаточно мотивированной и „историчной“; пусть допустить эту массовую наличность этихъ фатально-непреклонныхъ людей, значитъ существенно упростить жизнь, какъ она есть въ *данный* моментъ, въ интересахъ личнаго символа вѣры самого художника. Повинуясь своимъ собственнымъ художественнымъ образамъ, онъ не можетъ этого не сдѣлать.

Происходитъ то же самое, что было и раньше характерно для его творчества. Тогда онъ изображалъ крѣпкихъ и сильныхъ людей, которыхъ хотѣлъ для жизни. Имъ не хватало нравственной красоты и привлекательности. И художникъ давалъ имъ эту красоту и привлекательность, какъ и теперь не отказалъ въ нихъ убійцѣ Букоемову, спокойно разсказывающему, какъ надо „рѣзать“ людей жирныхъ въ отличіе отъ людей худощавыхъ. Теперь онъ встрѣтилъ, въ качествѣ дѣятельныхъ участниковъ въ жизни, людей, въ которыхъ онъ вѣритъ, какъ въ людей, которые передѣлаютъ ненавистную ему жизнь, опровергающую его формулу, что „человѣкъ—это гордо звучитъ“... Этимъ людямъ не хватаетъ уже не привлекательности, а силы, могучести. И художникъ снова даетъ имъ то, чего имъ не хватаетъ.

Онъ даже объективную исторію пріурочилъ къ этимъ дорогимъ ему людямъ. Въ его изображеніи, надзиратель Корнѣй говоритъ: „Теперь преступниковъ все больше пошло... *Раньше* были одни воры, грабители, убійцы, ну святотатцы... а *теперь* вотъ начались студенты, рабочіе, политическіе, штунда и еще всякіе... Разваль

пошелъ...“ Другими словами, „развалъ“ начался всего нѣсколько лѣтъ. Конечно, Корнѣй не можетъ не помнить, что онъ всѣ 18 лѣтъ, что служитъ въ тюрьмѣ, былъ свидѣтелемъ „развала“, какъ онъ выражается, и всѣ 18 лѣтъ стерегъ не только „воровъ, грабителей, убійцъ и святотатцевъ“. Но поэту-„буревѣстнику“ въ нашей литературѣ нужно, чтобы жизнь рѣзко окрашивали тѣ именно люди, которыхъ онъ любитъ, и, въ угоду ему, его Корнѣй забываетъ то, чего онъ не могъ забыть.

III.

Нѣтъ сомнѣнія, что это не правда. Но это отклоненіе отъ объективности и нарушеніе правильныхъ пропорцій въ общей картинѣ изображаемой художникомъ жизни не создаютъ разлада между читателемъ и художникомъ. Недостаточная безпристрастность писателя, въ своей основѣ и побужденіяхъ, имѣетъ слишкомъ подкупающій характеръ съ точки зрѣнія самого читателя, чтобы сознаніе этой пристрастности могло помѣшать ему реагировать непосредственнымъ чувствомъ въ томъ самомъ направленіи, какого хочетъ авторъ, напр., „Букоемова“... Всѣ его люди, въ которыхъ „сопротивленіе есть“, по существу такъ же близки читателю, какъ и самому художнику, и читатель по-просту не находитъ въ себѣ желанія сопротивляться горячей требовательности въ пользу нихъ автора, какъ не находитъ въ себѣ, напримѣръ, желанія протестовать, когда при немъ—искренно, но больше, чѣмъ справедливо—хвалятъ любимаго имъ человѣка.

Диссонансъ въ настроеніяхъ начинается только тогда, когда художникъ переходитъ къ изображенію людей, въ которыхъ онъ *не вѣритъ*. Если не вѣритъ въ ихъ жизненную цѣнность съ точки зрѣнія исправленія жизни,—значитъ, не любитъ. Не любитъ,—значитъ, относится къ нимъ съ такой же пристрастностью, какъ и къ тѣмъ людямъ, въ которыхъ онъ вѣритъ, но только, конечно, въ противоположную сторону. Если однимъ онъ дастъ въ своей творческой фантазіи все то, чего имъ не хватаетъ, то съ другими онъ поступаетъ по евангельскому правилу—имущему дастся, а отъ неимущаго отнимется. Въ своей бѣглой характеристикѣ Чехова, какъ художника, М. Горькій говоритъ: „Ненавидя все пошлое и грязное, онъ описывалъ мерзости жизни благороднымъ языкомъ поэта, съ мягкой усмѣшкой юмориста, и за прекрасной внѣшностью его разсказовъ *мало замѣтенъ* *) полный горькаго упрека ихъ внутренній смыслъ“ („Нижегородскій сборникъ“). Конечно, самъ М. Горькій этого не допуститъ: не допуститъ, чтобы „мерзости жизни“ были „мало замѣтны“, когда онъ о нихъ го-

*) Курсивъ нашъ.

воритъ,—въ силу „прекрасной внѣшности его разсказовъ". У него „прекрасная внѣшность" не должна этому мѣшать.

Само собой разумѣется, что въ художественной характеристикѣ этихъ людей не будетъ мѣста смягченнымъ контурамъ и полутонамъ. Художникъ допуститъ большее. Если людямъ, которые ему дороги, онъ дастъ всю ту привлекательность, какую можетъ,—сообщитъ имъ тѣ красочные признаки, которые для нихъ не могутъ быть характерными и типичными, то отъ людей, не владѣющихъ ни его вѣрой, ни его симпатіями, онъ—съ той же страстностью и искренностью въ тонѣ—не только отниметъ все смягчающее, что у нихъ можетъ существовать въ дѣйствительности, но и придастъ имъ такія отрицательныя черты, подсказанныя враждебнымъ чувствомъ, которыя тоже совсѣмъ не характерны—ни для нихъ самихъ, ни для той среды, къ которой они принадлежатъ. Естественно, что въ этомъ случаѣ несправедливость писателя не будетъ уже имѣть того мягкаго колорита, какъ его „несправедливость" по отношенію къ людямъ, обиженнымъ жизнью.

Въ этомъ отношеніи очень интересенъ и характеренъ „Разсказъ Филиппа Васильевича".

Мы уже имѣли случай говорить объ отношеніи къ интеллигенціи автора „Разсказа". Мы отмѣчали по поводу „Дачниковъ", что, на нашъ взглядъ, авторъ недостаточно рѣзко очертилъ героевъ своей пьесы: кто они: „дачники" среди „интеллигенціи", или „интеллигенія—дачники". Пытаясь при этомъ установить болѣе или менѣе точную формулу для критерія, съ которымъ авторъ „Дачниковъ" подходитъ къ людямъ, мы предположительно выразили ее двустишіемъ изъ „Бранда" Ибсена:

Простится то тебѣ, чего не сможешь,
Чего жъ не захотѣлъ ты,—никогда...

По любопытной случайности авторъ „Дачниковъ" какъ разъ въ этихъ самыхъ словахъ самъ формулировалъ свое жизненное мѣрило къ людямъ въ „Тюрьмѣ", заставляя своего героя—*единственнаго* *) представителя интеллигенціи—задать себѣ вопросъ:

*) Это обстоятельство позволило автору оставить вопросъ объ общемъ его отношеніи къ интеллигенціи—въ томъ же не опредѣленномъ положеніи, что и въ „Дачникахъ"... Художникъ, предпочитающій во всемъ рѣзкую отчетливость, въ этомъ пунктѣ по прежнему предпочелъ недостатокъ опредѣленности; кто его Миша Малининъ: просто „Миша Малининъ", представитель нормальнаго „сопротивленія" среди рядовой интеллигенціи, или даже представитель сопротивленія „одного изъ ста", какъ выдѣляетъ себя Миша послѣ его красивой рѣчи? Читатель воленъ истолковывать какъ ему угодно эту неопредѣленность. При желаніи онъ можетъ принять „къ свѣдѣнію и руководству" то раздѣленіе, которое сдѣлалъ авторъ „Дачниковъ" устами инженера Суслова („Я обыватель—и больше ничего-съ! Вотъ мой планъ жизни"), противоставляющаго себя „идейнымъ людямъ", которые, по его раздраженному опредѣленію, дѣлаютъ „что-то таинственное... можетъ быть, великое, историческое"... При желаніи же читатель можетъ и не принимать этого ни къ

„хочетъ" ли онъ по-настоящему реформированія жизни, вмѣсто вопроса, который онъ себѣ раньше задалъ: „можетъ" ли онъ это сдѣлать... Съ этой точки зрѣнія относительно дѣйствующихъ лицъ въ „Разсказѣ Филиппа Васильевича" не можетъ быть никакихъ сомнѣній: они—*не* „хотятъ", и нужно думать—имъ даже никогда не приходило въ голову, существуетъ ли какая-нибудь разница между словами: „не могу" и „не хочу". Что всѣ они—рафинированные „дачники", это не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ же, какъ и то враждебное отношеніе, которымъ они пользуются со стороны автора. Въ его изображеніи они не только не враги той жестокости въ жизни, которая способна создавать Букоемовыхъ и противъ которой жалостно протестуетъ—или молится—Офицеровъ; они сами въ состояніи совершить и совершаютъ: совершаютъ жестокость такъ себѣ, зря, не чувствуя даже, что именно они дѣлаютъ... Какъ мы видѣли, правдивому юношѣ, изображенному авторомъ въ „Тюрьмѣ", кажется, что „всѣ поступки людей точно пропитаны *непонятнымъ*, безсмысленнымъ чувствомъ озлобленія другъ противъ друга и противнымъ желаніемъ истязать, *издѣваться*, мучить. То открытое и грубое, то—*глубоко-спрятанное внутри человѣка*—тонкое, хищное или тупое и тяжелое—это темное чувство окрашиваетъ всю жизнь въ угрюмый тонъ осеннихъ сумерекъ, полныхъ тоски и гнетущаго холода"... И это оказывается вѣрнымъ относительно персонажей въ „Разсказѣ".

Естественно, что эта тема требовала большой осторожности и тонкости въ выполненіи со стороны художника: дать то, что слишкомъ рѣзко,—повинуясь своей творческой потребности видѣть все въ рѣзкихъ краскахъ,—въ этомъ случаѣ значитъ обезцѣнить свое творчество, значитъ перейти границу художественной правды и психологической истины. Къ сожалѣнію, это и имѣетъ мѣсто въ „Разсказѣ Филиппа Васильевича".

Центральное лицо въ „Разсказѣ"—юноша крестьянинъ, самоучка и поэтъ-дичокъ, по прихоти случая добравшійся до 4-го класса гимназіи и—по прихоти другого случая—попавшій въ дворники къ отставному профессору, затравленъ людьми, которые внѣшней „видимостью" своей жизни способны обмануть наблюдателя: „Думаю, что много хорошаго получу я въ этомъ домѣ", говоритъ о нихъ злополучный юноша, хорошо знакомый съ

свѣдѣнію, ни къ руководству, считая все сказанное словами самого Суслова, которыми онъ только подчеркиваетъ свое желаніе „быть обывателемъ" и „наплевать" на всѣ „розсказни... призывы .. идеи", такъ какъ въ сущности вся разница между представителями той и другой интеллигенціи въ томъ, что одни просто „не хотятъ", а другіе „не хотятъ" съ приложеніемъ душевной муки,—въ родѣ Миши Малинина... Художникъ по прежнему избѣгаетъ рѣзкой опредѣленности въ *этихъ* образахъ, вопреки общимъ признакамъ въ его творчествѣ.

изнанкой жизни и тѣмъ не менѣе по-дѣтски повѣрившій въ нравственную красоту людей, въ жизни которыхъ „все было просто, весело и пріятно"... На самомъ же дѣлѣ они жестокіе, равнодушные люди, которымъ нѣтъ ровно никакого дѣла ни до чего: ни до какой живой нужды и ни до какого живого страданія. Даже тогда, когда оно вотъ тутъ у нихъ на глазахъ. Таковъ и этотъ отставной профессоръ, который „скромно жилъ на покоѣ, занятый изслѣдованіями о какомъ-то паразитѣ пшеницы", и котораго разсказчикъ—„Филиппъ Васильевичъ"—рекомендуетъ, какъ „очень милаго старика". Такова и его дочь, тоже „милая", изящная дѣвушка, въ первую минуту собиравшаяся помочь юношѣ подготовиться и стать народнымъ учителемъ.

Благожелательный разсказчикъ характеризуетъ эту дѣвушку, находившую вкусъ въ чтеніи „изящной литературы", и рисуетъ—по правилу: скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу тебѣ, кто ты—привычную для нея среду въ слѣдующихъ словахъ (въ тонѣ нѣсколько приторной идилліи): она всегда была одѣта въ „бѣлыя платья, которыя шли къ ней, какъ къ березкѣ ея бѣлая кора... всегда была окружена подругами, такими же изящными, какъ и сама она, у нея часто бывали студенты, *благовоспитанные* юноши, *увлекавшіеся искусствомъ*... Каждый вечеръ было шумно и весело, играли, спорили, читали стихи, танцовали, а старый профессоръ сидѣлъ гдѣ-нибудь въ углу и, поглаживая сѣдую бороду, усмѣхался веселью молодежи". „Все было просто, весело и пріятно", заканчиваетъ онъ уже цитированными словами и затѣмъ—разсказываетъ обо *всѣхъ* этихъ близкихъ ему людяхъ то, что совсѣмъ „не просто", „не весело" и „не пріятно"... Человѣкъ, который взялъ на себя обязянность мести чужой дворъ, имѣлъ несчастье полюбить дѣвушку, къ которой бѣлыя платья шли, какъ къ бѣлой березѣ ея кора. Когда это стало извѣстнымъ Лидіи Алексѣевнѣ (дочери профессора), она сначала оскорбляется этимъ обстоятельствомъ, но затѣмъ это начинаетъ ее забавлять (разсказчикъ раньше говорилъ о ней, какъ о „веселой, балованной и безпечной"), тѣмъ больше, что влюбленный дворникъ оказывается въ то же время и влюбленнымъ поэтомъ. „Черезъ два—три дня уже всѣ—какимъ образомъ, разсказчикъ не поясняетъ—въ домѣ знали, что дворникъ влюбленъ въ барышню. Происходили,—какъ я потомъ узналъ,—веселыя и, надо правду сказать, злыя сценки". Въ дѣйствительности, въ изображеніи автора „Разсказа", происходили не „веселыя и злыя сценки", а сцены невѣроятнаго и возмутительнаго надругательства надъ человѣкомъ, которыхъ злополучный юноша не выдержалъ и застрѣлился... Передъ смертью онъ уничтожилъ всѣ свои стихи, и разсказчикъ нашелъ только нѣсколько строкъ, случайно уцѣлѣвшихъ на забытомъ клочкѣ бумаги:

„Медленно и долго поднимался я съ низу жизни къ вамъ,

на вершину ея, и на все въ пути моемъ я смотрѣлъ жадными глазами соглядатая, идущаго въ землю обѣтованную".

Естественно, что всѣ симпатіи читателя на сторонѣ этого неудачника, искавшаго „земли обѣтованной" и нашедшаго только фактическія подробности „Разсказа Филиппа Васильевича". И тѣмъ не менѣе... И тѣмъ не менѣе читатель не идетъ за авторомъ: „Разсказъ" производитъ тяжелое и невыгодное впечатлѣніе своей жесткой, враждебной преувеличенностью въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ и положеній, тѣмъ отклоненіемъ отъ художественной правды, которое не оправдывается само собою и котораго непосредственное чувство не можетъ простить даже тогда, когда оно направлено противъ людей, съ которыми читатель не чувствуетъ себя связаннымъ ни единствомъ настроенія, ни общностью въ укладѣ жизни.

Пусть—въ „Разсказѣ"—дѣйствіе происходитъ въ такихъ исключительныхъ житейскихъ условіяхъ, при которыхъ дворникъ Платонъ изъ 4-го класса гимназіи—психологическая возможность. Допустимъ, что въ домѣ профессора онъ не рисковалъ, напримѣръ, оказаться, въ такъ называемомъ, „распоряженіи полиціи", и потому юноша, который не снялъ шляпы передъ разсказчикомъ даже тогда, когда на улицѣ—не выдержавъ муки голода—обратился къ разсказчику съ просьбой о помощи,—*могъ* не только взять на себя роль дворника, но и могъ думать, что въ этой роли онъ „получитъ много хорошаго" въ домѣ профессора... Примемъ, что этотъ основной фактъ въ разсказѣ не заключаетъ въ себѣ никакихъ внутреннихъ противорѣчій. Можно ли то же самое сказать о всѣхъ остальныхъ обстоятельствахъ разсказа? Напримѣръ: интеллигентная дѣвушка зоветъ влюбленнаго въ нее человѣка—неизвѣстно, впрочемъ, кого: своего дворника или человѣка, котораго она собиралась наладить въ народные учителя—и между ними происходитъ слѣдующій діалогъ:

— „Платонъ!—звала Лидочка.

Онъ являлся.

— Вы любите меня?—*ласково* спрашивала она.

— Да!—твердо говорилъ дворникъ.

— Очень?

— Да,—повторялъ онъ.

— И если бы я попросила васъ о чемъ-нибудь,—*мечтательно* разсматривая его скуластое лицо, *таинственно* и тихо говорила Лидочка,—вѣдь вы все сдѣлаете для меня, Платонъ?

— Все!—съ непоколебимой увѣренностью отвѣчалъ дворникъ.

— Ну, если такъ,—*восторженно* улыбаясь, продолжала она,—если такъ, дорогой мой Платонъ...

Лицо ея становилось *печальнымъ* и, глубоко вздыхая, она заканчивала:

— Поставьте самоваръ.

нечно (въ соотвѣтствіи со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ разсказа), что „Лидочка“ уже послѣ того, какъ застрѣлился Платонъ, говоритъ, что она только „шутила“ и что „если бы“ она знала, что „онъ такъ... серьезно“... она бы „не позволяла себѣ шутить“. Но совсѣмъ не понятно, что изъ всѣхъ „изящныхъ, какъ и сама она“, дѣвушекъ, изъ всѣхъ студентовъ и „благовоспитанныхъ юношей“, которые собирались у профессора, никто никогда не запротестовалъ противъ безсмысленнаго издѣвательства надъ даровитымъ и симпатичнымъ человѣкомъ, какъ бы онъ ни былъ комиченъ въ роли влюбленнаго дворника, навязанной ему враждебнымъ авторомъ „Дачниковъ“... Еще болѣе страненъ спокойно благожелательный тонъ самого разсказчика. Само собой разумѣется, что художественная задача—принять на себя личину совершенно *иного* человѣка и въ тонѣ этого чуждаго своему внутреннему „я“ провести весь разсказъ о событіяхъ, глубоко волнующихъ писателя,—для такого субъективнаго писателя, какъ авторъ „Разсказа“, было дѣломъ рискованнымъ. Скрыть самого себя отъ глазъ читателя ему такъ же легко, какъ легко „утаить шило въ мѣшкѣ“. Онъ его, конечно, и не „утаилъ“, передъ читателями все время не Филиппъ Васильевичъ, а ѣдкій авторъ „Дачниковъ“, притворившійся благожелательнымъ и всепрощающимъ Филиппомъ Васильевичемъ, который подчеркиваетъ своей терпимостью то, что какъ разъ и нужно: равнодушіе „дачниковъ“ ко всякому живому горю, даже тогда, когда оно вотъ тутъ—у нихъ на глазахъ... И это обстоятельство не меньше, если не больше, нарушаетъ чувство художественной правды въ „Разсказѣ“, чѣмъ застѣнчивое любезтельство со стороны самой героини. Въ изображеніи автора, Филиппъ Васильевичъ *только* не „одобряетъ“ поведенія Лидочки, *только* находитъ, что „она обращалась съ юношей неосторожно и незаслуженно зло“. Даже тогда, когда „Лидочка“ говоритъ Филиппу Васильевичу объ умирающемъ Платонѣ: „Говорятъ, онъ еще живъ... поѣзжайте къ нему!.. Я не могу... я потомъ... Папа такъ разстроенъ и *всѣмъ его жалко*... вѣдь онъ былъ такой оригинальный“—онъ находитъ возможнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе:

„*Дитя*! Она и тутъ говорила о немъ, какъ о сломанной игрушкѣ“, и по дорогѣ въ больницу „печально“ думаетъ о Платонѣ: „Онъ мнѣ казался такимъ крѣпкимъ, твердымъ—и вотъ, при первомъ же столкновеніи (?) съ жизнью, онъ опрокинутъ и разбитъ. И этой неустойчивости, вполнѣ понятной у культурнаго человѣка, живущаго нервной жизнью, я не понималъ въ Платонѣ“.

Намъ остается повторить прежній вопросъ: неужели же во всемъ этомъ есть чувство художественной мѣры и художественная правда? И не сдѣлалъ ли художникъ крупной ошибки, слишкомъ подчинившись своему враждебному настроенію къ „дачни-

камъ“ и желанію, чтобы въ его изображеніи „мерзости жизни“ не были „мало замѣтны“ „за прекрасной внѣшностью его разсказовъ?“ Вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что именно у Чехова, не смотря на его мягкость, „Разсказъ Филиппа Васильевича“ получилъ бы гораздо болѣе тяжелое впечатлѣніе. Онъ оставилъ бы своихъ персонажей простыми, „милыми“ людьми, и всетаки это не помѣшало бы Платону застрѣлиться, какъ не помѣшало больному Фирсу въ „Вишневомъ саду“—остаться одному, запертымъ въ покинутомъ домѣ. Получился бы... во всякомъ случаѣ не получился бы „разсказъ Филиппа Васильевича“ о людяхъ, которыхъ бичуетъ авторъ „Дачниковъ“, и которому (разсказу) не въ состояніи отвѣтить консонансомъ въ настроеніи читатель.

IV.

Впрочемъ, диссонансъ между настроеніемъ художника и настроеніемъ читателя продолжался не долго. „Разсказъ Филиппа Васильевича“ былъ напечатанъ въ V-ой книжкѣ „Сборника“, а въ VI-ой книжкѣ былъ напечатанъ „Букоемовъ“, въ которомъ читатель снова находится подъ обаяніемъ привлекательнѣйшихъ сторонъ творческой „несправедливости“ поэта-„буревѣстника“, съ его горячимъ чувствомъ вражды къ несправедливости и къ нелѣпости жизни, которая „окутана густой, мутно-желтой тучей болѣзненно напряженной жестокости“ и въ которой „это темное чувство окрашиваетъ всю жизнь въ угрюмый тонъ осеннихъ сумерекъ, полныхъ тоски и гнетущаго холода“.

А. Е. Рѣдько.

Очерки заводской жизни.

I.

За послѣднее время русскій рабочій настойчиво напоминаетъ обществу о своемъ существованіи. Глухое броженіе, происходящее въ мастерской, все чаще и чаще вырывается наружу въ видѣ безпорядковъ, забастовокъ, уличныхъ демонстрацій, и, не смотря на всѣ репрессивныя мѣры, которыми подавляются подобные безпорядки, волненія мастерской не утихаютъ. Что служитъ причиной ихъ? Этотъ вопросъ занимаетъ многихъ, но жизнь рабочихъ такъ замкнута и такъ ревниво оберегается заинтересованными людьми отъ постороннихъ глазъ, что рѣшить его бываетъ не легко.

Въ свою очередь тѣ требованія, какія выставляются рабочими во время массовыхъ движеній, сами по себѣ часто не даютъ еще полнаго понятія о желаніяхъ и стремленіяхъ большинства рабочихъ, взятыхъ порознь. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, тотъ, кто захотѣлъ бы заняться изученіемъ современнаго быта русскихъ рабочихъ, встрѣтитъ на своемъ пути массу разнообразныхъ препятствій.

Съ своей стороны я не претендую дать въ предлагаемыхъ „очеркахъ" сколько-нибудь подробное изслѣдованіе этого быта, не претендую уже потому, что, кромѣ личнаго опыта и наблюденій, у меня нѣтъ никакого матеріала. Моя задача гораздо скромнѣе. Она вся сводится къ тому, чтобы хоть немного познакомить читателя съ мастерской и освѣтить передъ нимъ тѣ вопросы, съ которыми чаще всего приходится сталкиваться русскому заводскому рабочему.

Въ своихъ „Заводскихъ Будняхъ" *) я какъ то писалъ уже, что слово „рабочій" въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается нашей интеллигенціей, въ рабочей средѣ употребляется не очень часто, да и то только въ послѣднее время. Прежде это слово примѣнялось исключительно къ чернорабочимъ, т. е. рабочимъ, не обладающимъ какими-либо спеціальными познаніями, а располагающимъ только простой мускульной силой. Тѣ же рабочіе, которые находятся въ заводахъ съ дѣтскаго возраста и спеціализировались на какой-нибудь работѣ или станкѣ, называли себя „мастеровыми". Эти двѣ группы такъ рѣзко отличаются одна отъ другой, что смѣшивать ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя. Заработокъ чернорабочаго несравненно ниже заработка мастерового, слѣдовательно, и условія жизни перваго гораздо хуже, чѣмъ у второго. Въ то время, какъ мастеровой по большей части совершенно разрываетъ всякую связь съ деревней и окончательно поступаетъ въ ряды „арміи промышленности", чернорабочій всячески поддерживаетъ эту связь, высылая время отъ времени болѣе или менѣе крупныя суммы денегъ для поддержанія хозяйства, оставленнаго въ деревнѣ. Нерѣдко, проработавъ зиму, чернорабочій на лѣто отправляется въ деревню.

Въ заводской жизни эта группа рабочихъ не имѣетъ почти никакого значенія. Она не можетъ вліять на внутренній міръ мастерской и пассивно подчиняется общему хору мастеровыхъ. Поденная работа при низкомъ жалованьи, къ тому же выдаваемомъ ежедневно, не связываетъ чернорабочаго сколько-нибудь крѣпкими узами съ заводомъ и позволяетъ во всякую минуту оставить данный заводъ и искать работы въ другомъ мѣстѣ. Трудъ чернорабочихъ требуется почти во всѣхъ мастерскихъ, но главнымъ образомъ чернорабочіе составляютъ такъ называемую „дворовую

*) „Рус. Бог." августъ—сентябрь, 1903 г.

команду“ или „придворныхъ“, какъ въ шутку называютъ ихъ мастеровые. Поденная плата такого рабочаго 60—70 коп. и выдается она ежедневно вечеромъ. Такой порядокъ выдачи жалованья крайне неудобенъ для рабочаго. Получая свое жалованье копѣйками, онъ лишенъ возможности имѣть когда-нибудь въ рукахъ болѣе или менѣе крупную сумму денегъ, необходимую для покупки платья или обуви. Правда, сберегательная касса принимаетъ и мелкіе вклады, но занятія въ ней не всегда приспособлены къ свободному времени рабочаго, а, если даже этого условія и нѣтъ на лицо, рабочему часто не хочется терять въ кассѣ время, необходимое ему для отдыха. Главное же—не пріучены мы пользоваться такими учрежденіями.

Попавъ изъ деревни въ городъ и обжившись на какомъ-нибудь заводѣ, чернорабочій почти всегда чувствуетъ себя въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи. Прежде всего передъ нимъ встаетъ вопросъ, какъ ему относиться къ деревнѣ. Конечно, до тѣхъ поръ, пока тамъ находится его жена, порывать всѣ связи съ деревней для него невозможно, но даже и въ томъ случаѣ, если ему удалось перевести жену къ себѣ, его положеніе еще не выясняется окончательно. Сознаніе, что онъ не „мастеровой“ и что каждую минуту его могутъ уволить за недостаткомъ работы, тогда какъ для чернорабочаго найти мѣсто гораздо труднѣе, чѣмъ для мастерового—это сознаніе подсказываетъ ему, что деревню не надо бросать, что въ случаѣ нужды тамъ и для него найдется корка хлѣба, благодаря которой онъ какъ-нибудь да проживетъ до весны, когда на всѣхъ заводахъ чувствуется оживленіе.

Проживетъ до весны...

Но вѣдь весною-то, казалось бы, его трудъ нуженъ и въ деревнѣ? Только съ весны начинаются всѣ полевыя работы... Значитъ, если на весну его отпускаютъ на заработки, то уже въ этомъ самомъ сказываются та бѣдность и тотъ недостатокъ земли, благодаря которымъ онъ въ деревнѣ лишній. И, значитъ, каждый рубль, присланный имъ изъ города, для деревни гораздо важнѣе, чѣмъ его личная помощь въ деревенскомъ трудѣ. Но какъ скопить этотъ рубль при 70 коп. въ день? Посылать его нужно, но откуда его взять?

На это существуетъ одинъ отвѣтъ: экономить, „натягивать“ на пищѣ, квартирѣ и одеждѣ.

Какъ-то разъ мнѣ случилось пойти въ гости къ одному чернорабочему. Жилъ онъ въ артельной квартирѣ, въ которой, кромѣ него, помѣщалось еще 17 человѣкъ. Квартира эта представляла изъ себя большую, сильно закопченную комнату, съ двумя окнами. Когда-то она была оклеена обоями, но отъ времени обои порвались и обнажили досчатыя стѣны. По стѣнамъ ползали полчища тараканов. Я не утерпѣлъ и спросилъ своего пріятеля:

— Братъ ты мой, да что-жъ у васъ таракановъ-то такъ много?

Присутствовавшіе,—ихъ было человѣкъ 12,—засмѣялись и одинъ изъ нихъ отвѣтилъ:

— Тараканъ — это ничего, онъ безвредный, вотъ ежели клопъ, тотъ кусаетъ, а тараканъ такъ себѣ, въ родѣ какъ для хозяйства.

— А нешто и клопы есть?—спросилъ я.

— Сколько хочешь! — отвѣтилъ мой знакомый.—Извѣстно, меньше, чѣмъ таракановъ, ну, да на нашего брата вполнѣ довольно. Какой хочешь скотины можно найти..

Вокругъ стѣнъ шли деревянныя нары, вѣроятно, главное убѣжище клоповъ. Посрединѣ комнаты стояли длинный столъ на козлахъ и двѣ такія же длинныя скамьи. Въ простѣнкѣ между окнами висѣла маленькая керосиновая лампочка, а пониже—лубочная картинка съ изображеніемъ царской семьи. Въ углу висѣлъ почернѣвшій отъ времени образъ. Рядомъ съ комнатой — кухня, служащая въ то же время и прихожей. Въ углу кровать кухарки. Вотъ и вся обстановка квартиры, гдѣ помѣщаются 18 человѣкъ. Я сѣлъ на скамейкѣ у стола и сталъ разговаривать. Въ то время меня больше всего интересовалъ вопросъ о деревнѣ, и потому я сейчасъ же свелъ бесѣду на эту тему. Оказалось, что изъ 18 человѣкъ женатыхъ было 11, но у всѣхъ ихъ жены жили въ деревнѣ. Только къ одному недавно пріѣхала жена, не видѣвшая своего мужа цѣлыхъ четыре года... Былъ среди нихъ одинъ, который безъ жены жилъ уже пять лѣтъ.

— Почему же вы сюда женъ не выпишите?

— Да какъ ты выпишешь? сегодня здѣсь, а завтра, Господь его знаетъ, куда попадешь! Вотъ и живемъ каждый самъ по себѣ...

Количество денегъ, высылавшихся въ деревню каждымъ членомъ этой артели, не превышало 3—5 руб. въ мѣсяцъ. Если принять во вниманіе, что при 70-копѣечной получкѣ въ день мѣсячное жалованье будетъ не больше 16 — 17 руб. *при постоянной работѣ*, то эту сумму никакъ нельзя назвать незначительной. Если же выписать жену, то нужно выписать также и дѣтей, и, значитъ, жить уже не въ артели, а снимать отдѣльную комнату, что обойдется отъ 6 до 8 рублей. Кромѣ того, расходы на пищу, одежду и обувь не только удвоятся, но даже учетверятся, и, понятно, 16 рублей будетъ совершенно недостаточно. Высылку денегъ придется прекратить и вмѣстѣ съ тѣмъ разъ навсегда лишиться надежды переждать время безработицы въ деревнѣ.

Подтвержденіе этого заключенія я встрѣчалъ и послѣ, разговаривая съ тѣми чернорабочими, которые жили въ городѣ вмѣстѣ съ семьей. Они, дѣйствительно, порвали уже всякую связь съ деревней и всецѣло полагались на волю рока.

При артельной жизни одинъ изъ членовъ артели занимаетъ должность старосты. Обязанности его сводятся главнымъ образомъ къ тому, чтобы закупать провизію для всей артели и расплачиваться съ кухаркой и домохозяиномъ. Нѣкоторые изъ рабочихъ даютъ ему также деньги на сохраненіе, а потому на эту должность обыкновенно избирается человѣкъ, хорошо извѣстный артели и стоящій внѣ всякихъ подозрѣній. Если по дѣламъ артели ему приходится потерять день или—что бываетъ чаще—полдня, то артель уплачиваетъ ему за это время въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ платитъ ему заводъ, гдѣ онъ работаетъ. Должность эта вообще считается выгодной, главнымъ образомъ потому, что торговцы, у которыхъ староста закупаетъ провизію, дѣлаютъ ему нѣкоторую уступку, а въ счетѣ оставляются обыкновенныя цѣны.

Въ общемъ жизнь въ артели для каждаго рабочаго обходится около 8 руб. 25 коп. въ мѣсяцъ, включая сюда квартиру, столъ, жалованье кухарки (въ данномъ случаѣ кухаркой была жена старосты) и уплату за прогульное время старостѣ.

Чаю не полагается, а кто хочетъ его имѣть, можетъ пріобрѣтать на свои средства. Утромъ каждый рабочій, идя на работу, запасается кускомъ чернаго хлѣба приблизительно фунта въ $1^1/_2$. Это будетъ для него „завтракъ“, а вмѣсто чаю чаще всего служитъ вода изъ-подъ крана. Обѣдъ состоитъ изъ щей съ кислой капустой, съ небольшимъ кускомъ мяса и пшенной каши. Мясо, впрочемъ, рѣдко подается въ видѣ куска, чаще всего его рѣжутъ на мелкіе кусочки и высыпаютъ въ чашку со щами *). По праздникамъ готовится „супъ“ и вмѣсто пшеной каши гречневая. Обыкновенно и въ будни, и въ праздникъ каша съѣдается вся за обѣдомъ, и на ужинъ остаются только одни пустыя щи (безъ мяса), да черный хлѣбъ.

И такъ изо дня въ день.

Артель, въ которой мнѣ пришлось побывать, состояла изъ крестьянъ двухъ смежныхъ деревень Новгородской губерніи, такъ что всѣ члены артели доводились другъ другу земляками. Потому ли, что одно и то же мѣсто родины сближаетъ людей, или по чему другому, но эта артель жила удивительно дружно. Ссоръ и дракъ въ ней почти не было, а если и случалось, что кто-либо, выпивъ лишнее, забуянитъ, то товарищи сейчасъ же сваливали буяна на нары и, связавши кушаками руки и ноги, оставляли въ такомъ видѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не проспится.

*) Кстати—знаетъ-ли читатель, какое лакомство для русскаго мужика и рабочаго представляетъ собою мясо? По его мнѣнію, если мяса даютъ въ волю, такъ это что-то выходящее изъ ряда вонъ, признакъ высшаго благосостоянія. Мнѣ живо вспоминается одинъ кочегаръ, который долго не могъ забыть своей командировки, гдѣ мяса давали — „сколько хочешь“. „Такъ я его, — говорилъ онъ:—прямо безъ хлѣба ѣлъ. Да нарочно, выберешь-то какъ ни можно жирнѣй. Чтобъ ажъ по бородѣ сало текло...“

Землячество связывало ихъ въ одну семью, и въ жертву ему нѣкоторые члены артели приносили очень многое. Такъ, одному изъ нихъ приходилось ежедневно вставать въ 3 часа ночи и изъ-за Нарвской заставы идти за Невскую, что, по приблизительному разсчету, составитъ 10—12 верстъ въ день туда и обратно. Другой работалъ на Выборгской сторонѣ и тоже ежедневно совершалъ приблизительно такое же путешествіе.

— Почему же вы возлѣ заводовъ не найдете квартиры?

— Да намъ и здѣсь хорошо.

— А ходить далеко.

— Ничего, мы привычные.

Да, подумалъ я, безъ привычки тутъ никакъ не обойдешься.

Попадая изъ „дворовой команды“ въ цехъ, рабочій чувствуетъ себя уже несравненно крѣпче связаннымъ съ заводомъ. Жалованье выдается ему теперь не ежедневно, а два раза въ мѣсяцъ, а металлическій номеръ, получаемый имъ при этомъ, служитъ какъ бы нагляднымъ свидѣтельствомъ того, что онъ наравнѣ съ мастеровыми составляетъ пронумерованный винтикъ громадной машины, именуемой „заводомъ“.

Бываетъ иногда и такъ, что, попавъ въ мастерскую, чернорабочій успѣваетъ чѣмъ-нибудь обратить на себя вниманіе мастера и получить какую-нибудь однообразную, но „задѣльно“ или поштучно оплачиваемую работу. Въ такомъ случаѣ заработокъ его значительно повышается, и самъ онъ становится почти на положеніе мастерового, хотя и держится отъ настоящихъ мастеровыхъ нѣсколько вдалекѣ, такъ какъ для нихъ онъ часто является нежелательнымъ конкуррентомъ и потому не пользуется особенной ихъ симпатіей.

Сдѣлавшись чѣмъ-то въ родѣ мастерового, зарабатывая рублей 30—35 въ мѣсяцъ, рабочій не такъ ужъ охотно посылаетъ деньги на родину, и мнѣ часто приходилось слышать о неудовольствіяхъ между родителями, живущими въ деревнѣ, и дѣтьми, работающими на заводахъ. Нерѣдко дѣло доходитъ и до суда изъ-за того, что сынъ не хочетъ посылать отцу денегъ, а отецъ не выдаетъ сыну паспорта.

Наконецъ, среди мастеровыхъ большинство, вѣроятно, держится того мнѣнія, что деревня для нихъ одна лишь помѣха. Лично я, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ слышалъ отъ мастеровыхъ именно такое мнѣніе. Исключеніе составляли только тѣ, которые имѣли въ деревнѣ много земли и хорошее хозяйство и не были связаны необходимостью высылать роднымъ деньги, да сыновья деревенскихъ ремесленниковъ и купцовъ, живущихъ болѣе или менѣе безбѣдно. За исключеніемъ

такихъ рабочихъ, всѣ другіе говорили, что отъ деревни имъ нѣтъ никакой выгоды, а только одни убытки.

Есть не мало и такихъ мастеровыхъ, которые никогда не видѣли сохи, не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ засѣвается хлѣбъ, и уже лѣтъ 25—30 живутъ въ городахъ при заводахъ. Для нихъ вся связь съ деревней сводится къ выпискѣ паспорта и—нерѣдко—къ уплатѣ налога за землю, якобы числящуюся за ними, но находящуюся въ пользованіи другихъ лицъ.

Разговорившись недавно съ однимъ изъ такихъ рабочихъ, я услыхалъ отъ него совершенно неожиданный для меня отзывъ о рабочихъ, хранящихъ связь съ деревней.

— Много намъ,—рѣшительно заявилъ мой собесѣдникъ,—эти деревенскіе напортили въ нынѣшнюю забастовку.

— Напримѣръ?

— Да вотъ все кричали: бастовать, бастовать. Ну, мы и бастовали, пока не закрыли завода

— А потомъ?

— Потомъ они взяли, да и уѣхали въ деревню, а мы-то и остались на бобахъ. Хозяинъ съ квартиры гонитъ, а тутъ ѣсть нечего и денегъ нѣтъ...

— Ну, такъ что же изъ этого слѣдуетъ?

— А то, что мѣшаютъ они рабочему дѣлу. Для нихъ потребность въ союзахъ не сказывается въ такой степени, какъ для насъ. Имъ что? Видятъ, что дѣло плохо—сейчасъ въ деревню, а вы, братики, какъ хотите, такъ и отдувайтесь. Потому и союзовъ-то намъ не даютъ, что не всѣ ихъ требуютъ.

Приглядываясь къ тѣмъ рабочимъ, которые еще не порвали связи съ деревней, я замѣчалъ, что они иногда отправляютъ туда на лѣто свою семью, а въ годъ или въ два года разъ ѣздятъ и сами. Случалось, я указывалъ такимъ рабочимъ, что за время пребыванія ихъ семьи въ деревнѣ у нихъ должны получаться сбереженія, благодаря сокращенію расходовъ на харчи и квартиру.

Но мои доводы сейчасъ же разбивались въ дребезги. Мнѣ возражали, что при отъѣздѣ семьи расходъ не только не уменьшается, но даже увеличивается. Квартира, не смотря на отъѣздъ жены, остается по прежнему занятой („мебель—куда я дѣну?"), а кромѣ того является еще расходъ на проѣздъ. Затѣмъ при поѣздкѣ въ деревню нужна хорошая одежда, „потому—всякій скажетъ: въ городѣ живетъ, а самъ хуже нашаго ходитъ. Здѣсь-то я какъ-нибудь перебьюсь, а ужъ въ деревнѣ надо себя показать". Наконецъ, нужно везти всѣмъ гостинцы: „матери на платье, невѣсткамъ на кофты, тещѣ платокъ, дѣтишкамъ на сапоженки. А потомъ, ужъ разъ ты пріѣхалъ изъ города, то всякій норовитъ съ тебя выпить и вообще сорвать на могарычъ, потому что ужъ знаютъ, что безъ денегъ въ деревню никто не поѣдетъ".

А въ глазахъ ея *сверкала веселая улыбка.*

Онъ шелъ, низко опустивъ голову, и ставилъ самоваръ, а скулы у него становились все острѣе и глаза все глубже уходили подъ лобъ.

Иногда Лидочка, разспросивъ Платона о силѣ его любви, заставляла его вымыть ея грязныя калоши, или посылала его съ запиской къ подругѣ, и ко всему, о чемъ она его просила, она *всегда* примѣшивала его любовь, *всегда* говорила съ нимъ отъ имени его любви"...

Даже „недурные"—по оцѣнкѣ Филиппа Васильевича—стихи—съ признаніями Платона въ любви къ ней—„изящная" дѣвушка заставляла его читать для посмѣшища, „когда собирались гости".

— „Вѣдь, недурно, не правда ли? Иногда печатаются стихи *хуже этихъ.* Эти неловки, но искренны... мнѣ извѣстно, что поэтъ дѣйствительно влюбленъ и—безнадежно!.. На пути къ его счастью стоятъ сословные предразсудки и холодное сердце той, которую онъ воспѣваетъ."

„Шутили надъ юношей,—прибавляетъ разсказчикъ,—всѣ". Шутилъ и освѣдомленный о любви дворника старикъ-профессоръ. „Старикъ профессоръ былъ очень добрый человѣкъ,—передаетъ подробности разсказчикъ,—онъ любилъ *любовью мудреца всѣхъ насѣкомыхъ,* но и онъ находилъ удовольствіе въ *шуткахъ* (?) надъ юношей.

— Послушайте, поэтъ!—говорилъ онъ.—Убѣдительно прошу васъ, не наваливайте вы такъ много навоза на грядки для спаржи!.. Я, впрочемъ, не сержусь, я понимаю ваше положеніе.. хе-хе! Васъ влечетъ въ Аркадію..."

Шутила и прислуга—она, конечно, шутила проще и грубѣе... „Но изобрѣтательнѣе всѣхъ была Лидочка,—я не могу скрыть этого и не одобряю, конечно", прибавляетъ разсказчикъ:

— „Вечеромъ, при лунѣ, она *красиво и задумчиво* садилась у открытаго окна и громко говорила подругамъ о томъ, что любовь не знаетъ преградъ, что для нея—нѣтъ дворянъ, нѣтъ крестьянъ, а есть только мужчина, человѣкъ любимый. А Платонъ слышалъ это.

Потомъ она звала его, смотрѣла *холодно и сухо* въ его лицо и заставляла что-нибудь сдѣлать для нея.

Она играла меланхолическія пьесы, нѣжно трогавшія душу влюбленнаго мелкими и ласковыми аккордами, она пѣла нѣжныя, тихія пѣсенки, въ которыхъ звучало ожиданіе ласки и тоска о миломъ, *и все это она дѣлала такъ, чтобы дворникъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ*"...

Ну, неужели же въ этихъ подробностяхъ дикаго издѣвательства всѣхъ, отъ дѣвушки, ея гостей и до прислуги, есть то, что называется чувствомъ мѣры? неужели въ этомъ поголовномъ мучительскомъ любительствѣ есть настоящая внутренняя правда?..

Благожелательный разсказчикъ, который мягко говоритъ о себѣ, что онъ не „одобрялъ", допускаетъ, въ качествѣ объясненія, что со стороны дѣвушки имѣло мѣсто чувство оскорбленнаго самолюбія, и она „немножко (!) мстила за это бѣдняку". Но вѣдь именно это-то и невозможно. Если „изящная" и „благовоспитанная" дѣвушка не чувствовала въ юношѣ будущаго народнаго учителя, и онъ былъ для нея только дворникомъ, то она не могла унизиться до „психологіи судомоекъ", какъ по другому поводу и по адресу Платона выражается Филиппъ Васильевичъ,— не могла унизиться до мести своему дворнику и при томъ въ такой недостойной и, конечно, не „изящной" формѣ... Читателю не нужно даже рыться въ памяти, какіе эпизоды въ другихъ разсказахъ М. Горькаго напоминаютъ это организованное и надуманное издѣвательство дѣвушки. *Такъ* въ „Тюрьмѣ" бьютъ арестанты другого арестанта, заподозрѣннаго (повидимому) въ наушничествѣ: „Передъ нимъ неподвижно, какъ большіе камни, стояли трое товарищей, и одинъ изъ нихъ, высокій, не громко и спокойно говорилъ:

— Не пугайте его, ребята... *не бейте* его!

И вдругъ, отступивъ на шагъ, онъ сильно взмахнулъ ногой и ударилъ стоявшаго у стѣны въ низъ живота, продолжая все такъ же спокойно убѣждать товарищей:

— Не бейте... зачѣмъ? Ну, что это?.."

Чѣмъ это отличается отъ того, что дѣлаетъ въ изображеніи автора „Разсказа" дѣвушка, къ которой бѣлыя платья шли, „какъ идетъ къ березкѣ ея бѣлая кора"?.. Но этого всетаки для дѣвушки оказывается мало... Платонъ *уже* замученъ; онъ *уже* не въ состояніи больше выносить мученій отъ женщины, которую имѣлъ несчастье полюбить и въ которой еще недавно находилъ что-то „дѣтское".

„Однажды онъ подошелъ къ ней въ саду и сказалъ:

— Зачѣмъ вы смѣетесь надо мной? Не смѣйтесь, не надо... что смѣшнаго въ томъ, что я люблю васъ? Скоро я уйду изъ этого города... мнѣ хочется вспомнить васъ ласковой, доброй... не мучайте меня"!..

Въ первую минуту дѣвушку что-то испугало въ говорившемъ, она убѣжала, не отвѣтивъ ни слова, но на другой день она заставила его... декламировать...—Платонъ застрѣлился.

Какъ бы ни относился читатель къ тѣмъ „дачникамъ", которыхъ авторъ „Дачниковъ" соединилъ въ своемъ „Разсказѣ" около профессора, изучающаго какого то паразита пшеницы,— онъ, читатель, не въ состояніи идти за авторомъ и не въ состояніи признать художественную правду ни въ дикомъ мучительствѣ со стороны интеллигентной дѣвушки—хотя бы и „дачницы", ни въ томъ общемъ попустительствѣ, которое проходитъ непрерывной нитью черезъ весь „Разсказъ"... Не странно, ко-

нечно (въ соотвѣтствіи со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ разсказа), что „Лидочка“ уже послѣ того, какъ застрѣлился Платонъ, говоритъ, что она только „шутила“ и что „если бы“ она знала, что „онъ такъ... серьезно“... она бы „не позволяла себѣ шутить“. Но совсѣмъ не понятно, что изъ всѣхъ „изящныхъ, какъ и сама она“, дѣвушекъ, изъ всѣхъ студентовъ и „благовоспитанныхъ юношей“, которые собирались у профессора, никто никогда не запротестовалъ противъ безсмысленнаго издѣвательства надъ даровитымъ и симпатичнымъ человѣкомъ, какъ бы онъ ни былъ комиченъ въ роли влюбленнаго дворника, навязанной ему враждебнымъ авторомъ „Дачниковъ“... Еще болѣе страненъ спокойно благожелательный тонъ самого разсказчика. Само собой разумѣется, что художественная задача—принять на себя личину совершенно *иного* человѣка и въ тонѣ этого чуждаго своему внутреннему „я“ провести весь разсказъ о событіяхъ, глубоко волнующихъ писателя,—для такого субъективнаго писателя, какъ авторъ „Разсказа“, было дѣломъ рискованнымъ. Скрыть самого себя отъ глазъ читателя ему такъ же легко, какъ легко „утаить шило въ мѣшкѣ“. Онъ его, конечно, и не „утаилъ“, передъ читателями все время не Филиппъ Васильевичъ, а ѣдкій авторъ „Дачниковъ“, притворившійся благожелательнымъ и всепрощающимъ Филиппомъ Васильевичемъ, который подчеркиваетъ своей терпимостью то, что какъ разъ и нужно: равнодушіе „дачниковъ“ ко всякому живому горю, даже тогда, когда оно вотъ тутъ—у нихъ на глазахъ... И это обстоятельство не меньше, если не больше, нарушаетъ чувство художественной правды въ „Разсказѣ“, чѣмъ застѣночное любительство со стороны самой героини. Въ изображеніи автора, Филиппъ Васильевичъ *только* не „одобряетъ“ поведенія Лидочки, *только* находитъ, что „она обращалась съ юношей неосторожно и незаслуженно зло“. Даже тогда, когда „Лидочка“ говоритъ Филиппу Васильевичу объ умирающемъ Платонѣ: „Говорятъ, онъ еще живъ... поѣзжайте къ нему!.. Я не могу... я потомъ... Папа такъ разстроенъ и *всѣмъ его жалко*... вѣдь онъ былъ такой оригинальный“—онъ находитъ возможнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе:

„*Дитя!* Она и тутъ говорила о немъ, какъ о сломанной игрушкѣ“, и по дорогѣ въ больницу „печально“ думаетъ о Платонѣ: „Онъ мнѣ казался такимъ крѣпкимъ, твердымъ—и вотъ, при первомъ же столкновеніи (?) съ жизнью, онъ опрокинутъ и разбитъ. И этой неустойчивости, вполнѣ понятной у культурнаго человѣка, живущаго нервной жизнью, я не понималъ въ Платонѣ“.

Намъ остается повторить прежній вопросъ: неужели же во всемъ этомъ есть чувство художественной мѣры и художественная правда? И не сдѣлалъ ли художникъ крупной ошибки, слишкомъ подчинившись своему враждебному настроенію къ „дачни-

камъ“ и желанію, чтобы въ его изображеніи „мерзости жизни“ не были „мало замѣтны“ „за прекрасной внѣшностью его разсказовъ?“ Вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что именно у Чехова, не смотря на его мягкость, „Разсказъ Филиппа Васильевича“ получилъ бы гораздо болѣе тяжелое впечатлѣніе. Онъ оставилъ бы своихъ персонажей простыми, „милыми“ людьми, и всетаки это не помѣшало бы Платону застрѣлиться, какъ не помѣшало больному Фирсу въ „Вишневомъ саду“ —остаться одному, запертымъ въ покинутомъ домѣ. Получился бы... во всякомъ случаѣ не получился бы „разсказъ Филиппа Васильевича“ о людяхъ, которыхъ бичуетъ авторъ „Дачниковъ“, и которому (разсказу) не въ состояніи отвѣтить консонансомъ въ настроеніи читатель.

IV.

Впрочемъ, диссонансъ между настроеніемъ художника и настроеніемъ читателя продолжался не долго. „Разсказъ Филиппа Васильевича“ былъ напечатанъ въ V-ой книжкѣ „Сборника“, а въ VI-ой книжкѣ былъ напечатанъ „Букоемовъ“, въ которомъ читатель снова находится подъ обаяніемъ привлекательнѣйшихъ сторонъ творческой „несправедливости“ поэта-„буревѣстника“, съ его горячимъ чувствомъ вражды къ несправедливости и къ нелѣпости жизни, которая „окутана густой, мутно-желтой тучей болѣзненно напряженной жестокости“ и въ которой „это темное чувство окрашиваетъ всю жизнь въ угрюмый тонъ осеннихъ сумерекъ, полныхъ тоски и гнетущаго холода“.

А. Е. Рѣдько.

Очерки заводской жизни.

I.

За послѣднее время русскій рабочій настойчиво напоминаетъ обществу о своемъ существованіи. Глухое броженіе, происходящее въ мастерской, все чаще и чаще вырывается наружу въ видѣ безпорядковъ, забастовокъ, уличныхъ демонстрацій, и, не смотря на всѣ репрессивныя мѣры, которыми подавляются подобные безпорядки, волненія мастерской не утихаютъ. Что служитъ причиной ихъ? Этотъ вопросъ занимаетъ многихъ, но жизнь рабочихъ такъ замкнута и такъ ревниво оберегается заинтересованными людьми отъ постороннихъ глазъ, что рѣшить его бываетъ не легко.

Въ свою очередь тѣ требованія, какія выставляются рабочими во время массовыхъ движеній, сами по себѣ часто не даютъ еще полнаго понятія о желаніяхъ и стремленіяхъ большинства рабочихъ, взятыхъ порознь. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, тотъ, кто захотѣлъ бы заняться изученіемъ современнаго быта русскихъ рабочихъ, встрѣтитъ на своемъ пути массу разнообразныхъ препятствій.

Съ своей стороны я не претендую дать въ предлагаемыхъ „очеркахъ" сколько-нибудь подробное изслѣдованіе этого быта, не претендую уже потому, что, кромѣ личнаго опыта и наблюденій, у меня нѣтъ никакого матеріала. Моя задача гораздо скромнѣе. Она вся сводится къ тому, чтобы хоть немного познакомить читателя съ мастерской и освѣтить передъ нимъ тѣ вопросы, съ которыми чаще всего приходится сталкиваться русскому заводскому рабочему.

Въ своихъ „Заводскихъ Будняхъ" *) я какъ то писалъ уже, что слово „рабочій" въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается нашей интеллигенціей, въ рабочей средѣ употребляется не очень часто, да и то только въ послѣднее время. Прежде это слово примѣнялось исключительно къ чернорабочимъ, т. е. рабочимъ, не обладающимъ какими-либо спеціальными познаніями, а располагающимъ только простой мускульной силой. Тѣ же рабочіе, которые находятся въ заводахъ съ дѣтскаго возраста и спеціализировались на какой-нибудь работѣ или станкѣ, называли себя „мастеровыми". Эти двѣ группы такъ рѣзко отличаются одна отъ другой, что смѣшивать ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя. Заработокъ чернорабочаго несравненно ниже заработка мастерового, слѣдовательно, и условія жизни перваго гораздо хуже, чѣмъ у второго. Въ то время, какъ мастеровой по большей части совершенно разрываетъ всякую связь съ деревней и окончательно поступаетъ въ ряды „арміи промышленности", чернорабочій всячески поддерживаетъ эту связь, высылая время отъ времени болѣе или менѣе крупныя суммы денегъ для поддержанія хозяйства, оставленнаго въ деревнѣ. Нерѣдко, проработавъ зиму, чернорабочій на лѣто отправляется въ деревню.

Въ заводской жизни эта группа рабочихъ не имѣетъ почти никакого значенія. Она не можетъ вліять на внутренній міръ мастерской и пассивно подчиняется общему хору мастеровыхъ. Поденная работа при низкомъ жалованьи, къ тому же выдаваемомъ ежедневно, не связываетъ чернорабочаго сколько-нибудь крѣпкими узами съ заводомъ и позволяетъ во всякую минуту оставить данный заводъ и искать работы въ другомъ мѣстѣ. Трудъ чернорабочихъ требуется почти во всѣхъ мастерскихъ, но главнымъ образомъ чернорабочіе составляютъ такъ называемую „дворовую

*) „Рус. Бог." августъ—сентябрь, 1903 г.

команду“ или „придворныхъ“, какъ въ шутку называютъ ихъ мастеровые. Поденная плата такого рабочаго 60—70 коп. и выдается она ежедневно вечеромъ. Такой порядокъ выдачи жалованья крайне неудобенъ для рабочаго. Получая свое жалованье копѣйками, онъ лишенъ возможности имѣть когда-нибудь въ рукахъ болѣе или менѣе крупную сумму денегъ, необходимую для покупки платья или обуви. Правда, сберегательная касса принимаетъ и мелкіе вклады, но занятія въ ней не всегда приспособлены къ свободному времени рабочаго, а, если даже этого условія и нѣтъ на лицо, рабочему часто не хочется терять въ кассѣ время, необходимое ему для отдыха. Главное же—не пріучены мы пользоваться такими учрежденіями.

Попавъ изъ деревни въ городъ и обжившись на какомъ-нибудь заводѣ, чернорабочій почти всегда чувствуетъ себя въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи. Прежде всего передъ нимъ встаетъ вопросъ, какъ ему относиться къ деревнѣ. Конечно, до тѣхъ поръ, пока тамъ находится его жена, порывать всѣ связи съ деревней для него невозможно, но даже и въ томъ случаѣ, если ему удалось перевести жену къ себѣ, его положеніе еще не выясняется окончательно. Сознаніе, что онъ не „мастеровой“ и что каждую минуту его могутъ уволить за недостаткомъ работы, тогда какъ для чернорабочаго найти мѣсто гораздо труднѣе, чѣмъ для мастерового—это сознаніе подсказываетъ ему, что деревню не надо бросать, что въ случаѣ нужды тамъ и для него найдется корка хлѣба, благодаря которой онъ какъ-нибудь да проживетъ до весны, когда на всѣхъ заводахъ чувствуется оживленіе.

Проживетъ до весны...

Но вѣдь весною-то, казалось бы, его трудъ нуженъ и въ деревнѣ? Только съ весны начинаются всѣ полевыя работы... Значитъ, если на весну его отпускаютъ на заработки, то уже въ этомъ самомъ сказываются та бѣдность и тотъ недостатокъ земли, благодаря которымъ онъ въ деревнѣ лишній. И, значитъ, каждый рубль, присланный имъ изъ города, для деревни гораздо важнѣе, чѣмъ его личная помощь въ деревенскомъ трудѣ. Но какъ скопить этотъ рубль при 70 коп. въ день? Посылать его нужно, но откуда его взять?

На это существуетъ одинъ отвѣтъ: экономить, „натягивать“ на пищѣ, квартирѣ и одеждѣ.

Какъ-то разъ мнѣ случилось пойти въ гости къ одному чернорабочему. Жилъ онъ въ артельной квартирѣ, въ которой, кромѣ него, помѣщалось еще 17 человѣкъ. Квартира эта представляла изъ себя большую, сильно закопченную комнату, съ двумя окнами. Когда-то она была оклеена обоями, но отъ времени обои порвались и обнажили досчатыя стѣны. По стѣнамъ ползали полчища таракановъ. Я не утерпѣлъ и спросилъ своего пріятеля:

— Братъ ты мой, да что - жъ у васъ таракановъ-то такъ много?

Присутствовавшіе,—ихъ было человѣкъ 12,—засмѣялись и одинъ изъ нихъ отвѣтилъ:

— Тараканъ — это ничего, онъ безвредный, вотъ ежели клопъ, тотъ кусаетъ, а тараканъ такъ себѣ, въ родѣ какъ для хозяйства.

— А нешто и клопы есть?—спросилъ я.

— Сколько хочешь! — отвѣтилъ мой знакомый.—Извѣстно, меньше, чѣмъ таракановъ, ну, да на нашего брата вполнѣ довольно. Какой хочешь скотины можно найти..

Вокругъ стѣнъ шли деревянныя нары, вѣроятно, главное убѣжище клоповъ. Посрединѣ комнаты стояли длинный столъ на козлахъ и двѣ такія же длинныя скамьи. Въ простѣнкѣ между окнами висѣла маленькая керосиновая лампочка, а пониже—лубочная картинка съ изображеніемъ царской семьи. Въ углу висѣлъ почернѣвшій отъ времени образъ. Рядомъ съ комнатой — кухня, служащая въ то же время и прихожей. Въ углу кровать кухарки. Вотъ и вся обстановка квартиры, гдѣ помѣщаются 18 человѣкъ. Я сѣлъ на скамейкѣ у стола и сталъ разговаривать. Въ то время меня больше всего интересовалъ вопросъ о деревнѣ, и потому я сейчасъ же свелъ бесѣду на эту тему. Оказалось, что изъ 18 человѣкъ женатыхъ было 11, но у всѣхъ ихъ жены жили въ деревнѣ. Только къ одному недавно пріѣхала жена, не видѣвшая своего мужа цѣлыхъ четыре года... Былъ среди нихъ одинъ, который безъ жены жилъ уже пять лѣтъ.

— Почему же вы сюда женъ не выпишите?

— Да какъ ты выпишешь? сегодня здѣсь, а завтра, Господь его знаетъ, куда попадешь! Вотъ и живемъ каждый самъ по себѣ...

Количество денегъ, высылавшихся въ деревню каждымъ членомъ этой артели, не превышало 3—5 руб. въ мѣсяцъ. Если принять во вниманіе, что при 70-копѣечной получкѣ въ день мѣсячное жалованье будетъ не больше 16 — 17 руб. *при постоянной работѣ,* то эту сумму никакъ нельзя назвать незначительной. Если же выписать жену, то нужно выписать также и дѣтей, и, значитъ, жить уже не въ артели, а снимать отдѣльную комнату, что обойдется отъ 6 до 8 рублей. Кромѣ того, расходы на пищу, одежду и обувь не только удвоятся, но даже учетверятся, и, понятно, 16 рублей будетъ совершенно недостаточно. Высылку денегъ придется прекратить и вмѣстѣ съ тѣмъ разъ навсегда лишиться надежды переждать время безработицы въ деревнѣ.

Подтвержденіе этого заключенія я встрѣчалъ и послѣ, разговаривая съ тѣми чернорабочими, которые жили въ городѣ вмѣстѣ съ семьей. Они, дѣйствительно, порвали уже всякую связь съ деревней и всецѣло полагались на волю рока.

При артельной жизни одинъ изъ членовъ артели занимаетъ должность старосты. Обязанности его сводятся главнымъ образомъ къ тому, чтобы закупать провизію для всей артели и расплачиваться съ кухаркой и домохозяиномъ. Нѣкоторые изъ рабочихъ даютъ ему также деньги на сохраненіе, а потому на эту должность обыкновенно избирается человѣкъ, хорошо извѣстный артели и стоящій внѣ всякихъ подозрѣній. Если по дѣламъ артели ему приходится потерять день или—что бываетъ чаще—полдня, то артель уплачиваетъ ему за это время въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ платитъ ему заводъ, гдѣ онъ работаетъ. Должность эта вообще считается выгодной, главнымъ образомъ потому, что торговцы, у которыхъ староста закупаетъ провизію, дѣлаютъ ему нѣкоторую уступку, а въ счетѣ оставляются обыкновенныя цѣны.

Въ общемъ жизнь въ артели для каждаго рабочаго обходится около 8 руб. 25 коп. въ мѣсяцъ, включая сюда квартиру, столъ, жалованье кухарки (въ данномъ случаѣ кухаркой была жена старосты) и уплату за прогульное время старостѣ.

Чаю не полагается, а кто хочетъ его имѣть, можетъ пріобрѣтать на свои средства. Утромъ каждый рабочій, идя на работу, запасается кускомъ черного хлѣба приблизительно фунта въ $1^1/_2$. Это будетъ для него „завтракъ", а вмѣсто чаю чаще всего служитъ вода изъ-подъ крана. Обѣдъ состоитъ изъ щей съ кислой капустой, съ небольшимъ кускомъ мяса и пшенной каши. Мясо, впрочемъ, рѣдко подается въ видѣ куска, чаще всего его рѣжутъ на мелкіе кусочки и высыпаютъ въ чашку со щами *). По праздникамъ готовится „супъ" и вмѣсто пшеной каши гречневая. Обыкновенно и въ будни, и въ праздникъ каша съѣдается вся за обѣдомъ, и на ужинъ остаются только одни пустыя щи (безъ мяса), да черный хлѣбъ.

И такъ изо дня въ день.

Артель, въ которой мнѣ пришлось побывать, состояла изъ крестьянъ двухъ смежныхъ деревень Новгородской губерніи, такъ что всѣ члены артели доводились другъ другу земляками. Потому ли, что одно и то же мѣсто родины сближаетъ людей, или по чему другому, но эта артель жила удивительно дружно. Ссоръ и дракъ въ ней почти не было, а если и случалось, что кто-либо, выпивъ лишнее, забуянитъ, то товарищи сейчасъ же сваливали буяна на нары и, связавши кушаками руки и ноги, оставляли въ такомъ видѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не проспится.

---

*) Кстати—знаетъ-ли читатель, какое лакомство для русскаго мужика и рабочаго представляетъ собою мясо? По его мнѣнію, если мяса даютъ въ волю, такъ это что-то выходящее изъ ряда вонъ, признакъ высшаго благосостоянія. Мнѣ живо вспоминается одинъ кочегаръ, который долго не могъ забыть своей командировки, гдѣ мяса давали — „сколько хочешь". „Такъ я его, — говорилъ онъ:—прямо безъ хлѣба ѣлъ. Да нарочно, выберешь-то какъ ни можно жирнѣй. Чтобъ ажъ по бородѣ сало текло..."

Землячество связывало ихъ въ одну семью, и въ жертву ему нѣкоторые члены артели приносили очень многое. Такъ, одному изъ нихъ приходилось ежедневно вставать въ 3 часа ночи и изъ-за Нарвской заставы идти за Невскую, что, по приблизительному разсчету, составитъ 10 — 12 верстъ въ день туда и обратно. Другой работалъ на Выборгской сторонѣ и тоже ежедневно совершалъ приблизительно такое же путешествіе.

— Почему же вы возлѣ заводовъ не найдете квартиры?

— Да намъ и здѣсь хорошо.

— А ходить далеко.

— Ничего, мы привычные.

Да, подумалъ я, безъ привычки тутъ никакъ не обойдешься.

Попадая изъ „дворовой команды“ въ цехъ, рабочій чувствуетъ себя уже несравненно крѣпче связаннымъ съ заводомъ. Жалованье выдается ему теперь не ежедневно, а два раза въ мѣсяцъ, а металлическій номеръ, получаемый имъ при этомъ, служитъ какъ бы нагляднымъ свидѣтельствомъ того, что онъ наравнѣ съ мастеровыми составляетъ пронумерованный винтикъ громадной машины, именуемой „заводомъ“.

Бываетъ иногда и такъ, что, попавъ въ мастерскую, чернорабочій успѣваетъ чѣмъ-нибудь обратить на себя вниманіе мастера и получить какую-нибудь однообразную, но „задѣльно“ или поштучно оплачиваемую работу. Въ такомъ случаѣ заработокъ его значительно повышается, и самъ онъ становится почти на положеніе мастерового, хотя и держится отъ настоящихъ мастеровыхъ нѣсколько вдалекѣ, такъ какъ для нихъ онъ часто является нежелательнымъ конкуррентомъ и потому не пользуется особенной ихъ симпатіей.

Сдѣлавшись чѣмъ-то въ родѣ мастерового, зарабатывая рублей 30 — 35 въ мѣсяцъ, рабочій не такъ ужъ охотно посылаетъ деньги на родину, и мнѣ часто приходилось слышать о неудовольствіяхъ между родителями, живущими въ деревнѣ, и дѣтьми, работающими на заводахъ. Нерѣдко дѣло доходитъ и до суда изъ-за того, что сынъ не хочетъ посылать отцу денегъ, а отецъ не выдаетъ сыну паспорта.

Наконецъ, среди мастеровыхъ большинство, вѣроятно, держится того мнѣнія, что деревня для нихъ одна лишь помѣха. Лично я, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ слышалъ отъ мастеровыхъ именно такое мнѣніе. Исключеніе составляли только тѣ, которые имѣли въ деревнѣ много земли и хорошее хозяйство и не были связаны необходимостью высылать роднымъ деньги, да сыновья деревенскихъ ремесленниковъ и купцовъ, живущихъ болѣе или менѣе безбѣдно. За исключеніемъ

такихъ рабочихъ, всѣ другіе говорили, что отъ деревни имъ нѣтъ никакой выгоды, а только одни убытки.

Есть не мало и такихъ мастеровыхъ, которые никогда не видѣли сохи, не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ засѣвается хлѣбъ, и уже лѣтъ 25—30 живутъ въ городахъ при заводахъ. Для нихъ вся связь съ деревней сводится къ выпискѣ паспорта и—нерѣдко—къ уплатѣ налога за землю, якобы числящуюся за ними, но находящуюся въ пользованіи другихъ лицъ.

Разговорившись недавно съ однимъ изъ такихъ рабочихъ, я услыхалъ отъ него совершенно неожиданный для меня отзывъ о рабочихъ, хранящихъ связь съ деревней.

— Много намъ,—рѣшительно заявилъ мой собесѣдникъ,—эти деревенскіе напортили въ нынѣшнюю забастовку.

— Напримѣръ?

— Да вотъ все кричали: бастовать, бастовать. Ну, мы и бастовали, пока не закрыли завода

— А потомъ?

— Потомъ они взяли, да и уѣхали въ деревню, а мы-то и остались на бобахъ. Хозяинъ съ квартиры гонитъ, а тутъ ѣсть нечего и денегъ нѣтъ...

— Ну, такъ что же изъ этого слѣдуетъ?

— А то, что мѣшаютъ они рабочему дѣлу. Для нихъ потребность въ союзахъ не сказывается въ такой степени, какъ для насъ. Имъ что? Видятъ, что дѣло плохо—сейчасъ въ деревню, а вы, братики, какъ хотите, такъ и отдувайтесь. Потому и союзовъ-то намъ не даютъ, что не всѣ ихъ требуютъ.

Приглядываясь къ тѣмъ рабочимъ, которые еще не порвали связи съ деревней, я замѣчалъ, что они иногда отправляютъ туда на лѣто свою семью, а въ годъ или въ два года разъ ѣздятъ и сами. Случалось, я указывалъ такимъ рабочимъ, что за время пребыванія ихъ семьи въ деревнѣ у нихъ должны получаться сбереженія, благодаря сокращенію расходовъ на харчи и квартиру.

Но мои доводы сейчасъ же разбивались въ дребезги. Мнѣ возражали, что при отъѣздѣ семьи расходъ не только не уменьшается, но даже увеличивается. Квартира, не смотря на отъѣздъ жены, остается по прежнему занятой („мебель—куда я дѣну?"), а кромѣ того является еще расходъ на проѣздъ. Затѣмъ при поѣздкѣ въ деревню нужна хорошая одежда, „потому—всякій скажетъ: въ городѣ живетъ, а самъ хуже нищаго ходитъ. Здѣсь-то я какъ-нибудь перебьюсь, а ужъ въ деревнѣ надо себя показать". Наконецъ, нужно везти всѣмъ гостинцы: „матери на платье, невѣсткамъ на кофты, тещѣ платокъ, дѣтишкамъ на сапоженки. А потомъ, ужъ разъ ты пріѣхалъ изъ города, то всякій норовитъ съ тебя выпить и вообще сорвать на могарычъ, потому что ужъ знаютъ, что безъ денегъ въ деревню никто не поѣдетъ".

Со всѣмъ этимъ мнѣ приходилось соглашаться, и въ концѣ концовъ я составилъ себѣ такое мнѣніе: если въ деревнѣ живутъ богато, то мастеровой поддерживаетъ съ нею связь, посылая туда болѣе или менѣе крупныя суммы денегъ. Благодаря этому, онъ имѣетъ возможность отослать туда на лѣто жену или поѣхать самъ отдохнуть отъ работы и поправить здоровье. При этомъ, однако, онъ тратитъ непроизводительно (конечно, по отношенію лично къ себѣ) много денегъ, что лишаетъ его возможности дѣлать хотя бы незначительныя сбереженія.

Если же въ деревнѣ живутъ бѣдно, то мастеровой всегда склоненъ порвать связь съ нею, такъ какъ тѣ мелкія суммы, которыя онъ туда изрѣдка посылаетъ, и у него отнимаютъ лишній кусокъ хлѣба и, въ сущности, мало помогаютъ деревнѣ.

Положеніе чернорабочаго гораздо сложнѣе. Уже изъ того, что онъ чернорабочій, можно заключить, что его родные въ деревнѣ живутъ бѣдно. Не богато живетъ и онъ въ городѣ на 70 коп. въ день. А посылать деньги въ деревню нужно, какъ потому, что тамъ осталась жена съ дѣтьми, такъ и потому, что онъ каждую минуту рискуетъ остаться безъ работы и, чтобы не пропасть съ голода, долженъ и самъ ѣхать туда доѣдать сѣмена.

II.

Въ настоящее время на русскихъ заводахъ существуютъ двѣ формы заработной платы: поденная и задѣльная. Поденная плата, какъ видно уже изъ ея названія, должна оплачивать количество *времени*, употребляемое на производство той или иной работы. При этомъ стоимость рабочаго дня для каждаго работника, въ зависимости отъ его знаній и опытности, опредѣляется мастеромъ. При другой же формѣ заработной платы—задѣльной или поштучной,—заводъ оплачиваетъ рабочему его трудъ надъ каждой отдѣльной вещью или „штукой“. При задѣльной платѣ затрата времени не играетъ значительной роли въ глазахъ администраціи, и только, можетъ быть, въ началѣ, когда вещь еще не оцѣнена, время принимается въ разсчетъ, чтобы облегчить опредѣленіе стоимости труда, а затѣмъ, сколько бы мастеровой ни работалъ надъ нею, для завода рѣшительно все равно. Для того, чтобы подогнать рабочаго, у завода есть въ рукахъ такое сильное средство, какъ „сбавка“ или уменьшеніе разцѣнки.

Въ виду той важности, какую представляютъ собою для рабочихъ эти двѣ системы оплаты труда, я позволю себѣ остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Если сопоставить двѣ мастерскія, изъ которыхъ въ одной практикуется поденная, а въ другой задѣльная плата, то немедленно бросится въ глаза рѣзкое различіе жизни въ этихъ мастерскихъ.

Прежде всего поденная работа несравненно легче задѣльной. Ни одинъ поденщикъ не станетъ прилагать къ своей работѣ такихъ напряженныхъ усилій, какъ штучникъ. Исключеніе составляютъ только тѣ рабочіе, которые имѣютъ возможность и надежду быть замѣченными начальствомъ, выдвинуться и современемъ занять какую-нибудь административную должность—мастера, помощника или старшого, всѣ же остальные работаютъ покойно, тихо.

Внутренняя жизнь поденной мастерской идетъ мирно, безъ ссоръ и скандаловъ. Всякій рабочій охотно идетъ помочь своему товарищу, чаще всего поднять какую-нибудь тяжесть или вытащить модель. Всѣ издѣлія выходятъ изъ рукъ рабочаго, получающаго поденную плату, въ болѣе чистомъ, отдѣланномъ видѣ, безъ всякихъ замазываній разныхъ погрѣшностей, такъ какъ рабочему нѣтъ нужды во что бы то ни стало торопиться сдачей работы. При такомъ порядкѣ, если и случится какая погрѣшность, рабочій предпочтетъ не одурачивать мастера, скрывая отъ него недостатки работы, а посовѣтоваться съ нимъ. Если же вещь окажется дѣйствительно негодной, рабочій отъ этого матеріально не страдаетъ, такъ какъ и при бракѣ, происшедшемъ по его ли винѣ, или по винѣ завода, онъ все равно получаетъ свою поденную плату. Но въ сущности при поденныхъ работахъ брака бываетъ очень мало, а, если и бываетъ, то больше по винѣ администраціи, ставящей мало опытныхъ и, слѣдовательно, дешево оплачиваемыхъ рабочихъ на сложныя и отвѣтственныя работы.

Мирное теченіе жизни поденной мастерской нарушается только окриками мастера. Для мастеровъ, дѣйствительно, поденная работа—одно безпокойство. Въ то время, какъ мастеръ штучниковъ сидитъ себѣ въ тиши своей конторы за чайкомъ, да изрѣдка съ самодовольной улыбкой посматриваетъ, какимъ колесомъ у него идетъ дѣло, какъ быстро, торопливо движутся рабочія руки, мастеръ поденщиковъ по большей части считаетъ себя обязаннымъ все время бѣгать и кричать. Повсюду ему мерещатся злоупотребленія и непроизводительная потеря времени. Тотъ слишкомъ много куритъ, тотъ часто выходитъ на дворъ, а того вотъ ужъ цѣлый часъ нѣтъ у станка. Всѣхъ ему нужно расшевелить, взбудоражить, а для этого мастеръ чаще всего знаетъ одно средство—брань. И несется эта брань по всей мастерской, и стоитъ она въ ушахъ рабочаго такимъ немолчнымъ гуломъ, что въ концѣ концовъ рабочій привыкаетъ къ ней, какъ къ чему-то неизбѣжному.

Нельзя сказать, конечно, что рабочіе съ своей стороны совсѣмъ не допускаютъ злоупотребленія въ видѣ непроизводительной траты рабочаго времени. Но въ общемъ, чѣмъ интеллигентнѣе рабочіе, тѣмъ меньше бываетъ съ ихъ стороны такихъ злоупотребленій.

Кромѣ того, большое значеніе имѣетъ и размѣръ поденной

платы. Здѣсь, собственно, повторяется самая обычная торговая сдѣлка. Чѣмъ больше кладутъ рабочему жалованья, тѣмъ продуктивнѣе его работа. Съ своей стороны я не могу припомнить ни одного случая, гдѣ бы при поденной работѣ болѣе высоко оплачиваемый рабочій не стремился изготовить большее количество издѣлій по сравненію съ низко оплачиваемыми. Здѣсь, прежде всего, дѣйствуетъ отвѣтственность передъ мастеромъ, который всегда можетъ сказать: „что жъ ты, такой-сякой, получаешь полтора рубля въ день, а дѣлаешь столько же, что и Васильевъ за 1 р. 20 к.?!" Но помимо того здѣсь сказывается и чисто нравственная отвѣтственность передъ своей совѣстью. Почему-то рабочему дѣлается стыдно, если его товарищъ, получающій менѣе его, изготовляетъ столько же „штукъ", что и онъ. Стремясь избавиться отъ этого чувства, онъ приложитъ всѣ силы, чтобы изготовить большее количество издѣлій, а если это для него невозможно, то пойдетъ на компромиссъ, подойдетъ къ своему товарищу и скажетъ: „ты, братъ, не больно торопись, иначе мнѣ за тобой и не угнаться." Но такіе случаи бываютъ рѣдко. Всякій рабочій очень дорожитъ своей репутаціей хорошаго работника и, благодаря этому, почти всегда постарается путемъ крайняго напряженія своихъ силъ окупить тотъ излишекъ поденной платы, который онъ получаетъ по сравненію съ другими.

Въ темномъ царствѣ, окружающемъ русскаго рабочаго, порою—хотя далеко не часто—попадаются и хорошіе мастера, не прибѣгающіе ни къ брани, ни къ грубымъ понуканіямъ. Тогда между мастеромъ и рабочими быстро устанавливаются хорошія отношенія, ярко подчеркивающія всю ненужность обыкновенныхъ пріемовъ воздѣйствія на рабочаго.

Мнѣ вспоминается одинъ маленькій заводикъ на югѣ Россіи. Работали тамъ исключительно поденно. Однажды къ намъ, въ литейную попалъ очень спѣшный заказъ на отливку одной колонны для электрическаго освѣщенія. Нужно сказать, что мастеромъ у насъ былъ удивительно милый человѣкъ, итальянецъ. Какъ онъ попалъ въ Россію—Господь его знаетъ. Кое-кто толковалъ, будто-бы „по началу" онъ ходилъ съ шарманкой, иные даже добавляли, что и обезьяна была. Во всякомъ случаѣ это былъ большой любитель музыки. Цѣлыми часами онъ разсказывалъ намъ о родномъ искусствѣ, о знаменитыхъ пѣвцахъ, о великихъ музыкальныхъ произведеніяхъ. И теперь еще помню, въ какихъ восторженныхъ краскахъ онъ описывалъ намъ оперу „Вильгельмъ Телль". „Одну увертюру сорокъ пять минутъ играютъ!" и, не смотря на то, что изъ насъ далеко не всѣ понимали значеніе слова „увертюра", слушали его всѣ съ большимъ вниманіемъ, избѣгая лишній разъ стукнуть молоткомъ или трамбовкой. Нечего и говорить, что отношенія къ нему мастерской были самыя дружескія и доброжелательныя. Формовать колонну онъ

поручилъ двумъ литейщикамъ и попросилъ ихъ окончить работу возможно скорѣе. На другой день колонна была отформована, предстояло только расплавить чугунъ и залить.

Но тутъ-то и началась бѣда. Вагранка была маленькая, а колонна должна была вѣсить пудовъ 25. Предстояло, значитъ, наплавивъ одинъ ковшъ, ожидать, пока наплавится другой. Но тѣмъ временемъ чугунъ въ первомъ ковшѣ могъ остыть и не пойти въ отверстія формы. Къ нашему ужасу, такъ и вышло. Едва успѣли наплавить второй ковшъ, какъ первый началъ стынуть.

— Зарѣжемъ штуку!—сказалъ одинъ литейщикъ, обращаясь къ мастеру.

— Ничего, только лейте скорѣй,—отвѣтилъ онъ.

Мы стали лить. Жидкая огненная масса полилась въ отверстіе формы, разбрасывая кругомъ блестящія искры.

— Лей сильнѣе. Держи полнѣе литники! — командовалъ мастеръ.

Но нѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ отверстія литника не стали поглощать эту горячую лаву, и воронка наполнилась до верху густоватымъ чугуномъ.

— Зарѣзали!—протянулъ одинъ изъ рабочихъ.

Всѣ молчали. У всѣхъ на душѣ была какая-то тяжесть, хотя никто виновнымъ себя не чувствовалъ, за исключеніемъ, развѣ, одного мастера. Онъ стоялъ у зарѣзанной формы и грустно качалъ головой.

— Эхъ,—наконецъ, промолвилъ онъ:—какой большой непріятность мнѣ будетъ. Это я самъ взялъ работу. Хотѣлъ показать хозяину, какой есть мастеръ Томаріо.

— Да вѣдь хозяина нѣтъ. Онъ же въ Москву уѣхалъ,—сказалъ какой-то литейщикъ.

— Это ничего, что уѣхалъ. Черезъ три дня опять пріѣдетъ,— и мастеръ опять началъ сокрушаться.

Мы молчали. Но вотъ у одного изъ насъ возникла мысль.

— Мастеръ,—сказалъ онъ,—а вѣдь за три-то дня мы еще одну успѣемъ сдѣлать.

— А какъ ты лить будешь?—возразилъ другой,—вагранку что ли передѣлаешь?

— Чего вагранку? Можно и въ ковшѣ чугунъ сохранить. Раззоримся на мѣшокъ деревяннаго угля и засыпемъ сверху. Чорта съ два онъ застынетъ.

— А вѣдь правда!—согласились мы.

Мастеръ оживился.

— Уголь я на свои деньги куплю (заводъ былъ такъ бѣденъ, что, кромѣ антрацита, не было никакого угля) и десять рублей вамъ за работу тоже изъ своего кармана заплачу.

— Да не надо, мастеръ, денегъ, мы и такъ сдѣлаемъ. Ну, какъ, ребята,—лады!? Выручимъ мастера?

— Идетъ!—согласились всѣ, и послѣ шабашу дружно принялись за формовку новой колонны.

Проработали до 12-ти часовъ ночи, а на другой день благополучно залили. Денегъ отъ мастера мы такъ и не взяли, ограничившись одною четвертью водки (на 8 человѣкъ.).

Но я отвлекся въ сторону. Вернемся опять къ „формамъ заработной платы“.

Въ принципѣ „поденная“ плата можетъ быть признана удачной формой. Она гуманна, такъ какъ не требуетъ отъ рабочаго чрезмѣрнаго напряженія, она предполагаетъ извѣстное „довѣріе“ хозяина къ рабочему. И для этого „довѣрія“ было бы еще больше мѣста въ жизни, если бы хозяева больше полагались на поднятіе интеллигентнаго уровня рабочихъ, чѣмъ на мастеровъ—„собакъ“.

Но „рабочіе у насъ грубы и невѣжественны“, сказалъ одинъ сенаторъ и, чтобы окончательно убѣдить себя въ этомъ,—всѣхъ рабочихъ депутатовъ, пришедшихъ излагать ему свои нужды, объявилъ „злонамѣренными агитаторами, подчинившими путемъ насилія и обмана всю рабочую массу“.

Такъ, вѣроятно, думаютъ и заводчики, стоящіе къ рабочимъ ничуть не ближе этого сенатора. Но заботъ объ образованіи „невѣжественныхъ“ рабочихъ что-то не видно. За то на заводахъ придумано нѣчто такое, чего ни одинъ мастеръ не добьется своей бранью. Выдумали задѣльную плату. Вотъ какъ она осуществляется на практикѣ.

Въ контору мастера приходитъ рабочій:--Работку бы, Егоръ Егорычъ.

— Что?—вопрошаетъ онъ:—работу, говоришь?

— Да, Егоръ Егорычъ. Муфты, которыя были, уже всѣ кончилъ...

— Такъ.

Нѣсколько секундъ проходитъ въ молчаніи. Потомъ мастеръ говоритъ:

— Вотъ что. Ежели хочешь, возьми этотъ валикъ, обточи. Цѣна ему будетъ три цѣлковыхъ.

— Маловато, Егоръ Егорычъ.

— Мало, такъ ищи, гдѣ больше дадутъ.

Рабочій молча беретъ валикъ и уходитъ изъ конторы.

Почему мастеръ оцѣнилъ эту работу именно въ три рубля? Не будетъ ли это слишкомъ мало или слишкомъ много? Этого никто не знаетъ. Въ заводскомъ дѣлѣ успѣшность работы, а, слѣдовательно, и плата зависитъ отъ такой массы условій, что опредѣлить стоимость работы до ея окончанія бываетъ трудно даже самому рабочему. Немалое значеніе имѣетъ, прежде всего, уже одна степень техническаго усовершенствованія станка, на которомъ производится работа. На хорошемъ и болѣе при-

способленномъ станкѣ, очевидно, можно скорѣе сдѣлать работу, чѣмъ на плохомъ, и, значитъ, рабочему плохого станка слѣдовало бы платить за „штуку" больше. Имѣетъ значеніе также и качество обрабатываемаго матеріала. Плохое оборудованіе мастерской, недостатокъ въ ней подъемныхъ крановъ, паровыхъ молотовъ и т. п. въ свою очередь влекутъ за собой непроизводительную трату времени.

При поденной оплатѣ труда всѣ эти условія не отражаются на заработкѣ рабочаго, но при задѣльной—ему приходится платиться рѣшительно за все. Но освѣдомленъ-ли достаточно мастеръ о всѣхъ препятствіяхъ, могущихъ задержать работу и вызвать непроизводительную потерю рабочаго времени? Принимаетъ ли онъ въ разсчетъ это время?—Никогда. Даже, если онъ искренно желаетъ этого, онъ не можетъ предвидѣть всѣхъ случайныхъ задержекъ въ работѣ. Но, помимо того, при разцѣнкѣ нерѣдко разыгрывается и произволъ мастера. У него всегда могутъ быть свои приближенные и любимчики, тѣмъ или другимъ способомъ добившіеся его расположенія. Всѣхъ ихъ онъ старается выдѣлить, дать имъ заработать больше, чѣмъ другимъ, и, такимъ образомъ, вносятъ въ среду рабочихъ ссоры и неудовольствія. Съ другой стороны, систематически назначая недостаточную цѣну, мастеръ можетъ вынудить любого нежелательнаго ему работника „по собственному желанію" взять разсчетъ. О „взаимномъ соглашеніи" здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Если мастеръ оцѣнилъ данную штуку, рабочему остается одно изъ двухъ: или брать работу по той цѣнѣ, которую ему даютъ, или идти за ворота. Единственно, что можетъ сдѣлать рабочій для увеличенія своего заработка, это по возможности повысить напряженность труда. Если же и этого не достаточно, то ему остается передъ „шабашемъ" зайти въ контору мастера и сказать: „Егоръ Егорычъ, дозвольте вечерокъ сработать", т. е., не довольствуясь $10^1/_2$ часами, отработать 12 — 14. Платы за это время, какъ за сверхурочное, не полагается.

Произволъ мастера при разцѣнкѣ ничѣмъ не ограниченъ. Только послѣ январьскихъ забастовокъ Путиловскій заводъ рѣшилъ было въ видѣ опыта ввести у себя по мастерскимъ постоянныхъ выборныхъ отъ рабочихъ съ тѣмъ, чтобы эти выборные привлекались съ совѣщательнымъ голосомъ „къ распредѣленію назначенныхъ заводомъ валовыхъ разцѣнокъ между отдѣльными рабочими" („Русь", № 61). Но уже черезъ мѣсяцъ эта коммиссія, „по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ", распалась, и рабочіе по прежнему не имѣютъ никакихъ средствъ для того, чтобы ограничить произволъ мастера.

Такимъ образомъ, задѣльная плата,—въ большинствѣ случаевъ къ тому же недостаточная,—прежде всего заставляетъ рабочаго спѣшить, напрягать всѣ силы, чтобы выработать возможно больше.

Для него всякая минута дорога, и при задѣльной работѣ вы никогда не встрѣтите той солидарности и дружбы среди рабочихъ, какую можно найти при поденной. Въ первомъ случаѣ каждый слишкомъ заинтересованъ въ успѣшности именно своей работы, и всякія задержки даютъ поводъ къ ссорамъ, брани, а, бываетъ, и къ дракѣ.

Въ мастерской, работающей по задѣльной платѣ, и для хозяина не требуется мастеръ, который былъ бы непремѣнно „собакой". Здѣсь онъ чаще всего совсѣмъ не выходитъ изъ конторы и твердо убѣжденъ, что никакая брань, никакая палка не заставятъ рабочаго такъ напрягать свои силы, какъ это дѣлаетъ низкій разцѣнокъ. Благодаря этому же разцѣнку, у мастера не бываетъ и нужды просить рабочихъ остаться въ заводѣ сверхурочное время. Наоборотъ, самъ рабочій придетъ къ нему и скажетъ: „Егоръ Егорычъ! Дозвольте вечерокъ сработать". Сверхурочная работа не пользуется особой симпатіей рабочихъ, и тѣмъ не менѣе они бываютъ вынуждены на нее, такъ какъ за 10 часовъ не успѣваютъ отработать всѣ расходы на пищу, одежду и жилище. Впрочемъ, порою и такіе рабочіе, которые получаютъ хорошее жалованье, готовы остаться на сверхурочное время. Это объясняется беззащитностью русскаго рабочаго, тѣмъ тяжелымъ положеніемъ, въ которое поставленъ онъ, не имѣя никакихъ союзовъ и организацій, могущихъ оказать ему помощь во время стачки или безработицы. Боязнь „черного" дня нерѣдко заставляетъ его всякими способами добывать лишнюю копѣйку, лишь бы хоть на время избавиться отъ призрака голода. Но въ общемъ—повторяю—сверхурочная работа далеко не пользуется симпатіями рабочихъ, и это, конечно, не удивитъ никого, кто знаетъ ту страшную усталость, какая овладѣваетъ человѣкомъ послѣ 10—11 часовъ напряженнаго труда.

Если для рабочаго низкая задѣльная плата несетъ съ собою чрезмѣрное напряженіе силъ, то на всемъ заводскомъ дѣлѣ она отзывается небрежностью работы и большимъ количествомъ брака. Всякая дешево оплачиваемая работа безусловна плоха и убыточна. Рабочему во что бы то ни стало нужно выработать извѣстное количество денегъ, безъ котораго его существованіе не мыслимо. Но низкій разцѣнокъ не позволяетъ ему тратить на каждое издѣлье много времени. Онъ стремится какъ можно скорѣе сдать одну вещь, чтобы получить другую, и работаетъ небрежно, а вслѣдствіе этого растетъ на заводѣ количество браку. За него рабочему-штучнику, правда, не платятъ, но вѣдь не въ барышахъ остается и заводъ, а если принять во вниманіе, что въ этой штукѣ могъ заключаться уже оплаченный трудъ другого рабочаго, то будетъ ясно, что заводъ потеряетъ несравненно больше, нежели рабочій.

При широкомъ распространеніи задѣльной платы получаетъ

оригинальную постановку весь вопросъ о нормальной величинѣ рабочаго дня. Нѣсколько времени тому назадъ въ газетѣ „Слово" появилась статья академика Янжула, въ которой онъ съ негодованіемъ обрушился на рабочихъ за то, что они позабыли всякое чувство мѣры, требуя 8-часоваго рабочаго дня. Нелѣпость такого требованія авторъ статьи доказывалъ тѣмъ, что въ Западной Европѣ еще далеко не вездѣ введенъ 8-часовой рабочій день, и, слѣдовательно, устанавливать его въ Россіи не мыслимо.

Эту статью мнѣ пришлось читать среди рабочихъ, и едва мы кончили чтеніе, какъ одинъ изъ слушателей сказалъ:

— А знаетъ ли ак. Янжулъ, сколько мы на самомъ дѣлѣ работаемъ? Вѣдь насъ заставляютъ только *пробыть* въ заводѣ $10^1/_2$ часовъ, а работаемъ мы столько, сколько вздумается.

Читатель легко пойметъ всю вѣскость такого возраженія. Дѣйствительно, кто можетъ знать, сколько на самомъ дѣлѣ работаетъ штучникъ? Пробыть въ заводѣ $10^1/_2$ часовъ не значитъ еще все это время употребить на „полезную, общественно-необходимую работу". Кромѣ того, являясь лично заинтересованнымъ въ продуктивности своей работы, являясь какъ бы участникомъ производства, штучникъ не нуждается ни въ какихъ рамкахъ, ограничивающихъ его рабочее время, и всякіе правительственные акты о нормировкѣ рабочаго времени для него сводятся только къ излишнимъ стѣсненіямъ. Конечно, это относится только къ штучникамъ, т. е. рабочимъ, получающимъ задѣльную плату. Ихъ договоръ найма въ настоящее время можетъ быть сформулированъ такъ: заводъ предоставляетъ рабочему всѣ орудія производства, но требуетъ отъ рабочаго не извѣстнаго количества труда, а обязательнаго присутствія на заводѣ въ теченіе $10^1/_2$ часовъ въ сутки. Выставивъ требованіе 8-часового рабочаго дня, штучники тѣмъ самымъ сказали: „зачѣмъ намъ просиживать въ заводѣ лишнее время, мы и за 8 часовъ сдѣлаемъ столько же, сколько теперь за $10^1/_2$, лишь бы заводъ былъ хорошо оборудованъ". Но заводъ не соглашается и твердитъ по прежнему: „сколько хотите, столько и работайте, но должны пробыть въ заводѣ $10^1/_2$ часовъ и конецъ".

Во время нашихъ дебатовъ по поводу статьи г. Янжула, одинъ изъ рабочихъ сказалъ: „въ субботу у насъ работаютъ 7 часовъ, а я дѣлаю столько же паровозныхъ буксъ, сколько и за $10^1/_2$ часовъ". И такихъ работниковъ найдется не мало, хотя утверждать это про всѣхъ я, конечно, не могу. Во всякомъ случаѣ, если въ Западной Европѣ съ ея „поденной" формой заработной платы наблюдается такое явленіе, что „во многихъ случаяхъ рабочіе въ десять часовъ производили столько же, сколько и въ двѣнадцать, и въ восемь столько же, сколько въ десять", и если тамъ „въ ариѳметикѣ труда, какъ и въ ариѳметикѣ таможенныхъ сборовъ, при вычитаніи двухъ изъ десяти получается

не восемь, а даже одиннадцать" *), то можно съ увѣренностью сказать, что русская задѣльная плата дастъ еще большую возможность ввести 8-часовой рабочій день, съ гарантіей получить отъ рабочаго самую напряженную работу.

П. Тимофеевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

На амурской колесной дорогѣ.

Въ газетѣ „Амурскій край" появилось нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ извѣстіе, что къ скорѣйшему окончанію амурской колесной дороги принимаются мѣры. Въ „Судебномъ Обозрѣніи" сообщалось, что часть задержанныхъ войною каторжныхъ партій будетъ направлена на эту дорогу. Русскій читатель, пробѣжавшій эти замѣтки, сейчасъ же забудетъ ихъ, какъ и тысячи другихъ маловажныхъ вѣстей, наполняющихъ ежедневно газетную хронику. Въ печати объ этой дорогѣ я не встрѣчалъ никакихъ подробностей. Да и, въ самомъ дѣлѣ, кого могутъ интересовать какія-то работы на далекой глухой окраинѣ? А между тѣмъ многое, что тамъ творится, достойно большаго, гораздо большаго вниманія.

Я намѣренъ — лучше поздно, чѣмъ никогда, — подѣлиться съ читателями кой-какимъ матеріаломъ, скопившимся у меня на этотъ счетъ.

Амурская колесная или шоссейная дорога прокладывается между Хабаровскомъ и Благовѣщенскомъ вдоль по теченію Амура, то отходя отъ этой рѣки, то снова приближаясь къ ней. Работаютъ каторжане, завѣдуетъ работой вице-губернаторъ. Согнанные на работу каторжане,—часто люди непривычные къ тяжелому физическому труду, принимаются за эту тягчайшую его форму прямо послѣ долгой тюремной сидки съ ея душной атмосферой, плохой пищей, отсутствіемъ движенія и тѣмъ тревожнымъ, мучительнымъ тюремнымъ бездѣльемъ, которое больше всего изнуряетъ человѣка. „Я до этого въ глаза тачки не видалъ, и отъ одного свѣжаго воздуха, какъ пьяный, шатался",— слышалъ я отъ многихъ арестантовъ. На работу идутъ люди, въ массѣ ослабѣвшіе, разбитые душой и тѣломъ.

Каторжане работаютъ одновременно на протяженіи сотенъ верстъ. Ими руководитъ или, вѣрнѣе, ими безконтрольно помыкаетъ ближайшее начальство. Здѣсь полное царство каторжныхъ „царей и боговъ".

*) Веббъ и Коксъ „8-ми часовой рабочій день", стр. 4—5.

Кто же это начальство?

Его цѣлая лѣстница, начиная съ десятниковъ изъ самихъ арестантовъ внѣ тюремнаго разряда, — людей, стремящихся выслужиться и войти въ довѣріе путемъ прижимки своихъ собратьевъ, продолжая конвоемъ, озлобленнымъ своей нелѣпой службой и вѣчнымъ страхомъ отвѣтственности, надзирателями, техниками, фельдшерами, всевластными начальниками и кончая высшей инстанціей—вице-губернаторомъ. Съ одной стороны—забитый, безгласный, „лишенный правъ" сбродъ всероссійскихъ неудачниковъ, съ другой—тоже сбродъ неудачниковъ, но надѣленныхъ такою властью, которая въ ихъ жестокихъ, корыстныхъ, жадныхъ рукахъ становится орудіемъ плантаторскаго порабощенія, безсмысленнаго мучительства тысячъ людей.

Какъ сказано выше, съ окончаніемъ дороги торопятся, для такого окончанія *принимаются мѣры.* Мы увидимъ, что эти мѣры дѣйствительно принимаются, и все, что теряется на плохомъ качествѣ рабочихъ рукъ, на недостаткахъ техники, нагоняется своеобразными, хотя, впрочемъ, исконными русскими пріемами, направленными къ увеличенію производительности труда рабочихъ-каторжанъ.

Рабочій день начинается.

Арестантовъ пробуждаетъ дикій ревъ:

„Вставай, на раскомандировку, пей чай, умывайся!"

Рабочіе вскакиваютъ, хватаютъ хлѣбъ, чайники, плещутъ водою лицо, — кто что успѣетъ. Черезъ нѣсколько минутъ желѣзная палка надзирателя уже гуляетъ по спинамъ, и это битье—прологъ къ длинному дню каторжнаго труда и побоевъ. Выбѣгаютъ безъ хлѣба и безъ чайниковъ, только бы спастись отъ ударовъ.

Приходятъ на работу,—и тутъ начинается каторжный адъ.

Земляная работа, какъ извѣстно, сама по себѣ очень трудна. Трудности ея мѣняются въ зависимости отъ грунта. Каменныя полосы, гдѣ каждый вершокъ достается цѣною страшныхъ усилій, смѣняются болотомъ, гдѣ работа идетъ по поясъ въ водѣ. Тягости этого истинно-каторжнаго труда усиливаются климатическими условіями мѣстности. Во всякую погоду, въ грозный зной, когда раскаленные лучи солнца падаютъ почти отвѣсно, во время безконечныхъ, пронизывающихъ дождей, въ зимнюю стужу по колѣна въ ледяной водѣ съ утра до ночи, не покладая рукъ, возится въ землѣ надъ своими „урками" армія „сѣрыхъ чертей". Въ теплое время, по утрамъ и вечерамъ, надъ ними носятся тучи комаровъ и мошки, злой назойливый „гнусъ", къ полудню уступающій мѣсто болѣе крупнымъ слѣпнямъ и оводамъ; все это нещадно жалитъ, и язвитъ, и изнуряетъ рабочихъ. Воды на линіи

нѣтъ нигдѣ. Казенныя арбы съ водой запаздываютъ. Казенныхъ чайниковъ не полагается, свои есть не у всѣхъ. Кто не успѣлъ (а успѣть не легко) захватить воды, или всю ее истратилъ, — „пропадаетъ". Обезсиленная работой, распаленная отъ жары, „шпана" изнемогаетъ и томится жаждой. Рабочая сила человѣка здѣсь быстро истощается.

Въ самомъ началѣ дѣло въ высшей степени тормазится и затрудняется тѣмъ, что необходимые рабочіе инструменты — лопаты, кайлы и т. п.—стары и плохи. Притупляясь и ломаясь о камень, о корни, переплетающіеся въ землѣ, они скоро изнашиваются, но не замѣняются новыми. Идутъ въ починку все тѣ же. Не знаю, что здѣсь причиною, *экономія* заправилъ, или *доходъ* мелкой сошки; то или другое, или то и другое вмѣстѣ, но успѣшности работъ эта *мѣра* не способствуетъ и превращаетъ трудъ въ напрасное безцѣльное мученіе. Требовательности начальства по отношенію къ рабочимъ это не уменьшаетъ, скорѣе напротивъ. И земляная работа ведется негодными орудіями.

Прежде, чѣмъ перейти къ обращенію съ рабочими, когда передъ нами развернутся въ полномъ блескѣ тѣ мѣры, которыя принимаются къ скорѣйшему окончанію дороги, я скажу нѣсколько словъ объ общихъ условіяхъ быта рабочихъ.

Арестанты живутъ въ палаткахъ, старый перезаплатанный холстъ которыхъ протекаетъ, какъ рѣшето, или въ землянкахъ, столь же гигроскопичныхъ. Спятъ они на голой землѣ, которая въ дождливое время превращается въ грязь. Промокшихъ, потныхъ, грязныхъ и избитыхъ пригоняютъ ихъ съ работы. Переодѣться не во что. Кое-гдѣ есть матрацы (подаяніе), но они скоро становятся „чернѣе сажи", какъ и все отрепье, замѣняющее одежду. Въ сырости и грязи, среди гнилыхъ кислыхъ испареній, на ложѣ изъ тряпья, кишащемъ паразитами, арестанты „то прѣютъ, то коченѣютъ". Таковъ ихъ ночной отдыхъ.

Бани есть только на узловыхъ станкахъ; на линіи ихъ замѣняетъ рѣка, куда по воскресеньямъ гонятъ арестантовъ мыть бѣлье и самимъ мыться. Бѣлья выдается 2 смѣны, при чемъ выдача обыкновенно запаздываетъ, — но одна смѣна идетъ на заплаты и починку, такъ что на дѣлѣ все время безсмѣнно носятъ одну пару. Тутъ же сушатъ. Проточная вода холодна, какъ ледъ, и купаться рѣшается не всякій: судороги сводятъ тѣло. А отъ грязи и сырости, отъ прѣлой одежды и паразитовъ въ тѣлѣ зудъ и чесотка. Стричься и бриться не полагается: нечѣмъ (а недавно нерчинскую каторгу охватила эпидемія стрижки арестантовъ именно потому, что здѣсь въ этомъ нѣтъ особенной надобности). Разсказы арестантовъ на эту тему обычно кончаются стономъ: „грязь, вши, бѣда!"

Кѣмъ-то была пожертвована арестантамъ одежда, между про-

чимъ, красное ситцевое нижнее бѣлье. Но получили, разсказываютъ арестанты, его очень немногіе, потому что, по словамъ начальства, баржа съ этимъ грузомъ затонула. Однако неполучившіе, какъ оказалось, ничего не потеряли, потому что получившимъ подаяніе казеннаго бѣлья уже не выдали.

Одна партія проработала все лѣто въ обуви, въ какой пришла изъ Москвы, т. е. почти босикомъ. Ссадили и изранили себѣ ноги о щебень и дошли до того, что стали сами изъ рукавицъ, чуть не изъ рубашечнаго холста шить себѣ обувь. Только къ осени выдали коты.

Меньше всего приходится слышать жалобъ на пищу, быть можетъ, потому, что мѣриломъ служитъ то, чѣмъ кормятъ арестантовъ по тюрьмамъ. Плохъ только хлѣбъ. За то тутъ мы встрѣчаемся съ такими фактами.

„Лѣтомъ 1903 г. намъ на станкѣ X. выдали жалованье какъ разъ за полгода—пришлось мнѣ 1 р. 60 коп. Стали искать, нѣтъ ли гдѣ купить хлѣба. Продавецъ нашелся. Подрядчикъ, родственникъ старшаго Б., привозилъ, а самъ старшій продавалъ намъ бѣлыя булки въ $1^1/_2$ ф. вѣсомъ по 50 и 60 коп. По близости, верстъ за 6, были пріискатели. Услышали они и притащили нѣсколько пудовъ хлѣба—вдвое дешевле. Но солдаты, по приказанію старшаго, ихъ прогнали. Отошли они съ версту, старшій верхомъ ихъ нагналъ, купилъ у нихъ весь хлѣбъ, а послѣ намъ его перепродалъ по своей старой цѣнѣ. Тутъ уже мы халаты попродавали, и за эти деньги купили хлѣба“...

Какія-то таинственныя операціи совершаются и съ заработной платой.

„Хотя и обѣщали платить старательскія и процентовыя деньги, но вся заработная плата сводилась къ нулю. Давали выписку разъ въ мѣсяцъ. И вотъ за мѣсяцъ каждому рабочему приходилось: 1 ф. махорки, 6 листовъ курительной бумаги и 1 ф. сахару“.

Такъ было въ 1903 г. Въ 1904 г. дѣло нѣсколько мѣняется.

„Какая плата полагается? Не знаю точно. Пять мѣсяцевъ проработалъ я на участкѣ Игнатьева. Плату намъ продуктомъ давали, махоркой, $^1/_2$ ф. въ мѣсяцъ на душу“...

Вотъ что разсказываетъ арестантъ, работавшій на участкѣ Биджанъ лѣтомъ 1903 г.

„По приходѣ на мѣсто работъ замѣряли по 0,75 саж. на человѣка—и начали погонять!

„Почти никто не могъ выработать урока. Всѣмъ урокъ одинаковый. Который человѣкъ сильный и привычный, онъ еще выработаетъ. А слабосильный—изъ силъ выбьется, подохнетъ на мѣстѣ, да такъ и не кончитъ. А отставать нельзя. Тутъ десятники поукаютъ, конвой прикладами лупитъ. Ты въ землю кайлой,—онъ

тебѣ въ спину прикладомъ. Сѣлъ отдохнуть, закурилъ — лупятъ! Невыработанный урокъ заставляли дорабатывать въ воскресные дни. Если дождь помѣшалъ работать—дорабатывай все равно въ воскресенье. Разъ, два не выработалъ урока—карцеръ, а затѣмъ розги. Завѣдывалъ начальникъ Лапинъ—звѣрь, не человѣкъ! Ни малѣйшей жалости, чуть что—розги, розги и розги!

„Промучились у Лапина, откомандировали на Дауръ—21 верста отъ Биджана. Начальникомъ назначили унтеръ-офицера Богоявленскаго. Изъ огня попали да въ полымя. Хоть умирай, да работай. Утромъ чуть свѣтъ выгонитъ на работу; обѣдать—иди на станъ, версты 3 отъ мѣста работы, послѣ обѣда—опять иди, и такъ изо дня въ день съ ранняго утра до поздней ночи. Ни отдыха, ни облегченія"...

Въ основу мѣръ къ скорѣйшему окончанію дороги положена *порка*, какъ наиболѣе практичное и примѣнимое ко всякимъ условіямъ средство. Смотря по лѣсу: идутъ осинникомъ—порютъ осиной, идутъ тальникомъ—порютъ тальникомъ, идутъ березнякомъ—порютъ березой. Зимою порютъ прямо на морозѣ. Но разнообразіемъ матеріала для розогъ перечень способовъ, которыми на Амурѣ поднимаютъ производительность арестантскаго труда, еще не исчерпывается. Кромѣ обычнаго битья во всѣхъ его видахъ, кромѣ карцера и заковки въ кандалы (которые выбираются нарочно съ зазубринами на „браслетахъ" и надѣваются на голую ногу) — мѣръ еще много-много. „Рецидивистовъ", т. е. неоднократно не выработавшихъ урока, зимою, поморивъ сначала голодомъ, ставятъ въ лютый тамошній морозъ часа на $1^1/_2$ — 2 на ледъ босикомъ, при чемъ не позволяютъ... мочиться. Передаютъ и такой случай. Провинился въ чемъ-то арестантъ. Дѣло было лѣтомъ. И придумали ему наказаніе. Привязали его голаго къ дереву, и такъ стоялъ онъ нѣсколько часовъ, облѣпленный комарами. Точь въ точь, какъ пытали своихъ рабовъ крѣпостныя Салтычихи.

Всѣ *наказанія* перечислить трудно. Они разнообразятся во времени и пространствѣ, и возможно ли прослѣдить всѣ формы истязательства, которыя измышляетъ средневѣковый мозгъ разныхъ мелкихъ и крупныхъ царьковъ въ этомъ царствѣ произвола. Одинъ принимаетъ мѣры, другой срываетъ злобу, третій запугиваетъ, четвертый сводитъ счеты, пятый — отъ скуки. Но, какъ говорятъ арестанты, „всѣхъ одна мать родила"...

А вотъ данныя, относящіяся къ 1904 г., т. е. къ эпохѣ принятія особенныхъ мѣръ.

Прежде всего тутъ повторяется все та же безконечная эпопея побоевъ и прикладовъ — ея же царствію нѣтъ конца. Приклады къ этому времени успѣваютъ получить обиходныя названія: „чортовы пятки", или „вѣнскіе стулья". Каторжанъ, отстающихъ въ работѣ отъ товарищей, конвой по своему „торопитъ". Когда ре-

зультаты рабочаго дня надзирателю кажутся малоуспѣшными, онъ даетъ конвойнымъ такую инструкцію:

— „А ну-ка, прогони ихъ по-солдатски!..“ И тогда всю дорогу въ палатки рабочихъ гонятъ бѣгомъ, непрерывно колотя прикладами, входятъ во вкусъ, въ азартъ.

— Ну, а если кто-нибудь упадетъ?

— „Ну, не дай Богъ упасть... Ужъ лучше поскорѣй!..“

— „Пойдетъ дождь — гонятъ домой. Потомъ: „Стой! Это туманъ! Назадъ!“ Возвращаемся. Дождь сильнѣе—прягонятъ домой. Пересталъ—опять на работу. И такъ по нѣскольку разъ. У насъ половина народу заболѣла куриной слѣпотой. Какъ стемнѣетъ—идемъ, другъ за друга держимся. Идти вдоль рѣки. Кто урка не выработалъ—солдаты прикладами въ воду гонятъ. Такъ и идетъ онъ по поясъ въ водѣ—слѣпой за зрячаго держится. А еще, кто урка не выработаетъ, день—работать, ночь—въ карцеръ“.

— „Кузьма М., 22 лѣтъ, здоровый парень былъ,—прямо съ призыва осужденъ. На колесной дорогѣ дурной какой-то сталъ, сталъ пухнуть, оглохъ. Солдаты ему кричатъ что-нибудь — не слышитъ ничего. Опять ему приклады садятъ. Теперь окончательно ослабъ. Шагъ пройдетъ — задыхается, одышка. Лупятъ его—не обернется, какъ по дереву. Признали неспособнымъ, отправили съ дороги“.

— „К—нъ копается, копается—ни разу урока не выработалъ, хоть ты что хочешь. Ужъ его били-били, сколько онъ прикладовъ этихъ принялъ, собаку такъ не бьютъ. Разъ бросаетъ работу. „Не могу, говоритъ, боленъ я, ведите въ лазаретъ“. Десятникъ К—скій сталъ его ручкой револьвера поливать. Работай! Схватилъ К—нъ лопатку, да на него. Десятникъ кричитъ: застрѣлю. „Стрѣляй, будь ты проклятъ, одинъ конецъ“! Тогда его повели въ лазаретъ... Черезъ недѣлю опять погнали на работу, а онъ былъ еще въ жару. Потомъ признали одышку, грыжу—отправили“...

Однажды этотъ К—нъ, отбрасывая землю лопатой, не замѣтилъ, какъ сзади подошелъ техникъ Н., и угодилъ послѣднему землею прямо въ лицо. Техникъ потребовалъ воды, умылся, привелъ въ порядокъ туалетъ, а затѣмъ подошелъ къ К—ну и подъ охраною солдатъ больно избилъ его тростью.

— А вы, N, какъ переносили?

— „Меня Богъ миловалъ. Я такъ себѣ рѣшилъ, живъ—живъ буду, а пропалъ—пропалъ. Тамъ про завтра никто не думаетъ. Живъ день—и слава Богу. Я уже рѣшилъ молчать—терпѣть. Работалъ, сколько силъ было... Выходишь утромъ, какъ на смерть... Надрывался, кровью ходилъ... Ничего, вынесъ... Потомъ признали неспособнымъ—и въ отправку“...

„Сгною“! и „запорю“!—эти старые девизы сохранились здѣсь въ полной мѣрѣ и дѣйствіи. Общему девизу начальства соотвѣт-

ствуетъ его общая практика. И вотъ тысячи людей на Амурѣ поглощены вопросами: какой ударъ предпочтительнѣй—прикладомъ въ затылокъ, или имъ же по лопаткѣ? Или чѣмъ выгоднѣе быть избитымъ—чортовой пяткой или ручкой револьвера? Или что злѣе—розги, палки или кулаки? И для нихъ это вопросы живого интереса и практическаго значенія огромной важности, ибо имъ тычутъ въ зубы, они глотаютъ оплеухи, ихъ поливаютъ палками, сѣкутъ розгами и лупятъ прикладами. Мышленіе людей опредѣляется ихъ бытіемъ.

„Сила тамъ нужна и каменное терпѣніе".

Старинное, обычаемъ освященное, прибѣжище арестантское—лазаретъ на Амурѣ совершенно теряетъ свой гостепріимный характеръ. Здѣсь „чохъ—мохъ не разбираютъ", внутреннихъ болѣзней не признаютъ и обращаютъ вниманіе только на внѣшніе признаки.

„Заявилъ, что боленъ,—сейчасъ къ фельдшеру. Осмотритъ фельдшеръ, говоритъ: „здоровъ"!—и начинаютъ угощать прикладами. Хоть живой въ могилу ложись!"

Такъ было въ 1903 году. А въ 1904 году, когда къ скорѣйшему окончанію дороги принимались мѣры? Дословно передаю сообщеніе арестанта.

„... Но если человѣкъ какой либо болью боленъ и заявляетъ дежурному надзирателю, или же десятнику, тогда его ведетъ конвойный до фельдшера, а фельдшеръ, какъ милая сволочь (sic), конечно, осмотритъ и дастъ какой-либо рвотный порошокъ, а потомъ приказываетъ вести больного обратно на урокъ; тогда уже конвойный поступаетъ съ больнымъ по своему и гонитъ его цѣльныя 5 или же 7 верстъ подъ прикладомъ, не менѣе, какъ получишь 50 прикладовъ въ спину и въ бока; вотъ и все амурское лѣченіе"...

На сценѣ появляются *членовредители* или *пальцерубы*. Отъ времени до времени въ тюрьмы нерчинской каторги съ амурской шоссейной дороги пригоняютъ возвратныя партіи. Это—спасенные, неспособные къ работѣ. Трудно было бы вѣрить ихъ разсказамъ, если бы они сами не являли собою живыхъ вещественныхъ доказательствъ. Большинство изъ нихъ безъ пальца, безъ двухъ, безъ трехъ. Это—цѣна ихъ спасенія и, какъ увидимъ, еще не вся. У другихъ на тѣлѣ язвы отъ извести или уксусной эссенціи: симулируютъ сифилисъ и т. п. Третьи дѣлаютъ себя неспособными къ труду иными способами: пьютъ табакъ, соль. Четвертые бросаются во время рубки лѣса подъ гигантскія падающія деревья. Словомъ:

Пальцы рѣжутъ, зубы рвутъ,
Въ службу царскую нейдутъ,—
Не хотятъ!..

— „Бываютъ изъ нихъ, конечно, либо совсѣмъ лодыри, либо горланистые парни, которые больше тюремное наслажденіе любятъ... Но немного такихъ. Слабосильный человѣкъ, непривычный, отъ работы задыхается... Отъ жизни этой, отъ работы непосильной, отъ побоевъ и пальцы рубятъ, и бѣгутъ. *Все равно пропадать, такъ ужъ лучше сразу*".

Такъ объясняютъ сами арестанты это явленіе—эпидемію пальцерубства. И, правда, насколько могъ я замѣтить, люди крѣпкіе и выносливые прибѣгаютъ къ этому рѣже.

Но—„къ скорѣйшему окончанію дороги принимаются мѣры", и съ членовредителями ведется жаркая борьба. Тутъ на помощь администраціи приходитъ медицина въ лицѣ фельдшеровъ.

Въ іюлѣ 1904 года молодой арестантъ П—въ отрубилъ себѣ палецъ, чтобы хоть немного отдохнуть отъ работы и побоевъ. Послѣ перевязки у фельдшера его опять погнали на работу. Но юноша, какъ видно, рѣшилъ избавиться во что бы то ни стало. Черезъ три дня онъ снова рубитъ себѣ пальцы—на этотъ разъ уже два сразу. П—ва вмѣстѣ съ другими пальцерубами (между прочимъ П—ко, С—мъ, Г—мъ) конвой гонитъ нѣсколько десятковъ верстъ до лазарета.

„Бѣги"! командуетъ солдатъ, самъ не трогаясь съ мѣста. Когда арестантъ отбѣжитъ на нѣсколько шаговъ, конвойный кричитъ: „стой"! Арестантъ останавливается. Солдатъ бросается, съ разбѣга бьетъ его прикладомъ. И опять: „бѣги"! Такъ продолжается, пока солдатъ не устанетъ, или ему не надоѣстъ.

Нѣсколько разъ арестанты отъ боли падали на дорогу и говорили солдатамъ:

— Не пойдемъ. Убивайте насъ сразу...

— „Пойдете"!—отвѣчали эти озвѣрѣвшіе люди. Пригнали. П—въ, пролежавъ въ лазаретѣ мѣсяцъ, всталъ,—и его погнали на работу. Онъ, и раньше непривычный и слабый работникъ, теперь окончательно калѣка. Но онъ идетъ неуклонно къ своей цѣли,— и поретъ себѣ ножомъ животъ. На бѣду неудачно. Отлежался—и опять на работу. Теперь его упорство соединенными силами администраціи и медицины было сломлено, и П—въ сдался. Что съ нимъ теперь, мнѣ неизвѣстно.

Фельдшеръ П—въ съ своей стороны отбиваетъ охоту къ уклоненію отъ работъ. Дѣлая перевязку, онъ читаетъ паціентамъ трехэтажныя внушенія, грубо срываетъ повязку, бередитъ раны и т. д. Но не со всѣми поступаетъ онъ такъ. Если арестантъ бросается передъ нимъ на колѣни и назоветъ: „г. докторъ", или „ваше высокоблагородіе", а не просто „г. фельдшеръ", то онъ становится нѣсколько мягче. Онъ любитъ также проявленія человѣче-

ской стойкости. Если больной во время „перевязки“ выдержитъ испытаніе твердо и не издастъ стона, то фельдшеръ называетъ его молодцомъ и продолжаетъ перевязку уже осторожнѣе и заботливѣе... Арестантъ К—въ показалъ пріѣхавшему губернатору свое тѣло, исполосованное прикладами. Губернаторъ обратилъ на начальника вопросительно-грозный взглядъ... Выручилъ присутствовавшій тутъ же фельдшеръ.

— „Это, ваше превосходительство, іодомъ смазано“...

Но, видно, авторитетное заявленіе представителя науки не убѣдило даже губернатора.

— „Я буду отдавать подъ судъ!“ внушительно сказалъ онъ начальнику и уѣхалъ. Все осталось по старому.

Каторжанинъ изъ солдатъ Александръ П., на тѣлѣ котораго отъ побоевъ не было живого мѣста, взялъ да и отсѣкъ себѣ 2 пальца. Но этой цѣной онъ купилъ лишь временный и относительный отдыхъ; его и „по-солдатски“ гнали, ему и П—въ дѣлалъ свою „перевязку“,—словомъ, все по обычной программѣ „амурскаго лѣченія“. Потомъ онъ опять на работѣ. Пришлось ему вмѣстѣ съ другими передвигать огромный камень пудовъ въ 70. И во время возни раздробило ему камнемъ третій палецъ. Вышеупомянутый техникъ Н — въ заявилъ, что это П. сдѣлалъ изъ лѣности, „нарочно“, т. е. совершилъ по амурскимъ понятіямъ преступленіе. Гоняли. Били. Пріѣзжалъ, кажется, изъ Благовѣщенска военный врачъ, и неспособнымъ къ работѣ П. *не призналъ*. Отлупили. Но чаша терпѣнія этого объекта административной вивисекціи переполнилась, и П. отказался работать наотрѣзъ. Что дальше предприняли по отношенію къ нему, мнѣ неизвѣстно.

Ѳ. четыре мѣсяца непрерывно работалъ, и его, какъ слабосильнаго, гоняли изъ десятка въ десятокъ. Ѳ. заболѣлъ лихорадкой. Заявилъ надзирателю. Фельдшеръ освидѣтельствовалъ и нашелъ его здоровымъ. Ѳ. гонятъ прикладами назадъ. Онъ покорно идетъ, пришелъ въ баракъ, схватилъ топоръ и отсѣкъ себѣ кисть руки... Послѣ фельдшеръ П—въ говорилъ, что Ѳ. дѣйствительно былъ тогда боленъ, и онъ взялъ бы его въ лазаретъ, только хотѣлъ это сдѣлать на другой день.

Другой Ѳ. былъ счастливѣе своего однофамильца. Отъ дороги онъ откупился только однимъ пальцемъ. Когда я пишу эти строки, передо мной, въ числѣ другихъ матеріаловъ объ амурской колесной дорогѣ, лежитъ косточка отъ его пальца, которую я собственноручно извлекъ изъ раны.

Х. отказался работать. Фельдшеръ больнымъ его не призналъ. Х. держали въ карцерѣ и тамъ били.

— Пойдешь на работу?..

— „Пойду!“ —сказалъ онъ, наконецъ. Тогда его выпустили изъ

карцера. Придя въ баракъ, онъ сапожнымъ ножомъ перерѣзалъ себѣ горло. Его отправили въ Благовѣщенскъ.

Членовредительство на амурской колесной дорогѣ разсматривается, какъ преступное дѣяніе, подлежащее наказанію. Многихъ пальцерубовъ держатъ до излѣченія не въ лазаретѣ, а въ карцерѣ и только „гоняютъ" на перевязку. А когда рана у „виновныхъ" заживетъ, ихъ, по распоряженію вице-губернатора, наказываютъ розгами. Несчастныхъ, о которыхъ выше разсказано, онъ присудилъ къ 50 ударамъ розгами, но подоспѣлъ манифестъ, и военный губернаторъ, къ великой и нескрываемой досадѣ начальства дороги, помиловалъ виноватыхъ.

Надо уходить!

Побѣгъ съ дороги — дѣло отчаянія. Сама амурская природа поставила ему непреодолимыя преграды. Кто идетъ по люднымъ мѣстамъ, неизбѣжно попадается, потому что жители знаютъ другъ друга въ лицо. Бѣглецъ долженъ поневолѣ скрываться отъ людей и углубляться въ глухую тайгу. Въ глубинѣ ея и совершается по большей части трагическій финалъ „удачныхъ" побѣговъ: голодная смерть заблудившихся бродягъ, или гибель въ лапахъ у хищныхъ звѣрей. Казаки и старые бродяги, которые „знаютъ ходы", говорятъ, что въ тайгѣ, да въ такихъ мѣстахъ, откуда „20 дней до дороги идти", встрѣчаются трупы. Впрочемъ, это въ Сибири не рѣдкость и не въ такой глуши.

Администрація колесной дороги боится всетаки побѣговъ, и одинъ изъ начальства очень удачно выразилъ смыслъ этой боязни во время внушенія пойманнымъ бѣглецамъ:

„Не столько набѣгаете, сколько наразскажете......"

Вѣрный своему плану, я передамъ два случая побѣговъ, одинъ до, другой послѣ принятія мѣръ къ скорѣйшему окончанію дороги.

„Вотъ случай, очевидцемъ и потерпѣвшимъ котораго я былъ. 3 или 4 августа 1903 года отправились мы въ числѣ 10 человѣкъ на работу при двухъ конвоирахъ. Работа была верстахъ въ 3 отъ Даура. Кругомъ лѣсъ. Проработали почти до обѣда и, чтобы не идти на станъ, согласились варить чай. Четверо остались работать, а 6 человѣкъ отправились съ однимъ конвоиромъ варить чай. Пришли на таборъ эти 6 человѣкъ, и трое изъ нихъ остались раскладывать огонь, а трое пошли по воду. Конвоиръ пошелъ съ тѣми, которые отправились по воду. Вода была саженяхъ въ 50 отъ табора. Возвратившись съ водой на таборъ, увидѣли, что оставшіеся раскладывать огонь бѣжали. Поискали, покричали — напрасно! Конвоиръ приказываетъ намъ идти къ остальнымъ четыремъ, которые остались на работѣ. Пришли. Солдатъ говоритъ другому конвоиру, что трое бѣжали. Старшимъ былъ Жуковъ.

Жуковъ приказалъ намъ идти на Дауръ. Отошли немного, Жуковъ приказалъ намъ строиться и, ругая всячески, говоритъ:

— „Всѣхъ перестрѣляю"!..

„Второй конвоиръ уговариваетъ Жукова, но послѣдній не обращаетъ вниманія. Отходитъ Жуковъ немного въ сторону, прицѣливается изъ винтовки и начинаетъ стрѣлять. Двухъ арестантовъ онъ убилъ на мѣстѣ. Двухъ ранилъ такъ, что, только довезли впослѣдствіи до Даура, они умерли. А остальные трое выздоровѣли, но также были ранены. Убили бы всѣхъ, но мы, видя неминуемую смерть, притворились. Меня ранило пулей въ лѣвое бедро навылетъ, остальные живы. Одинъ конвоиръ пошелъ на Дауръ докладывать Богоявленскому о случившемся. Черезъ нѣкоторое время явился на мѣсто происшествія Богоявленскій въ сопровожденіи конвоировъ и человѣкъ 12 арестантовъ вольной команды, пріѣхавшихъ подобрать трупы убитыхъ. Какъ только добѣжалъ Богоявленскій до насъ, увидалъ, что нѣкоторые живы, схватилъ у пріѣхавшихъ за трупами арестантовъ топоръ и обухомъ началъ бить раненаго Аджіева. Особое благоволеніе Божіе, что не забили насъ всѣхъ. Повидимому, поопасались арестантовъ вольной команды. На Даурѣ было рабочихъ человѣкъ 80—и никакого протеста! Такъ были всѣ забиты и запуганы, что хоть въ баракѣ убивай на выборъ, никто ничего не скажетъ. Дежурный фельдшеръ оказалъ медицинскую помощь раненымъ. Лапинъ производилъ дознаніе. Черезъ недѣлю послѣ случившагося пріѣзжалъ изъ Благовѣщенска врачъ, освидѣтельствовалъ и уѣхалъ. Пролежалъ я мѣсяца два на Даурѣ, и потомъ отправили въ Благовѣщенскъ, такъ какъ оказался неспособнымъ работать. До сихъ поръ рана даетъ себя чувствовать. Убиты были: Николай Придатько, Ярославскій—имени не знаю; а умерли отъ ранъ: Иванъ Морозовъ и Гершъ Флейтъ.

„Теперь вѣкъ—не человѣкъ"!..

Такъ съ тяжелымъ вздохомъ закончилъ разказчикъ.

А въ 1904 году дѣло обстояло такъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ съ работъ „на 5-ой верстѣ" убѣжало четверо: Иванъ Дегтяревъ, Бочковъ, Егоръ Аракчеевъ и Отто Виссъ, послѣдній—человѣкъ, кажется, интеллигентный (арестанты называли его корреспондентомъ). Что побудило ихъ къ побѣгу, можно видѣть хотя бы изъ того, что одному оставалось всего около года до конца срока. Солдаты настигли ихъ въ нѣсколькихъ верстахъ. Со стороны бѣглецовъ не было, да и не могло быть, ни малѣйшаго сопротивленія. Всѣхъ ихъ перестрѣляли, а чтобы казалось, что они оказали сопротивленіе, ихъ сначала избили прикладами, своротили скулы, повыбивали зубы. Каждый изъ конвойныхъ, участвовавшихъ въ этомъ темномъ дѣлѣ, передаетъ происшедшее на свой ладъ.

Арестанты же единогласно утверждаютъ, что у бѣглецовъ было нѣсколько сотъ рублей, которыми конвойные подѣлились.

Мрачная и жестокая драма таится въ этой исторіи. Такимъ же зловѣщимъ туманомъ окутана скоропостижная смерть Ивана П—на, котораго, какъ говорятъ, забили на смерть топорами и кайлами надзиратели...

Хоронятъ убитыхъ безъ отпѣванія.

Какова же во всемъ этомъ роль вице-губернатора? Жаловаться некому, говорятъ арестанты.

„Пріѣзжалъ вице-губернаторъ Таскинъ, приносили жалобу. Выслушалъ, приказалъ въ воскресные дни не выгонять на работу, хотя бы уроки и не были выработаны. Но по отъѣздѣ Таскина все пошло по прежнему. Лишь жалобщики попали въ карцеры и были закованы въ кандалы. Въ нихъ и работали. Покаялись, да поздно".

Но довольно. Нашей задачей было хоть немного разсѣять мракъ, окутывающій амурскія работы, и привлечь къ нимъ вниманіе общества. Дорога поглощаетъ свѣжія и свѣжія силы, и мы видѣли, въ какомъ видѣ возвращаетъ она бывшія въ дѣлѣ. Источникъ рабочей силы неисчерпаемъ, машина каторжнаго судопроизводства работаетъ безъ перерыва, и на амурскую дорогу подвозятъ изъ Россіи новыхъ и новыхъ рабочихъ. И по прежнему нѣтъ основанія дорожить этимъ дешевымъ въ нашъ XX вѣкъ товаромъ. Въ отдаленномъ, укромномъ, скрытомъ отъ нескромныхъ взоровъ печати уголкѣ по прежнему будетъ расточаться жизнь и здоровье несчастныхъ людей, пока не окончится эта дорога и не будетъ получена за нее обычная награда...

Р. Бравскій.

этой равноправности и являлось мнѣніе о несовершенствѣ женскаго ума. Даже такой смѣлый новаторъ и демократъ, какъ Прудонъ, отрицалъ способность женщины къ умственной и общественной дѣятельности: ménagère ou courtisanne, такъ онъ формулировалъ долю женщины, предрѣшенную ея умственными и всякими иными способностями. Даже такой глубокій мыслитель, какъ Огюстъ Контъ, отводившій женщинѣ огромное мѣсто нравственнаго и облагораживающаго вліянія, не считалъ ее призванною къ умственной и общественной дѣятельности. Нашлись ученые, которые взвѣсили нѣсколько сотъ женскихъ мозговъ и нѣсколько сотъ мужскихъ и доказали, что женскій мозгъ вѣситъ въ среднемъ значительно менѣе мужского и по вѣсу приближается не къ мозгу взрослаго мужчины, а мальчика-подростка. Выводы отсюда казались мужчинамъ очевидными. Нельзя двѣнадцати — четырнадцати лѣтнему мальчугану поручить лѣченіе больного, чтеніе лекцій, отвѣтственную общественную должность... Нельзя ему даровать и право участія въ выборахъ. Значитъ, нельзя и женщинѣ. Ея мозгъ вѣдь равенъ мозгу юнаго мальчугана съ тою только разницею, что мозгъ мальчугана идетъ по пути достиженія мозга взрослаго человѣка, а мозгъ самой умной женщины навѣки осужденъ остаться недостаточнымъ, несовершеннымъ. Это законъ природы, говорили ученые изслѣдователи женскаго мозга. Другой законъ природы они находили въ томъ, что женщина рождаетъ и затѣмъ грудью вскармливаетъ человѣчество. Эти функціи будто бы несовмѣстимы съ умственною и общественной дѣятельностью, если бы женщина и была способна къ такой дѣятельности. По счастью, мудрая природа ей и не дала этой способности. Да и сама женщина не претендуетъ на участіе въ умственной и общественной дѣятельности. Защиту своихъ интересовъ она довѣряетъ своимъ братьямъ, мужьямъ, отцамъ и сыновьямъ.

Приблизительно такъ формулировали свои возраженія противники женской равноправности полвѣка тому назадъ. Это была ложная, но вполнѣ стройная аргументація отвергавшая для женщины всякій выходъ изъ спальни, дѣтской и кухни (кромѣ выхода на публичный позоръ) и основавшая этотъ запретъ на законахъ природы. Женщина не можетъ быть иною, да и не хочетъ. Исторія, однако, уже тогда показала, что среди женщинъ просыпается желаніе свободы и равноправности, и что являются женщины, выдающіяся по уму и дарованіямъ. Такова была Жоржъ Зандъ, за нею—Джорджъ Элліотъ и другія. Появились горячія статьи за женщину изъ подъ пера Джона Стюарта Милля (въ Россіи статьи М. Л. Михайлова). Именно эти первые проблески женскаго движенія и вызвали вышеизложенныя возраженія. Жизнь, однако, текла и выносила все новые и новые факты. Въ шестидесятыхъ годахъ впервые женщины (Кашеварова въ Петербургѣ, Суслова и англичанка Гарретъ въ Цюрихѣ) добиваются дипломовъ

доктора медицины. За этими тремя пiонерками пробиваются въ университеты многiя другiя, появляются тысячами доктора медицины, юристы, техники, ученыя. Женщины заполняютъ аудиторiи, ученые кабинеты, лабораторiи, пробиваются на университетскiя каѳедры, выдвигаются крупными научными работами. Сорокъ лѣтъ этого широкаго и глубокаго движенiя снесли до основанiя всѣ высокоумныя соображенiя о несовершенствѣ женскаго ума и неспособности женщинъ къ умственной дѣятельности... А что же съ вѣсомъ мозга? Вѣдь мозгъ мужчины всетаки вѣситъ значительно больше женскаго мозга. Конечно, но мозгъ быка вѣситъ значительно больше, чѣмъ мозгъ самаго генiальнаго человѣка. Неужели изъ этого слѣдуетъ, что именно быкамъ, преимущественно передъ людьми, должна быть предоставлена умственная дѣятельность, университетскiя и академическiя каѳедры, медицинская и юридическая практика? Неужели? Единственное спасенiе противъ этихъ правъ быковъ заключается въ томъ фактѣ, что мозгъ быковъ вѣситъ больше человѣческаго только абсолютно, а относительно вѣса всего тѣла значительно меньше. Попробовали опять взвѣшивать женскiе и мужскiе мозги, относя ихъ вѣсъ къ вѣсу тѣла. Разницы въ среднемъ выводѣ не оказалось. Не оказалось и законовъ природы, осуждающихъ женщину на невѣжество.

Въ то самое время, какъ однѣ женщины завоевали себѣ участiе въ умственной дѣятельности, другiя силою экономической необходимости были принуждены искать заработка. Онѣ наполнили канцелярiи, конторы, магазины, мастерскiя, всюду оказываясь полезными и способными. Наполнялись женщинами и фабрики, и заводы. Изъ ихъ среды вышли замѣчательныя писательницы, художницы, артистки. Нѣтъ той отрасли труда и дѣятельности, гдѣ женщины не стали бы товарищами мужчинъ и гдѣ онѣ не доказали бы своей способности къ умственной и общественной дѣятельности.

Такимъ образомъ, отказъ женщинамъ въ политическихъ правахъ наравнѣ съ мужчинами теперь уже нельзя опирать на общее положенiе о ихъ неспособности къ умственной и общественной дѣятельности. Исторiя опровергла фактами это положенiе. Несомнѣнно, что женщина и можетъ, и желаетъ равноправнаго участiя во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, въ томъ числѣ и въ выборахъ.

II.

Если женщина вообще способна къ умственной и общественной дѣятельности (а это блистательно доказано фактами), то *вообще* она способна и къ участiю въ политической жизни страны. Вообще это несомнѣнно, но *въ частности*, достаточно-ли подго-

товлена женщина къ такому участію? Это вопросительный знакъ (подразумѣвающій отрицательный отвѣтъ) есть послѣднее убѣжище противниковъ женской равноправности.

Даровать избирательное право женщинѣ значитъ удвоить число избирателей. И эта новая половина избирателей, никогда до того не участвуя въ политической жизни страны, совершенно не воспитана политически... Къ тому же она менѣе образована... Къ тому же она поддается вліянію духовниковъ... Вотъ сколько жупеловъ!

Жупелъ духовный относится только къ странамъ католическимъ. Полагаю, что и тамъ онъ очень преувеличенъ, потому что серьезныя политическія разногласія въ семьѣ вообще рѣдкость. Значитъ и духовникъ вліяетъ большею частью тамъ, гдѣ вся семья клерикально настроена. Это правило. Несомнѣнно, бываютъ исключенія. Эти исключенія не могутъ и не должны вліять на права всѣхъ. Для борьбы съ клерикализмомъ существуетъ одно средство—просвѣщеніе, женское въ томъ числѣ. У насъ эта сторона вопроса можетъ интересовать только Польшу, но надо надѣяться, что рано или поздно Польшу, подобно Финляндіи, выдѣлятъ въ особую автономную единицу, и поляки сами будутъ рѣшать свои вопросы, о правахъ ихъ женщинъ въ томъ числѣ. Для всей остальной имперіи духовный жупелъ, въ качествѣ сколько-нибудь серьезнаго аргумента, совершенно не существуетъ.

Остается всетаки еще два жупела: политическая невоспитанность и относительная необразованность женщинъ. Эти жупелы—не новость для демократіи. Всякій разъ, когда поднимался въ той или иной странѣ вопросъ о расширеніи избирательнаго права, являлись на сцену эти два аргумента, а когда такое расширеніе становилось осуществившимся фактомъ, становилась очевидною и ошибочность оныхъ возраженій. Этого одного довольно, чтобы не смущаться тѣми же аргументами и въ вопросѣ объ избирательныхъ правахъ женщинъ. Къ тому же относительно женщинъ эти возраженія въ значительной степени устраняются тѣмъ очевиднымъ фактомъ, что въ своемъ политическомъ развитіи женщина стоитъ приблизительно на уровнѣ своей семьи, и если мужскіе представители семьи могутъ по своему политическому развитію участвовать въ выборахъ, то могутъ въ нихъ участвовать и женщины тѣхъ же семей.

Это—соображенія, общія для всѣхъ странъ и народовъ европейскаго цивилизованнаго міра, для Россіи въ томъ числѣ. Для Россіи существуетъ, однако, рядъ соображеній, еще полнѣе устраняющихъ оные аргументы отъ политической невоспитанности женщины и отъ ихъ относительной необразованности. Въ Россіи мужчины не болѣе образованы, ни болѣе воспитаны политически, чѣмъ женщины. Политическое воспитаніе, даваемое единственно участіемъ въ политической жизни, приходится пріобрѣсти и муж-

чинамъ, и женщинамъ. Что касается образованности, то не мѣшаетъ обратить вниманіе на очень краснорѣчивыя цифры, опубликованныя недавно министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ настоящее время въ вѣдѣніи этого министерства во всей имперіи находится среднихъ учебныхъ заведеній (гимназій и реальныхъ училищъ)—402 мужскихъ и 521 женскихъ Если даже допустить, что въ среднемъ ежегодно каждое учебное заведеніе выпускаетъ одинаковое число окончившихъ (извѣстно, однако, что въ женскихъ гимназіяхъ обыкновенно кончаютъ больше, нежели въ мужскихъ), то и тогда окажется, что ежегодно на каждые 100 окончившихъ мужчинъ приходится 130 окончившихъ гимназію дѣвушекъ. Если же принять во вниманіе вышеприведенное соображеніе, то мы будемъ близки къ истинѣ, если скажемъ, что министерство народнаго просвѣщенія въ своихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ даетъ образованіе контингенту женщинъ въ полтора раза болѣе многочисленному, нежели соотвѣтственный контингентъ получающихъ среднее образованіе лицъ мужскаго пола.

Среднее образованіе у насъ даютъ школы и другихъ вѣдомствъ. На первомъ планѣ здѣсь два вѣдомства: императрицы Маріи и духовное. Школы перваго значительно увеличиваютъ численность контингента женщинъ, получающихъ среднее образованіе, а въ духовномъ вѣдомствѣ на каждую духовную семинарію приходится женское епархіальное училище. Правда, и женскія гимназіи, и епархіальныя училища не существовали полвѣка тому назадъ, когда, однако, уже давно существовали мужскія гимназіи и духовныя семинаріи. Изъ этого можно вывести только одно, именно, что въ возрастѣ престарѣломъ а частью и въ пожиломъ мужчинъ съ среднимъ образованіемъ должно быть больше, нежели женщинъ. За то въ возрастахъ, молодомъ, среднемъ и частью даже въ пожиломъ, контингентъ получившихъ среднее образованіе женщинъ, вѣроятно, значительно превосходитъ соотвѣтственный контингентъ среднеобразованныхъ мужчинъ.

Такимъ образомъ, всѣ три западно-европейскихъ возраженія противъ дарованія женщинамъ избирательныхъ правъ, ихъ подчиненность клерикальному вліянію, ихъ политическая невоспитанность и относительная необразованность, очень хрупкія и на Западѣ, у насъ прямо не существуютъ. Наша женщина нигдѣ и никогда не является проводницею клерикализма. Она въ среднемъ образованнѣе мужчины. Политически воспитана, если не болѣе, то и не менѣе мужчины.

На Западѣ женщина не принимала сколько-нибудь замѣтнаго участія въ добываніи политическихъ правъ. Тамъ это было дѣло мужскихъ рукъ, и теперь мужчина тамъ обсуждаетъ вопросъ, подарить ли сестрѣ права, въ пріобрѣтеніи которыхъ она не участвовала. Развѣ таково положеніе у насъ? Развѣ наши сестры не играли наравнѣ съ своими братьями такой же отвѣтственной

роли въ огромной и трудной культурной работѣ, приведшей къ настоящимъ реформамъ? Развѣ онѣ не были всегда бокъ о бокъ со своими братьями? Равная въ трудахъ и жертвахъ, русская женщина морально равна и во всѣхъ правахъ, пріобрѣтаемыхъ мужчинами цѣною этихъ общихъ трудовъ и жертвъ. Морально и культурно равной, развѣ можно ей отказывать въ равенствѣ и политическомъ?

Это до такой степени звучитъ аксіомой. Это до такой степени является величайшимъ нравственнымъ долгомъ, что нельзя сомнѣваться въ исходѣ дѣла. Нельзя сомнѣваться, что однимъ изъ первыхъ дѣлъ реформированнаго управленія должно быть дарованіе русскимъ женщинамъ политическихъ правъ, одинаковыхъ съ мужчинами.

Когда и какъ осуществится это реформированное управленіе— вопросъ, котораго здѣсь можно и не касаться. Мнѣ хотѣлось только громко напомнить объ огромномъ нравственномъ долгѣ русскаго общества передъ русскими женщинами.

С. Южаковъ.

Прусская школа и школьный компромиссъ.

(Письмо изъ Германіи).

13 мая 1904 г. въ прусскій ландтагъ внесено было слѣдующее предложеніе:

„Палата депутатовъ благоволитъ сдѣлать постановленіе и проситъ королевское правительство о томъ:

во 1) чтобы безъ промедленія, самое позднее до ближайшей сессіи, былъ выработанъ законопроектъ, относящійся до содержанія публичныхъ народныхъ школъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

. . . .

а) ученики всякой школы по общему правилу должны принадлежать къ одному вѣроисповѣданію и обучаться у учителей того же исповѣданія;

б) исключенія допустимы лишь въ силу особыхъ основаній, въ особенности же изъ національныхъ соображеній тамъ, гдѣ это соотвѣтствуетъ историческому развитію. Могутъ быть допущены къ преподаванію также тѣ учителя, которые преподаютъ законъ Божій иновѣрному меньшинству въ школѣ иного вѣроисповѣданія;

в) если число дѣтей иновѣрнаго меньшинства въ школѣ другого вѣроисповѣданія достигаетъ опредѣленныхъ размѣровъ, то это меньшинство получаетъ право на учрежденіе особой школы своего исповѣданія;

г) для школьнаго управленія учредить, рядомъ съ обычными учрежденіями общинъ, въ городахъ—школьныя коммиссіи, а въ сельскихъ мѣстностяхъ—училищные совѣты, въ которыхъ обезпечить надлежащее представительство церкви, общинѣ и учителямъ"...

Это предложеніе было подписано не только консерваторами въ родѣ Гейдебранда и Зедлица, но также, отъ имени своей партіи, и націоналъ-либеральнымъ депутатомъ докторомъ Гакенбергомъ. Таковъ актъ, получившій въ печати гражданство подъ именемъ школьнаго компромисса и знаменующій собой новый шагъ реакціи на пути моральнаго угнетенія широкихъ народныхъ массъ.

I.

Исторически школа развилась на церковной почвѣ. Церковная латынь, латинско-классическое образованіе было главной цѣлью этой школы, стремящейся только къ подготовкѣ надлежащаго количества клириковъ и другихъ дѣятелей церкви. Такъ продолжалось до XII вѣка, и въ латинской школѣ выростало поколѣніе, вскормленное монашескими идеалами, богословскими предразсудками, напичканное грамматикой, риторикой и логикой, въ крайнемъ случаѣ достигавшее началъ математики, астрономіи и музыки. Это была чисто формальная школа формальныхъ знаній, въ ней воспитаніе замѣнялось внѣшней, мертвой дисциплиной и жизнь—никому ненужной тарабарщиной богословскихъ хитросплетеній, схоластическихъ тонкостей и политическихъ ухищреній. На этой почвѣ родилась средневѣковая схоластика съ ея громадными фоліантами утонченныхъ глоссъ къ чужимъ мыслямъ, примѣчаній къ чужимъ теоріямъ и нелѣпыхъ утомительныхъ блужданій въ лѣсу чужихъ авторитетовъ и мнѣній. То была бурса, предназначенная для выработки кое-какъ обтесанныхъ дикарей, риторовъ и грамматиковъ снаружи, безразборчивыхъ слугъ римскаго первосвященника внутри. Въ то время, какъ духовные прелаты и князья гонялись за кабанами и оленями, или отдыхали послѣ пировъ въ объятіяхъ „своихъ мироносицъ", вся низшая масса бурсаковъ съ тонзурой на головѣ утверждала въ Германіи римскую культуру, латинское просвѣщеніе, схоластическую мудрость и языческое право,—такова была первая школа Германіи.

За церковной школой создалось просвѣщеніе другого сословія, которое въ немъ ощущало нужду. То не были бароны и феодальная челядь. Рыцарство долго сохраняло за собой привиле-

гію безграмотства и глубокаго невѣжества. Благородное сословіе вело войны, грабило проѣзжающихъ купцовъ и обдирало свой добрый христіанскій народъ. Грамота была для этого не нужна, кулакъ съ успѣхомъ замѣнялъ просвѣщеніе. Не такъ обстояло дѣло съ городами. Торговля требуетъ счета, а тѣ связи, которыя установились у нѣмецкихъ купцовъ послѣ крестовыхъ походовъ, требовали грамоты. Трудно было безъ нея обойтись и въ дѣлахъ городского управленія, а также городской, въ особенности торговой, юстиціи; и грамота явилась. Городскія высшія школы были учреждены по образцу церковныхъ, но рядомъ съ ними явились начатки низшей или цифирной школы. Въ этой послѣдней учили только считать. Такъ въ городахъ впервые появилась свѣтская школа, хоть и подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства, подъ его контролемъ и по данному имъ образцу.

Только полицейскому государству „просвѣщенія" принадлежитъ окончательная заслуга освобожденія школы изъ церковныхъ рукъ и созданіе того, что можно назвать уже школой народной.

Какъ извѣстно, полицейское государство волей-неволей должно было взяться за такъ называемую церковную реформу. Еще до реформаціи римское папство и клиръ натворили столько невѣроятныхъ пороковъ и преступленій, что самая варварская власть не могла бы отнестись къ этому спокойно. Скандальные раздоры различныхъ папъ, лже-папъ и анти-папъ, неукротимое буйство духовныхъ феодоловъ, безграничное грабительство, практикуемое со стороны кардиналовъ, епископовъ и прелатовъ, наконецъ, полная безнаказанность духовенства подъ прикрытіемъ церковныхъ иммунитетовъ—все это еще въ эпоху реформаціонныхъ соборовъ заставило свѣтскихъ князей приняться за дѣло исправленія и обновленія церковныхъ порядковъ среди подвластныхъ имъ государствъ. Многочисленные „бунты" противъ католической церкви со стороны всевозможныхъ ересіарховъ облегчили это дѣло. И если протестантскіе князья передѣлали католичество по различнымъ фасонамъ, кто по лютеранскому, кто по кальвинскому образцамъ, то и католическіе суверены не отстали отъ своихъ собратій. Дальше всего въ этомъ отношеніи пошли англичане, которые всетаки въ извѣстной степени передѣлали католичество, большинство же ограничилось болѣе скромной задачей. Оставивъ догму неприкосновенной, они только замѣнили папу своей собственной особой, подчинили себѣ католическихъ патеровъ въ качествѣ духовной полиціи, а церковное управленіе превратили въ своеобразное вѣдомство духовныхъ дѣлъ католическаго исповѣданія. Ясно послѣ этого, что не только церковная школа получила при такомъ строѣ новое начальство, но и само обученіе исполнилось совершенно новымъ духомъ. Религія перестала быть отдѣльною силой сама по себѣ, она сдѣлалась лишь

орудіемъ въ рукахъ свѣтскаго „просвѣщенія“. Изъ религіи вычеркивалось то, что могло противорѣчить его цѣлямъ, ея запреты распространялись на всѣ мысли и дѣйствія, которыя почему-либо не совпадали съ „видами правительства“. У церкви и религіи заимствовалась только форма, содержаніе же ея было уже новое: стремленіе къ свѣтской добродѣтели и земному блаженству.

Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ просвѣтительными манифестами полицейской эпохи, а также съ трудами по „педагогикѣ“ такихъ вѣнценосныхъ авторовъ, какъ Екатерина II и современные ей европейскіе владыки, не можетъ не признать, что сила паѳоса и краснорѣчія, заложенная во всѣ эти произведенія, превосходитъ все, что только можно себѣ представить. Какой возвышенной вѣрой въ знаніе преисполнены эти труды, какимъ пламеннымъ призывомъ къ разуму и свѣту звучитъ въ нихъ каждое слово, съ какой силой разбиваютъ они царство невѣжества и тьмы въ Богомъ врученныхъ имъ областяхъ и странахъ! Я не могу не привести здѣсь воистину великолѣпный манифестъ, изданный въ свое время Максомъ Іосифомъ IV Баварскимъ, разысканный мной въ свое время въ мюнхенской королевской библіотекѣ: „Нашъ всемилостивѣйшій повелитель,—такъ говорится здѣсь въ воззваніи ко всѣмъ духовнымъ лицамъ страны,—убѣжденъ, что человѣческое и гражданское благо процвѣтаетъ въ одной лишь духовной культурѣ націи, въ этой священной цѣли человѣчества... будучи убѣжденъ далѣе, что эта духовная культура можетъ быть достигнута преимущественно путемъ образованія юношества, какъ результатъ многосторонняго взаимодѣйствія разныхъ началъ,—онъ поставилъ себѣ задачей проведеніе благодѣтельныхъ реформъ въ сельской школѣ... Разумное домашнее воспитаніе будетъ вскорѣ сопровождать воспитаніе публичное. Моральная культура будетъ упорядочивать физическую и содѣйствовать религіозной; полное надежды поколѣніе возрастетъ въ лицѣ юношества, простой человѣкъ возвысится въ своемъ собственномъ сословіи, будетъ чтить законы и охотно отдастъ правительству свои силы и руки на благо всякаго рода... Какъ можетъ теперь простой человѣкъ и бюргеръ... при теперешней ступени своей интеллектуальной и гражданской культуры подняться и достичь свѣтлыхъ точекъ зрѣнія правительства?.. Развѣ не... воспитываютъ теперь, къ сожалѣнію, учениковъ въ глупости и безнравственности?... Мужи съ головой и сердцемъ! Пусть глубокое чувство нравственности и стремленія къ человѣческому счастію высоко подыметъ вашу грудь, пусть оно зажжетъ вашъ огонь, и цвѣтъ будущихъ поколѣній болѣе не завянетъ. Подымайтесь! Только лѣнивецъ, только глупецъ упускаетъ то, гдѣ такъ много нужно сдѣлать, гдѣ дѣло идетъ о нравственности и религіи, о благоденствіи людей и всей страны. Это будетъ измѣна доброму дѣлу, если вы откажете въ могучемъ содѣйствіи

школьному дѣлу. И сельчанинъ-человѣкъ и опора государству!... Что же должно быть вамъ болѣе дорого, какъ не преуспѣяніе разума и нравственности среди людей вашего округа?... И вы чувствуете это, лучшіе среди вашего сословія, вы знаете, что генеральная курфюрстская школьная и ученая дирекція ставитъ вамъ нижеслѣдующія требованія именемъ государства и человѣчества"... Среди этихъ требованій замѣчательно одно: въ силу него „въ особенности воскресныя школы должны служить, какъ пріюты высшей духовной культуры", при помощи которой духовенство должно вести въ качествѣ „вѣрныхъ друзей" „взрослую молодежь по скользкой почвѣ жизни" и учить ихъ „спеціально обязанностямъ благоразумія въ цѣляхъ чистаго пользованія жизнью и достиженія гражданскаго счастія"...

Въ этомъ документѣ до чрезвычайности ярко отражаются всѣ черты просвѣщенія конца XVIII и начала XIX вѣка. Обще-гуманитарная философская мораль въ качествѣ государственной нравственности замѣняетъ здѣсь цѣликомъ старые церковные идеалы, а сами священники становятся руководителями къ познанію „гражданскаго долга" и „чистаго наслажденія жизнью". Не менѣе ясно здѣсь, что отнынѣ уже не церковь, а мощное мірское царство берется за школьное дѣло и осуществляетъ его въ своихъ цѣляхъ земного блаженства и политической силы. Но государство при этомъ относится далеко не индифферентно къ самому содержанію просвѣщенія вообще и религіознаго въ частности. Уничтожая церковную школу, или подчиняя ее себѣ, оно отнюдь не предоставляетъ дѣло просвѣщенія самостоятельному рѣшенію семьи или общества. Наоборотъ, на мѣсто церковной религіи оно ставитъ другую, не менѣе обязательную; это религія цивическаго христіанства и казенной, начальствомъ одобренной морали, а никакъ не провозглашеніе свободной науки и свободнаго просвѣщенія. Нѣтъ, это только переводъ просвѣтительнаго департамента изъ церковнаго вѣдомства въ свѣтское и мірское съ тѣмъ, чтобы создать изъ массы гражданъ своего рода духовное общежитіе, гдѣ одинъ Богъ — идея государственнаго блага, и одинъ папа—просвѣтительная полиція. Школа полицейскаго государства есть та же церковная школа, только вывернутая на изнанку. Государство само стало церковью.

Исторически этотъ процессъ „освобожденія школы" можно опереть, съ одной стороны, на гуманизмъ, съ другой—на реформацію. Первый революціонировалъ высшее образованіе, второй создалъ начатки народной школы. Какъ говоритъ проф. Рейнъ, гуманисты „отвергали все логико-діалектическое образованіе, презирали съ трудомъ пріобрѣтаемыя ученыя степени, издѣвались надъ схоластической латынью. Они желали водворить вмѣсто нея сначала римскихъ, а потомъ и греческихъ классиковъ и развить содержащееся въ нихъ болѣе свободное человѣческое

міровоззрѣніе... Однако они были точно также чужды народной жизни, какъ и ихъ предшественники и не могли достичь необходимаго вліянія на нее". Уже протестантизмъ оказался счастливѣе въ своемъ дѣлѣ освобожденія школы изъ церковныхъ рукъ. Въ 1524 г. обнародовалъ Лютеръ свое знаменитое письмо на имя городскихъ магистратовъ Германіи, а въ 1530 г. онъ потребовалъ, чтобы всѣ дѣти учились въ школахъ. Теоретически Лютеръ является родоначальникомъ нѣмецкой народной школы. Въ отличіе отъ католической церковной школы, которая предназначалась только для клириковъ, онъ требовалъ одинаковой школы для мальчиковъ и дѣвочекъ и для всѣхъ классовъ народа. Отмѣнивъ привилегированное священство Рима, онъ освободилъ Евангеліе изъ подземелья латинской схоластики и всѣхъ уравнялъ передъ Словомъ Божіимъ. Уравнявъ всѣхъ передъ Евангеліемъ, Лютеръ уравнялъ всѣхъ и передъ школой. Евангеліе открыло въ Германіи народную школу. На почвѣ протестантизма начался здѣсь прежде всего и тотъ переходъ школы въ руки государства, о которомъ мы говорили выше. Уже въ 1619 г. маленькій Веймаръ устанавливаетъ въ своемъ школьномъ регламентѣ, что „согласно съ симъ долженствуютъ настоятели и наставники въ каждомъ мѣстѣ вести съ прилежаніемъ списокъ всѣхъ мальчиковъ и дѣвочекъ отъ 6 до 12 лѣтъ, кои при ихъ христіанской общинѣ находятся, а также списокъ, на основаніи коего должно увѣщевать родителей, которые не желаютъ посылать дѣтей въ школу, а также въ случаѣ надобности оные родители при помощи принужденія со стороны свѣтскаго начальства повинны исполнить свое долженствованіе". Въ этихъ словахъ, говоритъ профессоръ Циглеръ, заключается настоящій учредительный патентъ нѣмецкой народной школы. И то, что впервые зародилось въ упомянутой маленькой странѣ, скоро нашло себѣ доступъ и въ другія нѣмецкія государства: въ 1642 г. въ Готу, въ 1647 въ Брауншвейгъ, въ 1649 въ Виртембергъ и, наконецъ, въ 1717 г. въ Пруссію при Фридрихѣ Вильгельмѣ I. Въ прусскомъ земскомъ правѣ 1744 г. мы уже встрѣчаемъ установленіе всеобщей школьной повинности, при чемъ, какъ гласитъ § 10 (часть II, 12), „никому не должно быть отказано въ силу различія вѣроисповѣданія въ пріемѣ въ публичную школу"; § 11 тамъ же запрещаетъ принуждать учениковъ одного вѣроисповѣданія къ изученію другого, а § 46 опредѣляетъ границы школьной повинности: „школьное обученіе должно быть продолжаемо до тѣхъ поръ, пока ребенокъ, согласно мнѣнію своего духовника, не усвоитъ всѣхъ необходимыхъ знаній, свойственныхъ разумному человѣку его сословія" *).

*) См. Prof. Rein. Kirche, Staat und Schule. Berlin, 1905. — Prof. Ziedler, Die Simultanschule. Berlin, 1905.

Открывая народу доступъ къ просвѣщенію въ интересахъ „гражданства и человѣчества“, полицейское государство менѣе всего въ дѣйствительности было склонно дать истинное образованіе, и при томъ именно народу. Правда, потребности новаго государства были очень велики, и оно нуждалось въ образованныхъ чиновникахъ, офицерахъ и судьяхъ, въ особенности же въ свѣдущихъ камералистахъ и экономахъ. Но „народъ“—der gemeine Mann,—какъ любили тогда говорить, далеко не предназначался для занятія первыхъ ролей въ государствѣ, а слѣдовательно, не для него предназначалось просвѣщеніе. Полицейскій строй, проникнутый идеей крѣпостничества, крѣпко стоялъ на стражѣ командующихъ классовъ и ограждалъ ихъ отъ излишней конкурренціи снизу. И если, съ одной стороны, полицейское просвѣщеніе проявляло чрезвычайную терпимость по отношенію къ дѣтямъ различныхъ исповѣданій, сажая на одну скамью рядомъ съ протестантомъ не только католика, но и еврея, то, съ другой стороны, сословныя границы поддерживались съ чрезвычайнымъ тщаніемъ. Полиція просвѣщенія не только умѣла рекомендовать „гражданамъ“ просвѣщеніе вообще, но и дѣлала тонкія различія относительно „полезныхъ знаній и наукъ“, ведущихъ „наиболѣе вѣрнымъ и устойчивымъ путемъ къ внутреннему и внѣшнему блаженству“. А такъ какъ это блаженство преподносилось совершенно въ различной формѣ различнымъ сословіямъ и классамъ общества, то совершенно естественно и просвѣщеніе этихъ различныхъ классовъ населенія должно было быть совершенно различно. При чтеніи старинныхъ трактатовъ по полиціи просвѣщенія, невольно бросается въ глаза та чрезвычайная старательность, съ которой правительство оберегало народныя массы отъ „вреднаго“ для нихъ излишка просвѣщенія. И тѣмъ рѣзче сказывалось въ полицейскомъ государствѣ стремленіе оградить отъ излишествъ просвѣщенія народъ, чѣмъ болѣе охоты и способности проявлялъ простой человѣкъ, „der gemeine Mann“, въ дѣлѣ постиженія народнаго блаженства. Въ высшей степени характернымъ является поэтому указъ 1803 г., которымъ напутствовалъ прусскій король министра Фосса, одного изъ друзей Пестолацци; вотъ что говорится тамъ о народныхъ школахъ: „при цѣлесообразномъ устройствѣ этихъ школъ въ сельскихъ мѣстностяхъ и мѣстечкахъ, не надо забывать, что здѣсь за немногими исключеніями приходится имѣть дѣло съ наиболѣе цѣннымъ классомъ населенія, который всю жизнь свою посвящаетъ съ утра до ночи физическому труду“; въ силу же этого „время обученія настолько ограничивается, что среди предметовъ его приходится остановиться только на самомъ необходимомъ; и эти столь ограниченные предметы обученія должны быть преподаваемы въ весьма скромныхъ размѣрахъ, послѣ наиболѣе сжатаго введенія и при томъ въ кратчайшее время. Чтеніе, письмо,

счетъ, на ряду съ основой ученія о религіи и нравственности... охватываютъ собою весь кругъ этой школьной науки, вполнѣ достаточной для того, въ чемъ наиболѣе нуждается народъ для своего земного существованія и истиннаго счастія. И тотъ, кто желалъ бы болѣе напичкать знаніемъ дѣтей этого трудолюбиваго класса или даже желалъ бы расширить эти немногіе предметы свыше весьма умѣренной степени, тотъ отдался бы напрасному, неблагодарному труду, такъ какъ здѣсь идетъ дѣло объ истинномъ и великомъ интересѣ людей, довольствующихся малымъ, о спокойствіи ихъ душъ, о прилежаніи и старательности ихъ въ ихъ дѣлѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о благѣ государства". За этими словами слѣдуетъ въ высшей степени замѣчательное мѣсто, заслуживающее того, чтобы быть вырѣзаннымъ огненными буквами на челѣ полицейскаго просвѣщенія: „но,—предупреждаетъ указъ,—если широкія массы получатъ вкусъ къ чтенію и среди нихъ водворится любовь къ наукѣ, то тогда отнимутъ онѣ свои руки отъ механическаго труда, а свои способности отъ внимательнаго употребленія ихъ на дѣло удовлетворенія первыхъ и важнѣйшихъ потребностей націи. Такъ погибнетъ довольство этихъ людей самыми простыми, утомительными и низменными занятіями". Простой человѣкъ не долженъ читать—это удѣлъ просвѣщенныхъ господъ; его дѣло—самыя „низкія и тяжелыя" занятія, и это счастье не должно быть нарушено; рабочая скотина не должна получить вкусъ къ болѣе высокимъ, утонченнымъ вещамъ, иначе она развратится. Изъ смирнаго барана сдѣлается, такъ трагически обрисованный у Щедрина, „дикій баранъ", а можетъ, и еще что хуже. Тотъ, кто сидитъ среди грязи, обливается вѣчно потомъ и до полнаго отупѣнія дѣлаетъ свою „низкую работу", не долженъ быть пробужденъ отъ блаженства невѣдѣнія и поставленъ лицомъ къ лицу съ инымъ, лучшимъ и прекраснымъ міромъ. Отъ просвѣщенія происходятъ бунтъ и недовольство,—такова послѣдняя формула, провозглашенная полицейскимъ государствомъ и достойно завершающая собой его высокопарные призывы къ добродѣтели, человѣчности и знанію!.. Прусская школа современности недалеко ушла отъ полицейскихъ началъ, царившихъ въ доброе старое время. Еще въ 1899 г. покойный нынѣ Гаммерштейнъ старательно предупреждалъ противъ того, чтобы въ сельскихъ мѣстностяхъ не слишкомъ много учили, „иначе,—провозглашалъ министръ,—потеряютъ многія дѣти понятіе о томъ, для чего милосердный Господь водворилъ ихъ въ селеніяхъ, гдѣ они должны найти свое пропитаніе" *).

Нѣмецкій революціонный парламентъ „сумасшедшаго года",

*) D-r Leo Arons, Die preussische Volksschule und die Sozialdemokratie, Einleitung von Max Quarck, Berlin. 1905.

къ сожалѣнію, недалеко ушелъ отъ идеаловъ полицейской эпохи. И если для индустріи понадобился совершенно иной уровень образованія среди массъ, нежели это было прежде, то опять таки законодатели изъ храма св. Павла не рѣшились выйти изъ предѣловъ крайней необходимости. Они не имѣли мужества принять предложеніе Росмесслера объ устраненіи конфессіональнаго начала изъ школы, они не рѣшились устранить надзоръ церкви надъ преподаваніемъ, они даже не провели уничтоженія особыхъ школъ для дѣтей бѣдныхъ родителей, которыя такимъ пятномъ лежали на слабыхъ элементахъ народа. Если въ сентябрѣ 1848 г. не было и рѣчи о какихъ бы то ни было изъятіяхъ изъ преподаванія религіи въ школѣ, то въ декабрѣ того же года франкфуртскій парламентъ уже билъ отбой по всѣмъ пунктамъ. И второй расцвѣтъ бюргерскаго вліянія въ 60-хъ и 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія также мало принесъ осязательныхъ плодовъ для лишенія школы ея классоваго и полицейскаго характера. Какъ характеризовалъ отчетъ сѣверо-американской коммиссіи положеніе нѣмецкой школы въ 1888—1889 гг.: „нѣмецкая школа не есть общая школа... различные слои нѣмецкаго общества имѣютъ свои отдѣльныя школы..." Понятна отсюда предостерегающая рѣчь пастора Кальтгофа, когда онъ говоритъ: „Опасностью для цѣлаго народа, ядомъ, отравляющимъ его благороднѣйшіе органы, является тотъ фактъ, что школа втягивается въ область классовой борьбы, или даже ей подчиняется. Гдѣ одинъ господствующій классъ захватываетъ въ свои руки монополію образованія, чтобы этимъ путемъ обезпечить себѣ наиболѣе дѣйствительное оружіе въ борьбѣ противъ другихъ классовъ, тамъ онъ закладываетъ сѣмена разрушенія въ свою собственную духовную жизнь. Какъ и всякая монополія, и монополія образованія губитъ своихъ обладателей. Она принуждаетъ государство удерживать на возможно низкомъ уровнѣ общее народное образованіе для того, чтобы разстояніе между народомъ и привилегированными было возможно велико... Образованіе, ограниченное рамками только опредѣленныхъ классовъ, неизбѣжно подпадаетъ одряхлѣнію, становится старческимъ..." *).

И такую судьбу готовятъ Пруссіи ея правящіе классы!

II.

Современное положеніе прусской народной школы лучше всего характеризуется ея значеніемъ въ качествѣ просвѣтительнаго учрежденія спеціально для неимущихъ классовъ, для простого человѣка. Приведемъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ, которыя

*) См. Arons, в. н. с. и D-r A. Kalthoff, Pastor an St. Martini in Bremen Schule und Kulturstaat. Leipzig. 1905.

лучше всякихъ словъ доказываютъ, что въ Пруссіи не желаютъ давать слишкомъ много знаній народной массѣ.

Согласно циркуляру министра народнаго просвѣщенія отъ 15 октября 1872 г., низшей ступенью народной школы должно считать одноклассную школу, въ которой всѣ дѣти учатся въ одно и то же время. Однако этимъ дѣло не ограничилось; одноклассная школа во многихъ случаяхъ была замѣнена половинной школой, гдѣ дѣти въ двухъ отдѣленіяхъ смѣняютъ другъ друга, а учитель долженъ работать уже вдвое. Достойнымъ дополненіемъ этихъ пародій на школу является такъ называемая лѣтняя школа, въ которой старшія дѣти, которыя могутъ быть съ успѣхомъ эксплуатируемы въ полѣ, учатся отъ 6—8 ч. утра, а затѣмъ работаютъ до поздней ночи съ тѣмъ, чтобы подняться опять не позже 5 ч. утра. Но прусскій аграрій не довольствуется такими до крайности скудными размѣрами народнаго обученія; въ 1901 г. считалось не менѣе 92 школъ съ 1/3 курса, въ которыхъ дѣти усваиваютъ себѣ буквально только 1/3 часть нормальнаго обычнаго курса. Характерно, что нѣкоторыя изъ этихъ обрывочныхъ школъ находятся даже въ непосредственной близи Берлина, въ Потсдамскомъ округѣ. Независимо отъ такого сокращенія всего курса въ Пруссіи изобрѣтенъ еще цѣлый рядъ особыхъ каникулъ, при помощи которыхъ дѣти отрываются отъ школы, чтобы стать жертвою эксплуатаціи гг. помѣщиковъ. Упомянемъ хотя бы „свекловичныя каникулы“, учрежденныя въ цѣляхъ болѣе дешеваго сбора свекловицы, и особый институтъ „Hütejungen“ или подпасковъ, которые въ цѣляхъ охраненія господскихъ коровъ и свиней освобождаются отъ излишней науки, и въ силу этого обязаны посѣщать школу не болѣе раза въ недѣлю. Оригинально, что законъ предусматриваетъ тотъ случай, когда въ качествѣ пастуха назначается мальчикъ моложе 11 лѣтъ. Такія дѣти должны посѣщать школу два раза еженедѣльно.

Согласно счисленію 1901 г., 70 проц. всѣхъ школъ принадлежало, увы! къ двуклассным и одноклассным школамъ. И въ этихъ малыхъ школахъ, набитыхъ дѣтьми всѣхъ возрастовъ съ однимъ учителемъ, который даетъ еженедѣльно до 32 часовъ уроковъ— обучалось около 2.000.000 дѣтей изъ числа всѣхъ 5 1/2 милліоновъ дѣтей школьнаго возраста въ Пруссіи. Львиная часть, почти половина всѣхъ дѣтей въ сельскихъ мѣстностяхъ, посѣщала именно такія школы. И надо замѣтить еще, что не менѣе 94.000 дѣтей посѣщали половинныя школы, которыя оффиціально считаются переполненными, или, другими словами, въ которыхъ приходится на одного учителя болѣе 60 учениковъ. Такое же число учениковъ посѣщаетъ и переполненныя одно и двухъ-классныя школы. Здѣсь составъ класса превышаетъ 70 учениковъ. Но верхомъ заботливости правящихъ классовъ Пруссіи о народномъ просвѣщенія является тотъ фактъ,

что, по статистикѣ того же года, около 3.000 дѣтей остались совершенно внѣ школы за недостаткомъ мѣста! И это не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ школахъ болѣе 150 учениковъ приходится на одинъ классъ и одного учителя. Прекрасную картинку того, какъ учатся дѣти бѣдняковъ въ сельской школѣ Пруссіи, нарисовалъ на послѣднемъ съѣздѣ прусской соціалъ-демократіи одинъ изъ делегатовъ г. Пехъ: „какъ выглядятъ юнкерскія школы, я самъ знаю по собственному опыту. Вѣдь юнкеры обладаютъ еще привилегіей эксплуатировать школьниковъ по мѣрѣ ихъ силъ. Отъ 6 до $8^1/_2$ ч. утра сидятъ дѣти въ школѣ, а потомъ работаютъ до восхода солнца. Можно себѣ представить, чему они тамъ учатся. По прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ пребыванія въ школѣ выходятъ они, еле-еле умѣя грамотно подписать свое имя и то только нѣмецкимъ шрифтомъ. Латинскаго шрифта не знаютъ они совсѣмъ. И каникулы устраиваются такъ, чтобы дѣтей можно было тянуть на работу. Дѣти должны копать для юнкера картошку, ту самую, изъ которой гонится потомъ водка для дальнѣйшаго оглупѣнія массъ. Ребенкомъ я получалъ 40 пфениговъ (около 19 к.) за день такой работы и ежедневно два стакана водки. Г. Гамбъ опровергалъ въ рейхстагѣ, что совершается нѣчто подобное; если онъ желаетъ противъ этого спорить, пусть только обратится ко мнѣ. Ясно теперь, какъ вслѣдствіе этого страдаютъ и дисциплина, и нравы среди дѣтей!“ *)

Старательно заботясь о томъ, чтобы дѣти изъ народа возможно меньше получили знаній, правительство, съ другой стороны, принимаетъ всѣ мѣры для того, чтобы эти знанія носили самый невинный въ полицейскомъ смыслѣ характеръ и отнюдь не внушали бѣднякамъ мысли о томъ, о чемъ позволительно думать только питомцамъ состоятельныхъ привилегированныхъ классовъ. Лучшимъ средствомъ для этого является такое перегруженіе учебнаго плана священными предметами, что для мірскихъ знаній ужъ не остается больше никакого мѣста. Въ женскихъ и мужскихъ гимназіяхъ, само собою разумѣется, „религія“ преподносится дѣтямъ изъ бюргерскихъ классовъ въ значительно меньшемъ объемѣ. И если въ народной школѣ отъ 17 до 20 проц. всѣхъ уроковъ идетъ на „божественное“, то дѣти болѣе состоятельныхъ классовъ въ средней школѣ довольствуются всего только отъ 12,5 проц. до 6,2 проц. За то, что они вносятъ особую плату за ученіе, они прямо откупаются отъ излишняго забиванія своихъ головъ катехизисами, псалмами, изреченіями и т. п. Однако оффиціальными часами Закона Божьяго прусская система народной школы не удовлетворяется. Уже въ

*) Arons, в. н. с. и Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der sozcialdemokratischen Partei Preussens, Berlin. 1905

1848 г. было разрѣшено одинъ часъ нѣмецкаго языка употребить на чтеніе библіи, а въ 1879 г. былъ прибавленъ еще лишній часъ религіи за счетъ геометріи для дѣвочекъ и естественной исторіи для мальчиковъ. Самый составъ „нормальнаго" учебника по религіи не оставляетъ желать ничего лучшаго; онъ содержитъ въ себѣ исключительно для зазубриванія на память не менѣе 170 текстовъ изъ библіи, при чемъ къ изреченіямъ присоединяется еще 20 церковныхъ пѣсенъ, а вся эта масса матеріала для ученія на память представляетъ собой только „минимумъ" того, что должны заучить дѣти. Спрашивается теперь, каковъ же долженъ быть maximum этого священнаго матеріала?

Воистину можно съ благодарностью вспомнить о тѣхъ временахъ, когда полицейское государство, стремясь къ просвѣщенію, предписывало, какъ это было еще въ Силезіи въ 1801 г., „обучать дѣтей безъ различія ихъ исповѣданій чтенію и письму и такимъ предметамъ, которые не принадлежатъ къ религіи". И даже еще въ 1805 г., въ одномъ изъ указовъ для юго-восточной Пруссіи, было сказано: „вѣроисповѣданіе учителя въ разсчетъ не принимается". Реакція, наступившая послѣ наполеоновскихъ войнъ, началась очень скоро, уже при министерствѣ Альтенштейна и окончательно наложила руку на школу при Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV и его министрѣ Ейхгорнѣ. Было признано, что только церковь и религія могутъ служить достаточной опорой политической благонадежности, и при томъ религія, лишенная всякихъ примѣсей полицейскаго либерализма, религія, возвращенная къ началамъ средневѣковой мысли. Прусская революціонная конституція сдѣлала попытку сбросить иго возрожденной схоластики съ дѣтскихъ умовъ, но эта попытка окончилась неудачно. Въ 1850 г. министръ народнаго просвѣщенія, Раумеръ, издалъ свои знаменитые регулятивы, которыми все дѣло было безповоротно отдано въ руки окрѣпшаго, исполненнаго духомъ реакціи духовенства: „идея общаго человѣческаго образованія при помощи формальнаго развитія духовныхъ способностей на абстрактномъ содержаніи оказалась на опытѣ безплодной и вредной. Жизнь народа требуетъ преобразованій на основѣ и въ формѣ изначала данныхъ и вѣчныхъ реальностей и на почвѣ христіанства, которое проникаетъ въ своей церковной формѣ семью, кругъ призванія, общину и государство, образуетъ и охраняетъ ихъ".

Эти удивительные принципы легли съ тѣхъ поръ въ основу нѣмецкой школы и прежде всего послужили нормой для образованія учителей. Отнынѣ и на долгое время педагогика и психологія были вычеркнуты вонъ изъ учительскихъ семинарій и заполнены цѣликомъ такъ называемой „религіей"; былъ введенъ даже особый предметъ „по изученію библіи, а также введенію въ священное писаніе". Даже естественная исторія была проникнута чисто

средневѣковымъ духомъ. „Не зачѣмъ, конечно, упоминать,—говоритъ регулятивъ, что даже для этого предмета необходимымъ условіемъ является религіозное направленіе и толкованіе“; а въ довершеніе всѣхъ этихъ мѣръ, всемірная исторія была признана совершенно ненужной для будущихъ учителей. „Этотъ предметъ, какъ возвѣщалъ Раумеръ, „порождаетъ только неясность и самомнѣніе“. Сами учителя именовались уже „служителями“ не только „государства“, но и „церкви“. Изъ книгъ для чтенія были вычеркнуты совершенно нѣмецкіе классики и замѣнены тѣмъ, „что по содержанію и тенденціи способно споспѣшествовать церковной жизни, христіанскимъ нравамъ, патріотизму и умственному воззрѣнію на природу“. Такимъ матеріаломъ должны были довольствоваться будущія учителя даже въ своей частной жизни. Эстетическій элементъ былъ изъ нея совершенно удаленъ: „область обученія служитъ вездѣ серьезнымъ и нравственнымъ цѣлямъ и по большей части является священной. Искусство въ семинаріи нигдѣ не можетъ быть цѣлью для себя“. 18 лѣтъ эти регулятивы оставались въ дѣйствіи, и только въ министерство Фалька хоть нѣсколько было облегчено это бремя мрачной отрицающей жизнь религіозности; 18 лѣтъ все ученіе въ народныхъ школахъ Пруссіи ограничивалось безсмысленнымъ зазубриваніемъ „священныхъ“ вещей *).

Какъ извѣстно, въ современной конституціи Пруссіи находится статья (26), которая обѣщаетъ регулировать „особымъ закономъ“ „все народное образованіе“. Этотъ законъ до сихъ поръ еще не изданъ. Реакціонныя партіи были слишкомъ сильны, чтобы можно было издать законъ въ либеральномъ духѣ, а бюргерскіе либералы были слишкомъ слабы, чтобы отстоять его. При Фалькѣ дѣло ограничилось поэтому исключительно административными мѣрами, при помощи которыхъ была, между прочимъ, обоснована симультанная школа или, другими словами, школа, не имѣющая строго вѣроисповѣднаго характера. Единственное достоинство этой школы заключается въ томъ, что религіозный моментъ въ свѣтскихъ предметахъ хоть нѣсколько отступаетъ на задній планъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, такая междуисповѣдная школа давала возможность упразднить одноклассныя школы отдѣльныхъ вѣроисповѣданій и, соединивъ разновѣрныхъ учениковъ подъ одной кровлей, создать для нихъ школу съ большимъ числомъ классовъ. Рескриптомъ 1873 года было даже запрещено учреждать одноклассныя школы для вѣроисповѣднаго меньшинства тамъ, гдѣ уже была на лицо многоклассная школа для учениковъ всѣхъ исповѣданій. Однако, эти предпріятія Фалька далеко не увѣнчались положительнымъ успѣхомъ. Согласно даннымъ 1901 г., только 2,2 проц. всѣхъ школъ

*) Arons, в. н. с.

паритетныя или междуисповѣдныя, вся же остальная масса школъ построена до сихъ поръ на конфессіональномъ принципѣ. И это не мудрено. Школа путемъ цѣлаго ряда нарушеній законовъ взята правительствомъ въ свои руки, и многочисленные конфликты между правительствомъ и городскими управленіями не повели ни къ чему. Какъ прежде, такъ и теперь, министерство заполняетъ духовными лицами должности учебной инспекціи и этимъ путемъ передаетъ школу вполнѣ въ духовныя руки. Не мѣшаетъ, однако, остановиться подробнѣе на этой сторонѣ прусской школьной организаціи.

Согласно учрежденію 1854 г., было постановлено, что школьными дѣлами будутъ завѣдывать особыя смѣшанныя депутаціи или коммиссіи мѣстнаго самоуправленія. Однако, въ томъ же самомъ году правительство присвоило себѣ право отказывать въ утвержденіи членовъ подобныхъ депутацій, дабы этимъ путемъ удалить изъ среды ихъ „элементы, непригодные для осуществленія возложенныхъ на нихъ важныхъ функцій". И на практикѣ правительство ревниво держалось захваченныхъ путемъ силы привилегій. Такъ, когда въ 1898 г. одинъ изъ выдающихся членовъ рабочей партіи былъ выбранъ въ составъ берлинской школьной депутаціи, утвержденіе его не состоялось, и въ общемъ распоряженіи того же года было объявлено, что никогда подобныя лица не могутъ быть утверждаемы въ качествѣ членовъ депутаціи. И въ другомъ направленіи использовало правительство свое противозаконное „право": когда, благодаря вліянію городовъ, изъ состава школьныхъ депутацій стали постепенно исчезать духовныя лица, правительство ревностно взялось за проведеніе туда духовенства. Въ 1900 г. министръ потребовалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, по одному духовному лицу обоихъ исповѣданій засѣдало въ школьной коммиссіи. Городъ Шарлоттенбургъ воспротивился такому незаконному требованію, а два года спустя регирунгсъ-президентъ еще ограничилъ и безъ того весьма жалкія полномочія школьной депутаціи, ректоромъ же школъ было запрещено представлять отчеты о дѣятельности учителей въ эти учрежденія. Многіе члены коммиссіи тогда сложили свои полномочія. Однако дѣло кончилось ничѣмъ, и жалоба, поданная городомъ, до сихъ поръ остается безъ отвѣта. Впрочемъ, врядъ ли вообще городскія депутаціи могутъ имѣть большое значеніе. Согласно распоряженіямъ 1894 г., онѣ завѣдуютъ только внѣшнимъ устройствомъ школы, что же касается ея внутреннихъ распорядковъ, то здѣсь онѣ должны дѣйствовать во всемъ согласно съ учебной инспекціей. Не удивительно послѣ этого, что нѣкоторые города совсѣмъ упростили дѣло и попросту выбираютъ учебныхъ инспекторовъ духовнаго сана въ составъ своихъ школьныхъ депутацій. Въ рабской покорности начальству дальше, кажется, идти некуда! Надо замѣтить при этомъ, что вся эта администра-

тивная практика,—какъ выясняетъ профессоръ Прейсъ,—„есть продуктъ грубѣйшаго министерскаго произвола, котораго не прикрываетъ ни малѣйшая тѣнь, ни малѣйшій признакъ какого бы то ни было права. Этотъ произволъ не основывается ни на какомъ законѣ и ни на какомъ королевскомъ распоряженіи, снабженномъ силою закона. Онъ опирается только и исключительно на министерскіе циркуляры, которые прямо противорѣчатъ духу основного принципа городского самоуправленія“ *).

Если мы обратимся къ самому составу правительственной школьной инспекціи, то не будемъ, конечно, удивлены, что среди нея подавляющее число служащихъ принадлежитъ къ духовенству. Въ качествѣ окружныхъ инспекторовъ по большей части фигурируютъ здѣсь евангелическіе суперинтенденты и католическіе деканы въ ихъ діотезахъ. Въ 1903 г. изъ числа 1231 окружныхъ инспекторовъ было не менѣе 915 духовныхъ лицъ. Но даже и свѣтскіе окружные инспектора не лишены богословской окраски. На 138 филологовъ здѣсь приходилось не менѣе 56 теологовъ и только 93 лица, прошедшихъ дѣйствительно учительскую карьеру. Нечего и говорить, что учебные инспектора почти безъ исключенія рекрутируются изъ рядовъ мѣстнаго духовенства. При этомъ только шестиклассныя и многоклассныя школы подлежатъ непосредственному надзору окружного инспектора. Всѣ же остальныя подчинены прямому распоряженію духовенства при помощи учебныхъ инспекторовъ.

Нельзя послѣ этого не присоединиться къ заключенію уже цитированнаго нами доцента берлинскаго университета, доктора Прейса, что хотя „при парламентскихъ дебатахъ по школьному вопросу съ паѳосомъ было выдвинуто на первый планъ „правовое развитіе“ прусскаго государства въ теченіе якобы двухъ столѣтій, но, въ сущности, дѣло идетъ о томъ специфическомъ духѣ „полицейскаго государства, въ лучшемъ случаѣ проникнутаго небольшой примѣсью фридриціанскаго просвѣщенія,—каноны котораго непрестанно образуютъ вторую часть общаго земскаго права. Это абсолютизмъ сверху и феодализмъ снизу“... Такимъ путемъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ докторъ Кваркъ, порождены глубочайшія противоположности и противорѣчія въ школьной жизни ребенка: „нужда и масса работы заставляютъ рабочихъ съ нетерпѣніемъ ждать, когда, наконецъ, сниметъ съ нихъ школа хотя часть ихъ заботы. Измученная мать кричитъ своему шалуну уже съ 5 лѣтъ: „ну, погоди только, попадешь ты на слѣдующій годъ въ школу“! Но какъ только наступаетъ великій моментъ, и ребенокъ въ первый разъ входитъ въ школу, сейчасъ же охватываетъ обоихъ, и родителя, и ребенка, мрачное чувство, что между ними вторглось что-то чуждое.

*) Кромѣ Arons'a см. еще D-r Hugo Preuss, Das Recht der städischen Schulverwaltung in Perussen. Berlin. 1905 г.

И это чувство не ошибается. Родители-рабочіе отдаютъ дѣтей для обученія въ учрежденіе, которое цѣликомъ проникнуто противоположными классовыми интересами. Какое издѣвательство лежитъ въ этой противоположности! Широкіе пролетарскіе круги отдаютъ своихъ дѣтей въ школу послѣ того, какъ долгія 6 лѣтъ, путемъ величайшихъ лишеній, они вскармливали дѣтей кровью собственнаго сердца. „Соціальное государство" при этомъ, конечно, не безпокоилось объ ихъ горѣ и заботахъ. Напротивъ, это государство отнимаетъ у нихъ даже выборное право, какъ только они примутъ вспоможеніе, чтобы не видѣть голода своихъ малютокъ въ тяжелыя времена. Наконецъ, это жестокое государство однимъ взмахомъ захватываетъ, при помощи нынѣшней уродливой школы, и мысль, и знаніе, и чувства рабочихъ дѣтей. Религіозныя и историческія суевѣрія, патріотическіе и варварскіе военные предразсудки, буржуазное высокомѣріе и травля соціалистовъ захватываютъ въ нынѣшней нѣмецкой школѣ дитя пролетарія, и много потомъ мучатся родители, чтобы спасти маленькаго питомца школы изъ бездны самыхъ тяжкихъ сомнѣній...

„Такъ сотни тысячъ народа практически убѣждаются въ томъ, что народная школа стоитъ противъ нихъ, какъ враждебная соціальная сила. Пропасть между властвующими и народомъ въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, такъ же глубока и широка, какъ и въ хозяйственныхъ и политическихъ вопросахъ. То, что должно было объединять націю, а именно общее мирное воспитаніе всего поколѣнія въ качествѣ будущихъ государственныхъ гражданъ, то раздѣляетъ ихъ такъ основательно, какъ ничто другое. Борьба между счастливыми владѣющими классами и несчастными пролетаріями унизила нѣмецкую народную школу до положенія простого орудія" *).

III.

Когда дѣло идетъ не о народной школѣ, а о школѣ для привилегированныхъ классовъ общества, то тутъ сразу оказываются признанными всѣ требованія нормальной педагогики, которая такъ упорно отвергается для школы пролетаріевъ. Если мы заглянемъ въ брошюру тайнаго совѣтника и члена докладчика въ министерствѣ народнаго просвѣщенія д-ра Матіаса, то мы найдемъ тамъ прекрасное пониманіе современнаго образовательнаго идеала. Останавливаясь на значеніи реформы 1900 г. въ области средней школы, онъ слѣдующими чертами рисуетъ ея положительныя стороны. „Безспорно,—говоритъ Матіасъ,—имѣло большое значеніе

*) См. брошюры. Arons'а и Preuss'а.

для соціальнаго и политическаго развитія нашего народа то обстоятельство, что при помощи школьной реформы его образовательный идеалъ передвинулся въ сторону болѣе реальнаго міровоззрѣнія". Такимъ образомъ, была сдѣлана попытка создать „самостоятельнаго, сильнаго и рѣшительнаго человѣка, взоръ котораго идетъ въ даль, и который при помощи дисциплинированной энергіи воли способенъ владычествовать надъ землей. „Школьная реформа, далѣе, предупредила опасность единообразной школы и униформированія нашей духовной жизни". Она отказалась отъ стремленія создавать нормальнаго человѣка по „тривіальной средней мѣркѣ", дающей, въ концѣ концовъ, только филистера, „съ тупымъ равнодушіемъ встрѣчающаго всѣ великіе соціальные интересы и великіе вопросы публичной жизни". „Она открыла свободный путь и просторъ для индивидуальныхъ особенностей", а вмѣстѣ съ тѣмъ „государство отказалось отъ своего положенія въ качествѣ дядюшки-опекуна по отношенію къ юношеству". „Жизнь школы,—заключаетъ господинъ тайный совѣтникъ,—требуетъ движенія подобно потоку, и если потокъ останавливается, то онъ покрывается льдомъ или тиной. Сомнительна мудрость извѣстнаго изреченія:

„Was die Gewohnheit forderr, Freund, das tu.
Der grauen Vorzeit Staub lass ungefegt!" *).

Такъ для буржуазныхъ командующихъ класовъ признается въ полной мѣрѣ тотъ идеалъ, въ которомъ отказываютъ народу. Но Германія не была бы страной передовой культуры, если-бъ на этомъ дѣло остановилось; и не какіе-нибудь „анархисты" или „безбожные, лишенные отечества люди" требуютъ для народной школы осуществленія высшихъ идеаловъ педагогики. Цѣлый рядъ профессоровъ, учителей или даже духовныхъ лицъ горячо протестуетъ противъ системы оглушенія и насилія въ народной школѣ, а нѣмецкое учительское сословіе самымъ рѣзкимъ образомъ заняло позицію противъ поглощенія школы мракомъ церковнаго невѣжества.

„Цѣлаго человѣка" провозглашаетъ цѣлью воспитанія профессоръ Циглеръ въ своей общей педагогикѣ и требуетъ воспитанія „человѣка въ человѣкѣ", уваженія къ ребенку и его жизни: „дитя имѣетъ также свое настоящее и имѣетъ право его прожить и пережить"... Примыкая къ теоріи профессора Наторпа, подробно разъясняетъ ту же мысль уже упомянутый нами пасторъ Кальтгофъ. „Образованіе человѣка есть образованіе свободнаго человѣка на почвѣ всѣмъ общаго разума и его для всѣхъ равно обязательнаго закона. Свобода должна стать внутренней необходимостью

*) Dr. Adolf Matthias, Geheimer Oberregierungsrat unt vortragender Rat im Kultusministerium, Die soziale und politische Bedeutung der Schulreform vom Jahre 1900, Berlin. 1905.

человѣка при помощи воспитанія". Таковъ педагогическій принципъ, установленный Кантомъ и Фихте, Руссо и Песталоцци. Но „автономный человѣкъ есть всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и общественный человѣкъ, онъ можетъ быть автономнымъ только въ обществѣ, благодаря проявленію общаго всѣмъ соціальнаго закона разума... Поэтому соціальное право требуетъ, чтобы личность... ни въ комъ не была уничтожена, такъ какъ на человѣка нельзя смотрѣть, какъ на вещь, и обращаться съ нимъ, какъ съ вещью или средствомъ для чуждой ему цѣли; каждый человѣкъ есть цѣль самъ для себя, это—новый соціальный человѣкъ, котораго Фихте поставилъ на мѣсто не соціальнаго эгоистичнаго человѣка... Такой человѣкъ не есть порожденіе природы; воспитать его—цѣль высочайшей человѣческой культуры... Только воспитаніе порождаетъ въ человѣкѣ сознаніе его связи и зависимости отъ цѣлаго и открываетъ ему путь стать свободнымъ, не смотря на эту зависимость. Человѣкъ, который желалъ бы отрѣшиться отъ этой зависимости, будетъ уже „не индивидъ, а идіотъ". „Именно высоко образованный человѣкъ знаетъ лучше всего, какую незначительную часть своихъ духовныхъ богатствъ пріобрѣлъ онъ самъ, точно такъ же, какъ и то, что во всемъ лучшемъ, чего онъ достигъ, ему содѣйствовало все человѣчество" *).

Совершенно послѣдовательно въ виду этого, что не только передовой публицистъ Пенцигъ, но и проф. Рейнъ требуютъ въ согласіи съ Кальтгофомъ полной „свободы убѣжденія для личности и признанія ея индивидуальной творческой силы", какъ условій для правильной постановки народнаго образованія. Съ горечью отмѣчаетъ Кальтгофъ вліяніе на нѣмецкую школу идеаловъ военнаго, вѣрнѣе, солдатскаго государства въ Германіи. „Наши школы—говоритъ онъ—роковымъ образомъ отражаютъ въ себѣ военную муштру, у насъ введенъ равномѣрный шагъ, благодаря которому ученики усваиваютъ свои знанія; всѣ они должны по возможности походить одинъ на другого и по общей солдатской мѣркѣ уравнивать свою продуктивность, свой стиль, свой способъ изображенія и выраженія; но такъ какъ эта дрессировка не можетъ охватить внутренняго человѣка, то въ концѣ концовъ остается только зубрежка на память и согласно этому шаблону вытягивается вся дѣятельность ученика; только техника и присутствіе духа, съ которыми ученикъ отбываетъ свои письменныя работы, опредѣляютъ его цѣнность въ школѣ, но отнюдь не внутренняя переработка заученнаго, не сила собственнаго духовнаго творчества. У насъ есть и школьный плацъ-парадъ или экзаменъ, при которомъ опять таки не человѣкъ и его внутренняя цѣнность, а острота памяти и выдержка, съ которой онъ маршируетъ въ установленномъ темпѣ, рѣшаютъ дѣло. Въ концѣ концовъ, образованіе формируется по

*) D-r. Kalthoff. Schule und. Kulturstaat, Leipzig. 1905.

типу большихъ маневровъ, гдѣ постоянно ведется борьба конкурренціи за лучшее мѣсто на школьной скамьѣ, а ученикъ едва имѣетъ возможность вздохнуть: такъ гонитъ и мучитъ его забота, что другой можетъ его обогнать. Но честолюбіе есть только особая форма зависти, а о ней говорится, что она—мать всѣхъ пороковъ. И это проклятіе травли и гонки подъ кнутомъ честолюбія отнимаетъ у ученика все лучшее, все очарованіе въ его работѣ: радость, порожденную сознаніемъ внутренняго роста, чистое, ничѣмъ не затемненное стремленіе къ истинѣ, счастье воспріятія новой и высшей духовной жизни. Въ военномъ государствѣ лежитъ скрытымъ классовое государство, которое наложило свою печать и на школу". „Господство милитаризма, капитализма и бюрократіи въ прусскомъ государствѣ—говоритъ Пенцигъ—всегда будутъ оказывать вредное вліяніе на управленіе и руководство школой", и это тѣмъ печальнѣе, что „воспитаніе и культура совершеннѣе всего тамъ, гдѣ принудительный факторъ становится почти равнымъ нулю". „Развитіе духовной жизни—подтверждаетъ проф. Рейнъ—есть прежде всего индивидуальное... Но великій принципъ индивидуальнаго самоопредѣленія, который не можетъ быть ни отрицаемъ, ни отчуждаемъ государствомъ, есть принципъ свободы духа... Каждое нарушеніе этой границы со стороны государственной власти возбуждаетъ глубоко идущую враждебность... Каждый захватъ здѣсь ожесточаетъ, каждое нарушеніе обостряетъ чувство права на индивидуальное опредѣленіе. И прежде всего на нѣмецкой почвѣ. Здѣсь Лютеръ отвоевалъ свободу духа отъ принужденія вѣры католической церкви, здѣсь Фридрихъ Великій сказалъ, что никакое чувство такъ тѣсно не связано съ сущностью человѣческаго духа, какъ именно чувство свободы... Этотъ принципъ стоитъ въ противоположности съ централизаціей бюрократическаго управленія... Эта противоположность выступаетъ не только въ политической и гражданской области, но и въ церковныхъ и школьныхъ дѣлахъ" *).

Для того, чтобы русскій читатель могъ ясно представить себѣ, что такое принужденіе въ нѣмецкой школѣ, я приведу примѣръ изъ личнаго опыта, который впервые показалъ мнѣ, что такое „воспитаніе личности" подъ крыломъ прусскаго министерства просвѣщенія. Въ Россіи у многихъ до сихъ поръ живо преданіе о знаменитомъ школьномъ учителѣ, поколотившемъ французовъ. Не развращающей силѣ цезаризма, не буржуазно-полицейской системѣ новой имперіи любятъ приписывать у насъ Седанъ и Метцъ, а только силѣ прусской школьной муштры и „образованію" нѣмецкаго солдата. Подъ вліяніемъ подобныхъ иллюзій отдалъ и я свою маленькую дочку въ соотвѣтственный классъ и

---

*) Kalthoff в. н. с., Prof. Rein, Kirche, staat und Schule, Berlin. 1905. Dr. Penzig, Zum Kulturkampf um die Schule, Berlin. 1905.

то не народной школы, а женскаго училища, „Höhere Töchterschule“. Не желая дѣлать слишкомъ поспѣшное заключеніе, я предоставилъ ребенку полную возможность въ теченіе года войти во всѣ детали прусской системы и благополучно перейти въ слѣдующій классъ. Но больше опыта производить не представлялось возможнымъ, и вотъ по какимъ соображеніямъ. Уровень требованій въ школѣ былъ до крайности низокъ и разсчитанъ на самыхъ неспособныхъ ученицъ; и этотъ уровень должны были выдерживать всѣ, не смотря на полное различіе способностей и развитія. Самыя требованія были до убожества механичны и формальны. Не смотря на то, что въ 7-омъ классѣ сидѣли дѣвочки 10 — 11 лѣтъ, тамъ все сводилось къ аккуратности и чистописанію. Ариеметика исчерпывалась зазубриваніемъ таблицы умноженія, элементарнымъ счетомъ и красивымъ выведеніемъ цифръ. Изученіе языка сводилось не столько къ чтенію и усвоенію пройденнаго, сколько къ грандіозному переписыванію съ книги. Это сопровождалось опять таки зазубриваніемъ въ изобиліи и прозы, и стишковъ. Законъ Божій представлялъ изъ себя сплошную массу „священнаго“ матеріала для зазубриванія наизусть, и остальные предметы положительно отступали на второй планъ передъ массой зубрежки и чистописанія. Все это было до крайности безсодержательно, а потому и легко, но вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно скучно, а потому утомительно и тяжко. Усиленная работа не оставляла въ душѣ ребенка ровно ничего, но за то все заполнялось тѣмъ „честолюбіемъ“, о которомъ говоритъ Кальтгофъ. Всѣ дѣти были разсажены на скамьяхъ по степени ихъ успѣховъ. Малѣйшая ошибка, малѣйшее промедленіе въ отвѣтѣ со стороны ребенка немедленно низвергало его внизъ, на позорныя малоуспѣшныя скамьи; весь классъ во время урока превращался въ дикую скачку съ препятствіями, дѣти судорожно цѣплялись за хорошія мѣста и дрожали въ безумномъ страхѣ, что малѣйшій промахъ лишитъ ихъ и почета, и положенія въ рядахъ школьной іерархіи. Одна мысль, одно чувство владѣло ими: перебить товарища, влѣзть выше его, перескочить при помощи удачи черезъ два—три мѣста, вылетѣть на первую скамью и возсѣсть тамъ на зло всѣмъ обойденнымъ, одураченнымъ товаркамъ. Тщеславное и пустое торжество со стороны однѣхъ — зависть и злоба со стороны другихъ. Съ одной стороны, болѣзненныя стремленія одаренныхъ дѣтей удержаться во что бы то ни стало среди патентованной аристократіи класса и полная трагедія отчаянія и безнадежности въ душѣ несчастныхъ паріевъ—съ другой. Полное отраженіе той волчьей конкурренціи буржуазнаго общества, которую такъ идеально рисовалъ Бастіа со товарищами. И такое же раздѣленіе на классы, какъ тамъ, — на ловкихъ, находчивыхъ и выдержанныхъ вверху и на слабыхъ, неустойчивыхъ, хоть и болѣе одаренныхъ — внизу. Я не забуду того чув-

ства, съ которымъ я выслушивалъ повѣсть моей дѣвочки о томъ, что она сегодня взяла съ бою 5—6 мѣстъ и водворилась на первой скамейкѣ. Утѣшительно было одно, что маленькая славянка постоянно кувыркалась съ перваго мѣста на послѣднее и обратно, и, благодаря постоянному блужданію по всѣмъ мѣстамъ класса, не могла выработать въ себѣ чувства классовой гордости и превосходства. Но бѣдные учителя и учительницы положительно теряли голову: они абсолютно не знали, куда приписать это капризное существо, какимъ пожаловать ее чиномъ. Такъ дѣвочка и пробыла въ „титулярныхъ совѣтникахъ“ до оставленія школы...

Само собою понятно, что классная конкурренція влечетъ за собой полное уничтоженіе товарищескихъ чувствъ и такое развитіе доносовъ и шпіонства среди дѣтей, о которомъ мы не имѣемъ никакого представленія; нѣжные друзья предаютъ другъ друга походя, въ силу традиціонной полицейской морали, а взаимное оклеветаніе въ газетахъ учителями достигаетъ чрезвычайныхъ размѣровъ. Я говорилъ на эту тему съ педагогами описываемой здѣсь школы, но встрѣчалъ одинъ отвѣтъ: „что подѣлаете, каково общество—такова школа“. Думаю, однако, что ученическая гонка за мѣстами не можетъ дать иной морали, кромѣ предательства и вѣроломства. Тамъ, гдѣ люди грызутъ другъ друга, какъ волки, дѣти ихъ ведутъ себя, какъ настоящіе маленькіе волчата, и если не дерутся прямо, то нападаютъ другъ на друга изъ-за угла.

Въ высшей степени характернымъ для нѣмецкой школы является, наконецъ, то обстоятельство, что и въ народной школѣ, и мужскихъ гимназіяхъ не только жестоко наказываютъ за всякую мелочь, но и бьютъ и при томъ бьютъ весьма основательно. Для характеристики здѣшней педагогики полезно будетъ привести слѣдующій уголовный кодексъ, который былъ введенъ въ дѣйствіе въ одномъ классѣ для мальчиковъ 14-лѣтняго возраста:

„Арестъ отбывается по вторникамъ и пятницамъ отъ 5 часовъ. Наказуются: забывчивость—часомъ ареста; роняніе предметовъ на полъ—въ первый разъ выговоромъ, во второй—арестомъ. Поднятіе со скамьи—арестомъ. Разговоры — арестомъ. Отсутствіе дневника — арестомъ. Держаніе книги одной рукой—арестомъ. Медленное вставаніе—выговоромъ и арестомъ. Неправильное поднятіе руки—выговоромъ и арестомъ“. Что же касается битья, то по этому поводу остановимся на одномъ письмѣ, помѣщенномъ въ „Berliner Tageblatt“, гдѣ несчастный родитель тщетно проситъ хоть нѣсколько смягчить жестокость тѣлесныхъ наказаній: „посмотрите хоть разъ на побитаго ребенка: мучительное метаніе, лихорадка во всемъ его тѣлѣ, неспособность слѣдить за ученіемъ. Долго, слишкомъ долго держится боль, и какъ болятъ раны, какъ горятъ на побитыхъ мѣстахъ... Въ парламентѣ теперь сильно защищаютъ солдатъ отъ битья, держатся объ этомъ рѣчи и на нихъ реагируетъ рейхстагъ. Сравненіе

напрашивается само собою. Солдаты, какъ ученики, прикрѣплены къ своимъ мѣстамъ, переданы на обученіе государственнымъ органамъ, и тѣ и другіе должны бы быть одинаково защищены. Наказаніе розгами... вѣдь это самое жестокое изъ всѣхъ наказаній, и съ нимъ ничего нельзя сравнить... Это жесточайшее изъ наказаній не должно практиковаться въ учрежденіи, которое носитъ названіе школы". А между тѣмъ, „судьба нашихъ дѣтей школьнаго возраста полна мученій, благодаря примѣненію розогъ въ школѣ, и нѣтъ для нихъ спасенія, такъ какъ сѣкутъ во всей милой Германіи. Наши дѣти осуждены подставлять свое тѣло подъ столь для нихъ страшное школьное сѣченіе". И не надо этому удивляться: въ Германіи до сихъ поръ держится „оффиціально одобренное учебно-казенное сѣченіе". Свое письмо несчастный отецъ заканчиваетъ слѣдующимъ законопроектомъ: онъ требуетъ, чтобы дѣвочекъ не били совсѣмъ, чтобы освободили ихъ отъ „этого варварскаго наказанія". Для мальчиковъ требуетъ онъ, чтобы не били дѣтей, по крайней мѣрѣ, „по рукамъ", чтобы ихъ не били „передъ классомъ", чтобы не били во время „гимнастики", чтобы, наконецъ, сѣкли только „съ разрѣшенія начальства"... Таковы скромныя желанія одного изъ родителей въ странѣ Канта, Шиллера и Гете. Сѣченіемъ и битьемъ дѣтей завершается нѣмецкая школьная система, и новый законопроектъ желаетъ сдѣлать ее орудіемъ новыхъ мрачныхъ силъ, новаго возвращенія къ средневѣковому застѣнку.

IV.

Внутренній раздоръ и тяжелыя противорѣчія породитъ собой новое господство церкви надъ школой. Нельзя не замѣтить прежде всего, что католическая церковь, о которой здѣсь главнымъ образомъ идетъ рѣчь, есть учрежденіе, которое относится отрицательно къ современному государству; поэтому школьный компромиссъ есть ни больше, ни меньше, какъ „капитуляція передъ врагомъ, внушающая большія опасенія на счетъ ослабленія государственной идеи". До сихъ поръ конфессіональный характеръ школы былъ дѣломъ административнаго произвола, отнынѣ законъ отрѣзаетъ школу отъ государства, передаетъ ее въ руки вѣроисповѣдныхъ обществъ. „Законъ предписываетъ теперь, что учитель долженъ быть католическимъ, долженъ преподавать католически и воспитывать католически". Естественнымъ результатомъ является, что учебникъ долженъ быть тоже католическимъ, а вмѣстѣ съ симъ и учебные методы и воспитаніе—католическими. Государственный надзоръ уступаетъ мѣсто церковному, и за конфессіональной школою должны послѣдовать такіе же гимназіи и университеты, конфессіональная юстиція и

управленіе, конфессіональное войско, однимъ словомъ—конфессіональное государство. „Только тогда—говоритъ проф. Наторпъ—мы будемъ имѣть у насъ миръ, иначе же нѣтъ“. Не надо забывать, какъ говоритъ тотъ же ученый, что съ католической школой „мы получаемъ неизбѣжно и католическое понятіе государства и католическое воззрѣніе на исторію, и католическій судъ надъ нашими поэтами и мыслителями, католическое естествознаніе и географію, католическую науку и философію въ государственной школѣ. Другими словами, государство само взваливаетъ на себя обязанность воспитать для церкви тѣ батальоны, которые должны маршировать противъ него самого. Это обозначаетъ новую Іену и еще того хуже. Это обозначаетъ, что чуждое владычество водворится надъ третью нашего отечества“. Менѣе опасной представляется господство протестантской церкви, но, чѣмъ рѣшительнѣе будетъ владычество Рима, тѣмъ энергичнѣе подымется протестъ съ другой стороны, а у протестантскаго духовенства далеко нѣтъ недостатка въ стремленіяхъ къ политической мощи. „Каждая жертва, принесенная Риму, романизируетъ и протестантство“. Однако на двухъ исповѣданіяхъ дѣло не остановится: при наличности свободы совѣсти въ странѣ, естественно будетъ расти число учениковъ и другихъ исповѣданій. Теперь уже не рѣдки случаи, когда рядомъ съ шестиклассной школой одного исповѣданія ютятся половинныя или одноклассныя школы другой. Проведеніе закона въ жизнь безмѣрно увеличитъ такіе факты. Большія многоклассныя, междуисповѣдныя школы исчезнутъ совсѣмъ, ихъ же мѣсто займутъ карликовыя образованія конфессіональнаго типа. Кто выиграетъ отъ этого? Менѣе всего общій уровень просвѣщенія въ Германіи“ *).

Но есть еще вторая опасность, которую влечетъ за собой школьный компромиссъ. Современную науку изъ жизни народа тоже выбросить нельзя. А между тѣмъ, у нея есть свое міровоззрѣніе, безъ котораго она абсолютно невозможна. И если всякая догма, всякое исповѣданіе, которое претендуетъ на обладаніе абсолютной истиной, должно неизбѣжно ставить границы мысли и изслѣдованію и требовать, чтобы они не выходили изъ этихъ границъ,—то, съ другой стороны, наука представляетъ собою цѣликомъ вѣчное стремленіе впередъ и впередъ. Современная мысль человѣка вполнѣ слѣдуетъ за развитіемъ свѣтской науки. Прежде наша земля лежала твердо и спокойно въ срединѣ мірозданія, и толпы звѣздъ кружились вокругъ нея каждый день въ равномѣрномъ, вѣчно одинаковомъ ходѣ. На ихъ покойномъ ходѣ отдыхалъ взглядъ людей, находящихся подъ луной, въ то время, какъ внизу царило смятеніе и безпорядки. Новая наука Коперника и

---

*) Prof. Paul. Natorp, Ein Wort zum Schulantrag, Leipzig 1905. D-r Fr. Naumann, Der Strit der Konfessionen um die Schule, Berlin 1904.

Галилея грубо разрушили міръ этого замкнутаго мірозданія. Двинулась земля и солнце и потерялись вмѣстѣ съ другими звѣздами на безконечныхъ путяхъ, среди безконечнаго пространства. Въ мірѣ не осталось ни одного твердаго пункта. Красивый эллипсисъ движенія планетъ нарушенъ, однообразіе разбито. За небесной наукой послѣдовали и другія, осталась только относительная истина на мѣстѣ абсолютной, остался прогрессъ познаванія на безконечномъ его пути къ недостижимой окончательной цѣли. Наука движется, а догма стоитъ. И въ нравственной области оказалось то же самое. И здѣсь ничего нѣтъ твердаго, кромѣ одного лишь направленія безконечнаго прогресса въ развитія воли; какъ говоритъ проф. Наторпъ, „поскольку человѣческій духъ еще имѣетъ въ себѣ силу идти все далѣе впередъ; пока онъ еще способенъ къ новымъ твореніямъ въ области познанія и дѣла, онъ не можетъ взять назадъ шагъ, сдѣланный впередъ. И разъ это случилось, то пусть заклинаютъ его всѣ мірскіе и церковные князья, всѣ парламенты и министерства просвѣщенія, что не должно произойти то, что произошло, все останется такимъ, какъ есть, и, какъ все случившееся, оно будетъ дѣйствовать далѣе въ мірѣ“ *).

Параллельное существованіе двухъ истинъ въ духовномъ организмѣ націи на долгое время невыносимо. Прекрасно рисуетъ пасторъ Кальтгофъ это противорѣчіе двухъ отрицающихъ другъ друга истинъ: „въ естественной исторіи—говоритъ онъ—которую преподаютъ съ научной точки зрѣнія, ребенокъ воспитывается въ естественно-научномъ воззрѣніи на жизнь и научается видѣть во всемъ происходящемъ непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій. Но вотъ, съ другой стороны, въ преподаваніи религіи встрѣчаетъ онъ міровоззрѣніе, которое цѣликомъ построено на чудесахъ... Онъ слышитъ объ идеяхъ развитія, которыя повсюду рисуютъ жизнь, какъ восхожденіе отъ низшихъ къ высшимъ формамъ образованія, онъ учится познавать самого себя, какъ продуктъ безконечнаго ряда развитія, и пріучается созерцеть человѣческую жизнь какъ вѣчно продолжающійся соціологическій процессъ на біологической основѣ. И вотъ преподаваніе религіи ставитъ вверхъ ногами этотъ міръ развитія. Оказывается, что въ началѣ было уже все готово и даже снабжено отмѣткой „очень хорошо“, а все послѣдующее оказалось одной порчей и упадкомъ; сначала былъ рай въ первоначальномъ состояніи человѣчества, а затѣмъ послѣдовали грѣхи міра и вырожденіе церкви“. Такъ происходитъ, говоря словами Пенцига, „безнадежная путаница въ различныхъ отрасляхъ преподаванія и въ головахъ учениковъ“. Пенцигъ даже находитъ, что простое сосуществованіе различныхъ міровоззрѣній само по себѣ могло бы быть не такъ плохо, такъ какъ могло бы дать прекраснѣйшій поводъ для са-

---

*) См. Natorp в. v. c.

мостоятельной мысли. Однако несчастіе въ томъ, что одно міровоззрѣніе выступаетъ съ претензіей на абсолютную истину, въ то время, какъ на другой сторонѣ усиливается стремленіе къ научному отысканію истины. Если учитель космографіи представитъ канто-лапласовскую гипотезу даже только гипотезой, учитель естественной исторіи не будетъ останавливаться на дарвинизмѣ... а учитель исторіи скроетъ начало человѣческой исторіи въ спасительномъ мракѣ лишенной преданія доисторичности,—то спрашивается: будетъ ли обладать такимъ же тактомъ преподаватель религіи? Представитъ ли онъ исторію сотворенія въ качествѣ миѳа, а семитическое преданіе, какъ во многомъ подкрашенное, ошибочное или легендарное?.. Въ этомъ позволительно сомнѣваться. Водворять церковное міросозерцаніе въ головѣ ученика безъ того, чтобы въ то же время не защитить его отъ „разъѣдающей критики науки", совмѣщать законъ причинности и чудеса, свободное изслѣдованіе и абсолютную истину, все равно, что „бросить кого-нибудь въ воду съ дружескимъ приглашеніемъ поплавать, а въ то же время заботливо связать ему руки и ноги" *).

Наиболѣе простое рѣшеніе вопроса о воспитаніи мы встрѣчаемъ, правда, у другихъ педагоговъ, которые принадлежатъ къ совершенно новой породѣ воспитателей юношества. Мнѣ недавно пришлось провести съ такимъ педагогомъ нѣкоторое время въ одномъ приморскомъ отелѣ, и я не безъ удовольствія наблюдалъ этого новаго представителя новой нѣмецкой исторіи. Грявый преподаватель древнихъ языковъ менѣе всего походилъ на учителя старыхъ временъ. Румяный, крѣпкій молодецъ, съ военными манерами, похожъ былъ скорѣй на переодѣтаго вахмистра русской охранки. И, дѣйствительно, въ немъ таилась военная жилка: онъ былъ лейтенантомъ запаса, а вмѣстѣ предсѣдателемъ союза старо-служивыхъ солдатъ. Онъ не былъ силенъ насчетъ Горація, но за то ура-патріотизмъ былъ ему знакомъ въ совершенствѣ. Съ ташкентскимъ ухарствомъ разсказывалъ этотъ педагогъ замирающимъ отъ ужаса дамамъ, какъ онъ присутствовалъ въ составѣ 12 понятыхъ при казни преступника, и кровь брызнула ему на платье. Онъ показывалъ, далѣе, палецъ, раненый зубами ученицы, которую онъ желалъ выгнать силой изъ класса; онъ слагалъ прочувственные гимны поркѣ и битью и проповѣдывалъ, что розга есть приправа мальчишеской жизни. Признаться, я настолько былъ ошеломленъ этимъ ташкентцемъ приготовительнаго класса, что сначала было принялъ его за „гороховое пальто", которыхъ много здѣсь рыскаетъ по отелямъ и пансіонамъ, гдѣ бываютъ иностранцы, но скоро выяснилось вполнѣ, что то былъ дѣйствительно педагогъ новаго, дикаго типа, педагогъ зубо-крушительный, вздергивающій Михеля на дыбу цезаризма, имперіализма и

---

*) См. брошюры Kalthoff'a Natorp'a, Penzig'a.

колоніальныхъ звѣрствъ. По правдѣ сказать, я все же не вѣрилъ дѣйствительности и считалъ педагога-зулуса довольно рѣдкимъ исключеніемъ. Но вотъ передо мной лежитъ книжка другого учителя гимназіи, г. доктора Альберта Груна. Въ этой книжкѣ я нашелъ цѣлую систему ташкентскаго вспарыванія животовъ и истребленія супостатовъ. Задачей Германіи д-ръ Грунъ считаетъ троякое истребленіе: во-первыхъ, истребленіе соціалъ-демократіи, для этого нужно созданіе новыхъ людей нечеловѣческихъ силъ и красоты, которые однимъ взглядомъ своимъ сумѣли бы испепелить враговъ и ниспровергнуть преступную гордыню. Нѣмецкая школа должна дать этихъ новыхъ титановъ! Во-вторыхъ, Германія должна пожрать „при помощи свободы мысли и дѣйствій" прежде всего Данію, потомъ Голландію и, наконецъ, Австрію. И школа опять-таки должна создать это новое поколѣніе людоѣдовъ. Но этимъ дѣло не ограничивается: нѣмецкій императоръ долженъ стать Александромъ Великимъ, въ виду этого Германія должна забрать голландскую Индію, бельгійскую колонію Конго, кусочекъ Индіи и Египта. И для этого опять-таки школа должна выкормить новыхъ тигровъ, которые перелетятъ и въ Египетъ, и къ Китай, и въ Индію, всѣхъ покорятъ и подчинятъ „подъ свои ноги". Такой педагогъ, конечно, разсуждаетъ очень просто. Онъ прямо провозглашаетъ протестанство единственной религіей, пригодной для вышеописанныхъ цѣлей, и объявляетъ столь же просто и рѣшительно: „если мы хотимъ воспитать нѣмецкій народъ въ религіи и нравственности, то мы должны выразиться точнѣе—въ евангелической вѣрѣ и въ евангелической нравственности". Въ силу же этого „евангелическимъ учителямъ религіи должно быть предоставлено гораздо большее количество свободы въ дѣлѣ преподаванія, чѣмъ теперь". Само собою разумѣется, всѣмъ остальнымъ эта „свобода" должна быть пропорціональна сокращена *)...

Иначе рѣшаютъ вопросъ о преподаваніи религіи въ школѣ тѣ педагоги, которымъ дѣйствительно дорога школа и настоящая религіозность учащихся. „Преподаваніе религіи—говорятъ пасторъ Кальтгофъ — въ томъ видѣ, какъ оно происходитъ въ школьномъ, методическомъ порядкѣ, согласно учебнымъ планамъ, въ своей основѣ имѣетъ для сердца мало общаго съ религіей. Оно служитъ церковной системѣ и политическимъ цѣлямъ, но для религіи оно является громадной могилой, которую должно сначала разрушить, прежде чѣмъ праздновать день религіознаго воскресенія.—Мы говоримъ здѣсь о душѣ ребенка, которая ищетъ Бога въ своей великой любви, и такъ какъ она ищетъ его повсюду, она и находитъ его вездѣ. Еще въ колыбели ребенка пронизываетъ его сердце солнечный лучъ, и этотъ привѣтъ пославнаго

---

*) D-r Albert Gruhn, Staat und Schulee, Iena 1905.

Богомъ свѣта крѣпко хранитъ дитя". Изъ своего сердца создаетъ ребенокъ свой дѣтскій рай и превращаетъ дѣйствительный міръ въ прекрасную, полную смысла, сказку; въ ней создается то ощущеніе Бога, „какое было и у народовъ, когда они называли вѣтры Божьими послами, а огненные языки слугами Бога". И съ познаніемъ своихъ отца и матери, своихъ друзей и ближнихъ ребенокъ невольно „чувствуетъ могучее и естественное стремленіе въ самомъ себѣ, желаетъ отдаться изъ благодарности и любви чему-то высшему и чистѣйшему, что согласно Гете и называется благочестіемъ". „Такъ Богъ пробуждается къ жизни въ сердцѣ ребенка"... Но вотъ ребенокъ долженъ „учиться тому, что скажутъ ему объ этомъ Богѣ взрослые люди, и этотъ Богъ уже выглядитъ сразу совершенно иначе, чѣмъ тотъ, котораго онъ до этихъ поръ зналъ и видѣлъ; это ужъ болѣе не вѣрный покровитель его дѣтскихъ игръ, не радость и стремленіе его жизни или источникъ его творческаго, любящаго сердца, а какой-то строгій господинъ, который повсюду стоитъ сзади него съ розгой, и грозитъ и наказуетъ. Онъ не распредѣляетъ больше свои дары съ великодушной щедростью... но всегда сначала требуетъ чего-то отъ людей, когда думаетъ имъ что-либо дать... требуетъ возможно больше и нѣчто совсѣмъ опредѣленное, тогда какъ самъ обѣщаетъ нѣчто совсѣмъ неопредѣленное и откладываетъ исполненіе обѣщаній на очень растяжимое будущее"... „Такъ Богъ въ воображеніи ребенка становится „великимъ страхомъ его жизни", и дитя думаетъ только о томъ, какъ-бы по возможности дальше убѣжать отъ этого страха, спрятаться отъ него или даже его перехитрить." И эти впечатлѣнія дополняетъ самое обученіе религіи, состоящее только въ зазубриваніи библейскихъ исторій, говорящихъ ребенку чуждымъ ему языкомъ; а затѣмъ слѣдуютъ заповѣди и ихъ объясненія, символъ вѣры и опять объясненія, молитвы и опять объясненія, и все это зазубривается точка въ точку, буква въ букву; сюда присоединяются еще тексты и псалмы безъ конца, въ которыхъ опять объясняется то, что объяснено раньше, и чуждыя, невразумительныя понятія и слова въ родѣ „наслѣдственный грѣхъ", „жертва очищенія", „искупленіе" и „освященіе"—все это наполняетъ голову ребенка днями и годами и выражается, въ концѣ концовъ, школьными отмѣтками, замѣняющими собой истинную и естественную религію ребенка и снабжающими его казенной гарантіей благочестія и религіозности" *).

Словами глубоко вѣрующаго пастора очень рельефно выражается то настроеніе горечи и недовольства, та ревность объ истинной настоящей вѣрѣ, которая начинаетъ требовать устраненія религіи изъ школы вообще. Въ рядахъ противниковъ школьной

---

*) Kalthoff, в. н. сочиненіе, также Rein, Penzig, Naumann, Natorp.

замѣны религіи мертвой учебой мы встрѣчаемъ поэтому не только выдающихся педагоговъ или богослововъ въ родѣ фонъ-Сальвирка, Кюгельгена, Шмидта, проф. Баумгартена и другихъ, но и цѣлыя соединенія учителей, которые видятъ единственное спасеніе истинной религіозности въ удаленіи религіи изъ школы. Какъ говоритъ докторъ теологіи и бывшій пасторъ Науманъ въ своей брошюрѣ: „именно съ точки зрѣнія религіи должны мы кричать: оставьте насъ въ покоѣ съ вашей оффиціальной государственной вѣрой, мы желаемъ вѣры, но не казенныхъ религій... каждое государственное производство религіи имѣетъ въ себѣ нѣчто солдатское—мундиръ для душъ. Теперь дѣлаютъ намъ два мундира: одинъ по римскому, другой по виттенбергскому образцу. Одинъ изъ этихъ мундировъ должна носить каждая душа. Всѣ безконечныя различія религіозныхъ возрѣній презираются и только признается нормальное. И это должно быть спасительно для религіи и при томъ религіи Христа!.. ...Организація силы, которая съ оружіемъ въ рукахъ должна защищать свое существованіе, должна нести и Евангеліе нашимъ дѣтямъ; спрашивается, однако, какое Евангеліе: евангеліе броненоснаго кулака или распятаго на крестѣ Бого-Человѣка"?—Отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ: „Если современное государство, въ качествѣ культурнаго государства, думаетъ поддержать въ народѣ религію, эту самую утонченную, самую человѣческую часть души, то оно не можетъ предпринять ничего болѣе настоятельнаго, какъ устранить религію изъ своихъ школьныхъ программъ и отказаться отъ желанія преподавать ее" *).

Реусъ.

Новыя книги.

М. Арцыбашевъ. Разсказы. Т. I. Изд. С. Скирмунта. Спб. 1905.

Имя г. Арцыбашева знакомо нашимъ читателямъ: одинъ изъ наиболѣе значительныхъ его разсказовъ былъ напечатанъ нѣсколько лѣтъ назадъ на страницахъ „Русскаго Богатства". Но этотъ разсказъ менѣе другихъ характеренъ для дарованія молодого писателя; онъ какъ то мало вяжется съ его писательской физіономіей, и только когда прочтешь всю книжку и перечитаешь „Купріана", то тогда, пожалуй, и онъ внесетъ свои черточки въ характеристику автора. Быть можетъ, читатели помнятъ

---

*) Naumann, Kalthoff.

трагическую исторію Купріана, смѣлаго деревенскаго конокрада, его отчаянныя похожденія, его связь съ „солдаткой“ Матреной, страшное возвращеніе ея мужа, страданія бездомнаго Купріана и его безсмысленную гибель отъ жестокой руки односельчанъ. Патріотическій публицистъ, удостоившій тогда журналъ критическимъ полу-доносомъ, отмѣтилъ, что въ „Русскомъ Богатствѣ“ печатаютъ разсказы, въ которыхъ привлекательнымъ оказывается только конокрадъ. Эта иронія жизни была хорошо выражена въ разсказѣ г. Арцыбашева, но выступала безъ навязчивости. Разсказъ казался яркой и любопытной жанровой картинкой, выхваченной авторомъ изъ жизни.

Послѣ знакомства со всѣмъ сборникомъ г. Арцыбашева это первоначальное впечатлѣніе представляется ошибочнымъ; оно во всякомъ случаѣ нуждается въ поправкахъ. Г. Арцыбашеву нѣтъ дѣла до жанровой стороны жизни; онъ не наблюдаетъ ея внѣшнихъ подробностей. Когда онѣ ему нужны, онъ беретъ ихъ изъ вторыхъ рукъ, или онъ сочиняетъ ихъ, хотя ему самому, быть можетъ, кажется, что онъ ихъ подмѣтилъ самъ въ дѣйствительности. Но на самомъ дѣлѣ онъ не видитъ реальныхъ деталей; его занимаетъ другое: онъ ставитъ себѣ задачи и рѣшаетъ ихъ; жанровая правда играетъ при этомъ подчиненную роль.

„Ужасъ“ называется послѣдній разсказъ г. Арцыбашева, и это названіе могли бы носить чуть не всѣ его разсказы. Дѣло не столько въ ихъ темахъ, сколько въ той атмосферѣ, въ которой они проходятъ; но и въ сухомъ остовѣ разсказовъ г. Арцыбашева есть всегда нѣчто ужасное, не только тяжелое, мрачное, но именно ужасное. Гимназистъ Паша Тумановъ, исключенный изъ гимназіи, пошелъ въ оружейный магазинъ, купилъ револьверъ и застрѣлилъ директора. Подпрапорщикъ Гололобовъ, дойдя до мысли, что „положеніе каждаго человѣка есть положеніе приговореннаго къ смертной казни“, предпочелъ „не дожидаться“ и покончилъ съ собой. Добрые и интеллигентные гости помѣщиковъ Виноградовыхъ просто живутъ въ мірѣ нескончаемыхъ убійствъ, совершаемыхъ ими и ради нихъ; правда, рѣчь въ разсказѣ „Кровь“ идетъ объ избіеніи животныхъ, но авторъ изображаетъ его такъ подробно именно съ тѣмъ, чтобы внушить подлинный ужасъ. Студентъ Рославлевъ хотѣлъ „спасти“ проститутку Колодоеву отъ ужасовъ ея жизни, но бѣдная дѣвушка влюбилась въ своего спасителя, и онъ—послѣ разговора съ отцомъ, авторомъ либеральныхъ и симпатичныхъ разсказовъ,—предпочелъ скрыться отъ бѣдной Саши, которой, конечно, остается окончательно погибнуть въ бездиѣ распутства. А въ разсказѣ „Ужасъ“ пьяные докторъ, слѣдователь и становой изнасиловали учительницу и убили ее, чтобы скрыть слѣды преступленія, а когда народъ, чуя страшную неправду, сталъ волноваться и бушевать, его укротили залпами. „Къ вечеру разошлись тучи и выглянуло

солнце. На улицахъ было пусто, и только куры тихо бродили по дорогѣ, да возлѣ церкви, трусливо поджимая хвосты, бѣгали и нюхали землю собаки. Было тихо и страшно, и, казалось, надъ землей, между замерзшей и затаившейся жизнью и глубокимъ, свободнымъ, голубымъ небомъ, стояла какая-то невидимая, мертвая, давящая сила... Въ сараѣ, при волости, на помостѣ лежали рядами неподвижные мертвые люди и смотрѣли вверхъ остановившимися навсегда бѣлыми глазами, въ которыхъ тускло блестѣлъ вопрошающій и безысходный ужасъ".

Мы выписали всю главу, которой заканчивается „Ужасъ" и весь сборникъ г. Арцыбашева. Въ ней его общая идея. Люди представляются ему безконечно и безобразно жестокими, жестокими не индивидуально, а коллективно. „Ужасъ" жизни не въ томъ, что творятся ужасныя вещи, а въ томъ, что ихъ дѣлаютъ не дурные люди. Директоръ, который выгналъ Пашу Туманова, хорошій человѣкъ и Паша Тумановъ хорошій мальчикъ, который, убивъ, сейчасъ „понялъ, какое дурное, злое и несправедливое дѣло онъ сдѣлалъ и какъ онъ несчастенъ". И мужики, убивъ Купріана, стоятъ „смущенные и испуганные". Всѣ такъ: совершаютъ преступленія и каются, а если не каются, то потому, что невинны, наивны въ своихъ злодѣяніяхъ: убиваютъ барашка для завтрака, волка для ковра, дятла для чучела, дѣвушку для полового удовлетворенія.

Мы не станемъ защищать жизнь отъ г. Арцыбашева, хотя въ его изображеніи есть преувеличенія, иногда ненужныя. Въ жизни столько безсмысленно жестокаго, что никакія преувеличенія не превзойдутъ ея ужаса. Но намъ кажется, что эта основная идея слишкомъ сильно захватила молодого писателя: она мѣшаетъ ему искать иной жизни, мѣшаетъ наблюдать, мѣшаетъ идти впередъ. Преувеличеніе—законный художественный пріемъ, но оно безсильно тамъ, гдѣ преувеличиваетъ ужасы, въ этомъ не нуждающіеся. „Ужасъ" г. Арцыбашева многимъ напомнилъ дѣло Золотовой; говорили, что разсказъ подсказанъ этой страшной страницей нашей общественной жизни. Примемъ эту гипотезу и сличимъ разсказъ съ дѣйствительностью. Г. Арцыбашевъ сдѣлалъ многое, чтобы усугубить ея ужасъ. Онъ взялъ дѣвушку, просто окруженную ореоломъ нѣжной, наивной чистоты, онъ умѣлъ противопоставилъ мирную красоту ея тихой жизни страшному преступленію, совершенному надъ нею. Въ то время, какъ слѣдователя Пуссепса никто не обвинялъ въ изнасилованіи и убійствѣ, онъ заставилъ совершить все это слѣдователя съ докторомъ—и закончился разсказъ страшной сценой кровавой расправы съ протестующимъ народомъ. Но чего онъ достигъ этимъ? Нервы читателя треплются, онъ вспоминаетъ золотовскую легенду, содрогается при мысли о ней,—но новаго ничего не узнаетъ. Не узнаетъ, ибо ничего изъ тайнъ жизни не вырвалъ у нея авторъ:

онъ смотритъ на нее сквозь свои „тезисы"; это опасный пріемъ— желаемъ молодому писателю справиться съ нимъ.

В. М. Дорошевичъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Семья и школа. Т. II. Безвременье. Изд. Сытина. Москва, 1905.

Популярная нѣмецкая эпиграмма говоритъ, что книги, которыя не стоитъ перечитывать, не стоитъ читать и въ первый разъ. Произведенія г. Дорошевича — живое опроверженіе мысли нѣмецкаго поэта: ихъ стоило читать и не стоитъ перечитывать. Der Mohr hat seine Schuldigkeit getgan, der Mohr kann gehen. Талантъ г. Дорошевича — талантъ газетный, но газетная журналистика имѣетъ свой стиль и съ нимъ связанную свою судьбу. Она разсчитана на сегодняшній день—и должна умереть вмѣстѣ съ нимъ. Консервированная, она становится безвкусной, какъ всякіе консервы. Какъ въ кинематографѣ, быстро смѣняющійся рядъ снимковъ даетъ впечатлѣніе живого движенія, а каждый снимокъ въ отдѣльности неестественно безжизненъ, такъ статьи настоящаго газетнаго писателя отражаютъ и будятъ жизнь на своемъ мѣстѣ и въ свое время, но теряютъ свой ароматъ въ коллекціи.

Если бы понадобилось провѣрить эти, едва ли оригинальныя, но несомнѣнныя положенія на опытѣ, то трудно себѣ представить опытъ болѣе убѣдительный, чѣмъ собраніе сочиненій г. Дорошевича. Читатель приступаетъ къ ихъ чтенію съ предвкушеніемъ нѣкотораго удовольствія. Онъ помнитъ, какъ его забавляли, увлекали, трогали фельетоны газетнаго любимца; онъ помнитъ, какъ въ эпоху того самаго общественнаго безвременья, которому посвященъ весь второй томъ „Собранія сочиненій", онъ, раскрывъ газетный листъ, прежде всего искалъ въ немъ не свѣдѣній, не событій, а „Дорошевича"; онъ вспоминаетъ великолѣпныя крылатыя слова и остроты талантливаго фельетониста—и готовится обновить ихъ въ памяти.

Но ожиданія его обмануты. Бойкія страницы проходятъ одна за другой, короткія строчки напрасно мелькаютъ предъ читателемъ: поэмы увяли, намеки непонятны; даже остроты не смѣшны.

Все это совершенно естественно. Нефтяная вакханалія, франко-русскія объятія, декреты екатеринославскаго г. Родзянки, тупости бессарабскаго г. Пуришкевича, метеорологическіе коллоллацы г. Демчинскаго—кого это теперь способно заинтересовать? А разъ поблекла тема, никакія остроты не оживятъ ея. Конечно, не все такъ увяло въ книгахъ г. Дорошевича. Нелѣпости уродливой школьной системы продолжаются, на Волгѣ по прежнему крадутъ, въ участкѣ по прежнему дерутся, по прежнему напиваются до умопомраченія купцы на нижегородской ярмаркѣ

и московскіе интеллигенты въ Татьянинъ день: „безвременье“ болѣе устойчиво, чѣмъ это могло казаться. Но жизнь идетъ, она унесла насъ отъ тѣхъ конкретныхъ проявленій русскаго неустройства, которыя въ свое время владѣли вниманіемъ публики .. писателя: и интересъ къ старымъ произведеніямъ не можетъ воскреснуть. Менѣе, чѣмъ кто-либо, станемъ мы обвинять г. Дорошевича въ этомъ чрезвычайномъ вниманіи къ интересу дня. Наоборотъ: онъ умѣетъ иногда сообщить общій характеръ факту, съ виду исключительному, онъ выдвигаетъ серьезныя стороны незамѣтнаго явленія. Но типичными эти незначительныя мелочи дѣлала общественная обстановка: вмѣстѣ съ нею ушло вниманіе читателя.

И не только общія условія газетной литературы — также индивидуальныя особенности дарованія г. Дорошевича легко объясняютъ эту разницу между его статьей въ газетѣ и тою же статьей въ книгѣ. Любимый и сильный пріемъ г. Дорошевича— шаржъ, преувеличеніе. Этотъ пріемъ хорошъ тогда, когда читатель склоненъ его принять, когда въ самомъ воздухѣ носится тенденція къ преувеличенному воспріятію явленія. Происходитъ, скажемъ, „манташіада“—развалъ нефтяной спекуляціи; газеты полны именемъ вчера неизвѣстнаго г. Манташева; о немъ говорятъ, имъ интересуются, въ ничѣмъ не занятой мысли обывателя онъ выростаетъ въ нѣчто, вниманія достойное. Въ этихъ условіяхъ понятна и смѣшна каррикатура г. Дорошевича: „Меня какъ-то въ банкѣ заставили слишкомъ долго дожидаться денегъ по переводу. Тогда я пошелъ на героическое средство:—Я знакомый одного знакомаго г. Манташева!—Мнѣ выдали, кажется, на шесть рублей больше, чѣмъ слѣдовало... А дверь, кажется, мнѣ отворялъ вмѣсто швейцара самъ директоръ и взялъ двугривенный на чай, чтобы сдѣлать изъ этого двугривеннаго женѣ брошку на память“. Теперь эта каррикатура вызываетъ—только удивленіе. Такихъ эпизодовъ много—и они не случайны: они срослись съ манерой г. Дорошевича. Шаржъ и вкусъ не всегда примиримы: надо это знать и покориться. Талантливому фельетонисту остается помнить, что его искусство — какъ искусство актера — сильно въ минуту творчества и умираетъ вмѣстѣ съ нею. Закрѣпить его въ книгѣ, значитъ посадить бабочку на булавку.

Сборникъ молодыхъ писателей. Петербургъ. 1905.

На долю рецензентовъ „Сборника молодыхъ писателей“ выпадаетъ возможность, которая случается рѣже, чѣмъ это было бы желательно,—возможность отмѣтить несомнѣнные признаки дарованія у одного изъ литературныхъ дебютантовъ, участвующихъ въ „Сборникѣ“,—г. Ануфріева... Мы говоримъ о серіи небольшихъ вещицъ, объединенныхъ въ сборникѣ подъ общимъ заглавіемъ:

„Изъ женской лирики“, и въ частности,—объ одной изъ этихъ элегій: „Сейчасъ чужіе“. Тема въ этой миніатюрѣ изъ той, конечно, области, гдѣ героями являются „онъ“ и „она“. Но эта тема разработана психологически интересно и по формѣ красиво... То, что было, было давно: остались одни воспоминанія о томъ, что прожито и что не вернется вновь. Всѣ мелочи, что неустанно губили отношенія, превращая близкихъ людей въ „сейчасъ чужихъ“, растаяли въ памяти участниковъ минувшаго—или, вѣрнѣе, участницы—и осталось, въ минуту раздумья, только одно недоумѣлое чувство: какъ *могло* все это произойти? какъ могло исчезнуть то, что давало такое яркое чувство счастья? „...И не поймешь никакъ, почему же нѣтъ его, почему оно уже только въ прошломъ? Какъ могло большое, могучее оказаться такимъ хрупкимъ, непрочнымъ?.. Не поймешь ни за что, какъ могло случиться, что послѣ той душевной близости мы сумѣли стать такими чужими, далекими, равнодушными?..“—Какъ видитъ читатель, „Сейчасъ чужіе“ не можетъ подкупить вниманіе читателя ни занимательностью внѣшней фабулы, ни исключительностью затронутаго вопроса. Разсказу г. Ануфріева можетъ придать литературный интересъ и художественную значительность только умѣнье разсказать—вѣрнѣе, умѣнье передать опредѣленное настроеніе читателю. И если такой интересъ къ разсказываемому литературный дебютантъ пробудить сумѣлъ; если, какъ это имѣетъ мѣсто относительно читателя „Сейчасъ чужихъ“, онъ чувствуетъ на себѣ вліяніе искренняго элегическаго тона въ разсказѣ, — мы въ правѣ привѣтствовать г. Ануфріева... Хотя и съ существенными оговорками. Прежде всего, онъ неудовлетворительно распоряжается объективными подробностями въ разсказѣ, которыми онъ хочетъ создать у читателя чувство времени и пространства для разсказываемыхъ событій... При этомъ онъ слишкомъ часто выбираетъ такія детали, которыя психологически невозможно было подмѣтить или сознавать—ни тому, кто переживалъ когда-то разсказываемое, ни тому, кто теперь только вспоминаетъ объ этомъ. Естественно, что это не помогаетъ, а мѣшаетъ читателю подчиниться общему совершенно вѣрно взятому тону разсказа... Взять хотя бы начало „Элегіи“ г. Ануфріева: „Въ тѣ задумчивые, сѣрые дни, уже близкіе къ осени, когда у меня на душѣ бываетъ особенно грустно и какъ-то безотчетно тревожно, когда всякая бѣда кажется страшнѣй, чѣмъ она есть на дѣлѣ,—я, *небрежно одѣвшись*, ухожу торопливо на то кладбище, которое едва виднѣется изъ верхнихъ оконъ моего деревяннаго домика...“ Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ, кто переживалъ эту „элегію“, уходилъ, дѣйствительно, „небрежно одѣвшись“, но онъ, конечно, не замѣчалъ этой небрежности и, конечно, не вспомнилъ бы о ней... И это *общій* недостатокъ въ литературной техникѣ г. Ануфріева, который отражается и на „Сейчасъ чужихъ“, въ которыхъ нужно

мысленно выбросить *цѣлый рядъ* дисгармоническихъ подробностей (въ родѣ воспоминаній, что въ одинъ изъ памятныхъ для разсказчицы дней была гроза, и при вспыхиваніи молній „на мгновеніе“ становились блѣдно голубымъ: профиль лица любимаго человѣка и *оборки* ея бѣлаго платья!), чтобы получить художественное удовлетвореніе и отъ остальныхъ лирическихъ вещицъ, и безъ того страдающихъ отъ нѣкоторой искусственности и надуманности въ поводѣ для элегическаго настроенія. Но особенно это отражается на повѣствовательномъ разсказѣ г. Ануфріева („Роза“), которому онъ, повидимому, придавалъ наибольшую цѣнность (его онъ поставилъ первымъ), и о которомъ, на нашъ взглядъ, приходится сказать, что для литературной репутаціи автора было бы выгоднѣе, если бы его совсѣмъ не было.

Послѣ миніатюръ г. Ануфіева слѣдуетъ отмѣтить разсказы г. Билинскаго. Г. Билинскій въ своихъ двухъ разсказахъ: „Рага“ и „Женщина“ является остроумнымъ и умнымъ разсказчикомъ, но главнаго—умѣнья говорить непосредственному чувству читателя—у него въ этихъ вещахъ, къ сожалѣнію, нѣтъ.

Объ остальныхъ девяти авторахъ, участвующихъ въ „Сборникѣ“, приходится сказать, что жюри, которое—если судить по предисловію къ сборнику—опредѣляло достойное для напечатанія въ сборникѣ, было чрезмѣрно снисходительнымъ, и потому двѣ трети сборника (больше 200 страницъ) или юмористическій анекдотъ, въ простотѣ души разсказанный, какъ дѣйствительное событіе („Вепринскіе турки“), или жалостное сочиненіе на заданную тему („Безъ матери“), или что то неудобочитаемое, какъ у г-жи Нелли, съ сюжетомъ о проституткѣ въ психологическомъ жанрѣ г. Андреева, обработанномъ въ литературномъ жанрѣ г. Дорошевича, рублеными фразами изъ 2—3 словъ: „Больна, заразилась“ (начало разсказа). И проч., и проч.

Оптимистъ. Въ ожиданіи. Фельетоны въ стихахъ. Спб. 1905.

Современная русская сатира и каррикатура влачатъ, поистинѣ, жалкое существованіе, пробавляясь въ большинствѣ изобличеніемъ разныхъ мелкихъ несовершенствъ жизни, насмѣшками надъ тещами, купцами-самодурами и — верхъ смѣлости — надъ городовыми. Множество всякихъ „Стрекозъ“ и „Будильниковъ“ не перестаютъ издаваться въ Москвѣ и Петербургѣ, но значеніе ихъ ничтожно, и публика относится къ нимъ съ глубокимъ равнодушіемъ. И какой, однако, поднимается шумъ, съ какимъ усердіемъ читатели начинаютъ передавать изъ рукъ въ руки какой-нибудь листокъ „Зрителя“, гдѣ — счастливой игрой случая—мелькнетъ что-либо дѣйствительно смѣлое, оригинальное, похожее на настоящую политическую каррикатуру... Потребность, очевидно, жива, спросъ великъ, но предложеніе—

связано по рукамъ и ногамъ... Общественная жизнь въ Россіи бьетъ за послѣдніе годы еле сдерживаемымъ ключемъ; сатира и каррикатура могли бы сыграть въ такой моментъ крупную роль, явиться могучимъ орудіемъ борьбы въ рукахъ партій, но для этого онѣ должны бы пользоваться широкой свободой въ выборѣ емъ и красокъ. Къ сожалѣнію, печальныя условія русской печати не даютъ и тѣни подобной свободы, и со смертью Щедрина, исключительный талантъ котораго умѣлъ съ ними бороться, наша политическая сатира, можно сказать, прекратила существованіе.

Многіе, вѣроятно, помнятъ о томъ пріятномъ удивленіи, какое вызвалъ остроумный фельетонъ въ стихахъ г. Оптимиста („Въ ожиданіи"), появившійся въ прошломъ году, въ концѣ знаменитой эпохи „довѣрія" или осенней „весны", на столбцахъ новой газеты, еще не успѣвшей попасть подъ ярмо предварительной цензуры. Читателя поразила нота смѣлыхъ намековъ,— эти звучныя и богатыя рифмы, едва ли не впервые примѣненныя къ вопросу, всего сильнѣе волнующему и занимающему общество. Журналисты, „нѣкоторые уже изрядно ощипанные цензурой, другіе въ періодѣ оперенія",—ждутъ съ поѣздомъ-прогрессомъ прибытія „прекрасной иностранки", „чье имя пятисложно" (она же—„жена Константина"). Оптимисты среди нихъ напѣваютъ forte:

Она пріѣдетъ! Она разсудитъ!
Она заснувшихъ отъ сна пробудитъ!

А пессимисты—piano:

Улита ѣдетъ... Когда-то будетъ!

Вдругъ появляется Кащей, „лицо символическое":

Сколь надежды ихъ несносны,
Сколь идеи вредоносны!
Мы и такъ побѣдоносны...

Поѣздъ-прогрессъ, въ концѣ концовъ, запоздалъ, и публика изъ вывѣшеннаго аншлага узнаетъ, что произошла обычная исторія:

Задержка на пути... Весеннихъ сновъ крушенье!

„Весна" окончилась, „начинается слякоть"...

Эта наиболѣе удавшаяся г. Оптимисту вещь дала названіе и всей книгѣ его фельетоновъ, но нужно, къ сожалѣнію, сознаться, что при всемъ остроуміи автора и умѣньи владѣть стихомъ и рифмой, лишь немногіе изъ нихъ достигаютъ той же высоты обобщенія и яркости. Отмѣтимъ, напр., фельетонъ „Въ ресторанѣ", гдѣ обѣдаютъ четырнадцать молчальниковъ.

. . . . . . Чтобъ избѣжать бѣды,
Благоразумные набрали въ ротъ воды,

и одинъ изъ нихъ, наконецъ, захлебнулся... благоразуміемъ. Хороша также „Исторія одного исчезновенія“, имѣющая, очевидно, въ виду совершенно непредвидѣнное (кажется, даже и самимъ министромъ!) упраздненіе министерства земледѣлія. Городовой утѣшаетъ:

Напрасно, господинъ, приходите въ разстройство:
Нѣтъ *земледѣлія*, но есть *землеустройство!*

Большинство собранныхъ въ книгѣ фельетоновъ касается мелкихъ злободневныхъ темъ, изображаетъ фигуры и типы, не имѣющіе серьезнаго общественнаго значенія. Осмѣиваются декаденты, театралы, крымскія гостиницы, дамы, изъ-за нарядовъ забывающія дѣтей,—и все это порой очень остроумно. Хорошъ г. Меньшиковъ, недуренъ и г. Перцовъ, „одѣтый редакторомъ“ и распѣвающій:

Иду по пути я новому
Лиловому...

Но чаще всего и злѣе всего достается почему-то г. Мережковскому.

Чорта я осѣдлалъ,
Чорта быстраго,
Занесусь—допишусь
Я до чортиковъ...

Въ газетахъ всѣ эти шаржи и шутки читались съ несомнѣннымъ удовольствіемъ, но собранные въ цѣлой книгѣ, — надо сказать правду,—они прискучиваютъ. Невольно думается, что въ пыли газетъ имъ и слѣдовало остаться погребенными, къ вящшей извѣстности талантливаго фельетониста...

Борисъ Халатовъ. Стихъ и душа. Москва. 1905.

Для чего тоска и слезы,
Смерть и мракъ?
Пусть царятъ любовь и грезы.
Лучше такъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что г. Халатовъ совершенно правъ: любовь и грезы гораздо „лучше“, чѣмъ смерть, тоска и прочія непріятности. Тѣмъ не менѣе рецензенты почему-то лишены возможности дать критическій отзывъ объ оригинальномъ сборникѣ г. Халатова. Авторъ категорически запрещаетъ это:

Мои пѣсни для меня,
Я чужихъ похвалъ не жду,
Имъ одинъ лишь я судья,—
Я сужу!

Въ виду изложеннаго мы должны, конечно, ограничиться пе-

редачей наиболѣе характерныхъ стихотвореній г. Халатова, не вдаваясь въ ихъ оцѣнку.

Прежде всего о г. Халатовѣ приходится отмѣтить, что онъ глубоко презираетъ и даже ненавидитъ людей, „холодныхъ и здравыхъ умомъ“:

О, вы, холодные и здравые умомъ!

— такъ начинается одно негодующее стихотвореніе г. Халатова:

Для васъ загадокъ нѣтъ, вамъ ясно все кругомъ...
. . . .
Любовь, исканья, грѣхъ, сомнѣнія и мечты,
Добро и зло—все подлежитъ учету,
Все лишь таблицъ извѣстная графа,
Гдѣ равенъ плюсъ уму, а минусъ—идіоту.

Для г. Халатова все это представляется совсѣмъ напротивъ. Если о немъ нельзя сказать, какъ о древнихъ прорицателяхъ, что ему все открываетъ вѣщій „сонъ въ нощи“, то только потому, что тайны мірозданія для него открыты совсѣмъ въ другое время: не тогда, когда онъ спитъ, а когда просыпается или, вѣрнѣе, начинаетъ просыпаться. Объ этомъ г. Халатовъ самъ повѣствуетъ въ стихотвореніи, которое начинается словами:

Межъ бдѣніемъ и сномъ въ мгновеніяхъ неземного,
Когда душѣ яснѣй всѣ тайны бытія...

Не смотря на очевидную пріемлемость откровеній, явленныхъ г. Халатову во время просонокъ, и о томъ, что „любовь и грезы“ много пріятнѣе, чѣмъ „тоска и слезы“, „смерть и мракъ“, и о томъ, что стыдно людямъ со „здравымъ умомъ“ считать знакъ минусъ „идіотомъ“ (въ самомъ дѣлѣ, за что?),—г. Халатовъ почему-то груститъ и почему-то увѣренъ, что его „жуткихъ“ стихотвореній никто не пойметъ. Онъ заранѣе обращается—въ посвященіи—съ благодарностью къ своей собственной душѣ:

... пѣсни жуткія, что я слагалъ, рыдая,
Я приношу тебѣ, душа моя больная!
Лишь ты повѣришь имъ, оцѣнишь ихъ лишь ты...

Д. И. Подшиваловъ. Воспоминанія кавалергарда. Тверь. 1904.

Въ данный моментъ, когда „мы“, съ одной стороны, начинаемъ раздумывать, какимъ эквивалентомъ можно замѣнить тѣлесныя наказанія, отмѣненныя по закону и въ войскахъ, ради поддержанія спасительной „желѣзной дисциплины“, а, съ другой стороны, мы должны ликвидировать „неожиданно“ несчастную войну съ какими-то японцами,—„Воспоминанія кавалергарда“ представляютъ существенный интересъ. Они интересны потому, что авторъ—солдатъ, крестьянинъ—разсказываетъ только о томъ, что

онъ самъ испыталъ, самъ видѣлъ, передумалъ и даже „провѣрилъ на практикѣ", насколько это было возможно для него по его послѣдующему унтеръ-офицерскому званію. Они интересны и потому, что авторъ далекъ отъ какого бы то ни было идейнаго радикализма,—онъ очень тепло говоритъ о своей личной удачливости въ отбываніи воинской повинности въ кавалергардскомъ полку и заканчиваетъ свои воспоминанія словами: „Да здравствуетъ кавалергардскій полкъ!" Читателю нѣтъ никакой причины сомнѣваться, что г. Подшиваловъ искренно хочетъ процвѣтанія русской арміи, въ которой онъ даже видитъ „лучшую школу для народа"; у читателя не можетъ быть также никакого сомнѣнія, что авторъ „Воспоминаній кавалергарда" не учитываетъ въ свою пользу острый интересъ къ вопросамъ, связаннымъ съ только что законченной войной: его книга, почти не замѣченная въ печати, написана еще *до* возникновенія войны („дозволена цензурою" 15 декабря 1903 г.)... Тѣмъ важнѣе тотъ отрицательный выводъ, къ которому онъ приходитъ относительно пресловутой „желѣзной дисциплины", составляющей понынѣ базу для воспитанія изъ русскаго мужика и рабочаго—русскаго солдата... Можетъ ли она дать хорошаго солдата?—авторъ категорически отвѣчаетъ: нѣтъ... Его чрезвычайно огорчаетъ отношеніе къ солдатамъ, даже въ тѣхъ счастливыхъ условіяхъ, въ которыя попалъ онъ самъ,—какъ къ „манекенамъ, не могущимъ ни разсуждать, ни мыслить самостоятельно" (стр. 124 и 100), и логическій выводъ изъ этого отношенія—„чрезмѣрная строгость, которая заставляетъ солдата („какъ иногда, грѣшнымъ дѣломъ, бываетъ") прятаться при встрѣчѣ со своимъ начальникомъ (стр. 75),—точно это приборъ, всегда заряженный какими-нибудь тяжелыми непріятностями, отъ котораго чѣмъ дальше, тѣмъ лучше... Къ мысли о необходимости соотвѣтствующихъ измѣненій въ укладѣ солдатской жизни, онъ пришелъ въ самомъ началѣ своей службы. Поводомъ послужило требованіе начальства представить письменно отзывъ о „Памяткѣ кавалергарда", розданной солдатамъ. Такъ какъ никакой программы для отвѣта указано не было, то авторъ составилъ его на свой рискъ и страхъ и центромъ отвѣта сдѣлалъ тѣ пункты „Памятки", которые защищали традиціонное пониманіе дисциплины... Въ этомъ отвѣтѣ, въ мелочахъ обдуманномъ „въ конюшнѣ за чисткой своей лошади", авторъ рѣшительно разошелся съ оцѣнкой дисциплины, какъ она есть. „Въ отзывѣ, разсказываетъ г. Подшиваловъ, я смѣло осуждалъ существующую черезчуръ строгую дисциплину, находя, что она убиваетъ всякую самостоятельность въ человѣкѣ, дѣлаетъ его безвольнымъ и безличнымъ и удерживаетъ его на низкомъ уровнѣ умственнаго развитія и, вообще, очень строгая дисциплина дѣлаетъ службу тягостной". Ему казалось, что все это могло имѣть смыслъ „въ дореформенное время, когда въ солдаты набирались боль-

шею частью люди изъ „разныхъ человѣческихъ отбросовъ, нравственно испорченныхъ и крайне грубыхъ". „Но теперь, при всеобщей воинской повинности, когда на службу обязаны идти люди всѣхъ званій и состояній, люди болѣе развитые и впечатлительные—она тяжела и груба". „Только довѣріемъ къ себѣ, резюмируетъ г. Подшиваловъ, которое достигается любовью и справедливостью, начальникъ можетъ руководить своими подчиненными, какъ хочетъ, но не чрезмѣрною строгостью, всецѣло опираясь на дисциплину" (стр. 65).

Отзывъ о „Памяткѣ" былъ представленъ по начальству; конечно, онъ не измѣнилъ начала всѣхъ началъ, но лично для автора имѣлъ благопріятныя послѣдствія, сдѣлавъ его интересной единицей въ сѣрой шинели. Въ концѣ концовъ онъ добивается желаннаго: получаетъ унтеръ-офицерское званіе и съ нимъ вмѣстѣ возможность провѣрить на практикѣ свои „теоретическія" предположенія о цѣлесообразности мягкаго отношенія къ солдатамъ, которыхъ онъ долженъ былъ обучать. Хотя полковой командиръ и предостерегалъ его, чтобы онъ не слишкомъ „философствовалъ", реформаторъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи взялся вести дѣло по-своему и былъ искренно счастливъ, что онъ оказался правъ. Въ проектъ печатной „бесѣды унтеръ-офицера съ учителями молодыхъ солдатъ", составленный г. Подшиваловымъ, онъ уже убѣжденно вноситъ слѣдующій пунктъ: „Чрезмѣрною строгостью нельзя сдѣлать хорошаго слугу Царю и Отечеству, а скорѣе этимъ можно пріобрѣсти вреднаго мстителя и личнаго врага или же ни на что не годнаго тупицу (стр. 120).

Для общей характеристики „Воспоминаній кавалергарда" прибавимъ, что авторъ—типичный „самородокъ" и самоучка (прошелъ только сельскую школу), въ стилѣ разсказа и въ своихъ мечтахъ и упованіяхъ—нерѣдко наивный и всегда ультра-благонамѣренный (подчеркиваемъ это), вплоть до вышеотмѣченной мечты, чтобы воинская повинность стала „лучшей школой для народа"... Единственное, въ чемъ онъ непримиримъ, это—въ отношеніи къ русской деревнѣ: онъ говоритъ о ней почти съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ Челкашъ у М. Горькаго. Г. Подшиваловъ говоритъ даже, что онъ ждалъ „солдатчины" „съ нетерпѣніемъ"; въ его глазахъ она должна была освободить его „отъ непосильнаго деревенскаго гнета", матеріальнаго и духовнаго, давившаго „съ ранняго дѣтства"... Въ чемъ видѣлъ авторъ переходъ къ лучшему путемъ „солдатчины", для читателя остается не совсѣмъ яснымъ, но въ деревню онъ, дѣйствительно, не вернулся и родную деревню понынѣ считаетъ несравнимо болѣе тягостною, чѣмъ казарму, въ которой отбылъ четыре года.

Н. М. Минскій. Религія будущаго (Философскіе разговоры). Спб., 1905.

Въ то время, какъ философія считается, по справедливости, одною изъ труднѣйшихъ областей человѣческаго вѣдѣнія, — „философствовать“ часто бываетъ очень легко. Въ самомъ дѣлѣ, мало такихъ научныхъ областей, въ которыхъ человѣкъ, бойко владѣющій перомъ, чувствовалъ бы себя такъ свободно, какъ именно въ столь знаменитой своею трудностью области философскихъ вопросовъ. А если философствовать начинаетъ диллетантъ, обладающій извѣстнымъ художественнымъ дарованіемъ, умѣющій писать красиво и „не трудно“, тогда онъ можетъ смѣло разсчитывать и на успѣхъ. Правда, люди, дѣйствительно понимающіе философію, назовутъ, пожалуй, его книгу диллетантской болтовней, но вѣдь этихъ людей, дѣйствительно понимающихъ философію, такъ мало, и строгая философія считается такою скучною вещью, а любителей легкаго философствованія такъ много, и диллетантская болтовня можетъ быть такъ „занимательна“, что на мнѣніе небольшой кучки скучныхъ людей вовсе нѣтъ надобности и обращать вниманіе.

Новая книга г-на Минскаго именно и представляетъ собою ту диллетантскую болтовню, которая, принимая во вниманіе безспорный литературный талантъ автора, легко можетъ сойти за самую настоящую „и при томъ такую интересную и нетрудную“ философію.

Книга написана въ формѣ разговоровъ съ нѣкіимъ „Владиміромъ Ивановичемъ“, при чемъ свою неспособность къ строго послѣдовательному мышленію авторъ пытается маскировать слѣдующими словами: „Передавая наши бесѣды въ той случайности, въ какой онѣ возникали, я, быть можетъ, ближе къ истинѣ, чѣмъ если бы держался строго логической системы, всегда нѣсколько отталкивающей (людей неспособныхъ къ отвлеченному мышленію, прибавимъ отъ себя), напоминающей скорѣе скелетъ истины, чѣмъ самую истину“ (стр. 2).

Пользуясь свободою „случайныхъ“ разговоровъ, авторъ скользитъ по поверхности самыхъ трудныхъ философскихъ проблемъ, быстро разрѣшая множество вопросовъ въ областяхъ теоріи познанія, этики, психологіи, соціологіи, философіи религіи и т. д. и т. д., бросая отрывочныя замѣчанія, которыя иногда въ качествѣ шутки могли бы вызвать веселую улыбку, но въ качествѣ научнаго соображенія способны вызвать лишь улыбку снисхожденія. Такъ, напримѣръ, отмѣчая тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ религіи древнихъ евреевъ не было ученія о безсмертіи души, авторъ говоритъ: „можетъ быть, Израиль боялся мысли о безсмертіи души, боялся, какъ бы Іегова, въ заботахъ о загробномъ мірѣ, не отвлекся отъ попеченій о судьбѣ избраннаго народа“ (стр. 265). Въ другомъ мѣстѣ, коснувшись знаменитаго

ученія Зенона Элейскаго о движеніи и „изложивши“ *въ семи строкахъ* возраженія Аристотеля, Гоббса и Милля на ученіе Зенона, авторъ развязно заявляетъ: „какъ видите (?!), эти возраженія не нуждаются въ разборѣ“ (стр. 73). Но, освободивши себя отъ трудной задачи вступать въ логическое состязаніе съ Аристотелемъ, Гоббсомъ и Миллемъ, г. Минскій не оставляетъ своего простодушнаго „Владиміра Ивановича“ безъ руководства въ столь трудномъ вопросѣ; онъ поучаетъ его слѣдующимъ образомъ: „развѣ ихъ (Аристотеля, Гоббса и Милля) самодовольный тонъ („самодовольный“, особенно по сравненію со скромностью г-на Минскаго) не возвращаетъ ваше воображеніе къ спору между Зенономъ и Діогеномъ? Подумайте, какой контрастъ! Съ одной стороны—прекрасный Зенонъ, ученикъ Парменида и учитель Перикла, тончайшій діалектикъ древности, гордый гражданинъ, купившій своею смертью свободу родного города, съ другой — безмолвно прохаживающійся циникъ, тотъ самый, который всенародно совершалъ свои физическія отправленія и на 90 году отъ рода съѣлъ сырую бычачью ногу, отъ чего и умеръ. Пока Зенонъ мыслилъ и страдалъ, циникъ съ улыбкой прохаживался передъ нимъ и стучалъ сандаліями. Зачѣмъ примирять противорѣчія и строить мосты надъ бездною, когда наглядная жизнь такъ проста, когда можно чужія сомнѣнія побѣждать своими ногами, а питаться — бычачьими?“ (стр. 73). Зачѣмъ, прибавимъ мы отъ себя, спорить съ Аристотелемъ, Гоббсомъ и Миллемъ, когда вопросъ можно рѣшить такъ легко, такъ понятно для всякой институтки: простымъ указаніемъ на то, что Зенонъ—„такой милый“, а Діогенъ—„такой противный“?!

Но въ чемъ-же, собственно, заключается религія г-на Минскаго, спроситъ читатель. Ожидать чего-либо особенно новаго отъ г-на Минскаго нельзя уже потому одному, что по его мнѣнію „вполнѣ новыя мысли высказываются только обитателями желтыхъ домовъ“ (стр. 46), но новой путанницы на старую тему у нашего автора можно найти въ изобиліи. „Я исповѣдую Бога,—говоритъ г. Минскій на стр. 17,—въ котораго не вѣрю, не вѣрю потому, что довольствуюсь увѣренностью“. Само собою разумѣется, что г. Минскій освобождаетъ себя отъ труда анализировать понятія „вѣры“ и „увѣренности“, а ограничивается голословнымъ увѣреніемъ, что въ вѣрѣ нуждались лишь „языческіе идолы“, а въ его Богѣ нельзя „ни сомнѣваться, ни наружно удостовѣриться. Истинный Богъ есть наша собственная мысль, самая достовѣрная, наше собственное чувство, самое безкорыстное, наше собственное стремленіе, самое неутомимое“ (стр. 19).

Къ познанію этого Бога ведетъ „великая“ „двуединая“ истина, истина о равноцѣнности двухъ идеаловъ нравственности: „удовлетворенія“ и „отреченія“, идеаловъ „рыцаря“ и „монаха“. „Оба эти идеала нравственности должны быть сведены къ высшему

единству, который не можетъ быть не что иное, какъ единая цѣль міра, какъ религіозная легенда о Единомъ" (стр. 135—6).

Писатели подобные г-ну Минскому, писатели, трактующіе о крайне отвлеченныхъ вопросахъ, не обладая при этомъ ни достаточными свѣдѣніями, ни, главное, способностью къ отвлеченному мышленію, бываютъ особенно опасны, когда оказываются при этомъ одаренными художественными способностями, когда они хорошо „чувствуютъ" дѣйствительность и могутъ будить у другихъ это „чувство" дѣйствительности. При такихъ обстоятельствахъ случается, обыкновенно, слѣдующее: писатель привлекаетъ вниманіе читателя на извѣстное явленіе, котораго ранѣе читатель не замѣчалъ, онъ очаровываетъ своего читателя художественнымъ описаніемъ конкретныхъ „фактовъ" и затѣмъ, пріобрѣтя, такимъ образомъ, извѣстную власть надъ мыслями этого читателя, внушаетъ ему фантастическія „теоріи", яко бы объясняющія эти „факты". А такъ какъ, при этомъ, въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ читатель и самъ гораздо лучше „чувствуетъ" дѣйствительность, чѣмъ „понимаетъ" причины этой дѣйствительности, то онъ слѣпо идетъ въ малопонятную для него область за человѣкомъ, такъ хорошо освѣтившимъ ему другую понятную для него область. Такъ „слѣпые ведутъ слѣпыхъ".

Подобное явленіе и имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ, лишь съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ, что г. Минскій, въ сущности, ничего новаго не указалъ, хотя, конечно, средній читатель будетъ думать, что именно г. Минскій открылъ эту „Америку", и это будетъ для него тѣмъ болѣе извинительно, что самъ г. Минскій *нигдѣ* не упоминаетъ о своихъ предшественникахъ и не дѣлаетъ никакой попытки трактовать исторію вопроса.

Въ самомъ дѣлѣ, столь энергически проводимое г-нъ Минскимъ ученіе о двухъ путяхъ добра имѣетъ огромное психологическое и культурно-историческое значеніе. На это уже давно и очень хорошо указалъ, напр., Лекки. Отмѣтимъ, хотя бы, слѣдующее мѣсто у этого столь извѣстнаго писателя: „Существуютъ два нравственныя чувства, которыя, повидимому, имѣютъ всеобщее распространеніе среди человѣческаго рода и которыя должны быть разсматриваемы, какъ центры, вокругъ которыхъ образовались всѣ религіозныя системы. Это—*чувство доблести*, заставляющее людей связывать идею заслуги съ извѣстными дѣяніями, которыя должны быть совершены, и—*чувство грѣха*, внушающее людямъ, что ихъ отношеніе къ божеству есть отношеніе умоляющихъ, а не отношеніе требующихъ по праву (not that of claimants but of suppliants). Хотя эти чувства до извѣстной степени антагонистичны, однако, вѣроятно, никогда не существовало такого религіознаго человѣка, у котораго оба эти чувства не сосуществовали бы (Rationalism in Europe, vol. 1, p. 354).

Что идеалъ „рыцаря" и идеалъ „монаха", по терминологіи

г-на Минскаго, или „чувство доблести“ и „чувство грѣха“, по терминологіи Лекки, суть два сопряженныхъ фокуса нравственной жизни человѣка, это совершенно вѣрно. И написать исторію, вскрыть основные мотивы борьбы этихъ двухъ сопряженныхъ идеаловъ есть великая задача, требующая одновременно глубокаго философскаго ума и тонкаго художественнаго чувства. Г. Минскій коснулся этого великаго вопроса, но при этомъ оказался совершенно безсильнымъ, не только какъ философъ, но даже и какъ художникъ. Если бы г. Минскій не оказался безсильнымъ передъ своею задачею и какъ художникъ, то онъ, конечно, не скакнулъ бы сейчасъ же въ свою „мэоническую“ псевдофилософію, а подобно тому, какъ это дѣлалъ Достоевскій (этотъ великій художникъ и очень плохой философъ) остановился бы на чисто художественной обработкѣ вопроса, совершенно забывши о „мышленіи по категоріямъ“. Но, очевидно, художественная разработка вопроса не сулила г-ну Минскому особеннаго успѣха, если онъ съ такимъ легкимъ сердцемъ увлекъ своего простодушнаго „Владиміра Ивановича“ въ „категоріи“, куда „Владиміръ Ивановичъ“ довѣрчиво послѣдовалъ за нимъ, конечно, очарованный тѣмъ небольшимъ проблескомъ истины, который указалъ ему . Минскій своимъ ученіемъ о двухъ путяхъ. Эта довѣрчивость „Владиміра Ивановича“ тѣмъ болѣе извинительна, что онъ, конечно, не подозрѣвалъ, что ученіе г-на Минскаго не оригинально, какъ не подозрѣвалъ этого, вѣроятно, и самъ г. Минскій.

Чтобы закончить нашъ обзоръ книги г-на Минскаго, укажемъ, какъ мыслитъ нашъ авторъ „по категоріямъ“. Такъ какъ „идеальная метафизика“, по мнѣнію г-на Минскаго, должна быть такая, „которая, начинаясь теоріей познанія, завершалась бы легендой и молитвой“ (стр. 2), то, естественно, что книга г-на Минскаго и состоитъ изъ этихъ трехъ частей: теоріи познанія, легенды и молитвы. Нѣкоторое понятіе о теоріи познанія г-на Минскаго читатель могъ уже получить, хотя бы по той нашей цитатѣ, гдѣ авторъ говоритъ, что онъ не вѣритъ въ Бога потому, что довольствуется увѣренностью. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести цѣликомъ глубочайшее изысканіе г-на Минскаго въ области теоріи познанія, производимое имъ на стр. 59—64 при содѣйствіи такой простой вещи, какъ ариѳметическое сложеніе. Что это изысканіе крайне важно, объ этомъ сообщаетъ самъ авторъ: „Слушайте внимательно,—говоритъ онъ на стр. 60.— Я даю вамъ въ руки завѣтный ключъ отъ всякаго религіознаго и философскаго познанія“. Этотъ „завѣтный ключъ“ постигается размышленіемъ надъ удивительными свойствами ариѳметической суммы. „Не бойтесь чиселъ,—говоритъ авторъ,—и вы узнаете великую тайну, примиряющую со смертью“ (стр. 59). Это „примиреніе со смертью“ достигается весьма просто: вѣдь при сложеніи „числа, изъ которыхъ каждое имѣло свое индивидуальное един-

ство, вполнѣ различныя одно отъ другого, вдругъ слились, родили новое, на нихъ не похожее число, и въ этомъ актѣ рожденія сами умерли, исчезли... Но смерть слагаемыхъ не вѣчна, ибо суммарная сложность можетъ быть опять расчленена на свои составныя части, и тогда слагаемыя, стряхнувъ съ себя служебное иго, воскреснутъ къ индивидуальному существованію" (стр. 60—61). Если и это глубочайшее изслѣдованіе, математически доказывающее воскресеніе мертвыхъ, окажется все еще не достаточнымъ, чтобы убѣдить всѣхъ скептиковъ, то „мэоническая" философія г-на Минскаго имѣетъ въ запасѣ еще болѣе могучее орудіе, чѣмъ даже эта мистико-математическая теорія познанія, а именно: она можетъ мобилизовать свою „легенду". Да не подумаетъ читатель, что за неимѣніемъ научныхъ доказательствъ г. Минскій рѣшился прибѣгнуть къ побасенкамъ; нѣтъ, „тотъ глубоко ошибся бы, кто смѣшалъ бы легенду съ вымысломъ, или басней, или съ поэтическимъ миѳомъ. Легенда отличается отъ абсолютной истины не содержаніемъ, а лишь способомъ выраженія" (стр. 203). Переходя къ легендѣ, мы вступаемъ въ самый центръ ученія г-на Минскаго. Эта „мэоническая" легенда, отличающаяся отъ „абсолютной истины" лишь формою, а отнюдь не содержаніемъ, такова: „Въ началѣ былъ Всеединый и рядомъ съ нимъ не было никакого другого существа, ни матеріи, ни духа, ни формы, ни движенія, ибо онъ былъ всеединъ. Во всемъ равный себѣ, единый наполнялъ собою все (что онъ „наполнялъ", если, кромѣ него ничего не было, объ этомъ легенда г-на Минскаго не говоритъ), наслаждался своимъ блаженнымъ покоемъ и созерцалъ свое совершенство. Всемогущій, всевѣдущій, онъ самъ въ себѣ созерцалъ тоже и множественный міръ явленій, еще не существовавшій, не могшій существовать рядомъ съ единымъ. И сказалъ Всеединый въ своей мысли: вотъ я созерцаю формы и существа, не могущія возникнуть къ радости бытія, оттого что я, единый, существую".

„Такова первая часть легенды: вы видите, что она строится не изъ случайныхъ элементовъ, а изъ тѣхъ необходимыхъ атрибутовъ святыни, которые найдены нами въ категоріяхъ" (стр. 204—5).

Мы не будемъ излагать другихъ частей „легенды" г-на Минскаго, найденной имъ „въ категоріяхъ", ибо и того, что сказано, вполнѣ достаточно, чтобы судить о томъ, насколько религія г-на Минскаго дѣйствительно способна пролить „въ красножелтое зарево страданія свои небесные, сине-голубые лучи утѣшенія, которые, сливаясь со страданіями... (могутъ родить)... бѣлый лучъ восторга и надежды" (стр. 88).

Этотъ „бѣлый лучъ восторга и надежды", конечно, порождаетъ „молитву", и такимъ образомъ завершается циклъ всесовершенной метафизики, которая, какъ мы уже знаемъ, всегда должна заканчиваться молитвою.

Хотя и книга г-на Минскаго заканчивается предсмертною молитвою простодушнаго „Владиміра Ивановича“, и въ серединѣ книги молится самъ, къ счастью здравствующій, г. Минскій, мы не будемъ всетаки знакомить нашихъ читателей съ этою частью „совершенной метафизики“. Мы поступимъ такъ уже потому одному, что при чтеніи этихъ „молитвъ“ г-на Минскаго какъ-то невольно вспоминается фраза, нечаянно оброненная самимъ г-номъ Минскимъ: „Вмѣсто Бога какъ будто прославляешь себя самого“ (стр. 108).

А. Лоріа. Рабочее движеніе (Происхожденіе—формы—развитіе). Переводъ съ итальянскаго. Изд. С. Е. Коренева. Спб. 1905 г.

Авторъ придаетъ рабочему движенію въ жизни человѣчества огромное значеніе. „Рабочее движеніе, — говоритъ онъ, подводя итоги своему изслѣдованію,—является совершенно новымъ фактомъ въ исторіи человѣчества; оно вноситъ въ нее сознательную силу, до того времени неизвѣстную. Дѣйствительно, въ прежніе періоды жизни человѣчества соціальная эволюція была такимъ порядкомъ вещей, который не были въ состояніи измѣнить общественные классы, отъ него страдавшіе. Съ началомъ рабочаго движенія исторія перестаетъ быть исключительно произведеніемъ безсознательныхъ силъ и становится доступной вліянію людской воли и дѣйствій; такимъ образомъ, рабочее движеніе производитъ полный переворотъ въ характерѣ исторіи и обозначаетъ начало новой эры, новаго общественнаго строя“.

Этими словами опредѣляется важность темы, взятой нашимъ авторомъ. Очевидно, что не только тѣ, кто непосредственно заинтересованъ въ явленіяхъ данной категоріи, но и всякій человѣкъ, желающій сознательно относиться къ окружающей жизни, долженъ ознакомиться съ основными элементами рабочаго движенія, какъ соціальнаго фактора. Небольшая (около двухсотъ страницъ средней формы и средней печати), но компактная по изложенію, книга г. Лоріа можетъ сослужить при этомъ хорошую службу.

Послѣ коротенькой главы, посвященной исторіи возникновенія рабочихъ союзовъ, авторъ останавливается на тѣхъ цѣляхъ, которыя преслѣдуются организаціями этого рода (взаимное страхованіе, минимальная заработная плата, нормальный рабочій день, улучшеніе условій труда, ограниченіе въ употребленіи машинъ, ограниченіе числа подмастерьевъ и несовершеннолѣтнихъ рабочихъ, ограниченіе числа женщинъ-работницъ, числа безработныхъ, борьба противъ участія рабочихъ въ прибыляхъ и работы на дому). Слѣдующую главу онъ посвящаетъ методамъ, употребляемымъ рабочими союзами, при чемъ особенное вниманіе обращается на стачку и опредѣляются условія, при которыхъ это средство борьбы оказывается наиболѣе продуктивнымъ, подробно разбира-

ются результаты, которыхъ можно достигнуть при помощи стачечнаго движенія, и выясняется положеніе, которое государство, съ точки зрѣнія современнаго права, должно занять по отношенію къ стачечникамъ.

Затѣмъ идетъ глава, въ которой разбираются тѣ предѣлы, до которыхъ рабочее движеніе можетъ разсчитывать на успѣхъ при сохраненіи современныхъ способовъ капиталистическаго производства. Авторъ усиленно подчеркиваетъ, что работа и побѣда современнаго рабочаго движенія цѣликомъ пока что совершаются въ нѣдрахъ капиталистическаго строя, но всегда продолжаться дѣло такъ не можетъ, просто въ силу того, что за извѣстными предѣлами, — довольно-таки узкими для трудящихся массъ,— капиталистическій строй теряетъ способность идти на дальнѣйшія уступки. Тогда для рабочихъ массъ остается одинъ путь: взять въ свои руки государственный механизмъ и „достичь уничтоженія капитала при помощи соціалистическаго парламента".

Кромѣ указанныхъ главъ, въ книгѣ имѣется глава, посвященная исторіи рабочаго движенія въ Англіи, Германіи, Франціи, Соединенныхъ Штатахъ, Австраліи, Италіи. Это одна изъ самыхъ цѣнныхъ главъ во всей книгѣ и можетъ имѣть самостоятельное значеніе для тѣхъ, кто пожелалъ бы въ самыхъ общихъ чертахъ ознакомиться съ основными чертами рабочаго движенія въ главнѣйшихъ государствахъ міра. Интересны также тѣ выводы, къ которымъ приходитъ авторъ въ „общихъ замѣчаніяхъ" къ этой главѣ. По его мнѣнію, исторія намѣтила три главнѣйшихъ типа рабочаго движенія: 1) чуждый политикѣ и конституціонный (Англія), 2) политическій и революціонный (Германія), 3) политическій и конституціонный (Франція). Какой изъ этихъ трехъ типовъ установится въ той или другой странѣ, „опредѣляется въ существенныхъ чертахъ тѣмъ процессомъ, при помощи котораго образовался теперешній экономическій строй, и болѣе или менѣе значительнымъ участіемъ, которое въ этомъ принималъ рабочій классъ".

Наконецъ, имѣются двѣ главы о роли коопераціи въ рабочемъ движеніи.

Алексѣй Смирновъ. Что сдѣлали сельско-хозяйственные союзы на Западѣ и что они могутъ сдѣлать у насъ. „Деревенское хозяйство и деревенская жизнь" подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Книжка 41-ая. М. 1905.

Читателю, знакомому съ русской дѣйствительностью, не трудно, даже и не читая книжки г. Смирнова, отвѣтить на вопросъ: что могли бы сдѣлать у насъ сельско хозяйственные союзы? Окружающіе факты съ наглядностью свидѣтельствуютъ, что для этихъ союзовъ у насъ имѣется очень широкое поле дѣятельности. Но не трудно видѣть также, что при современныхъ условіяхъ это

поле должно оставаться почти совсѣмъ не тронутымъ. Книжка г. Смирнова вполнѣ это подтверждаетъ.

Обидно и грустно становится читателю, когда послѣ описанія блестящаго состоянія сельско-хозяйственныхъ союзовъ на Западѣ и въ Америкѣ, авторъ переходитъ къ русскимъ сельскохозяйственнымъ обществамъ... Какая это мизерная ложка меду въ громадной бочкѣ сельскохозяйственнаго оскудѣнія! Нужно ли разъяснять, чѣмъ обусловливается малое развитіе сельско-хозяйственныхъ союзовъ въ Россіи? Глубокое невѣжество на ряду съ старательнѣйшими заботами всячески тормазить дѣло народнаго образованія и отсутствіе элементарнѣйшихъ правъ личности у наиболѣе многочисленнаго сословія, отданнаго „усмотрѣнію“ „близкой къ народу и твердой власти“ — вотъ двѣ основныя, „самобытныя“ причины малаго развитія сельско-хозяйственныхъ союзовъ въ странѣ, гдѣ самое слово „союзъ“ пугаетъ теперь автократическіе круги не меньше, чѣмъ „металлъ“ и „жупелъ“ пугали замоскворѣцкую купчиху у Островскаго.

По отношенію къ книжкѣ г. Смирнова нѣкоторое недоумѣніе возбуждаетъ вопросъ: какого читателя имѣлъ въ виду авторъ? Судя по тому, что она вошла въ серію изданій „Деревенское хозяйство и деревенская жизнь“, она, повидимому, предназначается для широкаго круга читателей. Но тогда непонятно, зачѣмъ авторъ допустилъ въ ней много непонятныхъ для простого читателя словъ, какъ, напр., піонеръ, тенденція, импульсъ и т. д. Если же книга предназначалась для болѣе ограниченнаго круга читателей, тогда бы въ ней можно было убавить нѣсколько ужъ черезчуръ извѣстныхъ положеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало бы сдѣлать хоть небольшія литературныя указанія, что бы помочь заинтересованному болѣе подробно ознакомиться съ тѣмъ или другимъ изъ затрогиваемыхъ авторомъ вопросовъ. Отмѣтимъ въ заключеніе одну ошибку. Указавъ на блестящее положеніе сельскаго хозяйства въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, авторъ, связывая это съ развитіемъ тамъ народнаго образованія, говоритъ, что „ни одна страна не расходуетъ на народное образованіе такъ много, какъ Америка. По самымъ скромнымъ подсчетамъ ежегодный расходъ на народное просвѣщеніе составляетъ тамъ болѣе 6 руб. на каждаго жителя“. Это невѣрно. Есть страна, гдѣ еще болѣе расходуется на народное образованіе. Это—Новая Зеландія, гдѣ ежегодный расходъ на нужды просвѣщенія равенъ 8 рублямъ на жителя.

По Азіатской и Европейской Турціи (Изъ книги Gugo Grothe: „Auf türkischer Erde“). Переводъ Θ. Романовой подъ редакціей С. Григорьева Москва, 1904 г.

О Турціи, съ которой нашей родинѣ такъ часто, къ несчастью,

приходится идти въ парѣ по цѣлому ряду печальныхъ событій, мы знаемъ мало. Впрочемъ, это и неудивительно, „такъ какъ, по увѣренію автора, статистика — совершенно неизвѣстная въ Турціи область науки". Впрочемъ, не одна статистика обречена здѣсь на эту участь. Всесильная турецкая бюрократія, какъ и всякая распущенная бюрократія, старается поплотнѣе закрываться отъ свѣта всякаго пытливаго изслѣдованія. Туристу такъ же трудно окунуться въ тайны турецкой жизни, какъ и статистику. Посмотрите, сколько хлопотъ, сколько ненужныхъ издержекъ и напрасно потеряннаго времени приходится затрачивать для того, чтобы даже подданному Германской имперіи, находящейся нынѣ въ необычайномъ фаворѣ у турецкаго султана, попасть въ такія „подозрительныя" съ точки зрѣнія турецкаго чиновника мѣстности, какъ Турецкая Арменія или Македонія. Прибавьте къ этому всепроникающую въ турецкой имперіи взятку... „Непривычный человѣкъ,—говоритъ нашъ авторъ,—не отнесетъ таможеннаго и паспортнаго осмотра на турецкой границѣ къ числу удовольствій путешествія. Этотъ осмотръ требуетъ терпѣнія и бакшиша, и еще терпѣнія, и еще бакшиша". И такъ на каждомъ шагу. Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ изученіе страны не можетъ дѣлать большіе успѣхи.

Однако, настойчивому нѣмцу удалось пробраться въ такіе уголки владѣній турецкаго султана, куда турецкая бюрократія особенно неохотно пускаетъ докучныхъ европейскихъ туристовъ: онъ побывалъ въ Турецкой Арменіи, проѣхалъ черезъ Албанію и Македонію.

Въ описаніяхъ Г. Гроге несомнѣнно много цѣны. Можно согласиться съ редакторомъ перевода, что авторъ этихъ описаній обладаетъ тонкой наблюдательностью, живостью изложенія, способностью давать яркія и картинныя описанія. Но, къ сожалѣнію, авторъ является въ своей работѣ,—по крайней мѣрѣ, въ переведенной ея части,—крайне одностороннимъ, пожалуй, даже поверхностнымъ. Изложеніе изобилуетъ часто крайними мелочами, но сколько-нибудь широкихъ обобщеній нигдѣ не встрѣчаешь... Умъ автора напоминаетъ намъ хорошій фотографическій аппаратъ, который отчетливо снимаетъ встрѣчные ландшафты и бытовыя сценки, но который, не смотря на опытную руку, руководящую имъ, дальше внѣшней обстановки не идетъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя страницы его писаній достойны серьезнаго вниманія со стороны читателя.

Посмотрите, напр., какой задушевностью дышатъ у него страницы, посвященныя несчастному армянскому народу, съ которымъ и русская исторія повторила свои кровавые эксперименты. „Когда,—говоритъ онъ,—передо мною встаютъ картины крестьянской деревни на армянскомъ плоскогорьѣ, я не могу освободиться отъ чувства какой-то неловкости, и горько мнѣ,

что надъ этими неприхотливыми и трудолюбивыми людьми, которые въ вѣчномъ страхѣ обрабатываютъ тощія поля своей родины и цѣлые вѣка стонутъ подъ гнетомъ насилія, неволи, нищеты,—что надъ ними еще недавно разразилась новая гроза...“ Но какой за то горькой ироніей для судьбы армянъ звучатъ преувеличенныя ожиданія осторожнаго нѣмца, которыми онъ оканчиваетъ описанія Эрзерума: „Эрзерумъ уже два раза былъ въ рукахъ русскихъ. Но если онъ въ третій разъ попадетъ въ ихъ руки, едва ли русскіе вздумаютъ его покинуть. Тогда здѣсь закипитъ новая жизнь. Торговля приметъ прежніе размѣры. Курды и лазы не будутъ процвѣтать въ качествѣ терпѣливо выносимыхъ, а порою любезно ласкаемыхъ разбойниковъ на большой дорогѣ. Армяне, подкрѣпленные своими кавказскими соплеменниками, вздохнутъ свободно и расправятъ крылья... Славянская народная волна польется на восточную окраину Малой Азіи. На привольѣ дѣвственныхъ полей вырастутъ деревни за деревнями. Безплодная земля дастъ урожаи, какихъ не давала уже цѣлыя столѣтія. И средневѣковый обликъ Эрзерума скоро исчезнетъ...“ Какъ опасно дѣлать предсказанія въ исторіи!

Э. Лесгафтъ. Краткій курсъ географіи Россіи для средне-учебныхъ заведеній. 1905 г.

„Географія Россіи, — говоритъ авторъ,—является единственнымъ предметомъ въ курсѣ средне-учебныхъ заведеній, знакомящимъ съ современною жизнью нашей родины“. Этимъ вполнѣ опредѣляется то отвѣтственное положеніе, которое занимаетъ учебникъ географіи, особенно предназначенный для старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, какъ учебникъ г. Лесгафта. Этимъ же опредѣляется и тотъ интересъ, съ которымъ должна слѣдить за географической учебной литературой и общая пресса.

Авторъ „Краткаго курса географіи Россіи“, рецензируемаго нами, уже успѣлъ выдвинуться въ области педагогической литературы своимъ „Краткимъ курсомъ физической географіи“, который быстро появился вторымъ изданіемъ и недаромъ считается практиками дѣла одной изъ лучшихъ работъ въ данной области. Это обстоятельство побуждаетъ насъ еще съ большимъ вниманіемъ отнестись къ новому курсу г. Э. Лесгафа.

Съ общимъ планомъ, какъ онъ развитъ въ предисловіи и какъ онъ выполненъ въ дѣйствительности, мы вполнѣ согласны. „Въ общей части курса,—говоритъ авторъ,—я старался выяснить причинную связь явленій мертвой и живой природы и, насколько это было возможно, обосновать различныя географическія дѣленія на генетическомъ принципѣ. Въ обзорѣ Россіи по областямъ, занимающемъ двѣ трети книжки, я особенно подробно останавливался на этнографіи и промышленной дѣятельности“...

Нельзя не признать подобное распредѣленіе матеріала вполнѣ разумнымъ, и мы спѣшимъ добавить, что большая часть этой програмы выполнена вполнѣ успѣшно. Большая, но не вся.

Существенные недостатки, по нашему мнѣнію, чувствуются въ характеристикѣ промышленности. Такъ, для насъ представляется крупнѣйшимъ пробѣломъ отсутствіе въ курсѣ, поставившемъ своей задачей познакомить ученика старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній съ промышленностью страны,— общаго очерка землевладѣнія, землепользованія и хозяйственныхъ системъ земледѣлія. Въ самомъ дѣлѣ, безъ этихъ основныхъ элементовъ, конечно, не можетъ быть дана удачная характеристика промышленности такой земледѣльческой страны, какъ наша родина. Правда, учебникъ и безъ того разросся на 258 страницъ средняго формата и средней печати. Но намъ кажется, что всѣ другіе отдѣлы могли бы смѣло потѣсниться для того, чтобы дать мѣсто этимъ важнымъ вопросамъ. Да все равно безъ нихъ дѣло не обошлось. Они только теперь раскинуты по всюду учебнику, безъ всякаго плана и системы. Ну, въ самомъ дѣлѣ, почему вдругъ на стр. 171-ой авторъ принимается разъяснять, что такое трехполье: „у крестьянъ повсемѣстно (въ центральной черноземной области) ведется трехпольное хозяйство. При этомъ способѣ полевого хозяйства вся предназначенная для посѣвовъ земля дѣлится на три участка, или поля“ и т. д... Какъ будто бы объ этомъ самомъ трехпольѣ не приходилось десятки разъ упоминать на предыдущихъ 170 страницахъ?.. Или почему объ общинномъ крестьянскомъ землевладѣніи авторъ, насколько удалось намъ замѣтить, впервые вспомнилъ лишь на 163 стр... Или почему онъ пытается разъяснить, что такое хуторное землевладѣніе и не занимается съ такимъ же вниманіемъ общиной,—общиной, съ которой такъ серьезно придется и приходилось считаться и русскому законодательству, и русской литературѣ... Или почему онъ только мѣстами вспоминаетъ объ арендѣ?.. Во все это, повторяемъ, могъ бы внести порядокъ только общій очеркъ, посвященный всѣмъ этимъ вопросамъ. Нѣтъ также общаго учета производительныхъ силъ страны и отношенія ихъ къ обложенію,—а вѣдь это такіе элементы, безъ которыхъ опять-таки нельзя усвоить процессовъ промышленной жизни страны. Этотъ пробѣлъ мы считаемъ наиболѣе существеннымъ. Укажемъ еще нѣсколько менѣе важныхъ. Такъ, намъ представлялось бы крайне желательнымъ имѣть въ главѣ о населеніи, — составленной въ общемъ очень удачно и вдумчиво, — хотя бы нѣкоторыя указанія о составѣ населенія по образованію, по сословіямъ, по профессіямъ,—насколько къ этому даютъ возможность существующіе матеріалы. Слѣдовало указать, далѣе, размѣры средней крестьянской семьи и хотя бы вкратцѣ характеризовать тѣ процессы обмиранія, отпочкованія, разростанія и уменьшенія, ко-

торые въ ней происходятъ. Важно было бы также расширить примѣненіе сравнительнаго метода, которымъ авторъ пользуется иногда съ большимъ успѣхомъ (напр., полезно было бы дать параллельныя цифры по вопросу о плотности населенія, о смертности). Наконецъ, слишкомъ огульной вышла характеристика поселковъ по размѣрамъ, а между тѣмъ этотъ элементъ оказываетъ огромное вліяніе на культурную жизнь страны.

Не можемъ не указать еще двухъ—трехъ мелочей, которыя особенно рѣжутъ глаза. Съ досадой мы замѣтили, что авторъ, говоря объ евреяхъ Привислинскаго края, ни словомъ не обмолвился о чертѣ осѣдлости,—этой вопіющей несправедливости русской политической дѣйствительности. Напрасно онъ также увѣряетъ учениковъ, что польскій крестьянинъ „теперь, послѣ введенія законовъ 1864 г., можетъ *всецѣло* пользоваться плодами своего труда“ (курс. нашъ).

Но, не смотря на всѣ эти недостатки, учебникъ г. Э. Лесгафта займетъ въ педагогической литературѣ почтенное мѣсто.

Справочная книга учительскихъ обществъ взаимопомощи. М. 1905.

Передъ нами прекрасно задуманная и тщательно исполненная работа, которая можетъ оказать рядъ цѣнныхъ услугъ не только учительскимъ обществамъ взаимопомощи и ихъ членамъ, но и каждому интересующемуся вопросами народнаго образованія.

На первый планъ здѣсь выдвинута „Хроника учительскихъ обществъ взаимопомощи“. Изъ 92 организацій этого рода, существующихъ въ настоящее время, громадное большинство открыты въ послѣднее пятилѣтіе и являются такимъ образомъ прямыми дѣтищами того общественнаго оживленія и того прилива общественнаго интереса къ народной школѣ, которые оказались такими типичными предвѣстниками болѣе глубокаго освободительнаго движенія, проникнувшаго теперь до самыхъ низовъ русской жизни. Въ этой хроникѣ читатель можетъ получить не мало характерныхъ иллюстрацій того разлада, который закладывается современнымъ порядкомъ вещей между идеалами лучшей части русскаго общества и возможностью провести ихъ въ окружающую дѣйствительность. Составить эту хронику, имѣющую, какъ видимъ, не только узко-профессіональный, но и широкій общественный интересъ,—дѣло было нелегкое, такъ какъ оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ обширному матеріалу, раскиданному по различнымъ провинціальнымъ органамъ, часто мало извѣстнымъ и мало распространеннымъ въ широкой публикѣ.

За хроникой слѣдуетъ рядъ законоположеній и циркуляровъ, которые регулируютъ наше дѣло народнаго образованія и которымъ, какъ извѣстно, „нѣсть числа“. Здѣсь мы находимъ „нор-

мальный "уставъ общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ", уставъ ихъ уѣздныхъ отдѣленій, различныя распоряженія, касающіяся учащихъ въ народныхъ школахъ (о порядкѣ опредѣленія преподавателей, увольненія и перемѣщенія ихъ, о приглашеніи народныхъ учителей къ участію въ засѣданіяхъ земскихъ собраній и т. д.), пенсіонная касса народныхъ учителей и учительницъ, педагогическіе курсы и съѣзды, о безплатныхъ народныхъ читальняхъ и т. д. Не забыты, повидимому, всѣ важнѣйшіе терніи, терзающіе дѣло народнаго образованія и доставляющіе столько душевныхъ мукъ тѣмъ, кто хотѣлъ бы душу свою положить на это великое дѣло народной жизни.

Но на ряду съ этими актами бюрократическаго творчества и измышленія мы, къ удовольствію своему, нашли документы, вызванные къ жизни коллективной мыслью и работой и заслуживающіе широкой популяризаціи. Это—„примѣрный уставъ общества взаимопомощи учащимъ и учившимъ, одобренный общимъ собраніемъ съѣзда представителей учительскихъ обществъ 6 янв. 1903 г." и „проектъ устава союза учительскихъ обществъ," выработанный на томъ же съѣздѣ.

Все это занимаетъ первую половину книги; во-второй же—помѣщено много цѣнныхъ практическихъ указаній, при помощи которыхъ учитель хоть сколько-нибудь можетъ скрасить свое незавидное существованіе. Здѣсь мы находимъ составленныя заботливой рукой свѣдѣнія о санаторіяхъ, курортахъ и климатическихъ станціяхъ, объ образовательныхъ экскурсіяхъ, о московской коммиссіи по организаціи домашняго чтенія; затѣмъ идетъ обширный списокъ „лучшихъ книгъ", распредѣленныхъ на отдѣлы, затѣмъ около 200 отзывовъ на новыя книги, взятыхъ изъ лучшихъ журналовъ, а другія болѣе мелкія, но часто важныя данныя для человѣка, заброшеннаго въ непролазную деревенскую глушь.

Такимъ образомъ, „Справочная Книга" заслуживаетъ вниманія со стороны самой широкой публики; кромѣ того, не можемъ не указать на то, что чистый доходъ отъ настоящаго изданія данной книги долженъ поступить въ пользу общества взаимопомощи учащихъ Тверской губерніи. Все это даетъ основаніе надѣяться, что эта книга, быть можетъ, въ ближайшее время выйдетъ и вторымъ изданіемъ, а потому мы находимъ полезнымъ указать два пробѣла, которые желательно было бы заполнить въ такой справочной работѣ.

Это, во-первыхъ, отсутствіе компактной и небольшой программы для домашняго чтенія по общественнымъ вопросамъ (разсчитанной, напр., на одну зиму). Въ такихъ программахъ потребность въ настоящее время—огромная, и служба ихъ ничѣмъ незамѣнимая. Но это должны быть очень краткія и интенсивныя программы, которыя позволили бы читателю сознательно отнестись къ плат-

формамъ, съ которыми въ непродолжительномъ времени выступятъ наши партіи. Московская программа домашнихъ чтеній для этихъ цѣлей не годится: она слишкомъ академична и слишкомъ велика (разсчитана на четыре года)...

Во-вторыхъ, насъ удивило отсутствіе въ такомъ справочникѣ какихъ либо свѣдѣній о подвижныхъ музеяхъ. Учрежденія этого рода настолько интенсифицируютъ работу школы, настолько связаны съ самодѣятельностью учительскаго персонала, настолько осмысливаютъ существованіе народнаго учителя и сливаютъ его интересы въ конкретной работѣ съ интересами другихъ группъ культурнаго русскаго общества, что вниманіе учительскаго персонала должно быть непремѣнно фиксировано на учрежденіяхъ этого рода. Да и быстрый ростъ подвижныхъ музеевъ, даже при современныхъ условіяхъ русской школы, доказываетъ жизнедѣятельность ихъ (См., напр., обширную статью на эту тему въ „Вѣстникѣ Таврическаго Земства" за 1905 годъ).

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

П. Лучинскій. Стихотворенія. Изданіе третье. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

В. Д. Лежно (Одинокій). Стихотвореніе Спб. 1905.

Н. М. Соколовъ. Второй сборникъ стихотвореній. Спб. 1905. Ц 1 р. 50 к.

Стихотворенія. ***Б. Попова.*** Казань. 1905.

В. Н. Разуваевъ. Скромныя картинки. Сборникъ желѣзнодорожныхъ, охотничьихъ и другихъ разсказовъ и стихотвореній. Второе дополненное изданіе. Козловъ. 1905. Ц. 70 к.

В. М. Дорошевичъ. Собраніе сочиненій. Т. V. По Европѣ. Изд. Т-ва И. Д. Сытина Ц. 1 р.

Въ Парижѣ. Новелла Кнута ***Гамсуна.*** Изд. и переводъ Мих. Могилянскаго. Кіевъ. 1905. Ц. 4 к

Г. М. Тумановъ. Характеристики и воспоминанія. Книга вторая. Тифлисъ. 1905 Ц. 50 к.

Л. Н. Толстой. Монографія ***Андреевича.*** Изданіе А. Е. Бѣляева. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій, его жизнь, творенія, письма и статьи. Подъ ред. ***В. В. Стасова.*** Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1905. Ц. 4 р.

А. С. Пушкинъ въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ. Составилъ ***Н. Покровскій.*** Изд. 2-е. М. 1905. Ц. 75 к.

И. С. Тургеневъ въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ. Составилъ ***Н. Покровскій.*** М. 1905 Ц. 75 к.

Профессоръ ***Г. Челпановъ.*** Введеніе въ философію. Кіевъ. 1905. Ц. 2 р. 50 к

Изданія „Голосъ": Рѣчь Робеспьера, съ предисловіемъ С. Южакова: „Всеобщая подача голосовъ". — ***Л. Зайденманъ*** „Правовое положеніе евреевъ въ Россіи". — ***Левъ Мовичъ.*** „Стачки рабочихъ въ Западной Европѣ". Спб. 1905. Ц. по 10 к. книга.

Изданія Т-ва И. Д. Сытина. Современная библіотека: Освободитель Швейцаріи Вильгельмъ Телль (по

Шиллеру). Ц. 10 к.—***Ю. Делевскій.*** Поэзія и проза французской политической жизни. Ц. 10 к.—***В. Алексѣевъ.*** Земскіе соборы и народное представительство. Ц. 7 к. — ***Ч. Вѣтринскій.*** Гуманистъ 40-хъ годовъ (Т. Н. Грановскій). Ц. 15 к.—***М. В. Довнаръ Запольскій.*** Зарожденіе министерствъ въ Россіи. Ц. 25 к. — ***Его же.*** Историческій процессъ русскаго народа въ наукѣ. Ц. 10 к. — ***Его же.*** Реформа общеобразовательной школы при Екатеринѣ II. Ц. 15 к.— ***Его же.*** Политическіе идеалы М. М. Сперанскаго. Ц. 20 к. Спб. 1905.

Книгоиздательство Е. Д. Мягкова „Колоколъ": В. Либкнехтъ. Рѣчь его 22 октября 1871 г. Ц. 15 к. — ***С. Боркгаймъ.*** Чартистское движеніе въ Англіи. Ц. 20 к. — ***Н. П. Іорданскій.*** Земскій либерализмъ. Ц. 20 к.—***К. Каутскій.*** Общественныя реформы. Ц. 20 к. — ***К. Каутскій.*** Эрфуртская программа. Ц. 20 к. М. 1905.

Германія въ 48-мъ году. Изд. Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломійцевой. М. 1905. Ц. 20 к.

К. Мягковъ. О положеніи народныхъ учителей. Книгоизд. „Сѣверное Эхо". В. Устюгъ. 1905. Ц. 25 к.

В. Львовъ. Всеобщее избирательное право. Изд. А. Острогорской-Малкиной. Спб. 1905. Ц. 8 к.

Изъ жизни идей. ***Ѳ. Зѣлинскаго.*** Т. второй. Изд. II-е. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Карѣевъ. Мысли объ основахъ нравственности. Изд. III-е. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Максимъ Ковалевскій. Современные соціологи. Изд. Л. Ѳ. Пантелѣева. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Князь ***В. П. Максутовъ.*** Исторія древняго Востока. Томъ II. Спб. 1905. Ц. 5 р.

М. М. Богословскій. Изъ исторіи верховной власти въ Россіи. Изд. Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломійцевой. М. 1905. Ц. 10 к.

Исторія, какъ наука и предметъ преподаванія. ***Ильи Смоленскаго.*** Вып. I. Одесса. 1906. Ц. 1 р.

Н. Рожковъ. Историческіе и соціологическіе очерки. Часть 1-ая. Изд. И. К. Шамова. М. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. Декабристы въ Западной Сибири. Изд. И. Балашова. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

К. М. Ѳедоровъ. Н. Г. Чернышевскій. II-е изд. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Хожденіе за три моря. Аѳ. Никитина. Сост. ***К. Гаина.*** Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Ц. 10 к.

П. Ивановъ. Борисъ Годуновъ. Изд. И. Д. Сытина. М. 1905. Ц. 15 к.

Аграрный вопросъ. Сборникъ статей. Изд. кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича. Книгоиздательство „Бесѣда". М. 1905. Ц. 2 р.

П. И. Петрункевичъ. Къ аграрному вопросу. Изд. редакціи „Вѣстника сельскаго хозяйства". М. 1905. Ц. 25 к.

А. И. Баль. Экономич. очерки. Изд. Вл. Распопова. Одесса. 1905. Ц. 15 к.

К. Каутскій. Томасъ Моръ и его утопія. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

А. Н. Миклашевскій, проф. Стачки и соціальный вопросъ. Право стачекъ. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Б. Веселовскій. Къ вопросу о классовыхъ интересахъ въ земствѣ. Вып. 1-й. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Вл. Максимовъ. Очерки по исторіи общественныхъ работъ въ Россіи. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Сав. Каминскій. Кое-что о сокращеніи рабочаго времени. Кіевъ. 1905. Ц. 15 к.

П. Лафаргъ. Профессіональное рабочее движеніе въ Германіи. Изд. В. Сомовой. М. 1905. Ц. 25 к.

А. Кузоватовъ. Законъ экономическаго равновѣсія. Ковель. 1905. Ц. 30 к.

Изданія М. Малыхъ: В. Водовозовъ. Пропорціональные выборы или представительство меньшинства. Ц. 10 к.—Проф. ***М. М. Ковалевскій.*** Рабочій вопросъ во Франціи наканунѣ революціи. Ц. 10 к.—***Эмиль Розеновъ.*** Томасъ Мюнцеръ. Ц. 10 к.— ***А. Калантай.*** Къ вопросу о классовой борьбѣ. Ц. 10 к. — ***Карлъ Марксъ.*** Кэри и Бастіа. Ц. 10 к.— ***В. Пайэръ.*** Колесоножка и быстрозвонка. Сказка. Ц. 10 к.—***К. Марксъ.*** Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г. Ц. 20 к.—***К. Каутскій.*** Нашъ взглядъ на патріотизмъ и войну. Ц. 10 к.—***Л. Буржуа и А. Метэнъ.*** Основы государственнаго устройства Франціи. Ц. 10 к.—***В. Пемберъ Ривсъ.*** Политическія права женщинъ въ Австраліи. Спб. 1905.

Изданія Е. И. Алексѣевой: П. Лафаргъ. Благотворительность. Ц. 8 к.—***А. Бебель.*** Профессіональное движеніе и политическія партіи. Ц. 12 к.—***В. Бракe.*** Долой соціалъ-демократовъ! Ц. 5 к. Одесса. 1905.

Избирательныя права женщинъ. *Д. С. Милля*. М. 1905. Ц. 10 к.

С. Г. Сватиковъ. Созывъ народныхъ представителей. Изд. „Донская Рѣчь". Ростовъ на Дону. 1905. Ц. 10 к.— Государственная Дума. Изданіе неоффиціальное газеты „Кіевскіе Отклики". Кіевъ. 1905. Ц. 12 к.

Тексты конституцій (Изданіе газеты „Кіевскіе Отклики"). I. *Прусская конституція*. Переводъ М. С. Іоффе подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. И. В. Лучицкаго. Кіевъ. 1905 Ц. 5 к. II *Испанская конституція* Переводъ Н. И. Лучицкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. И. В. Лучицкаго. Кіевъ. 1905. Ц. 5 к.

И. Д. Новикъ Современныя конституціи и Положеніе о Государствен. Думѣ. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1906. Ц. 2 р.

В. Сѣрошевскій. Корея Очерки. Второе изд Е. Глаголева. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Ив. Абрамовъ. Черниговскіе малороссы. Спб. 1905. Ц 25 к.

Г. И. Бобриковъ. Наброски изъ общественной жизни. Спб. 1905. Ц. 1 р.

П. А. Некрасовъ. Государство и Академія. М. 1905.

I. В. Михайловскій. Основные принципы организаціи уголовнаго суда. Томскъ. 1905. Ц. 2 р.

Элленъ Кей. Вѣкъ ребенка. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1905. Ц 1 р. 25 к.

Н. А. Вигдорчикъ. Замѣтки сибирскаго врача. Н.-Новгородъ. 1905. Ц. 40 к.

Основныя начала школьной гигіены. Д-ра *Д. Д. Бекарюкова*. Изд. журнала „Вѣстникъ Воспитанія". М. 1905. Ц. 2 р.

Н. Володкевичъ. Задачи педагогической дѣятельности. Кіевъ. 1905.

Міръ чудесъ· Географическая хрестоматія. Сост. *М. Крюковскій*. Изд Т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Ц. 1 р.

Царство минераловъ. Изд. А. Ф. Девріена Вып 7-й. Спб. 1905. Ц 2 р. 75 к.

П. Н. Межеричеръ. Учебникъ геометріи. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Учебникъ ботаники. Сост. *В. Капелькинъ и А. Флеровъ*. Часть II, Изд. М. и С. Сабашниковыхъ М. 1905. Ц. 70 к.

А. И. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Вып. II. Н.-Новгородъ. 1905. Ц. 50 к.

Ечинацъ. Подготовка къ жизни и свободная школа. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Л. Лиданова. Груняшка. М. 1905. Ц. 25 к.

Іоаннъ Гутенбергъ и развитіе книгопечатанія. *Е. П. Волканетской*. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Ц. 20 к.

Е. Мазепинъ. Что необходимо крестьянину. Очеркъ. М 1905 Ц. 15 к.

Іуда-Мытарь. Что такое приказчикъ? Томскъ. 1905. Ц. 40 к.

С. Воскресенскій. По мыслямъ лучшихъ людей: Самообразованіе и книги. Ц. 20 к.—Характеръ. Ц. 15 к.— Веселый нравъ и мужество. Ц. 10 к.— Бодрость духа и здоровье. Ц. 15 к.— Изученіе человѣка. Ц. 30 к.—О любви и высшей радости. Ц. 25 к.—Счастье семьи и воспитаніе дѣтей. Ц. 25 к.— Трудъ и богатство. Ц. 10 к.—Успѣхъ жизни и практическая мудрость. Ц. 25 к.—Въ чемъ счастье? Ц. 20 к.— Воззрѣнія на природу и человѣка. Ц. 50 к. Кіевъ. 1905.

Д-ръ *А. А. Гіероглифовъ*. О холерѣ. Изд. гр. В. Массальскаго. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Вороновъ. Общественныя условія здоровья. Воронежъ. 1905.

Крапивинъ, прив.-доц Моск. унив. Энергія и ея превращеніе. М. 1905. Ц. 80 к.

Московско-литературный художеств. кружокъ. М. 1905.

Матеріалы для выработки программы текущей статистики. Вятка 1905.

В. Василевичъ. Московскій съѣздъ представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи. Изд. Т-ва И Д. Сытина. М. 1905. Ц. 50 к.

Т. А. Щавинскій. Полный систематическій учебникъ международнаго языка Эсперанто. Мелитополь. 1905. Ц 1 р. 25 к.

Политика.

Англо-японскій союзъ.—Перемѣна міроваго политическаго состоянія.—Портсмутскій мирный договоръ.—Отголоски войны.—Скандинавское соглашеніе.—Обостреніе венгерскаго кризиса.—Мароккскій вопросъ.—Текущія событія.

I.

Гвоздь политики отчетнаго мѣсяца, на время отодвинувшій другіе вопросы и всѣхъ ихъ освѣтившій по новому—это только что опубликованный текстъ англо-японскаго союзнаго трактата отъ 30 іюля 1905 года. Уже около половины августа стало извѣстно, что англо-японскій союзъ, заключенный въ Лондонѣ 30 января 1902 года, возобновленъ на десять лѣтъ. Сообщалось также объ его расширеніи въ томъ смыслѣ, что союзныя державы обязаны помогать другъ другу не только противъ двухъ державъ, какъ то было условлено въ договорѣ 1902 года, но и въ случаѣ войны съ одною державою. Сообщались и другіе слухи, указывавшіе на большую важность новаго союзнаго договора. Однако, появлялись и опроверженія этихъ сенсаціонныхъ слуховъ. Какъ ни были порою сообщенія, извѣстія и слухи сенсаціонны, дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія. Содержаніе трактата сенсаціоннѣе всякихъ слуховъ и обнаруживаетъ существенное перемѣщеніе руководящихъ центровъ всемірной исторіи. Обѣ державы, заключившія новый союзный договоръ, сдѣлали огромный шагъ въ сторону отъ прежнихъ базъ своей политики, приняли огромныя обязательства, взвалили себѣ на плечи огромную отвѣтственность, сдѣлали смѣлый вызовъ крупнѣйшимъ политическимъ силамъ историческаго міра.

Жестокій ударъ, понесенный Россіей на Дальнемъ Востокѣ, до глубины всколыхнулъ историческое море. Оно вышло изъ береговъ и затопило англо-японскою волною господства громадную территорію, всю ту Азію, которая сохранила туземныя правительства. Японія и Англія наложили свою тяжелую руку не только на Индію и Корею, но и на Китай, Сіамъ, Тибетъ, на „страны къ сѣверъ-западу отъ Индіи“, на Персію... Быть можетъ, и больше.

Текстъ англо-японскаго договора былъ одновременно опубликованъ 13 (26) сентября въ Лондонѣ и Токіо. Онъ состоитъ изъ предисловія и 8 статей.

Въ предисловіи говорится, что предметомъ послѣдующихъ статей являются упроченіе и поддержаніе общаго мира въ восточной Азіи и въ Индіи; соблюденіе общихъ интересовъ всѣхъ державъ въ Китаѣ; обезпеченіе независимости и неприкосновен-

ности Китая на принципѣ одинаковыхъ правъ для торговли всѣхъ народовъ; поддержаніе территоріальныхъ правъ Великобританіи и Японіи въ восточной Азіи; защита ихъ спеціальныхъ интересовъ въ этихъ странахъ.

Статья первая: Оба правительства, когда спеціальныя права и интересы ихъ окажутся въ опасности, должны сообщить объ этомъ другъ другу откровенно, безъ обиняковъ, и соединиться для обсужденія мѣръ, необходимыхъ для ихъ огражденія.

Статья вторая: Если вслѣдствіе невызваннаго агрессивнымъ образомъ дѣйствій нападенія съ какой бы то ни было стороны,—со стороны ли одной державы или со стороны нѣсколькихъ державъ,—та или другая изъ договаривающихся сторонъ будетъ поставлена въ необходимость начать войну для огражденія своихъ правъ и интересовъ, то другая сторона должна немедленно явиться на помощь своему союзнику, вести сообща съ нимъ войну и съ взаимнаго же съ нимъ согласія заключить миръ.

Статья третья: Въ виду того, что Японія пользуется преобладающими политическими, военными и экономическими правами въ Кореѣ, Великобританія признаетъ за Японіею право принимать мѣры къ руководству, контролю и покровительству Кореѣ, какія только она признаетъ подходящими и нужными для огражденія своихъ интересовъ и содѣйствія имъ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы мѣры эти не противорѣчили принципу одинаковыхъ льготъ для всякой торговли.

Статья четвертая: Японія признаетъ право Великобританіи принять въ прилегающихъ къ индійской границѣ областяхъ мѣры, которыя окажутся необходимыми для охраны индійскихъ владѣній.

Статья пятая: Договаривающіяся стороны условливаются, что ни одна изъ нихъ безъ опроса другой не вступитъ въ спеціальныя соглашенія съ какой-либо другой державою въ ущербъ цѣлямъ, упомянутымъ въ предисловіи.

Въ статьѣ шестой упоминается о русско-японской войнѣ и говорится, что Великобританія обязывается держаться строгаго нейтралитета и явиться на помощь Японіи въ томъ случаѣ, если послѣдняя подвергнется нападенію со стороны другой державы.

Статья седьмая: Условія, на которыхъ будетъ оказана военная помощь, должны быть выработаны представителями военно-сухопутной и морской администраціи договаривающихся сторонъ, которыя свободно и откровенно будутъ отъ времени до времени совѣщаться между собою.

Статья восьмая: Настоящій договоръ заключается на 10 лѣтъ и можетъ быть отмѣненъ путемъ предупрежденія за годъ до истеченія этого срока.

Не надо быть проницательнымъ дипломатомъ, чтобы понять, что договоръ направленъ главнымъ образомъ противъ Россіи

Это видно такъ же изъ того, что англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Лэндсдоунъ счелъ необходимымъ сопроводить извѣщеніе Россіи о заключенномъ съ Японіей договорѣ особымъ мотивированнымъ объясненіемъ, долженствующимъ ослабить впечатлѣніе этого явно враждебнаго Россіи акта. Онъ поручилъ англійскому послу въ Петербургѣ сэру Гардингу передать текстъ новаго англо-японскаго союзнаго трактата и сдѣлать слѣдующее оффиціальное объясненіе (которое хотя и обнаруживаетъ, что въ настоящее время въ Лондонѣ войны не желаютъ, но не болѣе того).

„Договоръ былъ подписанъ 30 іюля. Благоволите заявить, что текстъ договора былъ бы сообщенъ немедленно, но въ виду того, что переговоры между Японіей и Россіей въ то время уже были начаты, опубликованіе подобнаго дипломатическаго документа было бы неудобнымъ и несвоевременнымъ. Я имѣю надежду, что договоръ является такимъ международнымъ актомъ, противъ котораго ни одна держава, заинтересованная въ дѣлахъ Дальняго Востока, не сочтетъ возможнымъ дѣлать возраженія. Вамъ надлежитъ обратить вниманіе на вступительную статью договора, въ которой изложена политика, служившая основаніемъ при заключеніи договора между обѣими державами. Великобританское правительство полагаетъ, что можетъ разсчитывать на доброжелательство и поддержку всѣхъ державъ для обезпеченія мира на Дальнемъ Востокѣ, а также неприкосновенности и независимости Китайской имперіи, равно и принциповъ равноправности относительно торговли и промышленности всѣхъ націй въ этихъ мѣстностяхъ. Съ другой стороны, спеціальные интересы обѣихъ договаривающихся державъ такого свойства, что онѣ обязаны настаивать на полномъ ихъ соблюденіи, и объявленіе о томъ, что имъ должны быть предоставлены соотвѣтственныя права, не должно вызывать ни удивленія, ни безпокойства.

Третья статья, касающаяся корейскаго вопроса, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Она признаетъ въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ преобладающее положеніе, которое Японія въ данный моментъ занимаетъ и отнынѣ должна занимать въ Кореѣ, равно и право Японіи принимать всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія своихъ политическихъ, военныхъ и экономическихъ правъ въ данной странѣ, но при этомъ въ статьѣ спеціально предусмотрѣно, чтобы подобныя мѣропріятія не противорѣчили принципу торговой и промышленной равноправности всѣхъ остальныхъ націй. Въ этомъ пунктѣ существуетъ значительное разногласіе между новымъ договоромъ и договоромъ 1902 г. Однако, съ того времени выяснилось, что Корея, вслѣдствіе близости къ Японіи и своей неспособности быть самостоятельной, должна была подпасть подъ контроль и покровительство Японія. Британское правительство отмѣчаетъ съ удовольствіемъ, что Россія въ мирномъ

договорѣ охотно согласилась на условія этого пункта, и считаетъ, что имѣетъ всѣ основанія предполагать, что и другія державы раздѣляютъ тѣ же самыя взгляды по вопросу объ отношеніяхъ, установившихся между Японіей и Кореей. Британское правительство увѣрено, что заключенный союзъ будетъ преслѣдовать вполнѣ мирныя цѣли въ защиту неоспоримыхъ правъ обѣихъ державъ и, поэтому, будетъ одобренъ русскимъ правительствомъ. Британское правительство считаетъ себя равно въ правѣ предполагать, что заключеніе англо-японскаго договора оказало вліяніе на успѣшное заключеніе соглашенія, положившаго счастливый конецъ войнѣ, и надѣется искренно, что англо-японскій договоръ будетъ способствовать обезпеченію всеобщаго мира на много лѣтъ на Дальнемъ Востокѣ". Тождественная инструкція была послана Лэндсдоуномъ англійскому послу въ Парижѣ.

Это дипломатично и даже любезно, но не измѣняетъ того факта, что вся огромной длины русская граница въ Азіи отъ Чернаго моря до Берингова не можетъ быть измѣнена въ пользу Россіи, но за то всегда можетъ быть измѣнена ей въ ущербъ. Неприкосновенность территоріи японской (съ Кореей), китайской, индійской, афганской, повидимому, персидской, признаны англо-японскимъ договоромъ, но эта неприкосновенность отнюдь не распространяется на сопредѣльную русскую территорію, которая ограждена лишь собственною военною силою Россіи.

Дипломаты остаются дипломатами. Журналисты пишутъ откровеннѣе. Такъ, „Times" пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Поглощеніе мелкихъ азіатскихъ державъ, еще недавно бывшихъ нашими сосѣдями на большое разстояніе вдоль индійской границы, систематическое подкапываніе подъ другія посредствомъ коварныхъ комбинацій, подкупа, угрозъ, интригъ; безостановочное сближеніе стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ съ пунктами, у которыхъ онѣ не могли служить другимъ цѣлямъ, кромѣ постоянной угрозы намъ; концентрація войскъ, приготовленіе у нашей границы всевозможныхъ средствъ къ нападенію; систематическое стремленіе закрыть для насъ богатѣйшіе рынки на Дальнемъ Востокѣ, какъ посредствомъ дѣйствительнаго присоединенія ихъ къ собственнымъ владѣніямъ, такъ и посредствомъ насильственнаго исторженія отъ мѣстныхъ правительствъ разныхъ привилегій, монополій, исключительныхъ концессій, — все это разбудило, наконецъ, нашихъ государственныхъ людей и побудило ихъ сдѣлать этотъ шагъ, который дѣйствительно радикально обезпечиваетъ Англію отъ угрожавшихъ ей опасностей".

Этотъ обвинительный актъ противъ прошлаго русской политики характеризуетъ и настоящее значеніе этого историческаго акта. Не мудрено, если изъ Токіо тамъ же сообщаютъ, что англо-японскій договоръ вызвалъ всеобщее удовольствіе; общество было удовлетворено возобновленіемъ союза въ болѣе распространенной

формѣ. Полное удовлетвореніе вызывало отсутствіе въ договорѣ указаній на независимость и неприкосновенность Кореи, имѣвшихся въ прежнемъ договорѣ, и взаимныя обязательства о поддержкѣ и помощи во время войны. Распространеніе договора на Индію было принято нѣкоторыми кругами не особенно благопріятно, но по общему впечатлѣнію договоръ обезпечиваетъ сохраненіе мира на Дальнемъ Востокѣ, по меньшей мѣрѣ, на 10 лѣтъ (Рейтеръ). Городъ, все время мрачно настроенный подъ впечатлѣніемъ мирнаго договора, совершенно преобразился послѣ опубликованія новаго англо-японскаго соглашенія. Зданія нѣсколькихъ крупныхъ фирмъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій были иллюминованы.

Это предвидѣніе, что миръ обезпеченъ на Дальнемъ Востокѣ, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ, очень умѣренно, потому что отъ политики одной Россіи онъ обезпеченъ теперь совершенно. Какъ бы ни возродилась военная мощь Россіи, какъ бы ни возсоздался флотъ русскій, какихъ успѣховъ ни достигла бы русская культура, Россія одна не можетъ побѣдить Англо-Японію на морѣ, а слѣдовательно, и принудить ихъ къ существеннымъ уступкамъ. Еще парижскій трактатъ положилъ предѣлъ наступательной политикѣ Россіи по отношенію къ Турціи въ Европѣ и въ Азіи. Тогда же особымъ договоромъ между Англіей и Франціей положенъ предѣлъ наступленію Россіи въ Балтійскомъ морѣ и въ Скандинавіи. Выросшее могущество Германіи прикрыло всю остальную европейскую границу Россіи. Теперь это историческое движеніе, направленное на прекращеніе дальнѣйшаго территоріальнаго расширенія Россіи, завершилось лондонскимъ трактатомъ 30 іюля, и Россія заключена въ тотъ Eisenring, о которомъ мечталъ еще кн. Бисмаркъ. Онъ думалъ создать это желѣзное кольцо въ пользу Германія. Не совсѣмъ такъ оно вышло, какъ мечталъ желѣзный канцлеръ, но желѣзное кольцо выросло и сковало Россію со всѣхъ сторонъ. Внѣшняя политика Россіи должна радикально измѣниться, потому что всѣ старые пути закрыты. Не будетъ поэтому преувеличеніемъ сказать, что никогда съ XIII вѣка, съ татарскаго нашествія, Россія не несла подобнаго пораженія. Я не желаю моему отечеству новыхъ завоеваній. Я полагаю, что мы достаточно имѣемъ и что, умно распорядившись нашимъ достояніемъ, мы можемъ обезпечить себѣ и благосостояніе, и прогрессъ, и общее уваженіе. Однако, новыя условія, созданныя русско-японскою войною и англо-японскимъ соглашеніемъ, настолько существенно нарушаютъ политическое равновѣсіе намъ въ ущербъ, что простое сохраненіе нашей земли можетъ потребовать и большихъ жертвъ, и большаго напряженія, и новыхъ не всегда выгодныхъ международныхъ комбинацій. Вотъ въ чемъ заключается опасная угроза, выглядывающая изъ восьми пунктовъ лондонскаго договора 30 іюля.

Особенно опасна своей неопредѣленностью статья четвертая. Что это за ближайшія страны къ сѣверо-западной границѣ Индіи? Конечно, Афганистанъ. Вѣроятно, Персія. А Бухара и Хива? Для характеристики англо-японскихъ отношеній знаменательна командировка японской военной миссіи на сѣверную границу Индіи для ознакомленія съ ея обороной. Миссія посѣтитъ Гератъ и Южную Персію. На ея отправленіи настаивалъ японскій военный министръ. Одновременно оттоманское правительство обѣщало доставить англичанамъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, касающіяся границы между Сѣверной Персіей и Арменіей. Командированный спеціально турецкимъ правительствомъ, чиновникъ уже прибылъ въ Лондонъ. Онъ привезъ подробный отчетъ по этому предмету въ двухъ экземплярахъ: одинъ—для лорда Лэнсдоуна, а другой — для виконта Гаяши. Что сей сонъ означаетъ? Японцы вырабатываютъ планъ кампаніи не только въ Индіи, но и въ Арменіи? Любопытенъ также слухъ, что по ратификаціи мирнаго договора микадо собирается посѣтить корейскіе берега, чтобы лично выбрать мѣста для новыхъ портовъ и факторій. Одновременно будетъ приступлено къ переукрѣпленію Портъ-Артура. Работы разсчитаны на два года и будутъ поручены японцамъ, при участіи англійскихъ инженеровъ. Покупка англійскимъ колоніальнымъ правительствомъ огромныхъ частныхъ доковъ въ Сингапурѣ дополняетъ эти еще отрывочныя сообщенія о новой обширной дѣятельности союзниковъ къ укрѣпленію своего господства на морѣ и на Востокѣ. Все это готовится къ миру.

Приготовленіе къ миру можно усмотрѣть также въ извѣстіи изъ Пекина, что Китай дѣятельно приводитъ въ исполненіе систему военной и морской реорганизаціи. Учрежденъ генеральный штабъ, каждый членъ котораго получилъ военное образованіе въ Японіи, въ продолженіе 5 лѣтъ. Китайская имперія будетъ раздѣлена на 20 военныхъ округовъ, обнимающихъ каждый по 13 провинцій. Туркестанъ и Манчжурія составятъ отдѣльные округа. Правительство разсчитываетъ довести къ концу 1910 года численность своей арміи до милліона хорошо обученнаго войска. Конечно, не противъ Японіи и Англіи направлены эти мирныя заботы китайцевъ. Несомнѣнно, однако, противъ европейцевъ. Противъ европейцевъ же выступаютъ и американцы. Изъ Вашингтона сообщаютъ, что новая политика Соединенныхъ Штатовъ, направляемая Рузвельтомъ, будетъ преслѣдовать защиту центральной и южной Америки, препятствуя европейскимъ державамъ пріобрѣтеніе американской территоріи путемъ колонизаціи, купли или завоеванія. Южная Америка—сѣверо-американцамъ, Азія—англичанамъ и японцамъ... Въ странахъ, нуждающихся въ колоніальной территоріи и въ рынкахъ для промышленности, этотъ раздѣлъ міра между англо-саксами и японцами можетъ возбудить

тревогу, особенно въ Германіи. Россія не нуждается ни въ колоніальной территоріи, ни въ рынкахъ для промышленности. Ей эта опасность не угрожаетъ, и она могла бы остаться въ сторонѣ отъ вырисовывающагося конфликта, если только не выраститъ прямая угроза ея территоріи, о которой мы говорили выше. Да минуетъ насъ чаша эта! И безъ того достаточно испытаній.

Новое міровое положеніе, созданное пораженіемъ Россіи и новымъ договоромъ между Англіей и Японіей, не можетъ не вызвать и другихъ значительныхъ перемѣнъ. Поговариваютъ даже о франко-русско-германскомъ союзѣ... Это еще не вѣроятно, но логично. Коалиціи изъ Англіи, Японіи и Соединенныхъ Штатовъ ничего другого нельзя противопоставить. Это правда, но не будетъ ли высшей и достойнѣйшей правдой найти исходъ не въ новыхъ вооруженіяхъ и противовѣсахъ, а въ общемъ соглашеніи?

II.

Общее соглашеніе, конечно, вполнѣ мыслимо. Англійская пресса даже подняла вопросъ объ англо-русскомъ соглашеніи, которое должно увѣнчать рядъ состоявшихся соглашеній, русско-японское (портсмутскій мирный трактатъ отъ 23 августа), англо-японское (лондонскій союзный трактатъ отъ 30 іюля), англо-французское, франко-итальянское, франко-испанское. „Standart“ (органъ торійскій) напоминаетъ, что русско-японская война прервала уже начавшіеся тогда англо-русскіе переговоры о разграниченіи сферъ вліянія въ Азіи. По мнѣнію газеты, теперь время возобновить эти переговоры. Это недурно, но теперь это недостаточно, и общее соглашеніе всѣхъ великихъ державъ, оформленное трактатомъ и обезпеченное взаимною гарантіею, является настоятельною потребностью для насъ и, хотя въ меньшей мѣрѣ, для остальныхъ европейскихъ державъ.

Что измѣнили въ сферѣ международнаго права портсмутскій и лондонскій трактаты 1905 года?

По соглашеніямъ 1894 и 1895 гг. между Россіей и Японіей Корея признавалась независимою и самостоятельною. То же признаніе независимости и самостоятельности Кореи повторено въ англо-японскомъ союзномъ договорѣ 1902 года. Теперь и портсмутскій, и лондонскій трактаты отмѣняютъ эти соглашенія и передаютъ Корею японцамъ. Россія согласилась, Англія признала и гарантировала, ни одна другая держава не опротестовала. Перемѣна совершилась вполнѣ, и концерту державъ здѣсь дѣлать нечего. Если же англо-русскіе переговоры 1903 года проектировали повторить признаніе независимости Кореи, то совершенно ясно, что возобновленные англо-русскіе переговоры этотъ пунктъ оставятъ въ сторонѣ. Здѣсь исторія уже сказала свое слово.

Исторія произнесла свой приговоръ и по манчжурскому вопросу. И здѣсь англо-русскіе переговоры 1905 и 1906 гг. не повторятъ проектированныхъ соглашеній переговорами 1903 г. Еще 30 іюля въ лондонскомъ договорѣ, японцы приняли для Манчжуріи принципъ открытыхъ дверей и затѣмъ повторили его въ портсмутскомъ договорѣ 23 августа. Эта единственно существенная уступка японцевъ сдѣлана ими не нашимъ дипломатамъ, а британскимъ, какъ мы и ожидали въ нашей прошлой бесѣдѣ.

Между Россіей и Англіей въ 1896 году состоялось соглашеніе относительно сферы интересовъ въ Китаѣ. Англія отказалась отъ всякихъ концессій и предпріятій сѣвернѣе широты Пекина, Россія—въ долинѣ Ян-це-кіанга. Теперь и портсмутскимъ, и лондонскимъ трактатами признанъ вообще принципъ открытыхъ дверей. Какъ понимать теперь тогдашнее соглашеніе? Сохраняетъ ли оно силу? Для Манчжуріи не сохраняетъ, очевидно.

Это, однако, частность. Она подводитъ насъ къ основному вопросу, къ китайскому вопросу во всемъ его объемѣ.

За послѣднія два—три десятилѣтія, особенно за послѣднее, китайцы потерпѣли много обидъ отъ иноземцевъ и понесли отъ нихъ же много ущерба и убытка. Въ 1900 году они попробовали прогнать непрошенныхъ гостей, но не имѣли успѣха и должны были покориться. Обиды и убытки, однако, продолжались и продолжаются. Вражда къ иностранцамъ растетъ, и надежда прогнать безцеремонныхъ пришельцевъ очень оживилась, благодаря японскимъ успѣхамъ. Отсюда зарожденіе милитаризма въ Китаѣ, вообще странѣ миролюбивой и не аггрессивной. Недавно появилось въ газетахъ выше приведенное извѣстіе, что Китай раздѣленъ въ настоящее время на военные округа, во главѣ которыхъ поставлены китайскіе офицеры, получившіе военное образованіе въ Японіи, и китайцы надѣются, что уже въ 1910 г. они будутъ имѣть милліонъ европейски обученныхъ и европейски вооруженныхъ солдатъ. Кромѣ того, предполагается основать такіе же военные округа въ Манчжуріи и Восточномъ Туркестанѣ. Это уже подлинный милитаризмъ и, если онъ осуществится, послѣдствія будутъ неимовѣрныя. Главная задача въ настоящее время остановить эту зарождающуюся эволюцію.

Лондонскій трактатъ 30 іюля призналъ и гарантировалъ принципъ цѣлости и неприкосновенности китайской имперіи. Этотъ принципъ провозглашенъ и портсмутскимъ трактатомъ. Если бы это обязательство, принятое пока тремя державами, распространить на остальныя державы и оформить въ видѣ трактата между всѣми великими державами съ привлеченіемъ Китая къ трактату и съ общею гарантіей незыблемости его постановленій, то исчезла бы одна изъ важнѣйшихъ причинъ,

толкающихъ Китай на путь милитаризма. Китай не можетъ не помнить Кяо-чеу, Портъ-Артура, Вей-ха-Вея, Кулуна, Гуань-дуня и нѣкоторыхъ неосуществившихся притязаній. Общая гарантія цѣлости и неприкосновенности китайской территоріи предупредила бы возможность повторенія этого безцеремоннаго раздѣла китайской земли. А въ такомъ случаѣ зачѣмъ китайцамъ тратить огромныя средства на организацію грозной обороны теперь совсѣмъ беззащитной страны? Китайцы слишкомъ разсчетливы, чтобы не понять того пути, на которомъ они могли бы себя обезпечить безъ милитаризма.

Гарантія цѣлости и неприкосновенности должна заключать и гарантію дѣйствительной независимости. Надо признать, что независимость Китая также нарушена иноземцами, какъ и территоріальная неприкосновенность, и второю важною причиною замышляемаго милитаризма является естественное желаніе китайцевъ оградить свою независимость. Въ этомъ отношеніи существуютъ два ряда фактовъ, задѣвающихъ и достоинство, и существенные интересы китайцевъ.

Роль миссіонеровъ и христіанъ—это первое, на что раздаются справедливыя жалобы со стороны китайцевъ. Уже давно ни для кого не тайна, что на Востокѣ христіанскія миссіи являются скорѣе органами политическаго вліянія, чѣмъ учрежденіями религіозными. Около 800 тысячъ китайцевъ-христіанъ—это цѣлая армія агентовъ разныхъ державъ. Эта армія находится вдобавокъ подъ особымъ покровительствомъ державъ, и малѣйшее посягательство на личность и достояніе христіанина вызываетъ цѣлый дипломатическій походъ, много непріятностей и необходимость вознагражденія потерпѣвшаго. Къ тому же эти привилегіи христіанъ заставляютъ принимать христіанство и такихъ лицъ, которыя это дѣлаютъ для того, чтобы избѣжать счетовъ съ правосудіемъ. Все это вмѣстѣ взятое, и роль христіанъ, какъ агентовъ нелюбимыхъ иноземцевъ, и ихъ безнаказанность, и ихъ привилегированное положеніе, создало по отношенію къ нимъ общую непріязнь. И надо признать, что все это является дѣйствительнымъ нарушеніемъ независимости, а слѣдовательно, и причиною, толкающею на путь милитаризма. Остановить эту эволюцію—въ интересахъ всѣхъ державъ, и если державы искренно отказываются отъ перспективы раздѣла Китая, то и охранять внутри его цѣлыя арміи агентовъ не представляется болѣе надобности.

Торговые трактаты Китая съ державами тоже возбуждаютъ справедливыя нареканія. Какъ безсрочные, они уже являются несовмѣстимыми съ дѣйствительной независимостью. Они заключаютъ постановленія, явно нарушающія независимость: обязательство имѣть англичанина во главѣ таможеннаго вѣдомства, разрѣшеніе иностраннаго судоходства по всѣмъ внутреннимъ водянымъ сообщеніямъ,

обязательство отмѣнить и не устанавливать внутреннія пошлины и т. д. Японія была опутана такимъ же рядомъ безсрочныхъ обязательствъ, но въ послѣднее десятилѣтіе державы, одна за другой, вошли съ Японіей въ соглашеніе о замѣнѣ этихъ соглашеній новыми, основанными на общепринятыхъ началахъ международнаго права и согласованныхъ съ принципомъ независимости. Чтобы этого достигнуть, Японія усвоила себѣ европейскій милитаризмъ. Чтобы удержать Китай отъ такого же усвоенія милитаризма, надо теперь же возвратить ему дѣйствительную независимость и даровать общую гарантію и этой независимости, и территоріальной неприкосновенности.

Несомнѣнно, это общій интересъ державъ, но больше всего это нашъ интересъ. Имѣть своимъ сосѣдомъ на десятокъ тысячъ верстъ милитаризованный Китай—это такъ серьезно, что отнынѣ кардинальною задачею нашей дипломатіи должно бы было быть разрѣшеніе именно этого вопроса. Кромѣ указанныхъ выше фактовъ, относящихся ко всѣмъ европейскимъ націямъ, у насъ оккупація Манчжуріи и всяческіе слѣды оной являются почвою для раздоровъ и вражды. Въ этомъ отношеніи удержаніе манчжурской желѣзной дороги и охранной стражи (около 25 тысячъ войска, цѣлый корпусъ по мирнымъ штатамъ) можетъ питать раздоръ. Поэтому, продажа манчжурской желѣзной дороги и сооруженіе амурской для связи уссурійской дороги съ забайкальскою тоже желательны.

Кромѣ этого пути обезпеченія Китаю независимости и территоріальной цѣлости, континентальная Европа въ цѣломъ и въ единеніи могла бы одобрить противоположный путь политическаго подчиненія Китая въ той или иной формѣ, но теперь обнаружилось, что это возможно лишь путемъ борьбы съ Англо-Японіей, а это и разворительно, и при существующихъ политическихъ условіяхъ невозможно. Такимъ образомъ, самый справедливый путь является и самымъ выгоднымъ.

Китайскій вопросъ, это—общій вопросъ огромной важности, и его надо рѣшить по общему совѣту націй, а не по одностороннему соглашенію между Англіей и Россіей. Вопросы же о земляхъ западнѣе Китая и сѣверо-западнѣе Индіи могли бы въ самомъ дѣлѣ выясниться при доброжелательныхъ переговорахъ. Кажется, здѣсь только Персія можетъ возбудить нѣкоторыя несогласія. Попытки графа Витте протянуть руку въ Южную Персію, столь ревниво охраняемую англичанами, надо, повидимому, оставить; въ остальномъ, надо думать, можно поладить.

Подъ вліяніемъ аггрессивной политики графа Витте была сооружена манчжурская дорога по чужой территоріи, потомъ захвачена Квантунская область, построена вѣтвь дороги, воздвигнутъ портъ Дальній. За его замыслы мы дорого заплатили. По счастью, его же замыслы въ южной Персіи не принесли столь

же горькихъ плодовъ. Надѣемся, и не принесутъ, и не доставятъ этому поистинѣ роковому для Россіи человѣку снова прославиться „дипломатическою побѣдою“! Она заключается, эта „побѣда“, въ разрушеніи зданія, имъ же задуманнаго въ недобрый для Россіи часъ, и въ жестокой расплатѣ за довѣріе къ его проектамъ... Мишура помпезной поѣздки графа Витте по Европѣ и Америкѣ не скроетъ отъ исторіи истинной роли этого „героя дня“. Да сохранятъ насъ небеса отъ такихъ „дипломатическихъ побѣдителей“!

Въ русской исторіи послѣднихъ двухъ десятилѣтій графу Витте принадлежитъ серьезная и отвѣтственная, нерѣдко руководящая роль. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣятелей, которые привели Россію къ настоящему бѣдственному положенію, внѣшнему и внутреннему, къ тягостному портсмутскому миру въ томъ числѣ. Непосредственый виновникъ пагубной аггрессивной политики на Дальнемъ Востокѣ, одинъ изъ главныхъ авторовъ современнаго состоянія Россіи, ея слабости извнѣ, ея раздоровъ и раззоренія внутри, ея униженія среди другихъ націй, новопожалованный нынѣ графъ, а тогда еще „Эсъювитте“ (какъ рептиліи прессы его постоянно величали, всегда „С. Ю.“ Витте) подписалъ 23 августа 1905 года въ Портсмутѣ трактатъ, самый унизительный изъ когда-либо подписанныхъ представителями Россіи (татарское иго учредилось безъ какого-либо трактата), и вдругъ самъ счелъ себя побѣдителемъ! Передаютъ, что онъ крикнулъ „ура!“, радостно жадъ руки, устроилъ съ товарищами пиршество... И это вовсе не безуміе, а просто то удивительное самочувствіе сановной непогрѣшимости, которымъ проникнуты выдающіеся бюрократы послѣдняго четверть столѣтія. Самочувствіе графа Витте только болѣе яркое проявленіе того фазиса эволюціи, послѣ которой наступаетъ альтернатива: или замѣна этихъ непогрѣшимыхъ людьми отвѣтственными, или упадокъ.

III.

Война окончилась. Ея отголосками, однако, полна дѣйствительность. Ея бѣдственными перипетіями еще переполнена періодическая печать. Эти бѣдствія все ярче рисуютъ безъисходность положенія, если не обновится весь строй нашей управляющей машины. Изъ этихъ печальныхъ отголосковъ войны не могу не остановиться на довольно подробномъ описаніи цусимскаго боя, сдѣланномъ въ литературномъ прибавленіи „Руси“ (13 сентября) участникомъ сраженія, повидимому, офицеромъ съ крейсера „Олегъ“. Собственно хода битвы я вслѣдъ за нимъ здѣсь касаться не буду. Не послѣдую за авторомъ и въ обсужденіи всѣхъ причинъ безпримѣрнаго пораженія 14 мая. Остановлюсь

только на тѣхъ причинахъ, которыя могли бы быть предвидѣны и предупреждены здѣсь въ Россіи до отправленія эскадры.

Описывая бой около трехъ часовъ дня, въ моментъ выхода броненосца „Ослябя“ изъ строя, авторъ говоритъ: „Японскіе снаряды, не въ примѣръ нашимъ, рвутся не только отъ ударовъ о твердые предметы, но и о воду, при чемъ выпускаютъ черный дымъ, даютъ массу осколковъ и подымаютъ громадный столбъ воды. Это, собственно говоря, не снаряды въ полномъ смыслѣ, а прямо особаго сорта мины, которыя поэтому, какъ и мины, производятъ одинаковый эффектъ, что на дальнемъ, что на близкомъ разстояніяхъ. Для такихъ снарядовъ не требуется масса и скорость вылета, а только средство ихъ выкинуть, чтобы потомъ уже работала не живая сила удара, какъ у насъ, а только энергія того взрывчатаго вещества, которое въ нихъ помѣщено.

Это новое изобрѣтеніе даетъ японцамъ громадныя преимущества передъ старыми снарядами, потому что, во-первыхъ, позволяетъ имъ видѣть, куда падаетъ снарядъ, а слѣдовательно, корректировать стрѣльбу; во-вторыхъ, позволяетъ имъ стрѣлять на очень большія разстоянія, да еще вредить имъ не только отъ непосредственнаго попаданія, но даже при паденіяхъ въ воду, близъ судна массою брызгъ, залѣпляющихъ глаза людей, а если поближе, то разрывами борта ниже воды и массой осколковъ, проникающихъ повсюду и пронизывающихъ людей. Очень обидно и горько (оканчиваетъ авторъ эти замѣчанія), что у насъ не могли додуматься до такой простой идеи“. Однако, эта простая идея принадлежитъ генералу Кондратенку, который стрѣлялъ изъ позиціонныхъ орудій минами Уайтхеда и производилъ огромныя опустошенія среди непріятеля. Японцы переняли, а свои даже не знали.

Японцы брали верхъ не однимъ этимъ. Авторъ даетъ двадцать одну причину японской побѣды. Изъ нихъ пункты 18, 19 и 21 указываютъ на тактическія ошибки. Остальные пункты приводимъ:

„1) У японцевъ были подводныя лодки, которыя дѣйствовали во время сраженія; у насъ же ихъ не было, хотя мы могли бы притащить ихъ съ собой, какъ притащили миноносцы.

2) У японцевъ было множество миноносцевъ, которые атаковывали наши суда ночью; у насъ же ихъ было всего 9 штукъ и то ими нельзя было воспользоваться, потому что мы были уже разстроены. Кромѣ того, у японцевъ были заведены мины, которыя можно спускать съ разстояній, не достигаемыхъ лучами прожекторовъ, т. е. съ кабельтовыхъ двадцати. У насъ же таковыхъ не было.

3) У японцевъ было порядочное преимущество въ количествѣ небронированныхъ судовъ, вооруженныхъ тяжелыми пушками; у

насъ же ихъ было значительно меньше и при томъ со слабыми вооруженіями.

4) У японцевъ боевая эскадра состояла изъ двухъ группъ однородныхъ, современныхъ судовъ; у насъ же она была разношерстная со старой и новой артиллеріей, со старой и новой бронею и разною скоростью и очень разною поворотливостью.

5) У японцевъ было, по крайней мѣрѣ, на 7 узловъ преимущества въ скорости хода, что давало имъ возможность занимать выгодныя положенія по линіи створа нашихъ судовъ, а намъ изъза этого постоянно уклоняться, вздваиваться, быть подъ вѣтромъ и подъ солнцемъ, которое всетаки иногда проглядывало черезъ бывшую тогда мглу. Мы, послѣ сдѣланнаго громаднаго перехода, имѣли много дефектовъ въ нашихъ механизмахъ; кромѣ того, вообще у насъ постоянно лопались разныя трубы, почему командующій эскадрой не могъ рѣшиться на ходъ болѣе 9 узловъ.

6) Японцы, не смотря на большую скорость, отлично соблюдали разстоянія, потому что у нихъ въ машинахъ поставлены соотвѣтствующіе приборы Ришара или Валесси; у насъ же ихъ не было, почему наши суда то очень растягивались, то набѣгали другъ на друга.

7) Японцы, будучи у себя дома, сбросили все лишнее съ своихъ судовъ, мы же, не заведя во-время базы на югѣ Кореи, принуждены были тащить на себѣ массу лишнихъ предметовъ и всякихъ запасовъ, почему сидѣли въ водѣ гораздо глубже нормальной линіи, а главное, это все давало лишнюю пищу для пожаровъ.

8) Насъ страшно стѣсняли транспорты; японцы же, конечно, ихъ не имѣли.

9) Японцы, не разсчитывая дѣйствовать флотомъ слишкомъ далеко отъ своихъ береговъ, всетаки заказали суда съ очень крупнымъ водоизмѣщеніемъ. Мы же, будучи совсѣмъ въ обратныхъ условіяхъ, объ этомъ не догадались и принуждены были всѣ жилыя помѣщенія обращать въ угольныя ямы, что несомнѣнно ухудшало боевыя свойства нашихъ судовъ.

10) Чтобы не разрабатывать машинъ и не тратить угля, мы совсѣмъ не упражнялись на большихъ ходахъ, а получили соперника, который, повидимому, въ этомъ нисколько не стѣснялся.

11) Нашъ уголь, будучи дурного качества, давалъ очень много дыму и мало хода, что облегчало стрѣльбу японцевъ. Ихъ же уголь былъ совершенно бездымный, и они ходили очень быстро.

12) До японскихъ судовъ было очень трудно брать разстояніе, потому что они были выкрашены въ какой-то особенный цвѣтъ, сливающій ихъ съ водой и воздухомъ; мы же, наоборотъ, выглядѣли очень рельефно съ нашими черными корпусами и желтыми трубами.

13) Наша центральная система управленія огнемъ съ передачей разстояній отъ одного-двухъ дальномѣровъ по циферблатамъ совершенно несостоятельна. Слѣдовало имѣть дальномѣры у каждой пушки.

14) У японцевъ приняты башни системы Викорса, почему онѣ втрое скорѣе заряжали орудія, чѣмъ мы.

15) Не имѣя достаточно снарядовъ, мы совсѣмъ мало упражнялись къ стрѣльбѣ, а на полномъ ходу никогда.

16) Оптическіе прицѣлы, только что нами поставленные, ожидаемой пользы не принесли, потому что насъ ставили въ тѣ условія, при которыхъ мы не привыкли съ ними обращаться.

17) Наши устарѣлые снаряды для тѣхъ большихъ разстояній, на которыхъ дерутся японцы (6—11 верстъ), оказались на столько же мало дѣйствительными, какъ если бы мы стрѣляли ими съ завязанными глазами. Не видя, куда снаряды ложатся, нельзя корректировать наводку пушекъ, нельзя надѣяться на мѣткія попаданія. Если бы еще у насъ было преимущество въ ходѣ, чтобы держать врага на близкомъ разстояніи, то дѣло было бы другое, а то у насъ этого тоже не хватало. Непонятно, какъ участники предшествовавшихъ боевъ съ японцами не выяснили эту гигантскую разницу между нами и ими? Вѣдь намъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало идти на нихъ, пока мы не завели тѣхъ же снарядовъ, что у японцевъ. Если эти снаряды не пробиваютъ брони и не топятъ суда, за то они своими безчисленными осколками разносятъ всѣ верхи, забираются во всѣ отверстія, выбиваютъ людей, а это все равно, послѣ того остается только завершить дѣло пораженія одними минами.

20) Команда на эскадру была назначена безъ всякаго разбора, при томъ слишкомъ много было дано запасныхъ, а этого не слѣдовало дѣлать. Ихъ надо было оставить въ Кронштадтѣ, Либавѣ и Севастополѣ".

Всѣ эти девятнадцать причинъ безъ исключенія могли быть предусмотрѣны и предупреждены. Въ совокупности онѣ дѣлали пораженіе неизбѣжнымъ. Хочу сдѣлать оговорку только о первой причинѣ. Японцы утверждаютъ, что 14 и 15 мая они подводныхъ лодокъ не употребляли. Я не вижу причинъ не довѣрять этому заявленію. То обстоятельство, что цѣлью являлись не стоящія, а движущіяся суда; присутствіе своихъ судовъ по близости; значительная зыбь; наконецъ, неопытность съ судами, едва-лишь полученными, все это склоняетъ довѣрять заявленію японцевъ. Да и скрывать имъ не было никакой причины.

Авторъ цитированнаго описанія Цусимскаго сраженія основываетъ свое утвержденіе на двухъ фактахъ. Съ „Олега" дважды были замѣчены днемъ самодвижущіяся мины въ такое время, когда непріятельскія суда находились только на невозможномъ разстояніи для метанія минъ. Значитъ, заключаетъ авторъ, ихъ

выбросили подводныя лодки. Не говоря о томъ, во-первыхъ, что въ бою съ сорока большими судами и ста двадцатью минными, нельзя ручаться, что было точно извѣстно разстояніе всѣхъ ихъ, и, во-вторыхъ, не заподозрѣвая русскаго происхожденія этихъ двухъ минъ, укажу только на вышеприведенное свидѣтельство автора: на стрѣльбу японцевъ минами Уайтхеда изъ орудій. Авторъ не разъ такъ же упоминаетъ о значительной зыби 14 мая. Значитъ, мина могла прикоснуться къ водѣ всевозможными способами, въ томъ числѣ и такимъ, при которомъ взрывъ не долженъ послѣдовать. Затѣмъ уже самодвижущаяся мина и будетъ совершать свое автоматическое движеніе до взрыва или истощенія движущей силы. Ясно, что на фактѣ наблюденія двухъ самодвижущихся минъ въ районѣ движенія русской эскадры мнѣ нельзя основывать заключеніе объ употребленіи японцами подводныхъ лодокъ.

Другой фактъ, на который опирается авторъ статьи въ вопросѣ объ участіи въ бою подводныхъ лодокъ, заключается въ необъяснимо внезапной быстрой гибели „Ослябя" и „Бородино", особенно перваго. Однако, подробное донесеніе спасшихся офицеровъ „Ослябя" не оставляетъ сомнѣнія, что корабль этотъ погибъ не отъ мины.

Мнѣ кажется поэтому, что обвиненіе въ неснабженіи эскадры вице-адмирала Рожественскаго подводными лодками можно и не предъявлять морскому вѣдомству. За нимъ остается столько другихъ. На бумагѣ мы имѣли флотъ въ четыре раза болѣе сильнѣе, чѣмъ японцы, а на дѣлѣ? Цусима обнаружила... Въ цѣлой системѣ вѣдомствъ могутъ существовать извѣстныя различія, извѣстныя степени совершенства и несовершенства, но не можетъ быть кореннаго различія. Вотъ почему съ такою тревогою слѣдитъ вся русская нація за тягостнымъ процессомъ реформы этой злосчастной системы вѣдомствъ, и вотъ почему съ еще большею тревогою приходится слѣдить за уже обнаружившимся отклоненіемъ земско-муниципальной Россіи отъ Россіи народной.

III.

Мы оставили венгерскій кризисъ въ тотъ моментъ, когда по иниціативѣ министра внутреннихъ дѣлъ Кристоффи кабинетъ барона Фейервари рѣшилъ выступить съ демократическою программою всеобщаго избирательнаго права, этимъ маневромъ привлечь къ себѣ народныя массы и при ихъ помощи нанести пораженіе національной оппозиціи. Этотъ смѣлый планъ уже привлекъ сочувствіе будапештской рабочей демократіи, но не былъ принятъ короною, вслѣдствіе давленія со стороны австрійскихъ сферъ. Опасались, что введеніе всеобщей подачи голосовъ въ

Венгріи возбудитъ аналогичное движеніе и въ Австріи. Повидимому, однако, въ Вѣнѣ не столько опасались, сколько гнѣвались. Ни придворныя, ни бюрократическія сферы габсбургской столицы, не смотря на сорокъ лѣтъ конституціонной жизни, не могли примириться съ мыслью, что надо считаться съ народными стремленіями.

Отвергнувъ программу Фейервари и Кристоффи, императоръ попытался просто припугнуть оппозицію. Онъ вызвалъ къ себѣ вожаковъ оппозиціи. Они прибыли въ Вѣну, и 10 (23) сентября имъ дана аудіенція.

Францъ-Іосифъ принялъ Андраши, Апоньи, барона Банфи, Кошута и Зичи, при чемъ предлагалъ имъ, какъ представителямъ парламентскаго большинства, выступить съ предложеніями на основѣ пріемлемой правительственной программы, при составленіи которой были бы приняты во вниманіе условія, выставленныя верховной властью. Условія эти слѣдующія:

„Устраненіе военныхъ вопросовъ, разъ они касаются командованія и служебнаго языка, вопросовъ, въ которыхъ уступки совершенно невозможны; общность арміи и представительствъ за границею остается въ неприкосновенности, пересмотръ соглашенія 1867 года, насколько дѣло касается экономическихъ или прочихъ вопросовъ, интересующихъ Австрію, будетъ произведенъ не односторонне между верховной властью и венгерскимъ народомъ, а спеціально назначенными, по соглашенію между обоими государствами, одобренному верховной властью, коммиссіями и къ тому же при содѣйствіи правительствъ обѣихъ странъ; затѣмъ должны быть проведены предварительная роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ, обычные рекрутскіе наборы, торговые договоры и избранныя делегаціи, а также депутаціи для рѣшенія вопроса о долевомъ участіи каждой страны въ общеимперскихъ расходахъ; затѣмъ должны быть покрыты расходы по тѣмъ военнымъ требованіямъ, для осуществленія которыхъ послѣднія делегаціи ассигновали извѣстныя суммы на 1904 и 1905 гг., и вотированъ предстоящій военный законопроектъ, въ основаніе котораго будетъ положенъ двухлѣтній срокъ пребыванія на военной службѣ. Верховная власть сохраняетъ за собою въ отеческой, но въ то же время и въ рѣшительной формѣ отвѣтственность, которая и дастъ себя почувствовать въ томъ случаѣ, если коалиція упорное отстаиваніе нынѣшней точки зрѣнія и стремленія къ недостижимому предпочтетъ стремленію къ разумному оздоровленію нынѣшнихъ условій, что повлечетъ за собою только увеличеніе несказаннаго горя и бѣдъ, тяготѣющихъ надъ венгерскимъ народомъ“.

Передавъ эти условія вожакамъ, императоръ заявилъ, что для переговоровъ съ ними назначаетъ графа Голуховскаго, и немедленно удалился, не выслушавъ прибывшихъ парламентскихъ

вождей. Пріемъ продолжался всего три минуты. Эта „немилость“ не смутила мадъяровъ. Собравшись немедленно на совѣщаніе, четыре упомянутыхъ дѣятеля и прибывшіе съ ними ихъ единомышленники черезъ полторы минуты вынесли единогласную резолюцію, что съ графомъ Голуховскимъ, какъ не венгерцемъ, они не могутъ совѣщаться о венгерскихъ дѣлахъ. Тогда Францъ-Іосифъ назначилъ, вмѣсто графа Голуховскаго, венгерца графа Чираки, которому и было немедленно заявлено, что условія короны безусловно непріемлемы. Шумныя оваціи встрѣтили мадъярскихъ дѣятелей при ихъ возвращеніи въ Будапештъ. Затѣмъ комитетъ парламентскаго большинства, выслушавъ отчетъ возвратившихся изъ Вѣны, принялъ единогласно резолюцію, въ которой одобряетъ образъ дѣйствій государственныхъ дѣятелей, призванныхъ императоромъ Францемъ Іосифомъ, выражаетъ серьезное сожалѣніе по поводу того, что императоръ не выслушалъ названныхъ дѣятелей, и осуждаетъ лицъ, которыя посовѣтовали это ему.

Затѣмъ рѣшено созвать на 21 сентября собраніе всѣхъ коалиціонныхъ партій, чтобы выработать однородный образъ дѣйствій для всѣхъ желающихъ и оградить неприкосновенность венгерской конституціи.

Затѣмъ 15 (28) сентября Францъ-Іосифъ принялъ барона Фейервари. Аудіенція, данная предсѣдателю палаты магнатовъ въ Будапештѣ графу Альфонсу Чаки, послѣднее извѣстіе, находящееся передъ моими глазами.

Тревожнѣе всего то обстоятельство, что въ Вѣнѣ и придворныя, и правительственныя, и парламентскія сферы одобряютъ положеніе, занятое короною по отношенію къ Венгріи.

IV.

Соглашеніе между Норвегіей и Швеціей, наконецъ, состоялось. Весь культурный міръ узналъ объ этомъ съ удовлетвореніемъ, потому что оба скандинавскихъ народа пользуются среди націй искренней симпатіей и уваженіемъ. Соглашеніе состоялось въ слѣдующемъ:

Оба государства передаютъ свои спорныя дѣла на рѣшеніе третейскаго суда; оба государства обязуются представлять гаагскому третейскому суду тѣ свои спорныя дѣла, которыя не затрагиваютъ независимости, цѣлости и жизненныхъ интересовъ обоихъ государствъ. Въ случаѣ разногласія въ вопросѣ о томъ, затрагиваетъ ли возбужденное дѣло жизненные интересы одного изъ государствъ, рѣшеніе спора подлежитъ гаагскому третейскому суду, за исключеніемъ, однако, дѣлъ, связанныхъ съ соглашеніемъ о прекращеніи уніи.

Соглашеніе остается въ силѣ въ теченіе десяти лѣтъ съ момента его подписанія и должно быть продлено на такой же срокъ, если ни та, ни другая стороны, по крайней мѣрѣ, за два года до истеченія десятилѣтняго срока, не заявитъ о своемъ нежеланіи придерживаться договора.

По поводу учрежденія нейтральной зоны и срытія укрѣпленій обѣ стороны согласились на южной границѣ между Швеціей и Норвегіей установить нейтральную зону шириною въ 15 километровъ, при чемъ въ нее включаются также острова и шхеры, но не части моря и бухты, которыя окажутся внутри самой зоны Укрѣпленія, военныя гавани, а также запасы провіанта для сухопутной арміи или для флота должны быть удалены, новыя крѣпости не должны возводиться. Эти постановленія, однако, отмѣняются на тотъ случай, если оба государства принуждены будутъ совмѣстно дѣйствовать противъ общаго врага, а также когда одно изъ государствъ будетъ вовлечено въ войну съ третьей державой.

Дальнѣйшіе пункты соглашенія касаются права лапландцевъ пасти свои стада на территоріяхъ обоихъ государствъ, транзита товаровъ и судоходства по водянымъ путямъ сообщенія, связывающимъ обѣ страны.

Прекращеніе уніи, по соглашенію делегатовъ, состоится въ слѣдующемъ порядкѣ: риксдагу шведскому и стортингу норвежскому будетъ предложено принять приведенный текстъ соглашенія съ тѣмъ, чтобы это соглашеніе вступило въ силу послѣ того, какъ Швеція признаетъ Норвегію отдѣлившейся отъ уніи. Если текстъ будетъ принятъ и парламентами обоихъ государствъ при условіи, что соглашеніе будетъ надлежащимъ образомъ подписано, шведскій риксдагъ позаботится объ отмѣнѣ соглашенія объ уніи и о признаніи самостоятельности Норвегіи.

Въ стортингъ уже внесенъ соотвѣтствующій законопроектъ, а въ Стокгольмѣ будетъ созванъ для той же цѣли риксдагъ.

Улаживается, повидимому, и конфликтъ изъ-за Марокко. Продолжительные переговоры между Рувье, кн. Радолинымъ и Розеномъ (ѣдущихъ въ Фецъ смѣнить тамъ гр. Таттенбаха) увѣнчались соглашеніемъ, которое достигнуто по вопросамъ:

1) о программѣ конференціи, 2) объ организаціи полиціи, 3) о наблюденіи за вооруженной контрабандой и ея уничтоженіи, 4) объ учрежденіи государственнаго банка, 5) объ изысканіи новыхъ доходовъ и способовъ наиуспѣшнѣйшаго взысканія налоговъ, 6) объ установленіи основаній сохраненія экономической свободы страны и разрѣшенія пограничныхъ вопросовъ и 7) о томъ, что примѣненіе правилъ о вооруженной контрабандѣ касается исключительно Франціи и Марроко и не подлежатъ разсмотрѣнію на конференціи. Франція и Германія запросятъ Испанію, не имѣетъ ли она возраженій противъ выбора Альджези-

раса мѣстомъ созыва конференціи. Франко-германскій банковскій консорціумъ возьметъ на себя реализацію краткосрочнаго займа, который будетъ погашенъ будущимъ государственнымъ банкомъ. Конференція рѣшитъ вопросъ, кому будетъ предоставлена постройка мола въ Танжерѣ — французской ли компаніи, или же дому Бержо и Рейтеманнъ, за который просила германская миссія.

Самъ Марокко, однако, представляетъ еще очагъ разныхъ тревожныхъ неожиданностей, которыя устранить удастся не скоро.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

XXVII. Отрывки изъ лѣтописи...—XXVIII.—XXIX. Сомнительная автономія.

XXVII.

10 августа состоялось частное совѣщаніе петербургскихъ городскихъ гласныхъ по вопросу о томъ, какъ надлежитъ городскому общественному управленію отозваться на учрежденіе Государственной Думы. Въ этомъ совѣщаніи нѣкоторыми гласными были высказаны крайне характерныя мнѣнія. Такъ, гл. Оппенгеймъ, возражая г. Фальборку, находилъ, что

главное достоинство положенія именно въ томъ и заключается, что отъ представительства устраненъ рабочій классъ, а также малоимущіе или населеніе со среднимъ достаткомъ. Необходимо поэтому, по мнѣнію г. Оппенгейма, довести до свѣдѣнія Государя Императора чувства особой радости, овладѣвшей петербургскимъ общественнымъ управленіемъ при ознакомленіи съ положеніемъ, а также ознаменовать опубликованіе манифеста какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ, напримѣръ, устройствомъ дешовыхъ квартиръ *).

Точка зрѣнія—можно сказать—вполнѣ опредѣленная и мысль до конца выдержанная: богатымъ—Таврическій, Гатчинскій или спеціально выстроенный для Думы дворецъ, а малоимущимъ людямъ—дешевыя квартиры. Каждому—по потребностямъ. Единственный упрекъ, какой можно сдѣлать г. Оппенгейму, это то, что онъ забылъ о крестьянахъ, которые тоже къ паркету не привычны. Не будемъ, однако, не въ мѣру придирчивы. Во всякомъ случаѣ и о крестьянахъ, если не г. Оппенгеймъ, то другіе подумали.

— А гдѣ же они будутъ жить? Мнѣ кажется,—заявилъ кн. Мещерскій,—что это вопросъ весьма важный и... слѣдовало бы подумать о томъ, чтобы

---

*) „Сынъ Отечества", 11 августа.

для крестьянскихъ выборныхъ въ Государственную Думу устроить удобное и дешевое общежитіе *)...

Оставалось только придумать подходящую обстановку, въ которой «гигіеническія скамейки» той или иной системы заняли бы, конечно, видное мѣсто. Со свойственнымъ ему знаніемъ этого дѣла кн. Мещерскій, вѣроятно, обдумалъ бы всѣ детали, но его проектъ, къ сожалѣнію, остался не законченнымъ. Кулакъ, розга, нагайка и другія подобныя орудія управленія въ послѣднее время, какъ извѣстно, экспропріированы изъ вѣдѣнія сіятельнаго публициста. Ими завладѣли Грингмутъ, Казецкій, Бергъ, Шараповъ... А это—люди азартные, и даже кн. Мещерскому за ними не угнаться. Взять хотя бы г. Шарапова.

Говорятъ,—писалъ онъ,—что для россійскаго парламента уже предназначается Таврическій дворецъ. Было бы полезно теперь же принять мѣры къ удобному размѣщенію въ немъ надлежащаго количества войска, особенно казаковъ съ ихъ всеобщей, равной, прямой и при томъ не тайной, а весьма явной... подачей спасительнаго патріотическаго голоса. Эти голоса, если Россіи суждено жить, будутъ, вѣроятно, „подаваться“ вслѣдъ за первыми же голосованіями первой россійской палаты депутатовъ **)...

Передъ такою «безпредѣльною наглостью»—недаромъ ее кн. Мещерскій считаетъ однимъ изъ основныхъ свойствъ Шараповской души — задуманное имъ самимъ «общежитіе» представляется какимъ-то пустячкомъ. Впрочемъ, у г. Грингмута другіе планы и онъ предвидитъ другія перспективы. «Московскія Вѣдомости» полагаютъ, что «въ первый же день открытія Государственной Думы придется ее охранять войсками»,—охранять, конечно, отъ тѣхъ «малоимущихъ» людей, которые, быть можетъ, не удовлетворятся обѣщанными имъ «дешевыми квартирами» ***).

Таковы неизбѣжныя метаморфозы, какія должна была претерпѣть мысль г. Оппенгейма. Одобренный имъ проектъ подраздѣленія россійскихъ гражданъ можетъ быть реализованъ, очевидно, только при содѣйствіи вооруженной силы. Все затрудненіе лишь въ томъ, что гг. Шараповы и Грингмуты пока недоумѣваютъ, въ какую сторону ее придется направить.

Вернемся, однако, въ совѣщаніе петербургскихъ гласныхъ. Тамъ были высказаны и другія интересныя мысли, при чемъ рекордъ на этотъ разъ побилъ, несомнѣнно, профессоръ государственнаго права Дыминъ. Онъ считалъ необходимымъ

---

*) „Гражданинъ“, 11 августа.

**) „Русское Дѣло“. Цитирую по перепечаткѣ въ „Сынѣ Отечества“ отъ 9 августа.

***) „Московскія Вѣдомости“, 9 сентября. Въ числѣ другихъ однородныхъ проектовъ можно указать и проектъ профессора А. И. Введенскаго, который, какъ сообщаютъ газеты, „обратился къ министру народнаго просвѣщенія ген.-лейт. Глазову съ предложеніемъ закрыть на время созыва Государственной Думы всѣ высшія учебныя заведенія“.

привѣтствовать обнародованный актъ потому, что дарованыя реформы не стоили русскому народу ни одной жертвы, не въ примѣръ Западной Европѣ, гдѣ дарованіе представительнаго правленія обходилось народу въ тысячи жизней.

Газеты обнаружили склонность отнестись къ этому мнѣнію, какъ къ курьезу. Въ самомъ дѣлѣ, бываетъ вѣдь, что у человѣка «умъ за разумъ заходитъ». Къ тому же разсѣянность, хотя бы она доходила до полнаго непониманія того, что происходитъ вокругъ, издавна свойственна ученымъ людямъ. Но я думаю, что въ данномъ случаѣ дѣло не въ разсѣянности отдѣльнаго ученаго. Если бы за мыслью г. Дымши мы прослѣдили такъ же, какъ и за мнѣніемъ г. Оппенгейма, то, несомнѣнно, въ тѣхъ или иныхъ видоизмѣненіяхъ нашли бы ее у многихъ и многихъ общественныхъ дѣятелей даннаго общественнаго слоя. Напримѣръ, рижскіе профессора въ своемъ воззваніи къ студентамъ пишутъ:

Всѣмъ намъ пришлось пережить время, событія котораго уже отошли въ область исторіи. Теперь мы собрались для общаго труда при измѣнившихся къ лучшему обстоятельствахъ...

Развѣ это не та же мысль, что и у г. Дымши? Всѣ «событія» для гг. профессоровъ кончились, какъ только они получили возможность выбрать изъ своей среды директора. Съ этого момента началась новая исторія...

Другіе ту же мысль маскируютъ, конечно, замысловатѣе, и вообще превращенія, въ какихъ приходится встрѣчать ее, очень причудливы. Но и за всѣмъ тѣмъ не трудно разсмотрѣть тоже непониманіе и даже нежеланіе понять, что происходитъ въ странѣ. Отсюда и это удивительное самолюбованіе и эта изумительная вѣра въ свои силы, — точнѣе, въ свои ходы. Точно неискусные игроки играютъ въ шахматы: двинутъ ферзь, вродѣ какой-нибудь депутаціи,—и любуются, какъ будто всякій шахъ равносиленъ мату. Или, какъ теперь: засядутъ на конька предвыборной агитаціи,—и мечтаютъ выиграть на немъ партію, какъ будто можно объѣхать «чудище обло, огромно, стозѣвно и лаяй». Гг. шахматисты! оторвитесь на минутку и посмотрите на улицу... *).

XXVIII **).

. . . .

---

*) Продолженіе этой главы не могло появиться по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ. *Ред.*

**) Эта глава не могла появиться по той же причинѣ. *Ред.*

XXIX.

Въ послѣднее время слово «автономія» сдѣлалось очень ходкимъ. Еще недавно въ «Петербургскомъ Листкѣ« появилось, напримѣръ, такое сообщеніе:

Въ вѣдомство учреждаемаго министерства полиціи войдетъ на автономныхъ началахъ отдѣльный корпусъ жандармовъ, который предполагается значительно пополнить *)...

Но эту автономію, хотя она представляетъ безспорный фактъ современной жизни, русская печать обсуждать, конечно, не можетъ. Я имѣю въ виду другую автономію, болѣе сомнительную, а именно академическую, разговорами о которой сейчасъ полны всѣ газеты. Откуда взялось въ данномъ случаѣ слово «автономія» понять довольно трудно.

Именнымъ высочайшимъ указомъ отъ 27 августа совѣтамъ университетовъ и соотвѣтствующимъ коллегіямъ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній предоставлено право избирать ректора и декановъ, представляемыхъ затѣмъ на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ этимъ на «обязанность и отвѣтственность» совѣтовъ возложены «заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни». О какой-либо автономіи въ указѣ не упоминается ни слова. Поводъ къ разговорамъ о ней могло дать появившееся за два дня передъ тѣмъ правительственное сообщеніе о работахъ особой коммиссіи, признавшей необходимымъ «основать преобразованіе высшихъ учебныхъ заведеній на началахъ внутренняго самоуправленія», и особаго совѣщанія, признавшаго необходимымъ «положить въ основу преобразованія предоставленіе коллегіямъ профессоровъ возможной самостоятельности въ дѣлѣ управленія каждымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, въ руководствѣ учебнымъ въ немъ строемъ и въ охраненіи правильнаго и спокойнаго теченія академической жизни». Но это «внутреннее» самоуправленіе (обратившееся въ дальнѣйшихъ инстанціяхъ въ «возможную» самостоятельность «профессорскихъ коллегій») будетъ дано лишь по завершеніи работъ по составленію новаго университетскаго устава. Другими словами: это одна изъ Улитъ, которая еще ѣдетъ и притомъ которая выѣхала много позже другихъ. Пока же профессорскимъ коллегіямъ предоставлены лишь «заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни». Возстановить «правильный ходъ» послѣдней другими средствами правительство оказалось не въ силахъ, и оно рѣшилось прибѣгнуть къ содѣйствію профессорскихъ коллегій. Таковъ несомнѣнно «истинный разумъ» новыхъ временныхъ правилъ, совершенно ясно видный и изъ ихъ текста, и изъ

*) „Петербургскій Листокъ“, 6 сентября.

тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ состоялось и которыми было обусловлено ихъ появленіе.

Сами профессорскія коллегіи обнаружили, однако, склонность къ нѣсколько иному пониманію предоставленныхъ имъ полномочій. Такъ, совѣтъ петербургскаго университета въ своей резолюціи, принятой большинствомъ 28 голосовъ противъ 22, призналъ, что «временныя правила по управленію высшими учебными заведеніями содержатъ въ принципѣ полный отказъ отъ пагубныхъ началъ университетскаго устава 1884 года и что ими предоставляется совѣту широкая власть во всѣхъ университетскихъ дѣлахъ, какъ учебныхъ, такъ и административныхъ». Еще рѣшительнѣе высказался на этотъ счетъ новый ректоръ московскаго университета кн. С. Н. Трубецкой. «Университетъ – сказалъ, между прочимъ, онъ благодаря своихъ коллегъ за избраніе, — одержалъ великую нравственную побѣду. Мы получили разомъ то, чего желали; мы побѣдили силы реакціи... Совѣтъ нынѣ есть хозяинъ университета». Нельзя, конечно, допускать и мысли, что желанія кн. Трубецкого ограничивались возможностью,—которая дѣйствительно осуществилась,—сдѣлаться ректоромъ по выбору. Да и быть «хозяиномъ университета», какую роль онъ отводитъ совѣту, конечно, не значитъ еще послушно слѣдовать въ чемъ бы то то ни было извнѣ даннымъ предписаніямъ. Говоря, что «мы получили разомъ то, чего желали», новый ректоръ московскаго университета разумѣлъ, очевидно, автономію, понимаемую въ достаточно широкомъ смыслѣ этого слова.

Но такая интерпретація временныхъ правилъ... неизбѣжно окажется, какъ я думаю, чреватой всяческими недоразумѣніями и мучительными коллизіями. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же автономію отождествлять съ «обязанностью» нести заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни,—съ обязанностью, уравновѣшенной очень немногими правами, въ числѣ которыхъ начальство надъ инспекціей и судъ надъ студентами представляются едва ли не самыми важными. Понятіе автономіи, конечно, много шире и этихъ правъ, и этой обязанности. Напомню хотя бы нѣкоторые вопросы, съ которыми уже пришлось считаться «автономнымъ» университетамъ.

Автономный (если это слово не заключать въ кавычки) университетъ долженъ, напримѣръ, самъ опредѣлять контингентъ своихъ слушателей. Публика такъ и поняла автономію, въ наличности которой ее увѣрили. Въ совѣты нѣкоторыхъ университетовъ уже поступили петиціи о допущеніи женщинъ къ слушанію въ нихъ лекцій. Кто и какъ разрѣшитъ этотъ вопросъ? Допустимъ, что вопросъ о женщинахъ «столь трудный и сложный», что его—какъ и вопросъ о женской политической равноправности на земскомъ съѣздѣ—можно отложить. Но вотъ другой вопросъ, уже неотложный и съ которымъ опять-таки должны уже считаться совѣты. Я имѣю въ виду вопросъ о евреяхъ, которымъ прежнею университетскою

администраціею было отказано въ пріемѣ въ виду нормы и которые теперь со дня на день ждутъ отъ новыхъ «хозяевъ» рѣшенія своей участи. Неужели и въ автономной академіи норма—хотя бы и «повышенная»—сохранится? Столь же неотложнымъ является вопросъ объ исключенныхъ. Они, конечно, будутъ приняты. Но въ такомъ случаѣ не будетъ ли исключеніе замѣнено на будущее время воспрещеніемъ жительства въ университетскихъ городахъ и много ли въ такомъ случаѣ выиграетъ наука? Впрочемъ, въ данномъ случаѣ я выхожу уже за предѣлы академіи, между тѣмъ какъ много затрудненій предвидится и въ ея стѣнахъ.

Самое главное дѣло, конечно, учебное, а въ немъ первую роль играютъ ученыя силы. Автономная школа, конечно, сама должна выбирать ихъ. Но какъ же быть съ г. Голенкинымъ, повѣсть о которомъ недавно разсказалъ въ «Сынѣ Отечества» проф. Тимирязевъ *)? Вѣдь во временныхъ правилахъ сказано лишь о выборныхъ ректорахъ, деканахъ и секретаряхъ факультетовъ—послѣднихъ, впрочемъ, какъ потомъ оказалось, «по штату» не положено и выбирать ихъ не приказано,—но нѣтъ ни слова о профессурѣ. Стало быть, и впредь случаи назначенія помимо совѣта, «внѣ конкурса» останутся. Допустимъ, впрочемъ, что «бабушка», въ виду серьезности положенія нѣсколько отступитъ, но едва ли отступятъ другіе департаменты, умѣющіе ворожить. Мистеръ Стэдъ (есть такой благодѣтель!) освободилъ — по крайней мѣрѣ, онъ самъ такъ увѣряетъ—П. Н. Милюкова. Но едва ли какой-нибудь совѣтъ—даже съ помощью мистера Стэда—возведетъ его на каѳедру. Впрочемъ, и болѣе сильные люди, чѣмъ мистеръ Стэдъ, могутъ оказаться безсильны. Совѣтъ С.-Петербургскаго политехникума, съ согласія министра финансовъ, въ вѣдѣніи коего онъ находится, пригласилъ въ качествѣ профессора М. М. Ковалевскаго, но послѣдній не былъ допущенъ къ должности петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Совѣтъ оставилъ каѳедру и часы, предназначенные для г. Ковалевскаго, незамѣщенными и намѣренъ жаловаться въ сенатъ въ случаѣ вторичнаго его неутвержденія. Но какъ и, главное, когда разсудитъ сенатъ, — конечно, не извѣстно. Я взялъ имена, не только особенно популярныя, но и наименѣе, быть можетъ, для департаментовъ непріятныя. Между тѣмъ, вѣдь изгоевъ русской высшей школы имѣются десятки... Но дѣло не только въ изгояхъ, а и въ новыхъ силахъ, въ которыхъ такъ нуждается наука. «Русскія Вѣдомости» привѣтствовали свободную науку въ свободномъ университетѣ. Но развѣ можетъ быть свободная наука въ несвободной странѣ?

Высшая школа должна работать не только за страхъ, не только «по штату», но и за совѣсть. Она должна «распространиться», чтобы широко и свободно сѣять высшую науку. Въ нѣкоторыхъ

---

*) „Сынъ Отечества", 15 сентября.

мѣстахъ уже возникъ вопросъ о публичныхъ лекціяхъ и т. д. Допустимъ, что департаменты терпимо отнесутся къ свободной наукѣ, которая будетъ читаться студентамъ, но могутъ ли они остаться спокойными, когда въ университетъ потянется публика?.. Вѣдь трудно себѣ даже представить, чтобы въ его стѣнахъ царило свободное слово, когда вокругъ будетъ прежняя «мерзость запустѣнія». Вѣдь это древніе только церемонились съ «убѣжищами»...

Сказаннаго, я думаю, достаточно для характеристики тѣхъ затрудненій, съ какими должна будетъ считаться «автономная» школа. Указывая ихъ, я вовсе не желаю, однако, сказать, что объ автономіи нечего и думать. Напротивъ, къ ней необходимо стремиться... Нѣкоторые профессора, несомнѣнно, такъ и смотрятъ на дѣло, разсчитывая осуществить автономію «явочнымъ» порядкомъ. Но она не осуществлена еще, и уже поэтому торжествующій тонъ С. Н. Трубецкого мнѣ представляется преждевременнымъ. Конечно, намъ пріятно видѣть почтеннаго дѣятеля въ качествѣ выборнаго ректора московскаго университета, но вѣдь не это намъ нужно. Намъ нужна свободная академія и ея мы не получили. Получимъ ли— это вопросъ, который должно рѣшить ближайшее будущее.

По совѣсти сказать, у меня на этотъ счетъ существуютъ большія опасенія и не только потому, что «рожонъ» можетъ оказаться черезчуръ еще сильнымъ, но и потому, что я не особенно увѣренъ въ тѣхъ силахъ, которыя должны въ данномъ случаѣ «переть» противъ него. Чтобы отстоять науку, нужны вѣрные ей слуги, а не «услужающіе», какъ выразился г. Хирьяковъ въ «Сынѣ Отечества». Весь вопросъ въ данномъ случаѣ заключается вѣдь въ личномъ составѣ профессорскихъ коллегій, но мертвящій режимъ не даромъ такъ долго царилъ въ высшей школѣ. И я не знаю, кого въ ней теперь больше: «слугъ» или «услуживающихъ».

Крайне характернымъ въ данномъ случаѣ представляется тотъ фактъ, что на административныя должности въ цѣломъ рядѣ учебныхъ заведеній выбраны тѣ же самыя лица, которыя были достаточно усердными или, по крайней мѣрѣ, послушными проводниками «пагубныхъ началъ». Такъ, ректоромъ Томскаго университета избранъ профессоръ Курловъ, состоявшій въ этой должности до выборовъ. Въ ректоры Варшавскаго университета избранъ профессоръ Карскій, состоявшій до этого деканомъ. Директоромъ Томскаго технологическаго института избранъ бывшій директоръ Зубашевъ. Директоромъ и секретаремъ Харьковскаго ветеринарнаго института избраны лица, занимавшія тѣ же мѣста и раньше. «Профессоръ Гумилевскій,—прибавляетъ сообщающая объ этомъ газета,— директорствовалъ всего одинъ годъ, но за это время успѣлъ развернуть во всю ширину и глубину свою административную дѣятельность». Возможно, конечно, что, оставшись на прежнихъ мѣстахъ по выбору, всѣ эти лица (а списокъ ихъ можно было бы продолжить) окажутся послушными исполнителями совѣтскихъ предна-

чертаній. Но не значитъ ли это, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ людьми, уже приспособившимися служить любому хозяину, и въ конечномъ счетѣ, конечно, тому, кто окажется сильнѣе. Да и какія же это будутъ предначертанія, если для выполненія ихъ не нашлось никого, кромѣ «услужающихъ»?

Нужно ли, далѣе, говорить, какая автономія установится, напримѣръ, въ горномъ или въ Харьковскомъ технологическомъ институтѣ, гдѣ составъ профессоровъ при В. К. Плеве былъ раскассированъ и замѣненъ новымъ, можетъ быть, и не очень ученымъ, но за то вполнѣ покладливымъ и даже въ смыслѣ выполненія начальственной программы очень активнымъ? Конференція Петербургскаго историко-филологическаго института, чтобы избавиться отъ «временныхъ правилъ», которыхъ требовали студенты, выразила «довѣріе» своему нынѣшнему директору Латышеву, каковое довѣріе, по ея мнѣнію, равносильно избранію. Студентамъ же проф. Соколовъ объяснилъ, что «академической свободой они пользуются въ неограниченномъ размѣрѣ, ибо никто не мѣшаетъ студентамъ *учиться*, сколько имъ угодно». Проф. А. И. Введенскій,—тотъ самый, который предложилъ привѣтствовать открытіе Государственной Думы закрытіемъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга,—къ этому прибавилъ, что «прекращеніе занятій есть нарушеніе дисциплины, а потому—кара необходима». Допустимъ, что филологи, вопреки желаніямъ профессоровъ, добьются «автономіи». Но не сведется ли вся она въ такомъ случаѣ къ карамъ за прекращеніе занятій, къ чему прибѣгнули въ данномъ случаѣ студенты?

Но и тамъ, гдѣ выбраны новыя лица, за самостоятельность и независимость высшей школы далеко не вездѣ можно быть увѣреннымъ. На вновь открытыхъ высшихъ женскихъ техническихъ курсахъ, напримѣръ, директоромъ избранъ проф. Щукинъ, и это избраніе было довольно своеобразно отмѣчено его товарищами по профессіи.

Намъ сообщаютъ,—читаемъ мы въ „Сынѣ Отечества",—что на послѣднемъ засѣданіи постояннаго комитета инженеровъ, между прочимъ, было постановлено выразить сожалѣніе по поводу рѣшенія совѣта женскихъ политехническихъ курсовъ, выбравшаго директоромъ курсовъ Н. Д. Щукина. Профессоръ Щукинъ, какъ извѣстно, заявилъ себя тѣмъ, что немедленно, по возбужденіи дѣла о профессорѣ В. Л. Кирпичевѣ, поторопился прислать „отреченіе" отъ званія члена объединенія инженеровъ. Комитетъ считаетъ, что молодое женское высшее образованіе въ Россіи, въ настоящихъ тяжелыхъ условіяхъ переходнаго времени, требуетъ людей болѣе стойкихъ въ своихъ общественныхъ взглядахъ, а не приспособляющихся къ настроенію минуты и „видамъ" *).

Кто будетъ избранъ директоромъ на Бестужевскихъ курсахъ, еще не извѣстно, такъ какъ «автономія» имъ пока только обѣщана. Но однимъ изъ серьезныхъ кандидатовъ считается А. И. Введенскій, получившій лишь двумя записками меньше проф. Фаусека.

---

*) „Сынъ Отечества", 13 сентября.

Одна возможность получить такого директора, который въ качествѣ вліятельнаго профессора зарекомендовалъ себя самымъ недвусмысленнымъ образомъ, уже взволновала курсистокъ.

Въ петербургскомъ университетѣ, какъ считаютъ, перевѣсъ взяла либеральная партія, и ректоромъ избранъ проф. Боргманъ. Но...

Профессоръ Ждановъ *), думавшій превратить университетъ въ фортъ Шаброль, получилъ 34 голоса! Это половина профессоровъ петербургскаго университета!

Половина профессорской коллегіи оказалась до такой степени не въ состояніи сознательно отнестись къ дѣлу, что чуть было въ самомъ началѣ не бросила той искры, отъ которой могъ сразу же начаться пожаръ **).

Характернѣе всего въ данномъ случаѣ, конечно, то обстоятельство, что часть профессоровъ вотировала и за г. Боргмана, и за г. Жданова. Такимъ образомъ, приходится признать что-нибудь одно изъ двухъ: или разница между ними не такъ ужъ значительна, или же многіе профессора этой разницы не видятъ. Если мы допустимъ послѣднее, то и въ такомъ случаѣ нельзя рѣшить, какъ будетъ хозяйничать совѣтъ—во вкусѣ ли г. Жданова, или во вкусѣ г. Боргмана. Группа, которая будетъ давать перевѣсъ, въ рѣшительную минуту легко можетъ вернуться къ политикѣ перваго, и тогда мы, конечно, увидимъ двери въ залы петербургскаго университета опять забронированными.

Для того, чтобы осуществлять автономію явочнымъ порядкомъ, нужна, конечно, рѣшимость. Но ея, повидимому, у совѣтовъ и выбранныхъ ими лицъ—даже тамъ, гдѣ выбраны сторонники автономіи,—не особенно много. Такъ, напримѣръ, по вопросу о пріемѣ евреевъ ректора петербургскаго и московскаго университетовъ дали уклончивый отвѣтъ, поставивъ рѣшеніе этого вопроса въ зависимость отъ министерства, хотя и обѣщали съ своей стороны возбудить соотвѣтствующее ходатайство. По нѣкоторымъ другимъ вопросамъ «автономныя» школы также обнаружили склонность идти путемъ ходатайствъ, жалобъ и «мотивированныхъ заявленій». Допуская даже, что таковыя будутъ имѣть «полное значеніе», мы все-таки должны сказать, что это не автономія ***).

Между тѣмъ положеніе совѣтовъ очень щекотливое. Они легко могутъ очутиться «между молотомъ жизни и наковальней ея

---

*) Бывшій ректоръ.

**) „Русь", 15 сентября.

***) Эти строки были уже написаны, когда въ газетахъ появилось письмо акад. Маркова съ изложеніемъ причинъ, побудившихъ его выйти изъ состава совѣтской коммиссіи петербургскаго университета. „Дѣло въ томъ,—пишетъ онъ,—что новый г. ректоръ отказался подвергнуть голосованію мое, якобы незаконное, предложеніе: не ходатайствовать о пріемѣ, а прямо принять всѣхъ, имѣющихъ право на поступленіе въ университетъ, согласно уставу 1884 года. Усмотрѣвъ изъ этого дѣйствія г. ректора, что „новый курсъ" мало отличается отъ „стараго", я, конечно, счелъ излишнимъ принимать въ немъ участіе".

устоевъ» *), или, говоря менѣе образно, между студенчествомъ и департаментомъ. Правда, первую часть возложенной на нихъ обязанности—возстановить занятія—они, повидимому, выполнятъ съ успѣхомъ, но самообольщаться этимъ всетаки не слѣдуетъ, ибо трудно даже сказать, кто въ дѣйствительности на этотъ разъ открылъ или откроетъ учебныя заведенія. Совѣты, конечно, сдѣлали все возможное, вплоть до удаленія воздвигнутыхъ г. Ждановымъ укрѣпленій. Много старались и сторонніе радѣтели, которые, конечно, склонны будутъ приписывать себѣ заслугу. Въ числѣ этихъ радѣтелей оказались даже «изгои»: В. А. Гольцевъ, М. М. Ковалевскій, Н. И. Карѣевъ. Особенно поусердствовалъ первый. Онъ обратился съ воззваніемъ «къ студентамъ», въ которомъ, между прочимъ, писалъ:

Дорогіе товарищи!.. Учиться! Какое это благородное и отвѣтственное назначеніе!.. Учиться, учиться! Что можетъ быть въ настоящее время настоятельнѣе? Учиться не подъ палкой, не въ полицейскомъ режимѣ, а подъ руководствомъ людей—ими при всѣхъ горькихъ условіяхъ не оскудѣли русскіе университеты—всею душою преданныхъ свободному изслѣдованію и гражданскому долгу.

Общественныя явленія много сложнѣе біологическихъ. Ни одинъ добросовѣстный студентъ-медикъ не возьмется лѣчить трудного больного. Почему же такъ легко относиться къ врачеванью общественныхъ недуговъ? Повѣрьте, что во мнѣ говоритъ не охладѣвшая кровь, что я по прежнему преклоняюсь передъ великодушіемъ и самоотверженіемъ молодости. Но во имя народа, которому не въ моготу раззоряющее его экономически и духовно невѣжество учитесь, учитесь! Верните съ историческими процентами то, что вы должны. Потерпите нѣкоторыя неудобства... Не сыграйте въ руку реакціи. Нѣкоторые органы „истинно-русскаго" хамства уже учитываютъ въ свою пользу безпорядки въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, уже видятъ съ лакейскимъ злорадствомъ крушеніе профессорской автономіи. Помните, что общественному мнѣнію дорога эта автономія **)...

Повидимому, г. Гольцевъ полагаетъ, что, если безпорядки происходили въ прошломъ (не даромъ же онъ посылаетъ упрекъ за легкое отношеніе къ общественнымъ недугамъ), и тѣмъ паче, если они произойдутъ въ будущемъ, то не иначе, какъ потому, что студенты не желаютъ или не понимаютъ, что нужно учиться. Усвоивъ эту точку зрѣнія,—на которой, къ слову сказать, съ самаго начала стояли всѣ «истинно-русскіе» органы,—г. Гольцевъ такъ хорошо доказалъ необходимость учиться, что даже Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ одобрилъ: «Хотя и изгой, а по нашему пишетъ».

Этотъ человѣкъ говоритъ нынѣ то, взываетъ къ тому, къ чему взывали мы съ самаго начала студенческихъ забастовокъ... Путающіеся въ политику юноши могутъ служить только помѣхой для всякой дѣятельности. Это всегда говорили мы. Это говорятъ нынѣ кн. С. Н. Трубецкой и В. А. Гольцевъ.

---

*) „Сынъ Отечества", 4 сентября.
**) „Русскія Вѣдомости", 4 сентября.

Но въ сердцахъ молодежи воззваніе В. А. Гольцева, если судить по отвѣтнымъ изъ этой среды репликамъ, отклика совсѣмъ не встрѣтило. Да и трудно было бы на это разсчитывать. Большее непониманіе душевной драмы, которую изъ поколѣнія въ поколѣніе переживаетъ наша молодежь, трудно себѣ и представить...

Г. Гольцевъ угощаетъ только «маленькими неудобствами». Однако совѣты не гарантируютъ возможности—а въ ней вѣдь вся суть—учиться. Такъ, въ цитированной уже резолюціи совѣта петербургскаго университета мы, между прочимъ, читаемъ:

Какъ совѣты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, такъ и само правительство признаютъ зависимость студенческихъ волненій отъ общихъ политическихъ условій русской жизни. Пока жизнь русскаго общества не будетъ умиротворена осуществленіемъ и органическимъ развитіемъ возвѣщенныхъ общихъ реформъ, полное успокоеніе академической жизни не можетъ быть достигнуто ни властью, ни нравственнымъ вліяніемъ совѣта. Въ частности и въ интересахъ академической жизни по глубокому убѣжденію совѣта особенно настоятельнымъ слѣдуетъ признать обезпеченіе свободы печатнаго и устнаго слова, свободы собраній и союзовъ и неприкосновенности личности Только при такихъ условіяхъ, устраняющихъ возможность административнаго произвола и обезпечивающихъ всѣмъ и каждому право открыто выражать какъ единолично, и такъ коллективно свои убѣжденія, взволнованное настроеніе студенчества найдетъ нормальные выходы, и тѣмъ самымъ будетъ устранена коренная причина тѣхъ печальныхъ явленій, которыя донынѣ тормазили нормальный ходъ научной и учебной работы".

Въ самомъ дѣлѣ, нужно прямо смотрѣть въ глаза дѣйствительности... Если бы я могъ привести наиболѣе характерныя студенческія резолюціи, то для читателей совершенно ясно было бы, что именно «политика» и побуждаетъ молодежь, при очевидной почти невозможности спокойно учиться, собраться сейчасъ въ стѣны учебныхъ заведеній. «Новое Время», подсмѣиваясь надъ постановленіями большинства сходокъ, признавшихъ неизбѣжность политическихъ собраній въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, полагаетъ, что этого не въ состояніи были бы понять «ни Жоресъ, ни Бебель».

Это совсѣмъ новая политическая платформа. Политическія собранія въ самыхъ свободныхъ странахъ (Англія, Франція, Швейцарія) происходятъ въ парламентахъ, въ клубахъ, въ концертныхъ и театральныхъ залахъ, въ гостиницахъ, въ манежахъ, даже на площадяхъ и въ паркахъ, но только не въ зданіяхъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Если гг. студенты въ этихъ странахъ и участвуютъ (очень рѣдко!) въ собраніяхъ политическаго характера, то не въ качествѣ студентовъ, а просто въ качествѣ гражданъ. Почему же русскіе студенты хотятъ устроить изъ университетовъ помѣщенія для политическихъ собраній? Въ университетахъ учатся, а въ парламентахъ занимаются политикой. Гг. студенты особливо должны проникнуться этимъ сознаніемъ теперь, когда по окончаніи курса имъ предоставлена возможность къ широкой и свободной политической дѣятельности.

Тоже въ сущности пишутъ и «Русскія Вѣдомости»: «Тѣ изъ учащихся, которые чувствуютъ себя призванными и подготовлен-

ными къ политической дѣятельности, имѣютъ возможность осуществлять ее помимо университета *). «Имѣютъ возможность»... но гдѣ же? По отношенію къ Россіи это не рѣшилось сказать даже «Новое Время» и сочло за лучшее ограничиться посулами. Повторяю: нужно прямо глядѣть въ глаза дѣйствительности и заранѣе предвидѣть, что чѣмъ свободнѣе будетъ чувствоваться въ университетѣ, тѣмъ больше будутъ стягиваться къ нему люди.

И вопросъ можетъ быть только въ томъ, какъ отнесутся къ этому профессорскія коллегіи. Сумѣютъ ли онѣ проявить надлежащій тактъ и необходимую выдержку?..

Долженъ признаться, что и на этотъ счетъ у меня существуютъ большія опасенія. За совѣтъ московскаго университета, въ которомъ, повидимому, оказалось наибольшее количество сторонниковъ новаго курса, я опасаюсь не меньше даже, чѣмъ за другіе. Не первый уже разъ правительство обращается къ нему за содѣйствіемъ. Не далѣе, какъ въ 1901 году онъ сдѣлалъ попытку заткнуть «злосчастную отдушину», въ какую, по его мнѣнію, злонамѣренные люди обратили университетъ. Каждый—писали московскіе профессора въ своемъ воззваніи—старается пропустить черезъ него свое политическое или соціальное недовольство **). Можетъ быть, и теперь они возобновятъ свою попытку...

Если они сдѣлаютъ это,—а склонность въ этомъ направленіи уже проявлена—то, конечно, съ самыми добрыми намѣреніями. Московская «профессорская» газета уже ссылается на «чувство собственнаго коллективнаго самосохраненія, сознаніе необходимости сохранить университетъ и обезпечить въ немъ возможность правильныхъ занятій ***)». Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вотъ и г. Гольцевъ говоритъ: «общественному мнѣнію дорога эта автономія». Какъ же не сохранить то, что «мы разомъ получили»?

Автономія, конечно, дорога, но не та, которая сведется къ самосохраненію. Да и вообще о «самосохраненіи», какъ я думаю, оворить не время.

А. Пѣшехоновъ.

---

*) „Русскія Вѣдомости“, 14 сентября.

**) Цитирую по памяти, но думаю, что многіе читатели хорошо помнятъ это знаменитое объявленіе, подъ которымъ стояли подписи почти всѣхъ профессоровъ московскаго университета. Послѣ ходили слухи, что профессора одобрили его, не вслушавшись, а нѣкоторые увѣряли, что ихъ именами зл употребили. Однако, никто изъ нихъ публично не заявилъ протеста. Гдѣ-же гарантія, что и теперь кто нибудь не „злоупотребитъ“ ими?

Я могъ бы даже не дѣлать этой оговорки. Въ самомъ дѣлѣ, важно вѣдь то, что было сдѣлано на площади, а не то, что люди потомъ передавали на ухо.

***) „Русскія Вѣдомости“, 14 сентября.

Случайныя замѣтки.

Подъ золотымъ дождемъ. — Говорятъ, что „политика" имѣетъ своей подкладкой „экономику". Иногда это вѣрно въ самомъ грубомъ смыслѣ: когда правящая группа сидитъ „подъ золотымъ дождемъ", она цѣпко держится за свое мѣсто и вся ея „политика" диктуетъ стремленіемъ во что бы то ни стало его за собой сохранить. Мотивы для этой политики выставляются обыкновенно другіе, но несомнѣнная суть ея лежитъ именно въ „экономикѣ".

Не мудрено, что „хозяйственныя" дѣла и „хозяйственныя" соображенія явно выглядываютъ наружу и изъ-подъ внутренней, и изъ-подъ внѣшней политики...

Дать сколько-нибудь полную картину всей этой „хозяйственной" дѣятельности—вещь для печати совершенно недоступная. Густая, непроницаемая завѣса заслоняетъ ее отъ нескромныхъ взглядовъ. Но иногда всетаки въ томъ или иномъ уголкѣ этой завѣсы оказываются дырки и прорѣхи, дающія возможность хоть однимъ глазомъ за нее заглянуть. Попробуемъ это сдѣлать, пользуясь тѣми, довольно отрывочными, сообщеніями, которыя за самое послѣднее время появлялись въ газетахъ. Мы ограничиваемъ при этомъ наше любопытство исключительно тѣми фактами, которые группируются около только что окончившейся войны. И здѣсь, на этой „кровавой нивѣ", на аренѣ геройскихъ подвиговъ — хозяйственный факторъ, какъ оказывается, очень властно и явно выдвигался впередъ. Такъ, еще очень недавно мы говорили только о героическомъ портъ-артурскомъ „сидѣніи". А затѣмъ стали говорить и о портъ-артурскомъ „хозяйствѣ..."

При сдачѣ Артура японцамъ, оказалось 150.000 тоннъ (т. е. 9 милліоновъ пудовъ!) самаго лучшаго кардифа, нигдѣ не записаннаго и ни въ какихъ книгахъ не значущагося. Это—экономія; накопляется она такъ: выдаютъ изъ склада судну, скажемъ, 10.000 тоннъ угля, а отмѣчаютъ выданными 20.000. Въ результатѣ на складѣ образуется болѣе или менѣе значительный запасъ угля, якобы выданный и сожженный. Тогда заключаютъ сдѣлку съ поставщикомъ на доставку новаго запаса угля,— сдѣлку фиктивную, такъ какъ уголь въ дѣйствительности имѣется. Сумма, отпущенная на доставку, дѣлится между участниками сдѣлки. Эта практика давно извѣстная и въ совершенствѣ разработанная. Тутъ поражаетъ громадность „экономіи": полтораста тысячъ тоннъ! На первый взглядъ цифра невѣроятная,—но вспомните городъ Дальній, манчжурскую дорогу, нападенія хун-

хуговъ, сжигавшихъ спеціально отчеты, квитанціи, бухгалтерскія книги... Тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, даже маленькимъ людямъ большіе куши доставались...

Позднѣе выяснилось (г. М. Михайловъ въ „Разсвѣтѣ“), что въ этой крѣпости, сданной генераломъ Стесселемъ, вслѣдствіе истощенія запасовъ, оказалось 60.000 пуд. солонины, 370.000 пудовъ зерна и муки, 15.000 пуд. масла, 200 милліоновъ патроновъ, 77.000 паръ сапогъ, бѣлья на 100.000 человѣкъ, платья на два срока, склады консервовъ. Но все это уже выведено было въ расходъ, а потому по журналамъ не числилось, и выдать эти запасы солдатамъ, значило, рисковать угодить подъ судъ.

Въ связи съ портъ-артурскимъ хозяйствомъ, находится и торговля подложными документами на поставленные (фиктивно) правительству для Портъ Артура запасы. Такія свидѣтельства, на суммы до милліона, продавались за 10—15 проц.

Сюда же примыкаетъ и дѣятельность г. Павлова, стяжавшаго себѣ неувядаемую славу тѣмъ, что, заглядѣвшись на корейскіе лѣса, онъ проглядѣлъ войну съ Японіей. Г. Павловъ пріобрѣлъ для Артура 12 негодныхъ пароходовъ, 63.000 паръ сапогъ по 13 долларовъ, вмѣсто 3—4, при чемъ и изъ нихъ попало въ Артуръ только 7.000 паръ (такъ что одна только эта операція дала не менѣе 1.500.000 руб. барыша); окорока по 85 и 70 центовъ пудъ, вмѣсто 46; для Мукдена 2.400 пудовъ динамита по 50 руб. пудъ безъ доставки (въ буквальномъ смыслѣ, т. е. динамитъ не былъ доставленъ), вмѣсто 25 руб. съ доставкой. Сообщеніе о коммерческихъ операціяхъ г. Павлова не было опровергнуто: напротивъ, на справку, наведенную „С.-Пет. Вѣдомостями“ въ военномъ и морскомъ министерствахъ, было отвѣчено, что г. Павловъ „покупки производилъ по собственному усмотрѣнію и отчетовъ объ израсходованіи денегъ не представилъ“.

Владивостокское хозяйство по типу не отличалось отъ портъ-артурскаго, судя по тѣмъ глухимъ извѣстіямъ, которыя время отъ времени проскальзываютъ въ газеты. Сообщалось о пропажѣ дока,—цѣлаго дока, который не оказался на лицо, когда понадобилось ввести въ него крейсеръ. Сообщалось о доставкѣ угля, предоставленной начальствомъ порта одному морскому офицеру по 28 к. за пудъ (дѣйствительная стоимость доставки 8—10 к. за пудъ). Сообщалось о „глубокой тайнѣ, окружающей дѣятельность продовольственной коммиссіи, получившей милліонъ на снабженіе города провіантомъ...“ Вообще, эти глухія и отрывочныя извѣстія заставляютъ предполагать, что и Владивостокъ не былъ обойденъ хозяйственными талантами.

Въ началѣ войны раздавались похвалы нынѣшнему интендантству, будто бы отрекшемуся отъ всѣмъ извѣстныхъ традицій этого вѣдомства. При всемъ томъ, въ газетахъ проскальзы-

вали извѣстія о подрядахъ на „сибиреязвенные“ полушубки и „кислые“ сапоги, о голодныхъ и оборванныхъ солдатахъ и т. п. Съ теченіемъ времени похвалы становились все рѣже и стыдливѣе; а извѣстія, свидѣтельствовавшія о неумирающихъ интендантскихъ традиціяхъ, все чаще и откровеннѣе. Наконецъ, недавно появилась (въ „Словѣ“) общая характеристика снабженія арміи въ зиму 1904—1905 гг., по изслѣдованію одного изъ чиновниковъ государственнаго контроля: склады совершенно гнилой, покрытой плѣсенью, смѣшанной съ измельченными въ порошокъ, негодными сухарями муки, отъ которой цѣлыя части охватываетъ дизентерія; отсутствіе консервовъ, сапогъ и проч., которые по отчетамъ должны присутствовать; „повсюду процвѣтающее“ взяточничество.

Интересно извѣстіе („Уральской Жизни“) о солдатахъ, сопровождающихъ арбенные транспорты и отсылающихъ домой женамъ полотенца, простыни, одѣяла и суммы денегъ до 500 рублей. Если простымъ солдатамъ достаются такія суммы, то какихъ же размѣровъ достигаютъ генеральскія „экономіи“?.. Главное интендантское управленіе не опровергало этого сообщенія, но внесло въ него поправку, пояснивъ (въ „Новомъ Времени“), что арбенные транспорты обслуживаютъ не только интендантское, но и артиллерійское, инженерное и проч. вѣдомства. Да, при всѣхъ разногласіяхъ нашихъ вѣдомствъ, въ нихъ обнаруживается замѣчательное „единство дѣйствій“ въ указанномъ направленіи...

Изъ предметовъ снабженія арміи заслуживаютъ вниманія: папахи, набитыя паклей; „сибиреязвенные“ полушубки изъ сырой кожи, на которой мѣстами видны куски овечьяго мяса, а шерсть разлетается при прикосновеніи, „такъ что овчины эти, будучи изъ одной кожи безъ шерсти, скорѣе служатъ холодильниками, нежели шубами“ (сообщ. „Русскихъ Вѣдомостей“), при чемъ иногда заражаютъ своихъ носителей сибирской язвой (были случаи зараженія солдатъ); „кислые“ валенки изъ шерстяныхъ отбросовъ, глины и купороса, расползающіеся при первомъ же дождѣ „и даже отъ снѣга“; „интендантскіе“ сапоги, которые „почему то мало носятъ въ арміи и продаютъ ихъ за безцѣнокъ, и только одни бѣдняки, которымъ не на что справить „частные“ сапоги, донашиваютъ ихъ“ (сообщ. „Сына Отечества“); казанскіе сапоги изъ коровьей шерсти, извести и клея; кинешемскіе сапоги, которые „отъ удара о твердый предметъ ломаются, а отъ сырости расползаются и долѣе 2—3 недѣль служить не могутъ; расползающіяся рубахи („достаточно малѣйшаго прикосновенія—и вещи не существуетъ“) московскаго интендантства; мука и крупа „совершенно испорченныя“ и мука и крупа просто испорченныя кіевскихъ интендантскихъ складовъ (совершенно испорченная признана негодной для употребленія, просто испорченная—„годной для употребленія, какъ примѣсь“); „взрывающіе“ (отъ обилія

гнилостныхъ газовъ) консервы; консервы, вызывающіе массовое отправленіе; солонина Шидловскаго... Хорошія вещи, и въ хорошую цѣну казнѣ обходятся!

Иногда принимались мѣры къ устраненію особенно оригинальныхъ предметовъ (напр., сибиреязвенныхъ полушубковъ), но громадное большинство сообщеній о кислыхъ валенкахъ, глиняныхъ сапогахъ и т. п. не сопровождалось никакими послѣдствіями, и восклицаніе „Руси“: „да остановите же эту безсовѣстную вакханалію!“—осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Не мало хозяйственныхъ операцій вершится подъ знакомъ Краснаго Креста. Но тутъ въ печать проникаютъ лишь свѣдѣнія о маленькихъ дѣлишкахъ, а большія окружены непроницаемымъ „мракомъ неизвѣстности“. Такъ, почти съ самаго начала войны любопытство публики возбуждено было сообщеніями, касавшимися дѣятельности уполномоченныхъ Краснаго Креста г. Александровскаго и кн. Щербатова (знаменитаго ех-президента Московскаго с. х. общества),—но любопытство это осталось и, повидимому, останется безъ удовлетворенія... Затѣмъ, недавно проскользнуло въ газеты извѣстіе о чемоданѣ съ милліономъ рублей, кому то кѣмъ то пересылавшихся, обнаруженномъ въ Самарѣ. Но едва обнаружившись, интересный чемоданчикъ тотчасъ же снова былъ поглощенъ все тѣмъ же мракомъ неизвѣстности.

Остаются мелочи. Фабрика Гейстъ въ Казани пожертвовала 5000 ф. табаку и частнымъ образомъ узнала, что табакъ солдатамъ не розданъ, а продается въ лавкахъ Харбина безъ бандероли; житомирское отдѣленіе Краснаго Креста сбывало скупщику „тряпье“, а въ рукахъ скупщика оказались новыя рубахи, полотенца, кальсоны и проч., которые онъ перепродалъ „не безъ значительнаго барыша“; въ оправдательныхъ документахъ вологодскаго отдѣленія Краснаго Креста оказались расходы „на ложу въ театръ“, „на починку гитары“, „на цвѣты“ и т. п. — и это многимъ показалось неожиданнымъ, страннымъ; у владивостокскаго гражданина г. Эльвангера была найдена санитарами тухлая солонина, но выяснилось, что солонина принадлежитъ Красному Кресту и передана г. Эльвангеру для „пересолки“, съ платой за эту операцію по рублю съ пуда; въ Кіевѣ г-жа Дахновичъ пожертвовала въ Красный Крестъ ящикъ съ разными вещами для раненыхъ и больныхъ, и такъ какъ чемоданъ долго не отправлялся по назначенію, вытребовала его обратно, съ цѣлью отправить самой, при чемъ съ прискорбіемъ убѣдилась, что многія вещи изъ ящика исчезли; въ Никольскѣ Уссурійскомъ прекратилась, за истощеніемъ запасовъ, продажа сахара, а затѣмъ, хотя вагоновъ съ сахаромъ не приходило, онъ внезапно снова появился въ продажѣ, но въ то же время „окончательно израсходовался въ нѣкоторыхъ общинахъ Краснаго

Креста". Исторія съ коринкой, пожертвованной Красному Кресту греческими купцами и проданной петербургскимъ торговцамъ по весьма выгодной (для торговцевъ?) цѣнѣ, надѣлала въ свое время много шума; исторія злоупотребленій въ кіевскомъ Красномъ Крестѣ, въ которыхъ обвиняли г. Сухомлина и „полушубкоглотателя" Іеронеса *), будетъ, повидимому, разъяснена судомъ. Да и многое, вѣроятно, разъяснится, о чемъ теперь носятся лишь глухіе и смутные слухи.

А нравы? Врача Рѣзанова за разоблаченіе недостатковъ организаціи Краснаго Креста обвиняютъ въ растратѣ и „развращающемъ вліяніи на персоналъ"; не угодившихъ кому-то сестеръ милосердія обвиняютъ въ развратномъ поведеніи, такъ что имъ приходится для защиты отъ обвиненія прибѣгать къ врачебному освидѣтельствованію... Такіе нравы вполнѣ гармонируютъ съ извѣстіями о сундучкахъ съ милліонами и т. п. Но это только мимоходомъ.

Мы упомянули выше о ящикѣ съ бѣльемъ для солдатъ, изъ котораго содержимое исчезло уже на мѣстѣ отправки, еще до отсылки. Въ „Новомъ Времени" сообщалось какъ-то изъ Мукдена, что далеко не всѣ грузы достигаютъ арміи, а „тѣ, которые, достигаютъ, носятъ на себѣ признаки хозяйничанья чужихъ рукъ: корзины съ вещами оказываются пустыми или наполненными мусоромъ; вмѣсто ста ящиковъ оказывается двѣнадцать, и т. д." Тутъ, конечно, постороннему человѣку не возможно догадаться: кто именно и гдѣ—на мѣстѣ отправки? въ пути? на мѣстѣ назначенія?—руку приложилъ. Во всякомъ случаѣ, такого рода сообщенія, можно сказать, градомъ сыпались въ теченіе всей войны. Изъ 8 ящиковъ съ подарками,—доходитъ одинъ (письмо кап. Жандра въ „Руси"); изъ 2 посылокъ одна улетучивается цѣликомъ, изъ другой улетучивается 132 пары валенокъ („Нов. Вр."); конфекты съ надписями „отъ дѣтей NN", посланныя солдатамъ, попадаютъ въ станціонные буфеты и продаютя пассажирамъ; улетучивается рентгеновскій кабинетъ, и т. д. Одинъ жалуется на „улетучиваніе" вещей; другой сообщаетъ, что, „наученный горькимъ опытомъ, онъ, отправляя что-нибудь съѣдобное или винное, на ящикѣ пишетъ „скипидаръ" („Русск. Инв."); третій просто вопіетъ: „куда дѣвались мои праздничные подарки"... Какъ видимъ, желѣзнодорожное вѣдомство не отстаетъ отъ другихъ. Какая часть подарковъ, посылокъ, запасовъ, отправленныхъ въ теченіе полутора года на Дальній Востокъ, улетучилась такимъ образомъ во время пути, не возможно подсчитать, а должно быть не маленькая, потому что церемоній въ этомъ отношеніи не

*) Ген. Новицкій въ характеристикѣ г. Іеронеса сообщилъ, между прочимъ, что этотъ послѣдній въ бытность свою на службѣ „глоталъ солдатскіе полушубки".

замѣчается: даже слѣды замести не считаютъ нужнымъ,—посылки, подарки такъ съ надписями и продаются въ придорожныхъ лавочкахъ и буфетахъ.

Изъ операцій, связанныхъ съ пересылкой грузовъ, выдѣляется по своимъ размѣрамъ торговля вагонными свидѣтельствами. Въ виду перевозки войскъ и воинскихъ запасовъ пришлось стѣснить отправку частныхъ грузовъ и пропускать лишь предметы первой необходимости: для этого установлены свидѣтельства на право перевозки вагона груза, выдаваемыя соотвѣтственнымъ начальствомъ. Свидѣтельства эти сдѣлались предметомъ оживленнаго торга; всего ихъ выдано 70.000; котировались они отъ 600 до 2000 рублей,—такъ что выручено за нихъ не менѣе семидесяти милліоновъ. И тѣмъ не менѣе покупщики свидѣтельствъ не остались въ убыткѣ, такъ какъ продавали съ огромнымъ барышемъ перевозимые ими „предметы первой необходимости": шампанское и другія вина, гастрономическіе товары и т. под. Благодаря операціи, давшей ея участникамъ десятки милліоновъ, населеніе Уссурійскаго края и другихъ областей Дальняго Востока, оказалось въ безвыходномъ положеніи. Любопытно то, что о торговлѣ вагонными свидѣтельствами писали еще годъ назадъ, въ началѣ войны, но только теперь въ газетахъ появилось извѣстіе о начавшемся „разслѣдованіи дѣла о крупныхъ злоупотребленіяхъ, допускавшихся съ вагонными свидѣтельствами".

Такова атмосфера, окружающая „театръ военныхъ дѣйствій", но и на самомъ театрѣ воздухъ не особенно чистый... Мы приведемъ только нѣсколько выдержекъ изъ газетныхъ сообщеній. Очевидецъ въ „Новостяхъ" пишетъ:

„Хищенія и казнокрадство такъ привились здѣсь, что малѣйшее самоограниченіе въ этомъ отношеніи уже считается добродѣтелью. Вотъ что, напримѣръ, разсказывалъ самъ про себя офицеръ, завѣдывавшій транспортами:

Вижу, прибылъ товарный поѣздъ. Спрашиваю: что привезли? Говорятъ—ячмень. Иду и узнаю, что цѣна 60 коп. за пудъ, а по росписанію можно платить 1 р. 80 коп. Конечно, не колеблясь, покупаю и отправляю по мѣсту назначенія.

— Ну, а какую цѣну показали вы начальству?—интересуется офицеръ-слушатель.

— Я подарилъ казнѣ 7,000 руб.—съ гордостью заявилъ счастливый поставщикъ.—Я показалъ 1 руб. 20 коп. за пудъ, тогда какъ могъ показать на 60 к. дороже.

— Сколько,—продолжалъ мой собесѣдникъ,—терпятъ лишеній солдаты отъ всякаго рода хищничества! Я уѣзжалъ въ маѣ и еще видѣлъ солдатъ въ валенкахъ! Порой вы видите строевого солдата въ китайскомъ халатѣ, валенкахъ и какомъ-то картузѣ!"

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" находимъ свѣдѣнія о снабженіи арміи предметами первой необходимости:

„Между прочимъ, одно московское экономическое общество офицеровъ отправило, какъ это видно изъ его отчета, за 4 мѣсяца (съ 4-го января по 1-е мая 1905 г.) въ Манчжурію: кондитерскихъ товаровъ и печеній на 213,931 р. 55 к., вина и водокъ на 144,690 руб., туалетныхъ и косметическихъ товаровъ на 10,110 руб. 40 коп.“.

„Оренб. Вѣстникъ“ говоритъ о харбинскихъ нравахъ:

„Въ Харбинѣ всѣ ловятъ добычу, всѣ смотрятъ на ваши карманы, сколько оттуда можно выудить, всѣ торопливо набиваютъ свои. И въ этой лихорадкѣ наживы, среди баснословныхъ цѣнъ и волчьихъ аппетитовъ туманомъ виситъ самый откровенный, безстыдно смотрящій въ глаза развратъ. Женщины, женщины и женщины, сутенеры, веселые дома, которыхъ цѣлыя улицы... Вечеромъ Харбинъ въ угарѣ... Мчатся извозчики, которыхъ здѣсь берутъ на цѣлый день: иначе не достанешь; на извозчикахъ парочки, гремитъ музыка въ циркѣ Боровскаго, кривляются „бѣдныя овечки“ въ театрѣ коммерческаго собранія, освѣщены рестораны, въ которыхъ заранѣе заказаны отдѣльные кабинеты; освѣщены публичные дома. Угаръ вина и женщинъ разлитъ повсюду,— и дождемъ, безъ счета, сыплются деньги“.

Въ книгѣ Табурно „Правда о войнѣ“ читатель можетъ найти не мало подробностей о соперничествѣ изъ за роскошныхъ поѣздовъ, о дамахъ, распоряжающихся желѣзнодорожнымъ движеніемъ, о привилегіяхъ генеральскихъ коровъ, объ удобствахъ пребыванія въ тылу, о полчищахъ нестроевыхъ и проч., и проч.

Мы говорили о хозяйствѣ портъ-артурскомъ и владивостокскомъ, о павловскихъ финансовыхъ операціяхъ, о шанхайскихъ промыслахъ. Это все тамъ, на Востокѣ, а что дѣлается здѣсь, въ родныхъ палестинахъ? Кто снабдилъ эскадру Рожественскаго неразрывающимися бомбами ($^2/_3$ общаго количества), плохого качества броней ненадлежащей толщины, недѣйствующими машинами, плохимъ валлійскимъ углемъ по 138 шиллинговъ тонна (японцы покупали лучшій кардифъ по 13 шилл.), и какую „экономію“ оставило это снабженіе въ рукахъ снабжавшихъ? Разъяснится ли когда нибудь во всѣхъ подробностяхъ зафрахтовка иностранныхъ пароходовъ во Владивостокъ (о которой много писали въ „Руси“) на условіяхъ въ родѣ слѣдующаго: пароходъ, стоимостью въ 3000 ф. стерлинговъ, зафрахтованъ за 7500 ф. ст, изъ коихъ 6000 уплачено впередъ безъ возврата, а 1500 должны быть доплачены въ случаѣ благополучнаго прибытія во Владивостокъ. На случай же неблагополучнаго плаванія (захвата японцами) пароходъ получаетъ отъ морского вѣдомства страховой полисъ на 10.000 ф. стерлинговъ. Такимъ образомъ, если пароходъ ускользнетъ отъ японцевъ, владѣлецъ получитъ 1500 фунтовъ; если попадется японцамъ 7000 фунтовъ (10000 страховой преміи минусъ 3000 стоимости судна). Зафрахтованые на такихъ

условіяхъ пароходы замѣчательно регулярно попадались японцамъ.

Упомянемъ о пріобрѣтеніи на пожертвованный графомъ Строгановымъ для усиленія русскаго флота милліонъ парохода „Ланъ“ (переим. въ „Русь“), который оказался негоднымъ для плаванія и по свидѣтельству адмирала Бирилева представляетъ изъ себя „хламъ, заключающійся въ ломѣ желѣза и дерева“ („Слово“); о злоупотребленіяхъ въ спб. портѣ, гдѣ много лѣтъ изъ казеннаго матеріала портовыми рабочими строились частныя дачи, частныя суда, частные катера, на казенныя деньги пріобрѣталась обстановка для частныхъ квартиръ и т. п. Всего прилипло такимъ способомъ къ частнымъ рукамъ, говорятъ, не менѣе 3 милліоновъ рублей казенныхъ денегъ...

Теперь, слышно, въ морскомъ вѣдомствѣ предпринимаются реформы, и даже отчасти уже осуществляются: въ „Котлинѣ“ появились публикаціи флотскихъ экипажей о продажѣ легковыхъ лошадей, колясокъ, саней, сбруй, кучерской одежды... Это, поясняетъ „Русь“, предметы, пріобрѣтавшіеся командирами на „экономію“, сберегавшуюся отъ средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе нижнихъ чиновъ. „Урѣзывался хлѣбный паекъ, покупались худшаго качества мясо, капуста, крупа“... за то пріобрѣтались коляски и рысаки. Теперь вотъ проводятся въ этомъ направленіи „реформы“...

У Некрасова въ „Юбилярахъ и тріумфаторахъ“ сказано, между прочимъ:

> У насъ былъ директоръ дороги,
> Кондукторамъ красть не давалъ:
> Въ вагоны, какъ тать, проникалъ,
> У сонныхъ сосчитывалъ ноги...
> Но дальше билетовъ и ногъ
> Считать ничего онъ не могъ!..

Благодаря неудачамъ нашего флота, внѣшнимъ и внутреннимъ, злоупотребленія въ морскомъ вѣдомствѣ какъ-то разомъ полѣзли наружу. Вотъ насчетъ сухопутнаго проскользнули въ газеты слухи о заказахъ орудій, паровозовъ, вагоновъ и проч. съ какими-то чудовищныхъ размѣровъ „комиссіонными“, да такъ и заглохли...

Впрочемъ, и на сухомъ пути обнаруживается немало дѣлишекъ. Такъ, повидимому, на очереди находится цѣлая серія дѣлъ о „союзахъ освобожденія“ въ воинскихъ присутствіяхъ. Въ московскомъ воинскомъ присутствіи за освобожденіе молодого человѣка отъ призыва въ армію брали отъ 2000 до 3000 рублей, а всего собрали такимъ путемъ отъ 2 до 3 милліоновъ. Нравы московскаго присутствія, впрочемъ, не составляютъ исключенія: въ газетахъ уже сообщалось о злоупотребленіяхъ въ бирскомъ

(Уфимской губ.) воинскомъ присутствіи; о злоупотребленіяхъ того же рода въ Вытегрѣ...

Портъ-артурское хозяйство—милліоны; владивостокское хозяйство—милліоны; подряды г. Павлова—милліоны; торговля документами на поставку—милліоны; снабженіе эскадры Рожественскаго—десятки милліоновъ; въ интендантствѣ и около него—то же; въ Красномъ Крестѣ и около него—не берусь опредѣлить; операціи по доставкѣ запасовъ въ армію—десятки милліоновъ; петербургскій портъ—милліоны; воинскія присутствія—милліоны... Это ли не золотой дождь?

Какъ будто „за компанію" въ послѣднее время все чаще и чаще начинаютъ открываться хозяйственныя операціи въ разныхъ вѣдомствахъ, не связанныя съ войною. Продовольственныя операціи г. Касперова, закончившіяся за зеленымъ столомъ; подряды г. Казембека, суть которыхъ еще не разъяснена (но разъясняется) прокурорскимъ надзоромъ; злоупотребленія по эксплуатаціи казенныхъ нефтяныхъ земель (хищеніе на нѣсколько десятковъ милліоновъ!), случайно обнаруженныя ревизіей сенатора Кузьминскаго; возникающее дѣло о казнокрадствѣ и взяточничествѣ чиновъ казанскаго путейскаго округа; умноженіе растратъ въ казенныхъ вѣдомствахъ, констатируемое государственнымъ контролемъ (за одинъ годъ обнаружено: въ желѣзнодорожномъ вѣдомствѣ 35 растратъ на 160,000 руб., въ почтовомъ 28 на 58,000, разныхъ хищеній 50 на 292,000); таинственныя дѣла въ акцизномъ вѣдомствѣ *), о которыхъ только что (и очень глухо) сообщено въ газетахъ...

Отъ добра добра не ищутъ. Земля наша бѣдная, народъ раззоренный; но въ этой бѣдной, раззоренной землѣ воздѣланъ вертоградъ, своего рода сады Гесперидъ, гдѣ стоитъ только протянуть руку, чтобы сорвать золотое яблоко.

М. Энгельгардтъ.

Охранители и разрушители основъ. Уже не первый мѣсяцъ на всемъ пространствѣ Россійской имперіи идетъ дѣятельный призывъ народа къ поголовному избіенію всѣхъ, кто „хочетъ—какъ выражается серпуховскій епископъ Никонъ—ограничить власть царя самодержавнаго", установить „свободу личности, народное представительство, гражданское равенство, контроль надъ администраціей" и „отдѣлить церковь отъ государства" **). Впрочемъ, примѣты людей, подлежащихъ избіенію, у разныхъ авторовъ изложены различно. Такъ, въ № 11 „Екате-

*) Нравы котораго г. „Акцизный" въ „С. О." характеризуетъ, какъ „картину изумительнаго произвола, казнокрадства и взяточничества".

**) Епископъ Никонъ. Голосъ изъ обители преподобнаго Сергія о печальныхъ событіяхъ послѣдняго времени. Благословеніе обители преподобнаго Сергія. Изданіе Свято-Троицкой Сергіевой лавры, 1905 г. стр. 8 и 9.

ринбургскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за нынѣшній годъ они называются „фантазерами“, которые желаютъ завести „конституцію, парламентъ, федеративный строй“ и „уничтожить самодержавіе“. По словамъ саратовскаго „Братскаго Листка“, эти люди „недовольны (нынѣшнимъ) государственнымъ строемъ, требуютъ конституціи, собора и полной свободы“ *). Другой листокъ съ печатью въ видѣ круга, посреди котораго изображены крестъ и надпись: „тайна“, говоритъ: „Патріоты, объединяйтесь! Крестьяне, мещане, составляйтесь въ десятки и сотни, вооружайтесь! Истребимъ всѣхъ нашихъ враговъ, не терпящихъ самодержавія. Да здравствуетъ самодержавіе!“

Не трудно, однако, видѣть, что въ авторскихъ сердцахъ почила одна и та же мысль. Да и выражена она въ сущности одними и тѣми же словами, лишь варьируемыми на разные лады. Въ брошюрахъ генерала Богдановича „наши враги“ называются „безумными смутьянами“ **). Въ саратовскихъ „Братскихъ Листкахъ“, выходящихъ съ благословенія епископа Гермогена,—„моськами, дармоѣдами, тунеядцами и дрянью“. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Днѣ“, „Родной Рѣчи“ они именуются по преимуществу „крамольниками“. Но вѣдь все это лишь ругательные эпитеты, которые свидѣтельствуютъ о раздражительности авторовъ, но нисколько не помогаютъ „объѣдиненнымъ крестьянамъ и мещанамъ“ разобраться, кого именно нужно убить. Поищемъ поэтому болѣе опредѣленныхъ указаній, какъ узнавать крамольниковъ. По словамъ уже цитированнаго саратовскаго „Братскаго Листка“ подъ крамольниками разумѣются „земцы, доктора, адвокаты, студенты, курсистки, гимназисты, гимназистки, рабочіе, босяки и жиды“. „Тамбовскія Губернскія Вѣдомости“ присовокупляютъ сюда и всю вообще интеллигенцію, затѣмъ армянъ, поляковъ, „украинофиловъ“, латышей и литовцевъ. „Родная Рѣчь“ настаиваетъ, что въ число крамольниковъ, которые должны быть изъяты изъ обращенія, попали многіе крестьяне, дворяне и даже кое-какія лица изъ правящихъ сферъ. Наконецъ, впали въ крамолу защитники Портъ-Артура, подозрѣваются неблагополучными по крамолѣ наши военноплѣнные въ Японія вмѣстѣ съ значительной частью дѣйствующей манчжурской арміи, относительно которой возникъ даже проектъ: домой ее не возвращать, а водворить въ мѣстахъ отдаленныхъ, подъ предлогомъ образованія военныхъ поселеній. Этотъ бѣглый и неполный перечень во многомъ напоминаетъ классификацію,

*) „Братскій Листокъ для религіозно-нравственнаго и патріотическаго чтенія. Выходитъ по четвергамъ и воскресеньямъ. „Печатается съ благословенія его преосвященства, епископа саратовскаго Гермогена“. Цитирую по № 55, стр. 218.

**) „Голосъ русскаго сердца“. Безплатное народное изданіе издателя „Каѳедры Исаакіевскаго собора“ Е. В. Богдановича, стр. 5.

изобрѣтенную тѣмъ учителемъ церковно-приходской школы, который дѣлилъ „міръ животныхъ“ на „млекопитающихся“, китовъ, острозубыхъ, шестиногихъ, яйцекладущихъ и „ползучихъ, къ каковымъ относятся крокодилы и сороконожки“. Логикѣ съ такимъ перечнемъ дѣлать нечего. Но для практическихъ надобностей „объѣдиненныхъ мещанъ“ онъ годится. По крайней мѣрѣ, изъ него видно, что къ изъятію приговорены, если считать крамольничьихъ женъ и дѣтей, чуть 100 милліоновъ душъ.

Ни на одну минуту нельзя, конечно, допустить мысли, будто вся эта кровожадная затѣя могла возникнуть и проповѣдываться безкорыстно. Злость, направленная противъ чуть не сотни милліоновъ людей, это—вѣдь уже нѣчто прямо патологическое. Можно допустить такую манію въ единичныхъ случаяхъ, но такъ какъ призывы къ погрому перестали быть явленіемъ единичнымъ и исключительнымъ, то, очевидно, они попадаютъ на рынокъ на общемъ основаніи закона спроса и предложенія.

Погромная литература, независимо отъ средствъ, которыя нужны на бумагу, печать и плату наборщикамъ, неминуемо должна оплачиваться также и построчнымъ гонораромъ. Откуда берутся деньги на этотъ гонораръ и въ какой онъ формѣ выплачивается,—отъ этого существо дѣла не мѣняется. Будущему историку предстоитъ не легкая, но благодарная задача—выяснить, какими соображеніями подсказано то небывалое увеличеніе спроса на погромныхъ авторовъ, которое мы наблюдаемъ за послѣдніе 10 — 12 мѣсяцевъ. Мы этого здѣсь разбирать не станемъ. Замѣтимъ только, что, за исключеніемъ всего прочаго, здѣсь имѣется и изрядная доля поразительнаго легкомыслія.

Въ самомъ дѣлѣ, нужно быть ужъ слишкомъ недалекимъ, чтобы предполагать: ежели я напишу: „мещанинъ, возьми колъ и убей доктора“, то „мещанинъ“, безъ всякихъ разговоровъ, возьметъ и убьетъ. Какъ бы ни были „объѣдиненные мещане“ тупоголовы, но разъ имъ предлагаются столь рѣшительныя дѣйствія, они невольно остановятся и подумаютъ: „за что же убить? и почему именно доктора?“ Не менѣе легкомысленна и самая затѣя распространять въ народѣ мѣрами полиціи такія изданія, какъ „Братскіе Листки“, „День“, „Пахарь“ и пр. Правда, мѣры полиціи примѣнялись въ этой области и раньше. Достаточно припомнить исторію „Дружескихъ Рѣчей“ и „Сельскаго Вѣстника“. Но только слѣпой не замѣтитъ разницы между этими прежними сѣренькими изданіями и нынѣшними ярко-бѣлыми. Прѣсный „Сельскій Вѣстникъ“ и кисло-сладенькія „Дружескія Рѣчи“ нагоняли лишь тоску и сонъ, подрывали интересъ къ печатному слову, въ чемъ и заключалось ихъ провиденціальное назначеніе. Острый, какъ самая крѣпкая настойка изъ стручковаго перца, „День“, конечно, не нагонитъ ни скуки, ни сна. Тутъ что ни номеръ, то цѣлый конспектъ по соціально-политическимъ вопросамъ. Въ немъ найдете,

что угодно,—и призывъ громить соціалистовъ, которые утверждаютъ, что вся земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатываетъ личнымъ трудомъ, и заочный приговоръ къ повѣшенію земцамъ-революціонерамъ за то, что они возстаютъ противъ самодержавія и добиваются какой то свободы, и приглашеніе истребить атеистовъ, которые нехорошо отзываются объ установленной духовенствомъ таксѣ на требы, и тщетныя доказательства, что Положеніе о Государственной Думѣ даетъ рабочимъ избирательныя права... Найдете, словомъ, все, что можетъ найти мѣсто хоть и въ продажномъ, но боевомъ, яркомъ политическомъ органѣ.

Я ни на одну минуту не забываю того колоссальнаго вреда, который приносятъ русскому обществу погромныя прокламаціи. Но не надо забывать также, что—какъ это ни кажется парадоксальнымъ—онѣ выполняютъ и нѣкоторую положительную задачу. Самая „брехня", преломляясь чрезъ народное сознаніе, выраженная малопонятнымъ деревнѣ газетнымъ языкамъ, даетъ порою результаты, которые совершенно не могутъ нравиться людямъ, выдавшимъ г-ну Бергу субсидію. Между прочимъ, г. Танъ въ „Сынѣ Отечества" недавно удостовѣрилъ, что крестьяне умѣютъ вычитывать весьма радикальныя положенія даже изъ „Московскихъ Вѣдомостей". И, такимъ образомъ, г. Грингмутъ, будучи для образованныхъ людей „оплотомъ реакціи", попадая въ деревню, становится сѣятелемъ радикализма и крамолы. Удивляться нечему: деревня ловитъ лишь намекъ на свои кровныя нужды, ей нужны лишь слова, чтобы выразить эту нужду въ логической формѣ, нуженъ поводъ для самостоятельной мыслительной работы. Комментаріи же, предлагаемые погромными авторами, либо отбрасываются, какъ лишній и мало интересный хламъ, либо вызываютъ сознательный протестъ.

„Почитай-ка „День" газетку:
Васъ она поймаетъ въ сѣтку"—

говоритъ одна новоиспеченная мужицкая сатира на полицію, доставленная намъ изъ Керченскаго уѣзда.

Повторяю, нуженъ былъ изрядный запасъ легкомыслія и невѣжества, чтобы, во-первыхъ, надѣяться, будто читатель дѣлаетъ изъ написаннаго именно тотъ выводъ, который угоденъ автору, а, во-вторыхъ, не знать, существованіи логики противорѣчія.

Не меньше нужно было легкомыслія и невѣжества, чтобы не учесть заранѣе послѣдствій изустной пропаганды погрома и организаціи погромныхъ шаекъ. Спора нѣтъ, эта пропаганда и эти шайки неизбѣжный придатокъ къ погромной литературѣ, которая вѣдь къ тому и приглашаетъ: „объѣдиняйтесь въ десятки и сотни". Но какъ было не понять, къ чему оно приведетъ?

Между прочимъ, въ Брянскѣ, Орловской губ., когда г. Ша-

раповъ фабриковалъ „взглядъ всей Россіи“ „противъ жидовъ и за войну“, одинъ изъ его агентовъ, нѣкій В—въ, сталъ ходить по домамъ и собирать подписи. Изъ первой же канцеляріи, куда г. В—въ пришелъ отобрать „мнѣніе народа“, онъ былъ съ позоромъ изгнанъ и еле спасся отъ побоевъ. Случилось это „не столько по голосу разсудка,—объясняетъ корреспондентъ—сколько изъ возмущеннаго чувства“: что вотъ, де, человѣкъ, безъ всякой нужды, единственно ради обѣщаннаго Шараповымъ вознагражденія изъ прибылей по предпріятію, занимается столь скверными дѣлами. Необходимо представить реальную обстановку дѣйствія. Писцы мирно сидѣли себѣ въ канцеляріи. Думали, конечно, о своихъ маленькихъ будничныхъ семейныхъ, служебныхъ и карточныхъ дѣлишкахъ. Богъ вѣсть, когда бы имъ вздумалось въ серьезъ заняться вопросомъ о народномъ представительствѣ, изъ котораго, по мнѣнію г. Шарапова, должны быть исключены „жиды“. И вдругъ „агентъ“. А вслѣдъ за изгнаннымъ „агентомъ“ пожаловалъ самъ полиціймейстеръ (хотя г. В—въ ни на полицейской, ни на государственной службѣ не состоитъ). Начались „деликатные разспросы“, какъ произошло недоразумѣніе, заставляющее подозрѣвать превратный образъ мыслей. Затѣмъ къ Шараповскому агенту прикомандировывается для охраны городовой, въ сопровожденіи котораго г. В—въ продолжаетъ отбирать у „народа“ подписи. „Недоразумѣніе“ становится городской злобой дня. Создается сложный политическій конфликтъ. Дремавшія и усыпленныя страсти разгораются... Согласитесь, нельзя было нарочно выдумать болѣе глупый, болѣе искусственный поводъ для возбужденія напряженнаго интереса къ политическимъ вопросамъ.

Беру другой эпизодъ изъ хроники города Стародуба, Черниговской губ. Здѣсь погромная шайка, не находя „работы“, но чувствуя себя въ достаточной мѣрѣ безнаказанной, занялась (какъ это случилось и во многихъ другихъ городахъ) мелкимъ воровствомъ и поджогами (во время пожара легче украсть). Старозавѣтное, длинносюртучное мѣщанство таки вынуждено было взяться за колья, только не для избіенія крамольниковъ, а ради поочередной ночной охраны собственнаго имущества. Старозавѣтный мѣщанинъ—вѣрный хранитель традицій тишайшаго царя Алексѣя Михайловича. Въ качествѣ врожденнаго консерватора до мозга костей, онъ искони „политикой“ не занимался, и Богъ вѣсть, когда ему пришло бы въ голову посмотрѣть серьезно на происходящую вокругъ сумятицу. До сихъ поръ она была для него дѣломъ постороннимъ и господской блажью. И поистинѣ большая заслуга погромныхъ шаекъ, что онѣ сумѣли политическіе вопросы перевести на такой элементарный, такой общедоступный языкъ, что даже стародубское мѣщанство встрепенулось и, не справляясь ни съ какими законами, явно нелегальнымъ

путемъ основало „кружокъ самообороны“. Впрочемъ, погромщики вообще оказались мастерскими популяризаторами. Тѣ переводы политическихъ трактатовъ, какіе сдѣланы, напр., въ Курскѣ, Твери, Моршанскѣ, Нижнемъ, Балашовѣ, и тѣ ошибки, образецъ которыхъ далъ недавно Рыбинскъ, гдѣ погромщики избили трехъ акцизныхъ надзирателей, принявши ихъ въ темнотѣ за студентовъ, — заставятъ россійскаго обывателя долго помнить, что есть политика, и почему о ней не надо забывать.

Если дрожжи слабы, хозяйки льютъ въ тѣсто водку, чтобы оно скорѣй поднялось. Точно такое же дѣйствіе оказала на рыхлое и медленно вскисающее русское тѣсто погромная кампанія нынѣшняго года. Въ связи съ несчастною внѣшнею войною, она обострила до крайности процессъ политическаго броженія и помогла увлечь въ это броженіе такіе слои русскаго общества, которые самыми пылкими „красными агитаторами“ считались неприступной твердыней. Чтобы поколебать ихъ, потребовались „агитаторы бѣлые“. Какъ и почему „главный штабъ бѣлой агитаціи“ не предвидѣлъ этихъ очевидныхъ послѣдствій,—уму непостижимо! Тѣмъ болѣе непостижимо, что предупрежденій было достаточно. Такъ называемая крамольная печать немедленно подала голосъ, лишь только появились первые признаки погромной работы. Она старательно разъясняла и доказывала, что игра затѣяна не только опасная для общества, но и самоубійственная прежде всего для игрока. Подъ картиной, которая открывалась впереди, крамольники самымъ яснымъ образомъ сдѣлали для „штаба“ надпись: „помни, се левъ, а не собака“. Увы! „штабъ“ не повѣрилъ, ни льву, ни надписи. Ослѣпленіе—единственное въ своемъ родѣ, и оно невольно заставляетъ вспомнить покойнаго генералъ маіора Кишкина, который, глядя на „Послѣдній день Помпеи“ Брюлова, рѣшилъ, что передъ нимъ изображеніе страшнаго суда, и даже благочестиво произнесъ:

„Всѣ тамъ будемъ“...

Легкомысліе и невѣжество нынѣшнихъ Кишкиныхъ идетъ гораздо дальше, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Съ самаго начала не трудно было сообразить психологическое дѣйствіе погромныхъ листковъ и газетъ и на ту сторону, которая нападаетъ, и на ту, которая подвергается нападенію. Имущество, а тѣмъ паче жизнь принадлежатъ къ самымъ основнымъ и драгоцѣннымъ благамъ. Въ обществѣ, гдѣ во всеуслышаніе пронесся кличъ: „разгроми и убей“, неминуемо долженъ наступить моментъ паники, съ его характерными признаками, которые каждому приходилось наблюдать во время пожара, крушенія поѣзда, кровопролитной свалки etc. Это моментъ, когда самыя жеманныя женщины выскакиваютъ на улицу нагими, теряется соображеніе приличій, пола, возраста, состоянія, пространства, времени... Смятеніе гипнотизируетъ всѣхъ настолько, что нарасчетливѣйшіе и

наихладнокровнѣйшіе люди теряютъ голову и дѣлаютъ шаги, за которые потомъ расплачиваются всю жизнь.

Между тѣмъ, погромныхъ авторовъ трудно причислить къ очень умнымъ и очень разсчетливымъ людямъ. Многимъ изъ нихъ просто надо учиться грамотѣ. Чины администраціи, на обязанности которыхъ лежитъ не растеряться при крикѣ: „убей“, поддержать порядокъ и управлять, тоже не всегда могутъ быть признаны умниками. За послѣднее, напр., время въ одной только Полтавской губерніи обнаружено: 1) требованіе полиціймейстера Полтавы представить цензурные экземпляры пьесъ, которыя будутъ исполнять въ циркѣ Дурова ученая свинья и ученый козелъ; 2) запрещеніе губернатора кн. Урусова собрать на ярмарку племенныхъ телятъ; 3) борьба земскаго начальника Пирятинскаго уѣзда г. Иваненка съ бузиною, ибо изъ нея населеніе готовитъ предметы артиллерійскаго вооруженія, называемые пушкали... И когда, съ одной стороны, моментъ паники, а съ другой—администраторы, способные воевать съ крамольной флорой и фауной... Неужели не ясно было, какіе умопомрачительные эффекты получатся изъ этого сочетанія?

Въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ 1845 г. министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, доказывая, что „затруднять доступъ къ образованію“ для дѣтей не дворянскаго рода нужно не сразу, но постепенно, употребилъ, между прочимъ, такой доводъ:

„Доселѣ всѣ привыкли къ мысли, что у насъ образованіе народное есть великодушный даръ щедраго правительства“. И такъ какъ мысль эта выгодна для правящихъ классовъ, то разрушать заблужденіе не слѣдуетъ.

Конечно, такая политика довольно мелкаго калибра, но во всякомъ случаѣ она послѣдовательна. Какъ политиканствующій чиновникъ, для котораго всѣ средства хороши, если они ведутъ къ его мелочнымъ и несовсѣмъ опрятнымъ цѣлямъ, гр. Уваровъ поступалъ логично. По крайней мѣрѣ, въ немъ видна практическая сообразительность. Теперь—увы!—мы не замѣчаемъ даже уваровской логики. „Доселѣ насъ пріучали къ мысли“, что въ Россіи, какъ на Шипкѣ,—„все спокойно“. Хоть въ ней и есть смутьяны, которые возстаютъ противъ начальства, охраняющаго благоденствіе, но они—явленіе рѣдкое, исключительное, ихъ ссылаютъ въ мѣста отдаленныя, и такимъ образомъ народу никто не мѣшаетъ жить въ покоѣ и довольствѣ. Конечно, русская интеллигенція давно уже отъ этой мысли отвыкла. Но интеллигенція наша, благодаря „постепенно принятымъ мѣрамъ къ сокращенію образованія“,—жалкій и тонкій слой на поверхности народнаго моря. Средства общенія между нею и народомъ старательно пресѣчены. И еще недавно наблюдателю ничто не препятствовало слышать:

— Благодать у насъ! Вонъ про за-границу пишутъ, что тамъ все какая-то борьба, какія-то страсти, шумъ, скандалы. У насъ же, куда ни погляди,—спокой! тишина!..

Создавалась психологическая обстановка: „чего же намъ то волноваться, когда всѣ прочіе спокойны". Создавалась иллюзія: „значитъ за границей и впрямь хуже, если тамъ все волненія, а у насъ тихо". Конечно, обыватель нисколько не меньше чувствовалъ гнетъ и несправедливость, но когда онъ пытался уловить общую схему событій, передъ нимъ рисовалась картина: „тишь. гладь, божья благодать, и только гдѣ-то далеко-далеко, за гранью земли, словно для контраста, люди чего-то шумятъ и бѣснуются".

И вдругъ труды многихъ чиновничьихъ поколѣній сразу пошли на смарку. Перебивая другъ друга, не щадя красокъ и не стѣсняясь въ выраженіяхъ, „бѣлые агитаторы" составили счетъ и сами же понесли его въ глубь народа!

— Смотри: въ Россіи 100.000,000 крамольниковъ. Смотри: „повсемѣстная смута и безпорядокъ" *). Смотри: „передъ тобою" мрачная картина всеобщаго распутства и злодѣйствъ", „Море смердящаго зла и позора" **). Смотри: „существуетъ величайшая опасность"... ***).

И все это, по старой привычкѣ, пишется и говорится, чтобы доказать, сколь наши родные порядки хороши, а заграничные никуда не годятся!..

Доселѣ насъ пріучали къ мысли, что правительство внѣпартійно. Намъ совершенно серьезно говорили: парламентскій строй именно потому не годится, что основанъ на легальной организаціи и организованной борьбѣ политическихъ партій, при чемъ само правительство представляетъ также партію. Слѣдовательно, — убѣждали насъ,—побѣда того или другого мнѣнія обусловлена не справедливостью, но силою: которая партія ухитрилась навербовать себѣ больше сторонниковъ, та и побѣждаетъ. Между тѣмъ у насъ, дескать, среди тяжущихся обывателей стоитъ чиновникъ, который ни къ какой партіи не сопричисленъ, которому никто не сватъ и не братъ, но всѣ одинаково милы и дороги, а потому онъ и судитъ справедливо, по совѣсти, памятуя, что за свои дѣла дастъ отчетъ на страшномъ судѣ христовомъ.

И вдругъ подъ этотъ фундаментъ полицейскаго зданія, какимъ является теорія внѣпартійной власти—съ необыкновенною энергіей начало подкапываться само же полицейское начальство. Оно не разрѣшало ни перепечатывать изъ „Правительственнаго

*) Выраженіе саратовскаго „Братскаго Листка".

**) Цитирую по погромной прокламаціи: „Одесскіе дни". Она дозволена московской цензурой, издана г. Шараповымъ и усиленно распространялась не безъ участія городовыхъ.

***) Изъ печатной прокламаціи Русскаго собранія, подъ заглавіемъ: „Что надо теперь дѣлать русскимъ людямъ?"

Вѣстника", ни распространять извѣстныя рѣчи кн. Трубецкого, г. Ѳедорова и отвѣтъ на нихъ государя; тверской губернаторъ разослалъ даже по деревнямъ и селамъ чиновниковъ, чтобы отобрать всѣ изданія, гдѣ эти рѣчи были напечатаны; и въ то же время „каѳедра исаакіевскаго собора" выпускала „для безплатной раздачи" адресъ, напр., московскаго дворянства съ высочайшей на немъ помѣткой, а „раздача" производилась тѣми же чинами полиціи, которые волокли въ кутузку всякаго, кто осмѣливался читать „преступную рѣчь Трубецкого съ государевымъ на нее согласіемъ". Новгородскій губернаторъ нашелъ возможнымъ лично разъѣзжать по деревнямъ и отъ имени правительства говорить крестьянамъ: „не читайте „Сына Отечества", „Руси" „Нашей Жизни". а читайте „День"... А въ Костромѣ дѣло дошло до того, что губернаторъ сталъ поддерживать полицейскую государственность путемъ оффиціальнаго опроверженія теоріи „внѣпартійнаго" правительства. Онъ предложилъ земству не распространять брошюръ, изданныхъ „Донскою Рѣчью", ибо—пишетъ г. Князевъ—„хотя она и разрѣшена цензурою, но распространеніе ихъ противорѣчитъ намѣреніямъ правительства". Въ другой оффиціальной бумагѣ онъ категорически высказываетъ порицаніе тому, что костромское учительское общество, присоединилось къ *противоправительственному движенію, направленному къ достиженію народомъ широкихъ политическихъ правъ и къ переустройству государственнаго управленія на началахъ правового порядка* („Сынъ Отеч.", № 178).

Самъ старый воробей, кн. Мещерскій, быть можетъ, наиболѣе смышленный изъ всѣхъ нынѣшнихъ искоренителей крамолы, не сумѣлъ сохранить хладнокровіе въ суматохѣ, растерялся и во всеуслышаніе призналъ существованіе „правительственной партіи".

Эффекты получаются невѣроятные. То, что дѣлается одной рукой, разрушается другой...

Въ концѣ концовъ, самая мысль призвать народъ къ искорененію крамольниковъ заключаетъ въ себѣ грубую логическую ошибку. А потому, какъ и слѣдовало ожидать, при столкновеніи съ жизнью она разложилась на свои противорѣчія.

Когда арендаторъ правительственныхъ „Московскихъ Вѣдомостей" г. Грингмутъ устраивалъ „монархическую партію", другой болѣе тонкій и чуткій правительственный журналистъ кн. Мещерскій горячо возсталъ въ „Гражданинѣ" противъ этой затѣи. Онъ убѣждалъ коллегу не дискредитировать и не подрывать существующую въ Россіи власть. И надо ли доказывать, что кн. Мещерскій былъ правъ. Вѣдь полицейское государство въ томъ и именно состоитъ, что долгъ народа—быть управляемымъ, повиноваться и не вмѣшиваться въ дѣйствія власти. И затѣя пригласить „объѣдиненныхъ крестьянъ и мещанъ" къ дѣятельному и боевому участію въ дѣлахъ правленія могла родиться лишь у

человѣка бессознательно „крамольнаго“ образа мыслей, но достаточно глупаго, чтобы не понимать своихъ собственныхъ шаговъ. Любопытнѣе всего, что г. Грингмутъ, не смотря на ясные, какъ Божій день, доводы „Гражданина“, безъ стѣсненія пѣлъ диеирамбы нижегородскимъ и балашовскимъ громиламъ.

Неумѣлые спорщики часто попадаютъ въ общеизвѣстное конфузное положеніе. Стараясь поймать оппонента на мелочахъ, они забываютъ свою отправную точку зрѣнія, неосторожно хватаются за аргументы противника, теряютъ базу и сами приходятъ къ провозглашенію того, противъ чего спорили. Такой же конфузъ мы наблюдаемъ и въ данномъ случаѣ. Крамолоискоренители незамѣтно для самихъ себя превратились въ крамолораспространителей. И получилось зрѣлище высоко-поучительное, пожалуй, даже безпримѣрное. Россійская машина никогда не отличалась стройностью хода. Давно уже она изрядно хлябала, пошатывалась и скрипѣла. Но все-таки шла размѣреннымъ ходомъ, въ одну сторону. Въ движеніяхъ отдѣльныхъ частей замѣтна была хоть грубая, но все же планомѣрность. Но вотъ двѣ—три шестерни задумали повернуться самостоятельно, по собственному разуму, и „началась катавасія“. Одно колесо вертится впередъ, другое назадъ, третье норовитъ въ сторону, четвертое подскакиваетъ кверху. Зубья трещатъ, привода коверкаются, рычаги разлетаются въ дребезги. Тщетно машинистъ даетъ „ходъ впередъ“. Соскочившія съ своей зарубки колеса только пуще разрушаютъ механизмы. И чтобъ окончить тѣмъ, чѣмъ кончаетъ каждая машина, пришедшая въ такое состояніе, ей нужна лишь одна историческая секунда, за которой начинается фундаментальный ремонтъ и обновленіе жизни.

Историческія секунды, какъ извѣстно, весьма отличаются отъ астрономическихъ. Календарная длительность ихъ еще не опредѣлена. И когда именно обновленіе жизни наступитъ,— предсказывать не беремся. Пока же передъ нашими глазами мятутся люди, которые всѣми силами пишутъ 2×2, и всѣ силы употребляютъ, чтобы не вышло 4. Для психіатра и художника люди эти представляютъ не менѣе любопытный матеріалъ, чѣмъ тотъ буйный паціентъ психіатрической лѣчебницы, который яростно дрался съ собственною тѣнью. Но, боюсь, что гражданину это зрѣлище не доставитъ удовольствія Ибо какъ бы вы ни убѣждали генерала Кишкина опомниться, какъ бы вы ни доказывали ему, что передъ нимъ „Послѣдній день Помпеи“, онъ останется при своемъ убѣжденіи, что это—страшный судъ, и, махнувъ рукою, скажетъ:

— Всѣ тамъ будемъ...

И только, пожалуй, хитрый старикъ Суворинъ на закатѣ дней своихъ огорчится и изречетъ: „вотъ невѣжества достойные плоды“. Онъ будетъ правъ. За техническое невѣжество бюро-

кратія расплатилась Портъ-Артуромъ и Цусимой, а за многолѣтнее изгнаніе „соціальныхъ наукъ“—повальнымъ политическимъ невѣжествомъ и смертоносной для нея „черносотенной пропагандой“. Тако да сбудется реченное пророкомъ:

„Никто изъ пошедшихъ кривой дорогой не возвращается и не вступаетъ на путь жизни“ (Притчи Солом., II, 19).

А. Петрищевъ.

Еще о взяткахъ. „Эпоха великихъ реформъ“ сопровождалась порывомъ къ искорененію взятокъ, подъ которыми стонала „до-севастопольская“ Россія, Россія произвола и беззаконія. Въ итогѣ взятки почти совсѣмъ исчезли въ судебномъ вѣдомствѣ и въ земствѣ, но въ полиціи, въ духовныхъ консисторіяхъ, въ интендантствѣ и въ остальныхъ областяхъ нашей жизни положеніе осталось старое. И это вовсе не удивительно: взятка—неизбѣжный спутникъ беззаконія и произвола. Въ судебномъ вѣдомствѣ и въ земствѣ водворились гласность, общественный контроль и законность, и тамъ въ сильной степени исчезла рабья необходимость умилостивительныхъ приношеній. Въ другихъ областяхъ произволъ остался въ прежнемъ видѣ и здѣсь мздоимство и вымогательство не спустили своего флага.

За эпохою великихъ реформъ пришла „эпоха великой реакціи“, съ ущербомъ для законности, съ новымъ торжествомъ произвола и съ большимъ оживленіемъ взяточничества. Реакція ликовала, слагала пѣсни во славу „сильной власти“ и пировала, пока не грянули бѣдствіе и позоръ японской войны—„второго Севастополя“. Теперь очередь опять за эпохою реформъ. Такимъ образомъ, исторія наша развертывается по какому-то правильному, волнообразному закону: идутъ преступленія, за ними наказанія, за наказаніями покаяніе. А тамъ опять: мерзость реакціи, историческая кара и движеніе къ исправленію.

Эти смѣны ненастья и вёдра отражаются на усиленіи и ослабленіи взятокъ, какъ температура отражается на градусникѣ. Всѣ чувствовали, что за послѣдніе года веселый праздникъ справлялся на улицѣ щедринской „торжествующей свиньи“, что правда находились въ загонѣ, и что взятки стали переходить въ денной грабежъ. Но на столбцахъ угнетенной печати дѣйствительность не отражалась. И это очень понятно: когда обыватель вынужденъ давать взятки, онъ въ то же время всегда лишенъ возможности и жаловаться. На всякую попытку произволъ энергично отвѣчаетъ словами Сквозника-Дмухановскаго.

— Что... жаловаться?!.. Что много взяли?.. Знаете-ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что... Теперь я васъ!...

Только съ середины японской войны робкіе голоса жалобщиковъ начинаютъ понемногу раздаваться. Я съ интересомъ слѣ-

дилъ за этимъ явленіемъ и собралъ коллекцію газетныхъ вырѣзокъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ № 10549 „Нов. Вр." нижегородскій корреспондентъ разсказываетъ цѣлую исторію о „взяточничествѣ на Волгѣ". Героями являются лица, которыя отчисляютъ „единъ кубикъ себѣ, единъ Кесарю". Корреспондентъ говоритъ: „Утверждать, что на Волгѣ въ средѣ чиновъ министерства путей сообщенія не берутъ взятокъ, можетъ только человѣкъ, совершенно не знающій Волги... При бывшемъ начальникѣ казанскаго округа В. М. Лохтинѣ взяточничество на Волгѣ процвѣтало". Лохтина смѣнилъ В. А. Макаровъ, но оказывается, что „нельзя вино новое вливать въ мѣха старые". Далѣе освѣдомленный корреспондентъ набрасываетъ широкую картину волжскаго секрета полишинеля. Во-первыхъ. взятки берутся при арендѣ частныхъ пароходовъ для нуждъ казны. Здѣсь, кромѣ монетной мзды, наблюдается и натуральная повинность: „на этихъ пароходчикахъ лежала обязанность присутствовать и на петербургскихъ съѣздахъ гидротехниковъ въ качествѣ представителей волжской судоходной промышленности". Фразы редактированы въ прошедшемъ времени, но нѣтъ категорическаго указанія, что „новое вино" въ „старыхъ мѣхахъ" не пріобрѣло свойствъ вина стараго. А можетъ быть и страшновато обличать время настоящее: вѣдь мудрено по такимъ дѣламъ вооружаться „документами" противъ статьи о диффамаціи... Однако, какъ мы сейчасъ узнаемъ изъ компетентнаго свидѣтельства самого г-на Лохтина, осторожность корреспондента является излишней.

Вторая категорія взятокъ вымогается при составленіи актовъ: за ночные 25 р., за денные 15 р. Это—твердая такса, всѣмъ извѣстная отъ Твери до Астрахани. „На Волгѣ,—говоритъ корреспондентъ,—путейскимъ начальствомъ составляется масса актовъ, совершенно не отвѣчающихъ дѣйствительности". Страховки выдаются пароходчикамъ лишь въ томъ случаѣ, когда аваріи происходятъ отъ force majeur, и вотъ за мзду акты пестрятъ „неизвѣстными предметами", попавшими въ пароходныя колеса, „внезапно подувшими шторменными вѣтрами" и т. д.

Рѣчное законодательство, это—паутина, въ которой запутаны пароходчики. Одно видное путейское начальство сказало корреспонденту:

— Многіе судовладѣльцы съ глаза на глазъ говорятъ мнѣ: „даемъ взятки, безъ взятокъ невозможно", но стоитъ только перевести рѣчь на оффиціальную почву, немедленно же слѣдуетъ отказъ: *боятся*...

На эту корреспонденцію откликнулся въ № 10552 „Нов. Вр." вполнѣ компетентный человѣкъ, бывшій начальникъ казанскаго округа В. М. Лохтинъ. Его признанія и утвержденія прямо поразительны.

„Что касается до взяточничества на Волгѣ или, говоря точнѣе, до взяточничества вообще, *такъ какъ оно въ нашемъ отечествѣ встрѣчается повсюду*, то въ этомъ отношеніи мое положеніе было совершенно таково-же, какъ и положеніе нынѣшняго начальника округа инженера Макарова. *Что было раньше, то есть и сейчасъ*, и настоящая исторія на Волгѣ только еще разъ доказываетъ, что дѣло здѣсь вовсе не въ старыхъ и новыхъ мѣхахъ, а въ глубокихъ корняхъ, безъ оздоровленія которыхъ однѣми перемѣнами въ личномъ составѣ все равно достигнуть ничего не удастся".

„Глубокіе корни", конечно, не что иное, какъ произволъ и безправное положеніе обывателей, которые „боятся" не давать взятокъ и жаловаться. Таковы „исконно русскія начала" по теченію матери нашихъ рѣкъ...

Переходимъ къ другимъ областямъ. Въ „Сынѣ Отечества" мы находимъ замѣтку: „Опять злоупотребленіе въ морскомъ вѣдомствѣ". „Опять" здѣсь явилось потому, что до этого не мало мѣста было удѣлено слухамъ о десяти-процентныхъ „благодарностяхъ" при заказахъ кораблей и разныхъ другихъ предметовъ. Въ цитируемой замѣткѣ нѣтъ ничего грандіознаго: дѣло самое обыкновенное. Въ столярной Галернаго острова изъ казеннаго матеріала приготовляется мебель для частныхъ лицъ. Это обнаружили неблагонамѣренные рабочіе, и благонамѣренное начальство уволило одного мастера, снабдивъ его, однако, аттестатомъ о безпорочной службѣ... Почему такъ? — газета не разъясняетъ. Можетъ быть, стало жалко столярнаго „стрѣлочника", искупившаго грѣхи галерно-островскіе?..

Изъ столярной мастерской, гдѣ за счетъ казны дѣлали частную мебель—не безъ „благодарности", конечно, по отношенію къ „дремонному оку" надзора,—перейдемъ по сосѣдству въ С.-Петербургскій портъ. Здѣсь, по свѣдѣнію „Руси," „ни для кого изъ чиновъ администраціи не секретъ, что въ распредѣленіи расцѣнокъ у насъ царитъ полный произволъ, взяточничество и лицепріятіе".

Всѣмъ извѣстно, что при г. Леляновѣ, ставленникѣ Плеве, петербургская городская управа обюрократилась до сильной степени, и привело это, наконецъ, къ скандальному провалу моста. Но, конечно, не только мосты были подточены бюрократическимъ духомъ. По словамъ „Руси", недавно обнаружилось, между прочимъ, что сукно, купленное на 2,000 р. для пожарныхъ, никуда не годно. „Сшитые изъ этого сукна мундиры немедленно расползаются по швамъ". Газета не дѣлаетъ прямыхъ указаній на взятки, и мы ограничимся лишь сентенціей, что подобныя „ошибки" всетаки не бываютъ при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу.

Изъ „Новаго Времени": „Биржевые комитеты и торговыя фирмы

возбудили передъ министерствомъ путей сообщенія ходатайство о болѣе строгомъ надзорѣ за дѣйствіями станціонныхъ желѣзнодорожныхъ агентовъ". Однимъ товаро-отправителямъ даютъ вагоны, другимъ не даютъ. Происходитъ это отъ „неправильностей и даже *злоупотребленій*". Не трудно понять, о какихъ „злоупотребленіяхъ" здѣсь идетъ рѣчь: для „умныхъ" вагоны находятся. Во время японской войны не мало писалось, что при „расходѣ" рублей въ 400—600 на вагонъ, этотъ вагонъ летѣлъ прямолинейно на Дальній Востокъ съ товарами для тыла арміи, а „не смазанные" вагоны по мѣсяцамъ ждали своей очереди. Скотопромышленники разсказываютъ цѣлыя повѣсти о томъ, что надо дѣлать, чтобы вагоны со скотомъ прицѣплялись, а не отцѣплялись.

„Вся Рассеюшка бастуетъ, а казна виномъ торгуетъ", — говоритъ новомодная пѣсенка. Вотъ и заглянемъ въ эту торговлю виномъ. Недавно всѣ газеты обошло сенсаціонное извѣстіе: „Злоупотребленія въ акцизномъ вѣдомствѣ". Начались обличенія съ письма г-на Акцизнаго въ „Сынѣ Отеч.": ходятъ, де, слухи о „крупныхъ недоразумѣніяхъ". Приступъ осторожный и обыкновенный: сперва обнаруживаемыя взятки всегда называются „недоразумѣніемъ", „страннымъ обстоятельствомъ", „непонятнымъ фактомъ" и т. д. А потомъ дѣло раскрывается, если во время не очутятся подъ крышкой. За робкими аккордами слѣдуютъ уже болѣе опредѣленные. „Предполагается судебное дѣло по обвиненію *ряда* лицъ акцизнаго надзора во взяточничествѣ". „Тяжело видѣть картину изумительнаго произвола, казнокрадства и взяточничества, царящихъ въ акцизномъ вѣдомствѣ". „Со времени введенія винной монополіи дѣятельность многихъ и многихъ лицъ, какъ это и обнаружено уже контролемъ, сводилась и сводится къ возмутительному набиванію своихъ кармановъ тѣми способами, которые всегда найдутъ себѣ защитниковъ тамъ, гдѣ на мѣсто закона поставлены произволъ и безотвѣтственное усмотрѣніе".

Вѣдомство всполошилось. „Орeръ, орeръ"...—какъ выражалась пріятная гоголевская дама. Шило вылѣзло изъ мѣшка и осталось „успокоить" общественное мнѣніе только тѣмъ, что въ мѣшкѣ лишь одно — два шила, а не больше. И вотъ, что мы, между прочимъ, находимъ въ „Нов. Вр." отъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей.

„При разслѣдованіи нѣкоторыя заинтересованныя въ питейной торговлѣ лица показали, что дѣйствительно въ Петербургѣ оперируютъ нѣсколько лицъ въ качествѣ посредниковъ, дѣйствующія именемъ одного лица акцизнаго вѣдомства и предлагающія за извѣстное вознагражденіе свои услуги по исходатайствованію разнаго рода разрѣшеній, касающихся питейной торговли въ столицѣ. А также были косвенныя указанія на непосредственное

участіе въ означенномъ дѣлѣ *двухъ* должностныхъ лицъ мѣстнаго акцизнаго управленія".

Только „два" лица, да еще „косвенно", да и тѣ уже обнаружены... Общество должно „успокоиться" и съ довѣріемъ думать о бюрократической торговлѣ водочкой.

Всѣмъ извѣстны разсказы о консисторскихъ секретаряхъ, которые за однѣ свои квартиры платятъ вдвое больше получаемыхъ окладовъ. Иногда выручаетъ возможность ссылки на „богатую жену", но каково положеніе холостыхъ... На эту тему много было писано, и теперь мы остановимся лишь на смоленской корреспонденціи „Новаго Времени".

„Мѣстный органъ, — говоритъ корреспондентъ изъ Смоленска, — *лишенъ возможности* сообщать *правду* о произволѣ, который царствуетъ въ нашемъ епархіальномъ управленіи... Произвольнымъ распоряженіемъ смоленской духовной консисторіи устранены церковные старосты церквей Покровской и Свирской *за охрану церковныхъ доходовъ отъ посягательствъ*... Хищенія и растраты при постройкахъ семинаріи, епархіальнаго училища, въ свѣчномъ заводѣ и т. д. вполнѣ выяснены. Наши храмы не могутъ ремонтироваться отъ массы поборовъ, безконтрольно назначаемыхъ и расходуемыхъ". Два устраненныхъ церковныхъ старосты, явное дѣло, не умѣли „сноситься" съ консисторіей, какъ слѣдуетъ, и за это потерпѣли. Но изъ этого же видно, что всѣ остальные многочисленные старосты „умѣютъ сноситься", а потому и не изгоняются со своихъ мѣстъ.

Просматривая свои вырѣзки, я замѣчаю, что очень, сравнительно, малое ихъ число касается нашей полиціи. Газеты, по большей части, придерживаются въ этой области правила — aut bene, aut nihil, но это вовсе не значитъ, что наша полиція мертва. И такъ, удовольствуемся тѣмъ, что есть.

Послѣ полиціймейстера Шафрова, брантмейстера Осипова и тому подобныхъ героевъ трудно найти что-нибудь удивительное, и факты, мною собранные, вѣроятно, покажутся мелкими. Но надо помнить, что мелкіе факты, имѣющіе общій характеръ, еще болѣе типичны и значительны, чѣмъ исключительные, хотя и крупные.

„Извѣстно,—говоритъ „Новое Время",—что въ десятскіе и сотскіе уважающіе себя крестьяне не идутъ потому, что эти „сельскія власти" не только находятся на побѣгушкахъ у исправниковъ, становыхъ и урядниковъ, но выполняютъ у перечисленныхъ чиновъ роль домашней прислуги, на манеръ денщиковъ". Далѣе описывается, какъ нѣкоторые становые взимаютъ съ крестьянъ мзду, и за это ослабляютъ „натуральную повинность". Въ Гдовскомъ уѣздѣ, напримѣръ, крестьяне шести волостей платятъ становому по 3—4 коп. „лакейскаго сбора". Если не берутся освободительныя взятки, то вытребываются сотскіе и де-

сятскіе. По словамъ „Свѣта“, положеніе этихъ несчастныхъ при квартирѣ станового прямо ужасное: „ихъ всегда дежурятъ нѣсколько человѣкъ, пять и шесть... особаго помѣщенія имъ нѣтъ, и они должны ютиться подъ навѣсомъ на дворѣ... Зимой ихъ положеніе особенно тяжело“. Но понятно, чѣмъ больше становой мучаетъ сотскихъ и десятскихъ, тѣмъ скорѣе успѣетъ вымогательство „лакейскаго сбора“.

Въ „Казанскомъ Телеграфѣ“ эта кабала освѣщена очень подробно. „Становые *по всему сѣверо-востоку* Россіи упрочили правило—даромъ пользоваться десятскими, какъ домовой прислугой“. Ихъ заставляютъ чистить лошадей, конюшню и дворъ, пилить дрова, возить на себѣ воду для сада, кормить куръ и свиней, таскать на рѣку бѣлье, а часто и полоскать его. Становые не кормятъ своихъ „крѣпостныхъ“: они получаютъ отъ сельскихъ обществъ по 15 коп. въ день. Такимъ образомъ, мы видимъ, что во всей Россіи отъ Финляндіи до Урала полиція либо сдираетъ „лакейскій сборъ“, либо эксплуатируетъ постоянно до шести мужиковъ, съ которыми обращается, какъ съ хлѣвнымъ скотомъ. И это рѣшительно всѣмъ извѣстно. Но почему крестьяне не жалуются? Почему они платятъ эти взятки деньгами и натурой? А потому, что „доводить до свѣдѣнія“ общеизвѣстныя вещи глупо, и самовольное „уклоненіе“ называется „сопротивленіемъ властямъ“. Въ № 10,423 „Нов. Вр.“ напечатано, что въ уральскомъ Александровскомъ заводѣ при квартирѣ станового всегда дежурятъ трое десятскихъ, которые „чистятъ самовары, носятъ воду, водятся съ ребятами, ходятъ за коровой, убираютъ навозъ и снѣгъ“ и т. д. И все это даромъ. „Къ сожалѣнію,—говоритъ газета,—что описывается на Уралѣ, происходитъ и *въ Сибири*, и *на Волгѣ*, однимъ словомъ, *вездѣ въ Россіи*“. Сплошное взяточничество...

О городской полиціи г. Скальковскій разсказываетъ интересные факты въ томъ же „Новомъ Времени“. Вотъ что было, когда полицейскія мѣста раздавались гвардейцамъ. „Петербургскій приставъ 3-й части получалъ въ годъ до 15,000 руб., 2-й части—до 10,000 руб. Васильевская, Московская и Литейная были выгодны; наоборотъ, Выборгская доставляла не болѣе 3,000 руб. Квартальный Сѣнной получалъ 12,000 руб.“ Это было давно, а что теперь дѣлается, къ сожалѣнію, „Новое Время“ не пишетъ.

Перейдемъ къ интендантству. Въ началѣ войны наша „патріотическая“ печать объявила, что миръ будетъ прописанъ „макакамъ“ во взятомъ Токіо и что наша армія и наше интендантство теперь уже не тѣ, что были въ турецкую кампанію. Мало-по-малу исчезли мечты о Токіо, исчезли и иллюзія объ интендантствѣ и арміи. Въ интендантствѣ все оказалось „по старому“, да и съ какой стати было интендантству мѣняться, когда не мѣнялся общій режимъ. Съ пораженіями на войнѣ начались об-

личенія въ печати, сперва очень, очень робкія, потомъ чуточку болѣе ясныя; однако, и до сихъ поръ, конечно, не высказана и сотая доля правды.

Починъ обличеніямъ сдѣлало „Русское Слово". Оно повѣдало, что въ Новомосковскѣ для солдатъ скупаются валенки самаго дрянного сорта по 1 р. 20 к.—1 р. 50 к. за пару, а въ казну ставятся по 5 р. 50 к. Эти валенки сдѣланы изъ „кислой шерсти" и обшиты кожей-„худрой", которая „не прочнѣе бумаги". Объ участіи интендантовъ въ этомъ обирательствѣ, о взяткахъ съ поставщиковъ газета не сказала ни слова, и тѣмъ оставила возможность думать, что по 4 руб. на каждой парѣ валенокъ наживаютъ только безсовѣстные поставщики. Но, конечно, всѣ догадливые читатели задались вопросами: а какъ же принимаетъ интендантство эту дрянь изъ „кислой шерсти", обшитую „худрой"? И развѣ можно платить 5 р. 50 к. за то, что стоитъ 1 р. 20 к.? Можно ли допустить такую дѣтскую наивность въ интендантахъ? Поговорили, поговорили о грабежѣ на валенкахъ и успокоились, не дождавшись никакого объявленія объ оффиціальномъ разслѣдованіи. Люди, прикарманившіе по 4 р. на парѣ и подѣлившіеся съ кѣмъ слѣдуетъ, само собой, не стали напоминать о себѣ въ газетахъ... И только съ Дальняго Востока приходили смутные, цензурованные слухи о „босой арміи" и объ обмороженныхъ ногахъ.

За валенками въ газетахъ промелькнули ковровскіе полушубки („Наша Жизнь" № 13). Шьются, де, они изъ „вонючей овчины" и такъ плохо, что расползаются. Много овчинъ сняты съ сибиреязвенной падали, и потому даже швецы часто заражаются. И опять о роли интендантовъ ни слова.

Дальнѣйшія обличенія носятъ уже болѣе ясный характеръ. Въ № 10,553 „Новаго Времени" мы находимъ описаніе бѣлья для арміи. „Качество бѣлья, поставленнаго интенданствомъ, плохо, такъ плохо, что нетолько преступно мучить такимъ бѣльемъ армію, но преступно даже занимать такой рванью вагоны сибирской дороги"... Бѣлье сшито изъ сквернѣйшаго миткаля. „Подобный полуфабрикатъ трудно даже достать въ магазинахъ, его лишь иногда держатъ для продажи на тряпки и для техническихъ цѣлей". „Ткань усѣяна, такъ называемой, „голочкой", т. е. черными, весьма твердыми осколками чашечекъ хлопчатника. Миткаль, изъ котораго сшито солдатское бѣлье, представляетъ своего рода *терку*. Такое бѣлье и безъ насѣкомыхъ ѣстъ тѣло. Въ результатѣ получаются всевозможныя кожныя заболѣванія. Но это на дѣлѣ, тамъ, въ Манчжуріи, а на бумагѣ все будетъ благополучно: заболѣвшихъ *отъ бѣлья* экземой и другими кожными болѣзнями примажутъ какъ нибудь къ графѣ „венерическихъ"... Швеямъ за работу платятъ по 7 коп., а за панталоны 5 коп. Это цѣна невозможная и въ шесть разъ ниже

нормальной. Конечно, поэтому и шьются казенныя вещи отвратительно. „Куда идетъ экономія, представляю читателемъ судить самимъ“.

Здѣсь обличеніе уже яснѣе, чѣмъ въ сообщеніяхъ о валенкахъ и полушубкахъ. Обвинены интенданты, но обвинены лишь въ снабженіи солдатъ невозможно сквернымъ бѣльемъ. Почему же такъ? Можетъ быть, интендантамъ отпущено слишкомъ мало денегъ? Это не выяснено, и только неопредѣленная фраза о „куда-то идущей экономіи“ позволяетъ догадываться о взяткахъ.

Не болѣе ясно пишетъ и „Русь“. „Въ Петербургѣ есть старикъ-кузнецъ. Теперь онъ дѣло прекратилъ—старъ. Весной его позвали на Сергіевскую въ одинъ богатый домъ. Генералъ предложилъ ему поставлять подковы по 1 р. 80 к. за кругъ. Старикъ отказался, говоря, что дѣло прекратилъ. Тогда ему сказали, что поставлять и не надо, а надо только расписываться каждую недѣлю въ полученіи денегъ за поставку, и за это онъ будетъ получать 200 р. за каждую расписку. Старикъ отказался, видя мошенничество, прибавивъ, что когда онъ поставлялъ по 80 коп. за кругъ, то и то нажилъ деньги“.

Изъ № 189 „Нашей Жизни“: „Московское интендатство рѣшило заготовить хозяйственнымъ способомъ рубахи для солдатъ, но затѣлъ сдало весь заказъ подрядчику, а тотъ всего за *одну треть* цѣны сдалъ поставку городскому работному дому“. Здѣсь 66% наживы, но опять нѣтъ указаній, что это: взятка или наивность грудного ребенка?

Въ № 10,607 „Новаго Времени“ разсказана исторія пріемки валенокъ казанскими интендантами. „Казанская губернская управа, получившая предложеніе поставки, дважды посылала интендантамъ образцы валенокъ. Въ первый разъ интенданты забраковали работу, одобривъ матеріалъ, а во-второй разъ забракавали матеріалъ, одобривъ работу. Въ третій разъ управа послала тѣ же валенки, но интенданты забраковали и то, и другое“. По поводу этой исторіи „Новое Время“ выводитъ такое заключеніе: „Интенданты далеко не всегда бываютъ такъ „строги“ при пріемкѣ, въ особенности, когда дѣло приходится имѣть не съ земствомъ, а съ „*отвѣтными*“ въ своемъ родѣ поставщиками“.

Намекъ на взяточничество здѣсь уже опредѣленный. Но только намекъ.

Кустари-сапожники села Красный Холмъ изготовили 8 паръ сапогъ и отдали ихъ интендантамъ, какъ образцы, чтобы сдѣлать большую поставку на армію. По свѣдѣніямъ „Слова“ (№ 217) послѣ долгихъ изморовъ интендантство, наконецъ, сапоги забраковало, потому что, во-первыхъ, ушки были пришиты не восемью, а 23-мя стежками и, во-вторыхъ, потому, что въ каблукахъ оказалось менѣе 13% влаги. „Кустари недоумѣвали,—

говоритъ газета,—какимъ масломъ нужно смазывать, чтобы сапоги прошли, какъ по маслу, въ армію. Очевидно, въ умѣ кустарей были неправильныя понятія о влажности, которой можно избѣгнуть „смазкой"... Въ итогѣ, кустари рѣшили, что слѣдуетъ работать на подрядчика, „который *все* знаетъ"...

На тему о рѣшающемъ значеніи „смазки" и „*всезнанія*" подрядчиковъ „Русь" разсказываетъ такой курьезъ. „Корчевской управѣ было предложено главнымъ интендантствомъ поставить значительную партію сапогъ для арміи. Съ предложеніемъ была прислана и образцовая пара. Управа послала въ московское окружное интендантство, гдѣ она желала сдавать подрядъ, для одобренія ту самую пару сапогъ, которую получила въ видѣ образца отъ главнаго интендантства, снявъ предварительно ярлыки. Случилось то, что и нужно было ожидать: московское окружное интенданство забраковало образецъ главнаго интендантства". Но безъ сапогъ интенданство не остается: вмѣсто земства явится „опытный" подрядчикъ, который „все знаетъ", и его сапоги окажутся хорошими.

Затхлая мука и гнилые сухари играли большую роль въ турецкую компанію. Изъ № 260 „Нашей Жизни" мы узнаемъ, что традиціи не забыты и теперь. Въ приказѣ по кіевскому военному округу отъ 2 августа этого года говорится: „До сихъ поръ бываютъ случаи пріема войсками изъ продовольственныхъ магазиновъ *затхлой* муки, изъ которой получается недоброкачественный хлѣбъ... Муку сомнительнаго качества допускать къ пріему только изъ кіевскаго особаго магазина и то въ пропорціи $^1/_5$ части на $^4/_5$ свѣжей". „Интересно было бы знать,—прибавляетъ газета,—фамиліи интендантовъ смотрителей продовольственныхъ магазиновъ, получающихъ, такъ называемыя, „*пріемлемыя*".

Безъ всякихъ обиняковъ, безъ упоминанія о „смазкахъ" и „пріемлемыхъ" говоритъ о взяточничествѣ генералъ Кондратенко въ письмѣ, которое обошло всѣ газеты. „Наши военные инженеры совершенно не помогаютъ войскамъ въ скорѣйшемъ созданіи блиндажей и вообще не идутъ на встрѣчу интересамъ войскъ, а занимаются *казнокрадствомъ*. Поэтому инженеры ведутъ только тѣ работы, на которыя можно занимать китайцевъ, при чемъ китайцевъ по отчету нанято гораздо больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, и такимъ образомъ наживаются. Тѣ же работы, въ которыхъ участвуютъ только войска, страшно тормазятся. *Такова дѣятельность и интендантства*: недостаетъ обуви, обмундированія, снаряженія. Часть людей ходитъ въ прорванныхъ, *принесенныхъ изъ дома*, валенкахъ, а интенданты изощряются, какъ бы совсѣмъ урѣзать часть ихъ обмундированія".

На этомъ замѣчательномъ письмѣ замѣчательнаго человѣка я и кончаю, какъ на финальномъ аккордѣ, свои цитаты о взят-

ахъ. Матеріалы мои отрывочны, случайны и мизерны, но все же они вполнѣ доказываютъ, что бѣдную Россію обираютъ и грабятъ повсюду.

Остроумно говоритъ о взяточничествѣ „Виленскій Вѣстникъ". „Покупка начальства—историческая черта русскаго, смиреннаго человѣка... Принято думать, что эту черту воспитали въ насъ атары. Ахъ, эти татары!... Это тоже, что теперь „жиды". Чуть что не хорошо у насъ, все на татаръ взваливаемъ".

Невольно заставляетъ улыбнуться „Le Matin". Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ этой газеты разсказывается, что бакинскіе нефтепромышленники были до сихъ поръ вынуждены откупатся взятками не только отъ обыкновенно-русскихъ мздоимцевъ, но и отъ мѣстныхъ разбойниковъ. Къ этому газета прибавляетъ: „Les inconvenients de cette singulière assurance"—неудобства этой странной страховки. Дѣйствительно „неудобно", если кромѣ обыкновенныхъ взяточниковъ приходится давать „пріемлемыя" и вольнымъ разбойникамъ.

А еще „Новое Время" говоритъ, что „Le Matin" недоброжелательно относится къ Россіи... Чего ужъ мягче: даже то, что имѣетъ мѣсто въ Баку, снисходительная газета называетъ только „неудобствомъ"... Впрочемъ, нельзя сильно винить „Le Matin". Много вѣковъ съ высоты своихъ креселъ смотритъ нашъ оффиціальный міръ на нашу дѣйствительность и находитъ ее даже очень удобной.

С. Протопоповъ.

Морской штабъ «на мирномъ положеніи». Н. А. Демчинскій въ „Словѣ" рисуетъ жанровую картинку, которя отъ нашихъ тревожныхъ дней, послѣ Портъ-Артура, Ляояна, Мукдена и Цусимы, переноситъ воображеніе къ добрымъ старымъ временамъ до-реформенной обломовщины. Вы, конечно, помните: „можно было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить живой души"... И далѣе: „это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ не побѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти"... Это изъ Гончаровскаго „Обломова" *).

Теперь послушайте, что разсказываетъ г. Демчинскій, уже прямо съ натуры. Извѣстно, что г. Демчинскій—человѣкъ предпріимчивый и безпокойный. Одно время онъ весь былъ поглощенъ предсказаніями погоды, которая, однако, рѣшительно не оправдала его ожиданій. Послѣ этого онъ обратилъ свое вниманіе на предметы, болѣе доступныя человѣческому воздѣйствію. Онъ составлялъ проекты реформъ, писалъ о войнѣ, порицалъ Куропаткина и, хотя, какъ русскій человѣкъ, не могъ обойтись безъ неумѣренныхъ (для равновѣсія) славословій по адресу другихъ

*) Полное собраніе сочиненій Гончарова, 1899 г., т. III, стр. 141.

генераловъ, но все же въ общемъ, повидимому, нѣсколько ожесточился, и его статьи послѣдняго времени писаны уже не нововременской пряно-патріотической водицей, а уксусомъ и желчью.

Въ такомъ настроеніи г. Демчинскій отправился въ одинъ прекрасный день въ главный морской штабъ, чтобы навести справки по одному дѣйствительно интересному предмету. Дѣло въ томъ, что, по распоряженію главнаго морского штаба, семьи офицеровъ, участвовавшихъ въ цусимскомъ бою, лишены выдававшагося имъ прежде содержанія...

Эта „гуманная мѣра" практиковалась уже и ранѣе. Въ газетахъ много разъ отмѣчались случаи, когда жены офицеровъ узнавали о смерти мужей на поляхъ битвъ именно отъ полковыхъ казначеевъ, которые „за выбытіемъ изъ строя по случаю смерти", сразу прекращали осиротѣлой семьѣ содержаніе... Такимъ образомъ, жены и дѣти оставались сразу не только безъ мужей и отцовъ, но также и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Это приказное бездушіе вызывало въ свое время негодованіе всей печати, и въ газетахъ появилось „компетентное сообщеніе", что противъ него уже приняты соотвѣтствующія мѣры. Мы не знаемъ въ точности, какъ отразились эти мѣры на сухомъ пути, но относительно семей моряковъ вліяніе ихъ выразилось въ формахъ довольно неожиданныхъ: прежде шла рѣчь о лишеніи содержанія семей офицеровъ, завѣдомо убитыхъ; теперь, послѣ цусимскаго боя содержаніе прекращено и семьямъ живыхъ. Штабъ знаетъ достовѣрно, что погибло „много", но такъ какъ ему неизвѣстно, кто именно остался въ живыхъ, то „для большей вѣроятности" перестали выдавать всѣмъ. Кто окажется живъ, тому предоставляется доказывать законнымъ порядкомъ, что онъ не умеръ...

Гуманная экономія коснулась, между прочимъ, и родственницы г-на Демчинскаго, почему послѣдній отправился за справками въ канцелярію главнаго морского штаба. Здѣсь онъ, разумѣется, прежде всего обратился къ курьеру, съ которымъ и произошелъ у него нижеслѣдующій замѣчательный діалогъ, достойный занесенія на страницы исторіи:

— Кто начальникъ штаба?—спрашиваетъ г. Демчинскій.

— Рождественскій.

— Онъ здѣсь?

— Никакъ нѣтъ... Въ Японіи.

Тутъ только, говоритъ г. Демчинскій, я сообразилъ, о какомъ Рождественскомъ идетъ рѣчь. До этого я никакъ не могъ совмѣстить эти двѣ должности.

— Ну, а теперь кто же начальникъ штаба?

— Адмиралъ Безобразовъ.

— Онъ тутъ?

— Никакъ нѣтъ, они въ отпуску.

— Да кто-же теперь-то начальникъ?—спросилъ г. Демчинскій, уже съ понятной досадой.

— Адмиралъ Виреніусъ.

— Онъ здѣсь?

— Никакъ нѣтъ. Третій день съ дачи не пріѣзжали.

— Да что-ты: шутишь, что ли?

— Помощникъ ихній...

— Кто помощникъ?

— Адмиралъ... (фамилію г. Демчинскій не разслышалъ).

— Здѣсь?

— Никакъ нѣтъ. И они не пріѣзжаютъ.

— Да кто же, чортъ возьми (грубо, но... понятно) пріѣзжаетъ?

— Второй помощникъ, адмиралъ Нидермиллеръ. Только... они тоже ушли...

— Ну, дай мнѣ адъютанта штаба!

— Старшій адъютантъ Зилоти...

Припоминаемъ,—кажется г-нъ Зилоти нѣсколько извѣстенъ литературѣ: въ похвальномъ рвеніи онъ выступалъ на защиту своего начальства противъ нападокъ капитана Кладо, при чемъ нѣсколько превысилъ мѣру усердія и подвергся даже взысканію... Весьма понятно, что... на вопросъ г-на Демчинскаго: „Ну вотъ, давай Зилоти“!—послѣдовалъ опять тотъ же неизмѣнный отвѣтъ:

— Ихъ нѣтъ-съ... Можетъ быть, въ третьемъ часу... иногда заѣзжаютъ...

— Такъ съ кѣмъ же мнѣ говорить-то?—спрашиваетъ г. Демчинскій въ отчаяніи.

— Только вотъ дежурный чиновникъ.

Дѣйствительно, „въ пріемную вошелъ утомленный коллежскій регистраторъ и подошелъ къ очередной дамѣ. Но тутъ,—говоритъ г. Демчинскій,—я наступилъ ему на горло... и только послѣ этого энергичнаго воздѣйствія г-ну Демчинскому удалось узнать, что „*жалованіе семьямъ офицеровъ не платятъ потому, что нѣтъ донесенія о цусимскомъ боѣ отъ старшаго адмирала*, а потому канцелярія не знаетъ, кто живъ и кто погибъ“ (!).

— Да вѣдь вы же сообщили списки въ газетахъ!

— Да, но это по японскимъ и французскимъ свѣдѣніямъ, которыя не могутъ служить оправдательнымъ документомъ передъ контролемъ“!.. *).

Превосходная система контроля и замѣчательное отношеніе къ „иностраннымъ источникамъ“. Прекратить выдачу содержанія многимъ семьямъ на основаніи этихъ источниковъ — можно. Но возстановить хоть одной семьѣ,—нельзя... Удивительно, что при столь экономическомъ контролѣ нашъ побѣжденный флотъ стоилъ всетаки въ $1\frac{1}{2}$ раза дороже побѣдоноснаго японскаго...

---

*) „Слово“. Заимствуемъ изъ „Спб. Вѣд.“ 21 авг. 1905, № 201.

Г. Демчинскій выражаетъ желаніе, чтобы г. морской министръ „хоть разъ попалъ въ главный штабъ просителемъ"... Истинно россійское упованіе на министровъ Гарунъ-аль-Рашидовъ... А между тѣмъ,—что бы произошло, если бы г. военный министръ, хотя бы даже переодѣвшись капитаномъ Копѣйкинымъ, испыталъ на себѣ всѣ терніи „просительства" въ штабахъ? Очень можетъ быть, что мы прочитали бы еще одинъ приказъ, обличающій съ бюрократическихъ высотъ канцелярскіе порядки и вмѣстѣ рисующій мудрую бдительность высшаго начальства... И только. Бывало вѣдь это много разъ, и приказы писались многократно. Мнѣ вспоминается читанный гдѣ-то разсказъ о томъ, какъ еще Петръ Великій объѣхалъ однажды присутственныя мѣста, спустя два часа послѣ законнаго срока для начала занятій, и не засталъ „господъ присутствующихъ" на мѣстахъ. Петръ Великій! Не адмиралу Бирилеву чета! И приказы онъ писалъ, какъ извѣстно, очень выразительно. Напримѣръ: когда бригадиръ Трубецкой и его товарищъ Исаевъ промедлили два года съ исполненіемъ порученнаго имъ дѣла, то Петръ послалъ имъ указъ съ угрозою: и „ежели сихъ дѣлъ не учините въ 5 мѣсяцевъ или полгода, то ты, (Трубецкой) и товарищъ твой Исаевъ будете въ *работу каторжную* посланы" *). Кажется, довольно сильно, но тогда бывало и еще сильнѣе. Напримѣръ, въ 1711 году, вице-губернатору гор. Москвы Ершову обѣщано было отъ сената: „и черевы на кнутьяхъ выметать"... **) Однако канцелярскіе нравы плохо исправлялись канцелярскими же воздѣйствіями и угрозами, такъ что преемникамъ Петра приходилось, въ свою очередь, неустанно прибѣгать къ весьма своеобразнымъ мѣрамъ. Такъ, въ 1734 году Мельгуновъ рапортомъ доносилъ о медленности губернаторовъ и воеводъ,—„коимъ въ 1732 и 1733 годахъ послано по 12 указовъ, и сверхъ того подано на нихъ въ сенатъ 3 доношенія, и по опредѣленіямъ сенатскимъ послѣдовало 3 указа", и по тѣмъ указамъ „велѣно тѣхъ *губернаторовъ* и воеводъ за неприсылку рапортовъ держать *подъ карауломъ*, а секретарей и подъячихъ *въ оковахъ* (!). Но... и послѣ сего рапортовъ все же не прислано ***), и волокита тянулась та же, и никакіе грозные указы не могли побѣдить непобѣдимую канцелярскую бездѣятельность...

Съ тѣхъ поръ прошло два столѣтія... Никогда еще, кажется, не было ничего подобнаго тому, что пережила Россія на Дальнемъ Востокѣ. И что же? Все быстро вошло колею. Даже громъ цусимской канонады, возвѣстившей всему міру гибель цѣлаго флота и небывалое торжество противника надъ русскимъ флагомъ,—ничто не могло преодолѣть—„ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти" въ обломовскихъ канцеляріяхъ военной бюро-

---

*) Соловьевъ 1-е изданіе Исторіи, т. XVII, стр. 178.
**) Ib. XVI, 182.
***) Ib. XX. 186.

кратіи. Флотъ побѣжденъ, порядки морского штаба устояли! На безпримѣрныя пораженія главный морской штабъ реагировалъ немедленнымъ и огульнымъ прекращеніемъ содержанія семьямъ и живыхъ, и плѣнныхъ, и убитыхъ офицеровъ безъ разбору, — а самъ... перешелъ на мирное дачное положеніе...

И вотъ, въ военной канцелярской пустынѣ бродитъ безпокойный партикулярный человѣкъ Н. А. Демчинскій, заступаясь за права „ошибочно не погибшихъ“ офицеровъ, и въ раздраженіи восклицаетъ:

— Да, кто же, наконецъ, сюда, чортъ возьми, пріѣзжаетъ? Давайте мнѣ кого-нибудь... кого хотите, но давайте...

И на эти отчаянные вопли, точно блѣдное сновидѣніе изъ глубины соннаго царства, выходитъ... „утомленный коллежскій регистраторъ“, унылое олицетвореніе порядка, при которомъ, по безсмертному выраженію Щедрина,—„всѣмъ въ странѣ правитъ столоначальникъ“...

Понятно, что и онъ, бѣдняга, утомился до смерти...

Въ заключеніе, маленькое газетное сообщеніе изъ области той же военной экономіи: „Слово“ сообщаетъ, что генер.-лейт. Сахаровъ, при оставленіи поста военнаго министра, получилъ для переѣзда съ казенной квартиры на частную—15 тысячъ рублей! Новый военный министръ, ген.-лейтен. Редигеръ, для переѣзда съ одной казенной квартиры на другую, казенную же (съ Исаакіевской площади на Мойку, 67), получилъ 10.000 рублей. Назначенный на новую должность начальника генеральнаго штаба, генер.-лейт. Палицынъ получилъ для переѣзда съ одной казенной квартиры на другую, казенную же, 10 тысячъ рублей...

Это извѣстіе, первоначально оглашенное въ „Словѣ“, я заимствую уже въ перепечаткѣ изъ провинціальнаго „Южнаго Слова“ (отъ 27 авг. № 60)... Разумѣется, это только „газетныя извѣстія“, и навѣрное тотъ самый контроль, котораго такъ боится коллежскій регистраторъ морского штаба, имѣетъ по этому предмету самыя точныя свѣдѣнія, исходящія на сей разъ уже не изъ однихъ только японскихъ и французскихъ источниковъ...

О. Б. А.

Письмо въ редакцію «Русскаго Богатства».

Милостивый Государь
Господинъ Редакторъ!

Не откажите мнѣ, пожалуйста, въ помѣщеніи на страницахъ редактируемаго Вами журнала нижеслѣдующихъ строкъ, имѣющихъ цѣлью устранить недоразумѣніе, которое можетъ быть вызвано въ читателѣ „Русскаго Богатства“ помѣщенной въ послѣд-

немъ номерѣ журнала статьею В. А. Мякотина по поводу Государственной Думы.

Назвавъ „Право“ въ числѣ органовъ, „въ разной формѣ привѣтствовавшихъ новый законъ рѣшительнымъ заявленіемъ, что онъ открываетъ собою новую эру въ русской жизни“, В. А. Мякотинъ подвергаетъ безпощадной и справедливой критикѣ законъ 6 августа, отмѣчаетъ его коренные недостатки и затѣмъ говоритъ:

„Послѣ всего сказаннаго можно вернуться къ вопросу о томъ, дѣйствительно-ли въ нашей жизни „перейденъ Рубиконъ“ и началась „новая эра“. Признаться, нѣсколько странно серьезно разбирать такой вопросъ въ виду всѣхъ совершающихся вокругъ насъ событій, и тѣмъ не менѣе разбирать его все-таки приходится, такъ какъ не малая часть нашей прессы, — по крайней мѣрѣ, столичной,—не только ставитъ его, но и даетъ ему утвердительное рѣшеніе“. („Р. Б.“, августъ, стр. 93).

Такое рѣшеніе дается „и нѣкоторыми серьезными публицистами, еще недавно занимавшими, *какъ казалось*, иную позицію“, и въ этомъ В. А. Мякотинъ усматриваетъ измѣну „лозунгу, еще такъ недавно бывшему общимъ“.

Какъ видите, обвиненіе, да еще квалифицированное ядовитымъ „казалось“,—нешуточное.

Между тѣмъ нужно замѣтить, что „всѣ совершающіяся вокругъ насъ событія“, мѣшающія В. А. Мякотину отнестись къ закону 6 августа, какъ къ исключительному историческому событію, отнюдь не были упущены нами изъ виду при оцѣнкѣ разсматриваемой реформы. Въ той части статьи моей, которая осталась нецитированной В. А. Мякотинымъ, сказано совершенно опредѣленно: „фактически, съ изданіемъ новаго закона, сегодняшній день еще ничѣмъ не отличается отъ вчерашняго; всѣ окружающія условія—продукты прежняго режима—еще на лицо и при томъ особенно тяжело даютъ себя чувствовать“ („Право“, № 31, стр. 2518). Но въ этомъ мы усматриваемъ „печальное, но вполнѣ понятное исторически, противорѣчіе“, съ которымъ необходимо бороться, и которое — мы твердо вѣримъ — будетъ устранено жизнью. Но наличность такого противорѣчія не должна же служить наглазниками, мѣшающими видѣть передъ собою весь горизонтъ. Каково бы ни было противорѣчіе, народное представительство является въ нашемъ государственномъ организмѣ инороднымъ тѣломъ. Какъ было указано въ „Правѣ“ (№ 33, стр. 2674):

„Народные представители являются органами государства, получающими свои полномочія не отъ монарха, а изъ другого источника: непосредственно отъ народа. Не волю государя призваны они выражать и осуществлять, а волю пославшаго ихъ на-

рода. Въ государственномъ организмѣ народные представители по отношенію къ монарху являются чѣмъ-то самостоятельнымъ: хотятъ—они поддерживаютъ его волю, хотятъ — идутъ противъ нея; и это ихъ право".

Впрочемъ, и самъ В. А. Мякотинъ признаетъ, что „проектированная къ бюрократическому механизму пристройка" задумана „въ нѣсколько иномъ стилѣ". Если только отбросить слово „нѣсколько", которое не подходитъ сюда, такъ какъ принципъ новаго учрежденія совершенно противорѣчитъ дѣйствующему укладу, то окажется, что нѣтъ по существу разницы въ оцѣнкѣ реформы, несоотвѣтствіе коей и пожеланіямъ общества, и потребностямъ страны настойчиво нами отмѣчалось. Еще больше недоумѣнія вызываетъ указаніе на измѣну бывшему до сихъ поръ общимъ лозунгу,—ибо въ статьѣ нашей категорически было выражено, что народные представители должны сказать *то же самое,* что говорили до сихъ поръ „самозванцы", и что учрежденіе Думы никого не удовлетворяетъ и успокоить страну не можетъ. Такимъ образомъ врядъ-ли могло возникнуть основательное подозрѣніе, что произошла измѣну лозунгу, онъ остается въ своемъ первоначальномъ видѣ, и вопросъ сводится къ тому, является-ли цѣлесообразнымъ въ тѣхъ интересахъ, которые до сихъ поръ были общими, воспользоваться Государственной Думой. Если мы разрѣшаемъ этотъ вопросъ въ противоположномъ смыслѣ, то одинъ изъ насъ дѣлаетъ, очевидно, крупную политическую ошибку. Но именно потому, что ошибка эта можетъ имѣть роковое значеніе для ближайшихъ судебъ Россіи, надлежало бы всю силу разумѣнія сосредоточить на разрѣшеніи этого тактическаго вопроса, а не осложнять его посторонними соображеніями, способными лишь усилить сумятицу и тѣмъ самымъ затруднить правильное его разрѣшеніе. Или же, если В. А. Мякотинъ считаетъ, что разногласіе здѣсь не тактическое, а принципіальное, не смотря на совершенно одинаковое отношеніе къ сущности реформы и на предъявляемыя къ ней требованія, то нужно было именно это доказывать и выяснять.

Не считая себя въ правѣ пользоваться Вашей любезностью, чтобы защищать на страницахъ Вашего журнала отстаиваемый мною взглядъ, я позволю себѣ въ заключеніе разсѣять еще одно частное недоразумѣніе. В. А. Мякотинъ возражаетъ противъ моего мнѣнія, что бюрократія, опираясь на Думу, составленную изъ Нарышкиныхъ и Шараповыхъ, пріобрѣтетъ новую силу, и настаиваетъ на томъ, что такой исходъ всего лучше вскроетъ несостоятельность новаго учрежденія. Противъ этого я не спорилъ, и въ этомъ глубоко убѣжденъ. Я лишь утверждалъ, что такой исходъ грозитъ страшнымъ взрывомъ, послѣдствій котораго нельзя предвидѣть. И мнѣ кажется, что обязанность каждаго, кто цѣнитъ человѣческую личность, заключается въ томъ, чтобы при-

нять всѣ мѣры для предотвращенія новыхъ кровопролитій. И безъ того крови пролито столько, что не знаю, скоро-ли она окупится счастьемъ грядущимъ поколѣній.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

I. В. Гессенъ.

По поводу письма I. В. Гессена.

Своимъ письмомъ въ редакцію „Русскаго Богатства“ I. В. Гессенъ желалъ „устранить недоразумѣніе“, которое могла вызвать въ читателяхъ нашего журнала моя статья о Государственной Думѣ. Повидимому, намъ оставалось бы только поблагодарить I. В. Гессена за услугу, любезно оказываемую имъ нашимъ читателямъ, но, къ сожалѣнію, на счетъ цѣнности этой услуги можно быть разнаго мнѣнія. По крайней мѣрѣ, я съ своей стороны и послѣ письма I. В. Гессена никакъ не могу разглядѣть, въ чемъ заключается то „недоразумѣніе“, которое онъ желаетъ устранить.

Прежде всего авторъ письма какъ будто недоволенъ сдѣланнымъ въ моей статьѣ причисленіемъ „Права“ къ тѣмъ органамъ печати, которые поторопились привѣтствовать законъ 6 августа рѣшительнымъ заявленіемъ, что онъ открываетъ собою новую эру въ русской жизни. Быть можетъ, я, дѣйствительно, не имѣлъ права на такое причисленіе и, сдѣлавъ его, тѣмъ самымъ ввелъ читателей „Русскаго Богатства“ въ недоразумѣніе? Едва-ли такъ. Позволю себѣ напомнить, что въ № 31 „Права“, вышедшемъ въ свѣтъ въ самый день изданія закона 6 августа, были помѣщены совершенно категорическія утвержденія, не оставлявшія мѣста никакимъ недоразумѣніямъ на счетъ мнѣнія газеты о смыслѣ и значеніи этого закона. „Теперь, послѣ 6 августа—писалъ въ своей статьѣ П. Н. Милюковъ—въ Россіи нѣтъ болѣе бюрократическаго строя“. „Какъ бы ни оцѣнивать—говорилъ съ своей стороны I. В. Гессенъ—содержаніе лежащаго передъ нами акта, и съ точки зрѣнія функцій представительства, и съ точки зрѣнія организаціи выборовъ не соотвѣтствующаго опредѣленно и единодушно выраженнымъ пожеланіямъ общества, какъ бы ни опредѣлять тѣ вліянія, которыя онъ окажетъ на дальнѣйшій ходъ нашего государственнаго развитія,—во всякомъ случаѣ къ этому моменту пріурочится поворотный пунктъ, отъ котораго исторія поведетъ новую стадію развитія. Самодержавно-бюрократическій строй... признанъ, наконецъ, законодательной властью подлежащимъ упраздненію“ („Право“, № 31, стр. 2517 и 2518). Быть можетъ, теперь редакція „Права“ думаетъ иначе? Этого я

не знаю, но во всякомъ случаѣ совершенно очевидно, что, причисливъ „Право" къ органамъ, поторопившимся привѣтствовать законъ 6 августа заявленіями о началѣ новой эры, я ни на шагъ не отступилъ отъ истины. Если тутъ и было какое-нибудь „недоразумѣніе", то повиненъ въ немъ никакъ не я.

Не совсѣмъ ясно выражая свое недовольство по указанному пункту, І. В. Гессенъ уже съ полной опредѣленностью высказываетъ такое недовольство въ другомъ пунктѣ, рѣшительно протестуя противъ даннаго мною опредѣленія значенія позиціи, занятой „Правомъ" въ вопросѣ о Государственной Думѣ. По словамъ І. В. Гессена, я совершенно неосновательно предъявляю къ „Праву" „нешуточное обвиненіе"—въ отступленіи отъ лозунга, еще такъ недавно бывшаго общимъ,—при томъ обвиненіе, квалифицированное „ядовитымъ" указаніемъ, что „Право" еще недавно занимало, „какъ казалось", иную позицію. Быть можетъ, здѣсь-то и заключается моя главная вина, здѣсь-то я и создалъ „недоразумѣніе" для читателей „Р. Богатства"? Попробуемъ же присмотрѣться къ этому „недоразумѣнію".

Сперва два слова о моей „ядовитости". Въ свое бѣглое замѣчаніе о позиціи „Права" въ недавнемъ прошломъ, я, признаться, не вкладывалъ никакой особой ядовитости и, если І. В. Гессену непонятенъ смыслъ этого замѣчанія, я легко могу разъяснить его. Дѣло въ томъ, что „Право", на мой взглядъ, и въ прошломъ подчасъ не проявляло достаточной стойкости и послѣдовательности въ проведеніи однажды избранныхъ воззрѣній. Правда, въ общемъ оно держалось вполнѣ опредѣленнаго направленія, но порою позволяло себѣ и весьма серьезныя отступленія въ сторону. Напомню одинъ примѣръ. Въ самый разгаръ весеннихъ упованій „эпохи довѣрія", на страницахъ „Права" появилась статья кн. Евг. Трубецкого, заключавшая въ себѣ своего рода призывъ къ борьбѣ съ „внутренними врагами". Въ свое время этотъ странный призывъ былъ отмѣченъ „Р. Богатствомъ", но редакція „Права" обошла наши замѣчанія полнымъ молчаніемъ. Припомнивъ этотъ эпизодъ, І. В. Гессенъ, быть можетъ, согласится, что я имѣлъ нѣкоторыя основанія не переоцѣнивать опредѣленность позиціи „Права" въ недавнемъ прошломъ.

Но что было, то прошло, а сейчасъ рѣчь идетъ все-таки о настоящемъ. И въ этомъ настоящемъ я, по словамъ І. В. Гессена, неправильно опредѣляю позицію „Права" и, въ частности, самого І. В. Гессена. Говоря о наступленіи новой эры, онъ не упускалъ изъ виду того, что фактически сегодняшній день еще ничѣмъ не отличается отъ вчерашняго. Онъ былъ только свободенъ отъ „наглазниковъ, мѣшающихъ видѣть передъ собой весь горизонтъ", увидѣлъ благодаря этому провозглашеніе новаго принципа, упраздняющаго старый строй, и, слѣдовательно, могъ разсматривать всѣ совершающіяся вокругъ насъ событія, какъ

„печальное, но вполнѣ понятное исторически, противорѣчіе", которое—онъ твердо вѣритъ—будетъ устранено жизнью. Съ другой стороны, я и самъ вѣдь признаю, что прибавляемая къ существующему бюрократическому механизму пристройка „проектирована въ нѣсколько иномъ стилѣ", и, если только я соглашусь выбросить совершенно лишнее слово „нѣсколько", то „окажется, что нѣтъ по существу разницы въ оцѣнкѣ реформы".

Мнѣ думается, однако, что изгладить создавшееся между нами противорѣчіе не такъ ужъ легко. И не легко прежде всего потому, что свободою отъ „наглазниковъ" на языкѣ I. В. Гессена называется, очевидно, способность не видѣть того, что существуетъ въ дѣйствительности, и видѣть то, чего въ ней нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, I. В. Гессенъ и его единомышленники не только ставятъ бумагу выше жизни, но и въ бумагѣ читаютъ прямо обратное тому, что въ ней написано. Законодательный актъ, провозглашающій незыблемость и неприкосновенность извѣстнаго строя, въ истолкованіи I. В. Гессена является актомъ, который признаетъ данный строй „подлежащимъ упраздненію". По пути такихъ толкованій можно, конечно, уйти далеко. Можно даже, какъ это и дѣлаетъ почтенный авторъ внутреннихъ обозрѣній „Вѣстника Европы", самое право власти на досрочный роспускъ Государственной Думы обратить въ доказательство признанія властью чрезвычайно важнаго значенія за Думою. Врядъ-ли только подобныя толкованія могутъ быть особенно убѣдительны для тѣхъ, кто привыкъ читать документы такъ, какъ они написаны, и вмѣстѣ съ тѣмъ не видитъ главнаго средства борьбы въ подмѣнѣ намѣреній законодателя своими собственными, подмѣнѣ, ни для кого не обязательной и потому ни для кого не страшной.

I. В. Гессенъ думаетъ на этотъ счетъ иначе и для большаго подкрѣпленія своего толкованія приводитъ цитату о роли народныхъ представителей изъ помѣщенной въ „Правѣ" статьи г. Лазаревскаго. Цитата эта содержитъ въ себѣ правильную по существу мысль, но къ дѣлу едва ли относится, такъ какъ тамъ, гдѣ I. В. Гессенъ видитъ народное представительство, я его не вижу и, думается, не вижу не въ силу недостатковъ моего зрѣнія или наличности у меня „наглазниковъ". Самъ I. В. Гессенъ называетъ мою критику закона 6 августа „справедливой". Но если моя критика справедлива, то, вѣроятно, справедливъ и заключительный ея выводъ. А этотъ выводъ, какъ припомнитъ читатель, сводится къ тому, что между создаваемой закономъ 6 августа Государственной Думой и представительными учрежденіями правовыхъ государствъ лежитъ „глубокая, — чтобы не сказать, непереходимая, — грань", что члены Думы вовсе не могутъ считаться народными представителями и сама Дума, „не будучи органомъ народнаго представительства, не располагаетъ ни од-

нимъ изъ видовъ власти, неразрывно связанныхъ съ понятіемъ о такихъ органахъ", а „въ прямую противоположность послѣднимъ является лишь составленной путемъ выборовъ отъ нѣкоторыхъ группъ населенія законосовѣщательной коммиссіей при бюрократической коллегіи, исполняющей тѣ же задачи, но пользующейся бо́льшими правами". Впрочемъ, сейчасъ то же самое говоритъ уже и „Право" устами другого изъ своихъ редакторовъ. „Государственная Дума—читаемъ мы въ статьѣ В. М. Гессена—не является народнымъ представительствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова; она не можетъ считаться представительствомъ даже тѣхъ группъ, которыя призваны реформой къ осуществленію избирательнаго права" („Право", № 36, стр. 2944). Тутъ ужъ мы имѣемъ дѣло съ несомнѣннымъ „недоразумѣніемъ", но повиненъ въ этомъ недоразумѣніи, очевидно, не я, а сама редакція „Права", то отожествляющая Думу съ народнымъ представительствомъ, то отрицающая возможность такого отожествленія. Во всякомъ случаѣ, я съ своей стороны могу только порадоваться, что въ этомъ вопросѣ „Право" приняло, въ концѣ концовъ, мою точку зрѣнія, и надѣюсь, что, если только оно устоитъ на ней (въ чемъ, впрочемъ, судя по письму І. В. Гессена, можно сомнѣваться), ему станетъ ясно и то, почему я отказываюсь видѣть въ законѣ 6 августа начало новой эры.

Къ сожалѣнію, наши разногласія на этомъ не заканчиваются. „Еще большее недоумѣніе", чѣмъ мой отказъ видѣть въ законѣ 6 августа начало новой эры, вызываетъ у І. В. Гессена мое указаніе на отступленіе „Права" отъ недавно еще бывшаго общимъ лозунга. По этому поводу І. В. Гессенъ говоритъ, что онъ не отступался отъ общаго лозунга, такъ какъ предлагалъ будущимъ членамъ Думы—или, по его терминологіи, „народнымъ представителямъ",—повторить тотъ же самый лозунгъ, и совѣтуетъ мнѣ либо „всю силу разумѣнія сосредоточить на разрѣшеніи тактическаго вопроса (о томъ, надо ли воспользоваться Думой), а не осложнять его посторонними соображеніями", либо, если разногласіе здѣсь не тактическое, а принципіальное, „именно это доказывать и выяснять".

Въ сущности І. В. Гессенъ, конечно, не хуже меня знаетъ, что тактическія разногласія нерѣдко влекутъ за собою и принципіальныя. Живой примѣръ этого у него передъ глазами въ лицѣ г. Кузьмина-Караваева и К. К. Арсеньева, которые, исходя изъ тактическихъ соображеній, пришли къ отрицанію не только необходимости, но и возможности прямыхъ выборовъ. Несомнѣнно, такъ же обстоитъ дѣло и въ данномъ случаѣ: споръ, начатый съ тактики, легко можетъ окончиться принципіальнымъ расхожденіемъ. І. В. Гессенъ не прилагаетъ бывшій недавно общимъ лозунгъ къ Думѣ, а предлагаетъ ея членамъ повторить этотъ лозунгъ, — но гдѣ же гарантія, что они это сдѣлаютъ? Въ самомъ

дѣлѣ, мало провозгласить извѣстный лозунгъ, нужно еще создать для него соотвѣтствующее настроеніе и соотвѣтствующую обстановку. Если же этихъ условій не будетъ на лицо, если самый лозунгъ отъ главныхъ силъ, поддерживающихъ его, будетъ перенесенъ исключительно въ группу, не столько создавшую его, сколько примкнувшую къ нему, а, вдобавокъ, борьба за него будетъ поведена въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, то легко можно будетъ остаться съ этимъ лозунгомъ въ одиночествѣ и увидать себя передъ дорогой безполезныхъ компромиссовъ тогда, когда будетъ уже слишкомъ поздно, если не отказаться вступать на нее самому, то отвлечь отъ нея другихъ. Въ болѣе полномъ видѣ эти соображенія были уже указаны въ моей статьѣ, но вмѣсто отвѣта на нихъ въ письмѣ I. В. Гессена я нахожу лишь добрые совѣты на счетъ того, на чемъ мнѣ нужно „сосредоточить всю силу разумѣнія“ и что надо „доказывать и выяснять“. Я очень благодаренъ I. В. Гессену за эти совѣты, но, признаться, былъ бы еще болѣе благодаренъ, если бы въ дополненіе къ нимъ онъ нашелъ возможнымъ указать еще и способъ освобожденія „Русскаго Богатства“ отъ предварительной цензуры. Быть можетъ, тогда я еще менѣе удовлетворилъ бы I. В. Гессена, но, несомнѣнно, гораздо болѣе удовлетворилъ бы читателей „Русскаго Богатства“.

Нѣкоторый отвѣтъ I. В. Гессенъ даетъ мнѣ только по одному пункту, но за то отвѣтъ очень характерный. Раньше I. В. Гессенъ пугалъ насъ, что Дума, составленная изъ Шараповыхъ и Нарышкиныхъ, явится „силой, которой можно будетъ долго давить“. Теперь онъ уже согласенъ, что такой составъ Думы могъ бы всего лучше вскрыть всю несостоятельность избраннаго пути, но прибавляетъ, что такой исходъ „грозитъ страшнымъ взрывомъ“, а „обязанность каждаго, кто цѣнитъ человѣческую личность, заключается въ томъ, чтобы принять всѣ мѣры для предотвращенія новыхъ кровопролитій“. I. В. Гессенъ, конечно, не думаетъ, что я или та группа, къ которой я имѣю честь принадлежать, не цѣнитъ человѣческую личность. Но „мѣръ для предотвращенія кровопролитій“ въ нашемъ распоряженіи нѣтъ. Я боюсь, что ихъ нѣтъ и въ распоряженіи I. В. Гессена и что онъ въ данномъ случаѣ лишь увлекается напрасными иллюзіями. Что же касается до меня, я не вижу большой пользы въ успокоительныхъ иллюзіяхъ и предпочитаю для себя и для другихъ правду дѣйствительной жизни, какъ бы сурова и грозна ни была эта правда.

Въ заключеніе еще одно небольшое замѣчаніе. I. В. Гессенъ неоднократно повторяетъ, будто я обвиняю его и „Право“ въ измѣнѣ прежней тактикѣ и прежнему лозунгу. На дѣлѣ я въ своей статьѣ никого ни въ чемъ не обвинялъ, а лишь опредѣлялъ позицію, занятую въ вопросѣ о Думѣ либеральными общественными

группами, и предостерегалъ на счетъ возможныхъ послѣдствій избранной ими тактики, являющейся, по моему убѣжденію, глубоко ошибочной. Равнымъ образомъ я нигдѣ въ моей статьѣ не употреблялъ слова: „измѣна“, да и не сталъ бы употреблять его, говоря объ І. В. Гессенѣ и людяхъ его настроенія. Скорѣе ужъ я сказалъ бы объ нихъ словами поэта: „они не предали, они устали... Покинулъ ихъ духъ гнѣва и печали на полпути“... И въ этомъ-то, думается мнѣ, и заключается не какое-либо легко разсѣиваемое „недоразумѣніе“, а реальное и трудно устранимое противорѣчіе между нами, создаваемое всѣмъ различіемъ защищаемыхъ нами интересовъ. На мой взглядъ, усталость — плохой совѣтникъ, а тактика, диктуемая стремленіемъ во что бы то ни стало избѣжать кризиса, роковымъ образомъ лишается ясности и послѣдовательности и въ то же время едва-ли можетъ быть особенно успѣшной.

Отвѣтомъ на письмо І. В. Гессена я еще не могу закончить свой отвѣтъ „Праву“. На страницахъ послѣдняго моя статья также вызвала нѣкоторыя возраженія—со стороны В. М. Гессена. Правда, эти возраженія носятъ чрезвычайно поверхностный и порою нѣсколько странный характеръ. Авторъ ихъ, повидимому, прочиталъ мою статью и, однако же, онъ не разбираетъ по существу ни одного изъ указанныхъ мною соображеній, а ограничивается почти исключительно голословными утвержденіями, прибавляя къ нимъ лишь патетическія восклицанія, направленныя по неизвѣстному адресу, такъ какъ въ моей статьѣ напрасно было бы искать повода для такихъ восклицаній. Тѣмъ не менѣе въ интересахъ разъясненія раздѣляющаго насъ спорнаго вопроса не безполезно будетъ остановиться и на этихъ возраженіяхъ.

Самъ В. М. Гессенъ, какъ мнѣ уже пришлось выше упомянуть, признаетъ ту точку зрѣнія, съ которой Дума не является и не можетъ явиться народнымъ представительствомъ. „Общественное мнѣніе Россіи—говоритъ онъ—никогда не признаетъ и не можетъ признать своимъ уполномоченнымъ органомъ государственную думу, созданную закономъ 6 августа“. По его словамъ, „вполнѣ понятно то чувство всеобщаго и глубокаго разочарованія, съ которымъ была встрѣчена реформа 6 августа“, и подъ вліяніемъ этого-то чувства въ нѣкоторыхъ наиболѣе радикальныхъ кругахъ русскаго общества высказана была мысль о необходимости „бойкотировать думу“, ставшая затѣмъ „лозунгомъ опредѣленной вліятельной общественной группы“. „Какъ всякій лозунгъ,—оговаривается г. Гессенъ—она скрываетъ подъ видимой своей категоричностью неопредѣленность своего содержанія. Конечно, рѣчь идетъ не о бойкотѣ—еще несуществующей—Думы; рѣчь идетъ не о бойкотѣ вообще. Обществу или, точнѣе, его прогрессивнымъ эле-

ментамъ предлагается воздержаться отъ какого бы то ни было участія какъ въ самыхъ выборахъ, такъ и въ предвыборной агитаціи“. Съ своей стороны г. Гессенъ „глубоко убѣжденъ въ томъ, что тактика „бойкота“, въ указанномъ выше смыслѣ, является во всѣхъ отношеніяхъ и въ высокой степени вредной“. „Необходимо—говоритъ онъ—бороться съ этой тактикой, не останавливаясь даже передъ опасностью раскола въ средѣ общественныхъ силъ, до настоящаго времени принадлежавшихъ къ одному лагерю“ („Право“, № 36, стр. 2944—2945).

Итакъ, г. Гессенъ желаетъ бороться, не останавливаясь даже передъ опасностью раскола. Посмотримъ же, какъ онъ ведетъ эту борьбу. Раньше, впрочемъ, надо еще сдѣлать одну немаловажную поправку. Позицію своихъ противниковъ г. Гессенъ опредѣляетъ далеко не точно, такъ какъ въ ихъ тактику входитъ лишь отрицаніе выборовъ, но вовсе не отрицаніе предвыборной агитаціи. Серьезное значеніе этой поправки настолько ясно само по себѣ, что останавливаться на немъ, конечно, нѣтъ надобности.

Свою борьбу г. Гессенъ начинаетъ съ доказательства невозможности бойкота Думы, того самаго бойкота, котораго, по словамъ самого же г. Гессена, никто и не предлагаетъ, такъ какъ въ этотъ по существу неудачный терминъ влагается другое содержаніе. Казалось бы, нѣтъ надобности бороться съ терминомъ, разъ извѣстно несоотвѣтствіе этого термина вложенному въ него содержанію, но г. Гессенъ желаетъ бороться и борется даже тамъ, гдѣ въ этомъ не имѣется нужды.

Одержавъ легкую побѣду надъ словомъ и установивъ никѣмъ не отрицаемую возможность факта выборовъ даже при устраненіи отъ нихъ прогрессивныхъ элементовъ, г. Гессенъ переходитъ къ еще болѣе эффектному пріему борьбы. Онъ приводитъ мои слова, что „нѣсколько странно призывать къ объединенію на почвѣ положительнаго отношенія къ выборамъ тѣ группы населенія, которыя лишены правъ на участіе въ нихъ“, и задаетъ по этому поводу рядъ вопросовъ. „Но развѣ В. А. Мякотинъ—спрашиваетъ онъ—сомнѣвается въ томъ, что положительное или отрицательное отношеніе къ выборамъ тѣхъ именно элементовъ, которые предполагаютъ „бойкотировать“ Думу, съ точки зрѣнія результатовъ выборовъ далеко не безразлично? Развѣ не повліяетъ на результатъ крестьянскихъ выборовъ самоустраненіе отъ предвыборной агитаціи такъ называемаго третьяго элемента? А если примѣру самоустраненія послѣдуетъ и прогрессивная часть крестьянства?!. Отрицать вліяніе самоустраненія на результаты выборовъ—поучительно заключаетъ свои недоумѣнные вопросы г. Гессенъ—значитъ отрицать значеніе агитаціи и пропаганды вообще и, въ частности, отрицать значеніе печати“. Итакъ, я отрицаю значеніе агитаціи и пропаганды и, въ част-

ности, значеніе печати? Если бы г. Гессенъ немного спокойнѣе отнесся къ своей „борьбѣ", онъ, вѣроятно, не наговорилъ бы такихъ ужасовъ, не столько страшныхъ, сколько смѣшныхъ. Сколько-нибудь внимательно прочитавъ цитируемое имъ мѣсто моей статьи, онъ безъ труда могъ убѣдиться, что я не только не сомнѣваюсь въ важности того или иного отношенія къ выборамъ со стороны группъ населенія, лишенныхъ права участія въ нихъ, но какъ разъ настаиваю на этой важности и, обращая на нее вниманіе противниковъ, самъ вижу въ ней вѣскій аргументъ въ пользу защищаемаго мною мнѣнія. Точно также г. Гессенъ совершенно напрасно убѣждаетъ меня не отрицать вліянія самоустраненія. Онъ въ этомъ случаѣ ломится въ открытую дверь, такъ какъ я не могу представить себѣ такого сторонника защищаемой мною тактики, который не ожидалъ бы отъ нея практическихъ результатовъ, и не могу самъ стать въ такое комическое положеніе. И, конечно, я менѣе всего способенъ отрицать значеніе пропаганды и агитаціи, въ частности— пропаганды и агитаціи путемъ печати. Могу даже сообщить г. Гессену, что именно въ данный моментъ я ожидаю отъ всѣхъ видовъ пропаганды самыхъ серьезныхъ услугъ, но, конечно, не тѣхъ, на какія разсчитываетъ г. Гессенъ.

Разъ убѣдивъ себя, что сторонники защищаемой мною тактики не предвидятъ никакихъ ея практическихъ послѣдствій, г. Гессенъ обрушиваетъ на насъ знакомый уже намъ аргументъ о думѣ Шараповыхъ и Нарышкиныхъ. Въ своей статьѣ я указывалъ на то, что такое учрежденіе явилось бы непригоднымъ не только въ качествѣ силы, но и въ качествѣ декораціи, и спрашивалъ, что же въ сущности оно могло бы сдѣлать новаго сравнительно съ тѣмъ, что дѣлается теперь. Однако на этотъ естественный вопросъ г. Гессенъ не даетъ никакого отвѣта, а продолжаетъ только пугать насъ страшными словами. „Конечно, — говоритъ онъ — гг. Шараповы и Нарышкины плохая поддержка; но Шарапово-Нарышкинская сотня—сила мало почтенная, но весьма реальная. До тѣхъ поръ, пока освободительное движеніе направлено противъ бюрократіи, чужой и враждебной ему силы, оно побѣждаетъ. Побѣдитъ-ли оно—и скоро-ли, и легко-ли побѣдитъ — въ борьбѣ однихъ общественныхъ элементовъ съ другими?" Повидимому, г. Гессенъ думаетъ, что въ настоящее время бюрократія враждебна *всему* обществу, не имѣя среди него никакихъ союзниковъ, и что гг. Шараповы и Нарышкины стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ борьбы. Мы этого не думаемъ, мы знаемъ, что они принимаютъ видное участіе въ борьбѣ, знаемъ, что ихъ организуютъ и сами они дѣятельно организуются въ настоящее время, и не особенно боимся такой организаціи въ будущемъ, если только она не совпадетъ съ общимъ ослабленіемъ общественнаго движенія. А такое ослабленіе представляется вполнѣ возможнымъ, разъ борьба съ

гг. Шараповыми и Нарышкиными будетъ добровольно принята на позиціи, дающей очень много удобствъ для нихъ и очень мало— для ихъ противниковъ. Но къ этому соображенію я еще вернусь внѣ связи съ возраженіями г. Гессена, а пока перейду къ последнему изъ этихъ возраженій.

Не потрудившись разобрать по существу мою аргументацію, г. Гессенъ предпочелъ упростить дѣло и зачѣмъ-то увѣрить себя и читателей, что всѣ мои возраженія противъ отстаиваемой имъ тактики вытекаютъ изъ „недовѣрія къ либерализму“. Долженъ признаться, что я совершенно не понимаю такой постановки вопроса, не понимаю самой формулы „недовѣрія къ либерализму“. Если рѣчь идетъ о либерализмѣ, какъ о политическомъ ученіи, то его можно принимать или отвергать, но нельзя довѣрять или не довѣрять ему. Если подъ „либерализмомъ“ разумѣть либераловъ, то странно было бы не довѣрять всѣмъ либераламъ, взятымъ вмѣстѣ, странно хотя бы уже потому, что они не представляютъ изъ себя однообразной и компактной массы. Есть такіе либералы, которымъ я довѣряю, и есть такіе, которымъ я не довѣряю. Другое дѣло—тактика, избранная либеральной группой, и обѣщанія, дѣлаемыя за либераловъ. Первой я, дѣйствительно, не довѣряю, считая ее въ корнѣ ошибочной и неправильной. Не довѣряю я и обѣщаніямъ, даваемымъ отдѣльными лицами за счетъ либераловъ, такъ какъ нигдѣ пока не вижу яснаго и категорическаго подтвержденія этихъ обѣщаній. Но г. Гессену въ его увлеченіи „борьбой“ не до такихъ различеній и онъ торопится изобличить меня въ „недовѣріи къ либерализму“, истолковывая мои слова о вѣроятности въ извѣстныхъ условіяхъ такого исхода, при которомъ „освободительные элементы“ разбредутся по лѣстницѣ компромиссовъ и „въ то время, какъ одни будутъ думать о разрушеніи іерихонскихъ стѣнъ, другіе займутся ихъ укрѣпленіемъ за счетъ тѣхъ, кто остался за порогомъ“, такимъ образомъ, какъ будто я говорилъ, что вся либеральная партія въ настоящее время только и думаетъ объ укрѣпленіи іерихонскихъ стѣнъ. При такомъ „вольномъ“ истолкованіи словъ противника „борьба“, конечно, становится легкой. „Допустимъ, — не безъ снисходительнаго торжества замѣчаетъ г. Гессенъ—что довѣрять либерализму нельзя. И все-таки позволительно спросить: къ кому обращается проповѣдь „самоустраненія“ отъ выборовъ? Къ крайнимъ партіямъ,— къ партіямъ двухъ буквъ? Но вѣдь имъ-то зачѣмъ устраняться отъ выборовъ? Или, быть можетъ, къ либеральной партіи,— той самой, которая въ думѣ „займется укрѣпленіемъ іерихонскихъ стѣнъ за счетъ тѣхъ, кто остался за порогомъ“? Увы, проповѣдь самоустраненія, обращенная къ *такой* партіи, не имѣетъ надежды на успѣхъ“.

Спросить, конечно, позволительно, но вѣдь и отвѣтъ на вопросъ г. Гессена дать очень просто, до такой степени просто,

что самъ г. Гессенъ даетъ этотъ отвѣтъ на той же самой страницѣ, на которой предлагаетъ свой вопросъ. Предлагая послѣдній, г. Гессенъ, повидимому, уже успѣлъ забыть свои собственныя слова о важности опредѣленнаго отношенія къ выборамъ со стороны не только тѣхъ группъ населенія, которыя будутъ принимать въ нихъ участіе, но и тѣхъ, которыя лишены права на такое участіе. Среди этихъ послѣднихъ группъ аудиторія для отвергаемой г. Гессеномъ проповѣди, надо думать, найдется, какъ найдется она, вѣроятно, и среди крестьянства. Что же касается спеціально до либеральной партіи, то здѣсь отвѣтъ еще проще. *Я не говорилъ объ этой партіи того, что г. Гессену угодно было вложить мнѣ въ уста,* а потому съ его стороны врядъ-ли и позволительно было ставить вопросъ въ той формѣ, какъ онъ это сдѣлалъ.

Таковы пріемы, при помощи которыхъ г. Гессенъ ведетъ свою „борьбу". Но, не довольствуясь ими, онъ прибѣгаетъ и къ еще болѣе странному пріему. „Или, быть можетъ,—спрашиваетъ г. Гессенъ непосредственно послѣ приведенныхъ выше словъ—не въ проповѣди дѣло? Или, быть можетъ, сторонники „бойкота" серьезно надѣются на обструкцію, разсчитываютъ насильственно не пустить „либерала" въ думу? Что же, недурное средство „нарадикалить либерализмъ!..." („Право", № 36, стр. 2947). Эти вопросы-предположенія, безъ всякой оговорки вставленные въ полемику со мною, въ глазахъ читателей „Права" должны неизбѣжно представляться обращенными ко мнѣ. Но гдѣ же въ моей статьѣ такое мѣсто, которое давало бы г. Гессену право на подобныя предположенія и позволяло заключить, что я выступаю съ какими-то проектами насильственнаго „нарадикаливанія либерализма"? Больше того. Самъ г. Гессенъ не бывалъ на тѣхъ писательскихъ собраніяхъ послѣднихъ мѣсяцевъ, на которыхъ представители разныхъ взглядовъ обмѣнивались мнѣніями по спорному вопросу, но онъ могъ, конечно, слышать о томъ, что говорилось на этихъ собраніяхъ, и могъ знать, что ни я, ни другіе мои товарищи по „Русскому Богатству" не высказывали подобныхъ проектовъ. Навязывать же, хотя бы и въ цѣляхъ „борьбы", своему противнику мнѣнія, имъ не высказываемыя, и при томъ навязывать, зная, что этотъ противникъ не имѣетъ возможности вполнѣ свободно выражать свои взгляды,—едва-ли годится...

Не потрудившись опровергнуть аргументацію своихъ противниковъ и замѣнивъ такое опроверженіе своеобразной „борьбой" съ ними, г. Гессенъ, съ другой стороны, не нашелъ нужнымъ и сколько-нибудь обстоятельно обосновать возможность и плодотворность предлагаемой имъ тактики, а ограничился лишь сформулированіемъ конечной ея цѣли въ томъ видѣ, какъ послѣдняя представляется ему самому. По его словамъ, „лишенная прав-

ственнаго авторитета, того авторитета, который присущъ неподдѣльному народному представительству, Государственная Дума не въ силахъ будетъ осуществить великой задачи, возложенной на нее историческимъ моментомъ. И, если, собравшись, она сознаетъ свое безсиліе и скажетъ о немъ открыто, она исполнитъ свой долгъ" („Право", № 33, стр. 2672). Противъ существа такой формулы возражать не приходится, но, казалось бы, выставляя ее, не зачѣмъ было откладывать ея осуществленіе на нѣсколько мѣсяцевъ, а вполнѣ возможно было провести его немедленно, не создавая разъединенія, не провозглашая необходимости „борьбы" съ тѣми, кто сейчасъ говоритъ то самое, что авторы формулы надѣются сказать въ будущемъ, и не устанавливая единенія съ тѣми, кто принимаетъ совершенно иныя формулы тактики. Въ самомъ дѣлѣ, не надо забывать, что формула, переданная г. Гессеномъ, въ либеральномъ лагерѣ вовсе не единственная. На ряду съ нею циркулируетъ и другая. „Не подлежитъ никакому сомнѣнію,—читаемъ мы въ сентябрьскомъ „внутреннемъ обозрѣніи" „Вѣстника Европы"—что дѣлъ у Государственной Думы, особенно въ первое время, будетъ очень много: ей придется обсудить всѣ мѣры, требуемыя переходомъ къ новому порядку вещей, пополнить всѣ главные пробѣлы, устранить всѣ вопіющія аномаліи отсталаго, запущеннаго законодательства". Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ „внутренняго обозрѣнія" точнѣе поясняетъ, какого рода „пробѣлы" и „аномаліи" онъ имѣетъ въ виду. „Одновременно съ государственной росписью—говоритъ онъ—народному представительству придется возбудить и разрѣшить длинный рядъ вопросовъ, относящихся къ финансовой и податной системѣ. Нужно будетъ покончить съ пересмотромъ судебныхъ уставовъ, усложняемымъ явною несостоятельностью судебно-административныхъ учрежденій. Еще не введено въ дѣйствіе новое уголовное уложеніе—а уже поставленъ на очередь пересмотръ нѣсколькихъ его отдѣловъ. Заканчиваются работы по составленію гражданскаго уложенія, не выходившія до сихъ поръ изъ рукъ юристовъ-техниковъ и требующія всесторонней повѣрки съ точки зрѣнія житейскаго опыта и экономической политики. Каковъ бы ни былъ составъ Государственной Думы, справиться съ своей колоссальной задачей она можетъ только при горячемъ сочувствіи и энергичномъ содѣйствіи всѣхъ общественныхъ и народныхъ силъ" („Вѣстникъ Европы", сентябрь, „Внутреннее Обозрѣніе", 346—7, 360—1).

Такимъ образомъ съ программой, изложенной г. Гессеномъ, въ либеральныхъ кругахъ конкуррируетъ программа органической работы, къ которой также призывается „горячее сочувствіе" общества и народа. И, если возможно разсчитывать на побѣду первой программы въ Думѣ, то, казалось бы, еще болѣе основаній было разсчитывать на такую побѣду теперь. Моральное впе-

чатлѣніе предполагаемаго впослѣдствіи шага было бы въ настоящее время нисколько не слабѣе, если не сильнѣе, а перенесеніе этого шага въ Думу не увеличиваетъ, а уменьшаетъ шансы его вѣроятности въ виду особыхъ условій предстоящей избирательной кампаніи, ставящихъ вопросъ о побѣдѣ у избирательныхъ урнъ въ полную зависимость отъ такихъ обстоятельствъ, которыя нельзя ни учесть, ни предусмотрѣть. Еще недавно сами органы либеральной печати горячо доказывали невозможность выборовъ при существующихъ условіяхъ, но затѣмъ внезапно—и едва-ли правильно — перемѣнили тактику. „Никакіе политическіе выборы — писали „Р. Вѣдомости" 12 августа — немыслимы, пока не будутъ даны минимальныя гарантіи противъ административнаго произвола. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ представителей можетъ послать въ Думу населеніе, если наканунѣ выборовъ административной высылкѣ подвергается такой извѣстный консервативный дѣятель, какъ проф. Ярошенко. О какихъ выборахъ можетъ быть рѣчь, если еще и теперь земскіе начальники и прочіе опекуны народа считаютъ опаснымъ распространеніе въ крестьянской средѣ высочайшаго рескрипта А. Г. Булыгину или рѣчей на высочайшемъ пріемѣ земской депутаціи и конфискуютъ брошюры, изданныя съ соблюденіемъ всѣхъ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ?" Прошло еще нѣсколько дней, всѣ указанныя „Рус. Вѣдомостями" условія остались въ силѣ и къ нимъ прибавилось только одно новое—въ видѣ участившихся случаевъ разгона полиціей собраній небольшихъ кружковъ на частныхъ квартирахъ, но почтенная газета уже 24 августа внезапно пришла къ другому рѣшенію, согласно которому, именно „въ виду указанныхъ фактовъ, уже не можетъ оставаться никакого сомнѣнія, что воздержаніе отъ выборовъ со стороны прогрессивныхъ элементовъ явилось бы величайшей услугой, какую русское общество могло бы оказать бюрократіи". „Всякое воздержаніе отъ выборовъ — патетически восклицали на этотъ разъ „Р. Вѣдомости"—при такихъ обстоятельствахъ является преступленіемъ. Ни одинъ голосъ со стороны прогрессивныхъ партій не долженъ пропасть. Пусть это станетъ паролемъ на предстоящихъ выборахъ".

Съ своей стороны я долженъ признаться, что я совсѣмъ не понимаю такой логики, въ силу которой тѣ самыя условія, какія дѣлаютъ извѣстное явленіе „немыслимымъ", вмѣстѣ съ тѣмъ обязываютъ принимать участіе въ этомъ явленіи. Не особенно вѣрю я и въ успѣхъ такой странной логики въ жизни. Но либеральныя группы, повидимому, окончательно установили свою тактику въ этомъ пунктѣ и намъ остается, не пытаясь больше разубѣждать ихъ, дѣятельно проводить свою точку зрѣнія. Какъ бы то ни было, разъединеніе создано не нами, а жизнь не замедлитъ показать, насколько правильны были разсчеты тѣхъ,

кто вызвалъ это разъединеніе въ надеждѣ на „новую эру". И, если намъ торжествующе указываютъ на наше одиночество, то мы можемъ съ чувствомъ нѣкотораго удовлетворенія припомнить, что такое одиночество у насъ бывало уже не разъ въ эпохи упованій на „новыя эры", но что оно очень скоро и прекращалось. Теперь разница только въ томъ, что передъ нами болѣе многочисленная и болѣе надежная аудиторія.

В. Мякотинъ.

Г. Н. Потанинъ.

21-го сентября текущаго года исполнилось семьдесятъ лѣтъ многотрудной жизни извѣстнаго сибирскаго ученаго и общественнаго дѣятеля, Григорія Николаевича Потанина. Мало кому изъ русскихъ дѣятелей удавалось дожить до такого возраста, еще меньше такихъ, которымъ удается сохранить способность и любовь къ труду вмѣстѣ съ любовью къ людямъ и душевную свѣжесть, до сихъ поръ привлекающихъ къ Потанину всѣхъ, въ комъ осталась хоть частица подобныхъ свойствъ. У Григорія Николаевича столько же друзей между пожилыми людьми, его сверстниками, сколько и среди младшихъ поколѣній, вплоть до юношей. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ жизни Потанина было не мало трудовъ и испытаній и злоключеній вплоть до старости. Родился онъ въ 1835 г. 21-го сентября въ Ямышевской станицѣ, на прежней пограничной линіи. Казакъ по происхожденію и воспитанникъ омскаго кадетскаго корпуса, изъ котораго выпущенъ былъ хорунжимъ въ 1852 году, онъ не усвоилъ себѣ ни казачьихъ замашекъ, ни предразсудковъ военнаго сословія. Автору этихъ строкъ пришлось встрѣтить въ 1896 году въ Зайсанскѣ одного товарища Г. Н. по оружію и по походу въ Заилійскій Край въ 1853 и 54 годахъ.—Это былъ старикъ изъ казаковъ, жившій на покоѣ, занимавшійся кое-какой торговлей. „Какъ не помнить Григорія Николаевича! Обходительный, спокойный, добрый, простой! Мало такихъ офицеровъ бываетъ. Хоть и всѣ мы и рядовые, и офицеры, и полковники казацкихъ кровей—однако, другой, какъ эполеты надѣлъ—его и рукой не достанешь, а этого, кажется, хоть въ генералы произведи—онъ все своей обходительности и простоты не потеряетъ"!—Такъ характеризовалъ Потанина его старый соратникъ. Слышалъ я еще отъ того же лица, что въ этомъ походѣ Потанинъ особенно интересовался молодымъ, смышленнымъ и расторопнымъ казакомъ Подкорытовымъ и все совѣтовалъ ему хорошенько учиться грамотѣ. Былъ-ли казакъ Подкорытовъ первымъ ученикомъ Григорія Николаевича,

я не знаю, не могъ также узнать, что сталось съ Подкорытовымъ, но этимъ опытомъ, удачнымъ или неудачнымъ, можетъ быть, и опредѣлилась будущая дѣятельность Потанина. Сходиться съ людьми, чтобы просвѣщать ихъ, звать ихъ къ свѣту—любимое занятіе Потанина. Въ дебряхъ Сойотіи встрѣтилъ я татарина приказчика, съ которымъ Г. Н. познакомился во время стоянки въ Кобдо, во время своей первой экспедиціи въ Монголію, и нашелъ у него книгу, подарокъ путешественника. Въ послѣдствіи я былъ свидѣтелемъ того, какъ Григорій Николаевичъ изъ простыхъ бурятъ формировалъ цѣнныхъ сотрудниковъ вост.-сиб. отдѣла Географическаго общества. Ему мы, между прочимъ, обязаны и тѣмъ, что труды бурята Хангалова, которые были извѣстны намъ только по извлеченіямъ изъ нихъ, сдѣланнымъ господиномъ Агапитовымъ, не пропали даромъ и напечатаны цѣликомъ.

Впрочемъ, въ замѣткѣ или, лучше сказать, въ напоминаніи о Потанинѣ, а не въ біографіи, нѣтъ возможности перечислить всѣхъ лицъ, которымъ указалъ дорогу Г. Н. Потанинъ. Мнѣ самому пришлось многимъ заимствоваться отъ него, пользоваться его указаніями при началѣ моихъ работъ по изученію монголо-бурятскихъ племенъ. Послѣ Семирѣченскаго похода, какъ предполагаетъ біографъ Потанина, П. П. Семеновъ, въ молодомъ казачьемъ офицерѣ и проснулась любовь къ изученію природы и людей и къ странствованіямъ. Въ 1855 году Потанинъ былъ уже на Алтаѣ въ качествѣ командира сотни; но съ Алтая ему пришлось вернуться въ Омскъ. Живая любознательность молодого человѣка, еще болѣе подогрѣтая видѣннымъ въ дальнихъ странахъ, не удовлетворялась ни интересами степного военнаго города, ни казацкой службой. Будущій замѣчательный географъ и фольклористъ, должно быть, былъ плохимъ казакомъ, и за упущенія по службѣ его сажали на гауптвахту; но это наказаніе превратилось въ развлеченіе. Въ арестномъ домѣ оказался старый архивъ, который и принялся разбирать Потанинъ, а результатомъ явились — замѣтки и статьи, писанныя на основаніи матеріаловъ, раскопанныхъ на гауптвахтѣ. Въ 1858 году, благодаря хлопотамъ П. П. Семенова, Потанину удалось исполнить завѣтную свою мечту—попасть въ университетъ. Будучи студентомъ, ему пришлось сдѣлать нѣсколько научныхъ экскурсій, но 1861 году университетъ и путь къ дальнѣйшему образованію былъ закрытъ. Впрочемъ, въ 1863 и 64 годахъ онъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ К. В. Струве экскурсію въ Монгольскій Алтай и въ Тарбагатай — въ такія мѣста, о которыхъ имѣлись лишь смутныя свѣдѣнія. Во время этой экскурсіи молодой ученый сумѣлъ зарекомендовать себя рѣдкимъ наблюдателемъ и приложить пріобрѣтенныя знанія. Послѣдовавшее въ 1865 году назначеніе его секретаремъ статистическаго комитета было какъ нельзя болѣе удачно. Молодость, энергія, разносторонность науч-

ныхъ интересовъ Потанина и его работоспособность могли найти въ новомъ краѣ свое примѣненіе; но вышло иначе: въ 1866 году возникло дѣло о сибирскомъ сепаратизмѣ, и Потанинъ вмѣстѣ съ Ядринцевымъ и Шашковымъ былъ привлеченъ къ суду. Въ сущности, этому дѣлу было придано слишкомъ широкое и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ узкое значеніе. Двадцать-тридцать лѣтъ спустя приходилось разспрашивать объ этомъ дѣлѣ самихъ участниковъ, которымъ скрывать прошлое, давно забытое, было не зачѣмъ; говорилось объ этомъ съ посторонними людьми и... ничего узнать не удалось. Только архивы военнаго суда въ Омскѣ могутъ раскрыть намъ, какъ смотрѣли на это дѣло власти, что имъ подало поводъ придать этому дѣлу такой угрожающій характеръ? Въ существѣ дѣла никакого сепаратистскаго плана и не было, были только толки о томъ, что для Сибири нужны свободныя учрежденія. Это движеніе было просто отголоскомъ въ Сибири тѣхъ вопросовъ, которые занимали умы лучшихъ государственныхъ людей въ Россіи. Это были вопросы о земщинѣ. Если въ Россіи найдено было невозможнымъ оставить хозяйство и управленіе обширными областями въ рукахъ канцелярій, земскихъ судовъ и губернаторовъ, то въ Сибири подобная реформа была еще настоятельнѣе, и ненормальность канцелярскаго порядка тамъ чувствовалась гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Россіи. Въ русскихъ губерніяхъ чиновничество, особенно низшее, ближе стоявшее къ народу—было мѣстное. Оно, по крайней мѣрѣ, знало людей, среди которыхъ - жило. Перекочевывали изъ губерніи въ губернію только высшія власти, да и то не всегда. Переводъ чиновника изъ одной губерніи въ другую не могъ сильно измѣнять его матеріальное положеніе. Въ Сибирь же заманивались чиновники разными льготами: прогонами, суточными и подъемными и правами сибирской службы. Ѣдущій туда рѣдко заинтересовывался краемъ. Онъ ѣхалъ дѣлать карьеру, пріобрѣсти состояніе и затѣмъ бросить эту каторжную страну. Карательная ссылка и каторга удручали и раззоряли населеніе. Въ деревни и волости приписывали форменныхъ негодяевъ безъ всякаго спроса у общества. Видя все это вокругъ себя, молодежь не могла не скорбѣть о судьбѣ привольнаго края и его трудолюбиваго, стойкаго и предпріимчиваго населенія. Земли, которыя могли осчастливить вольнаго переселенца, населялись если не людьми, безусловно порочными, то во всякомъ случаѣ выбитыми изъ колеи, развращенными тюрьмой. Рядомъ съ администраціей, не любившей, не знавшей края, Россія давала новому краю только поселенцевъ. О томъ, какъ велись тамъ дѣла, какіе были порядки, много распространяться нѣтъ надобности. Черезъ 18 лѣтъ послѣ указа 1866 года, когда многое изъ предыдущей эпохи стало преданіемъ, императоръ Александръ III былъ пораженъ и огорченъ картиной сибирскихъ порядковъ и сожалѣлъ „о правительственномъ забвеніи столь обширнаго и богатаго края".

Нельзя и сомнѣваться въ томъ, что, если-бъ Сибири даны были тѣ же учрежденія, что и Россіи, жизнь ея представила бы черезъ два десятилѣтія не ту картину, которая вызвала столь суровый и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливый приговоръ.

Образованное общество чувствовало настоятельную потребность въ реформахъ; оно мечтало о поднятіи края, о созданіи компетентной и близкой къ нуждамъ его администраціи, объ университетѣ (лекціи Ядринцева), о народныхъ школахъ, о самоуправленіи.

Молодые люди, конечно, не щадили въ своей критикѣ мѣстной администраціи; можетъ быть, они иногда хватали черезъ край, приписывая большую часть золъ тому, что администрація страны почти поголовно состояла изъ лицъ, чуждыхъ краю, пріѣзжихъ, тогда какъ въ Россіи, гдѣ администрація была своя, мѣстная, само правительство вводило цѣлый рядъ реформъ; но всѣ эти горячія рѣчи были ничто въ сравненіи съ обвиненіемъ всего правительства въ забвеніи цѣлаго края. Для насъ поэтому не совсѣмъ понятнымъ кажется то суровое отношеніе, которое проявила власть къ молодымъ сибирскимъ дѣятелямъ. Кажется, тутъ сыграли главную роль обстоятельства, совершенно чуждыя Сибири. Польское возстаніе породило вопросъ о сепаратизмѣ; съ Польши онъ воинствующей прессой былъ перенесенъ съ чисто преступнымъ легкомысліемъ на всѣ окраины. Сепаратизмъ усматривался всюду, въ немъ видѣли корень всѣхъ золъ, и стремленія сибирской молодежи, которыя многихъ задѣвали, многихъ обличали, были подведены подъ обухъ сепаратизма. Военный судъ первоначально приговорилъ главныхъ виновниковъ къ смерти и только потомъ кара была смягчена для однихъ до каторги (Потанинъ), для другихъ—до ссылки. Біографъ Потанина, П. П. Семеновъ, говоритъ, что Потанинъ несъ свою каторгу со свойственной ему спокойной выносливостью и кротостью. Отъ товарища Потанина по несчастью, покойнаго Ядринцева, мы знаемъ, что за этой мягкостью, спокойствіемъ и кротостью крылась невидимая, но громадная нравственная сила.—„Я попалъ подъ судъ юношей,—разсказывалъ мнѣ покойный Николай Михайловичъ—и когда намъ объявили первоначальный приговоръ, я совершенно упалъ духомъ, растерялся, невыразимая апатія охватила меня. Серафимъ Серафимовичъ Шашковъ, человѣкъ съ большимъ характеромъ, былъ нервенъ, озлобленъ, настроеніе его было приподнятое, вызывающее. Потанинъ же то удивлялъ, то злилъ насъ. Сидитъ себѣ по цѣлымъ днямъ, да нѣмецкія книжки читаетъ".

Приговоръ и въ своей смягченной формѣ былъ достаточно суровъ; но имъ только и ограничились всѣ мѣропріятія противъ предполагаемаго зла.

Никто не подумалъ о томъ, нѣтъ ли въ планахъ молодыхъ людей кое чего, кромѣ преступныхъ намѣреній? Нѣтъ ли въ ихъ наивныхъ мечтахъ отголоска дѣйствительныхъ нуждъ края, не нашед-

шихъ еще своихъ выразителей? Дѣло ограничилось одной остраской.

Въ 1872 году кончилась каторга для Потанина, началась ссылка. Сколько бы она продлилась, неизвѣстно,—если бы не ходатайство Географическаго общества, которое въ 1874 году добилось возвращенія правъ Григорію Николаевичу. Попавъ послѣ десятилѣтняго бездѣйствія въ Петербургъ, Потанинъ сталъ сразу нужнымъ для науки человѣкомъ: въ одномъ изъ цѣннѣйшихъ трудовъ нашего географическаго общества—переводъ „Азіи“ Риттера съ дополненіями—томъ дополненій, посвященныхъ Алтайской и Саянской горнымъ системамъ, обработанъ П. П. Семеновымъ вмѣстѣ съ Потанинымъ.

Съ 1876 года начинается періодъ экспедицій Потанина въ Монголію и юго-западный Китай къ окраинамъ Тибета и продолжается съ небольшими перерывами до 1894 года включительно. Перечислять результаты работъ этихъ экспедицій нѣтъ надобности. Много было и другихъ экспедицій въ восточную Азію, большинство ихъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ работъ этого рода; но, не уменьшая ничьихъ заслугъ, мы всетаки скажемъ, что вообще Потанинъ еще ждетъ своей оцѣнки. Достаточно сказать, что теперь изученіе Монголіи безъ работъ Потанина абсолютно немыслимо. Къ нимъ обратится и натуралистъ, и историкъ, и этнографъ. Чтеніе его книгъ не представляетъ ничего занимательнаго для обычнаго любителя описаній путешествій. Это—дѣловые дневники, которые надобно изучать, дневники типа старыхъ путешественниковъ, въ родѣ Палласса и Гмелина, которые не теряютъ своей свѣжести съ годами. Краткость и подробность, умѣнье схватить и изложить многое въ короткихъ словахъ, потому что они много знаютъ и ничего не упускаютъ изъ вида, отсутствіе всякаго краснобайства и интересничанья—всѣ эти драгоцѣнныя черты старыхъ путешественниковъ мы видимъ и въ Потанинѣ.

Слѣдуетъ сказать еще два слова и объ общемъ характерѣ экспедицій Потанина. Онъ въ своихъ экспедиціяхъ думалъ не только о томъ, что онъ привезетъ съ собой домой, но и о томъ, что самъ онъ принесетъ въ дальнія края. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ настоящимъ апостоломъ цивилизаціи и гуманности. Добрая память, пріязнь и благодарность за добрые совѣты, за ласковое и гуманное обхожденіе—вотъ наслѣдство отъ путешествій Потанина въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ бывалъ.

Въ 1892 году Григорій Николаевичъ отправился въ свою послѣднюю экспедицію—въ западный Китай и въ Тибетъ. Прекрасно задуманная, хорошо снаряженная и обширная, экспедиція эта обѣщала громадные результаты; но здѣсь постигъ его роковой ударъ. Во время странствій своихъ онъ потерялъ свою жену, своего неизмѣннаго товарища дальнихъ путешествій, дѣятельнаго, заботливаго помощника и повѣреннаго его мыслей,

предположеній и плановъ. Никто такъ не понималъ, никто такъ не умѣлъ не только цѣнить, но и критиковать и поддерживать въ трудныя минуты и въ пути, и за письменнымъ столомъ, и среди практической дѣятельности, какъ эта замѣчательная женщина съ ея самороднымъ крупнымъ умомъ и крайне оригинальнымъ складомъ мысли. Тяжела была утрата, многое невозвратно погибло вмѣстѣ съ ней; но тотъ, кто читалъ ученыя книжки послѣ приговора военнаго суда, не потерялся, не погибъ, не заглохъ и послѣ этого, можетъ быть, еще болѣе страшнаго испытанія. Дальнихъ экспедицій не дѣлалъ больше Потанинъ; но и не забросилъ совсѣмъ своей дѣятельности. Уже изъ Петербурга сдѣлалъ онъ поѣздку на Хинганскій хребетъ, закончилъ свой большой трудъ по сравнительному изученію народныхъ литературъ *). Та же отзывчивость, тотъ же интересъ ко всему свѣжему и живому въ наукѣ и жизни составляютъ до сихъ поръ преобладающія черты его вкусовъ и характера.

Въ бытность свою правителемъ дѣлъ восточно-сибирскаго отдѣла Географическаго общества, съ 1887 по 1889 годъ, Потанинъ положительно оживилъ это учрежденіе; но напрасно было бы думать, что Потанинъ наполнилъ Отдѣлъ самимъ собой, своими трудами. Его самого почти не видно въ этомъ періодѣ его кипучей дѣятельности. Онъ желалъ и умѣлъ давать работу другимъ, и только человѣкъ, близко знакомый съ дѣломъ, могъ разглядѣть, что за всѣмъ этимъ стоитъ руководящая личность, вкладывающая неизмѣримо больше труда въ эти черновыя работы, чѣмъ сами авторы. Не одинъ географическій отдѣлъ, но и вся общественная жизнь Сибири живо интересовала Григорія Николаевича. Онъ никогда не былъ и не могъ сдѣлаться присяжнымъ спеціалистомъ по чистой наукѣ и не желалъ этого. Его сильно интересовала и захватывала жизнь,

И до сѣдинъ молодые порывы
Въ немъ сохранились прекрасны и живы.

Отъ того его такъ любила молодежь, такъ хорошо и просто чувствовала себя съ этимъ старикомъ, у котораго уже было за плечами полвѣка невзгодъ, жизненныхъ испытаній, пережитыхъ лишеній и опасностей и упорнаго, неустаннаго труда.

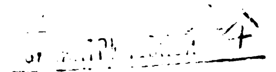
Ему теперь семьдесять лѣтъ и онъ трудится, какъ прежде, борется съ жизнью и за жизнь, съ ея невзгодами. Не настанетъ ли, наконецъ, въ его жизни пора давно заслуженнаго, если не отдыха, то спокойнаго существованія, какъ человѣка, который никому не сдѣлалъ зла, никому не мѣшалъ, а помогалъ всякому, кому могъ?

Д. Клеменцъ.

*) Этотъ трудъ теперь переводится на нѣмецкій языкъ.

Редакторъ-Издатель: *Вл. Г. Короленко.*

Дозв. ценз. 28 сентября 1905 г. Спб., Типогр. Н. Н. Клобукова. Лиговка, № 34.

3 2044 014 628 51

